наш XX век

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ

ДЗАСОХОВ

КАК МНОГО СОБЫТИЙ ВМЕЩАЕТ ЖИЗНЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Большую часть жизни А.С. Дзасохов был связан с внешнеполитической деятельностью, а точнее – с ее восточным направлением. Занимался Востоком и как практический политик, и как исследователь. Работая на международном направлении более пятидесяти лет, встречался, участвовал в беседах с первыми президентами, премьер-министрами и многими другими всемирно известными лидерами национально-освободительных движений. В 1986 году был назначен Чрезвычайным и полномочным послом СССР в Сирийской Республике. В 1988 году возвратился на работу в Осетию. В 1998 году избран Президентом Республики Северная Осетия – Алания. В этой книге автор постарался передать многое из того, что лично пережил, продумал за несколько десятилетий и чем захотел поделиться с широким кругом читателей, с новым поколением политиков.

- Александр Сергеевич Дзасохов
  - ○
  - ○ Зачем нужны воспоминания
  - ○ Глава 1
    - ■ Начало пути – награда судьбы
    - ■ В международном молодежном движении
    - ■ Куба небольшая страна, но большая в современной истории
    - ■ Ясуси Акутагава: великий музыкант и политик
    - ■ Переворот в Алжире. Футбол и политика
    - ■ Путешествие на Огненную Землю
    - ■ Между ЦК и МИДом
    - ■ Поднявшие знамя борьбы с колониализмом
    - ■ Терроризм в политической упаковке
    - ■ Как Арафат добился встречи с Брежневым
    - ■ В Пномпене после свержения Пол Пота
    - ■ От Пономарева до Добрынина
    - ■ Посол СССР в Сирии. Время Хафеза Асада
    - ■ Нью-Дели отменяется. Где родился, там и пригодился
  - ○ Глава 2
    - ■ Новый уровень задач
    - ■ Комитет по международным делам: кто есть кто?
    - ■ Визит Ярузельского: поиск правды о Катыни
    - ■ Афганский узел

- Советско-американский ринг: проблемы СНВ
- На Мальте штормовая погода
- Европейский процесс – парижская хартия
- Трудные дискуссии по Германии
- Почему СССР не спешил вступать в Совет Европы
- Кремлевский прием губернатора Арканзаса
- О пользе общения с оппозицией
- Франсуа Миттеран: мудрый взгляд из Елисейского дворца

○ Глава 3
- Новое Политбюро
- Перестройка с превышением скорости
- Политические игроки и линии раскола
- Бурные споры в Кремле
- На старой площади
- Алма-Ата. Доверительная миссия
- Съезд в Минске

○ Глава 4
- Какая программа нам нужна?
- Конвергенция и изменившийся мир
- Авторы и действующие лица
- «Еврокоммунизм» и «демократический социализм»
- «Социализм будущего»
- Политическое любопытство из-за рубежа
- С чем выходить на партийный форум?
- Разрушительное противостояние
- Бессонная ночь

○ Глава 5
- У бастующих шахтеров Донбасса

○ Глава 6
-
- Обошлось без гражданской войны
- Обретение равновесия
- Мандат доверия
- Номенклатурная чехарда
- В политике новой России
- Реформаторы в КПСС и «демократы»: позднее прозрение и несостоявшийся диалог
- «Кто идет?»

○ Глава 7
- Распад СССР: конфликтов стало больше, чем горных вершин

- Возвращение членов Политбюро на историческую родину
- Притяжение родины. Второе вхождение в буйный Терек
- Принуждение к миру и крах «революции роз»
- Рыхлое государство 1990-х: вызов сепаратизма и экстремизма
- Время не властно над масштабами трагедии
- Отечество в опасности – поворот к укреплению государства
- Центр и республика: выстраивание отношений
- О состоятельности республиканской власти
- Культура и традиции – источник духа и силы
- Мысли вслух

○ Глава 8
-

○ Эпилог

Александр Сергеевич Дзасохов
Как много событий вмещает жизнь

© А.С. Дзасохов, 2019
© «Центрполиграф», 2019

Зачем нужны воспоминания

XX век вместил в себя огромное количество масштабных политических событий. Историческое время было заряжено на космические скорости, практически каждое поколение моих соотечественников за свою жизнь прошло через несколько политических эпох. Немногим более ста лет назад существовала Российская империя. Родившиеся в ней люди оказались современниками революций и мировых войн. В XX веке при жизни двух-трех поколений была создана и сформировалась мощная мировая держава, СССР. В результате событий, подобных политическому землетрясению, держава распалась, на ее месте возникли новые молодые государства. Каждой эпохе соответствовало собственное мировоззрение, собственная политическая культура. Воспоминания пишутся, чтобы сохранить историческую память и преемственность, взять в настоящее то, что служило национальным интересам, не перечеркивать каждую страницу истории. Такое желание стало одной из причин, побудивших меня написать эту книгу.

В тумане повседневной конъюнктуры, а политику он покрывает часто, много ошибочного, не выдерживающего проверки временем. События и люди становятся гораздо лучше понятны, когда пыль истории осядет, прожитая эпоха завершится. Поэтому политику, оценивающему факты, к которым он лично причастен, которые имеют большое значение не только для прошлого, но и для настоящего, крайне важно «зажать» себя, удержаться от одностороннего, а тем более от тенденциозного взгляда. Только тогда картину происшедшего в его изображении можно считать неискаженной, а предпринятый анализ – относительно полным. Трудно сказать, достигал ли когда-нибудь кто-то из политиков такой беспристрастности. Но это не означает, что к ней не надо стремиться. В этой книге я пытаюсь сделать это по мере возможности.

Размышляя о событиях прошлого, я не ограничивал себя только документальными, официальными источниками. Разумеется, охватить всю палитру фактов было невозможно. Книга во многом автобиографична, основана на личных впечатлениях.

Человек и политика. Какой смысл я вкладываю в эти слова? Человек может реализовать себя в разных областях. В науке или литературе, технической мысли или экономической деятельности, военном деле или врачебном искусстве. Политика – одна из таких областей. Это серьезная профессия. Хотя она

обладает огромной спецификой, здесь тоже есть свои профессионалы и дилетанты, мастера и приспособленцы. В политику можно попасть случайно, в результате стечения обстоятельств, а можно прийти в молодости, обдуманно, с увлеченным настроем, и уйти уже в почтенном возрасте.

Я часто размышляю о том, как сложились судьбы политиков моего поколения. Тех, кто вышел из «советской шинели», прошел через комсомол, был членом КПСС, а потом окунулся в бурную политическую жизнь эпохи перестройки и последующих лет. Многие уже написали свои мемуары. Никогда не выступал в качестве судьи, но мне кажется, что лучшие из них те, где рассказ о минувших событиях не пытаются вести на языке сегодняшнего дня, не подменяют достоверность истории ее более поздними политическими оценками. Убежден, что нельзя при подведении жизненных итогов бросать камни в прошлое. Возможно, в этом есть некоторая привлекательная театральность, но нет правды. Образно говоря, все мы, политики, сформировавшиеся во второй половине прошлого века, ответственны за то, что было вчера. Но мы ответственны и за то, чтобы объяснить это «вчера» более молодым поколениям. В этом заключается наша сегодняшняя ответственность. Иначе разрушается преемственность, общество рискует оторваться от исторических корней. Прошлое должно служить настоящему. Россия XXI века должна использовать отечественные знания, накопленные в веке XX.

Многие представители моего поколения, имевшие богатый политический, управленческий, хозяйственный опыт еще советской эпохи, за это время сменили по пять-шесть партий. Для меня же, как и для некоторых других, это было невозможно, как невозможно за одну человеческую жизнь прожить пять-шесть биологических жизней. Думаю, для настоящего политика существует одна главная партия – партия судьбы страны, партия народа. И чтобы состоять в ней, необязательно перепрыгивать из одной политической организации в другую.

Часто утверждают, что политика – дело грязное. После полувекового нахождения в политике, когда подходит время подведения итогов, я бы не спешил с односторонними обобщениями. Как в музыке или на полотне художника, здесь надо видеть разные тональности и оттенки.

Я бы сказал, что политика – дело нужное. Но при этом очень ответственное и содержащее в себе огромные риски. Как для самого политика, так и для огромного числа людей, которые зависят от его решений, от его интуиции и понимания сути событий. Чем выше политическое положение, тем больше мера ответственности. И тем глубже политику надо вдумываться в

происходящее. Как говорил один из семи мудрецов Древней Греции Биант, «думаю, затем действую».

Многие годы я был связан с внешнеполитической деятельностью, а точнее – с ее восточным направлением. Занимался Востоком и как практический политик, и как исследователь. Изучал процессы, связанные с обретением бывшими колониями государственной независимости после Второй мировой войны. Работая в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки, устанавливал контакты с руководителями государств, возникавших на этих континентах, с лидерами национально-освободительных движений. Впоследствии был назначен Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Сирийской Арабской Республике, которая для советской внешней политики являлась приоритетной страной на Ближнем Востоке. И все это время был в курсе того, что происходит на родине, жил прежде всего ее жизнью. Я полностью согласен с философом Джорджем Сантаяной, который писал, что «ногами человек должен врасти в землю своей родины, когда глаза его обозревают весь мир».

Работая на международном направлении более пятидесяти лет, я встречался, участвовал в беседах с первыми президентами Египта – Гамалем Абдель Насером, Алжира – Ахмедом Бен Беллой, Гвинеи – Секу Туре, Танзании – Джулиусом Ньерере, Сирии – Хафезом Асадом, Кипра – архиепископом Макариусом, кубинским лидером Фиделем Кастро, президентом Франции Франсуа Миттераном, премьер-министрами Индии и Вьетнама Индирой Ганди и Фам Ван Донгом, Генеральными секретарями ООН Бутросом Гали и Кофи Аннаном, со многими всемирно известными лидерами национально-освободительных движений. В этой книге хочу рассказать о них, о многих других политиках, с которыми встречался в течение жизни в ходе рабочих поездок в более чем 70 стран. Вообще хочу рассказать о судьбе человека в политике.

Освободительное движение колониальных народов выдвинуло целую плеяду ярких личностей, о которых говорится в книге.

Вклад нашей страны в освободительную борьбу был огромным. Не увидеть эту историческую правду означало бы неоправданно недооценить роль советской дипломатии.

Многие события, участником и свидетелем которых я был, произошли достаточно давно. Понятно, что в ходе работы над рукописью надо было освежить в памяти точные даты, иногда имена действующих лиц. Что делать? Получил согласие Министерства иностранных дел просмотреть написанные мною

три, а иногда четыре десятилетия назад шифротелеграммы из столиц зарубежных государств – Гаваны, Каира, Бейрута, Дамаска, Луанды, Дели и других. Сотрудники Архива МИД (это настоящее сокровище) подобрали все, что меня интересовало. Несколько дней работы. Просмотрел тексты. Казалось, прочитал, уточнил. Но нет. На память приходят эмоционально окрашенные воспоминания. Чувства – как после долгого полета в прошлое.

В конце 1980-х годов моя работа на внешнеполитическом направлении дополнилась активным участием во внутриполитической жизни СССР и современной России. Я оказался во главе областной партийной организации КПСС в Северной Осетии, откуда родом, где вырос и получил образование. Затем снова попал в Москву, был избран председателем Комитета по международным делам и членом Президиума Верховного Совета СССР, а позже членом Политбюро и секретарем ЦК КПСС.

После распада СССР потребовалось многое осмыслить и проанализировать, с тем чтобы определить сферу своей будущей деятельности. Я делал это в увязке с собственным пониманием интересов государства, его судьбы. Поэтому значительная часть книги содержит анализ и оценки сложных процессов и событий того времени.

У молодого поколения нет опыта, связанного со словами «перестройка» и «гласность». Но каждый человек более зрелого возраста вспомнит сегодня, сколько надежд мы возлагали на придание СССР нового ускорения, соответствующего глобальным изменениям. Сколько скал и подводных рифов приходилось обходить для того, чтобы обновленный СССР, оставаясь единым, мощным государством, сохранял и приумножал закладываемый в него потенциал обновления. Но тайной за семью печатями для многих является детально разработанный, но так и оставшийся не реализованным проект программы КПСС.

Оглядываясь назад, спрашиваю себя: была ли неудача тех начинаний предопределена? Не могу ответить на этот вопрос утвердительно. Советский Союз имел реальный исторический шанс стать мощной демократической державой, объединяющей значительную часть народов Евразии в единую многонациональную общность, гармонически сочетая их экономические, культурные, социальные, политические интересы, упреждая разрушительные конфликты.

Думаю, в этой книге содержится хотя бы часть ответа на трудный вопрос, почему реальный ход событий оказался иным. Трудности исторического перехода были многократно усугублены несовместимостью личностей М. Горбачева и Б. Ельцина,

взявшего курс на расшатывание устоев СССР. Перестройка двигалась с опасным превышением скорости. Реформирование общества порождало массу проблем, предвидеть которые заранее не мог никто. Предварительно выверенных, проверенных, апробированных практикой решений не существовало.

В результате многообещающий реформаторский проект потерпел неудачу, произошла дезинтеграция СССР. Но значит ли это, что та эпоха останется потерянным временем?

Считаю, что нет. Сохранился некий неуничтожаемый «генофонд» тех событий, общественных устремлений, идеалов справедливости. Прежде всего – результат духовный, морально-этический. Незримый, но реальный и чрезвычайно важный. Остался бесценный человеческий опыт.

Эхо распада СССР оглушительно пронеслось по всей стране. Но особенно громким оно было на Кавказе. Здесь грохот разрушающегося государства как бы отразился от сотен горных вершин и обвалил на головы людей лавины бедствий. На поверхность вышли образы старых обид, породившие межнациональные конфликты.

Всегда надо помнить и о том, что Кавказ является местом огромного числа народов, многие из которых пришли из глубины веков. С этим связано этническое, конфессиональное, языковое культурное разнообразие Кавказа, которое с особой силой проявляется в периоды крупных политических перемен.

Каждый крупный политик – выходец с Кавказа получал тревожные сигналы со своей исторической родины. Во всегда успешном Азербайджане за короткое время воцарилась атмосфера неопределенности, экономического и социального кризиса. Пришедший к власти в Грузии Гамсахурдиа спровоцировал кровавые конфликты в Южной Осетии и Абхазии. Критическое положение сложилось на Северном Кавказе. Именно поэтому важная часть книги посвящена оценке событий того сложного времени, делам и судьбам кавказских политиков. Трудный путь к сохранению территориальной целостности на Юге России и очевидные результаты большой стратегической задачи стали важной вехой современной истории.

Я создавал наброски к этой книге несколько лет и за это время мог видеть, как меняются общественные взгляды и настроения в России и в мире. После распада СССР, политических изменений в странах социалистического содружества многие пытались представить дело так, будто бы закончился негативный период истории и начинается эра благоденствия. Но «конца истории», о котором в то время писал Фрэнсис Фукуяма, не произошло. Ни в нашей стране, ни где-то еще. Жизнь оказалась

намного сложнее. Но резервы для движения вперед большие. На первое место ставлю сосредоточение государственной политики и политической воли на выстраивании добрососедских и взаимовыгодных отношений с государствами и народами соседних стран, с которыми нас связывает история и советская эпоха.

Сегодня можно наблюдать, как под влиянием изменений в экономике, культуре, настроениях людей общественная мысль снова разворачивается в сторону поисков более справедливого общественного устройства. Это одновременно происходит во многих частях мира. Хотелось бы, чтобы эти процессы стимулировали возрождение левой общественно-политической мысли, но не поверхностной – радикальной и баррикадной, а по-настоящему глубокой, основанной на извлечении уроков истории и научном знании.

К сожалению, в наши дни весьма остро ощущается недостаток глубоких научных исследований общества. В последние годы общественные науки почти перестали подпитывать оригинальными, глубокими идеями и практических политиков, и само общество. Очень часто молодые люди, вступающие в жизнь, размышляющие о выборе профессии и будущей судьбе, не имеют целостной картины мира. Надо признать, что ни Интернет, ни другие высокотехнологичные инструменты передачи информации сами по себе создать такую картину не в состоянии. Поэтому нам, российским политикам, очень важно правильно использовать огромные возможности, предоставляемые информационной революцией. В том числе и для того, чтобы обеспечить подключение нашего общества и нашей политики к общемировым, общеевропейским общественно-политическим дискуссиям.

К сегодняшнему дню человечество накопило колоссальный потенциал политического опыта. Можно назвать десятки, сотни имен политиков мирового масштаба, которые прошли все ступени своей профессии от начала до конца. Я имею в виду вышедших в отставку лидеров государств, особенно тех, кто добился значительных политических результатов. Как писал Гегель, «сова Минервы, богини мудрости, вылетает в полночь», то есть тогда, когда политическая жизнь с ее борьбой, достижениями и неудачами уже прожита и наступает время познания истины. Поэтому, думаю, должен существовать регулярно, допустим, два раза в год собирающийся мировой политический клуб, состоящий из таких людей. Они уже не скованы текущими политическими обстоятельствами и обязательствами, поэтому их дискуссия о событиях сегодняшнего дня будет свободной, а голос прозвучит

авторитетно. Много раз я бывал на отечественных форумах, которые можно считать прообразом такого клуба, принимал участие во встречах бывших лидеров государств Азиатско-Тихоокеанского региона, по приглашению бывшего президента Южной Кореи, лауреата Нобелевской премии мира Ким Де Джуна.

Почему я с такой уверенностью говорю, что прошлый политический опыт важен для сегодняшнего дня? Ведь есть политики, которые так не считают. Им вчерашний день не нужен, ведь он уже прошел. В таком подходе заключена огромная ошибка. Политическая интуиция, аккумулированный опыт личности были и остаются нужными для задач и целей новых поколений.

Завершая работу над книгой, особенно почувствовал, как стремительно отдаляется от нас время великого противостояния, охватившее конец минувшего века. Чрезвычайно насыщенные и, несмотря ни на что, удивительно ярко прожитые годы, полные борьбы, риска, зримых побед и, увы, неудач.

Я старался передать многое из того, что лично пережил, продумал за несколько десятилетий и чем обязательно должен был поделиться с широким кругом читателей, с новым поколением политиков.

Глава 1
Лабиринты большого противостояния

Начало пути – награда судьбы

Моя молодость прошла в Осетии, по обе стороны бурного Терека. Родословная семьи Дзасоховых происходит из селения Бад Алагирского ущелья, на границе между Северной и Южной Осетией. В календаре 1892 года, который я берегу как фамильную реликвию, сказано, что Бад основан в 1390 году, то есть является одним из ранних поселений в горной части Осетии.

Моя же биография началась 3 апреля 1934 года. Я родился в семье потомственного железнодорожника Сергея Асабеевича Дзасохова. Мои школьные годы пришлись на послевоенную пору. Для нас, мальчишек, самыми выдающимися людьми были тогда фронтовики, прошедшие Великую Отечественную войну. Мы воспринимали их с таким же энтузиазмом, с каким в 1960-х годах наши сверстники относились к космонавтам.

Нашим соседом по улице был Агубе Хлоев, фронтовик, полковник, служивший после войны на Украине. Он был политработником, заместителем начальника военного училища. Хлоев, как многие в те годы, ходил в военной форме, у него была окладистая борода, и он производил впечатление человека интересного и невероятно много знающего. Когда я был в шестом-седьмом классе, он часто встречался с нами, школьниками, стремился приобщить к чтению политической и исторической литературы, даже дал мне несколько таких книг. Я забирался на чердак и погружался в чтение, хотя мало что понимал в прочитанном. Казалось, что я соприкасаюсь с чем-то очень важным. Такова была романтика той эпохи.

На формирование моего мировоззрения повлияла и художественная литература. Для меня и моих одноклассников существовал настоящий культ русского языка и русской классической литературы. Например, мы состязались в том, чтобы знать наизусть всего «Евгения Онегина», хотя в школе это не требовалось. Настоящим кумиром для нас был герой романа Этель Войнич «Овод». Мой одноклассник даже сделал себе шрам на щеке, чтобы походить на него. Тогда было модно наносить татуировки – этим мы стремились показать, что ничего не боимся, можем вытерпеть любую боль. Лунными ночами иногда совершали набеги на соседские сады, хотя те же фрукты росли в каждом дворе. Казалось, что такие поступки нас как-то закаляют.

Мой отец, человек доброжелательный, наблюдал за всем этим и, осуждая мальчишеские проделки, старался развивать во мне любовь к литературе. Он брал для меня в районной библиотеке почему-то стихи Байрона, Лермонтова, произведения Шекспира.

Отец работал начальником железнодорожной станции и гордился тем, что пошел по стопам своего отца, моего деда, который был машинистом. На семейном совете решили, что я, как старший среди пятерых детей, буду жить в основном у бабушки в г. Алагире. Отец постоянно находился в разъездах, но расстояния были небольшими, поэтому виделись мы часто. Помню, как вышестоящее начальство агитировало отца поехать учиться в Москву, однако он все время отказывался, поскольку хотел быть рядом с семьей, заниматься детьми. Он одинаково хорошо владел и русским, и осетинским языками. Коллеги-железнодорожники называли его Сергеем Петровичем. После того как отец вышел на пенсию, у него появилось больше времени, чтобы бывать на свадьбах, праздниках, других торжествах и, как водится в жизни, на похоронах. Я много раз слышал от земляков, что отец умел найти нужные слова и в радости, и в горе. Он был очень душевным человеком, пользовался огромным уважением всех, кто его знал.

Моя мать, Тамара Уруспиевна, по девичьей фамилии Тебиева, имела среднее финансовое образование, работала несколько лет, а потом на ее плечи легла забота о детях и ведение большого домашнего хозяйства. Именно благодаря ей наш дом отличался особой ухоженностью и гостеприимством. К отцу приходили сослуживцы-железнодорожники, друзья из райкома партии, из местного исполкома – многие в гимнастерках, а кто-то и при оружии, поскольку война закончилась совсем недавно.

В школе огромное внимание уделялось спорту и физической культуре. Наш военрук, капитан-фронтовик Иван Иванович, почти еженедельно организовывал десятикилометровый кросс. Иван Иванович пользовался среди нас непререкаемым авторитетом, как и те офицеры, которые ежегодно, ранней весной, на несколько дней приезжали в нашу школу, чтобы рассказать об армии и привлечь выпускников к поступлению в военные училища. Они не произносили патриотических речей, но своим присутствием в школе, рассказами о военных профессиях сумели убедить очень многих. Несколько моих одноклассников стали военными, служили потом по всему Советскому Союзу.

Моей заветной мечтой было поступить в военно-политическую академию. Но этому не суждено было сбыться, поскольку сразу после средней школы в академию не принимали. В г. Орджоникидзе (теперь Владикавказ) находился знаменитый горно-металлургический институт цветных металлов. В 1950-х годах среди учебных заведений своего профиля он считался вторым по значимости после Московского геолого-разведочного института цветных металлов. В моем Алагирском районе, где

сосредоточены богатые рудные месторождения, работали геологические экспедиции, так что представление о профессии геолога я имел с раннего детства. А потом и сам поступил в горно-металлургический институт. Лекции нам читал всемирно известный профессор Жуковский, один из лучших специалистов по алюминию; в институте работали Иван Остроушко, автор огромного количества учебников по горному делу, известные специалисты в области цветной металлургии Арон Давидсон, Алик Гуриев и Михаил Алкацев. Нам было у кого учиться.

Первую свою геологическую практику я проходил на границе с Китаем, на юге Читинской области. Сначала поездом отправился из Орджоникидзе до Москвы, потом снова поездом восемь дней до Читы, оттуда на машине до станции Борзя и, наконец, пешком до геолого-разведочного лагеря. Хорошо помню те места, до сих пор в моем архиве хранится отчет об экспедиции. Преддипломная практика была на Кольском полуострове. Доехав до Ленинграда, пересел на самолет, летевший в г. Апатиты, а оттуда на вертолете добрался до места назначения. Овладевать профессией было очень интересно, передо мной открывались огромные пространства нашей страны, которые я изучал и вширь, и в прямом смысле слова вглубь.

Но тяга к политике все равно дала о себе знать. Где-то на третьем курсе меня избрали секретарем комсомольской организации нашего института. Организация была большая – три тысячи человек. Сам вуз был многонациональным, здесь учились люди со всего Советского Союза, прошедшие разную жизненную школу – одни уже отслужили в армии, другие пришли со школьной скамьи. Институт был, как сегодня сказали бы, элитарным – студенты носили форменную одежду, получали повышенную стипендию. Не всем это нравилось. В городе было много хулиганов, местная шпана облюбовала для своих сборищ прилегающую к институту территорию. Нередкими были драки со студентами, в ход шло холодное оружие. Однажды хулиганы подкараулили и избили студента Женю Хорунжего, который шел со своей девушкой, отобрали часы. Тогда нашему терпению пришел конец.

В апреле 1955 года мы сначала широко разрекламировали, а потом устроили в институте вечер танцев. Был выходной день, и со всего города съехалась молодежь. Тогда мы закрыли двери и устроили всем обстоятельную проверку. За вечер изъяли 27 финских ножей и столько же свинцовых кастетов. Попались даже дети некоторых наших преподавателей. Надо сказать, что в формах обращения с преступной шпаной мы себя не ограничивали, применили физическую силу.

Это событие получило огромный резонанс. Комсомольцы избили хулиганов, хотя этого им никто не поручал. Расследованием занялся областной комитет партии. И первый секретарь обкома Владимир Агкацев, и секретарь по идеологии Билар Кабалоев, который непосредственно занимался изучением обстоятельств происшедшего, прекрасно понимали, что дальше терпеть хулиганство было нельзя. Но с другой стороны, мы как будто бы проявили самоуправство.

Расследованием на областном уровне дело не закончилось. Делегация наших студентов по моему поручению и при негласной поддержке ректора института Сергея Игнатьевича Крохина срочно выехала в Москву. Ребята во главе с Евгением Лосем попали в приемную Председателя Верховного Совета СССР Климента Ефремовича Ворошилова. Его сотрудники позвонили в обком партии, запросили дополнительные материалы. Областные власти отнеслись к этой поездке неодобрительно. Но мы отстояли свою правоту. За ту апрельскую операцию некоторые наши студенты, в том числе и я, получили в подарок именные часы от министра внутренних дел РСФСР генерала Тикунова.

После окончания института С.И. Крохин рекомендовал меня в аспирантуру. Огромного желания у меня не было, но к советам своего ректора я прислушивался. Однако вскоре меня избрали первым секретарем горкома комсомола, и я занялся этой работой, а одновременно на полставки оставался преподавать в институте.

На работу в Москву я попал совершенно неожиданно. В командировку в республику приехал Владимир Григорьевич Шипунов, заместитель заведующего Организационным отделом ЦК ВЛКСМ. Он знакомился с нашей работой, присматривался к кадровому резерву, несколько раз беседовал и со мной. Помню, мы сыграли с ним несколько партий в настольный теннис. У меня тогда была своя манера игры, и могу сказать, что первый секретарь горкома комсомола удачно посостязался с работником ЦК. Он уехал, ничего не сказав, но уже в конце февраля 1958 года меня вызвали в столицу, предварительно дав понять, что речь может пойти о переходе на работу в ЦК ВЛКСМ.

Перед отъездом мне дома успели сшить темно-зеленый костюм из купленной на толкучке ткани, чтобы я выглядел в Москве солидно. И это мне пригодилось, потому что после серии собеседований меня представили первому секретарю ЦК ВЛКСМ Александру Николаевичу Шелепину – одному из ключевых руководителей хрущевского периода. После комсомола Шелепин возглавлял КГБ, и считалось, что он может заменить Хрущева, а после его отставки – Брежнева. Помню, первый секретарь ЦК ВЛКСМ спросил у меня, могу ли я ездить верхом. Он

разговаривал со мной как с кавказцем.

Эта встреча оставила сильное впечатление. Комсомольский лидер Москвы в годы Великой Отечественной войны, Александр Шелепин был непосредственным организатором отрядов молодежи, направлявшихся на защиту столицы от врага. О нем писала талантливая фронтовая журналистка и замечательная поэтесса Маргарита Алигер в поэме «Зоя»:

> …В Москве, окруженной немецкой подковой,
> Товарищ Шелепин, ты был коммунистом
> Со всей справедливостью нашей суровой…

Талант Шелепина как молодежного лидера и незаурядного организатора еще больше раскрылся в должности первого секретаря ЦК ВЛКСМ в послевоенные годы, когда сотни тысяч молодых людей были мобилизованы на восстановление разрушенного народного хозяйства, отправлялись на освоение Сибири и Дальнего Востока. Имея прекрасное образование, выпускник философского факультета МГУ, Александр Шелепин видел и воспринимал послевоенный мир в реальном контексте.

В 1957 году под его непосредственным руководством проходила организация Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве – грандиозного события, имевшего большой международный политический резонанс. В Советский Союз приехали делегаты из десятков стран. Наша страна открывалась миру. Хорошо помню те дни. Я был студентом выпускного курса и делегатом Московского фестиваля, так что мне есть о чем рассказать и есть с чем аргументированно поспорить. Так и хочется процитировать великого поэта: «Да, были люди в наше время…»

Личность Шелепина обсуждали и при его жизни, и многие годы спустя. Все, кто помнит его, интересуется его достоверной биографией и личными качествами, сходятся во мнении, что Александр Николаевич обладал огромным потенциалом государственного и политического деятеля. Насколько позволяла эпоха, он был самостоятельной личностью с собственным мнением. Когда Н. Хрущев предложил Шелепину возглавить КГБ СССР, тот пытался отказаться, объяснял, что это не его работа. Однако Шелепина уговорили. Хрущев хотел его руками окончательно закрепить в сознании народа итоги XX съезда партии. Между тем Шелепин в самом начале работы во главе госбезопасности заявил: «Я хочу коренным образом переориентировать работу КГБ на международные дела, внутренние должны уйти на второй план».

А впереди его, как перспективного политика, ждали иные времена! Команда Л. Брежнева, сместившая Хрущева, начала оттеснять Александра Николаевича на периферию реальной власти методами, позаимствованными из работ Н. Макиавелли, но с советско-партийной спецификой. Создавалось впечатление, что Брежнев опасается, как бы волевой и авторитетный в народе Шелепин не организовал «дубль два», используя опыт смещения Хрущева в октябре 1964 года.

Молодежные лидеры советской эпохи, как правило, реализовывали себя на больших и серьезных направлениях работы, занимали впоследствии высокие государственно-политические должности. В то же время далеко не всегда их судьбы были безоблачны. Наиболее талантливых задвигали подальше. Николая Николаевича Месяцева, который многие годы работал секретарем ЦК комсомола, а позже был успешным руководителем Гостелерадио СССР, отправили послом в Австралию. Причем реальной причиной «катапультирования» Месяцева в Южное полушарие было его публичное недоумение по поводу оттеснения Шелепина от реальной власти.

Очень популярного руководителя комсомола Сергея Павловича Павлова называли «политическим Гагариным». И не только потому, что Юрий Алексеевич и другие космонавты, как и деятели культуры, вместе с вожаками комсомола были одной большой дружной командой, лицом советской молодежи. Мои почти девять лет работы в молодежном движении выпали на павловское время. Павлов заряжал окружающих энергией и новыми идеями. Когда речь шла о внимании к интересам и проблемам молодежи, он любого министра мог поставить на место. Казалось, что со своими яркими способностями Павлов перейдет на новый уровень государственных политических задач. Однако его неожиданно отправили руководить Комитетом по физической культуре и спорту при Совете Министров СССР. Но и там он показал себя, как и следовало ожидать, блестяще. В это время с огромным успехом прошла летняя Московская олимпиада. Школу Павлова на спортивном направлении прошли многие замечательные его товарищи, например Виталий Смирнов, который многие десятилетия, вплоть до настоящего времени, представляет нашу страну в Международном олимпийском комитете. Но боязнь возвращения Павлова в большую политику не покидала Старую площадь, и он был отправлен послом в Монголию, как в свое время В. Молотов, а после и вовсе в геополитическую глушь – в Бирму.

В качестве ответственного организатора орготдела ЦК ВЛКСМ я курировал Южный Урал – Челябинскую и Пермскую области. По

200–230 дней в году приходилось проводить в командировках. Десятки раз бывал на Магнитогорском металлургическом комбинате, на Челябинском трубопрокатном заводе, в Центральной России – в Пензенской, Тамбовской, Воронежской и других областях. Думаю, нет ни одного моего ровесника среди государственных и политических деятелей нашей страны, кто не прошел бы через комсомол. Я очень благодарен всем людям, с которыми в ту пору встречался и у которых учился.

Особенно запомнились командировки в военные округа. В ЦК ВЛКСМ тогда работал Алексей Михайлович Королев, заведующий военно-оборонным и спортивным отделом. Он часто приглашал меня в поездки по военным частям. Помню, мы в течение почти двух недель объезжали и облетали места базирования Тихоокеанского флота. Несколько раз с нами был командующий флотом адмирал Фокин. Когда мы подходили к кораблю, представитель командования докладывал ему о построении личного состава, а он говорил: «Отставить. Докладывайте представителю ЦК комсомола». Фокин понимал, что мы еще молодые люди, мало что сделали по сравнению с ним. Но своим поведением давал понять и нам, и морякам, сколь большая надежда возлагается на молодое поколение.

В 1961 году в связи с кончиной председателя Госсовета Германской Демократической Республики Отто Гроттоволя, а это был известный социал-демократ, примкнувший к социалистическому лагерю, Верховный Совет СССР объявил двухдневный всесоюзный траур. Такова была тогда солидарность между нашими странами. Но в тот же день Сергей Павлов отправил секретаря ЦК ВЛКСМ Лена Карпинского и меня в Магнитогорск, столицу металлургов всего СССР. Что там происходило? В день всесоюзного траура в городском парке был заранее запланирован вечер танцев. Молодежь промышленного города ожидала этого события, отдохнуть хотелось всем. А тут танцы отменяют. Почему? Местные ребята решили по-своему: танцам быть! И произошло столкновение молодых рабочих с милицией. Мы с Леном Карпинским целую неделю разъясняли, убеждали, отвечали на вопросы и претензии. Оставались, конечно, на стороне молодежи. Чтобы не разжечь костер непонимания, проводили встречи в разных коллективах, о многом беседовали. Позже я не раз бывал в Магнитогорске, общался и с теми горячими ребятами, но мы и дальше были с ними в одном строю.

Подчас комсомольцев того времени представляют этакими «роботами», слепо выполнявшими партийную волю. Это ошибочное представление. Молодость сглаживала многие

политические шероховатости. Время было яркое, с приключениями, богатое на выдумки, всякие хохмы, ведь мы были в той поре, когда хотелось радоваться, так вот эта жизнь была полна и розыгрышей. «Разводить» друг друга мы не только любили, но и соревновались в этом искусстве.

Об управделами ЦК ВЛКСМ Тигране Григоряне ходили легенды. Это был очень энергичный и способный человек. Всегда непоколебимо стоял на своих профессиональных позициях и в ходе подготовки к важным мероприятиям доходил до пика напряжения. Иногда ребята над ним подшучивали. Как-то Борис Моздухов, куратор комсомольских организаций Москвы, изменив голос под узбекского комсомольского лидера, позвонил Тиграну: «Только что из Ташкента прибыл состав с баранами для разнообразия меню делегатов молодежного фестиваля. Организуй разгрузку». И Григорян, привыкший все исполнять сразу, тут же направил на вокзал людей. И только потом понял, как его жестоко разыграли. Можно представить себе его реакцию!

Молодых работников ЦК комсомола, выходцев из самых разных концов страны, подключали к организации подготовки важных государственных и общественных мероприятий. Никогда не забуду, как на одном из них не сдержал слез Л.И. Брежнев. Это была очень естественная человеческая реакция. А дело было так. В 1963 году во Дворце пионеров на Ленинских горах в Москве проходила встреча с комсомольцами, в том числе с теми, кто участвовал в выполнении важных интернациональных задач. И вот на трибуну поднимается парень с костылем, ему в Алжире при ликвидации мин, оставшихся после войны, оторвало ногу. Напомню, Алжир настойчиво добивался независимости от Франции, каждый третий алжирец погиб в той войне, а потом наши молодые ребята помогали ликвидировать последствия военной поры. Вот этот парень-сапер и пострадал. Когда он начал рассказывать, что и как там происходило, зал замер. Мужество наших ребят в далекой стране потрясло всех. Леонид Ильич, выслушав, не выдержал, вышел за кулисы и там закурил, чтобы унять волнение. Он, фронтовик, не мог сдержать нахлынувшие эмоции. А потом дал указание помочь всем пострадавшим ребятам, нуждавшимся в медицинской поддержке.

Совсем по-другому вел себя Хрущев. Помню, как в 1960 году в Воронеже, центре российского Черноземья, проводили очередное всесоюзное совещание после сбора урожая. Вел его сам Никита Сергеевич. А как известно, в те годы у него была навязчивая идея: кукуруза везде – от юга до севера! И вот в президиуме сидит руководитель великой державы, другие ответственные товарищи. А на трибуну выходит секретарь

Пензенского обкома партии Сергей Михайлович Бутузов, очень образованный и успешный руководитель области. Он рассказал о собранном урожае, в том числе о кукурузе, и показал два початка. Хрущев тут же спрашивает: «А вес их каков?» Бутузов отвечает: «Где-то до 250 граммов». Помощник Хрущева Шевченко тут же хвать эти два початка, взвешивает и потом докладывает Хрущеву: меньше, нет 250 граммов. Как же вышел из себя мгновенно разбушевавшийся Хрущев! Начал кричать, унижать Бутузова, говорил всякие нелепости. Это тоже был урок жизни, только с негативной стороны – как нельзя поступать.

Руководитель такого уровня не должен опускаться до грубости, унижать собеседника. Это мы, молодые, понимали и учились, выполняя директивы, не терять души и человеческого участия. Те, кто идет в политику, должны четко знать, что от них потребуется.

В международном молодежном движении

Тем временем страна переживала период, получивший название политической оттепели. Расширялись международные контакты СССР, в том числе по линии общественных и молодежных организаций. Естественно, в нашей среде рос интерес к этой сфере деятельности, тем более что комсомол активно наращивал свои международные связи. Несколько работников ЦК комсомола начали дополнительно изучать иностранные языки. Я учил английский, и, возможно, это стало одной из причин, по которой секретариат ЦК ВЛКСМ направил меня на работу в Комитет молодежных организаций СССР, отвечавший за внешнеполитическое направление деятельности комсомола. В 1962 году я стал его ответственным секретарем.

Прошло много десятилетий со времени работы в международном молодежном движении, прежде всего в Комитете молодежных организаций СССР. Хочу подтвердить: это была незаменимая жизненная школа. Пожалуй, лучшая.

Простые слова. Но это правда. Встречаясь уже в наши дни, мы, бывшие сотрудники Комитета молодежных организаций СССР, вспоминаем то время с огромной благодарностью.

В международное молодежное движение я вошел нежданно-негаданно. Но тем не менее через главную дверь. Летом 1957 года вместе со студентами своего выпускного курса я был направлен на двухмесячные офицерские сборы в станицу Семашко Чечено-Ингушской республики. Но где-то через месяц получил уведомление, что включен в состав советской делегации на Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве. Более того – в состав политической группы, размещенной в главном здании МГУ имени Ломоносова. Мы и представляли нашу страну в большой политической программе фестиваля. Возглавлял ее Тамаз Джанелидзе, тогдашний первый секретарь комсомола Грузии.

С благодарным чувством вспоминаю Сергея Калистратовича Романовского, первого председателя созданного в 1956 году Комитета молодежных организаций СССР. В шинели фронтовика, с боевыми наградами Романовский поступил после войны в Институт международных отношений в Москве. Позже незаурядные личные качества вывели его на переднюю линию политической и дипломатической деятельности.

Я познакомился с Романовским летом 1957 года, на Московском молодежном фестивале. А через два года, когда Всемирный фестиваль молодежи принимала Вена, Романовский

пригласил меня туда в качестве своего помощника. К тому времени я уже был ответственным работником ЦК ВЛКСМ. Так что в Вене мы находились в самой гуще событий.

Знакомство и совместная работа с Романовским позже переросли в дружбу. Много лет спустя я уже в качестве члена Политбюро ЦК КПСС и председателя Комитета по международным делам Верховного Совета СССР приезжал в Мадрид на съезд правящей социалистической партии. Там находился и Романовский – в те годы он был очень успешным послом нашей страны в Испании.

Сменил Романовского в Комитете молодежных организаций Петр Николаевич Решетов. Человек уральской крепости духа, волевой, с неиссякаемой способностью вникать в суть вопросов, уважающий чужое мнение, лишенный чиновничьих привычек. Порядочный и надежный во всем. Своей работой Решетов подтвердил, что у Комитета молодежных организаций сильные лидеры. Позже его направили на работу в Гостелерадио, на смену легендарному Энверу Назимовичу Мамедову. И в журналистской среде Решетов оставил самые добрые воспоминания о себе.

С Петром Николаевичем мы никогда не были в формальных отношениях. Ни тогда, когда он был моим руководителем, ни после того, как я входил в состав политического руководства страны. В 1990–1991 годах Решетова, как правило, приглашали на заседания секретариата ЦК КПСС, где я часто председательствовал. Простых повесток дня не было. Обсуждения проходили в дискуссионной, полемической форме. Иногда после долгих дискуссий я просил Петра Николаевича задержаться и продолжить разговор.

Назову еще несколько очень способных парней из молодежного движения моего времени. Это Владимир Яровой, Саша Лебедев, Валерий Кузнецов, Юрий Данилов, Владимир Ломейко, Виталий Миляев… Всех и не перечислишь.

В истории и общественном сознании устоялось емкое понятие: «шестидесятники». Символами 1960-х по праву являются Евгений Евтушенко, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадуллина и другие. Все они выходили на главные трибуны советских и международных молодежных форумов. Дружили, как и космонавты и молодые ученые, с молодежными лидерами, с секретарями ЦК комсомола С. Павловым, Е. Тяжельниковым, Б. Пастуховым.

Молодежи присущ свободный, свежий взгляд на политические вопросы. Это помогало нам, работая на международной арене, многое делать для объединения молодежных движений самых разных взглядов. Не только левых и

социал-демократических. С нами в разных формах сотрудничали крупные молодежные движения стран Запада, причем уже в то время, когда там обострялась конфронтация с СССР. Международные молодежные форумы против ядерной опасности, конгрессы, посвященные борьбе за сохранение мира, были серьезным дополнением к общим усилиям нашего государства на международной арене.

В моих записных книжках и фотоархивах много материалов 1960-х годов. Постараюсь их сохранить и передать в архив истории советской молодежи, создание которого было бы полезным делом. Сейчас же расскажу о некоторых страницах деятельности КМО СССР с моим участием.

Первые же мои поездки за рубеж показали, что эта сфера деятельности отличается от всего, чем занимался раньше. Предстояла серьезная работа по изучению международного молодежного движения. Летом 1962 года меня направили от Студенческого совета СССР на конгресс Национального союза студентов Франции – ЮНЕФ. Эта организация стала своеобразной кузницей для многих поколений французских политиков и государственных деятелей. В котле ЮНЕФ переплавлялись представители французской молодежи разных убеждений, которые впоследствии становились министрами и даже возглавляли правительства своих стран. Через ЮНЕФ прошел и президент Франции Франсуа Миттеран.

На конгресс ЮНЕФ съехались гости из многих стран. Но политическая ситуация в мире была сложная, холодная война давала о себе знать. Нашу делегацию разместили в лицее под Парижем, и моим соседом оказался помощник германского канцлера Аденауэра по молодежным вопросам. Он был лет на пятнадцать старше меня, в молодости воевал в войсках рейха и несколько лет провел в плену под Саратовом. Вел он себя совершенно по-иезуитски – постоянно подсовывал мне сборник армянских анекдотов на русском языке, причем преимущественно политического характера. Но все же конгресс запомнился не этим, а присутствием там очень ярких молодежных лидеров из разных стран, которые впоследствии стали крупными, всемирно известными политиками.

1960–1970-е годы были наполнены жестким противостоянием двух мировых систем. Молодежное антивоенное движение было зеркалом того, что мир разделен: с одной стороны СССР и его союзники, с другой – США и страны НАТО. Во второй половине 1960-х годов произошла потрясающая вещь: молодежные движения социалистических и западных стран находили все большее взаимопонимание. Они были против роста ядерных

вооружений, расширения военных баз, военных интервенций, как это было во Вьетнаме, и т. д. Вот почему бывшие лидеры тогдашних молодежных организаций, в том числе и из другого политического лагеря, стали руководителями своих государств и политических партий. Это Герхард Шредер, который долгое время был лидером молодых социалистов ФРГ. Это Жозе Мануэл Баррозу, который в течение десяти лет был председателем Еврокомиссии (2004–2014 гг.), а в молодые годы возглавлял Союз студентов-маоистов Португалии. Известный польский политик, экс-президент Польши Александр Квасьневский был президентом Союза польских студентов. Фейсал Микдад, ныне первый заместитель министра иностранных дел Сирии, был секретарем Международного союза студентов, очень влиятельной по тем временам молодежной организации. Можно привести еще десятки фамилий нынешних политиков, известных и авторитетных, которые прошли школу становления в различных молодежных организациях.

Куба небольшая страна, но большая в современной истории

Шел 1963 год, когда мне предложили возглавить группу из трехсот молодых советских специалистов, отправлявшихся в длительную командировку на Кубу. Это решение было принято Центральным комитетом КПСС. Задачи перед нами были поставлены весьма ответственные. Наша группа должна была помочь кубинскому руководству провести административно-территориальную реформу и одновременно предоставлять консультации по самому широкому кругу вопросов – от экономического планирования и внешнеэкономической деятельности до размещения трудовых ресурсов и проектирования дорог.

Советско-кубинские отношения после Карибского кризиса на какое-то время ухудшились. Считалось, что, выведя свои ракеты с Кубы, СССР едва ли не предал кубинскую революцию. Но кубинский народ выбрал совершенно новый для страны социалистический путь развития, и поэтому советский опыт был для него крайне важен, специалисты из СССР ценились очень высоко. Нам предстояло закрепить это взаимное тяготение друг к другу, помогать процессу возвращения советско-кубинских отношений в традиционное дружеское, доверительное русло.

Отношения СССР и стран Запада тоже были осложнены Карибским кризисом. Гражданской авиации СССР было запрещено летать над территорией европейских стран, поэтому беспосадочные 14-часовые рейсы между Москвой и Гаваной выполнялись над Гренландией и Северным полярным кругом. Их совершали самолеты двойного назначения, типа Ту-114, – в советских Вооруженных Силах они использовались как стратегические бомбардировщики, а в гражданской авиации – для дальних перелетов. Потом, находясь в длительной командировке на Кубе, я несколько раз прилетал в служебные командировки из Гаваны в Москву именно на таких самолетах. Трансполярные перелеты были настолько сложны, что иногда экипаж возглавлял сам Витковский – Герой Советского Союза, руководитель отряда правительственной авиации СССР. Помню, мы подружились, и я даже подарил ему своего попугая, приобретенного на острове Пинос. На борту Ту-114 я встретил своего земляка, уроженца Осетии Александра Николаевича Агнаева, высокопрофессионального летчика, который посвятил меня в некоторые тайны самолета стратегической авиации Ту-114.

Огромная машина принимала на борт на этом необычном маршруте всего сорок человек, включая пассажиров и членов экипажа. Остальное пространство было занято топливом. Его должно было с запасом хватить на всю дорогу.

По понятным причинам попасть на Кубу по воздуху наша многочисленная группа не могла. Было решено, что через океан нас перевезет не океанский лайнер, а морской теплоход «Байкал», приписанный к Дальневосточному пароходству. На нем мы и вышли в Гавану из Ленинградского морского порта.

Во время путешествия Атлантику штормило. От морской болезни страдали все. Я заметил, что некоторые члены делегации, молодые экономисты и агрономы со Ставрополья или с Кубани, первый раз в жизни вышедшие в море, переносят качку легче, чем люди, прошедшие морскую службу. Мне, как руководителю группы, надлежало быть в форме, невзирая на любые капризы стихии. Поэтому по совету бывалых моряков я каждое утро съедал две-три тарелки борща, выпивал коньяку, и это помогало относительно спокойно переносить качку.

Меньше года прошло после окончания Карибского кризиса, когда мир находился в двух шагах от ядерной катастрофы. Кроме того, 1963 год – это год убийства президента США Джона Кеннеди. Оно вызвало новые осложнения в советско-американских отношениях и острейшую конфронтацию между США и Кубой. В любом случае, хотя к тому времени конфликт, связанный с размещением советских ядерных ракет на Кубе, разрешился благоприятно и для СССР, и для США, инерция подозрения в отношениях между двумя странами оставалась огромной. И вдруг в этой ситуации к берегам Кубы плывет советский теплоход, непонятно с кем или с чем на борту. За два дня до прибытия в Гавану над нами уже летали американские самолеты, сначала на больших высотах, затем спускаясь все ниже, а в конце и вовсе на бреющем полете.

Много лет спустя могу сказать, что «Байкал» действительно вез в Гавану «особо важный груз». Но он никак не был связан с оружием или чем-то подобным. Моя каюта находилась рядом с капитанской. Как руководитель советской делегации, я знал, что за стеной точно в такой же каюте на Кубу вместе с пятилетним сыном возвращаются сестра Фиделя Кастро Алиса и ее муж. Мне сказали об этом, когда «Байкал» уже покинул Ленинградский порт. В Советском Союзе супруги учились в консерватории, а когда обучение подошло к концу, возник вопрос, как им вернуться на родину. Разумеется, лететь через полярный круг, да еще с пятилетним ребенком, было нельзя, поэтому возник вариант с «Байкалом». Чтобы сделать путешествие родственников

кубинского лидера максимально безопасным, все держалось в строжайшей тайне.

На Острове свободы нашу делегацию ждали – в порту Гаваны, куда в пять часов утра причалил «Байкал», собрались тысячи людей. Я готовился к этой встрече, поэтому во время океанского путешествия старался заучить на испанском языке свою речь на митинге по прибытии в Гавану. Один из советских дипломатов, Михаил Кудрин, написал потом в своих мемуарах, что мое выступление без переводчика всех удивило.

Но на Кубе владение испанским требовалось не только для произнесения речей и повседневной координации деятельности советской группы. Я имел и другое, может быть, более важное, негласное поручение – установить от имени ЦК ВЛКСМ доверительные и добрые отношения с представителями руководства авторитетной и очень влиятельной общекубинской молодежной организации «Хувентуд Ребельде», в частности с третьим человеком в политической иерархии Кубы Джулио Эглесиасом. В отличие от других ярких представителей окружения Кастро, например аргентинца Че Гевары, Эглесиас родился и вырос на Кубе, был, что называется, коренным кубинцем, и это немало способствовало его популярности, особенно среди молодых кубинцев. Считалось, что при определенном стечении обстоятельств Эглесиас мог оказаться на самом переднем крае руководства Кубы. Подобные расчеты имели под собой основания: покушения на Фиделя Кастро происходили тогда столь часто, что быстрое выдвижение молодежного лидера на первую позицию в стране действительно было вероятным.

Наши встречи с Джулио, другими членами его организации, представителями кубинского руководства проходили в неформальной обстановке, после работы, причем часто я не брал с собой даже водителя: в полночь мог выехать из посольства, а под утро оказаться на другом конце острова. Все это укладывалось в динамизм и практику политической жизни на Кубе. Вскоре моим личным водителем по распоряжению Эглесиаса стал капитан Ривейра, очень надежный человек и, как мне говорили, один из лучших офицеров кубинских спецслужб. С ним мы исколесили всю Кубу.

Надо признать: строгим требованиям дипломатического протокола мое поведение не соответствовало, и это вызвало замешательство у представителей советской контрразведки на Кубе. Известно, что спецслужбы многих стран контролируют поведение своих дипломатов за рубежом. Разумеется, занимались этим и в нашем посольстве в Гаване. Скоро в Москву пошли шифровки, в которых говорилось, что Дзасохов якобы ведет себя

«неправильно». Однако там данное мне поручение считали весьма важным, поэтому соответствующим сотрудникам при посольстве порекомендовали «не распространять на Дзасохова режим наблюдения».

Впоследствии я не раз замечал за собой слежку и в других странах. Правда, занимались этим специалисты уже с другой стороны «железного занавеса». Сегодня могу сказать: под «крышей» Комитета молодежных организаций СССР действительно работали представители советской военной разведки и государственной безопасности, хотя это были единичные случаи. Очевидно, меня принимали за одного из них. Потом я узнал от коллег из КГБ, что мои передвижения по миру детально отслеживались и что сразу несколько западных спецслужб вели собственные досье на Александра Дзасохова. Одни считали меня офицером Главного разведывательного управления Советской армии, другие – высокопоставленным сотрудником КГБ. Понимаю зарубежных рыцарей плаща и кинжала. В странах, которые я посещал, шла национально-освободительная борьба или уже начиналось строительство независимой государственности. Причем и СССР, и США, и бывшие доминионы стремились упрочить в них свое влияние – часто в острой (явной или более скрытой от посторонних глаз) борьбе друг с другом.

Самое яркое впечатление, оставшееся у меня от первой командировки на Кубу, – это незаурядные люди, с которыми мне посчастливилось познакомиться там довольно близко. Причем как с кубинцами – молодыми революционерами, взявшими на себя ответственность за судьбу страны, так и с моими соотечественниками.

Послом СССР на Кубе был Александр Иванович Алексеев. Об этом человеке хочу сказать особо. Полагаю, что наше общество, историческая наука и даже художественная литература в большом долгу перед выдающимися представителями советской дипломатической службы. До сих пор написано очень мало ярких, правдивых повествований о талантливых дипломатах советского периода. Есть неплохие книги о дипломатах Российской империи: о Горчакове, Меншикове, графе Орлове. Это хорошо. Но советские дипломаты, находившиеся на переднем крае острейшей политической борьбы, составившие целую эпоху в истории внешней политики нашей страны, не получили пока должного внимания. Александр Алексеев – один из таких людей. Профессиональный разведчик, прошедший гражданскую войну в Испании, он был близким другом Фиделя Кастро. Познакомились они в Мексике, и надо полагать, не случайно. Фидель прибыл

туда после неудачного штурма казарм Монкада и именно там готовил кубинскую революцию. После ее победы Алексеев приехал на Остров свободы, занимал должность атташе по культуре советского посольства, оставаясь в действительности намного выше своего официального положения. Нашим послом на Кубе был тогда профессиональный дипломат Сергей Кудрявцев, но у него не сложились отношения ни с Фиделем Кастро, ни с другими членами кубинского руководства. Для того чтобы связаться с Москвой, Кастро чаще обращался к Алексееву, чем к Кудрявцеву, и в конце концов это заметил Хрущев. Весной 1962 года Алексеева вызвали в Москву и сказали, что советское посольство на Кубе возглавит он. В Кремле решили, что нашим послом должен быть человек, который сможет тесно работать с Фиделем. Так советский разведчик, имевший за плечами насыщенную событиями биографию, при помощи Фиделя Кастро стал советским послом на Кубе.

Алексеев был очень ярким человеком, профессионалом высшей пробы. Я сразу же поразился его умению безошибочно анализировать происходящее с государственных позиций, выделяя самое главное из огромного потока поступавшей в посольство информации. Это был человек высокой самоорганизации, сильной воли. Он мог не спать сутки, но заставить себя, чтобы передохнуть, уснуть на пятнадцать минут. Могу сказать, что я пользовался доверием и уважением Алексеева и платил ему тем же. Несмотря на тридцатилетнюю разницу в возрасте, общая работа нас сблизила, и к советскому послу на Кубе я относился как к старшему брату. Кубинцы в шутку называли нас Алехандро-старший и Алехандро-младший.

На Кубу я приехал с отличной командой специалистов. Она с честью выполнила свою задачу. С большой симпатией вспоминаю Владимира Бондарчука, блестящего организатора, позже работавшего торгпредом СССР на Кубе. Иван Ушачев стал академиком и вице-президентом ВАСХНИЛ, Василий Громов – советским послом в ряде латиноамериканских стран, Геннадий Глоба – руководителем торгового представительства СССР в Японии. Этот список можно продолжать.

Наша деятельность предполагала регулярные встречи и совещания с кубинским руководством, в том числе с Фиделем Кастро. Кубинский лидер особенно ярко проявлял себя, когда оказывался в гуще людей, выступал в качестве публичного политика. Каждый год 13 марта кубинцы отмечали годовщину нападения членов студенческой организации «Революционный директорат» на дворец диктатора Батисты. Это было одно из первых революционных выступлений на Кубе, и закончилось оно

неудачно. В 1960-х годах в этот день в здании Гаванского университета обычно проходило многочасовое, очень живое общение Фиделя Кастро со студентами. На огромной университетской лестнице собирались тысячи, а то и десятки тысяч человек. Там, а также и во многих других местах я имел возможность оценить политическое мастерство кубинского лидера. Каждый раз Фидель приезжал на встречи со студентами не из своего рабочего кабинета, а откуда-то из провинции, с тростниковой плантации или фермы, из порта или с табачной фабрики, где делают знаменитые кубинские сигары. Он всем своим видом подтверждал, что постоянно находится среди своего народа, живет его жизнью и интересами. Это давало огромный политический результат.

Фидель Кастро настолько доверял Алексееву и уважал его, что не раз, вопреки правилам государственного протокола, бывал в посольстве СССР и подолгу увлеченно беседовал с военными специалистами и политическим ядром дипмиссии, в состав которого входил и я, как представитель советского комсомола.

В моих архивах есть рукопись под названием «Неизвестный Дзасохов». Ее автор – генерал-лейтенант КГБ Евгений Трофимов, работавший в 1960-х годах на Кубе. В своих воспоминаниях он пишет: «Мое первое знакомство с Дзасоховым произошло в 1963 году. Я находился тогда на службе на Кубе…»

Воспроизведу только часть этих воспоминаний.

«…По далеко не случайному стечению обстоятельств Дзасохова разместили в Санта-Марии, в доме рядом с загородной резиденцией Чрезвычайного Посла СССР на Кубе Александра Алексеева, которая находилась в двух шагах от особняков политического руководства Кубы. Несмотря на внушительную разницу в возрасте (около 30 лет), два Александра – Алексеев и Дзасохов – вскоре не просто установили рабочие отношения, а по-человечески сдружились. В шутку их стали называть Алехандро-старший и Алехандро-младший, что вызывало у меня, откровенно говоря, некоторую тревогу. Проблема заключалась в том, что Алексеев, сегодня об этом уже можно говорить, был резидентом советской разведки. Постоянные контакты двух Алехандро не могли оставаться незамеченными, а в мою задачу, и об этом сегодня тоже можно говорить, входила, в частности, негласная охрана Дзасохова от чрезмерно любопытных глаз и ушей…

Когда спустя 14 месяцев Дзасохов окончательно возвращался в Москву, я стал свидетелем его прощания с Алехандро-старшим. Тот обнял Алехандро-младшего и сказал: “Все сделано блестяще!” Признаюсь, я с облегчением смотрел вслед уходящему в небо самолету. Мои пытки с постоянно фонтанирующим какими-то

трюками подопечным растворились в небе вместе с этим самолетом».

Человеком номер два на Кубе был Эрнесто Че Гевара. Его портреты висели рядом с портретами Фиделя, причем на такой же высоте. Каким он воспринимался тогда? По гражданству аргентинец, по профессии медик, всей своей жизнью Че Гевара доказал, что дух сильнее плоти. Я был хорошо знаком с Эрнесто. Помню поездки в провинцию Санта-Люсия, где находятся крупнейшие кубинские хромовые и никелевые месторождения. У «команданте Че» не было выходных, и он, по-моему, даже не понимал, что это такое. В воскресенье, когда кубинские политики отправлялись в провинцию на рубку сахарного тростника, Че Гевара тоже находился там. У него была астма, но он старался никак не показывать этого. Даже в жаркий кубинский полдень на тростниковых плантациях невозможно было понять, что этот человек страдает каким-то физическим недугом. Надо было видеть его глаза – всегда приветливые, улыбчивые, но одновременно мужественные и глубокие. Он имел колоссальную силу воли.

Год спустя я встретился с Че Геварой в Алжире на конференции Движения неприсоединения. Эти форумы собирали руководителей государств и правительств, представлявших огромный постколониальный мир – более ста стран. Я находился там в качестве советского представителя в Международном комитете по подготовке IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Че Гевара рассказывал, как его критикуют за трактовку партизанской войны. Особенно его возмущали обвинения в маоизме. Он был слишком самостоятельным, чтобы считать себя последователем Мао Цзэдуна. «Вы скажите в Москве, что я ни у кого не заимствовал свои идеи; отношение к партизанской войне – мое внутреннее убеждение. Латинская Америка должна быть освобождена от олигархов и латифундистов, и партизанская борьба – лучшее средство для этого», – говорил Че Гевара.

В следующий раз я попал на Кубу только в 1967 году. Тогда я был первым заместителем председателя Комитета молодежных организаций СССР. В Гаване открывалась конференция Организации солидарности народов Латинской Америки. Такого рода мероприятия, проводившиеся раз в два-три года, предоставляли континентальную трибуну для политических партий и лидеров стран Латинской Америки левой ориентации. Сначала в Москве решили, что нашу делегацию в Гаване возглавит первый секретарь Компартии Белоруссии Петр Машеров. Потом вместо него предложили кандидатуру первого секретаря Компартии Узбекистана Шарафа Рашидова. Но в конце

концов вместо них на конференцию поехал я.

Сейчас мне абсолютно ясно, почему так произошло. Кастро и его соратники в то время были весьма критически настроены по отношению к высшему руководству СССР, причем выражали свои взгляды открыто. В Гаване считали, что Советский Союз предает революционную Кубу и что началось это с Карибского кризиса, когда Москва вывела с Кубы ядерные ракеты. Позже, утверждал Кастро, Советский Союз не сдержал свои обещания о поставках на Остров свободы жизненно важных товаров, прежде всего продовольствия и нефтепродуктов. Более того, СССР не закупал в ранее оговоренных объемах кубинский сахар, чем, как полагал Фидель, вогнял в кризис кубинскую экономику, во многом основывавшуюся на сахарном экспорте.

Нельзя было не видеть, что советско-кубинские отношения серьезно испортились. Направить в этих условиях в Гавану высокопоставленного государственного деятеля Москва не могла. Положение осложняли идеологические разногласия. В СССР считали, что позиция Кубы и ряда латиноамериканских стран создает сложности в осуществлении политики разрядки и мирного сосуществования двух мировых систем. В Кремле в то время охладели и к Движению неприсоединения. Советское руководство пыталось улучшить отношения с Западом и в какой-то степени отдалялось от старых друзей и союзников из так называемого третьего мира.

Но означало ли все это бесповоротный отказ от сотрудничества с Кубой, с освободительными движениями в Латинской Америке, как пытались представить дело в Гаване? Полагаю, что нет. Разумеется, изменения, произошедшие в советской внешней политике после Карибского кризиса, не могли не сказаться на наших экономических и других связях. Но спад в отношениях наступил не навсегда. И важно было уметь ждать. Так и случилось. Москва и Гавана сегодня вновь стратегические партнеры.

В общем, в Гавану вместо кандидатов в члены Политбюро было решено направить Дзасохова как заместителя председателя Комитета молодежных организаций СССР. Вся советская делегация состояла из двух человек – меня сопровождал старший научный сотрудник Института Латинской Америки Сергей Семенов. На Кубе к нам прикрепили заведующего отделом ЦК Кубинской компартии Хосе Родригеса, который повсюду был рядом и показал себя убежденным сторонником укрепления советско-кубинских связей.

Заседания конференции проходили в гаванском кинотеатре имени Чарли Чаплина, вмещавшем две с половиной тысячи

человек. На конференцию приехали все лидеры коммунистического движения стран Латинской Америки. В президиуме, среди многих других лиц, Фидель Кастро, первый секретарь Компартии Уругвая Родней Арисменди, лидер чилийских коммунистов Луис Корвалан. Вот слово берет Кастро и обрушивается с острой критикой на руководство СССР. Его выступление то и дело прерывается аплодисментами. Огромный зал встает. И только Арисменди и Корвалан сохраняют невозмутимость. Я, разумеется, тоже не вставал и не аплодировал. В это время на меня были направлены сотни, если не тысячи глаз, и в моем положении оставалось только одно: сохранять самообладание, не поддаваться эмоциям и точно фиксировать происходящее. Я наблюдал за Корваланом и Арисменди. Своим спокойствием и даже некоторой отрешенностью от происходящего они, как мудрые, опытные политики, показывали, что до разрыва дело не дошло, что мосты, связывающие Советский Союз с его союзниками в мире, достаточно прочны и что тучи, временно закрывшие небо Гаваны, рассеются.

Вместо запланированных пяти дней конференция продолжалась три недели, в течение которых мы с Семеновым безвыездно жили в гостинице «Гавана-Либра». Кубинское руководство затягивало закрытие конференции, ожидая, как потом выяснилось, что в Гавану вот-вот прибудет Че Гевара, отправившийся несколькими месяцами ранее организовывать партизанскую борьбу в Боливии. Появление Че Гевары должно было воодушевить собравшихся, придать новую энергию антиимпериалистической борьбе. Так и случилось бы. Но тогда еще никто не знал, что «команданте Че» схвачен в боливийских джунглях, его подвергают жесточайшим пыткам и скоро казнят. Для меня он остался человеком-легендой. Уверен, что его имя переживет века.

Впечатления от пребывания на Кубе в сложный период ее истории, сразу после Карибского кризиса, встречи со многими политиками и военачальниками Кубы и теперь живут в моей памяти и сердце.

В рукописи этой книги уже была поставлена точка, когда весь мир узнал о кончине выдающейся личности, команданте Фиделя Кастро Рус. Я вернулся к тексту и добавил: «Время безвластно над его именем. Появятся новые биографы, будут споры о его взглядах и поступках. Придут времена, когда в его честь будут названы города, площади, корабли. Может быть, будущие поколения станут говорить, что Куба – это страна Хосе Марти и Фиделя Кастро».

Сейчас я отступлю от хронологического принципа изложения событий. Дело в том, что командировка на Кубу в августе 1967 года стала для меня последней по линии Комитета молодежных организаций СССР. Завершилась моя комсомольская работа, деятельность в КМО и молодежном движении в целом. «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым» – эти слова хороши в песне. Но рано или поздно приходит время переходить на другую работу. На своем примере хочу показать, как в СССР подбирались кадры. В начале 1967 года меня, видимо, «высмотрели» и взяли на учет. Одно за другим я получил два серьезных поручения.

Кубинской поездке на конференцию Организации солидарности народов Латинской Америки, о которой я рассказал выше, предшествовала командировка в Каир. В июне 1967 года, в ходе так называемой Шестидневной арабо-израильской войны, Египет потерпел поражение. Обстановка в Каире была накалена. В стране царила антисоветская истерия. На непрекращающихся митингах говорили о якобы ненадлежащей подготовке к войне по вине советских военных советников – с явной попыткой возложить ответственность на нашу страну. Именно в эти дни, когда разгорались политические страсти, в Москве было принято решение отправить делегацию в Каир. Было понятно, что впереди очень нелегкие выступления перед большими группами протестующих, многочисленные встречи, острые дискуссии. Делегацию возглавлял депутат Верховного Совета СССР, секретарь ЦК Компартии Узбекистана Рафик Нишанов. Состав делегации был сильным, в нее входил, например, первый заместитель председателя Гостелерадио СССР Энвер Н. Мамедов, талантливый политик и полемист, политический обозреватель газеты «Правда» Спартак Беглов и др. Дискуссии и выступления перед «улицей» – занятие достаточно серьезное и рискованное. Толпа может понять и поддержать, но может и снести – в прямом и переносном смысле – на обочину политики. По общему мнению, основная тяжесть работы выпала главному муфтию Духовного управления мусульман Советского Союза Зиауддину Бабаханову и мне как представителю Комитета молодежных организаций СССР. Бабаханов ежедневно проводил молитвы в знаменитой мечети Аль-Азгар в Каире, а потом выступал перед верующими. Он делал очень много для восстановления доверия между двумя народами. Возможно, такое было бы не под силу иному крупному политику или дипломату. А я встречался с тысячами молодых офицеров и бойцов египетской армии.

Помню, как недалеко от Каира, в Сахара-Сити, собралось около трех с половиной тысяч египетских военнослужащих –

раздосадованных поражением, в запальчивом настроении. Мне же предстояло подняться на трибуну и защищать позицию моей страны, находить аргументы, верные слова и выражения.

Недружественные настроения в Египте уходили. Наша делегация, видимо, внесла свой скромный вклад в это важное дело. Ситуацию уверенно взял под контроль Насер, первый президент Египта. На гребне народного недовольства после поражения в войне с Израилем он, как известно, заявил о намерении уйти в отставку. В ответ египтяне по всей стране вышли на улицы, требуя от Насера остаться лидером народа и президентом страны.

Ясуси Акутагава: великий музыкант и политик

16 сентября 1964 года в Кремлевском Дворце съездов состоялось открытие Всемирного форума солидарности молодежи и студентов «За национальную независимость, свободу и мир». Накануне в десятках стран на разных континентах прошли массовые мероприятия в поддержку Всемирного форума в Москве. Во многие страны были направлены делегации Комитета молодежных организаций СССР (читай: ЦК комсомола по решению ЦК партии).

Мне предстояло отправиться в Токио. Там я должен был встретиться со всемирно известным композитором и дирижером Ясуси Акутагавой. Поездка не была связана с его музыкальной деятельностью. Надо было подробно и доверительно обсудить возможность личного участия Акутагавы в предстоящем форуме молодежи в Москве и объяснить, какое важное значение здесь придают приезду японской делегации. Акутагава возглавлял молодежное крыло социалистической партии Японии, которая в 1960-х годах была, пожалуй, самой влиятельной в стране. Японские социалисты неизменно входили в руководство Социнтерна. Поэтому Акутагава пользовался большой известностью в молодежном мире.

Маршрут моего полета в Токио был оптимальным и позволял не засвечиваться. Сначала авиарейс Москва – Копенгаген авиакомпании SAS северным маршрутом (через Северный полюс). До Копенгагена я долетел благополучно, но потом возникли проблемы. Меня отказались регистрировать, сославшись на то, что есть ограничения для полетов по этому маршруту представителям некоторых национальностей. Спрашиваю: где об этом сказано? Приносят толстенный сборник текстов с подшитыми циркулярами. Там перечислены национальности, представителям которых (не гражданам государств) полеты северным маршрутом запрещены. Почему, до сих пор не знаю. Абсурд. Я заявил, что не принадлежу ни к одной из перечисленных в циркуляре национальностей. Сказал, что я осетин с Кавказа. В мыслях не допускал возможности, что важное поручение, ради которого лечу в Токио, сорвется. Помню, что я очень возмутился и, апеллируя к правам человека и международному праву, потребовал дополнительных объяснений. Сказал о своем праве самому выбирать рейс. На шум вышел командир другого авиалайнера. Он сказал, что возьмет меня на

борт самолета, который летит в Токио другим маршрутом, не через Северный полюс. Я согласился. Маршрут предстоял достаточно замысловатый: Копенгаген – Цюрих – Афины – Тегеран – Таиланд – Сайгон и только потом Токио.

Командир экипажа предупредил, что до Афин я лечу как обычный пассажир, а дальше играю роль больного, лишенного возможности самостоятельно передвигаться. Во время промежуточных посадок все выходят, я же остаюсь на месте, накрытый одеялом. Пролетели Таиланд, в то время оплот американских ВВС. Далее летим в Сайгон, тогда еще столицу Южного Вьетнама, опорного пункта войны США против Северного Вьетнама.

Это путешествие особенно запомнилось. Сидеть, не двигаться, и только «чужие» аэропорты. А потом произошло нечто и вовсе мистическое.

В Токио мы должны были приземлиться в 06:05, после 14 часов полета с посадками. Но в токийском аэропорту была очень низкая облачность. Самолет делает круг и не приземляется. Заходит на второй и устремляется ввысь. В салоне все уже молятся, каждый своим богам. Я вспоминаю слова отца: «Хватит тебе уже мотаться по миру». Все ждут самого скверного развития событий.

С четвертой попытки самолет наконец приземлился. У трапа меня встретили Ясуси Акутагава, собкор «Комсомольской правды» Женя Русаков и еще человек пять японцев. С приветственными возгласами «Банзай!» вручили чашу японского саке.

В конце концов все завершилось успешно. В Москву на Всемирный молодежный форум прибыла солидная и активная делегация японской молодежи. Вместе с делегациями из десятков других стран она имела возможность дискутировать по вопросам войны и мира, свободы и справедливости, расового и этнического равенства.

Переворот в Алжире. Футбол и политика

Мне везло на встречи с незаурядными людьми. Почти сразу после первой поездки на Кубу произошел новый поворот в жизни. Меня назначили советским представителем в Международном подготовительном комитете IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Алжире. Люди старшего поколения помнят, насколько важными для СССР и для мирового общественного мнения были эти фестивали. Весной 1965 года я отправился в Северную Африку.

Форум должен был начаться в сентябре. Работу подготовительного комитета патронировал лично Ахмед Бен Белла, первый президент Алжира, человек необычайно популярный в стране и во всем мире. Он был удостоен звания Героя Советского Союза. Такое же звание было присвоено первому президенту Египта Гамалю Абдель Насеру. Несколько раз в месяц Бен Белла лично проводил совещания, связанные с подготовкой фестиваля. На этих встречах обычно присутствовало человек десять – пятнадцать, в том числе и я. Так что алжирского президента мне довелось наблюдать довольно близко.

Будучи выдающимся политиком, он в своей жизни успел сделать многое. В молодые годы Бен Белла был студенческим лидером, а также лучшим игроком национальной сборной по футболу. Уже тогда его хорошо знали во Франции, поскольку Алжир в то время был подмандатной французской территорией. Бен Белла получил прекрасное университетское образование, всегда придерживался светских взглядов, в политике не шел на поводу у религиозного фундаментализма. Но судьба его сложилась печально. Как раз в июне 1965 года, когда мы готовили Всемирный фестиваль молодежи и студентов, Бен Белла был свергнут полковником Хуари Бумедьеном, тогдашним министром обороны Алжира.

Произошло это опять же на фоне футбола. В Алжир на матч с национальной командой прибыла сборная Бразилии, и Бен Белла, бросив все дела, отправился в средиземноморский город Оран, где должна была состояться игра. Алжирцы в тот день проиграли, а Бумедьен, воспользовавшись отсутствием Бен Беллы, совершил государственный переворот. Вот к чему может привести увлечение футболом, если речь идет о большой политике.

В стране немедленно ввели чрезвычайное положение, передвижение всех лиц, тем более иностранцев, было ограничено. Мы попали в сложнейшую ситуацию. Дело шло не только к срыву крупнейшей политической акции, каковой должен был стать

фестиваль, но и к откату назад советско-алжирских отношений. Все разрушилось, работа остановилась. Но никто не растерялся, не запаниковал. Пример подавали старшие товарищи. Послом СССР в Алжире в то время был Николай Михайлович Пегов, в прошлом секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Ровесник первой русской революции, он длительное время работал на ответственных партийных постах и в дипломатию пришел уже зрелым человеком. Был послом СССР в Иране и Индии, позже стал заместителем министра иностранных дел. Хотя прошли десятилетия, до сих пор вспоминаю о Пегове с искренним уважением. Его характер, выдержка, проявленная в острейших ситуациях, в том числе и тогда в Алжире, заслуживают самой высокой оценки.

Через несколько дней после переворота я был срочно вызван в Москву для доклада о том, что мне лично известно о происшедшем. Отчитывался в разных инстанциях. Отношение к случившемуся было настолько серьезным, что я должен был написать обстоятельную записку на имя Михаила Андреевича Суслова, «человека номер два» в стране. Суслов сам занимался изучением обстоятельств и причин алжирских событий – в Кремле их расценили как серьезный удар по нашим позициям в арабском мире и в Средиземноморье. Позже СССР выровнял отношения и с Бумедьеном. Но поначалу к перевороту в Алжире отнеслись с большой тревогой.

События в Алжире, смещение и арест президента Ахмеда Бен Беллы, не позволили провести Всемирный фестиваль молодежи и студентов в этой стране. Он состоялся, но не через два года, а позже, и прошел с большим успехом в Софии.

Бен Белла находился в заключении 10 лет, а может, и больше, пока Бумедьен не ушел из жизни. А потом новый президент Алжира Шадли Бенджедид разрешил Бен Белле уехать за границу, взяв с него обязательство не заниматься политической деятельностью. Довольно долгое время Бен Белла жил в Швейцарии и соблюдал эту договоренность; в конце 1980-х тот же Шадли Бенджедид разрешил ему вернуться на родину… Самое интересное, так иногда бывает, что за одну жизнь личность этого человека, обладавшего в мировоззренческом плане европейским образом мышления, или, точнее, «французским образом мышления», под тяжестью переживаний, связанных с политическим заключением и изгнанием с родины, трансформировалась. Бен Белла начинал политическую жизнь как светский алжирский гражданин, но в конце стал глубоко верующим мусульманином и ушел из жизни полностью погруженным в ислам, в мусульманскую веру. Ахмед Бен Белла

навсегда останется в памяти героического алжирского народа.

Путешествие на Огненную Землю

Впечатления от встреч с яркими личностями XX века остаются в памяти и через много десятилетий. Они как подарки судьбы, которые всегда с нами. В феврале 1966 года делегация ВЛКСМ в составе секретаря ЦК Абдурахмана Везирова, меня, тогда заместителя председателя Комитета молодежных организаций СССР, и Льва Быстрова, сотрудника КМО, отправилась в Чили на съезд коммунистической молодежи. Путешествие неблизкое: из Москвы в Париж, затем в Дакар, оттуда в Буэнос-Айрес и только потом в Сантьяго-де-Чили. Лидером чилийской молодежи была Гладис Марин – пассионарный, очень популярный политик, член национального парламента. В ее жилах текла и индейская кровь, как и у Луиса Корвалана – генерального секретаря компартии Чили, человека из поколения коминтерновцев. Несмотря на молодость, Гладис Марин, как и Корвалан, была известна далеко за пределами Чили.

В больших университетских аудиториях, на молодежных митингах в Сантьяго-де-Чили успешно проходили выступления Абдурахмана Везирова. Я рассказывал о международных связях советской молодежи. Неизменные темы – солидарность с Кубой, с народом Вьетнама, единство молодежи в поддержке антивоенного движения. Все это было очень полезно.

Разместились мы в гостинице Emperador. В те же дни там жили футболисты сборной Бразилии, среди которых был легендарный Пеле. Мы обедали в одном ресторане. Пеле, как и вся бразильская команда воспринимались как звезды мирового уровня. У гостиницы собирались тысячные толпы болельщиков.

В один из дней чилийские товарищи пригласили нашу небольшую делегацию на стадион, причем на трибуне мы оказались рядом с Сальвадором Альенде, тогда сенатором и председателем Социалистической партии Чили. После матча состоялась наша беседа с С. Альенде и его близким соратником, генеральным секретарем Социалистической партии Родригесом. До сих пор явственно вижу лучезарный блеск глаз Сальвадора Альенде, устремленных в будущее, помню его слова, выражающие непоколебимую веру в демократическую революцию и возрождение судеб народов Латинской Америки.

Когда-то Сальвадор Альенде сказал, что после смерти на его надгробии напишут: «Здесь покоится сенатор, мечтавший стать президентом». В 1970 году в результате огромного доверия народа Сальвадор Альенде стал президентом Чили, что привлекло внимание всего мира. Помню пронзительную боль в

сердце при известии о героической смерти С. Альенде от рук убийц из военной хунты Пиночета.

…С нашей гостеприимной и внимательной хозяйкой Гладис Марин мы отправились в провинцию Вальпарасио – к Пабло Неруде, великому поэту и мыслителю. Местечко, где он жил, называлось Исла Негра – «Черный остров». Там, на Тихоокеанском побережье, мы провели незабываемые два дня.

Дом Пабло Неруды оказался весьма необычным. На берегу океана возвышался деревянный корабль из массивных брусьев. Можно было представить, что после долгих путешествий он окончательно бросил здесь якорь. Мудрым капитаном этого дома-корабля был сам Неруда. На потолке в кают-компании острым ножом были вырезаны имена современников, близких и дорогих хозяину этого необычного дома. Среди них советские писатели Илья Эренбург и Александр Корнейчук.

Пабло Неруда говорил о молодых советских поэтах и писателях, особо – о Евгении Евтушенко, о важности издания произведений современных советских литераторов на испанском языке. На столе преобладали блюда из кукурузы, и даже алкогольный напиток, как объяснил хозяин, был приготовлен из кукурузы. По вкусу он напомнил мне осетинскую араку.

Шел непринужденный разговор о разных цивилизациях и культурах. Пабло Неруда рассказал о своей роли в истории ЮНЕСКО – организации, удостоившей его звания Посла доброй воли. Потом все вместе отправились на берег океана, где была установлена подзорная труба. В нее с большого расстояния можно было обозревать отдыхающих на пляже. Помню, что жизнерадостный и остроумный Неруда сказал нам: «Эй, парни, не на океан смотрите, а на мулаток!»

…За годы политической деятельности, сопровождавшиеся бесчисленным количеством встреч, я усвоил правило: даже если при знакомстве с человеком кажется, что больше никогда с ним не увидишься, зарекаться не стоит.

В Чили наша делегация имела основательную беседу с лидером чилийских коммунистов Луисом Корваланом. Он даже организовал прием в нашу честь. Неформальная обстановка дала возможность ближе познакомиться с политическими взглядами Л. Корвалана и его соратников. Мой разговорный испанский, освоенный за год пребывания на Кубе, пригодился, помогал включаться в дискуссию. Так что этот вечер закрепил наше знакомство. И через некоторое время оно продолжилось.

Новая встреча с Л. Корваланом произошла в Гаване – на конференции Организации солидарности народов Латинской Америки (ОЛАС) в августе 1967 года. Возможность встречаться

почти каждый день с Л. Корваланом на этом форуме, продолжавшемся долгие две недели, была для меня очень важной, прежде всего для лучшего понимания острых дискуссий на конференции и, по сути, положения дел в странах Латинской Америки.

После прихода к власти генерала Пиночета Л. Корвалан был схвачен. Находясь в заточении, он стал, можно сказать, главным политзаключенным военной хунты. Его имя было на устах протестующего народа Чили, как и имя погибшего в результате жестоких пыток легендарного гитариста Виктора Хары.

В Москве, в Гаване, в Берлине (ГДР) и других столицах социалистических стран искали пути (открытые и закрытые) для того, чтобы вызволить Л. Корвалана из заключения. Хорошо помню, как проходили международные акции в его поддержку. И часто смысл был не в том, чтобы освободить лидера коммунистов Чили. Скорее, речь шла о его, Л. Корвалана, высокой репутации борца за справедливость. Человека, начавшего жизнь со стези учителя и имевшего репутацию глубокого интеллектуала.

В 1976 году академик Андрей Сахаров предложил обменять Луиса Корвалана на известного советского политзаключенного, диссидента Владимира Буковского. Многоходовая политическая сделка между Западом и Востоком состоялась. Обмен произошел на территории Швейцарии. В ту пору появилась частушка: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана».

Л. Корвалан прибыл в Москву. Церемония встречи проходила в здании Совета экономической взаимопомощи в центре Москвы. Главным с нашей стороны был секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев. Встречающих было 15–20 человек, в том числе и я. Состоялась эмоциональная беседа, рассказ о том, что было и что будет.

Все встречающие Л. Корвалана, вызволенного из застенков генерала Пиночета, ожидали, что увидят изможденного, измученного человека. Вовсе нет. Подтянутый, со своей знакомой улыбкой, не сломленный, с крепким рукопожатием, он предстал перед нами. Рядом со мной стоял Азиз Шефир, гражданин Ирака, лауреат Международной Ленинской премии мира, побывавший в качестве политзаключенного в иракской тюрьме. Он сказал мне: «Александр, посмотри, как Корвалан хорошо выглядит. Представляю, каким бы он был, если бы оказался в иракской тюрьме у Саддама Хусейна!»

Исторические события живут дольше, чем люди. Все годы после поездки в Чили, особенно в трагические пиночетовские годы, меня не покидал интерес к судьбе народа этой страны. Многое осталось в памяти. Думаю, что историки уже немало

исследовали в событиях того времени, но многое еще будет изучаться. Лидер чилийской молодежи Гладис Марин, о которой я писал выше, прожила насыщенную жизнь. Она боролась и ждала, когда Чили избавится от тиранического режима. В 2005 году Гладис Марин ушла из жизни в возрасте 63-х лет. Президент Чили Рикардо Лагос объявил двухдневный общенациональный траур. Проститься с легендарной женщиной пришло не менее полумиллиона человек. Ее провожали простые люди, соль земли, считавшие Гладис Марин самой последовательной сторонницей справедливости.

Между ЦК и МИДом

Считаю, что годы комсомольской работы, опыт международного молодежного движения – лучшая школа для будущего политика. Не менее важно будущему политику свято относиться к настоящей мужской дружбе. В нашем сообществе друзей в 1960-х годах, состоявшем из людей совершенно разных – по профессиям, характерам, национальностям, – были выходцы из Тбилиси, Владикавказа, Еревана, Баку, Ленинграда, Ростова-на-Дону, других городов. Спустя полвека могу подтвердить: все мы выделяли из своей среды Евгения Примакова как талантливого и надежного человека. Он никогда не важничал, хотя позднее достиг больших высот в политике и науке. Никогда, ни при каких обстоятельствах не бросал друга в беде. Политическую карьеру мы начинали с ним одновременно на «восточном направлении». Он был корреспондентом «Правды» на Ближнем Востоке, много публиковался, одновременно занимался серьезными научными изысканиями в сфере международных экономических отношений. А я, после очень интересной работы в КМО, перешел в Советский комитет солидарности стран Азии и Африки. Там наши с Примаковым дороги сошлись еще ближе. Мы прошли вместе многие горячие точки, побывали в непростых ситуациях во время гражданской войны в Ливане, оказались свидетелями радикального экстремизма на Ближнем Востоке.

В руководстве Советского комитета солидарности стран Азии и Африки я работал с 1967 по 1986 год. Спустя много лет могу сказать, что и при самом взыскательном отношении к тем годам работа в комитете была, пожалуй, наиболее интересной частью моей политической биографии. Я не чувствовал никакой моральной усталости; занимались мы проблемами очень крупными, связанными с обретением независимости и суверенитета бывшими колониями. Аппарат в комитете был небольшим: 50–60 человек. Я всегда был против создания громоздких бюрократических структур: с отделами, подотделами, секторами. Ведь главное – не количество людей, а понимание сути стоящих перед организацией задач. При этом кое-кто считал наш комитет едва ли не вторым министерством иностранных дел. Некоторые посетители, приезжая на улицу Кропоткинскую (сейчас она называется Пречистенка), ожидали увидеть высокое современное здание и очень удивлялись, когда их фантазии разбивались о двери небольшого московского особняка, каких много в центре столицы.

Интересно и поучительно то, что мы в своей работе

опирались на академические институты международного профиля – институты Африки, востоковедения, Дальнего Востока, Латинской Америки, мировой экономики и международных отношений и др. Сила нашего комитета заключалась в том, что вокруг него аккумулировался незаурядный интеллектуальный актив: разносторонние, энергичные люди с самыми разнообразными связями и интересами – экономисты, историки, юристы, дипломаты. В деятельности комитета принимали активное участие известные поэты, писатели, общественные деятели: Мирзо Турсун-заде, Мирза Ибрагимов, Чингиз Айтматов, Расул Гамзатов, Борис Полевой, Анатолий Сафронов, Андрей Дементьев, Роберт Рождественский, Римма Казакова. Среди ученых-международников особенно запомнились Ростислав Александрович Ульяновский, Георгий Федорович Ким, Анатолий Андреевич Громыко, Василий Григорьевич Солодовников. С особой теплотой вспоминаю Георгия Кима, впоследствии члена-корреспондента АН СССР, руководившего всемирно известным Институтом востоковедения. Георгий Федорович обладал широчайшей эрудицией, понимал тончайшие нюансы политической жизни Востока. Это очень помогало нашему комитету в повседневной работе. Добрый, отзывчивый, сердечный человек, никогда не расставававшийся с чувством юмора, он был душой нашего общения. Нередко мы втроем – Примаков, Ким и я – отправлялись на многочасовые пешие прогулки на Ленинские горы, в район МГУ. Там проходили наши доверительные беседы, острые дискуссии о мировой политике, о судьбах страны.

Здесь надо сделать пояснение. В СССР к тому времени сложилась модель, характерная и для ряда других государств: наряду с Министерством иностранных дел международные контакты реально осуществляли и неправительственные организации. Причем их роль была достаточно весомой. Советский комитет солидарности стран Азии и Африки – если бы его попытались сравнить с другими структурами – по функциональной значимости не уступил бы подотделу ЦК КПСС. Вместе с тем наш комитет как общественная, но сильно политически ангажированная организация курировался напрямую партийным руководством. Это ни для кого не было секретом.

Конечно, сложившаяся в те годы субординация требовала неукоснительного выполнения директив Старой площади, Международного отдела ЦК КПСС. Однако на практике все было сложнее. Вспоминаю не один случай, когда комитету навязывались сверху директивы, которые не получали понимания и поддержки со стороны видных ученых, выступавших в роли наших экспертов. Приведу два примера. Когда Советский Союз на

основе узкого решения верхов ввел в 1979 году войска в Афганистан, ряд наших активистов расценили это как действия, затрудняющие консолидацию национально-освободительных сил, особенно в исламском мире. А еще ранее не менее опасным показался нам советско-китайский пограничный конфликт на реке Уссури в 1969 году. Было очевидно, что размолвка с Китаем ничего доброго не сулит. Конечно, прямо об этом говорить было невозможно, и комитет в таких случаях вынужден был ограничиваться лишь выразительным молчанием.

Зато в постколониальном мире или в среде европейских интеллектуалов, с которыми мы постоянно были в переписке и контактах, могли публично высказываться самые разные мнения. Нам было важно полноценно участвовать в дискуссиях, поэтому наш комитет организовывал поездки за рубеж советских писателей, художников, кинематографистов с мировым именем. Советский Союз был сверхдержавой, олицетворением социализма в мире, и мы стремились к тому, чтобы в общественном мнении западных и постколониальных стран он был представлен весомыми общественными фигурами. Дискуссии приходилось вести нешуточные. Ведь в то время, когда одни горячо поддерживали СССР, видели в нем вершину социализма и справедливости, другие его яростно осуждали – припоминали репрессии, обвиняли в отсутствии свободы слова.

У этой модели международной работы были и другие преимущества. После Второй мировой войны азиатские и африканские колонии одна за другой поднимались на борьбу за независимость. Многие национально-освободительные движения в силу своего негосударственного статуса не имели и не могли иметь прямых связей с официальными государственными структурами. Связи с КПСС расценивались как открытая их поддержка со стороны СССР. Между тем актуальность регулярных контактов с национально-освободительными движениями была постоянной. Поэтому освободительные движения устанавливали контакты, прежде всего, по линии нашего комитета. Мы поддерживали их – морально и политически. Никакой «специальной», военной помощью комитет не занимался, хотя при решении такого рода вопросов наше мнение учитывалось. Позднее в России писали и говорили о том, что СССР якобы напрасно поддерживал движения за независимость, их борьбу против колониализма. Мне кажется, чаще всего эти слова исходили от дилетантов, не понимавших существа дела, или сознательно использовались для дискредитации внешней политики Советского Союза.

Нашу страну иногда пытались уличить в связях с некими

террористическими организациями. Между тем широко известно, что проблемы обретения политической независимости бывшими колониями долгие годы находились в центре внимания самых авторитетных международных организаций, прежде всего ООН, а справедливая, вплоть до вооруженной, борьба соответствовала нормам международного права.

В ту пору при ООН действовали специальные комитеты, деятельность которых была напрямую связана с проблемами деколонизации, вопросами борьбы против расизма и апартеида. Мог ли СССР оставаться в стороне от процессов, имевших общемировое значение? Мы активно сотрудничали со структурами ООН: комитетом по ликвидации расизма и апартеида, комитетом по деколонизации или, как его называли, комитетом двадцати четырех, комитетом по Намибии.

Советский комитет солидарности стран Азии и Африки имел постоянные рабочие связи с Организацией африканского единства (ОАЕ). В разное время ее возглавляли видные деятели африканской и мировой политики: первый президент Республики Ганы Кваме Нкрума, президент Гвинеи Секу Туре, президент Египта Гамаль Абдель Насер. Многие из тех, кого национально-освободительные движения выдвинули на авансцену мировой политики, позже возглавили новые государства. Так, Сэм Нуйома, победивший на президентских выборах в Намибии в 1990 году, еще за четверть века до этого стал лидером Народной организации Юго-Западной Африки (СВАПО).

Отдельным направлением нашей деятельности была поддержка Африканского национального конгресса (АНК). За плечами его легендарного лидера Нельсона Манделы, первого африканца, ставшего президентом Южно-Африканской Республики, – двадцать семь лет тюрьмы и десятилетия борьбы с апартеидом. Он несколько лет руководил государством в Южной Африке, а когда почувствовал, что состояние здоровья требует отойти от дел, покинул президентский пост, уступив дорогу молодому, энергичному преемнику Табо Мбеки. В сентябре 1994 года я слушал выступление Манделы на Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке и был потрясен тем, с каким энтузиазмом огромный зал, политические деятели Запада и Востока, Севера и Юга приветствовали этого сухощавого человека с горящим взором. Ближе познакомился с ним там же, в Нью-Йорке. Делегация России имела отдельную встречу с Манделой в Индонезийском зале ООН.

За годы работы в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки я познакомился со многими соратниками Манделы. Сотни активистов АНК – ныне правящей партии ЮАР, а

в те годы оппозиционной – учились в СССР по стипендиям нашего комитета. Позже они заняли крупные государственные посты. Но тогда и при самом свободном полете фантазии нельзя было представить, что в будущем именно этим молодым, скромным людям придется отвечать за судьбу уже свободной от апартеида многорасовой Южно-Африканской Республики – с ее огромными природными ресурсами, разнообразием культур и обычаев, государства, от развития которого в большой степени зависит судьба всего Африканского континента.

Объективное осмысление политики СССР в отношении стран третьего мира приводит к выводу: переоценка отечественного внешнеполитического прошлого должна носить разумный, взвешенный характер, не наносить ущерба национальным интересам России. Государственное внешнеполитическое кредо не должно зависеть от субъективных взглядов того или иного высокопоставленного деятеля.

В полосе огромного периода – с конца 1950-х до конца 1970-х годов – можно обнаружить и неточные ходы советской внешней политики. Но больше было позитивного, совпадавшего с интересами международного сообщества и даже опережавшего их в плане реализации прав человека и социального прогресса. Внешняя политика СССР исходила из гуманистических начал – мы искали пути установления социальной справедливости, утверждения демократических ценностей в разных странах, обеспечения равенства между государствами. Невозможно сбросить с весов истории тот факт, что более шестидесяти государств возникли и обрели независимость в процессе деколонизации. Альтернативой же для них являлась система апартеида и колониальной зависимости.

Поднявшие знамя борьбы с колониализмом

Создание независимых государств, модернизация экономики и общественно-политической жизни бывших колоний требовали выдвижения из национальной среды подлинных политических гигантов. Борьба за освобождение от колониализма породила целую плеяду таких людей. Назову лишь тех, с кем был близко знаком. Эдуардо Мондлане, первый лидер борьбы за независимость Мозамбика. Мне довелось неоднократно встречаться с ним в Каире, Хартуме, Дар-эс-Саламе. Эдуардо, двухметровый великан, подкупал добросердечностью, душевной открытостью. До прихода в политику он был профессором Сиракузского университета, специалистом в области антропологии. Его лекции пользовались огромным успехом, но Мондлане прервал преподавательскую карьеру, чтобы посвятить себя борьбе за независимость родины. Как политик он воплощал в себе лучшие черты национального характера, которые оттенялись его незаурядными ораторскими способностями, глубокими, энциклопедическими знаниями.

Этого талантливого лидера освободительного движения, профессора европейского университета, ставшего во главе вооруженной борьбы против колонизаторов, человека, которого знал весь мир, постигла трагическая участь. Резиденция Мондлане находилась в Дар-эс-Саламе, тогдашней столице Танзании. Однажды ему принесли присланную якобы из Пхеньяна почтовую бандероль, в которой находилась книга с избранными работами Георгия Плеханова на русском языке. На самом деле в бандероли была бомба. Мондлане развернул посылку, и его тут же разнесло на части. Такими были формы борьбы против ярких личностей, возглавлявших национально-освободительные движения. Причем происходило это уже после падения британского и французского колониализма, после того морального подвига, который совершил генерал де Голль, став президентом Франции.

Де Голль, как мудрый и дальновидный политик, провозглашал свободу для народов бывших колоний и передавал власть их лидерам. Представляя колониальную державу, он осознал, что нельзя больше сдерживать национально-освободительные движения. Война в Алжире шла уже несколько лет, в кровавых столкновениях погиб каждый четвертый алжирец. И де Голль понял, что политическое будущее Франции зависит от

того, как поведет себя Париж в отношении своих колоний. От имени Французской Республики он предложил франкофонским странам Африки перевернуть колониальную страницу истории и предоставил им высокую степень автономии в рамках единого с Францией государства. Первым от такого предложения отказался лидер Гвинеи Секу Туре, а вслед за ним и другие. Тогда де Голль на самолете «Каравелла» летит в Канакри, столицу Гвинеи, и объявляет: «Независимость!» Направляется в столицу Мали Бамако и там тоже говорит о независимости. Де Голль летит в Дакар, его встречает будущий президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор и слышит те же слова: «Независимость!»

Так поступил великий французский политик. А приблизительно в то же время Португалия, уже освободившаяся от фашистского режима Салазара, заявляла совсем другое: «Не отдадим!»

Здесь я должен вспомнить об Агостиньо Нето, первом президенте бывшей португальской колонии Анголы. Если серые личности повторяют друг друга даже в мелочах, то каждый талант незауряден по-своему. Агостиньо Нето, победивший на выборах в 1975 году, внешне совсем не походил на Эдуардо Мондлане. По профессии он был врачом, а в душе поэтом. Пламенный политический энтузиазм, горячий патриотизм гармонично сочетались в его стихах с тонкой лирикой. Он располагал к себе удивительно мягкими манерами, врожденной деликатностью. Получив образование в Лиссабоне, работал спортивным врачом. Но отказался от спокойной, обеспеченной жизни в Европе, чтобы внести вклад в политическое становление Анголы.

В феврале 1975 года, помню, это было в пятницу, я получил срочное задание Международного отдела ЦК: на следующий же день вылететь в Луанду с секретной миссией и установить на месте контакты с Агостиньо Нето, с которым к тому времени был хорошо знаком. Мы должны были встретиться уже в воскресенье и оценить обстановку в условиях продолжающейся гражданской войны.

В Анголу со мной отправился мой помощник, замечательный африканист Сергей Выдрин. Мы быстро добрались до Парижа, где пересели на самолет бразильской авиакомпании «Вариг», летевший с посадкой в Лиссабоне в Бразилию. Наш багаж по ошибке забрали в Бразилию, но самолет португальской компании ТАП уже вез нас из Лиссабона в Анголу. После многочасового перелета над Сахарой мы оказались на военном аэродроме близ Луанды. В этот же день и почти в тот же час из Дар-эс-Салама, столицы Танзании, на родину спешил Агостиньо Нето. Уже было

объявлено, что португальская колониальная власть уходит из Анголы, и в этой обстановке Нето, возглавлявший партию МПЛА, Народное движение за освобождение Анголы, должен был немедленно прибыть в страну. Если бы он не вернулся, то потерял бы власть в борьбе с другими течениями национально-освободительного движения. Конкуренты у Нето были очень сильные: лидер ФНЛА Холден Роберто, которого тогда поддерживал президент Заира Мобуто, и еще более опасный противник – руководитель повстанческой организации УНИТА Жонас Савимби, получавший поддержку ЮАР, Португалии, США и фактически всего Запада. Шансы у всех были приблизительно одинаковы, но в Португалии и ЮАР считали, что победит Савимби, а СССР и социалистический лагерь вместе с Кубой поддерживали МПЛА и Агостиньо Нето.

В это время в Анголе еще находился португальский верховный комиссар вице-адмирал Кардозу, представлявший колониальную власть. Вскоре в стране должны были пройти выборы, и Кардозу готовился передать полномочия. Вся вооруженная борьба к этому моменту должна была прекратиться. Но на самом деле масштаб войны между разными течениями национально-освободительного движения нарастал. Для МПЛА и ее лидера Агостиньо Нето возникла опасность потерять инициативу, а значит, и власть. Перед лицом такой реальности Нето 11 ноября 1975 года провозглашает независимость Анголы и становится ее первым президентом.

Сегодня, спустя много лет, можно совершенно определенно сказать, что в Анголе шла опосредованная война между США и их союзниками, с одной стороны, и СССР – с другой. Азимуты холодной войны и конфронтации проходили здесь, как и во многих других местах, похожих на Анголу. При этом в отношении национально-освободительных движений политическая линия Москвы была более консервативной, чем ее же политика на евроатлантическом направлении, где с большими сложностями, но все же находились компромиссы в поисках путей разоружения и снижения опасности ядерного столкновения. Например, в Зимбабве, так же как и в Анголе, конкурировали между собой два национально-освободительных движения: ЗАПУ во главе с Джошуа Нкомо поддерживал Советский Союз, а ЗАНУ во главе с Робертом Мугабе получал помощь со стороны Запада. Помню, как в октябре 1978 года во время конференции в поддержку народов Африки, проходившей в столице Эфиопии Аддис-Абебе, советская делегация пришла на переговоры в резиденцию, где размещался прибывший на эту конференцию Фидель Кастро. Каково же было наше удивление, когда мы увидели кубинского лидера,

общавшегося с главой ЗАНУ Робертом Мугабе. Думаю, в то время политика наших кубинских союзников была более динамичной, гибкой и продуманной, чем позиция СССР.

Но вернемся к моей миссии в Анголе. Я должен был срочно провести беседу с Нето. Он приземлился в тот же день в гражданском аэропорту, и его торжественно встречали как политического лидера МПЛА. Нето знал, что я ищу контактов с ним, но встретиться сразу мы не смогли. В той наэлектризованной военно-политической обстановке это было неимоверно сложно. Ночью в наш гостиничный номер стали стучать какие-то люди, представившиеся моему помощнику дезертирами из португальской колониальной армии. Они просили политического убежища в СССР. Думаю, это была провокация, нацеленная на то, чтобы прощупать мою миссию. Но даже если это было не так, то необходимости предоставлять политическое убежище португальским дезертирам у нас не было. СССР легально поддерживал МПЛА, и брать каких-то «пленных» было бессмысленно.

Связаться с Нето пока не удавалось. Обратиться в посольство или в консульство было нельзя – их попросту не существовало. Оставаться в городе становилось небезопасно, и мы перебрались в пригородную гостиницу, назвавшись для конспирации специалистами по цитрусовым культурам. Там мы продолжали искать контакты с Нето, пока на нас не вышли люди из МПЛА, которые и организовали нашу встречу с ним.

Обмен информацией с Нето состоялся в хорошо охраняемом помещении, причем вокруг было много вооруженных не только мужчин, но и женщин – активисток МПЛА. На следующее утро мы отправились на митинг сторонников Нето, проходивший на центральном стадионе в Луанде. Меня разместили рядом с лидером МПЛА, чуть дальше находились его супруга и ее мать. Нето был женат на женщине из среды португальской аристократии. Мы явно выделялись из числа собравшихся своим цветом кожи. Я выступил на митинге и был абсолютно уверен в том, что мы с Выдриным в тот момент были единственными советскими людьми на земле Анголы.

Но это было не так. Когда я вернулся в Москву, то начальник Главного разведывательного управления Советской армии и Военно-морского флота Петр Иванович Ивашутин попросил меня выступить перед офицерами ГРУ по итогам поездки. В абсолютно закрытом режиме я рассказал о своих наблюдениях. Военную разведку это очень интересовало, поскольку на Луанде сходились тогда проблемы ЮАР, Намибии и других южноафриканских стран. После выступления и ответов на вопросы Ивашутин

загадочно посмотрел на меня и улыбнулся. Мол, сказано еще не все. «Очень интересное выступление, Александр Сергеевич, но когда вы сидели рядом с Нето, то у вас за спиной находился майор Уваров. Товарищ Уваров, поднимитесь», – сказал Ивашутин.

Этот майор Уваров находился тогда в Луанде в качестве корреспондента ТАСС и одновременно югославского информационного агентства ТАНЮГ. Так что еще один советский человек был тогда рядом, возможно, перед ним стояла задача прикрыть меня в случае опасности, но я об этом ничего не знал.

В Анголу я потом прилетал еще несколько раз. В 1976 году по инициативе СССР, и в частности нашего комитета, в Луанде была созвана международная конференция солидарности с Анголой. На самом деле, конечно же, это было мероприятие в поддержку Агостиньо Нето и МПЛА. Гражданская война набирала обороты, на юге страны шли бои с участием авиации и артиллерии. Конференция проходила в сложнейших условиях. Военный атташе контр-адмирал Дыбенко предупредил меня и главу кубинской делегации, что за нами идет охота с целью физического уничтожения. Меры безопасности были сразу же приняты. В состав советской делегации из восьми-девяти человек входили генерал-майор Иван Плахин и обозреватель газеты «Известия» Викентий Матвеев. Как только стало известно, что моей жизни угрожает опасность, они не отходили от меня ни на шаг. Покушение могло произойти в любую секунду. Зато остальных членов своей делегации я на близком расстоянии от себя уже не видел.

Поездки в Анголу предоставляли мне возможность самой широкой работы. В Луанде тогда находилась штаб-квартира председателя партии СВАПО Сэма Нуйомы, который впоследствии стал первым президентом Намибии. Перед тем как занять высший государственный пост в своей стране, он тоже прошел через соперничество с лидерами других повстанческих организаций, пользовавшихся поддержкой Запада. Наши встречи с Нуйомой проходили на заброшенном пляже на берегу Атлантики. Нуйома сообщал важную информацию, касавшуюся в основном тех действий, которые следовало предпринять КПСС и советской дипломатии для международной поддержки СВАПО. В то время в ООН действовал специальный комитет по Намибии, и было очень важно, чтобы наши представители в ООН и других международных организациях опирались на знание реального положения дел, а не на ту картину событий, которую рисовали им коллеги из США, Западной Европы и ЮАР. В результате советская дипломатия использовала свежие, достоверные аргументы,

которые помогали ей с трибуны ООН продолжать линию на поддержку борьбы колониальных народов за независимость.

Понятно, что мы общались с Нуйомой не только с помощью таких экзотических средств, как совместные заплывы в океане. Были и другие каналы, например телеграммы, дипломатическая почта. Однажды Нуйома сообщил через советское посольство, что хотел бы приехать в СССР на празднование очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Лидеров национально-освободительных движений обычно приглашали в СССР на съезды КПСС и годовщины знаменательных исторических событий. Это был как бы третий эшелон зарубежных гостей – в первые два входили главы государств социалистического содружества и лидеры коммунистических и рабочих партий несоциалистических стран. В телеграмме Нуйома написал: «Рассчитываю на встречу с Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Ильичом Брежневым, а также с товарищем Дзасоховым из Советского комитета солидарности стран Азии и Африки».

Конечно, учитывая строгую политическую иерархию, так формулировать свою просьбу было нельзя – слишком большой разрыв существовал между Генеральным секретарем ЦК КПСС и нашим комитетом. Однако в этой формулировке было очевидное признание важной роли, которую Комитет солидарности стран Азии и Африки играл в поддержке национально-освободительных движений. Для Нуйомы наш комитет и Генеральный секретарь ЦК КПСС действительно находились где-то рядом друг с другом.

Похожий случай произошел и с Агостиньо Нето. Когда он впервые прилетел в СССР в качестве президента Анголы, в его честь был устроен торжественный прием от имени Председателя Верховного Совета СССР Николая Подгорного. Прием проходил в гостинице «Советская». Я увидел, что Нето, пообщавшись с Подгорным, хочет сразу же подойти ко мне. По протоколу этого делать было нельзя. Поэтому я, как смог, попытался уклониться от «преждевременной», по дипломатическим канонам, встречи.

Нето не случайно воспринимал меня как старого друга. Ведь первое наше знакомство состоялось еще в 1972 году. Тогда мы оба участвовали в работе международной комиссии, расследовавшей обстоятельства убийства Генерального секретаря Партии независимости Гвинеи-Бисау Амилькара Кабрала, погибшего от рук предателей из своего окружения.

Много раз я чувствовал потребность написать воспоминания о выдающихся лидерах антиколониальной борьбы, лидерах национально-освободительных движений Африки и Индокитая, с которыми был лично знаком. Амилькар Кабрал – как раз один из

таких людей. Он получил блестящее гуманитарное образование во Франции, был человеком в высшей степени эрудированным, знал несколько европейских языков, обладал выдающимися ораторскими способностями. Ему было присвоено звание почетного доктора Института Африки Академии наук СССР. Хотя Гвинея-Бисау – небольшая страна, среди лидеров национально-освободительного движения Кабрал пользовался огромным авторитетом. Он выделялся из общего ряда за счет своих личных качеств и этим напоминал Фиделя Кастро, который был лидером небольшой страны, но одновременно и очень ярким политиком.

Кабрал был мулатом во втором поколении. Надо было видеть, с каким достоинством он говорил: «Я представляю народ Гвинеи-Бисау». К несчастью, Амилькар Кабрал не успел до конца самореализоваться. Останься он жив, ему конечно же суждено было стать президентом своей страны.

Убит Кабрал был предательски, собственными соратниками, когда находился в Конакри, столице Гвинеи, на приеме в посольстве Кубы в честь Дня национального восстания. Сразу после выхода с приема он был застрелен представителями своей же партии, которые в борьбе за власть решили убрать авторитетного лидера. По всей вероятности, они были связаны с португальскими колониальными службами безопасности, которые уже агонизировали, поскольку Португалия к тому времени почти потеряла контроль над своими колониями. Убийцы пытались скрыться на катерах в океане, но были перехвачены и арестованы службой безопасности Гвинеи. Так события излагались в печати. В действительности же очень оперативно сработал посол СССР в Конакри Анатолий Петрович Ратанов, в прошлом фронтовик, известный деятель международного молодежного движения. Он сообщил о случившемся командованию Военно-морских сил СССР в Атлантике. В ночь на 21 января советский военный корабль «Бывалый» установил местонахождение катеров с убийцами Кабрала и блокировал их. Заговорщики были доставлены в Конакри. Суд приговорил их к смертной казни.

Не останавливаясь на деталях, скажу, что наша комиссия провела тщательнейшее расследование обстоятельств этого убийства. В комиссию, кроме меня и Нето, входил и будущий президент Мозамбика Самора Машел. Мы провели международный семинар с обстоятельными докладами, результаты были опубликованы и получили всемирный резонанс. Интерес к нашей работе был огромный. Помню мою беседу с президентом Гвинеи Секу Туре. В роли переводчика выступал посол Ратанов. Я сказал ему, что это будет не совсем удобно, но он настоял. Ратанов не был, как часто случается, «застегнут на все

пуговицы», и его поступок отражал общее внимание к расследованию. Позже в Москве получили послание президента Секу Туре, в котором он благодарил за важный вклад в мероприятия, состоявшиеся в Конакри.

Терроризм в политической упаковке

Перебирая в памяти имена политиков того времени, с которыми довелось работать вместе, не могу не вспомнить бессменного Генерального секретаря Организации солидарности народов Азии и Африки Юсефа эль-Сибаи. Наш комитет являлся как бы национальным подразделением этой организации. Сама организация была создана в декабре 1957 года, вслед за Движением неприсоединения, возникшим в 1955 году по инициативе президента Индонезии Ахмеда Сукарно. Оно ассоциировалось с такими крупными политическими фигурами, как президент Египта Гамаль Абдель Насер и лидер многонациональной Индии Джавахарлал Неру. Среди его активных участников были президент Ганы Кваме Нкрума, президент Гвинеи Секу Туре, президент Танзании Джулиус Ньерере. Позже к ним примкнул югославский лидер Иосип Броз Тито. Это было очень мощное движение. А его неправительственным измерением стала как раз Организация солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА). Штаб-квартира организации с самого начала располагалась в Каире, а Насер считался ее отцом-основателем. Генеральным секретарем Организации солидарности народов Азии и Африки был избран один из его ближайших соратников полковник Юсеф эль-Сибаи. Он имел известность как литератор, написал более сорока романов. Некоторые были переведены на русский язык и изданы в СССР. В разное время, оставаясь Генеральным секретарем ОСНАА, Сибаи был министром информации и министром культуры при президентах Насере и Садате. После проигрышной для Египта арабо-израильской войны 1973 года президент А. Садат пошел на сотрудничество с американцами, а через них и с Израилем. Позже осуществил визит в Израиль. Радикальные арабские, особенно палестинские, группы этого не простили. Они охотились за А. Садатом и всеми, кто был с ним в Израиле, в том числе за Юсефом эль-Сибаи.

В 1977 году наша делегация находилась в Никосии, столице Кипра, где открывалась сессия Совета ОСНАА. Конференция уже началась, а Сибаи немного опаздывал. Вдруг раздался глухой выстрел. Один из заместителей Сибаи, Камаль Баха эд-Дин, вышел из зала и тотчас же вернулся, закричав по-арабски, что Юсеф-бей убит. Мы не успели отреагировать на эти слова, как в зал сразу из двух дверей вошли шесть террористов и быстро встали по периметру, зажав в руках гранаты. Они объявили, что убили Сибаи за то, что он был в Израиле, и что мы все –

заложники. Террористы потребовали самолет и гарантии безопасности. В зале находился лидер Социалистической партии Кипра Васос Лисаридис, вице-президент ОСНАА. Через него начались переговоры с президентом Кипра Спиросом Киприану. Самолет террористам был предоставлен, но поскольку аэропорт Никосии еще со времен турецкой интервенции был выведен из строя и не функционировал, то террористы на потребованном ими автобусе выехали в аэропорт города Ларнаки, в 80 километрах от столицы, захватив с собой в качестве заложников делегатов только из арабских стран. Сначала они вылетели в Сирию, где их по понятным причинам не приняли, потом то же самое произошло в Иордании и Народной Демократической Республике Йемен. Самолет сделал дозаправку в Мавритании и через тринадцать часов, после безуспешных попыток террористов получить убежище в одной из арабских стран, вынужден был приземлиться на Кипре. Террористов задержали, а заложников освободили.

Террористы оказались палестинцами, постоянно проживавшими в Багдаде, хотя сначала они представлялись как иракцы. Египтяне прислали самолет за телом убитого Сибаи, и в Ларнаке произошел настоящий бой между армией Кипра и египетскими коммандос из-за того, что последние прилетели без уведомления и приземлились без разрешения.

Обстановка осложнилась. В аэропорт прибыли президент Кипра С. Киприану и его ближайшие соратники. Президент взял на себя координацию действий.

В тот же день в Ларнаку на специальном борту вместе с палестинским спецназом прилетел лидер Организации освобождения Палестины Ясир Арафат – и тоже без согласования с властями Кипра. После полуночи наша делегация встретилась с Арафатом. Я спросил его: «Абу Омар, каковы причины вашего срочного прилета?» Он ответил: «Нас беспокоила судьба советской делегации и лично ваша. Это главная причина».

В этой сложной обстановке подлинное мужество и организованность как посредники между египтянами и киприотами проявили советские представители в секретариате ОСНАА С. Каландаров и С. Шерченков.

Убийство Сибаи стало одним из крупнейших политических убийств конца XX века. Как потом выяснилось, за ним стояли западные (возможно, британские) спецслужбы. В суде это доказать не удалось, но многие эксперты считают, что дело обстояло именно так. Цель заключалась в том, чтобы столкнуть между собой Ирак, выбивавшийся в лидеры арабского мира, и ослабленный после Насера, в период президентства А. Садата,

Египет.

Террористические преступления, крупные политические убийства в те годы носили, как правило, политический характер. Их конкретные цели не декларировали, но окутывали «религиозными одеждами».

После убийства Юсефа Сибаи та же участь постигла других. Террористы ликвидировали всех, кто сопровождал Сибаи во время поездки в Тель-Авив. Судьба президента Анвара Садата тоже была драматической. В октябре 1981 года он был убит офицером египетской армии, принимая на трибуне военный парад по случаю очередной годовщины арабо-израильской войны 1973 года.

В Москве хорошо знали Анвара Садата. Он еще в 1968 году в качестве Генерального секретаря Арабского социалистического союза – правящей партии – был с визитом в Москве по линии ЦК КПСС. Программа предусматривала беседу в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. Это было вполне логично, потому что Садат, как видный египетский политик, курировал Организацию солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА), штаб-квартира которой располагалась в Каире.

На Кропоткинскую, 10, где находился наш комитет, были приглашены крупные ученые-востоковеды, арабисты – Игорь Петрович Беляев, Вадим Петрович Румянцев, Василий Григорьевич Солодовников и другие. В зале собрались авторитетные ученые и общественные деятели. Я задержался, поскольку уточнял с МИДом переговорные позиции по спецсвязи у себя в кабинете. А когда вышел, то услышал, как Садат спрашивает: а где главный представитель советской стороны? Ответил, что это я. Вероятно, он ожидал увидеть человека в возрасте и в каких-то особых одеждах. Тем более что сам был в форме фельдмаршала. А мне было 34 года и не было никаких атрибутов власти.

Потом мы несколько раз встречались в Каире. В октябре 1969 года я прилетел в египетскую столицу во главе советской делегации. Послом СССР в Каире тогда был известный в стране и мире дипломат Сергей Александрович Виноградов, занимавший до этого должность посла СССР во Франции. Накануне, перед отлетом на встречу лидеров Лиги арабских государств (ЛАГ), Гамаль Абдель Насер назначил Анвара Садата исполняющим обязанности президента. Назначил – и улетел в Рабат. Мы с Виноградовым поехали в штаб-квартиру партии Арабского социалистического союза, уверенные, что Садат находится там. Но по прибытии нам объяснили, что он в президентском дворце в Гелиополисе.

Мы развернулись и поехали в президентский дворец. Садат нас уже ждал. В ходе беседы он рассказывал о положении дел в арабских странах, говорил о конференции Лиги арабских государств в Рабате, куда отправился Насер, давал оценки состоянию советско-египетских отношений.

Надо сказать, что позже, заняв президентский пост, Садат не пользовался таким авторитетом внутри Египта и на международной арене, как Насер. Его биографы отмечают, что он был своеобразной личностью, мастерски владел искусством «политического актерства». В 1971 году Садат назначил советской делегации встречу в резиденции на берегу Нила, в так называемой зеленой зоне Египта. Из людей его уровня только он имел такую загородную резиденцию. Остальные жили на другой стороне Каира, в районе Муката. Так вот, по всему дому были разложены книги Маркса, Энгельса, Ленина (но не Сталина). Демонстрация, причем навязчивая, своего якобы мировоззрения. В ходе застолья Садат очень хотел, чтобы мы запомнили: он, как когда-то У. Черчилль, пьет только армянский коньяк. Другие не признает.

В попытках найти решение арабо-израильского конфликта Садат совершил шаги, которые потом существенно снизили авторитет Египта. Все позитивное между Москвой и Каиром, возникшее за время правления Насера, подверглось ревизии. В частности, Садат денонсировал советско-египетский договор о дружбе.

В Египет выезжали Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный, секретарь ЦК КПСС Б.Н. Пономарев, чтобы сохранить возможности и традиции доверительного политического сотрудничества по проблематике Ближнего Востока. Но Садат был к этому не готов.

Не вдаваясь в подробности (хотя и важные), напомню, что после поездки А. Садата в Израиль штаб-квартира Лиги арабских государств была переведена в Тунис. Возвращение на историческое место в Каир произошло уже при президенте Хосни Мубараке.

Как Арафат добился встречи с Брежневым

Борьба за политическое самоопределение бывших колоний таила немало опасностей. Но победить войну, насилие, терроризм, пользуясь теми же средствами, невозможно. За годы работы Советский комитет солидарности стран Азии и Африки накопил богатые традиции в утверждении форм массовой политической борьбы. Они закладывались в период, когда мы включились в международные акции за прекращение войны во Вьетнаме. На этой почве удалось установить широкие связи с западными политиками, парламентариями, общественными деятелями. Попытки представить антивоенные акции того времени делом рук одного только СССР на деле всегда оказывались несостоятельными. Пацифистские силы на Западе, выступившие против вьетнамской агрессии США, опирались на принципы международного права, отрицали диктат, войну, насилие. И чаще всего не были связаны ни с социализмом, ни с коммунизмом.

В летописи дел нашего комитета постоянно присутствовала тема ближневосточного урегулирования. Председатель Организации освобождения Палестины и признанный лидер палестинского народа Ясир Арафат впервые прибыл в Москву в феврале 1970 года по приглашению именно нашего комитета. И лишь позже его приняли Генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, Председатель Совета Министров А.Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А.А. Громыко.

Поддерживать связи с Организацией освобождения Палестины во главе с Ясиром Арафатом нашему комитету напрямую поручило Политбюро ЦК КПСС.

Соответствующее решение находилось в особой папке и имело статус высокой секретности. Если кто-то из историков захочет на него посмотреть, то увидит, что моя фамилия написана там неправильно, с ошибкой – А.Д. Засохов. Ошибки такого рода в партийных документах были крайне редки. Соответствующую записку на заседание Политбюро вносил председатель КГБ Ю.В. Андропов. Судя по всему, остальные подписали ее не глядя. Впрочем, это не меняло меры нашей ответственности.

Советский Союз всегда стремился активно участвовать в ближневосточном урегулировании. Мы поддерживали требование государственного самоопределения палестинского народа, однако категорически не принимали экстремистских методов борьбы, которые на разных этапах использовали участники палестинского

сопротивления. Одна из задач нашего комитета заключалась в том, чтобы убедить палестинцев отказаться от радикализма.

В начале своей политической карьеры Арафат, являясь лидером организации ФАТХ, многими воспринимался как представитель организации террористического характера. Потребовалась огромная эволюция, чтобы изменился и он сам, и его движение. К чести Арафата, он прошел этот путь, был признан международным сообществом и стал вместе с израильскими лидерами Ицхаком Рабином и Шимоном Пересом лауреатом Нобелевской премии в одной и той же номинации.

Помню, как с Арафатом и с делегацией, которую он возглавлял, беседовал член Политбюро Кирилл Трофимович Мазуров. В годы Великой Отечественной войны Мазуров был одним из руководителей партизанского движения в Белоруссии и имел огромный опыт партизанской войны. Партизанские действия, разумеется, кардинально отличаются от террористических методов. Партизанская борьба, как форма сопротивления оккупантам, признана международным правом, в то время как терроризм находится за пределами и права, и морали. Я неоднократно присутствовал на тех многочасовых беседах, когда Мазуров с огромной выдержкой и тактом объяснял, в чем отличия справедливого сопротивления оккупантам от терроризма. Палестинцы хорошо изучили его биографию и, думаю, понимали, чего он хочет от них добиться.

Терроризм как средство политической борьбы имеет многовековую историю. На Ближнем Востоке он существует уже около ста лет, возникнув в то время, когда историческая Палестина находилась под британским протекторатом. В 40-х годах прошлого века методы террора использовали те, кто боролся за создание Израиля, в их числе, например, Менахем Бегин, ставший впоследствии премьер-министром Израиля. Методы терроризма использовали и некоторые палестинские организации. Лидер Народного фронта освобождения Палестины Джордж Хаббаш считался одним из идейных вдохновителей этой формы борьбы. Врач-кардиолог, сам перенесший инсульт, христианин по вере, он был внешне всегда спокоен и старался объяснять избранный им радикализм как вынужденный, а потому оправданный. К моменту наших с ним нередких встреч ему было уже около шестидесяти лет. В то время большой резонанс получил теракт, осуществленный активисткой Народного фронта освобождения Палестины, которая захватила самолет, летевший из Франкфурта в Тель-Авив, и вынудила посадить его в столице Уганды Кампале. Израильтяне тогда провели спецоперацию и освободили заложников.

Нам, группе из нескольких человек, пришлось по поручению политического руководства несколько раз встречаться с Дж. Хаббашем, объяснять ему всю пагубность террористических методов политической борьбы. Эти встречи проходили в закрытом режиме в гостинице в Спиридоньевском переулке, в гостинице «Украина» или на конспиративной квартире в Москве. Мы потратили многие часы, чтобы убедить его изменить свою позицию. И он соглашался, но потом говорил, что изменить ничего нельзя. Хаббаш объяснял, что террористическое преступление, например захват самолета, готовится несколько лет. И он уже не может остановить ход событий: подготовка началась два-три года назад и сейчас ею занимаются неизвестные ему исполнители. Он говорил: «Даже если я сейчас дам вам слово, что остановлю теракт, я ничего не смогу сделать. Все следы уже потеряны».

Арафат во главе представительных делегаций ООП приезжал в СССР два-три раза в год. Ему выделялась резиденция на Ленинских горах, а наша главная задача заключалась в том, чтобы объяснить палестинским политикам: для продвижения к справедливому урегулированию на Ближнем Востоке необходимо взять на вооружение богатый арсенал политико-дипломатической борьбы. В те годы, как и сейчас, Организация Объединенных Наций признавала право народов на национально-освободительную борьбу – так было в Южном Вьетнаме, Анголе, Мозамбике и даже в ЮАР.

В Советском Союзе не было единого мнения по поводу того, как нашей стране следует относиться к Арафату и его организации. Некоторые считали, что их вообще не надо приглашать в Москву. Но наш комитет имел задание Политбюро, и мы должны были его выполнять.

Арафат был очень последовательным, волевым и эффективным политиком. Он умел продвигать свою линию. В Советском Союзе одной из основных его политических целей было добиться встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Арафат не понимал, почему этого так долго не происходит, ведь в это время он уже встречался с президентом Франции Франсуа Миттераном и Генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяром. В конце концов его принял глава советского правительства Алексей Николаевич Косыгин. Я тоже был на этой встрече: тогда состоялась основательная беседа о принципах ближневосточного урегулирования, о той роли, которую должна сыграть в нем Палестина. Но когда мы вышли от Косыгина, Арафат сказал: «Если вы нас не пускаете к высшему политическому руководству через дверь, то мы зайдем через

окно». Он ждал от СССР своего полного признания как лидера Организации освобождения Палестины. Все понимали: пока с Арафатом в СССР встречаются только министр иностранных дел или даже глава правительства, полного признания в Советском Союзе как политический лидер палестинского народа он не имеет. Нужна встреча с Брежневым.

Образно говоря, поход на «брежневскую вершину» продолжался. И победа была близка. 1 мая 1975 года Ясир Арафат в числе зарубежных гостей был на праздничной демонстрации на Красной площади. Я находился там же. Неожиданно ко мне подошел полковник из службы охраны Л.И. Брежнева и сообщил, что после демонстрации Генеральный секретарь ЦК КПСС встретится с Арафатом, и сказал, где надо быть на территории Кремля. Нам помогли туда пройти. С трибуны Мавзолея Ленина начали спускаться и проходить на территорию Кремля сначала военачальники, а затем члены Политбюро. Палестинский лидер видел всех. Они его тоже. Но в отсутствие «главного» самостоятельных инициатив ни одна из сторон не предприняла. И это понятно. Потом появился Л.И. Брежнев, а с ним Председатель Верховного Совета СССР Н.В. Подгорный. Состоялась короткая беседа, как говорится, «на ногах». Беседу переводил наш работник, блестящий арабист М. Зейналов. Это был политический сигнал для гостей со знаком плюс. Однако никаких сообщений в печати не последовало.

Как-то в свой очередной приезд в СССР в конце 1970-х годов Арафат выступал перед преподавателями и студентами Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. В это время мне позвонил Евгений Самотейкин, помощник Брежнева по международным вопросам, и сказал: «Через десять минут, максимум через пятнадцать лидер Организации освобождения Палестины должен быть у Брежнева в Кремле». Я ответил, что не могу за это ручаться, потому что Арафат сейчас находится в другом конце города. Самотейкин заявил: «Не можете, значит, встречи не будет».

Я тотчас же позвонил ректору университета Владимиру Францевичу Станису, он снял Арафата с трибуны, и тот пулей помчался в Кремль. Я тогда вместе с ним на эту встречу не успел.

Возможно, в ближневосточной политике СССР в 1970-х годах были ошибки. Но очень важно понять, что если бы СССР не стал уделять особое внимание палестинскому вопросу, то Ближний Восток пошел бы совершенно другими путями. Мы всегда стремились поддерживать умеренных деятелей палестинского сопротивления в окружении Я. Арафата. Например, нынешнего главу Палестинской автономии Махмуда Аббаса – одного из

давних соратников Арафата, который часто приезжал с ним в Москву.

Аббас был сторонником курса, ориентированного на использование политико-дипломатического инструментария, чем вызывал негодование отдельных палестинских деятелей, называвших его соглашателем. Кстати, Махмуд Аббас блестяще защитил в Москве, в Институте востоковедения, кандидатскую диссертацию по истории израильско-палестинских отношений.

В Пномпене после свержения Пол Пота

В апреле 1975 года к власти в Камбодже под знаменем марксизма-ленинизма пришел кровавый режим Пол Пота. Красные кхмеры переименовали свою страну, назвав ее Демократической Кампучией, хотя никакой демократии там, разумеется, не было. В течение 72 часов более 2,5 миллиона жителей Пномпеня, столицы Камбоджи, были изгнаны в отдаленные сельские районы. 30 тысяч государственных служащих и офицеров бежали за пределы страны и получили убежище на военной базе США в соседнем Таиланде.

Полпотовцы развернули жесточайший террор против образованного класса и городских жителей. Сам Пол Пот был Генеральным секретарем Коммунистической партии Камбоджи и в своей идеологии пытался опереться на идеи Мао Цзэдуна. Он считал, что суть учения Мао Цзэдуна сводится к крестьянской революции, восстанию деревни против города, и бросил в крестьянские массы лозунг «Существование городов – порок Отечества». Возглавляемые Пол Потом красные кхмеры намеревались превратить Камбоджу, страну с древней культурой и богатой историей, в одну большую деревню. Так они понимали социализм и коммунизм и не останавливались на своем пути ни перед какими преступлениями.

Обезумев на почве политического фанатизма, Пол Пот и его приспешники потеряли всякое понятие о ценности человеческой жизни и встали на путь геноцида собственного народа. За время полпотовщины было уничтожено от полутора до трех миллионов камбоджийцев – четверть населения страны. А потом красные кхмеры решили, что «крестьянскую революцию» надо распространить дальше – на соседний Вьетнам и весь Индокитай.

Пол Пот предъявил территориальные претензии Вьетнаму и начал военные действия против этой страны. Вьетнамцы ответили, их армия вступила на территорию Камбоджи, что вызвало резкое недовольство Пекина. Необходимо отметить, что все это происходило в период разлада в советско-китайских отношениях.

О знаменитой песне «Москве – Пекин» уже давно не вспоминали. Китайцы называли руководителей в Москве «ревизионистами», а те оценивали политику Компартии Китая как «гегемонистскую». Налицо был чрезвычайно запутанный узел политических противоречий в мировом левом движении: маоизм, гегемонизм, ревизионизм, красные кхмеры, а также ставший на путь социализма непокоренный и самостоятельный Вьетнам,

пользовавшийся поддержкой СССР. Несколько упрощая ситуацию, западные политологи называли происходившее опосредованной войной между Москвой и Пекином.

Между тем конец полпотовщине был положен именно при военной поддержке Вьетнама. В январе 1979 года части вьетнамской армии вошли в Пномпень, и Пол Пот был свергнут бывшими соратниками, провозгласившими создание Народной Республики Кампучия.

Делегация Комитета солидарности стран Азии и Африки отправилась в Кампучию через неделю после падения режима Пол Пота, когда в стране еще шли ожесточенные боевые действия. Инициатива командировки исходила от Ростислава Александровича Ульяновского, известного ученого-востоковеда, заместителя заведующего международным отделом ЦК КПСС. Спустя годы я благодарен Ульяновскому за то, что он направил меня в Кампучию в те непростые дни. Мы стали свидетелями хаоса, стрельбы, видели картины невиданных преступлений. Однако политику, особенно публичному, чрезвычайно важно лично быть на месте событий и в своих оценках опираться на то, что сам видел и слышал.

В Кампучию я отправился с известным журналистом Александром Каверзневым и моим помощником Владимиром Любомудровым. В связи с преступлениями Пол Пота, который утверждал, что он марксист и строит социализм, во многих странах звучала ожесточенная критика в адрес СССР: дескать, строительство социализма ведет к геноциду собственного народа. Нам надо было решительно опровергнуть эти обвинения, с фактами в руках доказать, что полпотовщина не имеет ничего общего ни с идеями Маркса, ни со строительством социализма.

Мне предстояло быстро оценить политическую обстановку в Кампучии и уже через два дня лететь в Ханой, чтобы встретиться с членом Политбюро Компартии Вьетнама, премьер-министром Фам Ван Донгом.

Увиденное в Пномпене потрясло. Ни одной живой души на улицах. Сгоревшие автомобили, разбросанная домашняя утварь, разлагающиеся останки людей и животных. На стенах центрального «Кинг-отеля», где мы остановились, следы от пуль и крови. И повсюду портреты Маркса, Ленина, Сталина.

До назначенной встречи с Фам Ван Донгом оставалось пять-шесть часов, когда мы с Любомудровым прибыли в аэропорт. Вьетнамский летчик, который оказался изрядно выпившим, сообщил нам, что вертолетному делу и всему остальному учился в Краснодаре. Лететь через зону боевых действий нам предстояло на изрешеченном пулями трофейном американском боевом

вертолете. Впрочем, другого выбора не было. Мы летели на высоте четырех километров, чтобы не попасть под огонь зениток, и задыхались от недостатка кислорода. Добравшись до города Хошимин (бывший Сайгон), пересели на военном аэродроме на Ан-24 и, лежа на боеприпасах, которыми он был забит под завязку, добрались до Ханоя. Встреча с Фам Ван Донгом прошла точно в назначенное время. Обсуждали ситуацию в Кампучии и те меры, которые следовало предпринять, чтобы показать мировой общественности истинное положение дел в этой стране.

После той поездки в моем распоряжении оказалось множество фактов, которые можно было использовать в международных дискуссиях – на всевозможных форумах, встречах с зарубежными журналистами и общественностью. При этом от нашего комитета не требовалось повторять оценки КПСС «от А до Я». Мы, как неправительственная по форме организация, могли быть более гибкими, хотя все равно в целом отстаивали позицию СССР. И были, как мне кажется, весьма убедительны. В этом и заключалось одно из преимуществ многоступенчатого построения международной деятельности в нашей стране.

От Пономарева до Добрынина

С 1961 и по 1986 год, то есть более двадцати лет, бессменным секретарем ЦК КПСС по международным вопросам был Борис Николаевич Пономарев. В связи с расширением международных связей партии, особенно за счет контактов с национально-освободительными организациями Азии и Африки, сфера деятельности Б.Н. Пономарева возросла, и в 1972 году он, оставаясь секретарем ЦК, был избран кандидатом в члены Политбюро. Кроме того, Борис Николаевич возглавлял комиссию по международным делам Совета Национальностей – одной из двух палат Верховного Совета СССР.

В международном отделе ЦК сложился профессиональный, сильный, внутренне сплоченный коллектив. И спустя много лет, встречаясь с международниками 1960—1980-х годов по разным поводам – на праздновании юбилеев и дней рождений, на презентациях книг, в скорбные дни проводов в последний путь, без этого в жизни не бывает, мы всегда с благодарным чувством вспоминаем тех, кто верно служил Отечеству. Вспоминаем времена больших международных инициатив – историю обретения независимости бывшими колониями, вьетнамскую эпопею, антивоенное движение, Хельсинкский процесс. Страницы истории отечественной дипломатии (официальной и народной) богаты событиями.

Говоря о международниках 1960—1980-х годов, подчеркну, что образы якобы «ограниченных, замкнутых чиновников», встречающиеся в иных рассуждениях, не имеют ничего общего с действительностью. Взять хотя бы Ростислава Алексеевича Ульяновского – заместителя заведующего международным отделом ЦК. Этот талантливый ученый-востоковед был образцом настоящего интеллигента. Молодой ученый-индолог, он в середине 30-х годов был обвинен в троцкизме и попал в жернова политических репрессий. Отсидел в тюрьме, затем – ссылка. В середине 1950-х годов Ульяновский вернулся в Москву, начал работать в Институте востоковедения Академии наук СССР, защитил докторскую диссертацию, стал заместителем директора института. И с этой должности, к всеобщему удивлению, учитывая его «тюремную» биографию, попал в аппарат ЦК. Б.Н. Пономарев «пробил» назначение Ульяновского на должность заместителя заведующего международным отделом.

С Ростиславом Александровичем меня связывали долгие годы совместной работы. Мы были вместе в трудных командировках в Каире, Хартуме, Аддис-Абебе, объездили весь Ближний Восток.

Большим авторитетом в сообществе политиков-международников в стране и за рубежом пользовался другой заместитель заведующего международным отделом ЦК, Вадим Валентинович Загладин, доктор философских наук, знаток нескольких европейских языков, прекрасный оратор. Он тоже совсем не был похож на ограниченного чиновника.

В памяти имена многих и многих сотрудников МИДа и международного отдела ЦК, слаженная работа которых отличалась высочайшим профессионализмом и чувством огромной ответственности перед страной.

Избрание Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачева открыло новый цикл в политической истории Советского Союза. Разумеется, все понимали, что предстоят кадровые изменения. Но никто не ожидал, что они будут такими кардинальными.

Через четыре месяца после избрания М. Горбачева было объявлено, что 19–20 ноября 1985 года в Женеве состоится советско-американская встреча на высшем уровне. А за неделю до этого появилась другая новость: Политбюро приняло решение о переходе министра иностранных дел Андрея Андреевича Громыко на новую работу. 2 июля 1985 года Громыко был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Должность высокая, но не предполагавшая такого влияния на реальную политику, какое было у главы МИДа.

После того как стало известно, что А.А. Громыко уходит в Верховный Совет, внимание не только в советских элитах, но и за рубежом было обращено на то, кто может стать новым министром иностранных дел СССР. Кто может заменить Громыко, стоявшего у истоков создания ООН и возглавлявшего советский МИД почти 30 лет?

В результате никто не угадал. Назначение на пост главы МИДа Э.А. Шеварднадзе стало политической сенсацией. Да, Шеварднадзе был опытным партийным работником, успешным руководителем республики. Но он никогда не занимался вопросами внешней политики, не занимал никакие должности на общесоюзном уровне.

Изменения произошли не только в МИДе, но и в другом крыле внешнеполитической конструкции СССР, в ЦК КПСС. В марте 1986 года вместо Б.Н. Пономарева секретарем ЦК по международным вопросам был избран Анатолий Федорович Добрынин. Он был, пожалуй, самым именитым дипломатом в СССР. Более 24 лет проработал послом СССР в США. За это время там сменилось шесть президентов. Назначение Анатолия Федоровича, насколько я помню, было воспринято как стремление усилить роль ЦК в системе международных связей

СССР. Помню и обеспокоенность моих коллег в советском Комитете солидарности стран Азии и Африки, в академических институтах востоковедения, Африки, Латинской Америки: не сделает ли А.Ф. Добрынин отношения с США главным направлением внешней политики, не отодвинет ли все остальное на потом? Сразу скажу, что этого не произошло.

10 мая 1986 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов должна была открыться сессия Совета Организации солидарности народов Азии и Африки (ОСНАА). К этому мероприятию долго готовились, в Москву были приглашены делегации из десятков стран. Но 26 апреля произошла авария на Чернобыльской АЭС. На какое-то время это стало главной мировой новостью. Западные СМИ со ссылкой на ученых и политиков писали, что в связи с риском радиоактивного заражения посещать Москву и вообще Советский Союз теперь опасно для жизни.

Но абсолютное большинство приглашенных на форум ОСНАА не поддались страху. Более того, стремились показать свою солидарность с нашей страной. Приехали практически все.

Учитывая сложившуюся обстановку, было крайне важно, чтобы на сессии ОСНАА выступил высокий представитель политического руководства страны. Президиум ОСНАА обратился с этим предложением в ЦК КПСС.

Ответ не заставил себя ждать. Перед делегатами сессии ОСНАА из десятков стран Азии, Африки и Ближнего Востока выступил секретарь ЦК А.Ф. Добрынин. Это было его первое выступление на такого рода представительном форуме. И оно произвело сильное впечатление. По залу прошло одобряющее оживление. Восторженные взгляды на оратора как бы говорили: вот, оказывается, какие люди на авансцене советского руководства. Дебют в новой должности А.Ф. Добрынина был очень успешным.

Посол СССР в Сирии. Время Хафеза Асада

Много лет наш комитет занимался интересной, увлекательной работой. И тем не менее к середине 1980-х годов я понимал: процесс деколонизации, по существу, завершен, страница истории перевернута.

В августе 1986 года я узнал, что в ЦК КПСС и МИДе рассматривается моя кандидатура для возможного назначения Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Египте. У меня не было планов покидать комитет и уходить на другую работу. Кто-то любит часто менять сферы деятельности, я же стараюсь сконцентрироваться на одном деле. Но когда получил официальное предложение, не стал отказываться. Ведь для международника высшее признание профессионализма – стать послом, а в случае СССР – представлять великую державу. Правда, речь шла уже не о Египте, а о Сирийской Арабской Республике.

Перед назначением я имел обстоятельную беседу с Генеральным секретарем ЦК КПСС М.С. Горбачевым и Председателем Верховного Совета СССР А.А. Громыко. Передо мной были поставлены ответственные задачи: к тому времени сирийское направление становилось доминирующим для советской внешней политики на Ближнем Востоке и в арабском мире.

В Дамаске по прежней работе я бывал десятки раз. Был знаком со многими сирийскими политиками. Казалось, что отправляюсь в хорошо знакомую страну. Конечно, были сомнения: справлюсь ли с новой работой, не являясь арабистом? Смущало незнание арабского языка. По-моему, большинство людей, сомневающихся в правильности своего выбора, принадлежат к одной категории: они сомневаются не потому, что не верят в свои возможности, а потому, что хорошо представляют объем задач, встающих перед ними. Есть и другие: они не сомневаются ни в чем и никогда.

В конце сентября 1986 года я уже принимал дела в Дамаске. В то время Сирия входила в пятерку ведущих стратегических партнеров СССР. В стране работало более 8600 советских специалистов. В их числе были бывшие министры, заместители министров, более сорока действующих генералов. Бурно развивалось экономическое, научно-техническое, военное сотрудничество. Взаимным связям и в Москве, и в Дамаске придавали столь большое значение, что за два года моей работы в Сирии страну посетили почти все высшие руководители Советского Союза.

Находясь там, впервые понял, что значит быть послом своего государства в другой стране. Любой внешнеполитический работник, будь то рядовой дипломат или министр иностранных дел, вряд ли поймет специфику работы посла, если лично не ознакомится со скрытыми нюансами особо обязывающей миссии. За спиной каждого чиновника в родной стране стоит государство, коллеги, официальные структуры. Если произойдет нештатная ситуация, они придут на помощь. У посла такой опоры нет. Он сам себе голова. Представляя в одном лице и правительство, и свою страну, посол не имеет права на ошибку, тем более серьезную. Потребовалось не слишком много времени, чтобы понять особенности новой работы и сделать вывод: именно от позиции посла, от его действий главным образом зависит успех дипломатической работы в стране пребывания.

Мои дела в Дамаске постепенно налаживались. Трудно назвать какую-либо другую страну, где в то время трудилась бы такая большая «армия» советских специалистов – инженеров, строителей, военных советников. Благодаря содействию СССР Сирия стала настоящей крепостью защиты общеарабских интересов. Об этом с признательностью говорили мне многие арабские лидеры, с которыми я встречался в то время в сирийской столице. Огорчало лишь одно – военно-мобилизационная экономика Сирии все слабее реагировала на потребности населения.

Между тем работа по развитию межгосударственных связей и координации совместных усилий по ближневосточному урегулированию полностью заполнила мое время. Работать было интересно, но очень непросто. У меня сложились доверительные отношения с президентом Сирии Хафезом Асадом. Я имел привилегию регулярных встреч с сирийским президентом. Они проходили в Дамаске, а летом чаще в резиденции Асада на Средиземном море, в городе Латакия.

По профессии Хафез Асад был летчиком и, до того как стал президентом, несколько лет командовал военно-воздушными силами Сирийской Арабской Республики. В СССР он прошел полный курс обучения как летчик-истребитель (летная школа находилась в Киргизии, близ Фрунзе) и неплохо знал русский язык. Иногда наши особо доверительные беседы велись без переводчика. Асад с большой теплотой вспоминал годы учебы в СССР. Он рассказывал, что когда в молодости бывал в Москве, то его почему-то принимали за кавказца и пытались выяснить, из какой республики он приехал.

О Хафезе Асаде написано много книг. Наиболее известными являются работы двух его французских биографов. Сирийский

президент обладал редкой политической интуицией, блестящей памятью и проницательностью. От собеседника требовалось знание этих его качеств. К каждой встрече надо было тщательно готовиться. Помню, как в один из своих визитов в Дамаск госсекретарь США Джордж Шульц в порыве откровенности сказал, что всегда волнуется перед переговорами с Х. Асадом. Даже Андрей Андреевич Громыко, имевший огромный опыт государственно-дипломатической деятельности, с особой ответственностью относился к каждой встрече с сирийским президентом.

С благодарностью вспоминаю свое взаимодействие с министром иностранных дел Сирии Ф. аль-Шараа. В то же время каждый случай обсуждения вопросов советско-сирийского сотрудничества с вице-президентом Хаддамом требовал выдержки и большой силы воли перед его манерой предубежденно негативного отношения к нашей стране, а иногда и тенденциозного передергивания позиции СССР по ближневосточным вопросам.

Постепенно у меня появилась убежденность в том, что в Сирии мне предстоит работать как минимум традиционные для посла четыре-пять лет. Но этого не произошло. Весной 1988 года в Дамаск в очередную командировку прибыл первый заместитель министра иностранных дел Ю. Воронцов. Он доверительно сообщил, что в Москве прорабатывается вопрос о моем назначении послом в Индию, страну, которая была одним из лидеров пост-колониального мира, основателем Движения неприсоединения, занимала видное место в международном сообществе.

Это было бы для меня с точки зрения карьерного роста прекрасной перспективой. Но все произошло иначе. На третий год пребывания в Дамаске, хорошо помню, это была пятница, выходной день в Сирии, я получил из центра шифрограмму. Мне предписывалось первым же авиарейсом прибыть в Москву.

Признаюсь, я был встревожен. Несколько месяцев назад получил точно такую же шифрограмму. Ее передали вечером 7 ноября во время государственного приема в посольстве СССР. Это было ответственное мероприятие: мы принимали около 1300 гостей. Мой референт Юрий Михайлович Золотов доложил о телеграмме только поздно вечером. Вызов был связан с болезнью отца. Прилетев, я застал его в безнадежном состоянии. Я вспомнил минуты прощания с отцом, и снова больно кольнуло в сердце: неужели что-то случилось дома?

Неизвестность мучила меня почти сутки. В Москве узнал, что неожиданный вызов каким-то образом связан с ЦК КПСС, куда

мне следовало сразу же позвонить.

Была суббота, выходной день в СССР. Я набрал указанный номер, особо не рассчитывая на ответ. Однако трубку сразу же поднял заведующий сектором Организационного отдела ЦК КПСС Николай Коняев. Ничего не объясняя, он попросил приехать на Старую площадь. Здесь меня принял секретарь ЦК КПСС по оргвопросам Г.Л. Разумовский. Из беседы с ним выяснилось, что меня собираются рекомендовать на должность первого секретаря Северо-Осетинского обкома КПСС.

В первый момент это предложение показалось странным. Я не вполне понимал, что означает подобная рокировка, и даже попытался срочно связаться с Международным отделом ЦК. Хотел рассказать о случившемся: что неожиданно вызван из Дамаска в Москву, попал в непонятную ситуацию. В курсе ли происходящего мои кураторы?

Телефоны Международного отдела в тот день не отвечали. Но я догадывался, что, если бы кто-то и был на рабочем месте, решение осталось бы неизменным. Раз советского посла вызвали из Дамаска в Москву, значит, с Международным отделом все согласовано. И добро от всех инстанций получено, в том числе от министра иностранных дел и от моего партийного куратора секретаря ЦК КПСС Анатолия Добрынина.

В ту субботу я, как по конвейеру, прошел все этажи номенклатурных бесед: от заведующего сектором до Генерального секретаря ЦК КПСС. В кабинет Горбачева попал во второй половине дня, часа в три. Эта встреча и заставила меня принять решение.

Суть аргументов Горбачева сводилась к тому, что мое возвращение в Северную Осетию в данный момент очень важно.

Мысль была ясна. Абсурдно было бы сказать «нет». До сих пор не знаю, у кого и при каких обстоятельствах возникла идея отозвать посла СССР из Дамаска, чтобы направить в Северную Осетию и рекомендовать на должность первого секретаря обкома партии. Догадываюсь, что автором этого замысла был сам Горбачев.

К тому времени мы хорошо знали друг друга лет тридцать. Он работал в соседнем с Северной Осетией Ставропольском крае, я – у себя в республике. Позже я уехал в Москву, а он стал первым секретарем партийной организации Ставрополья. В столицу переехал в конце 1970-х годов, после того как был избран секретарем ЦК КПСС. Тем не менее мы никогда не теряли друг друга из виду. Время от времени встречались на разных мероприятиях. Став Генеральным секретарем ЦК КПСС, Горбачев, видимо, продолжал держать меня в поле зрения.

Одним словом, в тот субботний день я вошел в здание на Старой площади в должности посла СССР в Сирии, с перспективой через два-три месяца отправиться в Индию послом нашей страны, а вышел из ЦК первым секретарем Северо-Осетинского обкома партии. Такая линия судьбы. Даже при большой фантазии вряд ли можно было предположить такой разворот. Тогда и теперь считаю, что предложение о новой работе я принял только потому, что меня направляли на родину, туда, где мои корни и народ, к которому имею честь принадлежать.

Через несколько дней после разговора с Горбачевым я уехал во Владикавказ, тогда еще Орджоникидзе. Земляки встретили меня очень хорошо, и я расценил это как аванс на будущее.

Но после того как я уже был избран первым секретарем областного комитета партии, мне предстояла еще одна поездка в Дамаск. Я должен был нанести «визиты вежливости» руководителям Сирии. Надо сказать, эти встречи не стали обычными для дипломатической практики мероприятиями. Особенно поразил своей внимательностью президент страны Хафез Асад. Он заявил, что о моем переходе на новую работу в Дамаске узнали из информационного сообщения ТАСС, когда все уже было решено. Президент Асад утверждал, и, как мне кажется, искренне, что если бы эта новость пришла хотя бы на день раньше, то он, пользуясь добрыми отношениями с руководством СССР, поставил бы вопрос о продолжении моей работы в Сирии. В подтверждение высокой оценки моей деятельности на посту посла СССР я был удостоен высокой государственной награды Сирии, которой очень дорожу.

Нью-Дели отменяется. Где родился, там и пригодился

Первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС я был избран за месяц до очередной отчетно-выборной областной партийной конференции – в ноябре 1988 года. Поясню для молодого читателя, что в СССР, где КПСС была единственной и, соответственно, правящей партией, должность первого секретаря аккумулировала всю полноту власти в регионе, включавшую и политику, и экономику, и расстановку кадров. Первый секретарь обкома партии был не просто лидером партийной организации, а первым должностным лицом в системе государственной власти в республике.

В повестке дня пленума обкома стоял лишь один вопрос – об освобождении В.Е. Одинцова от должности первого секретаря и об избрании на эту должность А.С. Дзасохова. Но это было отклонением от правил – обычно смена руководителя происходила в ходе отчетно-выборной конференции. Я спросил первого заместителя заведующего отделом партийного строительства и кадровой работы ЦК КПСС Е.З. Разумова, приехавшего во Владикавказ представлять меня членам обкома, чем вызвано отступление от сложившейся практики. Евгений Зотович пояснил, сославшись на обсуждение вопроса в руководстве ЦК, что с отчетным докладом на предстоящей через месяц партконференции должен выступить уже новый первый секретарь. Ему (то есть мне) надо будет сформулировать программные задачи на предстоящий период, принять участие в формировании руководящих органов областного комитета партии.

Пленум по понятным причинам вызывал большой интерес у всех жителей республики. Люди были в курсе предстоящих изменений. Мое появление расценивали как признак возвращения доверия руководства страны к политикам – выходцам из самой республики. Так считала едва ли не вся интеллигенция, значительная часть партийных и хозяйственных работников, многие из которых были задвинуты на задворки политической и общественной жизни, а иногда даже подвергались необоснованным уголовным преследованиям.

Были и сторонники уходящего руководства. Они опасались, что уход Владимира Евгеньевича приведет к серьезной перегруппировке кадров, к смене приоритетов в развитии республики.

Но и те и другие понимали: вопрос уже решен в Москве.

Поэтому пленум прошел без неожиданностей. Меня единогласно избрали руководителем партийной организации Северной Осетии.

После того как были оглашены результаты тайного голосования и прозвучали полагающиеся в таких случаях аплодисменты, слово взял Разумов. Выходец из Кузбасса, опытный партийный работник, он выступил перед внимательно слушавшим залом очень по-деловому. И первым делом высказался по главному вопросу.

«Избрание первого секретаря обкома партии – большое событие в жизни партийной организации, – сказал он. – Разумеется, ее деятельность зависит от того, как ее направляет, как руководит ею коллектив, и потому роль каждого члена комитета, каждого члена бюро заметна и влияет на результаты работы. Но все же особая ответственность за проведение в жизнь политики партии, за руководство областной партийной организацией возлагается на первого секретаря».

Последовавшее затем развитие этого тезиса, признаюсь, вызвало у меня некоторое недоумение. Ведь в зале находился и уже бывший партийный глава Северной Осетии – Одинцов. Не думаю, что ему пришлось по душе такое заявление.

«Вы знаете, любая замена работника, – продолжил свою речь Разумов, – любая перестановка кадров оправдана в том случае, если за этой перестановкой следует улучшение дела».

Мне предстояло выступить сразу после Разумова. Но я никак не мог сосредоточиться на том, что должен был сказать. Вспоминались события шестилетней давности, когда тоже происходила смена партийного руководства в республике. И хотя я тогда работал в Москве, в другой сфере и, естественно, не присутствовал на пленуме 1982 года, когда вместо прежнего первого секретаря Б.Е. Кабалоева был избран Одинцов, живо представлял себе, каково в такой ситуации было состояние уходящего в отставку руководителя. Билар Емазаевич Кабалоев, почти 20 лет находившийся во главе республики, много хорошего сделавший для народа, был снят со своего поста с негативными политическими оценками, а затем, как часто бывало в то время, был назначен «далеко от Москвы» генеральным консулом в г. Эрдэнэт (Монголия).

Я считал своим долгом быть рядом с Биларом Емазаевичем, много сделавшим для Осетии, поэтому старался не только сохранить, но и укрепить наши близкие товарищеские отношения. Мне было крайне неприятно, что многие от него тогда отвернулись. В трудное для него время мы десятки раз

встречались в Москве – или у меня дома на Университетском проспекте, или в гостях у замечательного кабардинского поэта Алима Кешокова, с которым и Кабалоев, и я дружили. Билар Емазаевич в доверительной беседе, за чашкой чая или за бокалом вина, подробно рассказывал о том, что произошло в октябре 1981 года в Осетии. Он глубоко переживал случившееся, и мы с Кешоковым всячески пытались его поддержать.

До этих встреч у меня, конечно, была скупая информация о том, что тогда стряслось на моей родине. С большой тревогой и озабоченностью я узнавал подробности от родственников, от своих студенческих друзей.

Тысячи жителей республики выступили тогда с открытым протестом против непрекращающихся убийств жителей Северной Осетии в Пригородном районе. Протесты вылились в массовые выступления в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ) 24–26 октября 1981 года. Среди демонстрантов были погибшие, многие среди гражданских лиц и брошенных на их усмирение военнослужащих получили ранения, большое количество протестующих было арестовано. В результате против руководителей республики выдвинули неоправданно жесткие обвинения. В совершенно секретном постановлении ЦК КПСС от 12 января 1982 года «О крупных недостатках в работе Северо-Осетинского обкома КПСС по идейно-политическому, интернациональному воспитанию трудящихся» содержались формулировки и о якобы националистических тенденциях в среде республиканской интеллигенции.

В этих выводах отразились впечатления, полученные специальной комиссией, присланной из Москвы. Ее возглавляли член Политбюро, председатель Совета Министров РСФСР М.С. Соломенцев и первый заместитель министра внутренних дел СССР, брежневский зять Юрий Чурбанов. Они прибыли в г. Орджоникидзе в самом начале протестных выступлений. На спешно созванном 28 октября 1981 года собрании партийного актива Северной Осетии выступил М.С. Соломенцев. Его пространная речь изобиловала словами «беснующаяся толпа», «хулиганствующие элементы», «распоясавшиеся молодчики». Неудивительно, что подобный подход вместо глубокого анализа подлинных причин произошедшего мог привести только к поверхностным выводам. «Партия не позволит никому глумиться над народом, обществом», – подвел итог Соломенцев.

Но на самом деле итог был таким, что не были вскрыты истинные причины происшедшего и были даны неверные оценки событиям. Быть может, это в немалой степени способствовало тому, что произошло осенью 1992 года в Пригородном районе

Северной Осетии.

Любопытно, что в президиуме собрания вместе с Соломенцевым и Чурбановым сидел тогда и Разумов – третий среди них по должностной иерархии. В то время он еще не знал, что, «посовещавшись», в ЦК КПСС выдвинут на замену «несправившемуся» Кабалоеву Одинцов (и не предполагал, что еще через семь лет ему вновь придется посетить Северную Осетию, на этот раз уже для замены Одинцова и представления нового руководителя).

Таким образом, в январе 1982 года В.Е. Одинцов по решению ЦК КПСС был направлен в Осетию в очень сложное для республики время. Он приехал с полномочиями «навести порядок» после событий прошедшей осени. И эта директива «наведения порядка», к сожалению, довлела над всеми его действиями.

Владимир Евгеньевич не был новичком в кавказской политике. До ЦК он несколько лет работал вторым секретарем Дагестанского обкома партии. Возглавлял обком талантливый партийный и государственный руководитель Магомедсалам Умаханов, кавалер шести боевых орденов. Они очень слаженно работали. Умаханов был крупной политической фигурой – как и его предшественник Абдурахман Даниялов.

Мое первое знакомство с Одинцовым состоялось, когда в качестве руководителя советского Комитета солидарности со странами Азии и Африки я приехал в Махачкалу для выступления перед общественностью республики по внешнеполитическим вопросам. Так было принято. Держать общественность в курсе дела. Мой приезд (конечно, не случайно) совпал с 60-летием великого Расула Гамзатова, близкого мне человека, давнего и верного друга. Стоял сентябрьский бархатный сезон, что поднимало настроение.

Юбилей Расула прошел великолепно, официальные мероприятия исчерпаны, лекции прочитаны. Умаханов пригласил меня к себе на дачу, на берег Каспийского моря. Там я и познакомился с Одинцовым. Мы полдня провели втроем, говорили о текущих делах, но не только. Умаханов больше говорил о вопросах культуры, образования, истории, Одинцов же подключался к разговору об экономическом положении республики, сельском хозяйстве. Тогда я не мог предположить, как и при каких обстоятельствах мы с ним потом встретимся.

И вот Одинцов приехал в Северную Осетию «наводить порядок». Уверен, что он, скорее всего, пытался сдерживать машину репрессий и начавшуюся после октября 1981 года кампанию закручивания гаек. Но сдерживал не в меру своих

возможностей. Иначе как могли тогдашние прокурор республики Путимцев и министр внутренних дел Комиссаров считать, что наступил день, когда «осетинских националистов», а их (спасибо Соломенцеву и Чурбанову!) они выявили много, надо посадить за решетку. Повод для этого, по их мнению, всегда найдется.

И действительно, поводы «находили». Дошло до того, что бывший секретарь обкома партии, опытный и авторитетный в республике Александр Чельдиев, которого перевели на пост республиканского министра промышленности, был вынужден в 1984 году приехать в Москву искать правду у здравомыслящей части аппарата ЦК КПСС. Он приходил и ко мне на Кропоткинскую, где располагался Комитет солидарности со странами Азии и Африки, рассказывал о нарастающем недовольстве среди общественности и сложной обстановке в республике, просил содействия. Я тут же связался с Отделом административных органов ЦК КПСС. Чельдиева там приняли, внимательно выслушали и направили во Владикавказ сначала комиссию МВД СССР, а потом и Генеральной прокуратуры.

Из этого следует, что слова А.Х. Чельдиева, как и обращения в Москву других представителей общественности Северной Осетии, были услышаны. Объективное разбирательство выявило вопиющее беззаконие со стороны местных правоохранительных органов. Вместо кропотливой работы некоторые их руководители пошли по легкому пути громких арестов. Такой метод «наведения порядка» ничего кроме дезорганизации в управлении республикой и ее хозяйством принести не мог. Многие столкнулись с необоснованными, бездоказательными обвинениями. Но пока устанавливалась истина (впоследствии были сняты надуманные обвинения почти с двадцати должностных лиц республики), тот же Чельдиев просидел три месяца в следственном изоляторе КГБ по Северной Осетии.

В этой возне за показное «наведение порядка» большую ретивость проявляли и отдельные местные ответственные партийные работники, имена и фамилии которых нет смысла называть. Здесь сделаю важное замечание. За долгие годы отсутствия в руководящих органах партии демократической атмосферы, особенно в 1970—1980-х годах, возникла оторванность высоких партначальников от конкретных практических дел. Во времена Брежнева аппарат ЦК на деле подменял избранные руководящие органы КПСС и превышал свои полномочия, часто бесчинствовал на местах. Северо-Осетинскую и Кабардино-Балкарскую организации курировал инструктор орготдела ЦК Юрий Бессарабов. Его приезды на место производили впечатление, что он едет ругать, снимать, а его

слова, критические замечания воспринимались как директивы ЦК. Но ведь так не должно быть. Плохо, что высокопоставленные работники на местах попадали в эту ловушку и слепо выполняли команды. Внезапно они превратились в борцов за «справедливость», используя указания аппаратчиков как инструмент укрепления собственных служебных позиций и карьерного роста. Нашлись и те, кто, угождая новому начальству и испытывая, вероятно, чувство мелочной мстительности, отобрал у Кабалоева его владикавказскую квартиру на улице Фрунзе. Туда поселили нового руководителя. Я уверен, что Одинцов не сам принял это постыдное решение, но факта с квартирой было достаточно, чтобы авторитет в глазах многих людей, уважительно относившихся к прежнему руководителю, оказался под сомнением. Когда я был избран первым секретарем обкома, то среди первых моих шагов стало возвращение семье Кабалоева квартиры в столице Северной Осетии.

Приходилось слышать от партийных работников районного звена, работавших с Одинцовым, хорошие отзывы. Отмечали, что Владимир Евгеньевич защищал интересы республики по хозяйственным вопросам. Это касалось своевременного получения новой техники для агропромышленного комплекса, дорожного строительства на селе. Но все эти дела перечеркивались явно неадекватным ситуации политическим курсом в выстраивании межнациональных отношений. Был создан искусственно режим преференций для представителей одной части населения. Преференции выражались, в частности, в широком административном применении квот при замещении ответственных должностей в партийном аппарате, в государственных и хозяйственных организациях. Основательная работа по выстраиванию гармоничных межнациональных отношений, преодолению прошлых обид и противоречий не проводилась, подменялась административным ресурсом. На ропот в рядах интеллигенции и молчаливое неприятие происходящего простыми людьми не обращали должного внимания. За легковесными обвинениями в «национализме» скрывались вполне реальные вещи – общественное недовольство состоянием правопорядка, слабой, неэффективной работой по пресечению насильственных преступлений.

Но вернемся в 1988 год, к пленуму Северо-Осетинского областного комитета. Е.З. Разумов не ограничился только кадровым вопросом, говорил о перестройке, о назревших реформах, о положении дел в республике. О том, что в Северной Осетии принято много хороших экономических программ, но они не выполняются. И о том, что капиталовложения в

непроизводственную сферу значительно ниже общероссийских показателей. Словом, он дал понять, как много предстоит еще сделать.

Завершающий свою работу посол, согласно межгосударственному дипломатическому обычаю, должен, перед тем как покинуть страну, встретиться с ее руководством. Кроме того, я должен был передать дела, поблагодарить работников посольства (замечу, что оно было самым большим на Ближнем Востоке), сказать слова благодарности восьмитысячному коллективу военных и гражданских специалистов.

После пленума я поспешил в Дамаск. Сдать там дела и быстрее вернуться назад: нужно было глубже вникнуть в накопившиеся в республике проблемы и отразить самое главное в отчетном докладе. Готовиться надо было тщательно.

О моем избрании сразу же сообщил главный информационный орган страны – ТАСС. Поэтому в Сирии и арабских странах о нем узнали еще до моего возвращения. В Дамаске у меня состоялась встреча с президентом страны Хафезом Асадом. Беседа была продолжительная, менее всего похожая на протокольную. По ее окончании я был награжден высшей наградой Сирии. Вручая орден, Асад сказал, что если бы узнал о том, что меня собираются направить на новую работу, не из сообщения информагентства, а раньше, то немедленно связался бы с Горбачевым и попросил его не делать этого. Это был не комплимент, и я уверен на сто процентов, что просьба президента дружественной нам страны была бы исполнена. Со своей стороны я сказал Хафезу Асаду, что согласился перейти на другую работу только потому, что Осетия – моя родина.

Когда я вернулся в Осетию, то сразу же начал готовиться к партийной конференции. День за днем до позднего вечера работал над текстом доклада. Особенно сложно было найти сочетание между отчетной частью и постановкой изменившихся задач на будущее. Многие факты политической и экономической жизни республики ранее не были мне известны. Я узнал, что за последнее время многократно увеличилось число обращений граждан с острыми суждениями о положении дел в трудовых коллективах и учебных заведениях.

Помню, чувствовал себя очень неуютно вдали от центра города в новом монументальном здании, где с недавних пор размещался Северо-Осетинский обком партии. Я, естественно, поинтересовался количеством сотрудников аппарата и технического персонала, других служб, находившихся здесь. Выяснилось, что во всем многоэтажном здании с огромными помещениями, включавшими в себя и зал торжественных

мероприятий, и огромное количество просторных кабинетов, по размерам больше похожих на школьные классы, работало всего сорок два человека.

Кроме очевидных излишеств, насторожил выбор места, в котором было возведено новое здание обкома. Когда стал расспрашивать, как получилось, что руководящие органы республики располагаются в здании на окраине города, мне ответили в том духе, что в стране случаются кризисные ситуации, требующие гарантированной защиты центров управления. Тут я понял, в чем дело. Решение о строительстве нового здания обкома было принято под влиянием событий 1981 года. В результате центр политической власти оказался едва ли не на опушке леса, вдали от людских глаз, что якобы должно было обезопасить партработников в случае повторения эксцессов. Управляющий делами обкома Николай Притыко пояснил, что продумывалась и такая возможность: если вновь возникнет нештатная ситуация, то на находящемся неподалеку стадионе можно будет разместить вооруженные подразделения для пресечения массовых выступлений.

С первых же дней я почувствовал оторванность местного партийного аппарата от жизни республики. Все правительство осталось в старом здании. То есть мы сами по себе, на отшибе, а республика, город с его рабочим классом, творческими союзами, с трамваями и пассажирами, в конце концов, – все это далеко, как бы в другом измерении. Ни с кем не советуясь, я принял решение, что областному комитету партии надо возвращаться на историческое место, туда, где он находился почти пятьдесят лет. Это должно было придать политическому руководству уверенность, сохранить историческую преемственность. Кроме того, устранялся серьезный общественный раздражитель. И через очень короткое время я перебрался в кабинет, в котором работали все мои предшественники.

Но обустройство было только половиной дела. Надо было найти подходящего хозяина для освободившегося здания. Решение не заставило себя ждать: такими хозяевами должны стать талантливые, одаренные дети! Я уведомил управляющего делами ЦК КПСС Н.Е. Кручину, что обком возвращается на прежнее место, а в новом здании будет создан центр художественного, эстетического воспитания детей. Нестандартный шаг получил всеобщую поддержку в народе, особенно среди ветеранов партии, Великой Отечественной войны, представителей старшего поколения. Были тысячи благодарственных писем, звонков от родителей, от жителей республики.

Я и теперь считаю, что все было сделано правильно, хотя у некоторых работников обкома партии были и другие мнения. А я на это скажу: за годы после открытия Лицея искусств (так в итоге стало называться размещенное здесь учебное заведение, созданное на базе ютившейся в тесных помещениях Школы искусств) были подготовлены тысячи будущих художников, музыкантов, мастеров хореографического искусства. Многие творческие коллективы лицея стали лауреатами всероссийских и международных конкурсов, в том числе уникальный ансамбль старинных осетинских инструментов «Дала-фандыр». А ведь могло быть и по-другому. В Чечне в новом здании областного комитета партии оказался Дудаев. В Тбилиси в здании ЦК – Гамсахурдиа. А у нас – одаренные дети!

Возвращение органов управления республикой и партийной организацией в центр города стало своего рода сигналом: новое руководство республики не допустит оторванности управления от общества и его реальных проблем. Но только в популярной песне поется, что завязанный узелок легко развязать. В жизни далеко не так. Были проблемы, которые накапливались годами и требовали долговременных, настойчивых действий по их разрешению. Или такие, которые невозможно было решить без вмешательства и поддержки центральных властей.

В короткие сроки бюро обкома партии повысило уровень согласия в обществе, вернуло людей к активному участию в хозяйственных и других делах республики.

Как и любому новому руководителю, мне хотелось найти какие-то дополнительные возможности для экономического и социального развития родного края. Буквально на поверхности лежал вопрос о раскрытии на принципиально новом уровне лечебно-курортного потенциала Северной Осетии. Да и пример соседей в Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и курортах Кавказских Минеральных Вод стимулировал наше желание более основательно заняться этим направлением. Наши друзья в Кабардино-Балкарии заслуженно обеспечили своей республике репутацию всесоюзной здравницы. Этому помогала и политическая традиция избрания от Кабардино-Балкарии в состав Верховного Совета СССР несколько созывов подряд руководителя Четвертого главного управления Минздрава СССР Евгения Чазова.

У Осетии сложился другой образ. Республика, видимо в силу развитой цветной металлургии и почти двух десятков заводов военно-промышленного назначения во Владикавказе, считалась ориентированной на индустриальное развитие.

Все это было так. В Осетии сформировались несколько поколений технической интеллигенции и

высокопрофессиональных рабочих. Но важно было раскрыть потенциал Осетии гораздо шире. Наши природные и курортные возможности превосходны. Поэтому я сделал ставку на развитие рекреационного направления. Одной из производственных перспектив наметил введение в потребительский оборот запасов минеральных вод Осетии. На имя Генерального секретаря ЦК КПСС в марте 1989 года была направлена подробная аналитическая записка «О перспективах использования лечебных минеральных вод». В ней подчеркивалось, что на территории республики находится более 300 источников минеральных вод, группирующихся в 41 месторождение с оценочными запасами 14 тысяч кубометров воды в год, что позволяет охватить курортно-санаторным лечением более 100 тысяч человек.

Беседа с Горбачевым и представленный на рассмотрение документ возымели действие. Вскоре в республику приехал председатель Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) С.А. Шалаев. К рассмотрению вопроса были подключены известные в то время в стране научно-исследовательские институты, ученые и специалисты республики – Эльбрус Кучиев, Чермен Касаев, Виктор Цогоев, Борис Бероев, Урузмаг Дзгоев и другие. В результате была создана солидная программа, оформленная как постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС. Программа не ограничивалась только минеральной водой. Она охватывала широкий круг вопросов, связанных с использованием минеральных источников, развитием инфраструктуры курортов.

Началась и практическая работа. Однако мы успели сделать только первые шаги. Общественные и политические потрясения в Советском Союзе, вступившие в острую фазу, не дали возможности завершить задуманное. Позже в условиях постсоветской России руководство республики вернулось к этим вопросам. Но возможности были уже не те, что раньше. Были восстановлены санатории «Осетия» и «Тамиск», здравницы в Фиагдонском ущелье. Отчасти возродился широко известный в Советском Союзе туристическо-альпинистский комплекс Цей. Но это было лишь началом большой и важной работы, которую сегодня только предстоит развернуть. Подготовленные в 1989 году, добротные планы и проекты развития рекреационной отрасли в Северной Осетии по-прежнему сохраняют актуальность. Уверен, что открывающиеся сегодня новые возможности не будут ограничены только горнолыжным кластером в Мамисоне. Успех Мамисона (а для него нужно еще очень много поработать) даст импульс к новой жизни горнолыжному Цею, бальнеологии Фиагдона и Кармадона, альпинизму в Дигории, станет важным

фактором преобразования транспортной и социокультурной инфраструктуры горной Осетии.

Первым секретарем Северо-Осетинского обкома КПСС мне довелось проработать недолго. Уже в 1989 году, когда в стране прошли первые всенародные выборы на альтернативной основе, я был избран народным депутатом СССР, а затем в составе вновь образованного Верховного Совета СССР – членом Президиума Верховного Совета СССР, председателем Комитета по международным делам. Все это требовало полностью сосредоточиться на работе в Москве.

Перед тем как вновь перебраться из Владикавказа в Москву, я порекомендовал товарищам по партийной организации республики избрать первым секретарем обкома А. Галазова – в ту пору ректора Северо-Осетинского государственного университета. Надо признать, что его кандидатура вызвала противоречивые оценки, немало было и тех, кто не скрывал своего неприятия этой фигуры. Сложная атмосфера усугублялась еще и тем, что университет, где Галазов был ректором, не прошел аттестацию, в коллективе царила растерянность, в республиканские органы власти поступали жалобы на руководство университета.

В Осетию по нашему приглашению приехал Геннадий Алексеевич Ягодин, председатель Государственного комитета по народному образованию (то есть министр). Мы посетили университет и договорились об аттестации университета на новый срок. Я использовал все возможности, чтобы помочь нашему университету.

Я настаивал на избрании Галазова первым секретарем Северо-Осетинского обкома партии. Были и другие кандидаты, имевшие солидный опыт партийной и управленческой работы. Например, Юрий Бирагов, первый секретарь Орджоникидзевского обкома партии, и Сергей Хетагуров, председатель правительства республики. Моя настойчивость – результат психологического настроя после перегибов, допущенных в республике в годы после событий в октябре 1981 года. Е.З. Разумов, который был ключевой фигурой в ЦК по кадровым вопросам, уговаривал меня не настаивать на кандидатуре А. Галазова. Но в то время я мог позволить себе не соглашаться с представителем ЦК, потому что пришел на партийную работу с должности посла и уходил на новую должность – тоже совсем не рядовую.

Скажу откровенно, что позже отношения с моим выдвиженцем стали формальными. Об этом я сожалею.

Глава 2
Грани внешней политики

Новый уровень задач

Через некоторое время в моей жизни вновь произошли перемены. В феврале 1990 года я должен был вылететь в составе парламентской делегации СССР в Бразилию. Делегацию возглавлял Председатель Совета Министров РСФСР В.И. Воротников. Но за день до отъезда на пленарном заседании Съезд народных депутатов СССР по рекомендации Горбачева избрал меня председателем Комитета по международным делам и членом Президиума Верховного Совета СССР. Какое-то время казалось, что моей работе в Северной Осетии это не помешает. Однако руководство Верховного Совета, как выяснилось, имело на сей счет собственное мнение. Мне было сказано, причем достаточно категорично: «Перебирайтесь в столицу и сосредоточивайтесь на работе в Верховном Совете СССР».

В таком подходе были, конечно, свои резоны. На председателе Комитета по международным делам лежала серьезная нагрузка. Иной раз в моем рабочем графике было до пяти рабочих встреч с иностранными делегациями, члены которых живо интересовались переменами, происходившими в СССР, особенно в его внешней политике. Нередко наши беседы затягивались намного дольше, чем было предусмотрено протоколом, а скопившиеся за день другие служебные дела приходилось отодвигать на глубокий вечер и даже на ночь.

Отчасти столь напряженный распорядок объяснялся тем, что по сравнению с положением в «дореформенном» Верховном Совете СССР новый Комитет по международным делам выполнял как бы двойную работу. Раньше в двухпалатном парламенте Советского Союза было не одно, а два подразделения, ведавшие вопросами международной политики. В Совете Союза международную политику курировал член Политбюро ЦК КПСС Михаил Андреевич Суслов. В другой палате – Совете Национальностей – международное направление возглавлял кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Борис Николаевич Пономарев. По неписаной традиции руководители комиссий по международным делам входили в Президиум Верховного Совета СССР. В том же 1990 году меня тоже избрали секретарем ЦК КПСС и членом Политбюро. Об этом направлении своей деятельности я подробно расскажу чуть ниже.

Так что работы у меня все время прибавлялось, причем с неизменным «двойным» коэффициентом. Поэтому, взвесив все за и против, я решил, что мне действительно следует сосредоточиться на деятельности в Верховном Совете СССР. Тем

более что за время работы во Владикавказе я почувствовал: есть люди, готовые принять у меня эстафету на посту руководителя республики.

Мой положительный ответ в немалой степени был вызван и тем, что я более четверти века на разных должностях теснейшим образом соприкасался с международной проблематикой. Профессиональная дипломатия всегда увлекала меня. Сначала как человека, осваивающего профессию, а с годами и как сформировавшегося политика, основательно повлияв на мое становление в этом качестве. Искусство выстраивать взаимоуважительные отношения – а дипломатия учит этому – считаю одним из наиболее ценных качеств зрелой политической деятельности.

Однако мое тогдашнее решение было связано не только с интересом к внешнеполитической работе. Сам Верховный Совет СССР имел немалый вес, заметно влиял на государственные дела, на внутреннюю и внешнюю политику страны. В его стенах решались многие вопросы, значение которых выходило за пределы Советского Союза. При этом Комитет по международным делам занимал, пожалуй, ведущее место в парламентской табели о рангах – и по объему полномочий, и по значимости обсуждаемых проблем. Мы переживали период, когда к внешней политике СССР было приковано внимание всего мира. Я был непосредственно вовлечен в происходящее. В то же время надежные связи с земляками в Северной Осетии позволяли всегда быть в курсе происходящего там. Я был уверен, что, и находясь в Москве, смогу приносить пользу своей республике.

Размышляя спустя много лет об этом своем решении, испытываю противоречивые чувства: правильно ли поступил? Хорошо помню встречу в Государственном университете имени К. Хетагурова, когда уже стало известно о моем переходе в Москву, на другую работу. Профессор Римма Камаева сказала, что это очень спорное решение. Может быть, она и другие преподаватели вуза связывали со мной будущие интересные дела в республике или чувствовали нарастание сложных политических процессов в стране. К этим мыслям я не раз возвращался впоследствии, когда на мои плечи лег груз государственной и партийной ответственности и в считаные минуты и часы надо было определять позиции по ключевым вопросам государственной и партийной жизни.

Разделение полномочий между партией и государством в то время шло трудно, но продвижение было налицо. Роль ЦК КПСС в выработке внешней политики СССР была уже иной, чем несколько лет назад.

В доперестроечный период сложилась традиция: министр иностранных дел СССР непременно был членом Политбюро ЦК КПСС. Отсюда – ключевая функция главы МИДа: увязывать позиции партии по внешнеполитическим вопросам с курсом государства на международной арене. Этот подход имел серьезный недостаток: приоритеты внешней политики в устах министра иностранных дел обычно воспринимались в стране и за рубежом как автоматическое воспроизведение партийных решений.

И многопартийная система, как было очевидно, не создавала непреодолимых преград между установками правящей партии и внешней политикой государства. В странах с демократической политической системой внешнеполитические ведомства во многом аккумулируют национальные интересы и руководствуются ими в практической политике. Однако реализация этих интересов всегда происходит на базе политической платформы правящей партии, имеющей парламентское большинство или обеспечившей своему кандидату победу на президентских выборах.

В дореформенном, «однопартийном» Советском Союзе внешняя политика следовала в фарватере, обозначенном руководящими органами КПСС. Партийные директивы носили абсолютный характер. Иногда это становилось причиной серьезных внешнеполитических просчетов. Таких, например, как направление советских войск в Афганистан в обход Верховного Совета. Комиссии по иностранным делам «дореформенного» парламента, как правило, лишь оформляли принимаемые партийными лидерами решения. Законодательная деятельность велась лишь периодически, на непостоянной основе, как бы на общественных началах. Наблюдалась и своеобразная «личная уния»: комиссии десятилетиями возглавляли одни и те же персоны – члены или кандидаты в члены Политбюро.

Однако, критикуя такое положение дел, нельзя было впадать в противоположную крайность и отказываться от общего правила: министр иностранных дел от правящей партии проводит в целом политику этой партии. В последние годы существования СССР Министерство иностранных дел замкнулось на Президента и перестало считаться с мнением партийных органов. КПСС была фактически отстранена от выработки внешнеполитической линии. Хотя международники, работавшие в аппарате ЦК, были хорошо подготовлены для такого рода деятельности. Многие пришли на Старую площадь, будучи высококвалифицированными специалистами по внешнеполитическим вопросам.

Приведу очень краткий список. В нем заведующий

Международным отделом ЦК КПСС Валентин Фалин – бывший посол СССР в ФРГ, помощник Горбачева Анатолий Черняев – один из ведущих экспертов по Великобритании, Карен Брутенц – высокопрофессиональный специалист по Востоку, Вадим Загладин – знаток Европы, высокоэрудированный, обаятельный человек. В начале 1990-х годов он был первым заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС. Загладин мог на равных вести дискуссию с кем угодно на Западе. И хотя по своим способностям он вполне мог бы занять должность секретаря ЦК по международным вопросам, ему априори было отведено относительно скромное место внутри партийного аппарата.

Международники в ЦК обладали незаурядными знаниями, имели глубоко продуманные взгляды по многим вопросам. Однако в силу сложившейся традиции, которую не всегда удавалось преодолеть, им очень часто приходилось приспосабливаться к «верхам», оставляя свое мнение при себе. Они были обязаны оставаться лишь интеллектуальными функционерами партии, соблюдать осмотрительность в отношении начальства, неукоснительно следовать «генеральной линии». И так нередко поступали не только сотрудники аппарата, но и члены ЦК. С одной стороны, эти люди были нужны, с ними считались. Но с другой – войти в высшие эшелоны партии так, чтобы оказывать реальное влияние на политику, им не позволяли.

Уверен, демократизация внутрипартийной жизни много выиграла бы от развития внутрипартийного диалога. Для этого требовалась большая открытость, уважение к чужому мнению, прежде всего, в самом аппарате ЦК. Международники со Старой площади могли бы сыграть здесь не последнюю роль. Они были способны составить как раз то звено, которое сделало бы партию более открытой для дискуссий, в том числе и с внешним миром. По мере сил и возможностей разные люди в аппарате ЦК выполняли эту задачу. Но полностью реализовать свой потенциал они в сложившейся должностной иерархии все-таки не могли.

Комитет по международным делам: кто есть кто?

Как я уже отмечал, в неофициальной табели о рангах Верховного Совета СССР Комитет по международным делам занимал первую строку. Этот факт никто не мог оспорить. На то, думаю, были две основные причины.

Одна – субъективного свойства. После первого же заседания комитета я понял: работать будет интересно. Персональный состав участников оказался компетентным и представительным. Здесь были известные ученые, государственные деятели, крупные военачальники, специалисты-международники, люди, представлявшие КПСС и общественные организации. Члены комитета сначала доказали свою состоятельность вне политической сферы и лишь потом попытались применить собственные знания и способности в парламенте.

В нашем комитете работал директор Института США и Канады Академии наук СССР академик Георгий Аркадьевич Арбатов. Долгое время он был советником Горбачева по международным вопросам. К академической среде принадлежал и другой наш коллега – академик АН СССР Виталий Иосифович Гольданский. В Верховном Совете он занимался проблемами сокращения химических вооружений. В комитете трудился дважды Герой СССР летчик-космонавт Алексей Станиславович Елисеев, бывший в то время ректором Московского высшего технического училища имени Н.Э. Баумана – головного советского вуза, готовившего инженерно-конструкторские кадры. Среди участников наших дискуссий был один из общепризнанных теоретиков военного строительства, генерал армии Лобов. В ту пору он занимал должность начальника Объединенного штаба Организации Варшавского договора.

Творческую атмосферу практически в каждое заседание комитета вносил Валентин Фалин. Летом 1990 года он был избран секретарем ЦК КПСС по международным вопросам. Как секретарь ЦК КПСС Фалин напрямую информировал М.С. Горбачева по проблемам международной политики, основываясь на ее глубоком, всестороннем анализе.

Из чисто «партийных» кадров на заседаниях комитета выделялся Анатолий Сергеевич Черняев. На протяжении ряда лет он был бессменным помощником и советником М.С. Горбачева по международным вопросам.

Среди других членов комитета особое внимание привлекал

Ф.А. Табеев – первый заместитель Председателя Правительства РСФСР. В нашем коллективе он был заметной фигурой. Значительную часть жизни посвятил изучению международной проблематики, прошел непростую школу дипломатической работы, будучи послом СССР в Афганистане.

Из известных людей, вошедших в комитет, должен отметить еще как минимум двоих: журналиста-международника с мировым именем Генриха Боровика, в прошлом председателя Советского комитета защиты мира, и первую женщину-космонавта талантливую Валентину Терешкову. Она тоже имела отношение к неправительственным международным организациям, была председателем Президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Хотя полный список всех достойных людей, превосходных профессионалов, оказавшихся в международном комитете Верховного Совета СССР, гораздо обширнее. К этому надо добавить, что обе палаты Верховного совета СССР возглавляли политики с большим опытом деятельности в международной сфере – Е.М. Примаков и Р.Н. Нишанов.

Другая причина влиятельности комитета по международным делам заключалась в том, что в период перестройки внешняя политика страны привлекала пристальное внимание как в СССР, так и за рубежом. Не припомню ни одного законопроекта, который готовился нашим комитетом и не вызвал бы самой широкой и обстоятельной дискуссии.

Мы стремились наладить взаимодействие с Президентом СССР, Президентским советом, Советом глав республик, куда входили руководители советских республик и высших органов власти СССР. С этой целью в комитете готовились аналитические записки, которые затем направлялись высоким адресатам. Мы пытались привлечь их внимание к проблемам внешнеэкономических связей, использования валютных средств Советского Союза, осуществления инвестиционной политики. Этот информационный канал действовал довольно долго.

12 апреля 1990 года наш комитет провел открытые слушания по вопросу о назначении новых послов СССР в США, Франции, ФРГ, Италии, ГДР. Раньше назначения зарубежных послов СССР проходили в тайне от общественности. Теперь старый порядок менялся. Мы не хотели допускать случайного выбора – в прошлом он нанес немалый ущерб делу. Критерии были просты: высокий профессионализм и моральные качества. Еще одно важное требование – глубокое понимание вопросов экономики и внешнеторговой политики.

Перемены произошли и во взаимоотношениях с

Министерством иностранных дел. Если раньше Верховный Совет стоял от МИДа в стороне, то с начала 1990 года депутаты получили возможность заслушивать информацию о работе министерства из уст самого министра.

Взаимодействие с внешнеполитическим ведомством осуществлялось на регулярной основе. Это давало возможность и депутатам, и профессиональным дипломатам знать о том, какие вопросы находятся в поле зрения представителей другой ветви власти. Жизнь подталкивала к оперативным дискуссиям, сопоставлению точек зрения, нахождению оптимальных ответов на возникающие вопросы.

К прояснению проблем внешней политики привлекались флагманские институты отечественной науки. Ученые, специалисты самых разных профилей были участниками каждого нашего заседания. Очень скоро при комитете был создан экспертный совет. Туда вошли ведущие специалисты по международным проблемам, экономисты-международники, эксперты-страноведы самого высокого уровня.

С нами работали ученые Института США и Канады, Института востоковедения, представители других структур Академии наук, отраслевых исследовательских институтов международного профиля. Перед членами комитета периодически выступали бывшие, но очень опытные послы СССР. В результате обстоятельного обсуждения того или иного вопроса, плодотворного сотрудничества профессионалов делались серьезные, обоснованные выводы.

Забегая немного вперед, отмечу, что после распада СССР эта добрая традиция, к сожалению, была во многом нарушена. Особенно негативно, как мне кажется, это сказалось на практической работе многих исполнительных структур России. Лишь в 1995 году, когда Министерство иностранных дел России возглавил академик Евгений Максимович Примаков, положение стало меняться в лучшую сторону. Примаков восстановил традицию научных дискуссий. Специалисты из академических и исследовательских институтов вновь оказались более востребованы политиками-практиками.

Тем не менее курс на свертывание деятельности международных научных центров и институтов не мог не принести негативных результатов. Академические институты международного профиля лишились необходимой государственной поддержки, поэтому зачастую с трудом сводили концы с концами. Многие специалисты эмигрировали в другие страны.

В последние годы положение меняется к лучшему. Опираясь

на свой опыт, могу сказать, что формула «дипломатия – наука – аналитические диалоги», координация и солидарность всех ведомств внешнеполитического направления – вот ключ к успеху. И еще: спокойствие, даже когда трудно. Без паники и истерики.

Визит Ярузельского: поиск правды о Катыни

В первые же дни после избрания на пост председателя Комитета по международным делам пришлось с головой окунуться в острейшие проблемы мировой политики. Часто приходилось детально разбираться в таких международных вопросах, о сути которых раньше знал недостаточно. Причем разбираться глубоко, профессионально. Был вынужден отдавать этому массу сил и энергии. Но без подобной самоотдачи полноценная работа на посту руководителя комитета была бы невозможной.

Перестройка отношений Советского Союза с восточноевропейскими соседями, с партнерами по Совету экономической взаимопомощи и Организации Варшавского договора уже шла полным ходом. И часто, как было и в случае с внутриполитической перестройкой в СССР, еще до того, как политики принимали решения по тем или иным вопросам, высказывались историки, публицисты, общественность в самом широком смысле слова. Раскрывались новые или малоизвестные исторические факты, многие из которых так или иначе касались Советского Союза.

Отношения СССР со странами Восточной Европы рассматривались в основном как итог сложных процессов, протекавших перед началом Второй мировой войны, а также во время нее и в период послевоенного развития. Очень много было написано и сказано с разных трибун о пакте Молотова – Риббентропа, о секретных приложениях к этому документу. Однако обстоятельства, относящиеся к началу Второй мировой войны, присоединение к СССР новых западных областей порождали невероятное число домыслов. Объективное изучение ключевых обстоятельств этого вопроса имело жизненно важное значение для налаживания добросердечных отношений СССР с ближайшими западными соседями.

Политики восточноевропейских стран придавали этому немалое значение. В Польше, которая раньше других вступила на путь рыночных реформ, был взят курс на политическую демократизацию и открытость на международной арене.

Когда в апреле 1990 года в Москву прибыл президент Польши Войцех Ярузельский, все «белые пятна» советско-польских отношений уже были обозначены. Ярузельский обсуждал их в Кремле с Горбачевым. Удалось достичь договоренности в

ближайшее же время опубликовать подготовленный общими усилиями ученых-историков СССР и Польши документ, посвященный кануну и началу Второй мировой войны.

Если быть достоверным, то «белые пятна» в отношениях между СССР и Польшей в XX веке появляются еще со времен советско-польской войны 1920 года. Тогда Красная армия, полностью оторванная от своих тылов, вплотную подошла к Варшаве и была разбита войсками Пилсудского. Несколько тысяч пленных красноармейцев из армии Тухачевского трагически погибли в польских лагерях. Многие пропали без вести – русские, украинцы, белорусы. До сих пор неизвестно, что с ними стало, хотя в первой половине 1990-х годов Польша предоставила списки советских военнопленных, умерших в ее лагерях. А ведь был еще и знаменитый поход Пилсудского на Киев.

В 1939 году отношения между двумя странами испытали еще более серьезный кризис. В сентябре Красная армия вошла в районы Западной Украины и Белоруссии, принадлежавшие довоенной Польше. Согласно данным конца 1980-х годов, несколько тысяч польских граждан, в основном офицеров резерва, военных чиновников, полицейских, представителей духовенства, были интернированы, стали военнопленными. Дальше шли разночтения. В 1943 году гитлеровская пропаганда объявила, что под Смоленском находятся массовые захоронения польских офицеров – свыше четырех тысяч человек. Группа Польского Красного Креста, работавшая в Катынском лесу при немцах, той же весной обнаружила восемь массовых захоронений, заполненных телами. Всех идентифицировали как поляков. По заключению экспертов, они были убиты в апреле – мае 1940 года, когда в этих местах хозяйничали сотрудники НКВД.

После освобождения Смоленщины в район Катынского леса выехала правительственная комиссия под руководством главного военного хирурга СССР Н.Н. Бурденко. Советские эксперты пришли к выводу, что в страшном преступлении повинны гитлеровцы. Причем расстрелы производились в 1941 году, когда эти территории уже были оккупированы немецкими войсками. Долгое время эта версия была в нашей стране единственной. Хотя и вторая никогда не исчезала. В годы войны из-за катынской трагедии были разорваны дипломатические отношения между СССР и польским эмиграционным правительством в Лондоне. Статус Польши в антигитлеровской коалиции стал двусмысленным. И вот теперь, спустя почти полвека после окончания войны, надо было найти объективно выверенное политическое решение, которое позволило бы подвести черту под катынской трагедией.

Поляки придавали расследованию правды о Катыни колоссальное значение. В Польше жили прямые потомки расстрелянных в Катыни людей. Это было использовано для раздувания шумной антисоветской кампании. При этом не принималось во внимание, что в польской земле остались лежать 480 тысяч советских воинов, погибших в боях с гитлеровцами. Произошедшее в Катыни однозначно расценивалось всеми польскими политическими силами как преступление тоталитаризма, как результат сговора Молотова – Риббентропа, от которого пострадал цвет польской нации. Кое-кто пытался даже поставить знак равенства между Освенцимом и Катынью. И хотя руководители ПОРП в Москве были сдержанны, они не могли пойти против мнения своего народа.

Советские информационные сводки отвели переговорам лидеров двух стран по Катыни всего несколько строк. Но сколько человеческих трагедий, драматической дипломатической борьбы, политических компромиссов скрывалось за этими скупыми сообщениями!

Что знала польская и советская общественность о Катыни в предшествующие годы или еще раньше, когда набирала силу польская «Солидарность»? Жителям Смоленщины было известно, что Катынский лес, в пятнадцати километрах от Смоленска, площадью 95–98 гектаров, принадлежал до революции дворянским семьям Козницких и Ледницких. После 1917 года он перешел в ведение ВЧК-ГПУ. Долгие годы на его территории производились казни. В результате лес превратился в огромное кладбище: здесь захоронены погибшие в Первой мировой войне, жертвы сталинских репрессий, расстрелянные поляки, около пятисот советских военнопленных, убитых немцами. Расстрелы и захоронения производились здесь до 1953 года. Среди жертв – русские и украинцы, белорусы и латыши, представители других народов. Когда отгремела война, на опушке леса был построен детский пульмонологический санаторий и дачный поселок.

На Западе о Катыни усиленно распространяли совершенно иную информацию. Речь шла только о поляках, убитых НКВД. В начале 1950-х годов расследованием катынского дела занималась комиссия конгресса США. В начале 1970-х годов в Великобритании вокруг него развернулась активнейшая кампания. Телекомпания Би-би-си показала документальный фильм на эту тему.

Тогда же в Лондоне вышла книга «Катынь – беспрецедентное преступление».

Палата лордов британского парламента провела специальное заседание по катынскому делу. А всего через год в Лондоне

начали собирать средства на строительство памятника жертвам Катыни в районе Кенсингтон – Челси. Советский посол посетил Форин офис и выразил протест. Но проектирование памятника не остановилось. Более того, надписи на нем гласили: в трагедии Катыни повинна советская сторона. На Советский Союз возлагалась ответственность за гибель 14 500 польских военнопленных в Катыни и в других местах СССР.

Во второй половине 1970-х годов пропагандистский накал в отношении катынского дела на Западе превысил критическую отметку. Он начал достигать польской территории, заставляя поляков в корне переоценивать произошедшее в Катыни. Не желая втягиваться в полемику, СССР в то время вначале не выступал с какими-либо официальными заявлениями. Однако вскоре в Кремле стали говорить об опасных попытках нанести ущерб советско-польской дружбе. Именно к этому времени (приблизительно к концу марта 1976 года) относится приводимый ниже документ, подготовленный экспертами для высшего политического руководства страны (Архив Президента РФ, № 861/ГС).

Секретно
«КАТЫНСКОЕ ДЕЛО»
(Краткая справка)

В сентябре 1943 г. после освобождения Смоленска и его окрестностей от гитлеровских войск в 15 километрах от города, в районе Катынского леса, были обнаружены могилы с останками польских военнопленных.

Постановлением Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников была создана Специальная Комиссия по установлению и расследованию обстоятельств расстрела польских военнопленных в Катыни. Эта Комиссия констатировала, что до захвата гитлеровцами Смоленска в западных районах области на дорожно-строительных работах были заняты польские военнопленные офицеры и солдаты, которые размещались в трех лагерях особого назначения в 25–45 км западнее Смоленска. После начала Великой Отечественной войны, в силу сложившейся обстановки, лагеря не могли быть своевременно эвакуированы, и около 11 тысяч военнопленных поляков попали в плен к немцам, а затем осенью 1941 года были расстреляны в Катынском лесу.

Зимой 1942/43 года, когда общая военная

обстановка резко изменилась не в пользу фашистской Германии, гитлеровцы предприняли меры к тому, чтобы скрыть свои злодеяния. Этим самым они рассчитывали оклеветать Советский Союз и ухудшить советско-польские отношения. В этих целях в апреле – июне 1943 г. созданная гитлеровцами «Международная медицинская комиссия» из представителей стран-сателлитов провела «расследование» обстоятельств расстрела польских военнопленных в Катыни. Затем германская информационная служба издала книгу под названием «Официальный материал о массовом убийстве в Катыни». В катынском преступлении авторы обвиняли Советский Союз.

Выводы Специальной Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу польских военнопленных нашли свое отражение в соответствующих материалах Международного военного трибунала в Нюрнберге, который признал виновными фашистских главарей в этом преступлении.

На месте захоронения польских военнопленных сооружена площадка, на которой установлен памятник с надписью: «Здесь захоронены военнопленные польские офицеры, зверски замученные немецко-фашистскими оккупантами осенью 1941 г.»

Могила и памятник доступны для посещения советскими гражданами. Периодически сюда прибывают польские делегации и возлагают венки. Посещение памятника иностранными туристами не отмечалось, поскольку этот район у Катынского леса ими в туристических целях не используется.

Несмотря на то что указанная провокация гитлеровцев была разоблачена и неопровержимо доказана, реакционные круги на Западе периодически поднимают антисоветскую кампанию вокруг так называемого «Катынского дела»…

В последнее время империалистические центры идеологической диверсии снова активизируют антисоветскую пропаганду вокруг так называемого «Катынского дела». В июле 1972 г. радиостанция Би-би-си сообщила, что правительство Великобритании якобы располагает документами, свидетельствующими-де о том, что «вина за преступление в Катынском лесу лежит не на фашистской Германии, а на Советском Союзе». В

июне 1975 г. в здании английского парламента была организована пресс-конференция, организаторы которой призвали Международный суд в Гааге «разобраться в этом деле». Как следует из сообщения газеты «Дейли телеграф», на Западе появился «документ, проливающий новый свет на судьбу более 10 тысяч поляков, которые, как полагают, были казнены русской тайной полицией». Радиостанция «Свободная Европа» в передачах на Польшу немедленно подхватила эту провокационную шумиху. Католические проповедники в обращениях к верующим полякам нередко упоминают с антисоветским подтекстом о «десяти тысячах безвинно уничтоженных лучших представителях (элиты) польского общества». В ПНР, как сообщает совпосольство, имеется немало людей, склонных верить подобным антисоветским измышлениям.

Целям поддержания антисоветской шумихи вокруг «катынского дела» служат такие провокационные акции, как открытие в ноябре 1975 г. в Стокгольме на территории частного владения по инициативе реакционных польских эмигрантских кругов памятника «жертвам Катыни» с антисоветскими надписями. В настоящее время ведется кампания за сооружение такого рода памятника на одном из кладбищ Лондона. Эти и подобные факты широко используются во враждебной, антисоветской пропаганде на Польшу.

Все это тревожит польских друзей, которые, по информации совпосла, думают о мерах противодействия пропагандистскому нажиму враждебных центров и высказываются за проведение консультаций с советской стороной по этому вопросу.

Итак, официальная позиция советского руководства, вновь подтвержденная служебной запиской в марте 1976 года, исходила из бесспорной ответственности гитлеровских агрессоров за массовую казнь поляков в Катыни. Однако с середины 1980-х годов советское руководство оказалось не в состоянии удерживать свои прежние позиции. К этому времени факты, обнародованные на Западе, говорили о прямой причастности ведомства Берии к катынской трагедии.

Начиная с 1988 года польская сторона все более настойчиво просила Горбачева раскрыть закрытые документы по катынскому делу. В конце марта 1989 года, незадолго до приезда Ярузельского в Москву, на стол Генерального секретаря ЦК КПСС

легло несколько документов, в которых Валентин Фалин, председатель КГБ Крючков и другие предлагали признать, «как реально было дело и кто конкретно виновен в случившемся». Ниже следует текст одного из таких документов из архива Президента РФ.

Секретно

ЦК КПСС

О НАМЕРЕНИИ ПОЛЬСКОЙ СТОРОНЫ ПЕРЕНЕСТИ В ВАРШАВУ СИМВОЛИЧЕСКИЙ ПРАХ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ В КАТЫНИ (СМОЛЕНСКАЯ ОБЛ.)

В центральных газетах ПНР опубликовано сообщение о намерении перенести в Варшаву символический прах (урну с землей) с места захоронения польских офицеров в Катыни. Объявлено, что с этой целью в конце марта с. г. планируется выезд делегации Совета по охране памятников борьбы и мученичества во главе с его председателем генералом Р. Пашковским.

В апреле, который по традиции считается в Польше «Месяцем национальной памяти», предполагается захоронение этого символического праха на центральном варшавском кладбище. При этом надпись – «Польским воинам, жертвам гитлеровского фашизма, покоящимся в катынской земле» – на памятнике, который в 1983 г. был установлен на кладбище, будет соответственно изменена.

В связи с приближением 50-летия начала войны в Европе некоторые сложные вопросы ее истории оказались в центре внимания польской общественности. Дополнительную остроту приобрела проблема Катыни. Преобладающая часть поляков уверена, что гибель польских офицеров есть дело рук Сталина и Берии, а само преступление совершено весной 1940 г. Согласно нашей официальной версии событий, обнародованной в 1944 г., эти офицеры были расстреляны гитлеровцами в 1941 г.

«Катынское дело» будоражит польскую общественность. На нем активно играет оппозиция в целях подрыва доверия к курсу Ярузелъского на тесные связи с СССР.

Имелось в виду, что Комиссия ученых СССР и ПНР по вопросам отношений между двумя странами, созданная в результате договоренности на высшем

уровне для развязки такого рода болезненных узлов, выработает согласованную позицию по Катыни. Около полутора лет, однако, Комиссия не в состоянии приступить даже к обсуждению этой темы, поскольку советская часть Комиссии не имеет ни полномочий ставить под сомнение нашу официальную версию, ни новых материалов, подкрепляющих ее состоятельность. Между тем польская часть Комиссии представила свидетельства необоснованности аргументации, использованной Чрезвычайной комиссией Н. Бурденко в опубликованном в 1944 г. докладе.

Год назад советской части Комиссии был передан «Секретный доклад об участии польского Красного Креста в работах по эксгумации захоронений в Катыни под Смоленском, произведенной в период апреля – июня 1943 г.», который подводит к выводу о виновности НКВД в уничтожении польских офицеров. Сейчас, не дождавшись нашей официальной реакции, польские товарищи опубликовали этот доклад в своей печати.

Руководство ПНР маневрирует, чтобы дать какое-то удовлетворение собственной общественности и вместе с тем избегать упреков в нелояльности с советской стороны. Идея перенесения праха из Катыни сообразуется с таким подходом.

В случае обращения польских товарищей по вопросу о перенесении символического праха из Катыни в Варшаву полагали бы целесообразным поручить Смоленскому обкому КПСС обеспечить прием делегации из ПНР и оказать ей необходимое содействие.

В целом проблема не снимается. В случае дальнейшего осложнения внутриполитической ситуации в Польше из катынской проблемы может быть сделан предлог для сведения счетов. В этом контексте обращает на себя внимание тот факт, что польская пресса все настойчивее поднимает тему прояснения судьбы еще примерно 8000 польских офицеров, интернированных в лагерях Козельска, Старобельска и Осташкова, следы которых, по данным поляков, теряются в районах Дергача (близ Харькова) и Бологое. Просим согласия.

Зав. Международным отделом ЦК КПСС

В. Фалин

6 марта 1989 года. № 17-176

Спустя приблизительно две недели появился еще более

определенный документ по катынскому делу.

Приведу его полностью.

Секретно

ЦК КПСС

К ВОПРОСУ О КАТЫНИ

По мере приближения критических дат 1939 года все большую остроту принимают в Польше дискуссии вокруг так называемых «белых пятен» отношений с СССР (и Россией). В последние недели центр внимания приковывается к Катыни. В серии публикаций, авторами которых выступают как деятели, известные своими оппозиционными взглядами, так и ученые и публицисты, близкие к польскому руководству, открыто утверждается, что в гибели польских офицеров повинен Советский Союз, а сам расстрел имел место весной 1940 года.

В заявлении уполномоченного польского правительства по печати Е. Урбана эта точка зрения де-факто легализована как официальная позиция властей. Правда, вина за катынское преступление возложена на «сталинское НКВД», а не на Советское государство.

Тактика правительства объяснима – оно пытается как-то ослабить давление, которое создалось из-за невыполненного обещания внести ясность в катынский вопрос. В определенной мере это нажим также на нас, поскольку данная тема уже два года как не двигается с места в Комиссии советских и польских ученых, созданной для нахождения развязок по «белым пятнам».

Советская часть Комиссии не располагает никакими дополнительными материалами в доказательство «версии Бурденко», выдвинутой в 1944 году. Вместе с тем нашим представителям не дано полномочий рассматривать по существу веские аргументы польской стороны.

Помимо заявления Е. Урбана в Варшаве взвешиваются некоторые другие шаги, призванные дать какое-то удовлетворение собственной общественности. В частности, есть намерение перенести символический прах (урна с землей) из Катыни на центральное кладбище в Варшаве и изменить одновременно соответствующим образом надпись на установленном там памятнике.

Анализ ситуации показывает, что чем дальше затягивается это дело, тем явственнее катынский вопрос

превращается в камень преткновения уже не для прошлых, а для нынешних советско-польских отношений. В брошюре «Катынь», выпущенной в 1988 году под эгидой костела, заявляется, что Катынь – одно из самых жестоких преступлений в истории человечества. В других публикациях проводится мысль, что, пока трагедия Катыни не будет до конца освещена, не может быть нормальных отношений между Польшей и СССР.

Темой Катыни сейчас искусственно отодвигаются на второй план даже вопросы, связанные с возникновением Второй мировой войны и нападением Германии на Польшу. Подтекст кампании очевиден – поляку внушают, что Советский Союз ничем не лучше, а может быть, и хуже тогдашней Германии, что он несет не меньшую ответственность за возникновение войны и даже за военный разгром тогдашнего Польского государства.

Катынское дело может – и чем дальше, тем опасность актуальней – резко обострить интерес в ПНР к прояснению судьбы еще тысяч интернированных польских офицеров, следы которых теряются в районе Харькова и Бологое. Пока на обращения польской стороны по этим дополнительным вопросам мы вразумительных ответов не давали.

Видимо, нам не избежать объяснения с руководством ПНР и польской общественностью по трагическим делам прошлого. Время в данном случае не выступает нашим союзником. Возможно, целесообразнее сказать, как реально было и кто конкретно виновен в случившемся, и на этом закрыть вопрос. Издержки такого образа действий в конечном счете были бы меньшими в сравнении с ущербом от нынешнего бездействия. Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Э. Шеварднадзе
В. Фалин В. Крючков
22 марта 1989 г. № 17-204

Проходит еще один месяц, и появляется новый документ.

Секретно
ЦК КПСС
К ВОПРОСУ О КАТЫНИ

В соответствии с поручением (П 152/15 от 31 марта 1989 г.) докладываем.

Ознакомление с имеющимися материалами о гибели

интернированных в 1939 году в Советском Союзе примерно 12 тысяч польских офицеров дает основание полагать, что в Катыни погибла лишь часть из них. Судьба остальных пока неизвестна. В польских и западных публикациях приводятся сведения, что польские офицеры погибли в районах Бологое (Калининская обл.) и Дергачей (Харьковская обл.).

Для выяснения всех обстоятельств случившегося представляется необходимым поручить Прокуратуре СССР совместно с КГБ СССР провести тщательную проверку.

Поскольку в Польше данный вопрос приобрел чрезвычайную остроту и используется в ущерб советско-польским отношениям, целесообразно перед приездом В. Ярузельского в СССР с рабочим визитом (27–28 апреля 1989 г.) дать публикацию о проводимой советскими компетентными органами тщательной проверке.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

А. Сухарев
В. Крючков
И. Абошмов
А. Павлов
В. Фалин А. Капто
22 апреля 1989 года. № 17-305

Вскоре ЦК КПСС принял специальное постановление следующего содержания.

Совершенно секретно
ПОСТАНОВЛЕНИЕ ЦК КПСС
К ВОПРОСУ О КАТЫНИ

1. Согласиться с соображениями, изложенными в записке по данному вопросу.

2. Прокуратуре СССР совместно с КГБ СССР провести тщательную проверку по факту массового расстрела польских офицеров в районе Катыни (Смоленская обл.) и информировать ЦК КПСС о ее результатах к 1 августа 1989 г.

3. Главному архивному управлению при Совете Министров СССР, МВД СССР, Минобороны СССР, МИД СССР оказать содействие Прокуратуре СССР и КГБ СССР в поиске сохранившихся документальных материалов по этому вопросу.

4. Гостелерадио СССР, газетам «Правда» и «Известия» дать публикацию о проводимой советскими

компетентными органами проверке обстоятельств гибели польских офицеров.

9 сентября 1989 года генеральный прокурор Польши Йозеф Жито обратился в Генеральную прокуратуру СССР с просьбой начать следствие по катынскому делу. Политическую оценку катынского дела еще до окончания следствия дал Горбачев. В апреле 1990 года он объявил, что «найдены документы, которые косвенно, но убедительно свидетельствуют о том, что тысячи польских граждан, погибших в смоленских лесах ровно полвека назад, стали жертвами Берии и его подручных». Иными словами, Советский Союз официально признал ответственность НКВД за расстрел польских офицеров.

Как председателю Комитета по международным вопросам, секретарю и члену Политбюро ЦК КПСС мне было поручено сопровождать Ярузельского. Хотя прошло уже немало лет, но тяжелый осадок по сей день остается в душе. Поистине, не было предела преступлениям периода массовых репрессий. Невинными жертвами произвола были не только советские люди, но и большое число граждан других стран.

Трудно передать ту боль, которую выражали в те дни лица наших польских товарищей. И все же была надежда, что правда о Катыни подведет черту под трагическим прошлым.

Во время беседы с польским президентом Горбачев передал Ярузельскому копии найденных советскими архивистами и историками списков и других материалов бывшего Главного управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР. В переданных копиях значились фамилии польских граждан, казненных в Козельском, Осташковском, Старобельском лагерях НКВД в 1939–1940 годах.

Официальная часть визита завершилась 14 апреля. После проводов во Внуково-2 самолет Ярузельского взял курс на Смоленск. С Ярузельским летел посол Польши СССР С. Чосек. Советскую сторону было поручено представлять мне.

Из Смоленска польский президент и его сопровождающие поехали в Катынский лес. Настроение у всех было напряженным. Я хорошо понимал, что Ярузельский должен был лично отправиться к местам захоронений. И публично, перед телекамерами, в присутствии соотечественников, польских ксендзов, русских священников – перед лицом всего мира еще раз сказать правду. В противном случае его ждали бы невероятные трудности в Польше. К тому времени он уже испытывал нарастающее давление мощной внутренней оппозиции. И как бы Ярузельский ни относился к Советскому Союзу, к политике

перестройки, к развитию отношений между двумя странами, как глава государства из всех возможных вариантов поведения он, вероятно, был обязан избрать именно этот.

Ярузельский совершил тогда важный политический шаг. Польская общественность не простила бы своего президента, поступи он иначе. Мы, в Москве, хорошо это понимали. А тайна Катынского леса перестала существовать.

В ходе поездки на Смоленщину между мной и Ярузельским сложились доверительные отношения, позже переросшие в личную переписку. Выслушивая слова польского лидера, я остро чувствовал, что советско-польские отношения вместо разрядки, улучшения вот-вот войдут в непредсказуемую фазу новых испытаний. Задался вопросом: может быть, во мне говорит сила инерции? Ведь долго постепенность в таких вещах считалась более предпочтительной, нежели быстрая и скорая расстановка акцентов. Что получат ныне живущие русские и поляки от публичного осуждения этой бесчеловечной акции? Исчезнет ли отчуждение, укрепится ли дружба? Но тогда я отметал эти тяжелые мысли. Важна была нравственная и политическая оценка катынской трагедии. Она должна была объединить людей разных национальностей и вероисповеданий в борьбе против войн и репрессий.

Среди документов, посвященных катынской трагедии, есть еще один – очень важный. Тоже ранее секретный – из архива ЦК КПСС. Его специально для Горбачева готовил Валентин Фалин. Он был в папке, переданной Горбачевым Ярузельскому в апреле 1990-го.

Секретно

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О ТРАГЕДИИ В КАТЫНИ

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Рядом советских историков (Зоря Ю.Н., Парсаданова В.С., Лебедева Н.С.), допущенных к фондам Особого архива и Центрального Государственного архива Главного архивного управления при Совете Министров СССР, а также Центрального Государственного архива Октябрьской революции, выявлены ранее неизвестные материалы Главного управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных и Управления конвойных войск НКВД за 1939–1940 годы, имеющие отношение к т. н. Катынскому делу.

Согласно этим материалам, на начало января 1940 года в лагерях Главного управления НКВД по делам

военнопленных и интернированных в Осташкове Калининской области, Козельске Смоленской области, Старобельске Ворошиловградской области находилось около 14 тыс. бывших польских граждан из числа офицеров армии и флота, сотрудников полиции и жандармерии, военных и гражданских чиновников, различного вида агентуры, а также военного духовенства.

Все эти лица (приказ НКВД № 00117 от 1939 года) не подлежали освобождению и отправке на родину. Вопрос об их судьбе рассматривался в несколько приемов. Имеются документы с резолюциями Берии и Меркулова ускорить следствие, подготовить материалы на бывших работников карательных органов и разведки к рассмотрению на Особом совещании при НКВД СССР.

В апреле – мае 1940 года содержавшиеся во всех трех лагерях лица были этапированы в распоряжение различных областных управлений НКВД. Списки составлялись централизованно и имели общую систему нумерации, каждый из них включал в среднем 100 человек, поступали регулярно, иногда по 4–5 списков в день.

Об отправке ежедневно докладывалось в Москву. Из числа этапируемых предписывалось исключать агентов-осведомителей лиц, представляющих оперативный интерес. В отличие от практики обычного перемещения заключенных, начальникам лагерей давалось указание в карточках на убывающих делать отметки лишь в лагерной картотеке («убыл по списку №… такого-то числа и месяца») без высылки учетных карточек в центр.

Перед началом акции было дано распоряжение о введении почтового контроля и об изъятии всей входящей и исходящей корреспонденции. Запрещалось давать какие-либо ответы на запросы о содержащихся в лагерях. Все лагерные сотрудники были предупреждены о «хранении в строгом секрете места отправки» контингента.

После завершения акции все «дела» на выбывших из лагерей интернированных были «закончены, надлежаще оформлены и сданы в архив I спецотдела НКВД». На новые контингенты, прибывающие в лагеря, предписывалось завести «по линии учета и режима абсолютно новые дела». Позднее материалы Козельского и Осташковского лагерей были высланы для хранения в

Главное управление, а материалы Старобельского лагеря уничтожены. Лица, содержавшиеся во всех трех лагерях до апреля-мая 1940 года, в статистических отчетах в дальнейшем не фигурировали.

Козельский и Старобельский лагеря впоследствии использовались для содержания лиц польской и украинской национальности, вывезенных из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтики. Причем сведения о прежнем контингенте этих лагерей от них тщательно скрывались. Здания Осташковского лагеря в августе 1940 года были переданы краеведческому музею.

Таким образом, документы из советских архивов позволяют даже в отсутствие приказов об их расстреле и захоронении проследить судьбу интернированных польских офицеров, содержащихся в лагерях НКВД в Козельске, Старобельске и Осташкове. Выборочное пофамильное сопоставление списков на отправку из Козельского лагеря и списков опознания, составленных немцами весной 1943 года во время эксгумации, показало наличие прямых совпадений, что является доказательством взаимосвязи наступивших событий.

На базе новых документальных фактов советскими историками подготовлены материалы для публикации. Некоторые из них утверждены редколлегиями и приняты в производство. Выход в свет планируется на июнь – июль.

Появление таких публикаций создавало бы в известном смысле новую ситуацию. Наш аргумент – в госархивах СССР не обнаружено материалов, раскрывающих истинную подоплеку катынской трагедии, стал бы недостоверным. Выявленные учеными материалы, а ими, несомненно, вскрыта лишь часть тайников, в сочетании с данными, на которые опирается в своих оценках польская сторона, вряд ли позволит нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты. С учетом предстоящего 50-летия Катыни надо было бы так или иначе определяться в нашей позиции.

Видимо, с наименьшими издержками сопряжен следующий вариант: сообщить В. Ярузельскому, что в результате тщательной проверки соответствующих архивохранилищ нами не найдено прямых свидетельств (приказов, распоряжений и т. д.), позволяющих назвать точное время и конкретных виновников катынской

трагедии. Вместе с тем в архивном наследии Главного управления НКВД по делам военнопленных и интернированных, а также Управления конвойных войск НКВД за 1940 год обнаружены индиции, которые подвергают сомнению достоверность «доклада Н. Бурденко». На основании означенных индиций можно сделать вывод о том, что гибель польских офицеров в районе Катыни дело рук НКВД и персонально Берия и Меркулова.

Встает вопрос, в какой форме и когда довести до сведения польской и советской общественности этот вывод. Здесь нужен совет президента РП, имея в виду необходимость политически закрыть проблему и одновременно избежать взрыва эмоций.

Прошу рассмотреть.

Документ рассматривался в рабочем порядке, и вариант, предлагавшийся его автором, как известно, не прошел. Советская сторона назвала катынскую трагедию «одним из тяжких преступлений сталинизма».

Потом в Польше возникло массовое движение за перезахоронение поляков, расстрелянных в Катыни. В том же Катынском лесу, но по воинскому обряду: извлечь останки, уложить в гробы, перенести под траурный марш в другое место, опустить в землю под залпы воинского салюта. Советская сторона не возражала.

Но тогда никто не знал, в каком месте леса покоятся тела. Сам Катынский лес – сплошное кладбище: убиенные поляки, около полутысячи советских военнопленных, расстрелянных гитлеровцами в 1943 году, свыше 6 тысяч жертв сталинских репрессий 1930—1950-х годов. Но и место захоронения последних не было точно известно.

Одно время поляки надеялись, что где-то в засекреченных московских архивах есть точный план захоронений в Катынском лесу. Но таких материалов не нашли, и я сомневаюсь, что этот документ когда-либо существовал. Во всяком случае, мне о нем никогда не было известно, хотя я и занимался основательно катынским делом, изучая все данные по этому вопросу.

Были и практические проблемы: как обустроить мемориал, ухаживать за ним, обеспечить беспрепятственное посещение его польскими гражданами. Это могла сделать только советская сторона. Однако тут же возникли вопросы: почему среди всех захороненных в Катынском лесу надо выделять только поляков, не правильнее ли будет создать общий мемориал памяти жертв

преступлений тоталитаризма.

Если верить цифрам 1994 года, обнародованным в Варшаве, в Катынском лесу покоятся останки около четырех с половиной тысяч поляков из 14 700 польских военнопленных, содержавшихся в лагерях в Козельске, Осташкове и Старобельске. Еще свыше 6 тысяч надо искать в Медном, в Тверской области, и почти 4 тысячи в Пятихатках под Харьковом.

Президент Польши Лех Валенса посетил Катынский лес 4 июня 1995 года, в день католического праздника Сошествия Святого Духа, когда здесь было заложено кладбище польских офицеров. 1995 год был объявлен в Польше годом Катыни. Но окончательно вопрос о мемориале решился позднее. Потребовалось, чтобы и в России, и в Польше сменились президенты, прежде чем в Катыни появился мемориал памяти. А эта рана все еще сказывается на отношениях между двумя нашими странами.

Афганский узел

В 1970—1980-х годах автор книги неоднократно бывал в Афганистане, точнее, в Демократической Республике Афганистан (ДРА) – так называлась страна в 1978–1987 годах. В памяти много впечатлений о людях и событиях в этой древней, но непокоренной стране. Краткому анализу событий и обстоятельств ввода советских вооруженных сил в эту страну посвящена данная глава. Уточню, что понятие «шурави» – новое, оно пришло в политическую и историческую литературу как местное афганское название советских военнослужащих и специалистов. В языке афганцев оно звучало и до сих пор звучит в позитивном контексте. И это неудивительно, если учесть, что происходило в Афганистане в последнюю четверть века.

Поручение Комитету по международным делам разобраться в афганской проблеме, дать политическую оценку решения о вводе советских войск в Афганистан дал Первый съезд народных депутатов СССР весной 1989 года. К тому времени 40-я армия под командованием генерала Бориса Громова уже покинула территорию Афганистана. В практической плоскости вопрос был решен. Но он продолжал волновать общественное мнение. По официальным данным, Советский Союз потерял в Афганистане почти 14 тысяч человек убитыми. Еще около 6 тысяч умерли дома от болезней и ран, полученных на афганской войне. Почти 50 тысяч офицеров, прапорщиков, солдат и сержантов были ранены. Более шести с половиной тысяч человек стали инвалидами.

Государственные структуры должны были дать официальную оценку афганской войне. Поставить последнюю точку. И сделать это предстояло Съезду народных депутатов СССР.

Комитет по международным делам должен был подготовить проект решения. Поэтому координировать работу комитета в этих сложных обстоятельствах пришлось мне. Задача была политически архиответственной. Замечу, что в моем распоряжении были не только документы из архивов ЦК КПСС и государственных органов, в том числе Министерства обороны, но и личные впечатления. Еще в конце 1970-х – начале 1980-х годов я часто бывал в Афганистане в официальных и «закрытых» командировках, связанных с моей работой в Советском комитете солидарности стран Азии и Африки. Поэтому был знаком со многими фактами, мнениями ведущих афганских государственных и политических деятелей.

Выполняя поручение съезда, я обратился в ЦК КПСС с просьбой ознакомиться с партийными материалами,

касающимися решения о вводе советских войск в Афганистан. Документы были предоставлены – без проволочек, но с большими предосторожностями. Валерий Болдин, заведующий Общим отделом ЦК КПСС, показывал мне извлеченную из архива так называемую «афганскую папку» Политбюро ЦК КПСС не в здании ЦК и даже не в Центральном партийном архиве. Он пригласил приехать на дачу ЦК КПСС в Волынское, на западе Москвы. Только там я смог просмотреть интересовавшие меня документы. Они весьма помогли при составлении доклада съезду. Но до этого времени еще полгода шла кропотливая, тщательная коллективная работа.

В течение этого периода депутаты – не только входившие в комитет, но и другие, особенно непосредственные участники афганских событий, – знакомились с относящимися к вводу войск документами советского правительства и ЦК КПСС, материалами министерств иностранных дел и обороны, Комитета государственной безопасности. Мы беседовали с десятками людей, занимавшими в конце 1970-х годов ответственные посты в партийных и государственных органах: военачальниками, дипломатами, руководителями ведомств, связанных с развитием советско-афганских отношений.

Афганский вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях комитета. Порой обсуждения выливались в острейшие дискуссии. Выступали народные депутаты, воины, прошедшие Афганистан, многочисленные эксперты. В подготовке доклада принимал активное участие крупный политик и государственный деятель Ф.А. Табеев. С должности первого секретаря обкома КПСС Татарской АССР, крупнейшего в стране индустриального и научно-образовательного региона, он был в самый канун ввода войск в Афганистан направлен Чрезвычайным и Полномочным послом СССР в Кабул. На этом посту Ф.А. Табеев сменил А.М. Пузанова, который имел неплохую репутацию, но больше как хозяйственник, чем как политик и дипломат. Помню, как в тот же день, когда Фикрят Ахмеджанович был на беседах у Суслова, а потом у Брежнева, мы встретились с ним в Плотниковом переулке в гостинице Управления делами ЦК. Эта встреча была подтверждением наших неформальных близких и доверительных отношений. Не стану воспроизводить все, о чем мы говорили, но опытный политик Табеев подтвердил, что в отношениях нашей страны и Афганистана предстоит новый этап. Было понятно, что назначение Табеева – политическое. Его направление в Кабул – это придание миссии посла более высокого значения. Какого – потом это стало ясно…

В самые трудные годы Ф.А Табеев достойно выполнил свою

миссию в Афганистане, после возвращения на родину был назначен первым заместителем Председателя Совета Министров РСФСР. В качестве депутата Верховного Совета СССР Табеев входил в состав комитета по международным делам. Кстати, потом послами в Афганистане становились такие известные дипломаты, как Ю.М. Воронцов, занимавший эту должность, являясь одновременно первым заместителем министра иностранных дел СССР, бывший первый секретарь Московского горкома КПСС Н.Г. Егорычев (в феврале – ноябре 1988 г.), Б.Н. Пастухов, политик с огромным опытом. Все они внесли весомый вклад в решение трудных проблем, возникавших в сфере внутриполитической борьбы в этой стране, в сдерживании роста антисоветских настроений вокруг афганского вопроса. Возглавлять советскую дипмиссию в Афганистане было делом очень непростым…

Однако вернусь к работе Комитета по международным делам. По итогам проведенного анализа был подготовлен специальный доклад Второму съезду народных депутатов СССР. Утром 24 декабря 1989 года мне было предоставлено слово. Накануне, на заседании комитета, обсудили каждую запятую проекта постановления съезда. Оно согласовывалось с Горбачевым, с членами Президиума Верховного Совета и было принято, с некоторыми поправками, подавляющим большинством голосов. Против голосовало только девять из более 1700 народных депутатов, присутствовавших в зале.

Итоги голосования показали, что все или почти все депутаты внимательно следили за дискуссиями вокруг афганского узла. В докладе, представленном депутатам, было сказано: «Общая международная обстановка, в которой принималось решение, была, несомненно, сложной, характеризовалась острой политической конфронтацией. В той ситуации существовали представления о намерении определенных кругов Соединенных Штатов Америки взять в Афганистане реванш за утрату позиций после падения шахского режима в Иране. Факты указывали на возможность такого развития событий.

В последовавших за вводом войск официальных заявлениях одним из мотивов предпринятой акции было названо стремление укрепить безопасность Советского Союза на подступах к южным границам и тем самым оградить его позиции в регионе в связи с напряженностью, которая к тому времени сложилась в Афганистане. Нарастали элементы вооруженного вмешательства извне. Были обращения афганского правительства к советскому руководству за помощью. Документально установлено, что афганское правительство начиная с марта 1979 года более десяти

раз высказывало просьбу направить в страну советские воинские части. В ответ советская сторона отклоняла такую форму оказания помощи, заявляя, что афганская революция должна сама защищать себя. Однако в дальнейшем эта позиция претерпела, прямо скажем, драматические изменения.

На принятие решения в декабре 1979 года, безусловно, повлияла чрезмерная идеологизация советской внешнеполитической деятельности, складывавшейся на протяжении ряда лет под непосредственным воздействием доминировавших тогда идеологических установок. В этом свете в известной мере формировалось и наше отношение к Апрельской революции. Соответствующая этим воззрениям аргументация была положена в основу обращения советского руководства к главам зарубежных государств в связи с объявлением о вводе контингента наших войск в Афганистан. В нем указывалось, что речь идет об ограниченной задаче – содействии в охране коммуникаций и отдельных объектов. Однако все эти обстоятельства не могут оправдать решение о вводе войск».

Нередко современные политологи пытаются представить решение советского руководства о вводе войск в Афганистан как грубый политический просчет, следствие дилетантизма, даже невежества в политике. Детальное изучение афганской проблемы приводит к выводу, что в действительности дело обстояло сложнее. Решение о вводе войск было обусловлено массой внутренних и внешних причин. Принять взвешенное, единственно верное решение в той обстановке было непросто.

Афганский узел завязался на самом пике холодной войны. В то время действовал договор ОСВ-1, обсуждались перспективы ОСВ-2, этапы дальнейшей ликвидации общих видов вооружений. В евроатлантическом регионе уровень военного противостояния двух сверхдержав – СССР и США – понижался. Поле их противоборства все более смещалось в регионы третьего мира. Соединенные Штаты пытались взять реванш за поражения во Вьетнаме, в ряде стран Латинской Америки. Советский Союз тем временем был нацелен на глобальное расширение территории социалистического содружества. Несмотря на нарастающие масштабы материальных, финансовых, технических и прочих затрат, Москва при определении своих геополитических приоритетов исходила из необходимости укрепления собственных позиций в развивающемся мире. Основные столкновения между Советским Союзом и Соединенными Штатами в середине 1970-х годов произошли как раз там: в Анголе, в Намибии, в Эфиопии, в ряде других стран. Уже эти сбои во внешней политике США могли создать в Вашингтоне иллюзию того, что их позиции в

мире сильно поколеблены. И тут грянула хомейнистская революция в Иране. В результате в конце 1970-х годов американцы полностью утратили свое влияние в этой стране. Проамерикански настроенный шах был свергнут, в Иране установился клерикальный режим шиитского духовенства во главе с имамом Хомейни, объявившим Соединенные Штаты средоточием «мирового зла». В практическом плане перед США встала острейшая проблема американских заложников, захваченных в посольстве Соединенных Штатов в Тегеране.

Однако у США к тому времени были довольно сильные позиции в соседнем Пакистане. Там сосредоточивался тот американский потенциал, который «ушел» из Ирана. Афганистан в этих условиях привлекал особое внимание как в Москве, так и в Вашингтоне. Разумеется, после Апрельской революции в Афганистане, когда в стране обострились многие противоречия, началось вооруженное противостояние различных группировок. Белый дом не был заинтересован в стабилизации этой страны как союзника СССР. Сегодня имеются многочисленные свидетельства (в том числе и широко опубликованные) того, что ЦРУ придавало этому вопросу важнейшее значение.

Незадолго до развертывания афганских событий госсекретарем США был Генри Киссинджер – профессор Гарварда, сторонник «реалполитик», один из стратегов холодной войны. Во многом именно благодаря ему Вашингтон и Пекин сумели наладить контакты, которые доставляли много неприятностей Москве. После того как Киссинджер вышел в отставку, на американскую внешнюю политику заметное влияние стали оказывать концепции Збигнева Бжезинского – одного из наиболее известных идеологов дезинтеграции СССР. В 1977–1981 годах Бжезинский занимал пост помощника президента США по национальной безопасности. Весь мир обошли его фотографии, на которых он с автоматом в руках позирует на пакистано-афганской границе. Стояли ли за этим реальные экспансионистские планы США – сказать сложно. Но намек был налицо.

Здесь уместен исторический экскурс. Российско-афганские, а затем и советско-афганские отношения всегда были миролюбивыми. Если брать послеоктябрьский период, то уже в феврале 1921 года Россия и Афганистан подписали договор «О дружбе и границе». Это был один из первых мирных договоров молодого советского государства.

Ни один завоеватель за всю историю не мог силой покорить народы, жившие на территории современного Афганистана. Отсюда ни с чем уходили Александр Македонский, Чингисхан,

Тамерлан. Даже Великобритания – в пору своего расцвета – ничего не смогла сделать с гордой горной страной, хотя распространила свое влияние на соседнюю гигантскую Индию, считалась первой в мире колониальной империей. Характерно, что еще в XIX веке Россия сталкивалась на афганском направлении с Великобританией. Приблизительно за два года до подписания договора «О дружбе и границе» британцы потерпели очередное поражение в войне за захват Афганистана (это была уже их третья неудачная попытка). Российские же правительства стремились применять исключительно мирные, взаимовыгодные и для России, и для Афганистана методы.

Правда, на рубеже 1920-х годов XX века некоторые руководители в Кремле считали, что в Афганистан надо войти с оружием. После поражения частей Красной армии под Варшавой выдвигалась идея вооруженного экспорта пролетарской революции в Европу через Афганистан и территорию нынешних Пакистана и Индии. Но тогда возобладала иная позиция: с Афганистаном продолжали строить уважительные отношения, как с суверенным, самостоятельным государством. Отдельные эксцессы, случавшиеся крайне редко, не влияли на общую политику. Это продолжалось в течение десятилетий. Отношения добрососедства были взаимными.

В июне 1931 года, вскоре после ликвидации басмаческого движения в Средней Азии, был заключен бессрочный советско-афганский договор «О дружбе, нейтралитете и взаимном ненападении». Особое отношение Афганистана к северному соседу проявилось в том, что в конце 1941 года Кабул разорвал дипломатические отношения с фашистской Германией и милитаристской Японией. Это было сделано несмотря на то, что в 1930-х годах проникновение Германии в Афганистан было довольно значительным.

Москва платила Кабулу той же монетой. В годы Второй мировой войны Британия подталкивала СССР к введению частей советской армии на территорию Афганистана, ссылаясь на стратегическое значение региона. Но в Кремле отвергали любую возможность вмешательства, тем более военного, в дела суверенного Афганистана.

Послевоенные годы, особенно 1950-е и 1960-е, и в государствах Центральной Азии, и в сопредельных странах выдались весьма бурными. Политическое брожение не обошло стороной и Афганистан. Ортодоксальные мусульманские группировки, выступающие за передачу власти в стране духовенству, возникли здесь в конце 1960-х годов.

А несколько раньше, в январе 1965 года, было объявлено о

создании Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Поначалу она действовала в подполье. Основной целью НДПА объявила строительство социализма в Афганистане. При этом членов новой партии не останавливало то, что в социально-экономическом отношении Афганистан был отсталой, полуфеодальной страной.

Вопреки распространенным представлениям, НДПА создавалась без участия Москвы. В советской столице возникновение в Афганистане партии с социалистическими целями было встречено с некоторым удивлением, хотя в целом благожелательно.

Отчасти сказались идеологические причины: тогда приветствовались практически любые движения «социалистического» толка в «развивающихся» странах. Но были и другие, геополитические резоны. Между двумя сверхдержавами шла холодная война. США лихорадочно искали выход из вьетнамской авантюры. Вашингтон все чаще уступал СССР позиции в Латинской Америке, в Африке. Возникновение «просоветской» партии в дружественном Советскому Союзу Афганистане могло рассматриваться как дополнительное свидетельство укрепления влияния Москвы.

Однако единой, организованной партии из НДПА не получилось. Практически сразу она раскололась. Возникли враждующие фракции – «Хальк» («Народ») и «Парчам» («Знамя»). Первая опиралась в основном на крестьянство, на представителей офицерского корпуса, вторая – на городское население, интеллигенцию. Надо особо отметить, что каких-то революционных действий ни от НДПА в целом, ни от одной из ее фракций в Москве не ждали. И разумеется, никого к таким действиям не подталкивали. Безусловно, при этом учитывались традиционные добрососедские отношения СССР с афганской монархией. В Кремле ими дорожили, неизменно давали позитивную оценку.

Одним из важных программных пунктов НДПА была борьба с влиянием ислама и зарождавшихся исламских политических группировок. Фактически религии была объявлена война. Возможно, при этом невольно достигались противоположные цели: вместо ослабления исламские группировки укреплялись, пополнялись новыми членами, переходили на более радикальные позиции.

Между тем дальнейшие политические изменения в Афганистане произошли без участия исламистов. В июле 1973 года генерал Мухаммед Дауд, двоюродный брат афганского короля Захир Шаха из пуштунского племени дуррани, совершил

бескровный дворцовый переворот в Кабуле. Дауд упразднил монархию и объявил себя президентом Афганистана. В этом ему помогли, кроме других союзников, сторонники фракции «Парчам», возглавляемой Бабраком Кармалем, и фракции «Хальк», среди которых выделялись ее лидер Тараки и его относительно молодой ученик Амин. Противостоявшие Дауду исламские группировки попытались в 1975 году выступить против него, но потерпели неудачу и были вынуждены укрыться в сопредельном Пакистане среди родственных пуштунских племен.

Поначалу с приходом Дауда дружеские отношения его страны с СССР не претерпели изменений. Одно время даже казалось, что новый правитель Афганистана еще больше, чем его предшественники, стремится к сближению с Советским Союзом. Но потом в Москве стали замечать, что Дауд часто поворачивается в сторону Саудовской Аравии и США. Это не стало причиной конфликта, но определенное неудовольствие в Москве высказывалось. Кроме того, изменилось отношение Дауда к НДПА. Если сначала он ввел в состав правительства несколько членов партии, то затем убрал их со всех должностей.

Дальше произошли и вовсе непредвиденные события. Дауд, вероятно, почувствовал в НДПА опасного конкурента. В ночь на 26 апреля 1978 года были арестованы практически все первые лица партии: Тараки, Кармаль, Пандшери, Сафи. Амина арестовали позднее. Именно это позволило ему, как он сам потом неоднократно свидетельствовал, через сына отдать приказ о начале вооруженного восстания.

Развязка оказалась короткой. Режим Дауда пал на следующий же день. Он сам и члены его семьи были казнены. Недавние пленники из НДПА были на свободе. Теперь они обладали полнотой власти в Афганистане. Уже 30 апреля главой государства и премьер-министром стал Тараки, его заместителем – Кармаль. Первым заместителем премьера и министром иностранных дел был назначен Амин.

Одни жители Афганистана назвали эти события Апрельской революцией, другие – апрельским переворотом. Противостояние правительству Тараки, в том числе вооруженное, началось уже в ближайшие месяцы. НДПА взялась за радикальную сельскохозяйственную, земельную реформу, продолжала жестко бороться с исламом. Нельзя не признать, что народ Афганистана был плохо подготовлен к радикальным социалистическим экспериментам, которым подвергала его радикально настроенная часть НДПА. В результате число противников новой власти росло. В июне 1978 года в ряде провинций начались вооруженные выступления против кабульского режима. Их пытались подавлять,

с переменным успехом, с помощью правительственных войск. Однако эти части нередко переходили на сторону мятежников, так что Кабул чувствовал себя неуверенно в отношении собственной армии.

Что представлял собой режим Тараки, а затем Амина? Если попытаться использовать марксистские термины – что-то вроде неокоммунистической надстройки восточного типа над раннефеодальным общественным устройством. Конечно, это был далеко не режим Пол Пота – Иенг Сари. Однако его крайне левая ориентация во многом была обусловлена тем, что он функционировал в условиях родоплеменного общества, пытаясь реализовать установки, позаимствованные частично у западноевропейского, частично у советского коммунистического движения.

Обстановку в стране накаляла продолжавшаяся вражда между «Хальк» и «Парчам». Во второй половине 1979 года Кармаль был вынужден уехать послом в Чехословакию. Будущий президент Афганистана Наджибулла (также член «Парчам») стал послом в Иране.

Несмотря на все бурные внутриполитические события, Афганистан продолжал оставаться добрым соседом Советского Союза. НДПА, как уже было сказано, стремилась «осовременить» Афганистан, превратить его из полуфеодального в социалистический. При этом она рассчитывала на серьезную помощь со стороны СССР. Москва в принципе не возражала против подобной постановки вопроса, не отказывала афганским соседям в материально-технической, финансовой поддержке. Осуществлялись даже поставки вооружений. Советская военная техника направлялась в Афганистан и в 1978 году, еще до ввода войск. СССР был готов помогать южным соседям вооружениями, боеприпасами, направлять военных советников и специалистов. Но на все просьбы лидеров НДПА Тараки и Амина ввести в Афганистан советские войска для усмирения непокорных провинций всегда следовал категорический отказ. Афганским руководителям приводили пример Вьетнама, который сражался советским оружием, но никогда не просил о вводе советских военнослужащих. Афганцам предлагалось обучать свою армию, офицеров, в том числе и в СССР. Но они вновь и вновь просили о вводе войск. Так продолжалось практически до конца 1979 года. За относительно короткий период Москва получила не менее десяти обращений по этому поводу. Они шли по посольским каналам, излагались в ходе личных бесед, когда, например, Тараки приезжал в Москву или кто-то из членов Политбюро ЦК КПСС находился в Кабуле.

Архивные документы, с которыми я ознакомился за время работы над афганской проблемой, показывают, что советское руководство, и партийное, и государственное, боялось и было категорически против столкновения с дружественным народом Афганистана, всячески пыталось уйти от этой опасности. Кремль не хотел ввязываться в конфликт и с исламскими фундаменталистами. Фактически все члены Политбюро, особенно председатель советского правительства А.Н. Косыгин, в беседах с Тараки подчеркивали, что ввод советского контингента приведет к тому, что из сопредельных стран под предлогом войны с «оккупантами» начнут засылать вооруженные группы моджахедов. А это еще больше запутает конфликт, будет способствовать его эскалации. Тараки между тем утверждал, что завоеваниям Апрельской революции угрожают извне – из Ирана и Пакистана. И что агрессивный интерес к Афганистану проявляют США.

Тем временем продолжались жестокие «разборки» внутри НДПА. В них участвовал и сам Тараки, и его «верный ученик», как он сам себя называл, Амин. Осенью 1979 года Тараки был объявлен больным, изолирован, а затем задушен офицерами безопасности по личному приказанию Амина. Генеральным секретарем НДПА Амин стал еще в середине сентября 1979-го, так что Тараки уже не был политическим препятствием на его пути к власти. Но Амин поступил так, как считал нужным.

Последняя просьба о введении советских войск в Афганистан поступила в Москву 12 декабря 1979 года. Окончательное решение было принято тогда же в кабинете Л.И. Брежнева. Кроме него за введение советских войск в Афганистан высказались присутствовавшие члены Политбюро ЦК КПСС министр иностранных дел А.А. Громыко, министр обороны Д.Ф. Устинов и председатель Комитета государственной безопасности Ю.В. Андропов. Их единогласного решения было достаточно. Остальное оказалось формальностью. Поименное голосование членов и кандидатов в члены Политбюро по вопросу об Афганистане проводилось в форме опроса – подписной лист поочередно доставляли персонально каждому. Поэтому некоторые подписи, например Щербицкого, Пономарева, были датированы не 12 декабря, а 26 декабря, то есть днем, когда советские войска уже были в Кабуле. 40-я армия уже вошла в Афганистан, а голосование еще продолжалось. Ночью самолет с курьером летел из Москвы в Киев, оттуда, в четыре часа утра, – в Алма-Ату, где документ должен был подписать первый секретарь Компартии Казахстана Кунаев. Так же путем опроса были получены подписи руководителя узбекской Компартии Рашидова и других. Все высказались за.

Ни Верховный Совет СССР, ни его Президиум вопрос о вводе войск в Афганистан в 1979 году не рассматривали. Вместе с тем считаю, было бы неправильным сводить дело лишь к личной ответственности отдельных политических деятелей. Осуществление столь серьезных шагов в обход высших органов государственной власти страны, без участия народа стало возможным в результате серьезных изъянов в системе определения практической политики и механизма принятия решений. Надо заметить, что в соответствии со сложившейся к тому времени практикой указанное решение, будь оно вынесено на обсуждение любого из форумов, политического или государственного, скорее всего, было бы одобрено. Партия, народ, наши зарубежные партнеры и союзники были, по существу, поставлены перед свершившимся фактом.

Возникает резонный вопрос: что заставило Политбюро столь круто изменить свое первоначальное решение не вводить войска в Афганистан? Ведь в течение года Москва отказывалась это делать не менее десяти раз!

Разумеется, никто в Кремле не хотел втягивания СССР в межафганский конфликт. Но косвенные данные, а также некоторые архивные материалы говорят о том, что Амин мог быть связан с ЦРУ. После захвата американского посольства в Тегеране был опубликован документ, из которого следовало, что американский посол в Кабуле предлагал Тараки и Амину постоянную американскую поддержку в случае сохранения нейтралитета. Вполне вероятно, что Политбюро просчитывало реальную угрозу того, что новое руководство Афганистана может перейти на сторону США и отвернуться от СССР.

Очень определенно, в какой-то степени знаково, впоследствии высказался по афганской проблеме канцлер ФРГ Гельмут Шмидт. Выступая на пресс-конференции в Вашингтоне в марте 1980 года, он заявил, что в афганской ситуации необходимо учитывать интересы Советского Союза. Шмидт подчеркнул, что Москва должна быть уверена, что если она выведет армию из Афганистана, то никто другой свои войска туда не введет.

С официальной версией происшедшего Политбюро ЦК КПСС выступило 2 января 1980 года. Сообщалось о решении ввести в Афганистан ограниченный контингент советских войск (ОКСВ). Его численность была утверждена в 50 тысяч человек плюс двухтысячный отряд КГБ (впоследствии ОКСВ был увеличен приблизительно в три раза).

Из официального сообщения следовало, что советские войска вошли в Афганистан по приглашению его правительства для

оказания помощи в отражении внешней агрессии; они находятся там временно и будут выведены, как только прекратится вооруженное вмешательство извне. Указывалось, что ОКСВ введен в Афганистан на основании статьи 51 Устава ООН в осуществление его права на самооборону и статьи 5 советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 1978 года. Отмечалось также, что вопрос касается только СССР и ДРА и любая попытка вынести его на обсуждение в ООН является нарушением их суверенитета и вмешательством во внутренние дела Афганистана.

Важно отметить, что в военной директиве участие войск в боевых операциях на территории Афганистана не предусматривалось. Имелось в виду, что войска станут по территории страны гарнизонами, возьмут под охрану военные объекты и тем самым стабилизируют обстановку. Общий замысел сводился к тому, чтобы двумя наземными маршрутами: Термез – Хайратон – Кабул – Газни и Кушка – Герат – Шинданд – Кандагар, а также по воздуху с помощью самолетов военно-транспортной авиации перебросить 103-ю воздушно-десантную дивизию на территорию Афганистана и как бы опоясать кольцом его границу и жизненно важные центры. Требовались также силы, которые могли бы контролировать аэропорт Кабула, часть основных объектов в городе и дорогу от столицы Афганистана до пограничного города СССР Термеза.

25 декабря 1979 года в 15:00 по московскому времени авангардный батальон на БМП 108-й мотострелковой дивизии начал переходить понтонный мост, соединявший берега Амударьи. 40-я армия под командованием генерал-лейтенанта Юрия Тухаринова переступила государственную границу. Войска шли на Кабул, Герат и Кандагар. Бабрак Кармаль – руководитель «сочувствующего» СССР крыла Народно-демократической партии Афганистана – «Парчам» – выступил по национальному радио. Он стал новым руководителем страны. А штаб 40-й армии, после известной истории со штурмом дворца Амина, расположился в бывшей резиденции бывшего руководителя НДПА.

Не исключаю: не введи СССР войска, Афганистан оставался бы дружественным Советскому Союзу государством, каким он был много десятилетий. По свидетельствам военных, в Герате местные жители встречали их с цветами. Совершенно бесспорно: в декабре 1979-го советские войска вошли в Афганистан практически беспрепятственно. И только летом следующего года они по-настоящему втянулись в рейдовые действия против отрядов вооруженной оппозиции. Причем первыми джихад советским войскам объявили ортодоксальные группировки.

За ними, однако, стояли американцы. В Афганистане не было военнослужащих США, однако там было много американского оружия и американской амуниции, действовали американские наблюдательные системы и американские спецслужбы. И все это воевало против советских солдат.

Известно, как развивались события дальше. Происходило ужесточение и расширение столкновений. Советский воинский контингент оказался вовлеченным в эскалацию крупномасштабных военных действий. Обострились международная напряженность, недоверие, военно-политическое соперничество между Востоком и Западом.

Сегодня можно задавать риторический вопрос: а надо ли было вообще вводить в Афганистан советские войска? Думаю, простого ответа на него не существует. Действительно, на первом этапе перед ОКСВ стояла ограниченная задача: помочь закрепиться новой партийно-государственной власти Афганистана. Но с течением времени война затягивала СССР все глубже и глубже, уничтожая наши материальные и людские ресурсы. Страдал и народ Афганистана, по крайней мере немалая его часть. Междоусобица в этой стране, перерастающая в гражданскую войну, так и не была остановлена. На ум приходит историческая аналогия. В начале XX века в Афганистане пытались воевать англичане. Воевали долго, с большими потерями. Но также ничего не смогли там сделать. Возможно, советским руководителям в конце 1970-х годов следовало учесть этот исторический урок. И вместо того чтобы втягиваться – отступить.

Решение вывести войска созрело среди высшего советского руководства сразу после того, как Генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Горбачев. Во второй половине 1980-х годов блоковое противостояние в мире сильно ослабло, разоруженческий процесс пошел в гору. Закончилась холодная война, исчезло изматывающее соревнование сверхдержав. Кроме того, стало ясно, что страны третьего мира не смогут «перепрыгнуть» стадию индустриального, рыночного, капиталистического развития и в течение нескольких лет перейти к социализму. Все это имело прямое отношение к советской позиции по Афганистану. Становилось ясно, что последняя нуждается в кардинальном пересмотре.

По моим данным, впервые Горбачев сообщил Кармалю о намерении полностью вывести войска из Афганистана в октябре 1985 года, во время визита афганского лидера в Москву. Причем и сам Кармаль, как впоследствии и Наджибулла, выступал за вывод войск. Опасения, если они и были, касались, возможно, только личной безопасности.

Реальное сокращение советского военного присутствия в Афганистане началось уже приблизительно через год – в октябре 1986-го. Но о полном выводе войск говорить было еще рано. 13 ноября 1986 года на заседании Политбюро специально обсуждалась ситуация в Афганистане. Общий вывод: необходимо завершить процесс в ближайшее время. Стратегическая цель, о которой говорил Громыко, – нейтральный Афганистан, не становящийся врагом после вывода советских войск. «Важно, – подчеркивал советский министр, – сохранить то, что возможно, в социальном плане. Но главное – прекратить войну». Несколько ранее Политбюро сделало ставку на молодого Наджибуллу. Он был избран председателем НДПА, а в апреле 1986 года стал президентом Афганистана. Новый лидер пользовался гораздо большей независимостью от Москвы, чем его предшественник Кармаль.

Наджибулла выступил с концепцией национального примирения. Предложил оппозиции широкомасштабный компромисс для прекращения гражданской войны. Новая конституция Афганистана предусматривала многопартийность. Народные демократы Афганистана на деле начали делиться властью с другими политическими силами.

3 января 1987 года была принята декларация Реввоенсовета ДРА «О национальном примирении в Афганистане», согласно которой с 15 января 1987 года прекращался огонь из всех видов оружия, приостанавливались боевые операции, войска возвращались в пункты постоянной дислокации, им предписывалось выполнение сугубо охранных и экономических задач.

Из тюрем освобождались моджахеды, давшие слово не совершать враждебных действий против правительства. Часть министерских постов была передана оппозиции, сложившие оружие были полностью амнистированы. Тем не менее реализация идеи национального примирения шла очень медленно, с большими трудностями.

В феврале 1987 года Политбюро ЦК КПСС приняло принципиальное решение: вывести все советские войска из Афганистана в течение двух лет. Но официально Горбачев объявил об этом только год спустя, хотя срок окончательного вывода не изменился – начало 1989 года. 14 апреля 1988 года во время встречи с Наджибуллой в Ташкенте советский лидер заявил об этом еще раз. В тот же день были подписаны Женевские соглашения по Афганистану. Переговоры в швейцарской столице проходили под эгидой ООН. СССР на них представлял незаурядный советский дипломат Юлий Воронцов, который

впоследствии некоторое время работал послом СССР в Кабуле. В Женеве был сделан огромный шаг вперед – Афганистан и Пакистан подписали соглашение о принципах взаимоотношений, в частности о невмешательстве и отказе от интервенции. Однако в женевских переговорах не участвовали оппозиционные афганские группировки.

И когда советские войска вышли из Афганистана, руки у них оказались развязаны.

Вывод советских войск из Афганистана в соответствии с Женевскими соглашениями официально начался 15 мая 1988 года. К чести СССР надо сказать, Москва сделала все возможное, чтобы помочь правительству Наджибуллы выстоять. Советский Союз удовлетворил все просьбы афганской стороны в вооружениях, боеприпасах, горючем, продовольствии, промышленных товарах. С нашей помощью была создана отборная президентская гвардия. Правительство Афганистана получило дополнительные советские кредиты.

После этого советские войска ушли. Командующий 40-й армией генерал Борис Всеволодович Громов – впоследствии генерал-полковник, видный российский политик, губернатор Московской области – перешел мост Дружбы через Амударью 15 февраля 1989 года в 10 часов по местному времени. Этот день считается официальной датой окончательного вывода советских войск из Афганистана. Операция по выводу войск была осуществлена очень грамотно – и с военной, и с политической точки зрения. Потери оказались минимальными для такого рода операции – около десяти человек убитыми и около тридцати ранеными. Во многом вывод войск малой кровью оказался возможен благодаря Громову. Он чувствовал свою ответственность за важнейшее историческое событие. Надо было сохранить достоинство советских воинов, Советской армии, выполнявшей поручение государственного руководства, и не уподобиться тем людям, в том числе и некоторым военачальникам, которые посыпали голову пеплом. Советские колонны вышли из Афганистана с развернутыми знаменами.

Воинский подвиг наших солдат не забыт: 86 военнослужащих, прошедших Афганистан, стали Героями Советского Союза, более 200 тысяч – награждены орденами и медалями.

Какие уроки государство должно было извлечь из драмы Афганистана? О некоторых из них я от имени Комитета по международным делам говорил в своем докладе съезду. Позволю себе процитировать некоторые места, поскольку ряд выводов актуален и поныне:

«Применение силовых методов нанесло урон авторитету советской политики среди значительной части международной общественности… Многочисленные нарушения этих норм другими государствами, имевшими место и тогда, и, к сожалению, в последнее время, не могут служить поводом к оправданию подобных действий со стороны нашего государства. Комитет констатирует, что решение о вводе войск было принято в нарушение Конституции СССР (положение статьи 73, пункт 8), согласно которой, я цитирую, «вопросы мира и войны, защита суверенитета, охрана государственных границ и территории СССР, организация обороны, руководство Вооруженными Силами СССР» подлежат ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов государственной власти и управления.

…Определяющей гарантией должно быть установление реального контроля в высших органах власти за процессом формирования и осуществления внешнеполитического курса Советского государства. Внешняя политика должна быть всегда под контролем народа.

Особенно важен, как нам представляется, надежный и неукоснительный контроль за выработкой и принятием решений, связанных с применением Вооруженных Сил СССР. На этот счет должны существовать ясные и четкие конституционные нормы. Внешняя политика Советского Союза, которая сделала возможным заключение Женевских соглашений по Афганистану и вывод советских войск из этой страны, отвечает духу и задачам перестройки, является ее органической частью. Время, прошедшее после возвращения советских войск из Афганистана, показывает, что правительство Афганистана и его национальные силы способны самостоятельно определять судьбу своей страны, дают отпор (а в последнее время поступает на этот счет много сообщений) попыткам вооруженной оппозиции навязать военные решения. Следует отметить, что президент Афганистана Наджибулла с пониманием воспринял и активно поддержал советский подход к вопросу о выводе советского военного контингента. Набирает силу политическая, дипломатическая деятельность в Республике Афганистан. С учетом всех обстоятельств представляется обоснованным в продолжение политической и моральной поддержки соседнему афганскому народу дальнейшее оказание содействия Республике Афганистан, развитие сотрудничества с этой страной в соответствии с двусторонними государственными соглашениями.

Политически и морально осуждая решение о вводе советских войск, комитет считает необходимым заявить, что это ни в коей

мере не бросает тень на солдат и офицеров, направлявшихся в Афганистан. Верные присяге, убежденные в том, что защищают интересы Родины и оказывают дружественную помощь соседнему народу, они лишь выполняли свой воинский долг. Советский народ потерял в Афганистане тысячи своих сынов. Наша святая обязанность – хранить память о них как о верных сынах Отчизны. Мы обязаны воздать должное мужеству тех, кто прошел через тяжкие испытания, проявлять о них заботу, содействовать реализации их жизненных планов, оказывать всемерную помощь и поддержку инвалидам и семьям погибших.

Политическую оценку решения о вводе советских войск в Афганистан Комитет Верховного Совета по международным делам считает нужным дополнить некоторыми практическими предложениями. В Конституции СССР, законодательных актах до настоящего времени не определен механизм принятия решения об использовании Вооруженных Сил за пределами нашей страны. Конституция содержит лишь общие положения, согласно которым Верховный Совет принимает решение об использовании контингента Вооруженных Сил СССР в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по поддержанию мира и безопасности.

Требуется, очевидно, конкретизировать порядок использования Вооруженных Сил в специальном законодательном акте. Более того, основательно соотнести с конституционными нормами положение о Совете обороны СССР. Эту актуальную задачу можно было бы реализовать в контексте работы над новой Конституцией нашей страны.

По мнению комитета, целесообразно также рассмотреть возможность создания в рамках Верховного Совета СССР Комиссии по делам бывших военнослужащих контингента советских войск в Афганистане. Аналогичные меры, как нам представляется, следовало бы принять и по линии Совета Министров СССР. Полагаем необходимым информировать II Съезд о предложении многих народных депутатов и представителей общественности нашей страны, чтобы день завершения вывода войск из Афганистана, а именно 15 февраля, сделать Днем памяти.

Итак, уважаемые народные депутаты, комитет, основываясь на мандате, данном ему I Съездом народных депутатов, стремился высветить лишь политическую оценку самого факта ввода войск в Афганистан. Имеющиеся материалы, как было сказано, дают, с нашей точки зрения, достаточные основания для предложенного вам комитетом основного вывода.

Завершая сообщение, отмечу, что в исторической

ретроспективе война в Афганистане – это пока живая, сегодняшняя история, участниками которой, кроме Советского Союза, являются многие политические и социальные силы. Предстоит большая и многогранная работа политиков, дипломатов, ученых для всесторонних оценок этого полного драматизма исторического события».

К сожалению, Афганистан с большим трудом преодолевал драматический период своей истории после вывода из него советских войск. В конце июня 1990 года состоялся очередной съезд НДПА. С основным докладом выступил Наджибулла. Социалистические и революционно-демократические ценности, вокруг которых строилась политика Народно-демократической партии Афганистана двадцать пять лет назад, при ее создании, были фактически отброшены. Предпочтение отдавалось ценностям ислама и установившимся традициям афганского народа. Главными задачами партии становились обеспечение мира, возрождение страны, достижение национального единения. Но реального осуществления этих задач не произошло.

В апреле 1992 года, когда Наджибулла, согласно мирному плану ООН, покинул пост президента Афганистана, НДПА тотчас же сошла с политической арены. К руководству страной пришел Временный совет из четырех членов, смененный вскоре переходным правительством Себгатуллы Моджадедди. Афганистан был провозглашен исламским государством.

Очевидно, что распад СССР сыграл далеко не последнюю роль в развитии событий в Афганистане. Россия прекратила гуманитарную помощь этой стране. Через некоторое время отряды оппозиции вошли в Кабул. Потом их выбили оттуда талибы. Сегодня Афганистан оккупирован войсками США и их союзников. В этой связи хочу подчеркнуть: после вывода советских войск из Афганистана в стране еще два года сохранялась относительно спокойная обстановка. Не без участия СССР она поддерживалась во многом чисто политическими методами. Не уверен, что от них стоило так быстро отказываться.

После терактов 11 сентября Вашингтон, пытаясь не допустить новых террористических преступлений на территории США, сосредоточился на военном подавлении талибов, находившихся у власти в Афганистане. Их режим рассматривался как политическая и духовная опора международных террористов во главе с Усамой бен Ладеном. Интервенция США и коллективных сил НАТО в Афганистан привела к масштабной войне на многие годы, конца которой не видно и сейчас.

Советско-американский ринг: проблемы СНВ

Первой и, пожалуй, ключевой проблемой для Комитета по международным делам, как и для всех отечественных специалистов, связанных с вопросами внешней политики СССР, было ядерное разоружение.

Наш комитет во взаимодействии с МИДом и Министерством обороны готовил развернутое заключение о готовности к ратификации советско-американского договора по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ). Это было очень важно для улучшения координации взаимодействия различных ветвей власти. Мне удалось добиться, чтобы наши парламентарии деятельно участвовали в переговорах по СНВ, которые с советской стороны непосредственно вели представители МИДа, Министерства обороны, Генерального штаба. Такой прецедент стал первым в истории СССР. Между тем подобное взаимодействие было обычной практикой для стран с устоявшейся парламентской системой.

Переговоры по СНВ проходили в Женеве. Члены комитета по международным делам четырежды вылетали в Швейцарию для встреч со своими коллегами – конгрессменами США. С американской стороны нашим главным оппонентом был сенатор Сэм Нанн, известный в Соединенных Штатах специалист в области ядерных вооружений. Обсуждались довольно специфические вопросы, такие, например, как проблема соотношения веса оружия. То и дело возникали разногласия в подходах сторон к различным формулировкам договора.

Многое удавалось постепенно согласовывать на компромиссной основе. Это делалось для того, чтобы облегчить сначала подписание документа, а затем и процедуру его ратификации в парламентах двух государств.

Однако я был настолько перегружен текущими делами в Кремле, в Верховном Совете и в ЦК КПСС, что не всегда мог присутствовать на каждом раунде переговоров в Швейцарии. Я находился в постоянных разъездах по стране. Иногда срочные телеграммы из Женевы находили меня вдали от Москвы. И тогда вопросы приходилось решать буквально на ходу. Чтобы усилить нашу делегацию, я рекомендовал ввести в ее состав бывшего главного редактора газеты «Правда» академика АН СССР Виктора Григорьевича Афанасьева. Он был не просто журналистом, долгое время возглавлявшим правление Союза журналистов СССР, но и

видным ученым. Великую Отечественную войну Афанасьев прошел как летчик-штурмовик. Он не понаслышке знал проблемы военной авиации. Это помогало ему глубоко разбираться в тех вопросах, в которых нередко путались другие участники переговоров. Афанасьев поразил американцев своей эрудицией, доскональным знанием обсуждаемых тем. Надо принять во внимание, что членам переговорных групп, для того чтобы быть в курсе дела, приходилось прорабатывать огромное количество технической документации и пояснительных записок.

Здесь хотел бы заметить, что встречи наших депутатов с конгрессменами США стали серьезной школой выработки новой международной межпарламентской культуры общения. Впервые за всю историю XX века полномочные представители законодательной власти двух великих держав стали прислушиваться друг к другу, прагматически взвешивать все аргументы за и против, а главное – стремиться к выработке взаимоприемлемого консенсуса. Разоружение всегда было ахиллесовой пятой мировой политики. Вспомним печальные уроки Версальской мирной конференции, неудачи Лиги Наций… Теперь же достигалось то, что призвано было спасти цивилизацию от угрозы самоуничтожения.

Обсуждение проблем СНВ не ограничивалось заседаниями в Женеве. В один из дней 1991 года Горбачев пригласил меня срочно зайти в Овальный зал Кремля. Явившись, встретил там министра обороны Язова, начальника Генерального штаба Моисеева, министра иностранных дел Шеварднадзе и его первого заместителя Бессмертных. Вскоре подошел и сам Горбачев.

Получилось так, что обсуждение по ключевым вопросам сокращения стратегических наступательных вооружений проходило тогда в высшем эшелоне власти, что называется, «на ногах». Горбачев настаивал на необходимости сокращения советских ядерных боезарядов и стратегических носителей наземного базирования. Он говорил, что СССР располагает в ядерной сфере огромными излишками, от которых надо избавляться. У меня создалось впечатление, что Горбачев делал эти утверждения как бы с заранее подготовленной подачи Моисеева. Начальник Генштаба, в свою очередь, приводил аргументы в поддержку позиции Президента.

Зато министр обороны Язов возражал Верховному главнокомандующему. Он подчеркивал, что в СССР стратегические носители наземного базирования с ядерными боеголовками гораздо лучше адаптированы, нежели, скажем, американские системы надводного базирования. Его тревожили не всегда обоснованные, как ему казалось, уступки советской

стороны на переговорах по разоружению. Беспокоило также коренное изменение не в нашу пользу военно-стратегической обстановки в Европе.

Наиболее примечательным в том споре мне показалось то, что это был не «плановый» разговор, а некая «походная» баталия. Горбачев организовал ее для того, чтобы попытаться в присутствии меня, Шеварднадзе и Бессмертных привести министра обороны и начальника Генштаба к «общему знаменателю». Этот памятный эпизод вспомнился вновь осенью 2000 года, когда между российскими министром обороны и начальником Генштаба вновь обозначились расхождения. Фактически целое десятилетие продолжался спор по вопросам разоружения, хотя и фигуранты, и декорации менялись. Отголоски его были слышны и позднее.

31 июля 1991 года президенты Горбачев и Буш в Кремле подписали известный договор по СНВ. Но незадолго до этого американская сторона пыталась оказать на нас довольно интенсивное давление.

Советскую делегацию в Женеве возглавлял кадровый мидовец Юрий Константинович Назаркин. Работа шла, но не так быстро, как того хотелось бы нашей стороне. Поторопить делегацию был послан заместитель министра иностранных дел Обухов. Сверху исходило указание «ставить точку», быстро завершать выработку окончательного текста договора.

Я рекомендовал депутатам Комитета по международным делам срочно вылететь в Женеву. Следовало проследить, чтобы ради ускорения подписания договора советская сторона не пошла на неоправданные уступки. Виктор Афанасьев и другие члены делегации отнеслись к этому предостережению очень ответственно.

В Швейцарии ситуация оказалась довольно сложной. Наши парламентарии, и прежде всего Афанасьев, возражали против неоправданного давления американцев, напоминая о принципиальных позициях СССР, на которых мы начинали переговорный процесс. В то же время, как выяснилось, МИД не возражал против того, чтобы пойти навстречу американцам, которые хотели сначала решить спорные вопросы, касающиеся Договора по обычным вооруженным силам в Европе (ДОВСЕ), и только потом подписывать соглашение по стратегическим системам. Обухов настаивал на том, что переговоры надо быстрее завершать, а для этого можно пойти навстречу США. В конце концов наши депутаты направили в Москву секретную телеграмму, в которой подчеркнули, что не согласны с американским предложением, и это было принято во внимание

советским руководством.

В итоге возобладала принципиальная позиция, с которой мы с самого начала подходили к переговорам по СНВ. Думаю, в немалой степени благодаря тому, что наши парламентарии были непосредственно подключены к переговорному процессу. Это соответствовало мировой практике, а кроме того, повышало уровень доверия и согласия между различными «ветвями» власти в нашей стране.

Договор был подписан в относительно приемлемом для нас виде. Однако ратификация его Верховным Советом СССР стала невозможной из-за распада Советского Союза. Тем не менее достигнутое не пропало даром. Переговоры по СНВ были продолжены между Россией и США. Ростки, пробившиеся сквозь каменистую почву холодной войны, принесли свои позитивные плоды: президенты Борис Ельцин и Джордж Буш-старший подписали Договор СНВ-2, а парламенты двух стран в конце концов ратифицировали его. Возможно, это произошло бы раньше, если бы российские власти в большей степени учли позитивный опыт подготовки международных договоров – с обязательным участием парламентариев, – который был наработан в СССР.

Верховный Совет СССР воспринимался как парламент, имеющий открытую публичную трибуну, генератор новых, соответствующих мировой парламентской практике законодательных инициатив. Он также имел широкие связи с зарубежными парламентами. Тогда, может быть, впервые в парламентской практике в новейшей истории состоялся телевизионный мост между сенаторами США и депутатами Верховного Совета. В СССР его транслировали по Первому каналу. Ведущим этой новой формы парламентских дебатов был талантливый тележурналист и широко известный в мире общественный деятель Владимир Познер. Телевизионная дискуссия в прямом эфире продолжалась более часа; моим оппонентом бы сенатор Роберт Доул. Диалог приобретал особенно острый характер в связи с вопросами СНВ, особенно из-за разного подхода к определению количества и качества стратегических наступательных вооружений сторон. Американские коллеги соглашались учитывать при оценке СНВ только наземные виды вооружений, а мы настаивали на том, чтобы обязательно учитывались СНВ морского базирования, в чем в ту пору американцы имели преимущество.

Состоялась интересная и содержательная дискуссия. Признаюсь, что мне накануне серьезной дуэли необходимо было серьезно и содержательно вникнуть в суть вопроса, чтобы иметь

достоверные сведения по американским видам СНВ. Прошло много времени, но я очень благодарен академику Сергею Рогову, директору Института США и Канады Академии наук, за его высокопрофессиональную экспертную помощь.

Позже, уже в мае 1990 года, в ходе визита советской делегации во главе с Горбачевым в Вашингтон, я имел возможность непосредственно познакомиться со своим оппонентом на теледебатах, одним из самых авторитетных американских сенаторов Робертом Доулом. Во время официального приема нашей делегации я оказался за столом, где рядом, справа от меня, сидел Роберт Доул с супругой Элизабет, а с другой стороны – знаменитый Арманд Хаммер, первопроходец американского бизнеса в молодой Советской республике. В 1921 году он встречался с Лениным в Москве. Арманд Хаммер имел репутацию не только всемирно известного бизнесмена, но и очень влиятельного человека в США, несмотря на почтенный возраст. В свободной обстановке Хаммер рассказывал нам о своих многочисленных поездках в Советский Союз, а потом очень впечатляюще завершил нашу интересную неформальную беседу. Он перстом позвал к себе сидящего на расстоянии Дж. Бейкера, госсекретаря США, и тот коленопреклоненно предстал перед совсем не молодым, но влиятельным Хаммером. И к месту оказался фотограф, который не преминул сделать нужную фотографию… Так «возрастной» патриарх американо-советских экономических связей дал всем понять, кто есть кто.

На Мальте штормовая погода

Джордж Буш-старший принял полномочия президента США 20 января 1989 года. Контакты между Москвой и Вашингтоном, особенно по вопросам разоружения и повестки дня ОБСЕ, продолжались в активной форме, однако полноценной встречи на высшем уровне до конца года все еще не было. Время шло, актуальность встречи Горбачева и Буша возрастала. Западные лидеры, особенно Маргарет Тэтчер и Франсуа Миттеран, подталкивали нового хозяина Белого дома к встрече с советским президентом.

Местом переговоров (они состоялись 2–3 декабря 1989 года) стала Мальтийская республика. Накануне советская делегация встречалась с премьер-министром и другими представителями властей Мальты. В этой небольшой средиземноморской островной стране гостям из Москвы уделяли восторженное внимание. Здесь знают и высоко ценят роль России, имя императора Павла I, который в конце XVIII века во время объявленной Англией войны против Мальты взял под свое покровительство народ этой страны. Мальтийцы помнят, что СССР выступал, в том числе и в ООН, в борьбе мальтийцев за независимость от британской короны. Хорошее в истории полезно вспомнить.

Между тем море близ Мальты в декабре 1989 года штормило. Семь баллов. Как предвестник, можно сказать, политического шторма. Советская делегация разместилась на теплоходе «Максим Горький». Большое четырехпалубное судно заблаговременно пришвартовалось и бросило якорь в гавани Ла-Валетта. На «Максиме Горьком» и было предусмотрено проведение переговоров. На расстоянии в несколько сотен метров на крейсере ВМС США находились президент США Джордж Буш, госсекретарь Джеймс Бейкер, другие члены американской делегации. Случилось так, что разбушевавшееся море не позволило американцам безопасно пришвартоваться на катерах к нашему теплоходу. Переговоры в назначенный день не начались.

Образовалась пауза. Необычайная обстановка. Члены нашей делегации, вынужденные ждать лучшей погоды, собрались в большой каюте. Кроме Михаила Сергеевича и Раисы Максимовны были Э. Шеварднадзе, член Политбюро ЦК А. Яковлев, советник президента маршал С. Ахромеев, советники президента А. Добрынин и А. Черняев и посол в США А. Бессмертных. Почему-то Горбачев попросил меня быть старшим на этом застолье. Как раз в это время в Италии, на Мальте и в ряде других европейских

стран вышел в прокат документальный фильм о Михаиле Горбачеве. Было много воспоминаний, и все были окрашены в светлые тона. Говорили о подвиге советского народа в Великой Отечественной войне, Горбачев рассказывал о своем отце Сергее Андреевиче, который прошел всю войну сапером, о своей маме Марии Пантелеевне. Но меня не покидало беспокойство по составу делегации на переговорах, хотя я в состав переговорной части делегации не входил. Уже спустя годы я говорил об этом с Бессмертных. Было непонятно, почему Яковлев в составе делегации рядом с Горбачевым, хотя он не был ответственным за международные дела. Многим было известно, что Яковлев и Ахромеев имеют несовместимые взгляды на текущие международные и военно-политические вопросы. Одновременно чувствовалась напряженность между Горбачевым и Шеварднадзе.

На следующий день, 3 декабря, море несколько успокоилось. Президент Дж. Буш и сопровождающие его лица перебрались на военных катерах на борт теплохода «Максим Горький».

Вокруг встречи Горбачева и Буша в мемуарной литературе много суждений и домыслов. Советником по внешнеполитическим вопросам Горбачева в то время был яркий и опытный дипломат А.Ф. Добрынин. Понятно, что он был полностью погружен в подготовку повестки дня, о чем Анатолий Федорович рассказывает в своих воспоминаниях (Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996), где речь идет о советско-американских отношениях в контексте прихода в Белый дом новой администрации, о проблемах разоружения. Отмечу, что мальтийские переговоры состоялись через месяц после падения Берлинской стены. Это событие вышло тогда на первый план в череде сложных международных вопросов. Изменения происходили с космической скоростью. Министр иностранных дел ФРГ Ганс Дитрих Геншер срочно посетил Бухарест, Прагу, другие столицы восточноевропейских государств, выступал перед многотысячными митингами граждан ГДР, уже покинувших Восточный Берлин и требующих въезда в ФРГ. Он тут же давал директивы давать визы всем, кто этого требует. Из Бонна (тогдашней столицы ФРГ) пошли указания в зарубежные посольства страны «открыть двери» для граждан ГДР. Все это, вместе с глубокими политическими изменениями, произошедшими в Восточной Европе, создавало крайне неблагополучный фон для переговоров на Мальте.

Нет спора, что каждая договоренность между Москвой и Вашингтоном имела бы силу в случае юридически обязывающих двустороннего и многостороннего документов. Однако в международных отношениях существует «Запись бесед на

официальном уровне» – форма документирования достигнутых согласованных позиций сторон. Обещания, данные руководством США Советскому Союзу на переговорах, публичные заявления о гарантиях нераспространения на Восток НАТО были вероломно и цинично нарушены. Об этом свидетельствуют рассекреченные архивные документы, опубликованные 12 декабря 2017 года (Секретные архивы государственной безопасности при университете Джорджа Вашингтона). Из них следует, что позиция российского руководства относительно того, что Запад солгал (отказался следовать своим обещаниям и заявлениям о нераспространении НАТО на Восток), является обоснованной. Этот факт может и должен использоваться и впредь в переговорах с Западом.

На саммите, проходившем на Мальте, Дж. Буш заверял Горбачева, что «США никогда не воспользуются революцией в Восточной Европе во вред советским интересам». В свою очередь, глава госдепа США Дж. Бейкер на встрече с Горбачевым 9 февраля 1990 года заверил, что НАТО «ни на дюйм не двинется на восток». Более того, из материалов упомянутых архивов явствует, что США и их союзники обещали «не приближаться к границам Советского Союза».

Что же произошло на деле? Билл Клинтон уже в 1994 году принимает решение о продвижении НАТО на восток. СССР к тому времени распался. Президент США вероломно обходит обещания, данные Москве его предшественниками, а также тот факт, что Российская Федерация является официальным преемником СССР с юридически закрепленными правами государства-предшественника.

Если бы руководство России в начале 1990-х годов заняло бы такую твердую и последовательную позицию в защите национальных интересов, как в нынешнее время – время президентства В.В. Путина, а не такую пораженческую, как в эпоху Ельцина – Козырева, возможно, в Восточной Европе была бы другая геополитическая реальность и блок НАТО не подошел бы так близко к России.

Европейский процесс – парижская хартия

Еще одна проблема, которой занимался Комитет по международным делам, касалась вопросов сокращения обычных видов вооружений в Европе. Заключительный акт Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе был подписан руководителями европейских стран, Канады и США в Хельсинки летом 1975 года. В нем провозглашались нерушимость границ в Европе, отказ от применения силы, невмешательство во внутренние дела друг друга, развитие экономического, культурного, гуманитарного сотрудничества между государствами-участниками. Этот документ учредил Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), которое имело большие шансы стать основной опорой и гарантом поддержания мира на континенте.

Приблизительно за шесть лет до этого, в 1969 году, СССР и государства Центральной и Восточной Европы приняли так называемую Карлово-Варскую декларацию, которая послужила прологом для хельсинкских соглашений. И если быть точным, то хельсинкский процесс берет, по существу, свое начало с 1969 года, с события, произошедшего в Карловых Варах. Идеи этого документа нашли позднее отражение в ряде основополагающих международных соглашений.

На общеевропейской встрече в верхах 21 ноября 1990 года была подписана Парижская хартия, нацеленная на упрочение мира и взаимопонимания в Европе. В этом документе было торжественно объявлено об окончании эпохи холодной войны: «Эра конфронтации и раскола Европы закончилась. Мы заявляем, что отныне наши отношения будут основываться на взаимном уважении и сотрудничестве. Европа освобождается от наследия прошлого». Красной нитью через текст хартии проходила идея общечеловеческих ценностей, которые ставились выше идеологических расхождений, социальных и национальных различий. Это был новый этап на пути построения безопасной, стабильной Европы без разделительных линий.

После подписания Парижской хартии переговоры по обычным вооруженным силам в Европе (ОВСЕ) проходили в Вене. Главным советским представителем на них был Юрий Борисович Кашлев. Незаурядный специалист-международник, прошедший большую дипломатическую школу, удостоенный ряда правительственных наград, он был послом по особым поручениям, затем возглавлял советское посольство в Польше, впоследствии стал ректором Дипломатической академии МИДа.

Специфика переговоров по ОВСЕ заключалась в том, что они проходили в условиях динамично меняющегося не в нашу пользу расклада сил в мире. Сначала переговоры шли между двумя мощными военно-политическими союзами: НАТО и Организацией Варшавского договора (ОВД). Стремительное саморазрушение ОВД поставило СССР в положение слабейшей стороны. При этом свою роль сыграла позиция группы восточноевропейских стран – бывших союзников Советского Союза. Часть из них в конце 1980-х годов колебалась, а некоторые по большому счету уже заняли пронатовские позиции. Все это повлияло на дальнейшее развитие событий в Европе, включая трагедию в Югославии, сказалось на нынешнем состоянии системы поддержания безопасности на континенте. Эти процессы поставили советскую дипломатию в исключительно сложное и тяжелое положение.

Самороспуск Организации Варшавского договора имел для такого развития событий ключевое значение.

Хочу отметить один из наиболее существенных просчетов советской внешней политики того времени. Наше руководство поспешно одобрило позиции Чехословакии, Польши и Венгрии по вопросу ускоренной ликвидации ОВД. Со стороны этих государств исходила тогда мотивация следующего характера: международная социалистическая система распалась, восточноевропейские страны переходят к новому социально-экономическому укладу, а следовательно, нет необходимости в существовании ОВД как единой военно-политической организации. Принимая эти аргументы, советское руководство без каких-либо более или менее адекватных обязательств со стороны НАТО согласилось с планами форсированного вывода своих войск из стран Центральной и Восточной Европы. Это означало фактический конец ОВД, односторонний демонтаж нашей оборонительной системы.

Нельзя не признать, что наряду с исполнительной властью Верховный Совет СССР нес также немалую долю ответственности за происшедшее. Последствия проводимой политики до конца не просчитывались. Бытовала иллюзия, будто примеру самораспустившейся ОВД немедленно последует блок НАТО. Отчасти подобные настроения целенаправленно подпитывались сигналами, исходившими из Парижа и особенно – из Бонна. Руководство ФРГ, страны – члена НАТО, давало понять, что объединенная Германия станет внеблоковой, чуть ли не нейтральной страной. Беда высшего советского руководства состояла в том, что оно оказалось слишком доверчивым. Пронатовские настроения Германии, а также стремление некоторых бывших союзников Советского Союза по ОВД пойти на

максимальное сближение с НАТО были выявлены слишком поздно, когда, как говорится, поезд уже ушел.

Спохватившись, советское руководство уже не могло сделать попятные шаги, то есть хотя бы притормозить вывод своих войск из Восточной Европы. Горбачев, конечно, понимал опасность дезинтеграционных процессов. Но свой выбор к тому времени он, вероятно, уже сделал.

Последнее заседание, подводившее черту под существованием Организации Варшавского договора, должно было состояться в середине 1991 года в Будапеште. Все, кто был близок к выработке советской внешней политики, в том числе и я, считали, что на встречу должен отправиться Горбачев. Ожидалось, что Президент СССР сделает программные, стратегические заявления о том, что происходит глубокий демонтаж рудиментов холодной войны, мир становится на путь принципиального изменения, быстрыми темпами избавляется от наследия милитаризма. Было бы логично, если бы Горбачев решительно призвал НАТО последовать примеру ОВД.

Подготовка его визита в Будапешт шла до самого последнего момента. Однако когда до начала встречи оставалось несколько дней, стало ясно, что Президент СССР в Будапешт не поедет. По поведению Горбачева было видно, что лично для себя он принял именно такое решение.

Другие официальные лица, которые также готовились к тому визиту, реагировали на эту новость крайне болезненно, хотя не теряли надежды переубедить Президента. Я написал Горбачеву срочную докладную записку, в которой объяснял, почему именно ему надо обязательно быть на мероприятии ОВД. Записка была переадресована вице-президенту Янаеву, который и поехал на встречу. Он, разумеется, никаких весомых, имеющих стратегическое значение для мира и Европы заявлений не сделал и не мог сделать. 1 июля 1991 года политический консультативный комитет ОВД тихо, без изматывающих дискуссий принял решение о самороспуске организации. ОВД скончалась, оставив нашему государству колоссальный объем нерешенных проблем.

Трудные дискуссии по Германии

Еще одна важнейшая проблема, которой занимался наш комитет, касалась объединения двух Германий и перспектив развития советско-германских отношений. Идея ускоренного объединения Германии требовала форсированной выработки формулы ответственного участия СССР в этом процессе, обстоятельного прогнозирования различных вариантов его развития. Возможно, именно эта проблематика была тогда самой важной во внешнеполитической стратегии СССР. Германский вопрос был ключевым и с точки зрения разоружения, и с точки зрения будущей архитектоники европейской безопасности, включая проблему НАТО. На заседаниях нашего комитета, когда собиралось, включая экспертов и приглашенных, до ста человек, «германская» тема вызывала острейшие дискуссии.

Отношения между СССР и ФРГ в то время развивались по нарастающей. В 1988 году в Советский Союз приезжал канцлер ФРГ Гельмут Коль, а годом раньше Москву посетил президент западных немцев Р. фон Вайцзеккер. Диалог между двумя странами становился постоянным и открытым. Несколько раз в год встречались министры иностранных дел, другие члены правительства. В 1989 году состоялся визит в ФРГ Горбачева. Тогда же он провел консультации с председателем Социал-демократической партии Германии Г.-Й. Фогелем. Обсуждался широкий круг проблем – от перспектив европейской социал-демократии до внутриполитического положения в СССР. Во внешнеэкономическом плане ФРГ также становилась для СССР все более важным партнером.

Связи с ГДР были, конечно, тоже очень важны для нас. В контексте общегерманского объединения о них надо сказать особо. Образование двух Германий – один из политических итогов Второй мировой войны. Собственные проблемы обе Германии на протяжении десятилетий решали исходя из статус-кво. Западной Германии удалось получить помощь по плану Маршалла, затем она стала одним из соучредителей Европейских сообществ. ГДР помогал Советский Союз, развивалось сотрудничество по линии Совета экономической взаимопомощи. Успехи Восточной Германии выразились в росте ее международного авторитета. Вначале она получила дипломатическое признание немногих государств, но затем быстро набрала политический вес, стала полноценным членом Организации Объединенных Наций. Политического лидера Социалистической единой партии Германии Эриха Хонеккера с

почетом принимали в ФРГ, он шел по одной ковровой дорожке с федеральным канцлером Гельмутом Колем. И это отражало уважение к очевидным достижениям ГДР. В середине 1970-х годов страна уже находилась в первой двадцатке государств мира по жизненному уровню. Однако при объединении Германии ее ресурсы не были адекватно оценены. Германская Демократическая Республика была фактически поглощена своим западным соседом на его же условиях. С Хонеккером же и вовсе обошлись несправедливо – возбудили против него уголовное дело и даже добились проведения суда, после того как российские власти летом 1992 года вынудили немецкого политика покинуть нашу страну, где он находился как личный гость М.С. Горбачева. Остаток жизни Хонеккер провел в Чили, фактически в изгнании, куда был вынужден отправиться, опасаясь мелочной мстительности так называемых борцов с социализмом.

Справедливости ради надо сказать, что Хонеккер не форсировал объединительный курс, хотя давление изнутри и извне было очень сильным. Во время визита в Берлин в 1989 году Горбачев дал понять, что не одобряет такую политику. Одновременно нарастало недовольство Хонеккером внутри его собственной партии, и в ноябре 1989 года он вынужден был оставить свой пост. Уже через месяц Хонеккер был исключен из СЕПГ.

На таком общеполитическом фоне разворачивались дискуссии по германскому вопросу в Комитете по международным делам. По сути, сталкивались две точки зрения. Первую представляло Министерство иностранных дел, и она в основном совпадала с позицией Президента. Вторая излагалась от лица Верховного Совета. Основным критиком мидовцев, а через них и Горбачева, обычно оказывался Валентин Фалин. Во-первых, он настаивал на том, чтобы последовательно управляемая демилитаризация, разоружение на территории ФРГ происходили в тех же объемах и синхронно с аналогичными процессами в ГДР. Во-вторых, постоянно подчеркивал, что ГДР – самостоятельное суверенное государство, а поэтому с ним надо считаться как с полноправным участником объединительного переговорного процесса. При этом мнение Берлина обязательно должно учитываться остальными договаривающимися сторонами. Надо отдать должное принципиальности Фалина. Он не боялся обосновывать свою точку зрения, даже если она не вполне совпадала с мнением Президента СССР.

Чаще других в дискуссии с Фалиным вступал заместитель министра иностранных дел СССР Ю.А. Квицинский. Он тоже был известным специалистом по Германии, тоже работал послом

СССР в ФРГ, уже после Фалина.

Как показывает ретроспективный анализ событий тех лет, сторонники Фалина занимали более реалистические, национально ориентированные позиции, нежели их оппоненты. Рекомендации комитета, учитывающие интересы национальной безопасности страны, были оформлены и завизированы мной.

Тем не менее на реальный ход событий решающее воздействие оказала точка зрения Горбачева и главы МИДа Шеварднадзе. В ноябре 1990 года Горбачев посетил уже объединенную Германию. Контакты между нашими странами становились все интенсивнее, выходили на более высокий уровень. Советский лидер очень рассчитывал на весомую немецкую поддержку политики перестройки, на поддержку международных инициатив Советского Союза. Именно Германия и СССР должны были, по его сценарию, стать основными партнерами в строительстве нового общеевропейского порядка. Однако благие надежды не оправдались, наши просчеты во внешней политике на германском направлении оказались за бортом реальной политики.

Почему СССР не спешил вступать в Совет Европы

Во время работы в Верховном Совете я хорошо понимал, что разрабатываемые нами документы неизменно вызывают большой международный интерес. Это заметно повышало нашу ответственность за качество законодательных и других материалов. Вскоре сложилась традиция: прежде чем вынести документ на суд Верховного Совета, все ключевые положения, едва ли не каждая фраза, тщательно прорабатывались, всесторонне обсуждались в комитете. На наших расширенных заседаниях, с обязательными выступлениями ведущих специалистов-международников, проводилась тщательная парламентская экспертиза законопроектов.

Законы в Верховном Совете СССР в конце 1980-х – начале 1990-х годов принимались только после того, как их исполнение продумывалось в деталях. Была немыслимой практика, имевшая место в 1990-х годах в российском законодательном и правоприменительном процессе: принимается закон, а через некоторое время оказывается, что он не будет действовать, если вслед за ним не принять еще несколько законов с изменениями и дополнениями к исходному документу.

Хорошо помню, как сложно, в несколько «раундов», проходила подготовка проекта Таможенного кодекса СССР. Вообще кодексы, как и основы законодательства в той или иной сфере, прорабатывались особенно скрупулезно. Для повышения международного имиджа СССР, продвижения страны в международные организации, прежде всего в Совет Европы, чрезвычайно важными были два законопроекта, прошедшие через наш комитет.

Первый – о порядке выезда и въезда в страну граждан СССР. Этот проект вызвал множество споров. Сегодня зарубежные поездки – обыденное дело для миллионов наших сограждан. В начале 1990-х годов поездка за границу для большинства была заметным событием в жизни. Выехать за рубеж было сложно главным образом из-за множества бюрократических препон, которые после окончания холодной войны стали нелепыми и противоречили международному гуманитарному праву.

Концепция законопроекта была простой: гражданин СССР, получивший загранпаспорт в соответствии с действующим международным правом, получал одновременно право, не спрашивая санкции у собственных властей, поехать в любую

страну и по любому поводу. Речь шла не только о потенциальных эмигрантах, но и о миллионах тех наших соотечественников, которые намеревались временно выехать за рубеж на отдых, учебу, для встречи с родственниками. Отменялись и другие раздражающие людей, по сути, бессмысленные запреты. Значительно снижался порог ограничений по секретности. Такие случаи после принятия закона должны были стать единичными, исключительными. Мы предполагали, что в категорию так называемых отказников войдет очень небольшое число людей.

В мае 1991 года после долгого и острого обсуждения закон удалось принять. Тогда же было решено, что он вступит в силу только через девятнадцать месяцев – 1 января 1993 года. В чем причина задержки? Дело в том, что нашей задачей было не просто проголосовать за популярный в обществе закон, но и продумать последствия его применения, проконтролировать, чтобы он был по-настоящему действующим, а не декларативным. Законодатели в то время гарантировали качество своей продукции, мертворожденных документов практически не было.

Каждая деталь закона просчитывалась по всем направлениям. Свои заключения по поводу законопроекта представили финансисты, пограничники, таможенники. Оказалось, что для его бесперебойного действия потребуются немалые средства. Подсчеты показали, что подготовиться к широкому наплыву желающих посмотреть мир наши ведомства смогут не раньше начала 1993 года. Предстояло проделать большую организационно-техническую работу, связанную с выдачей зарубежных паспортов. В течение 1992 года соответствующие службы могли изготовить только шесть миллионов экземпляров загранпаспортов и необходимых бланков. Это был тот минимум, обеспечив который можно было не бояться эксцессов из-за того, что кому-то что-то не достанется и появятся недовольные.

Кроме того, надо было успеть создать консультационные службы, которые давали бы квалифицированные советы отъезжающим относительно трудоустройства за рубежом, социальной защищенности, медицинского обслуживания. Нелишне было проработать меры правовой защиты наших граждан, которые могли попасть в сложные ситуации из-за незнания законов страны пребывания. На всех пунктах перехода государственной границы надо было обустроить помещения для пограничных и таможенных процедур. Мы исходили из того, что все должно соответствовать международным стандартам. Если бы парламент этого не сделал и закон был бы введен в действие сразу после принятия, уже через неделю наши пограничные пункты могли бы подвергнуться штурму. Это не преувеличение:

похожая ситуация сложилась в 1992 году после того, как поспешно, без учета последствий был введен в действие аналогичный российский закон, проигнорировавший наш предшествующий опыт. Российские законодатели одновременно разрабатывали законопроект в двух парламентских комитетах. По непонятным причинам они не имели рабочих контактов между собой. Совершенно разные тексты готовили Комитет по международным делам под руководством Амбарцумова и Комитет по делам СНГ, который возглавлял Подопригора. В результате появились два очень непохожих друг на друга по концепции и содержанию документа. После этого представители комитетов вместо поиска компромисса с целью выработки единого проекта начали непримиримый спор, пытаясь перехватить пальму первенства. Все это обернулось явным ущербом для российских граждан, пожелавших отправиться за рубеж.

Другим документом большой важности, проходившим через наш комитет и имевшим для СССР особое международное значение, был закон о средствах массовой информации. Его курировал Федор Бурлацкий. Опытный политик, крупный ученый и прекрасный переговорщик, автор ряда широко известных монографий, он проанализировал и отобрал лучшее из мирового законодательства о СМИ, чтобы применить все это к условиям СССР.

Итог оказался весьма успешным. После принятия этот документ получил широкое международное признание как один из наиболее демократических в мире законов о средствах массовой информации.

Я не случайно остановился именно на этих двух законах. Они являлись ключевыми (наряду с законом о свободе совести и рядом других) для предстоящего вступления СССР в Совет Европы. После того как Верховный Совет проголосовал за них, произошла дипломатическая сенсация: представители Совета Европы по собственной инициативе открыто заявили, что Совет Европы готов проголосовать за принятие СССР в эту старейшую европейскую организацию.

Если бы тогда это предложение было реализовано, к геополитическому пространству Совета Европы приросла бы держава с 300-миллионным населением. В нем появился бы огромный евразийский пласт, включающий Центральную Азию и Закавказье. Тогда не просто сбылись бы слова президента Франции Шарля де Голля о единой Европе от Атлантики до Урала. Трансатлантический регион через сушу соединился бы с Тихоокеанским регионом. Мы имели бы тогда уникальный

исторический шанс гармоничного синтеза Евразии, создания мощнейшей платформы для стабильного развития этой части планеты.

Самое удивительное заключалось в том, что в то время для вступления СССР в Совет Европы не было никаких препятствий. Советский Союз буквально силой тащили в эту организацию. Нашим представителям предлагали занять в ней ряд ключевых постов. С нами постоянно поддерживали контакт. Отношение к Советскому Союзу было корректным и уважительным. Очень скоро СССР предоставили статус «специально приглашенного», для того чтобы мы смогли лучше подготовиться к вступлению в эту организацию.

Совет Европы делал предложение, от которого невозможно было отказаться. Однако требовалось время, чтобы соблюсти все формальности. В июне 1991 года советская парламентская делегация, побывавшая в Страсбурге на сессии Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), привезла в Москву весьма приятную новость: уже осенью ПАСЕ рассмотрит вопрос о приеме СССР в Совет Европы.

Распад Советского Союза поставил крест на этих планах. Более четырех лет правопреемник СССР – Российская Федерация вела трудную дипломатическую борьбу за восстановление утерянных позиций. По иронии судьбы, видимо с учетом моего предшествующего опыта, я был избран Федеральным Собранием РФ главой делегации России в ПАСЕ. Официальная процедура вступления России в Совет Европы завершилась лишь 28 февраля 1996 года. Но что этому предшествовало и скольких усилий это стоило! Мы стучались в закрытые двери – нас упорно не пускали. Перед вступлением пришлось пройти через чистилище. Сначала нашим представителям говорили, что в России никуда не годится пенитенциарная система, надо отменить смертную казнь, несовершенен закон о печати, мало гражданских свобод. Потом, в 1994 году, возник чеченский вопрос. Его сменила проблема национальных меньшинств. И так едва ли не до бесконечности.

Судьба втянула меня в сложную и растянутую политическую игру. В качестве главы Комитета Верховного Совета СССР я готовил страну к приему в Совет Европы, и дело шло к успешному финалу. Исчезновение Советского Союза опрокинуло эти надежды. Но вскоре во весь рост вновь был поставлен вопрос о необходимости вступления России в Совет Европы. И вновь мне после избрания депутатом Верховного Совета России было поручено заняться этим делом.

Нам пришлось заново переигрывать не оконченную ранее партию, и больше всего поражало то, что главными критиками

российского законодательства, чинившими препятствия приему России в Совет Европы, оказались те же европейские деятели, которые еще несколько лет назад усиленно приглашали СССР в эту организацию. Хорошо помню, например, всемирно известного дипломата, одного из лидеров Социалистической партии Испании Мигеля Мартинеса, который прежде голосовал за прием СССР, а потом против вступления России в ПАСЕ. Чем объяснить такую перемену? Главная причина, думаю, в том, что в период перестройки многие европейские политики уверовали, что постсоветская Россия будет автоматически следовать по стопам европейских государств, копируя их политическую систему и подчиняя чуть ли не во всем свои национальные интересы «европейским ценностям».

Межпарламентские отношения знали и другие времена. В апреле 1991 года я возглавлял делегацию Верховного Совета СССР на учредительной конференции Парламентской ассамблеи Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Это было в Мадриде. В испанскую столицу съехались представители стран – участниц Хельсинкских соглашений 1975 года. Главный вопрос – создание Парламентской ассамблеи СБСЕ. Эта организация должна была стать еще одной европейской политической конструкцией, охватывающей национальные парламенты, поддерживающей безопасность и развивающей сотрудничество на континенте. Европа виделась всем нам тогда без разделительных линий и военного противостояния.

Мы уезжали из Мадрида с чувством глубокого удовлетворения. Даже с американцами удалось достичь полного взаимопонимания. Мнение СССР звучало весомо, к нему прислушивались. Но прошло всего несколько лет, и Парламентская ассамблея ОБСЕ полностью попала под влияние США. А Россия оказалась перед необходимостью начинать уже пройденный путь сначала.

Кремлевский прием губернатора Арканзаса

Утром 16 июня 1991 года в кабинете моего помощника по работе в Комитете по международным делам Сергея Григорьевича Выдрина раздался телефонный звонок. Директор недавно обосновавшегося в Москве представительства сети ресторанов «Макдоналдс» гражданин Канады Марк Веймер просил содействия в организации встречи с тогдашним губернатором американского штата Арканзас Уильямом Дж. Клинтоном, который находился в Москве с частным визитом.

– Об этом просит госпожа Сюзанн, господин Дзасохов хорошо ее знает, – говорил Веймер. – Скажу по секрету, у Клинтона большие шансы стать президентом Соединенных Штатов.

Выдрин связался со мной, сообщил о просьбе. Сначала я хотел отказаться. Во-первых, не было времени. А во-вторых… Несколькими днями раньше советское посольство в Вашингтоне сообщило, что в Москву с частным визитом прибывает губернатор Арканзаса Клинтон – он же вероятный основной кандидат Демократической партии США на президентских выборах 1992 года. Клинтон просил о встрече у многих официальных лиц в Москве, в том числе и у Горбачева. И везде получил отказ. Думаю, если бы не президентские выборы в США, то его охотно принимали в кремлевских кабинетах. Как-никак губернатор крупнейшего штата Америки. Однако тогдашний министр иностранных дел СССР Александр Бессмертных почему-то сделал «президентскую ставку» на Джорджа Буша-старшего. Это стало официальной линией Москвы. Принимать Клинтона значило оказывать ему политическую поддержку и одновременно идти против течения.

Все это я прекрасно понимал. Однако госпожа Сюзанн, которая просила о встрече, действительно была моей доброй знакомой. Хотелось как-то откликнуться на ее просьбу. Мы познакомились еще во второй половине 1980-х годов в Дамаске, когда я возглавлял советское посольство в Сирии. Госпожа Сюзанн находилась там с частным визитом, и тогдашний посол США Джерри Джан устроил в ее честь прием. Мы с супругой были в числе приглашенных. Оказалось, что госпожа Сюзанн, жена одного из известных американских предпринимателей (их семье принадлежит мировая сеть магазинов, специализирующихся на сбруях), – активистка Демократической партии США. Мы договорились поддерживать наше знакомство.

Когда выяснилось, что госпожа Сюзанн сопровождает Клинтона в его поездке в Москву и просит, чтобы я принял

арканзасского губернатора, во мне возобладала чисто человеческая симпатия.

– Ладно, – ответил я своему помощнику. – Приму этого американца. Минут на двадцать – тридцать, в Кремле. Только без фотографов и прессы.

Информация о нашей встрече, широко поданная в печати, могла быть неверно истолкована, как поддержка Москвой претендента на Белый дом.

Когда в назначенный час я встречал будущего президента США на пороге своего кремлевского кабинета, передо мной стоял высокорослый, плотный, широко улыбающийся человек. Типичный американец, напоминающий героев голливудских боевиков.

Клинтон произвел впечатление интересного, знающего собеседника. Вместо намеченных двадцати – тридцати минут встреча продолжалась около двух часов. Обсудили многое: от общемировых проблем до политического положения в СССР и перспектив перестройки. Он рассказывал о своем штате. Прощаясь, передал традиционное приглашение посетить Арканзас, но я не успел им воспользоваться.

Думаю, для Клинтона содержание той беседы имело во многом формальное значение. Гораздо важнее было раскрутить в американских СМИ тот факт, что Уильяма Дж. Клинтона, кандидата на президентских выборах от Демократической партии США, в Москве принял член Политбюро ЦК КПСС, член Президиума Верховного Совета СССР, председатель Комитета по международным делам. И не где-нибудь, а в Кремле. И что беседа продолжалась гораздо дольше, чем предписывает дипломатический протокол. Как я впоследствии узнал, активисты Демократической партии сумели профессионально преподнести все это американскому общественному мнению. И мой запрет фотографировать не стал для них помехой.

Полагаю, что если бы августовские события 1991 года не сломали политическую структуру СССР, то Клинтон, став президентом, обязательно вспомнил бы человека, принимавшего его в Кремле. Возможно, наши контакты получили бы развитие. Несколько лет спустя, после избрания в российский парламент, коллеги подталкивали меня к тому, чтобы я напомнил Клинтону о московском эпизоде. Но я отказывался – не считал, что инициатива должна исходить от меня: ведь если придерживаться политической субординации, я оказался по сравнению с ним не на одинаковых этажах власти.

Правда, судьба свела меня с Клинтоном еще раз в 1995 году, во время торжественного заседания по случаю 50-летия

Организации Объединенных Наций. В ходе традиционной жеребьевки, определяющей размещение делегаций в зале Генеральной Ассамблеи, первый номер достался Румынии. Члены российской делегации тоже разместились в первом ряду, с левой стороны, если смотреть на трибуну. Так что я оказался как раз напротив Клинтона, когда он выступал. Дальше происходит следующее: он внимательно смотрит на меня и доброжелательно улыбается. Я делаю то же самое. Но мое положение проще. Я знаю, что передо мной Клинтон. А он, скорее всего, вряд ли помнит, где мог меня раньше видеть. Мне стоило больших усилий не напоминать ему об обстоятельствах нашего знакомства в Кремле.

Думаю, к этой истории должен быть добавлен постскриптум. Клинтон уже экс-президент США. Я тоже не в прежних должностях. Может быть, еще встретимся.

Здесь я замечу, что все свидетельствовало о том, что Верховный Совет СССР воспринимался за рубежом как открытый парламент, в котором работают представители различных политических течений.

Назову лишь несколько имен высоких зарубежных гостей, с которыми состоялись мои встречи и обстоятельные беседы в Кремле. Это Председатель ЦК Компартии Китая Цзян Цзэминь, президент Арабской Республики Египет Хосни Мубарак, премьер-министр Испании Фелипе Гонсалес, президенты Южной Кореи Ким Ен Сам и Ким Дэ Джун. В то время значительно возросло число посещавших Москву парламентских делегаций из стран Восточной Европы, где в конце 1980-х годов произошли огромные политические изменения и на передний план вышли новые политические силы. Особенно запомнилась парламентская делегация Чехословакии во главе с Вацлавом Гавелом, будущим президентом Чехии. Зачастили в Москву представители Совета Европы и Социнтерна. Приезжала и делегация конгрессменов США во главе с Эдвардом Кеннеди.

На встречи с зарубежными делегациями Комитет по международным делам Верховного Совета приглашал в Кремль известных деятелей культуры, литературы, науки.

17 мая 1991 года в Свердловском зале Московского Кремля во встрече с Председателем КНР Цзян Цзэминем участвовали президент Академии наук СССР Г.И. Марчук, министр культуры Н.Н. Губенко, Г. Уланова, И. Архипова, Е. Светланов, Т. Салахов, О. Ефремов, О. Табаков, М. Ульянов, М. Шатров и многие другие.

О пользе общения с оппозицией

Я считаю себя политиком и дипломатом. В этой среде не принято действовать по принципу «душа нараспашку». Десятилетия работы в системе, в течение которых пришлось заниматься международными делами, не могли не наложить на меня свой отпечаток. Но после того как я занял пост председателя Комитета Верховного Совета по международным делам, мне приходилось иногда нарушать установленные правила игры, совершать поступки, выходившие за рамки традиционного стиля поведения людей моего круга и ранга. И это в первую очередь касалось контактов с деятелями политической оппозиции.

Встреча с Клинтоном – из ряда таких случаев. Но были и другие, которые не вполне укладывались тогда в наши внешнеполитические традиции. Расскажу подробнее об одном из них.

В июне 1991 года мой помощник, профессор-востоковед В.Ф. Ли, изложил мне просьбу Ким Дэ Джуна, лидера демократической оппозиции из Республики Кореи, принять его для краткой рабочей беседы. Владимир Федорович бегло обрисовал яркую политическую биографию этого деятеля и, как бы подкрепляя свою аргументацию, заметил, что в Южной Корее наметился переход к демократии и сегодняшний лидер оппозиции вполне может завтра стать президентом страны.

Я пообещал подумать, а главное – поискать окно в моем предельно насыщенном рабочем графике. Проблемы Восточной Азии, включая Китай, Японию, обе Кореи, всегда интересовали меня как востоковеда-международника. Но в 1960—1980-х годах, когда началась советско-китайская конфронтация, наши связи с регионом, за исключением КНДР, оказались ограниченными.

И только с приходом к власти Горбачева на этом направлении стали происходить позитивные сдвиги, появились признаки нормализации отношений с Китаем. Москва официально признала не только КНДР, но и Южную Корею.

После некоторых размышлений и консультаций с МИДом я просил передать Ким Дэ Джуну о моей готовности встретиться с ним и начал знакомиться с документами по советско-корейским отношениям.

При беглом просмотре представленных мне документов я заметил, что позиция высшего советского партийно-государственного руководства в отношении политики на Корейском полуострове была достаточно противоречивой. Во второй половине октября 1988 года группа ведущих ученых

инициировала в ЦК КПСС вопрос о ее радикальном обновлении. В аналитической записке по этому вопросу предлагалось без промедления установить официальные отношения с Южной Кореей, не нанося, разумеется, ущерба советско-северокорейским отношениям. Несмотря на возражения некоторых членов высшего руководства, 10 ноября того же года Политбюро ЦК КПСС поддержало рекомендации ученых и высказалось за развитие связей с Республикой Кореей, что привело к установлению официальных советско-южнокорейских отношений 30 сентября 1990 года.

Вскоре в нашей стране побывали президент Республики Кореи Ро Дэ У, первый гражданский кандидат на пост президента Ким Ен Сам и другие видные деятели. Однако у Ким Дэ Джуна была довольно сложная история отношений с правящими военно-диктаторскими режимами страны. Ему не раз приписывали «измену», причастность к северокорейской пропаганде, бросали в тюрьмы, приговаривали даже к смертной казни. Не случайно в мировой печати Ким Дэ Джуна сравнивают иногда с нашим правозащитником Андреем Дмитриевичем Сахаровым, а по демократическим устремлениям – с президентом США Рузвельтом.

Опальную южнокорейскую делегацию во главе с Ким Дэ Джуном я принял в своем рабочем кабинете в Кремле. Гость впервые в жизни оказался за кремлевскими стенами и с большим интересом и вниманием вглядывался в архитектуру и убранство Кремля. Мы затронули проблемы затянувшегося раскола на Корейском полуострове и перспектив советско-корейских отношений. Ким Дэ Джун говорил о том, что корейцы, имеющие древнейшие традиции национальной государственности, никогда не мирились и не будут мириться с расколом и пойдут на любые жертвы, чтобы снова жить в едином отечестве. Помню его горестные слова о том, что на корейской земле насчитываются миллионы разделенных семей, когда не только матери и дети, но нередко жены и мужья лишены возможности на протяжении многих лет видеть друг друга. Гость не упустил возможности сказать о том, что СССР – это луч надежды для всего корейского народа. Кстати, эти мысли Ким Дэ Джун продолжал развивать и во время ответного приема, который он устроил на другой день в гостинице «Октябрьская», переименованной позднее в «Президент-отель».

Разделяя взгляды Ким Дэ Джуна на воссоединение Кореи, я выразил надежду, что отныне связи между Москвой и Сеулом в экономике, дипломатии, торговле и культуре получат широкое развитие и будут играть ключевую роль в международных

отношениях Азиатско-Тихоокеанского региона. На прощание Ким Дэ Джун подарил мне 12-томное издание своих произведений. Два из них: «Южная Корея: драмы и надежды демократии» и «Новое начало» – были изданы позднее издательством «Республика» на русском языке. На их основе Ким Дэ Джун блистательно защитил докторскую диссертацию в Дипломатической академии МИДа России. Научным руководителем знаменитого диссертанта была замечательный ученый-востоковед Наталья Евгеньевна Бажанова.

Читая труды Ким Дэ Джуна, я погружался в атмосферу древней восточной страны, которую мне довелось посетить на следующий год в связи с участием в международной конференции лидеров Азиатско-Тихоокеанского региона. Сеул, да и вся Республика Корея поразили меня не только своими небоскребами, но и многовековой культурой, высокой самодисциплиной и организованностью граждан. Думаю, без этих качеств ни одна нация не в состоянии выйти на передовой уровень цивилизации.

Позднее, в декабре 1997 года, я с радостью узнал об избрании Ким Дэ Джуна президентом Республики Кореи. За него тогда было отдано 40,3 процента голосов, что являлось очень серьезным политическим достижением. Благодаря политике «солнечного тепла» в отношении КНДР южнокорейский президент вписал, пожалуй, самую яркую страницу в свою неординарную биографию. Всеобщим признанием его жизненного подвига стало вручение ему 10 ноября 2000 года Нобелевской премии мира, которую он достойно разделил между своими соотечественниками на Севере и Юге Кореи. В моем теплом приветственном послании я тогда выразил надежду, что Ким Дэ Джун вновь посетит нашу страну, которую он открывал в свое время при моем дружеском соучастии.

Наши связи с президентом Южной Кореи сохранились на долгие годы. Я дал согласие на его просьбу войти в состав созданного им политического клуба (форума) «Лидеры АТР», который в годы президентства Ким Дэ Джуна ежегодно собирался в Сеуле, что имело большой резонанс в мировой политике. В 1990-х годах я дважды был участником этого форума.

Франсуа Миттеран: мудрый взгляд из Елисейского дворца

Мой самый любимый месяц в году – апрель. Люблю ощущать, как в это время года природа окончательно освобождается от зимней спячки, а освежающая весна вступает в свои права. В апреле я родился, и то, что связано с этим месяцем, для меня до сих пор чаще всего окрашивается в светлые тона.

Итак, апрельский Париж, величественный центр мировой культуры. Я бывал в этом городе много раз, но именно та поездка наиболее глубоко врезалась в память. Это было в 1990 году, когда я возглавлял делегацию Верховного Совета СССР, находившуюся во Франции с рабочим визитом. Тогда мне впервые довелось лично беседовать с президентом Французской Республики Франсуа Миттераном.

Наша делегация была весьма представительной: заместитель Председателя Правительства РСФСР Табеев, видный военачальник Лобов – начальник Генерального штаба Вооруженных Сил, известный писатель и журналист Генрих Боровик.

По правилам дипломатического протокола претендовать на аудиенцию у президента Франции мы не могли. Но глава государства с давними дипломатическими традициями изящно решил этот вопрос.

Наши встречи в Елисейском дворце начались с беседы с руководителем канцелярии президента Франции Юбером Ведрином. Очень скоро в кабинет Ведрина вошел Франсуа Миттеран. Вряд ли его появление было случайным. Старейшина французских социалистов, возглавлявший Социалистическую партию Франции в течение десятилетия, до того, как он впервые был избран президентом республики, интересовался всем происходившим в СССР, включая перспективы социал-демократической трансформации КПСС.

Миттеран начал беседу первым. Сказал о важной роли СССР и Франции в европейских делах, о перспективах создания Европейской хартии, о том, что Франция готова поддержать многие советские инициативы общеевропейского характера и сама рассчитывает сыграть здесь не последнюю роль. Разумеется, все это было сказано для последующей передачи Горбачеву.

Слова Миттерана отражали внешнеполитическую линию Французской Республики того времени, а точнее, курс на построение европейской оси Москва – Париж, возможно, в

соперничестве с Германией, хотя и выравнивание отношений с новой, объединенной Германией также входило в число внешнеполитических приоритетов Франции. Было заметно, что, в отличие от многих других зарубежных деятелей, президент Франции верит в успех перестройки. У него были очень хорошие личные отношения с Горбачевым, и он не скрывал своей симпатии к Советскому Союзу.

У меня не создалось впечатления, что в Париже существует четкая концепция возможной политики в германском вопросе или план конкретных действий на этот счет. Миттеран говорил о том, что объединение Германии опережает общеевропейский процесс и это вызывает серьезное беспокойство. Разумеется, остановить процесс объединения страны было нереально. Миттеран считал, что это лишь подогреет в Германии националистические настроения. Кроме того, он сослался на статью 23 конституции ФРГ, которая предусматривала возможность объединения в том случае, если «правительство и население ГДР решат идти по этому пути». Но одновременно он подавал сигнал Москве: «Было бы хорошо, если бы вы вносили больший вклад в общеевропейский процесс». Французский президент считал нереальным одновременное вхождение объединенной Германии в НАТО и в Организацию Варшавского договора. Из его рассуждений можно было понять, что интегрирование объединенного Германского государства в состав НАТО он рассматривает как способ контроля и повышения предсказуемости новой Германии.

До этой встречи я неоднократно слышал выступления Миттерана на международных форумах. Его называли «сфинксом», он был одним из самых авторитетных и влиятельных политиков Европы. Свыше тридцати лет Миттеран принадлежал к европейской политической элите, начиная с 1965 года, когда он стал лидером Федерации демократических и социалистических левых сил Франции. В июне 1971 года Миттерана избрали генеральным секретарем Французской социалистической партии.

В первом туре президентских выборов во Франции в мае 1974 года он занял первое место, получив 43,3 процента голосов. Во втором туре его всего на 1,34 процента обошел Жискар д'Эстен. Затем последовали долгие семь лет ожидания, напряженной работы по развитию организационной структуры партии, созданию коалиций. Весной 1981 года Франсуа Миттеран победил на президентских выборах во Франции. Спустя семь лет, в 1988 году, избиратели повторно подтвердили его президентские полномочия.

Но тогда, в 1990-м, в кабинете господина Ведрина, я увидел

перед собой физически ослабевшего человека. Его глаза показались мне бесконечно усталыми. Но в них читалась глубочайшая мудрость. Чувствовалось, что за плечами у этого человека колоссальный опыт.

Не могу не высказать преклонения перед железной волей Франсуа Миттерана. Уже после его кончины мир узнал, что все четырнадцать лет президентства он был неизлечимо болен. Онкологическое заболевание год за годом подтачивало и разрушало его организм. Но ни разу никто, на уровне глав государств, не мог подметить, что французский президент подавлен, немощен и едва ли не на крайнем пределе физических сил несет тяжелую государственную ношу.

8뾜8뾜8

Для внешнего мира Верховный Совет становился символом публичной политики. Работа на посту председателя Комитета Верховного Совета по международным делам, по мере того как я в нее углублялся, требовала все больше и больше времени. Но выполнение обязанностей члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС, учитывая резко осложнившуюся политическую ситуацию в стране, было не менее важным. Откровенно говоря, сосредоточиться сразу на двух направлениях было крайне трудно. Я работал с предельным напряжением сил. Постоянно недосыпал. Чувствовал нервные перегрузки. Времена были сложные. Сомневался – надо ли поднимать этот вопрос. Но в конце концов сказал об этом Горбачеву.

Ответ был приблизительно таким: «Потрудись как следует над проектом программы КПСС, а когда поможешь мне довести ее до ума, обещаю, что на ближайшем съезде твоя просьба о работе только в Верховном Совете или на другом направлении внешней политики будет рассмотрена».

Между тем проект новой программы предполагал значительное обновление функций центрального аппарата и руководящих органов партии. Им оставалась работа по связям с региональными организациями, по тактике реализации программных принципов. Но осуществление партийной политики должен был брать на себя уже не аппарат, а партийцы, работающие за его пределами. Прежде всего в парламенте, через публичную политическую и законодательную деятельность. Это был существенный момент, который мы наряду с другими, не менее важными целями связывали с новой стратегией. Очень жаль, что события августа 1991 года не позволили перевести ее в

практическое русло.

Страну, великую державу, можно было сохранить. Дезинтеграция произошла главным образом из-за личных несовместимых качеств Горбачева и Ельцина. Была допущена ошибка принципиального характера – вместо опоры на массовые организации в обновлении страны ставка была сделана на президентские, часто искусственно, наспех созданные структуры. Ранний Ельцин вел себя не просто оппозиционно, но враждебно по отношению к союзному руководству. Были упущены возможности создания действительно федеративного государства с опорой на общие экономические, социальные и гуманитарные возможности. Об этом подробнее скажу ниже.

Глава 3
В политических верхах

Новое Политбюро

Секретарем Центрального Комитета КПСС по идеологии и членом Политбюро я был избран 14 июля 1990 года. Это произошло на Пленуме ЦК, сразу после XXVIII съезда партии.

Как сейчас помню просторный кремлевский Мраморный зал, где обычно проходили партийные пленумы. После избрания я, согласно регламенту, занял место за столом президиума, где уже находились Горбачев, Ивашко и другие члены нового секретариата ЦК. Отсюда увидел сидевших внизу, в первом ряду зала, главу правительства Николая Рыжкова, председателя КГБ Владимира Крючкова, министра иностранных дел Эдуарда Шеварднадзе. Сохраняя свои государственные посты, они оставались членами Центрального Комитета, но уже не входили в Политбюро. Наши взгляды пересеклись, и я почувствовал необъяснимость происшедшей рокировки. Почему руководители столь высокого ранга сидят в зале?

Представить такое всего лишь пять-шесть лет назад, когда положение партии казалось незыблемым, было бы просто невозможно.

Теперь дело обстояло иначе.

Высокое положение в партийных структурах не сулило спокойной жизни. Предстояло постоянное участие в политической борьбе, не исключавшее жесткой конфронтации с оппонентами, интенсивная работа по их интеллектуальному опережению. КПСС нуждалась в новациях: в идеологии, стратегии, повседневной тактике. Без этого, как было совершенно ясно, отставание от стремительного потока событий стало бы катастрофическим. Я понимал, что меня бросили на самое трудное направление партийной работы. Успехи реформ напрямую зависели от морального состояния общества. Надо было серьезно обновлять традиционные методы партийной пропаганды, постоянно держать в поле зрения голос оппозиции. И при этом действовать сразу на двух фронтах: отбивать атаки левых популистов и одновременно защищать партию от нападок справа.

Перед съездом я и предположить не мог, что займу столь ответственный пост. Все началось с того, что партийная организация Северной Осетии избрала меня делегатом. Это соответствовало моему статусу члена Президиума Верховного Совета СССР. Но настроение было, я бы сказал, «вопросительным». Работа в Верховном Совете позволила увидеть несогласованность действий в политических верхах. Какие

решения будут приняты на партийном форуме?

На съезде остро критиковали предыдущий состав Политбюро и секретариата ЦК. Делегаты, как бы разом позабывшие о нормах партийной этики, делали то, что многие годы было не принято: публично излагали собственные взгляды на происходящее в стране, не особенно считаясь с тем, как это соотносится с «генеральной линией». Впрочем, такой «линии» фактически уже не существовало.

Много и подробно говорили о срывах в идеологической и пропагандистской работе. Меня все это тоже очень волновало. Но мысль о том, чтобы стать секретарем по идеологии, ни разу не пришла мне в голову.

После того как члены Политбюро представили отчеты о своей работе, слово взяли рядовые делегаты. Несколько дней они выступали с разгромными оценками этих отчетов. Казалось, критическому потоку не будет конца. Однако через неделю острых дискуссий съезд перешел к более спокойным вопросам. Предстояло, в частности, избрать новый состав ЦК КПСС. Но и здесь не обошлось без напряженности. Поползли слухи, что кандидаты подбираются наспех, что это люди без необходимого опыта, особенно если дело касается идеологии, пропаганды, взаимодействия с другими партиями и движениями. Я понимал, что отчасти такой кадровый радикализм вызван стремлением показать, что КПСС серьезно обновляется и в ЦК приходят новые люди. Но что получится в результате? Этого никто не знал. И потому в тотальной замене членов ЦК чувствовалась некая спонтанность, которая, полагаю, была видна не только мне.

Три четверти членов нового Центрального Комитета, включенные в так называемый список номер один, вошли туда по рекомендациям местных партийных комитетов. Впервые за несколько десятилетий такое большое количество кандидатов в руководящий орган КПСС предлагали «снизу», без согласования с «верхами». Еще одна четверть выдвигалась непосредственно на съезде, по списку номер два. После обсуждений и дополнений в него было включено, а затем избрано 99 человек. Меня тоже избрали в состав ЦК по этому списку.

Во время обсуждения кандидатур в члены Центрального Комитета слово попросил Председатель Верховного Совета РСФСР Борис Николаевич Ельцин. Поднявшись на трибуну, он сделал сенсационное заявление о выходе из КПСС. Свое решение мотивировал тем, что в условиях многопартийности не сможет выполнять на занимаемом посту волю одной партии. Хотя его заявление произвело ошеломляющее впечатление на зал, оно не было вызывающе конфронтационным. Ельцин сказал, что

«считает своим долгом службу всему народу и готов сотрудничать со всеми партиями и общественными организациями». После этих слов он сошел с трибуны и покинул партийный форум. Это было в четверг, за день до закрытия съезда.

Почти все телеканалы страны подали эту новость как главную сенсацию съезда. Но многие делегаты так и не дали поступку Ельцина однозначной оценки. Что это: движение к полной политической смерти или, напротив, шаг к созданию политического двоевластия в стране? Очевидно было одно: внутрипартийный раскол усугубляется и его последствия вряд ли можно достоверно прогнозировать.

Часть делегатов – в основном члены «Демократической платформы» в КПСС – хотела тут же последовать за Ельциным в знак протеста против, как утверждалось, «недостаточности и непоследовательности преобразований в стране и в партии». Но лидеры «Демплатформы» – ректор Высшей партийной школы Вячеслав Шостаковский и вузовский преподаватель Владимир Лысенко – не были настроены радикально: им удалось убедить своих сторонников остаться на съезде и пока не выходить из КПСС. Вместе с тем было объявлено, что уже осенью на базе «Демплатформы» будет создана независимая партия парламентского типа.

Тем временем делегаты продолжали формировать будущий состав ЦК. Некоторые выдвигали себя сами. Так, Егор Кузьмич Лигачев – пожалуй, самый известный в ту пору оппонент Ельцина – заявил, что хотел бы остаться работать в Центральном Комитете и в Политбюро, чтобы продолжать проводить политику перестройки. Однако его аргументы не были приняты. После этого он покинул съезд и в сердцах сказал журналистам, что уходит из политики и отправляется на родину в Сибирь писать мемуары.

Тайные альтернативные выборы подвели черту под обсуждениями: состав ЦК обновился, но оказался крайне разнородным.

Было много людей, практически неизвестных на уровне страны. Но были и именитые личности, причем не только выходцы из партийных и государственных структур – ученые, деятели культуры, журналисты. Членами ЦК тогда впервые стали драматург Александр Гельман, писатель Чингиз Айтматов, актеры Михаил Ульянов и Николай Губенко, группа крупных ученых.

Среди избранных оказались даже те, кто тогда был близок к структурам, оппозиционным КПСС, прежде всего к Межрегиональной депутатской группе в Верховном Совете СССР,

как, например, известный тогда экономист профессор Павел Бунич. Похожих взглядов придерживались вошедшие в ЦК академик АН СССР Станислав Шаталин, доктор экономических наук Отто Лацис и другие.

Лично для меня события на завершающей фазе съезда сложились следующим образом. В одном из перерывов, общаясь с секретарями ЦК Медведевым и Разумовским, услышал, что мне якобы «надо готовиться к серьезным делам». Проявлять любопытство и уточнять, о чем конкретно идет речь, счел излишним. Тем более что надо было спешить на заседание.

Обсуждался вопрос о заместителе Генерального секретаря ЦК КПСС. До сих пор такой должности в партии не существовало. Ввести ее предложил Горбачев. После избрания Президентом Советского Союза на Съезде народных депутатов СССР в марте 1990 года он уделял делам партии все меньше внимания. На съезде Горбачев напирал на то, что ему как Генеральному секретарю необходим заместитель, чтобы тот в его отсутствие занимался решением текущих вопросов, вел заседания секретариата, курировал вопросы внутрипартийной жизни. Но президента СССР можно было понять и так, что он предлагает создать должность «второго» человека в партии, который при определенном стечении обстоятельств мог бы сыграть первую роль. Горбачев рекомендовал избрать на новый пост Владимира Антоновича Ивашко – председателя Верховного Совета Украины. Крупной дискуссии по этому вопросу не было. Хотя я, например, не понимал, зачем переводить на работу в Москву человека, который в очень сложное для страны время прекрасно справлялся с труднейшей политической работой в своей республике. Да еще какой – Украине!

В сентябре 1989 года Ивашко был избран первым секретарем ЦК Украинской компартии. А приблизительно за месяц до открытия съезда КПСС оставил партийную работу и возглавил Верховный Совет Украины. Найдется ли ему на Украине достойная замена? Впрочем, мои сомнения не повлияли на исход голосования. Ивашко был избран подавляющим большинством.

Съезд уже завершался, когда меня внезапно пригласили в рабочий кабинет Горбачева, рядом с залом заседаний. Когда я вошел, его там не было. Меня встретил Ивашко. Я поздравил его с избранием на новую высокую должность. Владимир Антонович поблагодарил и сообщил, что генсек сейчас подойдет и будет предлагать мне войти в состав Политбюро и Секретариата ЦК.

Столь неожиданных предложений я не получал никогда. Как передать, что происходит с человеком в такие минуты? Сначала не мог поверить услышанному. А когда понял, что Ивашко не

шутит, стал анализировать ситуацию. Первое: хватит ли моих возможностей, чтобы справиться с новым делом? Второе: надо ли в очередной раз менять профессию? Третье: если действительно предстоит работать в Политбюро, то не лучше ли заниматься тем, в чем я являлся и чувствовал себя хорошим специалистом, а именно международной проблематикой, межнациональными отношениями? Но этого мне как раз не предлагали.

Пока я размышлял, на пороге появился хозяин кабинета. Он сразу взял быка за рога:

– Саша, надо соглашаться. Поработаем вместе. Возьмешь всю идеологию, вдобавок образование, науку и культуру.

Я ответил в том духе, что если вести речь о работе в руководящих органах партии, то стоило бы учесть мой международный опыт. Думаю, со стороны было заметно, что я не в восторге от предложения Генсека «взять всю идеологию».

– Не воспринимай все слишком строго, – сказал Горбачев. – Ты что, меньше знаешь, чем другие?

Генсек сел за рабочий стол, продолжая убеждать меня принять его предложение. Говорил о вопросах, над которыми будем работать вместе, о новом проекте программы КПСС – его, по решению съезда, надо было подготовить к концу 1991 года. Я слушал, не говоря ни да, ни нет.

Ивашко за все это время не произнес ни слова. Думаю, он хорошо понимал мое состояние, ведь и сам недавно пережил аналогичные чувства: его неожиданно «выдернули» с прежней работы и «поставили» на должность заместителя Генерального секретаря ЦК КПСС.

С Владимиром Антоновичем я к тому времени не был близко знаком. Но кое-что о нем знал. Он почти более десятка лет преподавал в украинских вузах, затем долго был на партийной работе – сначала в Харькове, потом возглавлял Днепропетровский обком КПСС, несколько лет трудился на посту секретаря Компартии Украины. Он казался неординарным человеком и, вероятно, не случайно был востребован в своей республике как крупный политический деятель. Думаю, если бы Ивашко остался в своей республике, то дальнейшие процессы в стране, учитывая важнейшую роль Украины в Союзе ССР, могли развиваться по другому сценарию. Однако Генеральный секретарь имел на этот счет свое особое мнение.

Когда Горбачев вышел, Ивашко сказал:

– Понимаю вас, Александр Сергеевич.

Это были честные слова. Кто-то другой, тем более только что избранный на новую должность, мог бы подыграть генсеку, повторить дежурную фразу: «Давайте поработаем вместе». Но

Владимир Антонович не сделал этого. Думаю, он хорошо понимал людей.

Впоследствии я близко узнал Ивашко по совместной работе. Он так и не превратился в классического партийного чиновника – был очень демократичен, интересовался широчайшим кругом проблем, обладая незаурядным чувством юмора, метко высказывался по таким политическим вопросам, которые у других вызывали затруднения.

В тот день мы расстались и с Горбачевым, и с Ивашко как бы на полуслове. Заседание ЦК, открывшееся после съезда, закончилось около полуночи в пятницу. А уже в пять утра в субботу я заваривал у себя на кухне крепкий чай. В нашей двухкомнатной квартире все еще спали. Я встал пораньше, чтобы успеть написать короткое, на одну страницу, письмо Горбачеву. В нем просил не выдвигать мою кандидатуру на посты секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро. Почему хотел отказаться? К тому времени я не был новичком в политике: за спиной была дипломатическая и партийная работа, объездил десятки стран, повидал немало партий, парламентов и президентов. Был лично знаком со многими политиками мирового уровня. Благодаря этому опыту понимал: КПСС входит в сложнейший критический период своего развития. Казалось, что впереди могут случиться непредсказуемые события.

Было важно, чтобы Горбачев прочитал мое обращение до начала работы пленума, потому что потом, как я чувствовал, все мои усилия окажутся бесполезны. В восемь утра я уже был в Кремле, где передал составленный рано утром текст заведующему Общим отделом ЦК КПСС Валерию Болдину. В определенные часы он передавал Горбачеву текущую документацию. Мое письмо попало в «утреннюю папку» Генсека. Но Болдин вскоре вернулся: ответ был отрицательным. «Передайте Александру Сергеевичу, чтобы не делал глупостей», – сказал Горбачев. Лично встретиться с ним в то утро не удалось. Я увидел его только в зале заседаний.

Когда Горбачев назвал мою кандидатуру, я попытался взять самоотвод, однако мне не было предоставлено слово. А когда дело дошло до обсуждения и я оказался на трибуне пленума, перед лицом более пятисот членов ЦК и приглашенных, то самоотвод брать не стал, хотя сомнения оставались. Я не отказывался от поставленных передо мною задач, но повторил залу свои вчерашние аргументы, изложенные в записке Генсеку.

Возможно, в другой ситуации мне удалось бы убедить членов ЦК. Но тогда все зависело от Генсека, который вел заседание. Мои слова не произвели на него впечатления. Он реагировал на

них в том же духе, что и утром. Сначала начал меня хвалить:

– Товарищ Дзасохов прошел хорошую школу жизни. Человек образованный, подготовленный, работал с молодежью, работал успешно в местной партийной организации, занимался международными связями, в Верховном Совете СССР показал себя с самой хорошей стороны, человек политически очень подготовленный, мыслящий, современный, прогрессивный.

После этого Михаил Сергеевич пояснил, что такое, по его мнению, партийная идеология и почему ею должен заниматься именно я:

– Вообще надеяться, что кто-то способен осилить любую тему, любой вопрос, – это несерьезно. Идеология – это огромный фронт. Объединять людей вокруг себя, привлекать их, быть открытым для общения, для обмена мнениями – именно эти качества у товарища Дзасохова очень сильны. Товарищи секретари, кто успел с ним поработать, и те товарищи, кто общается с ним сейчас в Верховном Совете, надеюсь, согласятся с тем, что, говоря эти слова, я не прибавил, так сказать, ничего лишнего, а объективно представил вам ситуацию. Как, товарищи? Так, да?

Из зала послышались голоса, выражающие одобрение.

– Хорошо. Обсудили, – резюмировал Горбачев. Он был доволен тем, что находящийся у него в руках список одобряется пленумом без возражений. Вслед за моей кандидатурой в бюллетень для тайного голосования включили Юрия Прокофьева – первого секретаря Московского городского комитета КПСС. Затем по предложению Горбачева туда вошла Галина Семенова – кандидат философских наук, главный редактор журнала «Крестьянка». Она стала третьей женщиной в Политбюро за все время существования партии.

На том же заседании после недолгих дискуссий о важности аграрных дел и главной газеты партии членами Политбюро были избраны секретарь ЦК КПСС по сельскому хозяйству Егор Строев, главный редактор «Правды» Иван Фролов, руководитель Красноярского крайкома партии Олег Шенин. Кандидатов в члены Политбюро решили не избирать, нарушив таким образом многолетнюю традицию. Вместо этого в Политбюро были избраны первые секретари республиканских компартий. Кого-то из них я знал раньше, но с большинством познакомился только во время совместной работы. Это были очень разные люди с разным политическим опытом и взглядами. Мой съездовский блокнот хранит имена всех: М.М. Бурокявичус (КП Литвы), Г.Г. Гумбаридзе (КП Грузии), С.И. Гуренко (КП Украины), И.А. Каримов (КП Узбекистана), П.К. Лучинский (КП Молдавии), А.М. Масалиев (КП Киргизии), К.М. Махкамов (КП Таджикистана), В.М.

Мовсисян (КП Армении), А.Н. Муталибов (КП Азербайджана), Н.А. Назарбаев (КП Казахстана), С.А. Ниязов (КП Туркмении), И.К. Полозков (КП РСФСР), А.П. Рубикс (КП Латвии), Э.-А.А. Силлари (КП Эстонии), Е.Е. Соколов (КП Белоруссии).

Политбюро ЦК КПСС образца июля 1990 года разительно отличалось от того органа, который существовал до съезда. Из прежних членов там остались лишь Горбачев и Ивашко. Но дело было не только в персональном составе. С момента своего рождения в марте 1919 года Политбюро, являясь выборным органом партии, отвечало за конкретные направления ее деятельности. Его состав никогда не формировался по административно-территориальному принципу, что было впервые сделано летом 1990 года.

У предшествующих составов Политбюро была своя история. Порой принимались поспешные субъективные решения, причем нередко в узком кругу, без публичных обсуждений. Но в целом деятельность Политбюро базировалась на последовательных, системных экспертных оценках. За каждое направление деятельности КПСС отвечал конкретный член Политбюро, на которого работал многочисленный профессиональный аппарат. При необходимости привлекались ученые Академии наук, специалисты из промышленности, сельского хозяйства, военного дела. Технология принятия решений была такова, что почти каждое подвергалось всесторонней проработке. Это снижало вероятность ошибок.

На XX съезде КПСС в 1956 году, когда Н.С. Хрущев выступил с закрытым докладом с осуждением культа личности и политических репрессий, вместо упраздненного Политбюро был создан Президиум ЦК, члены которого курировали не менее 25 направлений деятельности партии. Хрущеву было значительно легче осуществлять отход от прежней политики, перестраивать партийно-государственный аппарат на фоне большого числа известных и авторитетных деятелей, избранных в Президиум ЦК. Но когда этот орган выполнил свою задачу, оказалось, что это слишком громоздкая, недееспособная структура: некоторые направления дублировали друг друга, ответственность членов Президиума размывалась, создавались ненужные подразделения. В конце концов Президиум был снова преобразован в более компактное и эффективное Политбюро.

Летом 1990 года испытанные достоинства Политбюро снова оказались под вопросом. В него вошли двадцать четыре человека, оно стало трудноуправляемым. Вероятно, при планировании реформы предполагалось, что первые секретари республиканских компартий, за каждым из которых стояла республика и солидная

парторганизация, одним своим присутствием в Политбюро сделают его решения более весомыми, партия же в результате станет более сплоченной. Однако этого не произошло. Напротив, началось ослабление руководящего эшелона КПСС. Некоторые первые секретари оказались заложниками своих «тылов». В их организациях и республиках происходили сложные политические процессы, в обостренной форме заявляло о себе растущее национальное самосознание, формировались особые интересы, отличные от интересов других республиканских организаций и КПСС в целом. Секретари зависели от всего этого, что впоследствии не способствовало слаженности в работе Политбюро, приводило к скрытой, но устойчивой внутренней конфронтации.

В то время размежевание шло и в самих республиканских парторганизациях. Путь наименьшего сопротивления и достижения консенсуса любой ценой привел к тому, что после одного из пленумов ЦК в Политбюро оказалось сразу два представителя расколовшейся компартии Эстонии. Их политические взгляды были несовместимыми, и это вносило дополнительный разлад в нашу работу. Если бы состав Политбюро оставался не таким громоздким, то «раскольники», вероятно, апеллировали бы к его авторитету для разрешения своих споров. Это было бы предпочтительно для сохранения единства партии. Однако был избран иной, менее продуманный принцип, и он объективно расшатывал высшее звено КПСС. Кадровые перемены дистанцировали Политбюро от Генерального секретаря. Горбачев начал утрачивать политическую базу, из недр которой он вышел несколько лет назад и без которой он не мог оставаться полновесным политическим лидером. Этот «отрыв от корней» трагически проявился во время августовских событий 1991 года, когда Президент СССР оказался в политическом одиночестве.

Было и еще одно отличие нового Политбюро. Оно стало уже чисто партийным, а не партийно-государственным органом, как раньше. Члены Политбюро, не имевшие отношения к республиканским компартиям, должны были работать в нем на постоянной основе, не занимая других государственных должностей. А тот, кто до съезда занимал государственный пост, не был включен в его состав, как, например, министр иностранных дел Эдуард Шеварднадзе и председатель КГБ Владимир Крючков. Всего несколько лет назад такое было бы немыслимо. По неписаной традиции руководители МИДа и КГБ в силу своих государственных должностей были обязаны входить в Политбюро. А теперь за его бортом оказался даже глава

правительства Николай Рыжков. И насколько помню, не слишком об этом сожалел. Как глава правительства, он предпочитал находиться вне зоны действия партийных директив.

Разумеется, партия и страна менялись. Но одновременно возникало ощущение, что из-под контроля выходит очень важная составляющая общественных процессов. Внешне движение шло по рациональному направлению: КПСС не претендовала более на исключительный статус, превращалась в нормальную политическую партию. Однако процесс «разгосударствления» партии не компенсировался созданием адекватной государственной системы, что умело использовала в своих интересах оппозиция.

Радикальное обновление состава Политбюро не вытекало и из предыдущих действий по реформированию партии. В конце 1980-х годов Горбачев и его тогдашние соратники (прежде всего Лигачев и Разумовский) осуществили беспрецедентное обновление руководящих органов партии. На одном из пленумов из ЦК было выведено более трети его списочного состава – более ста человек. Акцию объясняли тем, что эти люди, достигшие пенсионного возраста, должны освободить дорогу молодому поколению. Согласие теперь уже бывших членов ЦК отойти от партийных дел внешне воспринималось как понимание ими назревших проблем в партии. Но только внешне. Потому что на самом деле решение проводилось «сверху». И это указывало на сохранение очень опасной традиции в партии.

Центральный Комитет тогда покинула целая плеяда очень авторитетных, политически умудренных людей, представлявших политическую элиту страны. Среди них был, например, вице-президент Академии наук СССР П.Н. Федосеев – видный теоретик, долгие годы заведовавший отделом агитации и пропаганды ЦК КПСС, а потом в течение почти двух десятилетий возглавлявший Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Или И.В. Архипов – один из разработчиков индустриальной политики СССР, в прошлом первый заместитель Председателя Правительства СССР. Из состава ЦК КПСС был выведен Анатолий Добрынин, почти четверть века проработавший послом СССР в США.

Еще раньше Горбачеву удалось уговорить группу членов Политбюро написать заявления об уходе с партийной работы. Это было достигнуто, как мне было известно, методом бесед с глазу на глаз. Аргумент все тот же: возраст. Из Политбюро вышел А.А. Громыко – патриарх советской и мировой дипломатии, десятилетиями возглавлявший Министерство иностранных дел. После этой отставки Громыко оказался на очень высоком посту Председателя Президиума Верховного Совета СССР, но напрямую

влиять на внешнюю политику он уже не мог. Ушел из Политбюро М.С. Соломенцев – человек, двенадцать лет возглавлявший российское правительство. К тому времени Политбюро покинул первый заместитель Председателя Правительства СССР и будущий президент Азербайджана Г.А. Алиев, которого я хорошо знал еще с 1967 года. Алиев был политиком с мировым авторитетом, огромным опытом и неисчерпаемым потенциалом, что он потом многократно доказал, находясь на посту президента Азербайджана. Могу подтвердить, что еще в 1980-х годах Алиев воспринимался на Ближнем Востоке как символическая политическая фигура, указывавшая на евразийскую сущность СССР как державы с двумя ведущими религиозными конфессиями – православием и исламом.

Итак, летом 1990 года страна и мир должны были понять, что люди, занимающие высшие государственные посты в Советском Союзе, больше не зависят от руководства КПСС. Многие из тех, кто покидал Политбюро, говорили, что в правовом государстве, каковым становился СССР, не следует совмещать государственные и партийные должности. (Тем не менее для Горбачева сделали исключение: 10 июля съезд избрал Президента СССР Генеральным секретарем ЦК КПСС.)

На мой взгляд, слова о радикальном обновлении были версией для внешнего пользования. На самом деле не последнюю роль в новом массовом исходе из Политбюро сыграло то обстоятельство, что партия вступала в самый опасный в ее почти вековой истории кризисный период. И далеко не все партийные лидеры (правда, по разным причинам) были готовы и хотели бороться с этим кризисом.

Политбюро покинули тогда Александр Яковлев и Вадим Медведев. Вероятно, они еще до съезда договорились с Горбачевым, что займутся в его окружении другой работой. «Перетекание» людей Горбачева в новые государственные структуры – в Президентский совет, в Совет безопасности – шло довольно активно. В Президентский совет, например, вошли бывшие члены Политбюро Яковлев и Медведев.

Вначале казалось, что Президентский совет – новый коллегиальный орган, принимающий важнейшие государственные решения. По сути, аналог Политбюро, но не партийный, а государственный. Стремление к демократизации политической системы делало такое предположение правдоподобным. Однако вскоре пришлось убедиться в обратном. Президентский совет собирался нерегулярно, принимая от случая к случаю формальные решения, не учитывающие всей сложности обстановки в стране, в особенности резкого усиления

дезинтеграционных процессов и сепаратизма.

Из всех моих бесед с членами Президентского совета – Ревенко, Распутиным, Шаталиным, Яровым – я вынес одну мысль: они чувствуют ответственность за происходящее в стране, но не знают, как реализовать свои полномочия. В работе совета не было главного – четко поставленных целей и системной работы. Это отражалось на качестве принимаемых решений. Не добавляло авторитета и то, что параллельно действовал Совет глав республик. Там, правда, общесоюзные проблемы по существу не рассматривались. Преобладали главным образом республиканские интересы.

Кроме двух названных советов был создан Совет безопасности СССР. В его состав вошли первые руководители КГБ, МВД и других силовых и правоохранительных органов. Вначале Совет возглавлял Председатель Правительства Рыжков, которого заменил после отставки новый премьер-министр СССР Павлов. Любопытно, что Председатель Верховного Совета СССР Лукьянов в эту структуру не входил.

Таким образом, то, что должно было бы стать вершиной управленческой пирамиды в СССР, к началу 1990-х годов оказалось чем-то весьма раздробленным. Кроме Президента СССР существовали Президиум Верховного Совета, правительство, Президентский совет, Совет глав республик, Совет безопасности, но сложно было говорить о какой-то координации в работе этих органов. Сначала многие решили, что формируется так называемая «президентская рать», долгосрочное окружение Президента. Но когда оказалось, что все созданные советы работают не слишком эффективно и реальной власти у них мало, то наиболее дальновидные из этой «рати» – те, кто умел просчитывать ситуацию немного лучше остальных, – начали дистанцироваться от Президента СССР. Раньше других так поступил Яковлев, объявивший о создании нового политического движения в июле 1991 года, когда Горбачев еще оставался Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Незадолго до XXVIII съезда партии Яковлев открылся для меня с неизвестной ранее стороны. По какому-то случаю в его кабинете оказалось сразу несколько человек, и мы спонтанно перешли к обсуждению политической ситуации в стране. В разговоре участвовали академик Евгений Примаков, пресс-секретарь Горбачева Виталий Игнатенко, один из старейших работников аппарата ЦК КПСС Леон Оников.

Неожиданно для всех Яковлев, пользуясь правами хозяина, перевел разговор в плоскость теоретических вопросов. Из его слов следовало, что использовать учение Маркса в современной

политике бессмысленно. Эта оценка нас удивила.

Внезапный «развод» бывшего главного идеолога партии с марксизмом был вызван, скорее всего, политическими причинами. Яковлев уже тогда, вероятно, готовился покинуть Политбюро. Он чувствовал, как и многие, что КПСС ждут серьезные трудности и, возможно, потрясения. Вероятно, наиболее подходящим решением в этих условиях ему представлялось сближение с силами, находящимися в конфронтации с КПСС. А более эффектную «теоретическую» базу для союза бывшего главного идеолога компартии с ее противниками, чем отторжение прошлого, было трудно найти. Не исключаю, что на решение Яковлева повлияло еще одно обстоятельство: он понял неосуществимость давно вынашиваемой им идеи о разделении КПСС на две-три партии, одна из которых имела бы социал-демократическую ориентацию.

В сугубо личном плане решение о союзе с оппонентами партии, вероятно, давало ему некие преимущества, позволяя продлить политическую карьеру. Однако с точки зрения реформирования и демократизации партии, сближения ее мировоззрения с социал-демократическими идеалами – а именно это тогда, на мой взгляд, было главным – такой демарш не приносил ничего, если только не усугублял кризис.

Этот эпизод пришел на память с особой остротой, когда я вернулся домой после Пленума ЦК КПСС, на котором мне суждено было стать куратором идеологической работы. Впечатлений от двух недель съезда осталось много. Особенно бросалось в глаза поведение Горбачева. Он сильно изменился за последние годы. Было видно, что пробуксовка реформ, экономические трудности в стране, перегруженность делами, как и завуалированная и явная критика в его адрес, доставляют ему немало неприятных переживаний. Я вспомнил, как он расстраивался всякий раз, когда кто-то из выступавших хотя бы вскользь касался того, что высшее партийное руководство могло бы действовать более энергично и эффективно.

Таких моментов было немало. Доходило до смешного. Делегат из Магадана Блудов предложил не доверять председательствование на съезде Горбачеву, потому что тот, дескать, «гипнотизирует» зал. Блудов высказался и за привлечение Генсека к партийной ответственности за серьезные провалы в работе. Тогда в который раз за время съезда я увидел на лице Генсека выражение глубокой, трудно скрываемой досады. И это, думаю, объяснялось не только его повышенной эмоциональностью. Было трудно смириться с тем, что гласность и плюрализм мнений, к которым он так стремился, достигли пика и

приносят ему теперь огорчение.

Перестройка с превышением скорости

Когда Горбачев в марте 1985 года был избран Генеральным секретарем, политическая атмосфера в стране была абсолютно не похожа на ту, что сложилась всего лишь через пять лет. Партия полностью владела политической инициативой. Пост Генсека позволял контролировать партию. Организованных политических оппонентов ни у КПСС, ни тем более у самого Горбачева не было. Их не существовало ни де-юре, ни де-факто, несмотря на то что критический потенциал в разных секторах общества, в том числе и внутри КПСС, был достаточно высок. Демократические институты, которые позволили бы критической энергии выйти на поверхность, бездействовали. Внутрипартийные дискуссии, которые оживленно велись в компартии вплоть до начала 1930-х годов, считались пройденным этапом истории. Если кто-то и выступал с собственным мнением, пытался бросить хотя бы символический вызов неподвижности политической системы, то реальное влияние такого поступка на положение дел было почти нулевым.

Что подтолкнуло Горбачева к кардинальному, а главное, слабоуправляемому изменению ситуации? Идея начать политическую реформу возникла у него, видимо, не сразу. На известном апрельском Пленуме ЦК в 1985 году, когда Горбачев объявил об обновлении политики партии, он достаточно убедительно говорил о своих основных новациях – перестройке и ускорении, – главным образом в экономическом и социальном контексте. Речь шла прежде всего об остро назревшем внедрении в производство и в повседневную жизнь достижений научно-технического прогресса, о переводе экономики с преимущественно экстенсивного на интенсивный путь развития. Итогом должно было стать существенное повышение уровня благосостояния народа. Эти цели, предложенные Горбачевым, разделяла вся партия. Коммунисты были едины в признании реформаторского курса. Приоритет конструктивных сил среди руководящего состава КПСС был несомненен. Разумеется, общее мнение по главному вопросу – быть или не быть реформам – рождалось не без борьбы. Однако направление движения было очевидно: решения в Политбюро, на пленумах ЦК, съездах КПСС принимались либо единогласно, либо при минимальном числе возражавших. Они получали широкую поддержку в обществе. Популярность Горбачева росла с каждым днем. Вероятно, не в последнюю очередь и потому, что он сказал вслух то, о чем давно думали миллионы. В жизни страны накопилось столько

несообразностей, противоречий, очевидных нелепостей, что очищение ее, в широком смысле слова, выглядело естественным.

Однако уже через год-полтора после начала перестройки стало видно, что задуманное не выполняется. Поиск причин привел к наиболее очевидному выводу: механизмы хозяйствования и управления экономикой в СССР, мягко говоря, несовершенны.

Последовавшие попытки реформировать эту сферу также не дали желаемых результатов. И тогда, как мне кажется, у Горбачева и его ближайшего окружения возникла, причем первоначально в самом общем, непроработанном виде, идея широкой политической реформы. Главной ее задачей было обнаружение и снятие механизмов торможения в области управления. Это в конечном итоге должно было позволить экономике, науке, производству, другим жизненно важным сферам интенсивно развиваться, продуктивно взаимодействовать, приходя в соответствие с потребностями и запросами общества.

Мои суждения со стороны могут выглядеть очень субъективными. Но, находясь в те годы на дипломатической работе, я не был в стороне от внутренних процессов, происходивших в СССР.

Строго говоря, в отличие, например, от начинателей китайских реформ, объявивших о формировании «социалистического рыночного хозяйства», Горбачев периода 1986–1988 годов первоначально концентрировался на сугубо экономических проблемах, но затем довольно быстро вышел на идею системных политико-экономических преобразований с ведущей ролью политической составляющей, которая должна была, по его замыслу, стать локомотивом всех остальных изменений. Уверенность, что эта позиция правильная, придавал еще свежий в памяти опыт так называемых косыгинских экономических реформ в СССР в конце 1960-х – начале 1970-х годов. Тогда тоже были актуальными проблемы усовершенствования становящегося все более неэффективным хозяйственного механизма, повышения роли материальных стимулов экономической деятельности. Косыгинские реформы, несмотря на поддержку их в обществе, встретили упорное сопротивление части бюрократии, после чего были свернуты. Это был исторический факт, подтверждаемый огромным числом живых свидетелей. Члены партийного руководства хорошо знали об этом. Поэтому, столкнувшись с аналогичными трудностями, они не могли не задуматься о политических мерах, которые стали бы дополнительной опорой экономическим начинаниям.

Конечный выбор Горбачева в пользу реальной

демократизации, а затем и коренной перестройки партийно-государственной системы, безусловно, в немалой степени объяснялся и тем, что, будучи относительно молодым лидером, он более непредубежденно, нежели его предшественники, относился к опыту западных демократий с их политическим плюрализмом, многопартийностью, свободой слова. Поколение шестидесятников относилось к «буржуазным свободам» гораздо более терпимо, нежели люди более старшего возраста. В среде интеллектуалов были распространены неискоренимые в России западничество, открытость Европе, уважение к очевидным достижениям европейской культуры. Будущий Генеральный секретарь, хотя и не принадлежал к числу классических шестидесятников, не был исключением из общего правила – ни когда получал юридическое образование в Московском университете, ни позже, занявшись комсомольской, а затем и партийной работой. Побывав же в первой половине 1980-х годов как секретарь ЦК КПСС в ряде западноевропейских стран, оценив их уровень развития и успехи, наконец, лично познакомившись с лидерами ведущих держав мира, такими, например, как «железная леди» Маргарет Тэтчер, он уже вряд ли мог отрицать достоинства развитой политической демократии.

Однако действовать новому руководителю предстояло в СССР, с его спецификой – политической, экономической, социальной, национальной, культурной. Неудивительно, что в поисках точки опоры Генеральный секретарь ЦК КПСС на какое-то время всерьез увлекся изучением поздних работ В.И. Ленина. Как Горбачев сам впоследствии рассказывал, ему не раз приходилось далеко за полночь засиживаться за очередным томиком Ленина, делая выписки и подчеркивая особо важные места.

Важнейшей характеристикой ленинского политического стиля считалась внутрипартийная демократия. Политическое обновление КПСС, придание ей второго дыхания должны были начаться с восстановления ленинских норм партийной жизни, которые, по общей оценке, были грубо попраны после его смерти. Противопоставление ленинского периода послеленинскому красной нитью проходило сквозь основные выступления членов Политбюро того периода. Их общая логика была такова: раскрепощение инициативы общества прямо зависит от демократизации КПСС, реформы политической системы страны. Это раскрепощение, в свою очередь, поможет преодолеть застой, максимально полно раскроет потенциал социализма. Но прежде чем браться за дело, партии и государству надо избавиться от тяжелейших деформаций прошлых периодов. На это и должны были быть направлены основные силы.

Хотя идея демократизации партии, государства и общества вызревала в относительно узком кругу высшего партийного руководства, последующие инициативы и первые попытки их реализации вызвали огромный интерес и поддержку в стране. Период так называемой «горбимании» пережил не только Запад, но также и Советский Союз. Харизма Горбачева распространилась даже на сферу культуры. В предшествовавшие 20–25 лет невозможно было представить, что романы или театральные постановки на политические темы, отражающие точку зрения высшего партийного руководства, могут пользоваться столь впечатляющим успехом. Бестселлером стал долго пролежавший в столе писателя роман Анатолия Рыбакова «Дети Арбата». Тираж журнала «Огонек», еженедельно публиковавшего главы из романа, вырос на сотни тысяч экземпляров. Театральным открытием стала постановка пьесы драматурга Михаила Шатрова «Так победим!» – о ленинской политике после Октябрьской революции. Никогда за последние десятилетия идеи, возникшие в среде высшего партийного руководства, не трансформировались с таким успехом в литературные и театральные работы. И все это, вероятно, воспринималось как верный признак движения в правильном направлении.

Идейный переворот в сознании людей был настолько силен, что уже через три года после начала перестройки демократизация буквально стучалась во все двери. Стучалась, но уже с разрушительной силой! Рискованный, опасный выбор был сделан летом 1988 года на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Она вошла в историю как политический форум, одобривший, к сожалению, опасные элементы «забегания вперед», которые сыграли впоследствии серьезную роль в расшатывании нашей государственности.

В то время я находился на дипломатической работе в Сирии. Организаторы конференции пригласили в Москву около двадцати пяти ведущих послов СССР в разных странах. Мне не довелось непосредственно участвовать в подготовке конференции, поскольку я не был ее делегатом. Поэтому мог наблюдать за происходящим только со стороны, не вторгаясь непосредственно в события. В Дамаск я вернулся с крайне противоречивыми впечатлениями. Поражала поспешность и амбициозность, с которой участники дискуссии подошли к рассмотрению базовых проблем политической, экономической, духовной, культурной жизни. Конференция в рекордно сжатые сроки рассмотрела вопросы огромной стратегической важности: о демократизации партии, о разграничении функций КПСС и государства, о новой роли Советов, средств массовой информации, о демократической

системе выборов в органы власти. От обилия необычных, поистине революционных задач, поставленных в резолюциях конференции, могла пойти кругом любая голова. Но закрадывались сомнения: удастся ли реализовать намеченное? И не приведет ли все это к стихийным, неуправляемым явлениям?

Сегодня, много лет спустя, очевидно, что сомнения были обоснованными. Решения конференции, особенно касающиеся демократизации партии и политической системы, правовой реформы, были настолько завышенными, что осуществить их сразу, одним порывом было невозможно и даже опасно. Это оказалось бы непосильной задачей даже в том случае, если бы в последующие годы в руководстве КПСС и в самой партии сохранялось единство. Серьезнейшая ошибка, совершенная на конференции, заключалась в том, что все предложения были «вброшены» одновременно. Их следовало предлагать постепенно, по этапам, не теряя рычагов управления. В этом случае и обществу, и самой партии было бы легче осуществлять необходимые изменения и адаптироваться к ним.

Ключевые положения предстоящей реформы, меры по дальнейшей демократизации жизни партии и общества Генеральный секретарь излагал сам. Горбачев говорил о необходимости разграничения функций партийных и хозяйственных органов, о социалистическом правовом государстве с безусловным подчинением всех единому закону. Решающим направлением реформы он назвал обеспечение полновластия Советов народных депутатов снизу доверху. При этом политику партии – в экономической, социальной, национальной, других областях – планировалось проводить через эти органы народного представительства с помощью работающих там коммунистов. А посты председателей Советов по плану реформы должны были занять секретари соответствующих территориальных организаций КПСС. Предполагалось, что данный шаг позволит вновь реализовать ленинскую концепцию партии как авангарда общества. Но для этого сами государственные структуры в Советском Союзе должны были претерпеть существенные изменения.

Съезду народных депутатов СССР по плану реформы предстояло стать полноправным высшим органом государственной власти. Периодически собираясь на заседания в Москве, его делегаты должны были решать важнейшие конституционные, политические, социально-экономические вопросы. В состав участников съезда наряду с представителями от территориальных и национально-территориальных избирательных округов должны были войти представители

основных звеньев общественно-политической системы – КПСС, профсоюзов, комсомола, других массовых общественных, а также кооперативных, творческих, научных организаций. Выборы планировалось организовать ближайшей весной – так чтобы I Съезд народных депутатов СССР собрался в апреле 1989 года. Для этого было решено внести на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР ряд законопроектов по перестройке советских органов. Конференция дала добро и на внесение соответствующих поправок в Конституцию СССР.

Выборы в республиканские и местные Советы и формирование на этой основе руководящих советских органов планировалось организовать приблизительно через год, осенью.

Кроме съезда, на союзном уровне предполагалось организовать постоянно работающий Верховный Совет, избираемый съездом из числа народных депутатов СССР, учредить пост его председателя, а также конституционно регламентировать взаимодействие всех высших эшелонов власти, включая правительство – Совет Министров СССР.

Предложенные изменения поражали масштабностью. Повторю, я совершенно не был уверен в том, что все намеченное удастся осуществить. Но тогда, летом 1988 года, успокаивало то, что делегаты довольно легко поддержали предложенные новации. А кроме того, в поддержке резолюций конференции были едины все члены Политбюро и секретариата ЦК. Прежде всего – Горбачев, Лигачев, Яковлев, Громыко, Рыжков и другие.

Сегодня довольно странно видеть эти имена в одном ряду. За ключевые резолюции «О ходе реализации решений XXVII съезда КПСС и задачах по углублению перестройки», «О демократизации советского общества и реформе политической системы» отвечал Горбачев. Вторым лицом на конференции, нередко председательствовавшим на заседаниях, был Лигачев. Под его руководством готовился проект резолюции «О борьбе с бюрократизмом». Председатель Правительства СССР Рыжков представил проект резолюции «О межнациональных отношениях». Член Политбюро Яковлев – «О гласности». Председатель Президиума Верховного Совета СССР Громыко – «О правовой реформе». После обсуждения, внесения изменений и поправок все резолюции были приняты единогласно. Теоретически, абстрагируясь от реального положения дел, можно было бы заподозрить голосовавших единодушно делегатов в лукавстве: мол, проголосуем за одно, а действовать будем по-другому. Но внутренняя организация КПСС, принцип демократического централизма абсолютно исключали подобное. Согласно Уставу КПСС, принятые конференцией решения были обязательны для

исполнения каждым коммунистом. И все об этом знали.

Когда форум уже завершался, выяснилось, что требуется короткая конкретная резолюция с планом первоочередных действий по политической реформе. И такой документ – меньше двух машинописных страниц – быстро появился. Резолюция «О некоторых неотложных мерах по практическому осуществлению политической реформы страны» была проведена при активном участии Горбачева и Лигачева.

Все семь резолюций конференции были проникнуты духом демократизации и обновления. В обсуждении документов и поправок к ним приняли участие сотни коммунистов. И все же основные «авторские права» принадлежали единой команде из Политбюро.

Полного единодушия среди делегатов конференции не было только по одному вопросу – о совмещении должностей секретарей территориальных парторганизаций с постами председателей соответствующих Советов народных депутатов. Главный аргумент за был таков: данная мера позволит партии удержать политическую инициативу. С ним согласились не все. Ссылались на нарушение принципа альтернативности выборов и прав беспартийных. Завязалась дискуссия. Избранный делегатом конференции Б.Н. Ельцин даже предложил провести по данному вопросу всенародный референдум. Зал встретил его слова аплодисментами.

В конце концов по пункту о совмещении постов голосовали отдельно. Около трехсот делегатов высказались против. Горбачеву пришлось специально остановиться на этой проблеме в заключительном слове. Лично ему предстояло совместить должность Генерального секретаря ЦК КПСС с постом Председателя Верховного Совета СССР. В итоге в текст резолюции вошла обтекаемая формулировка: «Повышению роли представительных органов способствовала бы рекомендация на должности председателей Советов, как правило, первых секретарей соответствующих партийных комитетов КПСС».

Как показали последующие события, решение конференции о председательстве в Советах отнюдь не укрепляло позиции партии. Наоборот. Достаточно вспомнить комментарии средств массовой информации: упреки партийных секретарей в двойных стандартах, в нарушении Конституции, Устава КПСС, в стремлении под шумок демократизации отхватить от советской власти кусок пожирнее.

Что касается населения, то у меня сложилось впечатление, что новость о грядущем совмещении двух ключевых должностей на местах не вызвала повышения доверия к партийным

комитетам. Среди рядовых граждан появилось ощущение, что реально назревшие реформы как бы подменяются аппаратными играми. И они «отомстили» тем, кто захотел занять кресла председателей Советов, всегда имея для этого основание и не приложив для этого достаточно сил. Многие секретари территориальных парторганизаций впоследствии баллотировались на всеобщих выборах. Было очевидно, что непродуманное решение об автоматическом совмещении постов явно ущемляло права многих беспартийных депутатов – того резерва, из которого должны были появляться новые политики, готовые вести конструктивный диалог с КПСС, осуществлять реформирование общества. А на республиканском уровне курс на концентрацию власти – и партийной, и советской – в одних руках создавал в конечном счете предпосылки для подрыва государственного единства СССР.

Вспоминая XIX партконференцию, можно удивляться, как неожиданно возникают и исчезают подчас во времени политические идеи, подчиняясь лишь собственной логике, не считаясь с желаниями политиков. То, что в 1988 году было поддержано и выглядело как некая «генеральная линия», уже безвозвратно кануло в Лету. А вот то, мимо чего прошли, почти не заметив, превратилось в объективную, очень весомую политическую реальность. Именно на XIX Всесоюзной партконференции, впервые за всю советскую историю, прозвучало предложение ввести в стране пост Президента. Эту идею не поддержали. Генеральный секретарь сказал, что Советы, возникшие в процессе политического творчества народных масс еще до Октябрьской революции 1917 года, – суть государственного устройства СССР. Поэтому президентская форма правления в стране едва ли возможна. Лучше, чтобы на союзном уровне верховной властью обладал коллегиальный орган, способный аккумулировать единую волю и осуществлять политический синтез процессов, происходящих в обществе. Таким образом, летом 1988 года Горбачев однозначно высказался в пользу Съезда народных депутатов как высшего органа власти в СССР и Верховного Совета, который работал бы в перерывах между съездами. «Президентская форма в условиях нашего многонационального государства неприемлема и не вполне демократична, поскольку слишком большая власть сосредоточивается в руках одного человека», – резюмировал свое тогдашнее мнение Горбачев. Последовавшие затем события заставили его менее чем через два года изменить свои взгляды на диаметрально противоположные. Нельзя не признать, что подобные импровизации все более ослабляли государственную

власть и влияние партии в стране.

Но расхождения между членами некогда единой команды, готовившими известные резолюции, начались еще раньше. Как это ни парадоксально, сама конференция положила начало многим неуправляемым процессам в партии. По мере выполнения ее решений многие из прежних единомышленников стали уходить по разным направлениям политического компаса. Лигачев играл на конференции ключевую роль, фактически был вторым лицом в партии после Горбачева. Почему иногда считают, будто он с первого дня пытался ограждать КПСС от организационных и идейных новаций? Вероятно, из-за того, что, начав терять позиции и стремясь поправить положение, он пытался опереться на наиболее консервативное крыло партии, как бы обороняя общепартийную линию. При этом отходил на рубежи, которые покинул, еще когда вырабатывал платформу для XIX партконференции. И эти его действия запомнились. Остальные – забылись. Так Лигачев превратился для многих в консерватора чуть ли не «по рождению». Но по существу он им не был.

Другие же, например Яковлев, по мере того как в обществе росло недовольство перестройкой, переходили от «социализма с человеческим лицом» к социал-демократии, а оттуда – прямиком к антикоммунизму. Вместо заинтересованного обсуждения спорных вопросов начались взаимные обвинения и выпады. Возникла открытая конфронтация между Лигачевым и Яковлевым, между Горбачевым и Лигачевым. Рыжков хотел сосредоточиться на вопросах экономики. Ему этого не дали сделать. Под давлением парламентской оппозиции и при отсутствии поддержки Генсека ЦК Н. Рыжков был вынужден уйти в отставку с поста председателя правительства. Это вызвало недоумение общества и не добавило авторитета власти.

Политические игроки и линии раскола

Работая над книгой, иногда сомневался: пришла ли пора для объективного исследования той бурной эпохи? Вероятно, более благодатное время наступит все же несколько позже: когда будут открыты все архивы, возникнет необходимая дистанция от того времени, а главное – к исторической работе подключатся люди, свободные от предрассудков жесткого унитаризма и однопартийности, с одной стороны, и популистской вольницы – с другой.

Однако одно предупреждение будущим исследователям хочу высказать уже сейчас. Нередко проводится мысль, будто разрушение СССР состоялось как бы на спринтерской дистанции. Едва ли не в течение нескольких месяцев 1991 года. Это неверно. Хотя острое личностное противостояние, борьба за власть между Горбачевым и Ельциным драматически ускорили распад СССР, грозные подземные толчки начались гораздо раньше. Один из них произошел на XIX партконференции.

1988 год – последний более или менее спокойный в жизни Советского Союза и самой КПСС. Дальше происходило нарастание внутрипартийной борьбы, особенно на «верхних этажах» КПСС, в ее высших органах. Параллельно усилились кризисные явления в обществе, прежде всего в экономике. Увеличилась разбалансированность в разных отраслях хозяйства. Дезорганизация потребительского рынка привела к падению жизненного уровня населения. К этому вскоре добавилось внезапное обострение межнациональных отношений. На карте СССР появились первые горячие точки. Если бы не все эти явления, то вряд ли кому-либо удалось «легко» разрушить СССР.

Рост социального напряжения не мог обойти стороной партию. Местные партийные работники, острее других испытывавшие на себе поднимавшуюся волну недовольства, приезжая в Центр, почти на каждом партийном или советском мероприятии требовали экстренных мер по наведению порядка, совершенствованию и корректировке курса КПСС. Подобного рода тревожная информация поступала на Старую площадь и по конфиденциальным каналам.

Однако реакция высших руководителей партии на противоречия и проблемы, зревшие в обществе, часто была неадекватной. Существовала вера в некую «самореализацию» реформ, объявленных «сверху». Это не давало возможности сконцентрировать внимание на конкретных механизмах их реализации, не позволяло придать им последовательный,

системный характер. Неудивительно, что в таких условиях активность коммунистов, поверивших в перестройку, парализовалась, их энергия уходила в песок.

Бесконечные «разборки» между руководителями первого ранга, их диаметрально противоположные мнения волнами обрушивались на партийные низы, внося в умы разброд и сумятицу.

До XIX конференции наиболее знаковой фигурой, вызывавшей критику на партийных форумах (начиная с октября 1987 года), был Б.Н. Ельцин. На конференции он изложил просьбу о своей «политической реабилитации». Было заметно, что Борис Николаевич волновался, хотя хорошо подготовился к выступлению. Сказал о том, что его не устраивает в ходе перестройки, предложил осуществить новые меры по демократизации партии. Сделал конкретные предложения по политической реформе, коснулся проблем экономики. Хотя местами Ельцин был резок, у меня не возникло сомнения в том, что он все еще хочет быть вместе с партией, желает участвовать в общем деле, однако и не может утаивать то, что его по-настоящему тревожит и беспокоит.

Горбачев отнесся к выступлению Ельцина, по крайней мере внешне, вполне демократично. Как председательствующий, предоставил ему дополнительное время, когда регламент истек, а многое еще не было сказано. Но совсем иначе отреагировали некоторые делегаты. Во всяком случае, многие из тех, кто оказался на трибуне после Ельцина. Его не только критиковали, но буквально разносили, и, как мне показалось, наряду со справедливыми словами было сказано много ненужного и необоснованного. Просьба о «политической реабилитации» даже не рассматривалась.

По-моему, за все годы своего президентства Ельцин так и не избавился от обиды, а позже и злобы и агрессивности в отношении бывших товарищей по партии. Та критика и вражда, с которыми он сталкивался на партийных мероприятиях, безусловно, повлияли на его негативное отношение и к партии в целом, и к тем деятелям в КПСС, которые не критиковали его открыто (а в душе, возможно, и поддерживали), но своим молчанием, отчужденностью создавали впечатление отторжения. Обычно на заседаниях пленумов ЦК КПСС его соседом, согласно утвержденному регламенту, был посол СССР в Великобритании, кандидат в члены ЦК КПСС Леонид Митрофанович Замятин. Так вот, опытный дипломат не просто сидел рядом с опальным коллегой. Он еще и не отворачивался демонстративно в другую сторону, как делали некоторые другие. Показывал тем самым, что

у них, возможно, разные взгляды, но в личном плане Борис Николаевич не вызывает у него отрицательных чувств. Вероятно, это была наиболее разумная линия поведения по отношению к Ельцину в то время.

История драматического конфликта, негативно повлиявшая на судьбы страны, еще раз укрепила во мнении: политикам нельзя отчуждаться, отказываться от общения. Это исподволь усиливает напряженность, подозрительность, разрушает естественные симпатии, которыми в политике пренебрегать недопустимо. Государственные деятели высокого ранга, ответственные перед обществом, даже если они и не симпатизируют друг другу, обязаны преодолевать себя. Им надо встречаться, разговаривать, обсуждать общие проблемы. В случае недоразумений – выяснять истинное положение дел.

Немало политиков разного уровня, наблюдая уже в то время за поведением Горбачева, все чаще задавались вопросом: насколько оправдана его лобовая критика перед многотысячными аудиториями союзных министров, правительства? Специалистам его оценки и высказывания нередко казались поверхностными, рассчитанными на публику. Вольно или невольно он содействовал усилению недоверия между народом и теми государственными и политическими деятелями, которые были его соратниками, сподвижниками по перестройке.

Один из работников ЦК Венгерской социалистической рабочей партии, присутствовавший на двух встречах Горбачева и Яноша Кадара, рассказывал мне, что оба раза более старший и опытный Кадар просил советского лидера: «Михаил, не надо все время критиковать свое окружение. Может настать время, когда тебе не на кого будет опереться». Прислушался ли к этим словам советский лидер?

Полагаю, что уже после XIX партконференции Ельцин понял, что ему надо срочно искать новых политических попутчиков. И вскоре нашел их – среди делегатов Съезда народных депутатов СССР.

Выборы делегатов съезда прошли по двум системам – мажоритарной и пропорциональной. Последнее обеспечивало представительство основных социальных и профессиональных групп. Общественные объединения и союзы, а также КПСС делегировали на съезд своих представителей. От Академии наук СССР туда вошло 50 делегатов. От массовых общественных организаций – от 10 до 25. Компартия делегировала на съезд 100 человек – список формировался в узком кругу высшего партийного руководства. Одновременно состоялось голосование за кандидатов в одномандатных округах; впервые за несколько

десятилетий они выдвигались на альтернативной основе.

В истории страны начинался совершенно новый этап, приведший к появлению реальной многопартийности, острейшей политической борьбы, основательному изменению жизненного уклада миллионов граждан. Именно к этому моменту я отнес бы знаменитый афоризм Горбачева: «Процесс пошел». Но его автор, судя по последующим событиям, не вполне осознавал альтернативность начавшегося процесса.

Впоследствии, работая в Верховном Совете СССР и в его Президиуме, я узнал, что в 1988 году при подготовке и изложении своего реформаторского проекта Горбачев находился в постоянном контакте с Анатолием Ивановичем Лукьяновым. Они учились вместе на юридическом факультете Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. После того как Горбачев поднялся на вершину власти, он вспомнил о товарище своей студенческой молодости и приблизил его к себе. Лукьянов, работавший ранее в аппарате ЦК, стал секретарем ЦК КПСС. Когда в марте 1990 года Горбачев был избран Президентом страны, именно Лукьянов, бывший до того его заместителем в руководстве советского парламента, занял освободившееся кресло Председателя Верховного Совета СССР. И на новом посту он продолжал оказывать влияние на Горбачева.

За время работы в Верховном Совете мне довелось ближе увидеть профессиональные и личные качества Лукьянова. Выходец из Смоленщины, выпускник Московского университета, он всегда стремился к знаниям, к образованию, дружил с литературной общественностью, писал интересные стихи, интересные публицистические статьи. Вместе с тем Анатолий Иванович долгое время выполнял функции чиновника. И хотя его новые должности на Старой площади, в Кремле были в большой степени публичными, аппаратная работа все же повлияла на его характер. Конечно, не он лично изобрел закулисное проталкивание «нужных» решений, однако отказаться от этих «технологий» ему было не под силу. В течение продолжительного периода Лукьянов был одним из наиболее частых собеседников Горбачева.

Надо сказать, что Лукьянов не только влиял на кадровую политику в верхних эшелонах власти, но и моделировал и воплощал в жизнь новые конституционные государственные структуры в СССР. Пытался направлять процесс трансформации государства. Причем это ему удавалось, по крайней мере поначалу. Именно Лукьянов был главным инициатором реформирования Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. Пользуясь в течение десятилетий доступом к партийным и

государственным архивам, он вынашивал идею воссоздания съезда образца 1922 года, когда был образован СССР. В итоге ему удалось осуществить, как он мог думать, рискованный перенос опыта государственного строительства начала 1920-х годов на «перестроечный» период. Вероятно, Лукьянов верил, что создает предпосылки для некой новой конструкции державы. В его поступках, конечно, не было деструктивного умысла. Однако в конечном итоге эти действия привели к высвобождению мощного порыва к государственному самоопределению в национальных республиках.

Вырвавшийся на волю джинн «самостийности» развил поистине космическую скорость, когда главный политический противник Президента Горбачева – Ельцин, ставший Председателем Верховного Совета РСФСР, заявил, что самоопределяться пора и России. Это было уже чудовищной угрозой целостности Советского Союза – ведь Россия всегда была его становым хребтом.

Историческая правда требует уточнить, что активное «разбегание» коммунистических организаций СССР по национально-республиканским квартирам, подстегнутое созданием компартии РСФСР, явилось, хотя и не было намеренным желанием, одной из основных политических предпосылок расшатывания страны.

Появлению российской компартии предшествовала острая внутриполитическая дискуссия, которая широко освещалась в прессе. Речь шла об объеме полномочий республиканских партий в составе КПСС. Именно здесь процесс демократизации партии дал первый серьезный сбой. Единая партия интернационалистов, какой изначально была КПСС, превращалась в партию конфедералистов. Правда, за этим формально стояли не политические, как заявлялось, а организационные и финансовые вопросы, такие, например, как пропорциональный доступ к бюджету партии, то есть в соответствии с численным составом республиканской организации.

Полномочия республиканских партий в составе КПСС за короткое время так раздули, что очень скоро эти партии замкнулись в собственной скорлупе. Ранее представители парторганизаций союзных республик стремились попасть в руководящие органы КПСС, такие как ЦК, секретариат и Политбюро. Некоторых приглашали на ответственные посты в центральный аппарат партии. Этого добивались годами безупречной работы. Теперь же многим коммунистам из союзных республик единая КПСС становилась не нужна. На первый план начали выходить вопросы раздела и самостоятельного

использования партийной собственности.

Разумеется, происходящее в стране и КПСС в то время воспринималось членами партии по-разному. И не только рядовыми коммунистами. Члены ЦК тоже реагировали на это неодинаково. Для меня никогда не было секретом, что в партийное руководство практически все годы перестройки входили не только «центристы» и люди, стремящиеся подстегнуть реформы. Кроме них в высшем эшелоне КПСС существовало многочисленное ортодоксально-догматическое крыло. Его сторонники считали главными источниками нарастающих бед страны ослабление партийно-государственного бюрократического контроля над общественными процессами и экономикой, а также попытки рыночного реформирования, «чрезмерную» свободу слова. Они предлагали обществу и политическим руководителям «притормозить», а кое в чем и вернуться назад. Многие понимали, что это невозможно. Однако борьба в верхнем эшелоне КПСС не прекращалась ни на один день. Подчас она велась на предельном напряжении столь скрытно, что не была видна даже с близкого расстояния.

Порой у людей несведущих складывается представление, будто в КПСС в те годы не было борьбы мнений, личностей, принципов. Это, конечно, не так. Однако отсутствие укоренившихся традиций публичных обсуждений, внутрипартийных дискуссий блокировало будоражившие всех вопросы внутри аудиторий. Все годы перестройки партийная элита ожесточенно спорила на пленумах ЦК, на заседаниях Политбюро. Но крупных позитивных итогов эти дискуссии не имели. Каждый уходил со своим мнением, свято веря, что на этот-то раз мы «им» (то есть оппонентам) задали жару! Так что продуктивная отдача от таких дискуссий оставалась крайне низкой. И это происходило практически на любом уровне – от собрания первичной парторганизации до Политбюро. А поверхность партийной жизни в это же время оставалась зеркально гладкой.

Очень долго в Политбюро ЦК КПСС, несмотря на свободу прессы, никто не смел выносить сор из избы. Это было табу, запрет. Что не означало, однако, что в Политбюро не было острейшей борьбы. Порой она принимала столь угрожающие формы, что представляла опасность для судеб самой партии и государства. Время от времени ее перипетии все же становились достоянием гласности. Уловить нюансы противостояний внутри высшего партийного органа можно было, например, наблюдая за поведением Горбачева.

Он, в частности, не раз в присутствии членов Президиума

Верховного Совета СССР или руководителей республиканских партийных организаций как бы в шутку обращался к председателю КГБ Крючкову:

– Ну что ты, Владимир Александрович, все свою линию гнешь, себе на уме…

Горбачев тем самым давал почувствовать окружающим, что в руководстве не все так гладко, как кажется, и что лично Крючкова Генсек ЦК КПСС, он же Президент СССР, подозревает как минимум в некой нелояльности, а может быть, и в сопротивлении реформам.

Эхо таких слов иногда отзывалось в прессе. Появлялись публикации о «сторонниках реформ» и «реакционерах» в партийном и советском руководстве. Конечно, большинство из тех, кого журналисты называли «реакционерами», таковыми не являлись. Скорее, эти люди были традиционными для политического сообщества консерваторами. Привязка к термину «реакционер» объяснялась, вероятно, тем, что развившаяся к тому времени критика реформ «изнутри», со стороны определенной части КПСС, инкриминировала руководству партии, и прежде всего Горбачеву, ревизионистские тенденции, отход от ценностей социализма, от социальных завоеваний, намерение реставрировать несоциалистические порядки.

После того как я оставил дипломатическую работу и занял пост первого секретаря Северо-Осетинского областного комитета КПСС, меня в силу занимаемой должности приглашали на пленумы ЦК, хотя в его состав я еще не входил. В конце 1989 года я оказался свидетелем обсуждения вопроса о создании российской компартии. Мотивировка была следующей: республиканские структуры КПСС существуют во всех союзных республиках, а Россия осталась обделенной. Недальновидность данного суждения меня поразила. Ведь в политическом смысле появление российской компартии было эквивалентно легализации центробежных тенденций в других национальных компартиях. Уж если в России – в самой основе и центре притяжения Советского Союза – коммунисты создают собственную политическую организацию, то что же остается делать эстонским, литовским, киргизским коммунистам…

Рупором этого движения стал первый секретарь Краснодарского краевого комитета КПСС Иван Кузьмич Полозков. Впоследствии он некоторое время возглавлял российскую компартию.

Для того чтобы помешать стремлению российских сепаратистов изолировать РСФСР от общегосударственной системы СССР, Лукьянов настоял на том, чтобы поднять статус

автономий в составе РСФСР и других республик до уровня пятнадцати союзных республик, которые образовывали Союз ССР. Это было крайне опасно. По Конституции РСФСР 1978 года шестнадцать автономных республик получили статус советских социалистических республик в составе России. Их попытались вывести из-под российской юрисдикции путем заключения с ними, а также с остальными пятью автономиями и со всеми союзными республиками особых договоров от имени Центра. По принципу «1 + 15 + 21». По замыслам организаторов этой акции, вероятно, она должна была ослабить стремление ельцинского руководства к суверенитету. Однако результат оказался другим. Контроль союзной власти над автономными республиками был утрачен, они повели себя непредсказуемо. Вместо того чтобы укреплять государствообразующие позиции Центра, ряд автономий, и не только в России, заявили о своем «государственном суверенитете», опередив даже некоторые крупные союзные республики. Продолжилась так называемая война законов. Некоторые республики отказывались перечислять средства в союзный бюджет. В результате ущерб наносился экономике всей страны. Это сделало государственное устройство СССР еще более неустойчивым, а в некоторых регионах послужило детонатором межнациональных конфликтов, отзвуки которых слышны по сей день.

Между тем политическая ситуация в СССР в целом развивалась по собственному, трудно предсказуемому, стихийному сценарию. Переплетение сугубо внутренних, по-своему неповторимых причин и следствий было настолько плотным, что внешние политические рецепты, даже казавшиеся разумными, было крайне трудно применить во все более усложнявшейся обстановке. Войдя в режим поиска путей обновления и совершенствования СССР, страна попала в такой вихрь событий, что ведущие политики страны едва ли могли предвидеть ту драматическую роль, которую им предстояло сыграть в самом ближайшем будущем.

Было очевидно, что после того, как в 1989 году была отменена 6-я статья Конституции СССР, фиксировавшая руководящую роль КПСС в советском обществе, партия уже не могла рассчитывать на автоматическое продление своего влияния. Чтобы не оказаться в хвосте политических процессов, надо было искать новые силы и резервы. Именно эта потребность не в последнюю очередь вызвала появление в СССР поста президента. 15 марта 1990 года III Съезд народных депутатов избрал Президентом СССР Горбачева. Коренная перестройка государственной системы, осуществлявшаяся во многом без

продуманного стратегического плана, объективно требовала появления органов, институтов, структур, которые могли бы стабилизировать политическую ситуацию, придать реформируемому государству необходимые ему управляемость и завершенность.

…После громкого заявления Эдуарда Шеварднадзе 20 декабря 1990 года на IV Съезде народных депутатов о том, что он покидает свой пост, в политических верхах у нас, да и за рубежом обсуждался вопрос: а кто придет на смену?

В Госдепе США считали, что выбор может пасть на кандидатуру А.А. Бессмертных, первого заместителя министра внешних сношений, так тогда переименовали советское министерство иностранных дел, передав ему функции внешнеторгового ведомства. В то же время американские аналитики среди возможных кандидатур называли Евгения Примакова и Александра Дзасохова. В книге Майкла Бешлосса и Строуба Тэлбота «Измена в Кремле» подчеркивалось, что приход академика Евгения Примакова на должность министра вызывал тревогу в Вашингтоне в связи с тем, что он был посредником между Москвой и Багдадом во время кризиса в Персидском заливе, а появление в этой должности Александра Дзасохова, являвшегося членом Политбюро, могло бы привести к попытке восстановления «коммунистических постулатов в советской внешней политике».

О моей кандидатуре говорили с Горбачевым его главный внешнеполитический советник Анатолий Черняев и член президентского совета Вадим Медведев. Я узнал об этом значительно позже, потому что с головой был погружен в завершение работы над новой программой партии. Если бы я участвовал в обсуждении этого вопроса, несомненно назвал бы Евгения Максимовича. Министром же стал А.А. Бессмертных. Зная отношение Бессмертных к Евгению Максимовичу, могу сказать, что он тоже был бы за Примакова…

Бурные споры в Кремле

Апрельский Пленум ЦК КПСС 1991 года оказался самым скандальным за все годы перестройки. С самого начала в его атмосфере царило беспрецедентное напряжение. Разброс взглядов и позиций делегатов был огромен. Бросалось в глаза ослабление доверия между Генеральным секретарем, с одной стороны, и лидерами местных партийных организаций – с другой.

Пленум проходил в очень неблагоприятное для партии время. Отношение к КПСС в обществе за последние месяцы изменилось к худшему. Социологические исследования показывали, что авторитет КПСС, и особенно ее руководства, резко снижается. Верхняя граница доверия населения к партии не превышала 20 процентов, нижняя опускалась до 7 и даже до 3 процентов. Все говорило о системном кризисе.

Центральным вопросом пленума было обсуждение экономической антикризисной программы, подготовленной кабинетом министров Валентина Павлова. Программа содержала разумные для того времени предложения: ускорение приватизации, либерализацию цен, широкомасштабное привлечение иностранного капитала. Однако далеко не все выступавшие были с этим согласны. «О какой либерализации можно говорить, если последнее повышение цен настолько ударило по карману народа, что потребление продуктов питания сократилось от двух до четырех раз?» – вопрошал с трибуны председатель контрольно-ревизионной комиссии Ленинградской областной парторганизации Н. Кораблев.

Углубляющийся экономический кризис предлагалось преодолевать через широкое внедрение рыночных отношений. Это была официальная позиция партии, зафиксированная во многих документах, в том числе принятых XXVIII съездом. Принципиальное решение было неоднократно поддержано на разных партийных форумах. Теперь же речь шла о том, как воплощать его в жизнь. И тут страсти накалялись до предела. «Консерваторы» не отвергали рыночную терапию полностью. По сути, они предлагали подходить к созданию новых экономических отношений дифференцированно: учитывать интересы разных групп населения и особенности регионального разделения труда, не упускать из виду укрепление позиций государства в целом. Однако их эмоциональное неприятие экономических невзгод было настолько сильным, что критика скоро стала переходить на личности. Доставалось не только Павлову и сторонникам быстрых экономических преобразований. Остро критиковали и Горбачева.

В своем выступлении Генсек вынужден был признать, что общество находится в состоянии глубокого кризиса. Но развернутых выводов из этого тезиса не сделал. И заступился за «демократов», которых на пленуме подвергали беспощадной критике. «Многие не хотят видеть, что среди различных сил, называющих себя демократами, есть масса людей, думающих об отечестве, о нашей общей земле. Есть, разумеется, и экстремисты, люди, когда-то или в чем-то не состоявшиеся и рвущиеся поэтому к реваншу. Это так. Но я никогда не соглашусь с тем, чтобы всех ищущих, всех, выступаюших за демократию, записать в противники по ту сторону баррикад». Очевидно, Генсек стремился к компромиссу. Однако эти его слова, на мой взгляд, еще больше распалили оппозиционную часть зала.

Незадолго до апрельского Пленума сменились многие первые секретари территориальных парторганизаций. На смену умеренно-консервативным, возможно в меньшей степени готовым к изменению методов партийной работы, пришли более раскованные, но малоопытные и крайне напористые из-за неурядиц в партии и государстве люди. Думаю, большинство из них еще не успели овладеть азами политической культуры. И при этом они ничуть не сомневались в том, что вина за все беды в стране лежит на общесоюзном Центре.

Раздраженность, нетерпимость, некая внутренняя «шершавость» новоизбранных секретарей наглядно проявлялись в их выступлениях. Многие без минимальных попыток анализа ситуации начинали выступления с прямых обвинений в адрес Генерального секретаря. Ему задавали вопросы от имени народа, требовали объяснить причины экономического спада, духовного кризиса в обществе. Говорили, что не хватает продовольствия, промышленных товаров, а цены все время растут. Такая обстановка на партийном пленуме была беспрецедентной.

Правдой являлось, конечно, то, что Генеральный секретарь к тому времени действительно почти перестал уделять внимание работе Центрального Комитета КПСС и тем более партийных комитетов на местах. Первой причиной этого была его чрезмерная занятость по государственной линии. Второй – закулисное влияние на него со стороны окружения. Еще одна причина заключалась в том, что у партии изымались хозяйственные рычаги управления. Оставались чисто политические возможности, а использовать их в то время в полной мере еще не умели.

Удивительно, но Горбачев, председательствовавший на пленуме, не пытался ввести дискуссию в конструктивное русло. Он нарочито подчеркивал свою толерантность и демократизм,

предоставлял слово для выступления всем и по любому вопросу, лишь бы была передана соответствующая просьба в президиум. Участники пленума выступали в той очередности, в какой поступали их записки. Но это было нарушением регламента.

Я был убежден, что Генеральный секретарь имел возможность направлять ход заседания. Но он от этого отказывался. В результате на трибуну попала самая «шумная» часть членов ЦК, первых секретарей обкомов и крайкомов – Хабаровского, Томского, Луганского, ряда других. В пылу полемики прозвучало требование об отставке Горбачева с поста Генерального секретаря ЦК партии.

Едва ли можно было по большому счету упрекнуть молодых секретарей парторганизаций за их напористость – факты, которые они излагали, были достоверными, отражали обстановку на местах. Руководству партии следовало отнестись к ним более внимательно.

Но при этом следовало отметить: на пленуме выступали в основном те, кто был настроен критически. А более половины членов ЦК – представители творческой интеллигенции, крупные ученые, в том числе лауреаты Нобелевских и Ленинских премий, – не высказались. Поэтому сторонний наблюдатель мог не понять, каково же преобладающее настроение зала.

Кульминация произошла на второй день работы. В полдень я уехал с заседания, чтобы провести промежуточную пресс-конференцию о ходе пленума. Ближе ко второй половине дня, вместе с секретарями ЦК Фалиным и Гиренко и заведующим идеологическим отделом Дегтяревым вернулся в Кремль из пресс-центра гостиницы «Октябрьская», где мы отвечали на вопросы журналистов.

Поднимаясь по лестнице, услышал новость: якобы Горбачев только что подал в отставку с поста Генсека. Поспешил в зал, но там почти никого не оказалось: был объявлен незапланированный перерыв.

Мне удалось найти Горбачева в комнате за президиумом, где обычно собирались члены Политбюро. Туда уже пришли секретари ЦК, некоторые руководители территориальных партийных организаций. Чувствовалось общее напряжение и подавленность. Все молчали, обмениваясь вопросительными взглядами. Высказывался только Горбачев. Он был очень раздражен, повторял, что в условиях, как он выразился, «беспричинной и наглой критики» продолжать работу в партии не намерен.

Его начали уговаривать остаться. Я подключился к общему разговору. Наши аргументы сводились к тому, что интересы дела

важнее обстоятельств, побуждающих Горбачева заявлять об отставке. В результате его удалось переубедить. Но это было только полдела. Конфликт выходил на поверхность, его надо было как-то разрешать.

В тот день появилось краткое, но категоричное заявление почти семидесяти членов ЦК, в котором говорилось, что они выйдут из состава Центрального Комитета, если Горбачев покинет пост Генерального секретаря.

Некоторые были настроены по отношению к Горбачеву непримиримо. Говорили, что Генсек отвернулся от партии, разъезжает по заграницам, никого не посвящает в свои дела, не общается даже с аппаратом ЦК КПСС. Были другие суждения и доводы.

Первый. Кто прямо сейчас способен заменить Горбачева, уйди он со своего поста? И станет ли такое развитие событий победой для партии?

Второй. Перестав быть Генсеком, Горбачев сможет действовать без оглядки на КПСС. Надо ли становиться невольными пособниками его перемещения на чисто государственное поле?

Третий. К тому времени Президент СССР был уже так широко известен в мире, пользовался столь большой популярностью, что любая попытка катапультировать его из КПСС могла бы драматично обернуться для самой партии.

Я не считал, что Горбачев сознательно ведет дело к развалу КПСС. Думаю, его цель заключалась в том, чтобы реформировать партию. Но по стечению обстоятельств и, возможно, из-за особенностей характера он не создал в самой КПСС массовую базу, на которую смог бы опереться.

О чем с тревогой постоянно говорили в секретариате ЦК в то время? «Он стал с нами меньше считаться». Когда началась работа над новым Союзным договором, Генсек вообще не обсуждал этот круг вопросов на Старой площади. Он как бы старался избегать КПСС. Очень эмоционально и, по сути, пророчески сказала тогда об этом член Политбюро Галина Семенова. «Горбачев рубит сук, на котором сидит. Кто ему поможет, если партия отвернется от него так же, как он отвернулся от партии?» Даже Семеновой, знающей Горбачева лично и испытывающей к нему глубокое уважение, были непонятны его поступки. Что уж было говорить о разгневанных руководителях областных партийных организаций?

Полемика на апрельском Пленуме не принесла позитивных плодов, практически не повлияла на позиции спорящих. И те и другие продолжали проводить избранную линию, не обращая

внимания на самые веские доводы оппонентов. Поэтому вина за сильнейший разброд и неурегулированный кризис в партии ложится на обе стороны, даже при том, что вклад «главного дирижера» был решающим.

Во многом КПСС стала заложницей и жертвой организационных принципов своего построения. В течение десятилетий властные полномочия передавались по накатанной колее: парторганизации – съезд – Центральный Комитет – Политбюро – Генеральный секретарь. Мы имели дело с пирамидой, а она не может быть гибкой.

Разрыв между партийными верхами и низами в годы перестройки как минимум не уменьшился. На вершине – бурное кипение страстей; у основания – рядовой актив, все меньше понимающий происходящее наверху. Исключительная роль «первого лица» еще более усилилась. Генеральному секретарю так и не удалось, по его собственному выражению, «включить процесс снизу». Внутренняя противоречивость его позиции состояла, очевидно, в не осознанном до конца стремлении осуществлять привычную власть над безоговорочно пассивной, послушной партией, сочетая это с внешними демократическими институтами, рожденными перестройкой. Но если кому-то казалось, что бурные процессы критического обновления должны затронуть партию лишь в той мере, в какой это не подрывало авторитарные прерогативы верхов, то это было серьезнейшей ошибкой. Здесь лежала одна из основных причин половинчатости, непоследовательности, отставания назревших реформ. Пропасть между рожденной перестройкой политической свободой и стремлением сохранить административный стиль управления становилась все более угрожающей.

Создавать условия для развития внутрипартийных конфликтов было крайне опасно. Скажу откровенно, что после апрельского пленума я не упускал случая, чтобы сказать об этом Михаилу Сергеевичу. Впрочем, он и сам извлек уроки из происшедшего. Во всяком случае, обращал больше внимания на достижение согласия среди членов ЦК, более обдуманно относился к кажущимся незначительными, а в действительности очень важным мелочам.

Однако следующий, июльский Пленум ЦК КПСС, последний в истории партии, по своему накалу даже превзошел апрельский, хотя и был более собранным, деловым. Накануне я просил Горбачева не забывать весенний опыт, не увлекаться внешними, демонстративными атрибутами демократии. Они больше уместны в парламенте, но не на партийном форуме, когда требуется выработать общую политическую платформу. Июльский Пленум

был особенно важен – на нем обсуждался проект новой программы партии, документ, который должен был определить ее стратегию и политическое лицо на ближайшие годы.

Тот пленум можно было назвать чрезвычайным. На его созыве настаивали некоторые крупные парторганизации, которые намеревались откровенно изложить свои претензии ЦК и лично Горбачеву.

Накануне открытия заседания стало известно, что тридцать секретарей крупных территориальных парторганизаций выступили с открытым письмом, в котором потребовали отставки Генерального секретаря. Вместе с тем многие были готовы поверить, что правдивая информация с мест – о тяжелейшем экономическом положении в регионах – не поступает к первому лицу. Поэтому ее хотели довести до него лично. От Генерального секретаря и Президента намеревались потребовать (и в конце концов потребовали) «решительных действий по наведению порядка в стране», «спасения государства от экономического и политического хаоса».

Конечно, большинство из тех, кого демократическая пресса после того пленума назвала «реакционерами», строго говоря, таковыми не являлись. Скорее, это были здоровые консерваторы. Все тогда были за реформы. Вопрос заключался в том, какой будет их цена. Как же, в самом деле, зрелые люди с богатым жизненным опытом могли смириться с ухудшением дел в экономике, безоглядно, без малейших попыток анализа принять абсолютно непривычные методы реформ? Такое молчаливое соглашательство больше подошло бы случайным людям в политике.

Вопрос об отставке Генсека, как и весной, витал в атмосфере пленума. Ему в открытую предлагали оставить партию и сосредоточиться на делах государства. Сам он был категорически против. В наэлектризованной политической обстановке, которая сложилась тогда в стране, полное разделение постов Президента и Генсека неминуемо было бы использовано как предлог для нового нагнетания напряженности. Достижение гражданского согласия стало бы еще более проблематичным.

В этой ситуации я решил с трибуны высказать одну, как мне казалось, вполне созревшую идею, которую вынашивал еще до пленума. Предложил подумать о том, чтобы нынешний Генеральный секретарь, который к тому времени уже был Президентом СССР, в будущем мог бы занять пост председателя партии.

При этом исходил из того, что такая перемена освободила бы его от оперативной работы в руководстве партии, одновременно

предоставляя свободу действий заместителю Генерального секретаря и другим секретарям ЦК. Горбачев же сосредоточился бы на президентских обязанностях, оставаясь в то же время лидером правящей партии. Поскольку к тому периоду КПСС фактически была главным проводником идеи правового государства в СССР, мне казалось логичным, чтобы функции Президента и Генерального секретаря были бы в приемлемой форме разделены. Повседневное же руководство работой ЦК следовало сосредоточить в руках его секретариата.

В первом же перерыве Горбачев подошел ко мне и в свойственной ему приветливой, но эмоциональной манере спросил:

– Саша, я не понял, на что ты намекал?

Было ясно, что моя идея не понравилась.

Выступая на том пленуме, я сказал о необходимости выдвижения на выборные должности в партии, в частности секретарей ЦК КПСС, молодых, современно мыслящих активистов. Ранее я обсуждал эту проблему с членами Политбюро – Семеновой, Лучинским и другими. Они разделяли мою точку зрения. Поддержал ее и Ивашко. Поэтому я предложил пополнить состав секретариата ЦК четырьмя-пятью новыми членами, хорошо зарекомендовавшими себя на работе в новом составе ЦК. Сказал о том, что «новобранцы» должны обладать сильной политической волей, высокой эрудицией, качествами ярких трибунов и полемистов. Руководители обкомов требовали, чтобы секретари ЦК бывали в горячих точках, в регионах, где росло социальное и межнациональное напряжение. Нам не всегда хватало на это времени, хотя мы много ездили по стране, выступали в самых разных аудиториях.

На июльском Пленуме секретарями ЦК были дополнительно избраны секретарь парткома МГУ Иван Мельников, доктор исторических наук из Ленинграда Владимир Калашников. Вместе с другими секретарями ЦК я высказался за избрание в секретариат Геннадия Селезнева. Будущий председатель Государственной думы был тогда главным редактором «Учительской газеты». Против кандидатуры Селезнева возразил, как мне стало известно, главный редактор «Правды» Иван Фролов. Он высказал свои сомнения и Горбачеву, и секретарям ЦК. В результате Селезнев не стал секретарем, хотя имел для этого все данные.

Речь шла и о кандидатуре Анатолия Кравченко – тогда он был генеральным директором Телеграфного агентства Советского Союза. ТАСС входил в четверку ведущих информационных агентств мира, поэтому Кравченко был бы очень полезным

приобретением для секретариата ЦК. Но Горбачев, очевидно, берег его для другого дела. Позже он назначил Анатолия Петровича председателем Гостелерадио СССР. Электронные СМИ приобретали огромную роль в формировании общественного мнения. После назначения Кравченко стал напрямую выходить на Горбачева, регулярно получая от него задания. Но при этом никогда не избегал деловых контактов с другими руководителями государства и партии. Иногда Генсек, давая поручение Кравченко, одновременно звонил мне и просил сделать то же самое. Непростые условия деятельности партии, напряженная атмосфера, сложившаяся в обществе, требовали более высокого уровня доверия друг к другу.

После XXVIII съезда партии в июле 1990 года секретари ЦК и члены Политбюро, работавшие на постоянной основе в здании ЦК на Старой площади, были новой командой, члены которой были еще мало знакомы между собой. Надо было помочь людям лучше узнать друг друга, создать атмосферу взаимопомощи, сплоченности в работе.

К тому времени прежние порядки, существовавшие в Политбюро со времен Н.С. Хрущева, заметно изменились. Раньше руководители партии в поездках по стране и за рубеж летали спецрейсами, теперь – обычными авиарейсами. Представительские ЗИЛы (в народе их именовали «членовозами») были заменены на отечественные автомобили «Волга». Из больших государственных дач, разбросанных вдоль Рублево-Успенского шоссе, руководители партии переселились в подмосковный дачный поселок Усово, где один коттедж полагался на две семьи. Оплата всех расходов, не связанных с работой, производилась из личных средств.

Все это отвечало веяниям времени. В Верховном Совете СССР даже была создана специальная парламентская комиссия по борьбе со злоупотреблениями служебным положением. Возглавляла эту комиссию Элла Александровна Панфилова, очень популярный, широко известный во всей стране депутат. Это были первые годы ее политической карьеры. Очень содержательные, эмоциональные выступления Эллы Александровны приковывали внимание миллионов людей. И это было важным упреждающим фактором для отдельных чиновников и одновременно сигналом для всех государственных структур, требовало нетерпимого отношения к злоупотреблению должностным положением, к чиновничьему чванству.

Но вот что показалось мне странным уже в первые дни работы на новом месте в руководстве партии: обедать каждый член Политбюро и секретарь ЦК по инерции продолжал в своем

рабочем кабинете. Не было общей столовой, где можно было бы собраться всем вместе, пообщаться, обменяться мнениями в неформальной атмосфере.

Посоветовавшись с коллегами, я пригласил управляющего делами ЦК Николая Ефимовича Кручину и попросил его организовать общую столовую для руководителей партии. Своеобразную «офицерскую каюту». И вскоре она появилась. Аналогичные столовые я видел в своих зарубежных поездках в прежние годы: в Будапеште, где в партийной гостинице в обеденное время можно было пообщаться с лидером Венгрии Яношом Кадаром. Бывая в командировках, туда заходили руководители компартий других стран, например Александр Дубчек, лидер чехословацких коммунистов. Помню, что в Ташкенте в столовой ЦК можно было встретить не только руководителей Компартии Узбекистана, но и таких известных в стране людей, как руководитель «Средмаша» Ефим Павлович Славский, министр цветной металлургии Петр Фадеевич Ломако и других.

Столовая ЦК на Старой площади тоже вскоре превратилась в место неформального общения. Туда приходили президент Академии наук Георгий Марчук, его заместитель академик Владимир Кудрявцев, первый секретарь Ленинградского обкома партии Борис Гидаспов, видные деятели культуры Таир Салахов, Михаил Ульянов и другие.

На старой площади

Уже состоялись «бархатные революции» в странах Восточной Европы. В СССР появились новые политические силы. Вместо островков оппозиции возникали целые континенты. Некоторые республиканские партийные организации уже целиком дрейфовали в сторону от КПСС, от союзного Центра.

Тактика руководства президентскими структурами в то время состояла, вероятно, в том, чтобы, сохраняя формальную связь с КПСС, проводить политику, совершенно независимую от нее или даже идущую вразрез с ее установками.

Вскоре началось нездоровое соперничество между кремлевскими Советами: Президентским советом, Советом глав республик, Советом безопасности. И кажется, это было вызвано не столько амбициями отдельных лиц (Горбачев мог в любой момент их нейтрализовать), сколько непродуманным разделением самой верховной власти, что привело к неизбежному соперничеству и столкновениям внутри ее.

Ненормальность обстановки была слишком очевидной, чтобы не замечать этого. Однажды после затянувшегося до полуночи заседания Верховного Совета (заседания тогда часто продлевали) руководство собралось в так называемой комнате президиума, где обычно накрывали стол с чаем и бутербродами. Все были в напряжении. Разговор зашел о том, где и как принимаются ключевые государственные решения. В это время в комнату зашел Горбачев и с ходу спросил:

– А вообще этот Президентский совет нам нужен?

– Да зачем он нам? – откликнулся тут же один из участников беседы, Ислам Каримов, будущий президент Узбекистана. Он возглавлял тогда компартию Узбекистана и был членом Политбюро.

Горбачев ничего не ответил, хотя было видно, что у него есть на этот счет свое решение.

На следующий день, когда собрался Президентский совет, он неожиданно объявил: «Прошлой ночью собиралось Политбюро. Все высказались за упразднение Президентского совета». Такое заявление усиливало напряженность и недоверие.

Создание новых властных структур вначале воспринималось как радикальная перестройка государства и партии, как подготовка их к работе в условиях парламентской демократии. Что произошло потом? Свои начали побивать своих. Уйдя в Кремль, забрав с собой часть аппарата ЦК, иные бывшие сановники КПСС больше не помышляли об укреплении партии.

Как говорится, попросту «кинули» ее. Они окончательно отвернулись от партии, противопоставляли себя ей и влияли соответствующим образом на Горбачева, что само по себе было необъяснимо.

В таких условиях надо было организовывать работу на своем направлении. ЦК покидали опытные работники. Они уходили в президентские структуры. Было уже трудно привлечь нового толкового человека на работу в центральный аппарат партии. Однако мне все же удалось сохранить большую группу высококвалифицированных специалистов, объединенных пониманием важности своей работы.

Именно после XXVIII съезда работники ЦК начали чаще выезжать на места. Задача состояла в том, чтобы выяснить настроения в парторганизациях, узнать, что, по их мнению, надо делать в первую очередь.

Когда наши сотрудники начали возвращаться из командировок, выяснилось, что на местах имеют смутное представление о том, что же на самом деле происходило на съезде. Согласно принятым документам, продвижение к рыночным отношениям становилось одной из важнейших задач партии. Но в первичных организациях восприятие рынка как ведущего экономического принципа оставалось неоднозначным. Одни боялись и не хотели перемен, другие надеялись на них, как на панацею. Еще один важнейший вопрос, требовавший разъяснений, – взаимоотношения партии и Советов. Немало активистов полагало, что к КПСС по-прежнему предъявляются требования времен Брежнева, Андропова, Черненко. Необходимо было объяснять, в чем заключается новая роль партии в реформирующейся политической системе. Очень важно было вовремя осознать, что КПСС – это уже не главный распорядитель в государстве, а партия – в собственном смысле слова – организация с четкими программными целями и дисциплиной, которая влияет на политику государства через своих представителей в его органах. Это была сложная задача, и, как ее решать на практике, вряд ли кто-либо знал в те дни. К тому же шаги в сторону плюрализма воспринимались большой частью партактива как вынужденный уход из государственных и общественных органов. В такой ситуации переосмыслить предстояло очень многое. Надо было объяснить, что такое теперь членство в партии, партийная работа и влияние, показать, зачем вообще нужны теперь политические организации, если новое, «правовое» государство возьмет на себя роль гаранта прав граждан, станет проводить социально ориентированную политику, обеспечит всем равный доступ к средствам массовой

информации.

После съезда я договорился с главным редактором «Правды» Фроловым о том, что в течение ближайших недель газета опубликует развернутые материалы по всем решениям, принятым съездом. В те дни «Правда» была не единственной нашей опорой в СМИ. Изданий, которые интересовались партийной жизнью и публиковали о ней объективную информацию, было немало. Однако за годы перестройки СМИ серьезно изменились. Летом 1990 года вступил в действие закон СССР о печати, гарантировавший свободу распространения информации. Освещение решений съезда в прессе отличалось большим разнообразием. Разноголосицу подпитывал газетно-журнальный бум, начавшийся после принятия закона о печати. Уже к концу года Госкомитет по печати СССР зарегистрировал 1250 периодических изданий. 450 изданий прошли регистрацию в Министерстве печати и информации РСФСР, свыше 200 – в Московском Совете народных депутатов.

На что напирала новая пресса? К моменту моего избрания в Политбюро очень популярной была тема партийно-государственных привилегий, причем ее сознательно инициировал сам Ельцин, который для этого проехал в троллейбусе и завел медицинскую карту в обычной районной поликлинике.

В первые же дни пребывания в новой должности я убедился, что пресловутые привилегии, о которых много писали газеты, остались в прошлом. Члены Политбюро передвигались по столице на отечественных «Волгах». У нас не было, как у наших предшественников, персональной охраны. Мы летали в командировки рейсовыми самолетами и получали зарплату лишь в 1200 рублей, что не было ни привилегией, ни чрезмерно высоким по тем временам заработком. Правда, сохранялось право пользования дачей, но уже не персональной, как раньше, а общей, в дачном поселке.

Разумеется, публикации на тему номенклатурных привилегий, которых уже не существовало, как и самой номенклатуры, вызывали чувство досады. Но времени на выяснение отношений не было. Важно было как можно быстрее наладить рабочий диалог с руководством новых популярных изданий. Идеологический отдел ЦК не мог директивно влиять на работу «некоммунистических» средств массовой информации. Немыслимо было указывать журналистам, о чем и как писать, на что обращать внимание читателей, какие мнения публиковать.

Первое совещание с главными редакторами ведущих СМИ я провел уже 24 июля 1990 года, через десять дней после избрания

секретарем ЦК. Начал со слов о нелегком труде редактора. Выразил признательность всем, кто освещал работу партийного форума. Наконец, сообщил, что в гостинице «Октябрьская» в Москве открывается постоянно действующий пресс-центр ЦК КПСС, где я как секретарь ЦК буду регулярно выступать.

После этого стали задавать вопросы. Один из самых острых – о массовом выходе из партии. Я предостерег от одностороннего освещения этого процесса. Действительно, в 1989 году из КПСС по собственному желанию вышло 136 тысяч человек, за шесть месяцев 1990 года – свыше 366 тысяч человек. Пресса подробно писала об этом. Но при этом умалчивалось, что только в 1989 году в партию вступили 313 тысяч новых членов. Другими словами, за тот год число коммунистов выросло, но многие издания этого «не заметили».

Руководители СМИ были крайне обеспокоены навалившимися на них экономическими и финансовыми трудностями. В то время поднимались цены на бумагу, росла стоимость типографских услуг. Некоторые издательства чувствовали, что рискуют вскоре не свести концы с концами. В десяти – двенадцати регионах партийные типографии отказались печатать молодежные издания. Даже «Комсомольская правда» – самая массовая молодежная газета в СССР – столкнулась с серьезными проблемами. Положение тогда удалось поправить. Областным комитетам партии, которые курировали деятельность типографий, находящихся в собственности КПСС, по моей инициативе было рекомендовано не допускать пренебрежительного отношения к молодежной прессе.

Первое совещание с руководителями СМИ показало, что проблем у журналистов достаточно. Возникало много вопросов, связанных с правом собственности на издания, полиграфические базы. Ситуация в партии, политические оценки текущих событий также всех интересовали. После двухчасового разговора было решено проводить подобный обмен мнениями каждую неделю.

Атмосфера наших встреч соответствовала духу времени. Не было директив, императивных указаний. Правда, постепенно аудитория «вымывалась». Если сначала в совещаниях участвовали представители почти всех общесоюзных газет, то впоследствии руководители ряда изданий – «Комсомольской правды», «Известий» и некоторых других – почти перестали приходить на Старую площадь. А мы перестали их приглашать, полагая, что свободная пресса вправе самостоятельно выбирать источники информации.

Постоянный, заинтересованный контакт с ЦК поддерживали только некоторые СМИ. Чаще, чем с другими главными

редакторами, приходилось общаться с председателем Гостелерадио Кравченко, генеральным директором ТАСС Спиридоновым, главным редактором «Труда» Потаповым. Заходили и другие, однако возможность в полной мере опираться на прессу была ограниченна.

Режим работы был почти экстремальный. Чуть ли не ежедневно Горбачев, иногда в час ночи или позже, звонил мне домой и начинал отчитывать на повышенных тонах: «Ты понимаешь или нет, в газетах про нас снова измышления!» Было очевидно, что Генсек, он же главный архитектор многопартийности и плюрализма, не был готов к восприятию новой неординарной ситуации. Оппозиция же в поисках компромата не останавливалась ни перед чем. Так было сфабриковано и вписано в стенограмму Пленума ЦК мифическое возмущение Б.Н. Ельцина по поводу «вмешательства» в дела Московского горкома КПСС со стороны Раисы Максимовны Горбачевой, хотя ничего подобного, то есть ни «возмущения», ни тем более «вмешательства», не было.

Вскоре российское руководство приняло решение о создании в РСФСР собственного телевидения. В тот же день я обсуждал этот вопрос с тогдашним председателем Гостелерадио СССР Михаилом Ненашевым. Его реакция на указ Президиума Верховного Совета РСФСР была абсолютно четкой. Вопрос о российском телевидении назревал давно. Оно тогда не имело ни собственной материально-технической базы, ни организационной структуры. Однако Ненашев был категорически против передачи российским коллегам телевизионного оборудования Гостелерадио.

– Делить нечего, – говорил он, – техника старая, к тому же ее мало.

По его словам, предложения Гостелерадио по развитию российского телевидения уже несколько месяцев лежали на столе у Ельцина. Ненашев предлагал развивать структуру канала «Советская Россия». Утверждал, что до конца года вещание можно довести до пяти-шести часов в сутки.

– А если построить новый комплекс для российского телевидения?

– Такой вариант просчитывался. Потребуется не меньше пяти лет. Проще перестроить один из павильонов ВДНХ и подтянуть из Останкина коммуникации. За год можно управиться.

Мы говорили и о других решениях. Перед встречей со мной Ненашев консультировался с коллегами в республиках. По его словам, отделения Гостелерадио восприняли российские предложения без энтузиазма. Для них это означало сокращение

собственного вещания. Поэтому он предлагал проработать возможность создания спутникового канала с четырех-шестичасовой трансляцией на Россию.

Проблемы российского телевидения обсуждались не только в моем кабинете. Ельцин пытался согласовать этот вопрос с Горбачевым. Дело в том, что несколько ранее Президент СССР издал указ, в котором любые акты республиканских, краевых, областных органов, принимаемые без согласования с Советом Министров СССР и направленные на изменение правового и имущественного положения Гостелерадио, объявлялись недействительными.

Цена вопроса о телевидении была чрезвычайно высока. Все понимали, что, учитывая противостояние между Горбачевым и Ельциным, может возникнуть новое обширное поле для обострения конфликта, в который будет втянуто все общество. Но компромисс был найден. Гостелерадио выделяло время для вещания, а приобретение техники оставалось за российским телевидением.

31 января 1991 года секретарем ЦК был избран П.К. Лучинский. Ему было поручено заняться СМИ. Это было правильное решение. Знали друг друга давно и действовали слаженно.

За время работы на Старой площади я побывал во многих уголках страны, беседовал с людьми разных профессий, национальностей, политических взглядов. Со многими удавалось находить общий язык.

Но и непредвиденных трудностей было немало. У Союза писателей России возникли проблемы: негде было проводить съезд. Не было ни помещения, ни возможностей для аренды. А поскольку партия властных рычагов уже не имела, было нелегко помочь писателям, обратившимся за помощью в ЦК. В конце концов помещение для съезда по моей просьбе предоставил Театр Советской армии. Через некоторое время состоялась встреча с председателем Союза писателей Сергеем Владимировичем Михалковым. У нас состоялась обстоятельная беседа, а позже начались регулярные встречи с писателями.

Из всех творческих групп в самом сложном положении оказались художники. Я узнал об их проблемах от живописцев Андрея Васнецова и Таира Салахова – руководителей Союза художников СССР. Из-за высоких налогов на продажу картин художники практически лишились средств к существованию. А других источников доходов подавляющее большинство не имело. Положение было настолько серьезным, что Союз художников – один из крупнейших творческих союзов страны – готовился

вывести людей на улицу. Чтобы помочь им, мы стали добиваться через Президиум Верховного Совета СССР установления налоговых льгот для живописцев. Через некоторое время вопрос был решен положительно.

Одними из первых о встрече со мной как с членом нового Политбюро попросили секретари ЦК ВЛКСМ. Сказали, что есть молодежные проекты, которые можно было бы реализовать совместно. Я принял их в тот же день. Всегда интересовался проблемами молодежи.

Часто с теплотой вспоминаю студенческие годы. Охотнее отдаю предпочтение тем, кто в молодости был молодежным лидером. Потому что по собственному опыту знаю, что значило находиться в гуще бурлящей молодежной среды, крепко держать данное слово, постоянно работать над собой…

А тогда, на Старой площади, нередко помогал опыт, приобретенный в молодые годы на международной и дипломатической работе.

Осенью 1990 года в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова проходило Всесоюзное совещание преподавателей общественных наук. Я приехал туда из аэропорта Быково, сразу после того, как рейсовый самолет Ан-24 привез меня из командировки в Пензу. Профессора, доценты, преподаватели, которые ждали меня в МГУ, – около семисот человек, были непростой аудиторией. Можно было ожидать любых вопросов. Начал встречу кратким рассказом о своей поездке в Пензу, об интересных людях, которых встречал там. Создалась непринужденная атмосфера, мы легко перешли к непосредственной теме нашего совещания, заинтересованно обсудили актуальные теоретические проблемы и вопросы вузов. Беседуя после встречи с министром образования СССР Ягодиным и ректором МГУ Логуновым, узнал, что оба они – выходцы из Пензенской области. Это была еще одна приятная новость, упростившая наше общение.

В первые же дни работы на Старой площади я встретился с вице-президентом АН СССР Владимиром Николаевичем Кудрявцевым и еще несколькими академиками. Больше трех часов беседовали о проблемах отечественной науки, в особенности гуманитарной, переживавшей не лучшие времена. Не хватало финансирования, сворачивались исследовательские проекты, ученые уходили в коммерцию, уезжали за рубеж. Мы задумали тогда провести Пленум ЦК КПСС по социальным проблемам ученых и организации науки. Вместо этого было подготовлено, а затем принято специальное постановление Политбюро в поддержку Академии наук СССР.

С академиком Кудрявцевым мне удалось наладить надежные рабочие отношения. В течение длительного времени под его руководством в ЦК работал специальный семинар, на котором с докладами выступали известные философы, историки, политологи, специалисты по межнациональным отношениям. Обсуждались дискуссионные проблемы демократического социализма.

7 января 1991 года в Академии общественных наук при ЦК КПСС прошло совещание партийных работников, занимавшихся проблемами политической и идеологической работы, вопросами образования, науки и культуры. Я принял в нем участие. По традиции выступлениями членов Политбюро открывались все совещания партийных работников, регулярно проводившиеся в Москве. Методика подобных мероприятий была отработана до мелочей. Но то совещание было необычным. Мне пришлось предельно откровенно говорить о том, что без новых подходов партии не решить сложных задач модернизации народного хозяйства и повышения уровня жизни населения. Я стремился убедить участников встречи в том, что цели, поставленные на перспективу, безальтернативны. Мы должны распрощаться с жестко регламентированной, централизованной командно-административной экономикой. Никогда больше не будет по инерции политического монополизма. Надо четко осознать это и стремиться сохранять лидирующее положение партии в новых условиях.

Хорошо помню атмосферу этого и других совещаний. Не было заранее подготовленных текстов, не было предварительно утвержденных списков выступающих. Каждый свободно высказывал личную точку зрения. Особенно откровенно говорили ораторы, приехавшие с мест. Тогда по стране прокатилась первая «перестроечная» волна забастовок, открытых, настойчивых проявлений недовольства. Представители местных организаций хорошо понимали объективные истоки этой критики и искренне стремились исправить положение. Именно они наиболее эмоционально делились своими тревогами, высказывали наболевшее, ставили «неудобные» вопросы, вносили конкретные предложения, касающиеся политики и экономики.

Мы в Политбюро, секретариате ЦК постоянно выступали за то, чтобы звучали темы гражданского согласия, демократического состязания, ненасилия в политике. При этом главным для нас было не сохранение своих организационных структур, как пытались представить дело наши оппоненты, а оптимальное осуществление принципиально новой функции партии – реализации социалистических принципов в условиях правового

государства. Нельзя было позволить оппозиции расшатать общество до основания.

Обновленная партия могла бы еще долгие годы оставаться наиболее влиятельной силой в СССР. Но для этого ей было очень важно вовремя осознать себя современной политической партией. Хорошо зная положение политических партий и методы их деятельности в десятках стран, на Западе и Востоке, в которых побывал в предыдущие годы, я старался привнести этот опыт в наши дела.

Однако найти свое место в формирующейся политической системе было непросто. Слабым местом партии оставались отношения с рабочим классом. Чувствовалось, как растет дистанция: рабочие все больше отдалялись от партии. Допускалась, вероятно, одна из серьезнейших ошибок. Надо было глубже понять экономические проблемы шахтеров, железнодорожников, энергетиков, работников военно-промышленного комплекса. Рабочий класс выдвигался на передний край политической борьбы, а большинство партийных работников отсиживалось в это время в своих кабинетах. Они сначала не заметили, а потом недооценили значение ухода рабочих из наших организаций. А между тем это было очевидно уже на примере шахтеров, которые бастовали по всей стране – в Кузбассе и на Урале, в Донбассе и Воркуте. Причем некоторые министры поняли это раньше политических лидеров. Хорошо помню, как эмоционально выступали министр угольной промышленности Щадов, министр железнодорожного транспорта Конарев, обращая внимание на тяжелейшие проблемы людей труда, подчеркивая открыто, что партия теряет рабочий класс со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Но как подступиться к рабочему движению? Крайне важной в этом смысле являлась организационная перестройка партийного аппарата. В КПСС продолжали действовать старые организационные принципы, работали райкомы, обкомы и т. д. Те же кузбасские шахтеры, развернувшие широкое движение протеста, отторгали эти структуры. Там весьма активно «работал» лидер Демократической партии России Николай Травкин. Ему удалось перетянуть на свою сторону часть авторитетных кадровых рабочих.

Перед Майскими праздниками в 1991 году я отправился на юго-восток от Москвы – в Рязанскую область. Это была не праздничная поездка. Хотел побывать на обычном российском заводе, попытаться найти ответы на волнующие меня вопросы. Какой должна быть «рабочая» политика партии, как привлекать на свою сторону рабочих после того, как в партийном аппарате

были упразднены отраслевые отделы, а КПСС полностью отказалась от выполнения хозяйственных функций? В Рязань меня пригласил первый секретарь местного обкома партии Л.И. Хитрун. Сказал, что рабочие ждут открытого, честного разговора. Мною двигал и чисто человеческий интерес. Чем дышит российская глубинка?

Некоторые выводы из той поездки я для себя сделал. Говорил о них на июльском Пленуме: «В стране появились новые формы рабочего движения. Но Центральный Комитет не уделяет им достаточно внимания. Недостаточно активно вырабатываются новые политические методы работы, направленные на установление прочных связей партии с разными социальными слоями, массовыми движениями». То же относилось и к внутрипартийной жизни. Нельзя было упускать ни одного ростка партийной инициативы «снизу». В Рязани я столкнулся с такими инициативами, был удивлен и обрадован: здесь проводились массовые кампании по поддержке партийной печати, ветеранам партии оказывалась материальная помощь.

На следующий день после посещения завода, побывав на праздничной Первомайской демонстрации, поехали в совхоз «Новая жизнь». По дороге остановились. Внимание привлекли необычно смотрящиеся с проезжей части здания. Оказалось, в рязанском совхозе «Пионер» идет строительство поточным методом монолитных жилых домов. «Добрая примета, – сказал Хитрун. – Где-то кипят политические страсти, а жизнь идет своим чередом».

Через полчаса сидевший на переднем сиденье помощник сообщил, что мы у цели. Обошлись без опоздания, но зал правления совхоза уже был полон. Меня узнавали, здоровались, я отвечал на приветствия.

Разговор начал директор хозяйства. Он официально представил меня и Хитруна. Поздравили с Первомаем, рассказали о том, как проходят майские торжества в Рязани. Помню, как просветлели лица, когда я сказал об уважении к нелегкому крестьянскому труду.

Все же главной темой разговора была политика. Кратко обозначил специфику текущего момента. Сообщил об апрельском Пленуме ЦК КПСС, о драматических эпизодах, когда положение Горбачева казалось висящим на волоске. Было много вопросов о многопартийности, о будущем страны. Отвечал в том смысле, что общество разбушевалось и его надо ввести в нормальное русло. Но это ни в коем случае не означает отката назад. Хотя кое-кто из сидящих в зале выглядел равнодушным, большинство, полагаю, разделяло мое убеждение, что в основе всего, что окружает

человека, лежит великое понятие труда. И на пути созидания мы – все вместе, сообща – можем добиться многого.

Алма-Ата. Доверительная миссия

Осенью 1990 года Горбачев попросил меня отправиться в Алма-Ату и получить согласие Нурсултана Абишевича Назарбаева занять пост вице-президента СССР. Михаил Сергеевич обосновал свое намерение желанием иметь Назарбаева рядом с собой. Введение должности вице-президента Горбачев рассматривал тогда как один из ключевых шагов для укрепления системы государственного управления.

Главным аргументом в пользу кандидатуры Нурсултана Абишевича был успешный опыт руководства огромной республикой в сочетании с глубоким знанием экономических и политических реалий. Немаловажно было и то, что Назарбаев хорошо понимал природу нашего многонационального государства.

Я охотно взялся за выполнение этой миссии, поскольку и сам считал Назарбаева наиболее подходящим кандидатом на пост вице-президента, личностью, которая могла бы консолидировать наше федеративное государство, проходящее сложный этап своей истории.

В Алма-Ате Назарбаев и его окружение встретили меня тепло и очень доброжелательно. Сказалось в том числе и то, что и раньше, в эпоху Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, я бывал в Казахстане, где по линии Движения афро-азиатской солидарности и Советского комитета солидарности стран Азии и Африки проводились крупные международные форумы с участием десятков зарубежных делегаций.

Хорошо помню свои встречи с Кунаевым. Он был воплощением крупного ученого, примером настоящего члена большой Академии наук СССР. Высокообразованный, мудрый человек и, кстати, прекрасный знаток природно-ресурсных и горно-геологических особенностей нашей большой страны. Его знания истории моей малой родины, Осетии, ее особенностей и традиций меня не раз приятно удивляли…

В декабре 1986 года Кунаева на посту первого секретаря Компартии Казахстана сменил первый секретарь Ульяновского обкома КПСС Геннадий Колбин. Так решили в Москве. Надо сказать, что это решение многими было расценено как совершенно неожиданное и странное. Люди не понимали, почему авторитетного не только в Казахстане, но и в стране и в мире человека, члена Политбюро ЦК КПСС, академика, решили заменить на малоизвестного Колбина. Он был опытным политическим руководителем, но до масштаба Кунаева ему было

очень далеко. Он ничего не знал о специфике республики, никогда там не работал, и его там тоже мало кто знал. А ведь в середине 1950-х годов первым секретарем ЦК Компартии Казахстана был сам Л.И. Брежнев. Казахстанцы привыкли к тому, что партийными руководителями в их республике являются крупные политические и государственные деятели. И вдруг – Колбин…

Поэтому избрание Н.А. Назарбаева первым секретарем ЦК Компартии Казахстана летом 1989 года было воспринято как запоздалое, но все-таки исправление допущенной политической ошибки и проявление доверия к народу республики. Как подтвердило время, казахстанцы обрели сильного лидера.

В Алма-Ате я поселился в правительственной резиденции, там же, где жил Нурсултан Абишевич. В течение нескольких вечеров у нас была возможность для неформальных бесед – о ситуации в стране, о проблемах и задачах, стоящих перед партией и государственным руководством. Суммируя точку зрения моего собеседника, скажу, что она аккумулировала его уверенность в возможности укрепления Советского Союза как единого федеративного государства. Но с обязательным усилением политической роли и предоставлении большей экономической свободы республикам, образующим СССР. К нашим беседам подключался крупный экономист с мировой известностью, гражданин США корейского происхождения доктор Хонг. Он считался одним из «архитекторов» южнокорейского «экономического чуда». В своих книгах и воспоминаниях Назарбаев высоко оценивает роль этого экономиста как советника и эксперта по реформированию экономической и финансовой системы республики.

Хорошо помню свою встречу с преподавателями и студентами Казахстанского государственного университета. Сначала в моей программе этой встречи не было, но я настоял на том, чтобы ее обязательно организовали. А как же иначе? Время было непростое, и я, как и многие в государственно-партийном руководстве страны, считал, что бывать в высших учебных заведениях, общаться с молодежью, с преподавательским сообществом крайне необходимо.

Накануне мы с Назарбаевым договорились, что я поеду в университет без него, возьму только своего помощника. Но в последний момент Назарбаев решил быть на той встрече. Он не сказал о причинах своего решения, а я о них не спросил. Но догадался. Зачем оставлять гостя из Москвы одного, лучше быть вместе. Это был с его стороны правильный поступок.

В большом актовом зале почти не было свободных мест. Мое

продолжительное выступление выслушали с большим вниманием. Были и аплодисменты. Но и вопросов, очень непростых, было много. Запомнилась одна записка, поданная из зала. Смысл ее был такой: «Зачем вы приехали к нам, ведь у нас здесь наш президент». Думаю, такие настроения разделяли не все сидевшие в зале. Но желающих уже тогда дистанцироваться от Москвы, от союзного Центра, особенно среди молодежи было в Казахстане, да и в том зале, наверное, тоже немало.

Та встреча была для меня и интересной, и полезной. А сам Казахстан, даже более чем раньше, произвел впечатление успешно развивающейся республики. В СССР Казахстан воспринимали как хлеборобный край, однако местная промышленность являлась одним из локомотивов союзной экономики, создавала индустриальную мощь нашей страны. Там была очень сильная инженерно-техническая интеллигенция, сохранившаяся и по сей день, когда в республике реализуются новые промышленные проекты.

И еще один немаловажный штрих. В 1990-м году в Кузбассе и Донбассе, в Ростовской области и республике Коми проходили мощные шахтерские забастовки. Рабочий класс бурлил в разных концах большой страны. В Казахстане, где находились Балхашский горно-металлургический, Карагандинский металлургический комбинаты, добывалась нефть Мангышлака, таких массовых протестных выступлений рабочего класса не было.

В конце моего пребывания в Казахстане я получил ответ на вопрос, ради которого приехал в республику. Назарбаев, как всегда, был серьезным и обстоятельным. Он дал согласие (не возражал) в случае избрания принять на себя ответственность, связанную с выполнением обязанностей вице-президента Советского Союза.

Возвратившись в Москву, я проинформировал Горбачева об итогах своей поездки. Сообщил о согласии Назарбаева баллотироваться на пост вице-президента. В то время я знал, что Горбачев уже перебрал многие кандидатуры. Мне кажется, что он проверял реакцию своего окружения на того или иного кандидата. И ему надо было выбрать кого-то одного.

Назарбаев, как я понимал, устраивал всех. И дело было только за тем, чтобы дождаться очередного пленарного заседания Съезда народных депутатов СССР, на котором и планировалось провести выборы вице-президента.

Съезд собрался в конце декабря 1990 года в Большом Кремлевском Дворце Съездов. Несколько дней обсуждали крайне насыщенную повестку дня. Заключительный вопрос – избрание

вице-президента. Но в результате шанс избрать наиболее подходящего кандидата на эту должность был упущен.

Расскажу, как это произошло.

Одним из первых на съезде с большим докладом по комплексу экономических вопросов выступил Назарбаев. В ходе выступления он заявил о безотлагательной необходимости выравнивания ценовой политики при закупках зерна. Обратил внимание на то, что стоимость горюче-смазочных материалов кратно выше закупочных цен на зерно, причем сделал это в достаточно жесткой форме.

Горбачев не ожидал такого выступления и воспринял его болезненно. Кандидатуру Назарбаева на пост вице-президента он предлагать не стал.

Историю невозможно подправить задним числом. Но о каких-то поступках приходится сожалеть.

Мое поколение политиков высоко ценит выдвинутую в 1994 году инициативу Н.А. Назарбаева о создании Евразийского союза. Союз, в состав которого сегодня входит пять суверенных государств, имеет хорошую историческую перспективу. Его развитие – это, возможно, самая главная цель, стоящая перед новым поколением политиков независимых государств постсоветской эпохи.

Съезд в Минске

Демократизация по-разному проявлялась в союзных республиках. Республиканские компартии всегда отличались друг от друга. Несмотря на общность идеологии, каждая имела национальные особенности. Сказывался разный уровень социально-экономического развития республик. В перестроечные годы эти различия не только не исчезли, но и во многом усилились.

Республиканские партии уже получили большую самостоятельность и искали возможности для развития в новых условиях. Порой это приводило к острейшим спорам, как, например, в Белоруссии, куда я приехал в ноябре 1990 года на XXXI съезд Белорусской компартии. До последнего дня планировалось участие в этом съезде Генсека. Но он, ссылаясь на занятость, поручил эту миссию мне.

В секретариате ЦК вопрос о проведении успешного съезда в Минске считали ключевым. Речь шла о крупной республиканской организации, внутри которой существовали разные политические течения. До раскола дело не доходило, однако уже появилась довольно влиятельная оппозиция. Первые политические шаги делал С.С. Шушкевич, тогда – член-корреспондент Академии наук БССР. Председателем Верховного Совета Белоруссии он стал в сентябре 1991 года, а в то время, когда я приезжал в республику, был первым заместителем Председателя республиканского Верховного Совета и уже пользовался определенным влиянием.

Я прибыл в Минск 27 ноября самолетом Аэрофлота. Как я говорил выше, спецрейсы для членов Политбюро, по инициативе самой партии, уже не использовались. Тем не менее начальник аэропорта в Москве проводил меня в депутатский зал и ускорил вылет, задерживавшийся из-за тумана. Минский аэродром работал в обычном режиме. Меня встречал первый секретарь Компартии Белоруссии Ефим Ефремович Соколов. С первой минуты не скрыл озабоченности:

– Почему не приехал Горбачев?

Я ответил, что Генеральный секретарь перегружен работой и что я привез его письменное приветствие съезду. Мы договорились, что сразу после официального открытия съезда я зачитаю обращение Горбачева к делегатам.

Вопрос о том, почему Генсек не приехал сам, не был для меня неожиданным. На съезде, кроме важных политических проблем, предстояло решить вопрос о новом секретаре Белорусской компартии. В соответствии с новым Уставом КПСС руководитель

республиканской организации автоматически становился членом Политбюро. Дело шло к освобождению Соколова от должности, поэтому личная беседа с Горбачевым была для него очень важна.

Особенность Белорусской компартии заключалась в том, что, кто бы ни возглавлял ее, он никогда не дотягивал до уровня Петра Мироновича Машерова, знаменитого и очень авторитетного руководителя республики в 1960—1970-х годах. Как бы ни старались работать последующие первые секретари, их положение оказывалось трудным. Нарекания были неизбежны. А Соколов, ко всему прочему, являлся не самым ярким представителем тогдашней советско-партийной элиты Белоруссии. Хотя в личном плане он был, безусловно, глубоко порядочным, достойным человеком.

Многие в республике считали, что сменить Соколова может более молодой и динамичный А. Малофеев, первый секретарь Минского горкома КПСС. В Москве, в секретариате ЦК, склонялись к такому же мнению.

В первый же день пребывания в Минске я встретился с руководством республиканского Верховного Совета, с секретарями областных комитетов партии. Беседы получились неформальными, доверительными. Для меня они были особенно полезны в связи с предстоящим выступлением на съезде.

Партийный форум начался на следующее утро. Съезд открыл Соколов. По заведенной традиции избрали президиум, секретариат, редакционную комиссию. Утвердили повестку дня: отчет о проделанной работе, обсуждение концепции Коммунистической партии Белоруссии, программа действий КПБ в рыночных условиях. Кроме того, предстояло обсудить проект нового Устава КПБ и провести выборы руководящих органов.

Затем слово предоставили мне. Зачитав обращение Генерального секретаря, рассказал о том, что предпринимает и намерен предпринять ЦК КПСС для вывода страны из острейшего кризиса. Высказал свою точку зрения на узловые общесоюзные проблемы, указав на серьезные неудачи и просчеты перестройки. Подчеркнул, что радикальная смена политического и экономического курса в направлении рынка и плюрализма застала многие партийные организации врасплох. При этом сослался на личные беседы с секретарями обкомов, партийных организаций крупных предприятий, научных учреждений. В заключение добавил, что преодоление глубокого кризиса в партийных рядах возможно только в атмосфере товарищества, доверия, сплоченной коллегиальной работы. Внутрипартийных вопросов в республике решил не касаться, чтобы не задавать тон дискуссии по данной проблеме.

Зал аплодировал. «По привычке или действительно понравилось?» – подумал я, возвращаясь в президиум. Мне хотелось, чтобы выдержанный тон моего выступления повлиял на общую атмосферу, задал спокойный ритм работы. Но этого не произошло. Поднявшийся на трибуну Соколов с ходу пошел в атаку: «Высшее руководство страны в начале перестройки не имело четкой программы преобразований. Не имеет ее и сейчас. Экономика рушится. Резкое падение жизненного уровня ведет к забастовкам. Стране угрожает анархия. Если дело пойдет так и дальше, народ нам этого не простит». – Все тезисы Соколова были остро критическими. Москве он поставил в вину непродуманную антиалкогольную кампанию, рост цен, а кроме того, необоснованное вмешательство в дела республики. Аргументируя последнее утверждение, Соколов обрушился с критикой на бывшего секретаря ЦК КПСС В.А. Медведева, который одобрительно отзывался о ходе перестройки в Прибалтике и критиковал Белоруссию.

После доклада начались прения. С критикой Соколова выступил первый секретарь Гомельского обкома партии Гороховский. «Соколов не на высоте, – говорил он. – Не всегда квалифицированно подходит к хозяйственным делам. Медленно решает проблемы, связанные с ликвидацией последствий Чернобыльской аварии». Гомельский секретарь призвал делегатов дать объективную оценку тем, кто привел страну к застою. Но также выразил сомнение в способности нынешнего руководства справиться с тяжелейшим кризисом, охватившим, по его словам, все республики Советского Союза.

Шквал критики нарастал. Слово предоставили министру культуры Белоруссии Вальковичу. Он начал с резкого осуждения деятельности кооперативов, которые скупали в магазинах товары народного потребления и перепродавали втридорога, чем провоцировали рост цен. Министр культуры обрушился и на бывшего члена Политбюро Яковлева – за его афоризм: «Все, что не запрещено, то разрешено».

«Общество стремительно делится на богатых и бедных, – продолжал Валькович, – а Яковлев и Медведев, развалив все внутри страны, теперь перебрались в Президентский совет, где занимаются внешней политикой».

Съезд Компартии Белоруссии продолжался пять дней. И все время острые дискуссии. В моих архивах и записных книжках осталось большое количество заметок. В Минске я получил существенно большее знание о положении дел на местах. Благодарен тогда и сейчас всем политикам и народу Белоруссии, что, несмотря на сложные обстоятельства того времени, они

очень достойно и ответственно судили о судьбе Советского Союза и его народа.

На пост первого секретаря Компартии Белоруссии было выдвинуто пять-шесть кандидатур. Но потом в списках для голосования осталось двое – Бровиков и Малофеев.

В.И. Бровиков был яркой личностью. В Белоруссии всегда гордились тем, что советским послом в Польше, особенно в послевоенные годы, традиционно назначали кого-то из политических деятелей этой республики. Это не считалось ни изгнанием, ни отдалением. Напротив, всегда рассматривалось как проявление особого доверия к Белоруссии, ее руководству. До работы в Польше Бровиков был Председателем Совета Министров БССР, а еще раньше возглавлял Витебский обком КПСС, работал секретарем ЦК КПБ по организационным вопросам. Словом, видный, достойный, очень волевой человек. Многие на съезде его поддерживали. Но передо мной стояла задача содействовать продвижению Малофеева.

Незадолго до поездки в Белоруссию я слышал выступление Бровикова на Пленуме ЦК КПСС. Его критика перестройки была тотальной. По всем направлениям. Сегодня, кажется, лучше понимаю его. Скорее всего, находясь в Польше, он увидел, к каким крайностям может привести непредсказуемое течение политической жизни, радикальные перемены в экономике. На его глазах Польская объединенная рабочая партия вступила в полосу серьезнейшего кризиса, ее руководитель Эдвард Герек лишился влияния в государстве, потерял пост в партии. И хотя в своих рассуждениях Бровиков не ссылался на польский опыт, он, вероятно, пытался оградить советскую компартию от повторения ошибок, аналогичных тем, которые совершались у него на глазах в Польше.

Не исключаю, что на том съезде Бровиков мог бы стать первым секретарем Белорусской компартии. Не последнюю роль в решении большинства делегатов, отдавших предпочтение Малофееву, сыграло состояние здоровья советского посла в Польше. В то время Бровиков был тяжело болен. Это особенно бросилось в глаза, когда он поднимался на трибуну.

Перед завершением съезда слово предоставили мне. Я поблагодарил Соколова за многолетний труд. Отметил, что перестройка действительно столкнулась с большими трудностями, которые вначале невозможно было предвидеть. Переход от командной экономики к рыночным отношениям оказался невероятно трудным. Аналогов реформирования такого рода в мировой практике не существовало. Пояснил отношение ЦК КПСС к свободе печати. Принцип партийности сохранился

только для газет и журналов, принадлежащих КПСС. Я знал, что немало делегатов считают свободу прессы «чрезмерной». И не рассчитывал на их позитивную реакцию. Когда сказал, что партия отныне не командует, как прежде, прессой, зал недовольно загудел. Такую реакцию можно было понять. Оппозиционные СМИ не работали на консолидацию общества. Но в то же время ограничение свободы печати означало бы возвращение к временам, когда информация строго дозировалась, зависела от цензуры. Возвращение к старой практике было немыслимым.

По-человечески тронула сцена передачи дел одного секретаря другому. Уходящий не затаил обиду, победитель не проявил подчеркнутого превосходства. Эту искренность я почувствовал, когда мы втроем встретились после окончания съезда, вечером, в неформальной обстановке. Лишний раз убедился, что товарищеские отношения в партии не просто расхожая фраза. Не всегда и не все готовы переступить через них ради эгоистических соображений.

На следующее утро, перед отлетом в Москву, встречался с идеологическим активом. Вопросов задавали много. Чувствовалась определенная растерянность, желание получить конкретные установки – как действовать в непривычных условиях. При этом в вопросах не сквозило желание подловить на противоречиях. Люди действительно хотели разобраться в политических проблемах, посоветоваться, выработать продуманную позицию. Хотя дискуссия была острой, она проходила в доброжелательной атмосфере.

На обратном пути в Москву обдумывал произошедшее на съезде. На душе было тревожно. Конечно, мы начинали осваиваться с гласностью и плюрализмом. Раскованность делегатов съезда КПБ не знала границ. Но ведь на девять десятых все то, о чем они говорили, – правда. Куда мы придем завтра? Сможем ли выбраться из трясины кризиса и разброда? Сумеет ли партия адаптироваться к обновляющейся политической системе?

Между тем к концу 1990 года Белоруссия была далеко не самым сложным регионом СССР. В других республиках, особенно в Средней Азии и Закавказье, форсированная «суверенизация» партийных организаций по национально-территориальному признаку вела к расколу ее рядов, что, в свою очередь, подрывало целостность СССР. В некоторых республиках часть партийных работников переходила на узконациональные позиции. В республиках Прибалтики, например, компартии приняли собственные уставы. В Средней Азии возникли оппозиционные течения исламистского толка. Все это вело к опасному ослаблению общесоюзного государства, обострению борьбы за

власть, к активизации деструктивных популистских сил.

Глава 4
Стратегия обновления

Какая программа нам нужна?

Предполагалось, что центральной темой XXIX внеочередного съезда КПСС, который намечалось провести в конце 1991 года, станет обсуждение новой стратегии партии. К тому времени потребность в основательном обновлении программных установок ощущалась очень остро. Причем не только из-за причин внутреннего характера. Окружающий мир кардинально, стремительно менялся. Особенно в производственной сфере. То, что еще вчера казалось диковинкой научно-технического прогресса, назавтра поступало в массовое производство, а спустя какой-то срок утилизировалось, часто без ущерба для экологии, чтобы через некоторое время уступить место новым изобретениям. «Инновация», «союз науки и производства» стали одними из наиболее популярных понятий среди интеллектуалов всех стран мира. В Советском Союзе фундаментальная и прикладная наука, с одной стороны, и производство – с другой, были разделены почти непроницаемой стеной. Исключения, в основном в сфере ВПК, лишь подтверждали общее правило.

Нечто подобное можно было наблюдать и в сфере политического процесса. Сама повседневность заставляла политическую технологию повернуться лицом к реальному человеку, к его действительным, а не надуманным потребностям, предпочтениям, задачам. Именно эти обстоятельства усиленно подталкивали к разработке нового проекта программы КПСС. Несмотря на то что обстановка в обществе была чрезвычайно напряженной, мы верили, что есть реальные пути достижения коренного перелома в нашем развитии.

Комиссия по подготовке проекта была образована летом 1990 года на XXVIII съезде КПСС. Ей было поручено на основе программного заявления этого форума подготовить проект новой программы и в первой половине следующего года (не позднее июля 1991 года) вынести его на общепартийную дискуссию.

Ответственным за эту работу был назначен Горбачев. 16 января 1991 года программная комиссия из 134 человек под председательством Генсека собралась в полном составе на свое официальное заседание.

Всем участникам был роздан документ под названием «О концепции новой программы КПСС». В нем содержались структура новой программы, рекомендации для разработчиков проекта. В преамбуле предлагалось кратко обосновать необходимость создания новой программы, раскрыть ее отличия от прежних программ партии и показать преемственность с ними.

Представленная членам комиссии концепция учитывала многие перемены, происшедшие в нашем обществе в ходе перестройки. Думаю, по своему первоначальному замыслу, если бы он был реализован, новая разработка стала бы трудночитаемым, громоздким теоретическим трактатом. Но тогда, в январе 1991 года, на это не обращали особого внимания. Главное состояло в том, чтобы ответить, хотя бы частично, на вызовы времени.

Ровно в полдень Михаил Сергеевич начал выступление на заседании комиссии. Генеральный секретарь подчеркнул, что всем надо иметь четкое представление о той работе, которую мы хотим провести. Программный документ должен получиться доходчивым и мобилизующим.

– Что для этого надо сделать в первую очередь? – спрашивал Генсек. И сам же отвечал: – Нужен глубокий анализ того, что произошло в стране за последнее время. От идеологической одномерности мы перешли к более полному, универсальному восприятию духовных ценностей. Но, осуждая преступления сталинизма, коммунисты не позволят очернить Октябрьскую революцию и ее достижения. – Здесь Горбачев сделал паузу и оглядел зал. Все своим видом показывали, что согласны.

Само собой, в международный раздел проекта программы должны были войти новые критерии мирового общественного прогресса, объемная и реалистическая картина состояния современного мира.

В этой связи хочу напомнить о важной детали. Вопрос о дрейфе к капитализму даже в форме НЭПа в ту пору никем не ставился. Напротив, у Запада хотели взять его наиболее развитые, оптимально приспособленные к жизни социума «социалистические элементы». Тогда весьма популярен был афоризм писателя Чингиза Айтматова, заявившего на одном из съездов, что реального социализма больше в странах Запада, чем в нашей стране.

Было желание более эффективно, чем ранее, воспользоваться за счет совершенствования управления огромным социалистическим потенциалом и наверстать упущенное. Речь не шла о том, чтобы вводить в стране частнокапиталистические порядки. Продолжая эту мысль, замечу, что все движения политической оппозиции в странах так называемого Восточного блока, начиная с «Пражской весны», были нацелены на раскрытие демократического, гуманного потенциала социализма, а вовсе не на его ликвидацию, как это иногда представляется в некоторых публикациях.

Тем временем Генеральный секретарь, как и ожидалось,

предложил установить трехмесячный срок для представления первого варианта проекта Пленуму ЦК КПСС. Если Центральный Комитет сочтет этот документ подходящей основой для дальнейшей работы, то текст можно будет опубликовать для более широкого обсуждения. Предложение Горбачева было поддержано.

После этого январского заседания разработка нового программного документа партии пошла полным ходом. И это не было ни конъюнктурным, ни случайным процессом. Колоссальный темп изменений, происходивших в мире, поражал тогда, наверное, даже самое бедное воображение. Всего четыре года отделяли нас от принятия очередной редакции третьей программы КПСС, в которой, как казалось тогда, содержались рецепты на все случаи жизни. Тем не менее жизнь все эти годы не стояла на месте. Ее требованием становилось непрерывное движение вперед. У КПСС появились конкуренты внутри страны в виде новых партий и объединений, претендовавших на собственное слово и место в политике.

Без преувеличения можно сказать, что наступал переломный период в обновлении общества. Речь шла не просто об очередных, пусть и чрезвычайно важных задачах, но об изменении сущности политической системы СССР – второй после США мировой сверхдержавы. Было очевидно, что КПСС в ее прежнем виде во многом исчерпала свой исторический ресурс. Кардинальное обновление стало для нее жизненным императивом. Перед партией встала дилемма: либо радикально реформироваться, либо уступить лидерство другим политическим силам.

Вероятно, каждый из участников разработки проекта новой программы в глубине души осознавал это. Но при этом почти у каждого было свое видение сложнейших общественных проблем, собственные взгляды на причины системного кризиса в стране и на возможные пути его преодоления. Наличие такого «разнобоя» во взглядах и позициях важно учитывать для понимания специфики того исторического периода. Хотя существовало и совпадение мнений, в основном о необходимости демократизации общества и партии, реформирования экономики, построения правового государства. Признание этих императивов объединяло и тех, кто призывал не торопиться, проводя реформирование постепенно, и тех, кто выступал за ускорение реформ.

Было в целом и общее понимание того, что партия – это только часть общества. А потому она обладает политическим влиянием лишь тогда, когда опирается на авторитет убеждения, но никак не на отжившие авторитарные методы.

Участники круглого стола по проекту программы, который состоялся незадолго до того январского совещания, ставили вопросы о приоритетных целях партии. Отвечая на них, я, в частности, говорил не только от своего имени, но и отражал точку зрения, выработанную в ходе предварительных дискуссий на заседаниях Программной комиссии. Мы считали, что КПСС должна стать партией социальной защиты трудящихся. Провозглашая равноправие форм собственности, партия не должна жалеть сил, чтобы не допустить незаконного присвоения доходов и прибыли. Если это не будет сделано, КПСС рискует потерять доверие народа, окажется на обочине политического процесса.

Конвергенция и изменившийся мир

Наша страна никогда, даже в годы холодной войны, не жила в международном политическом вакууме. Ни после революции, ни до войны, ни во время послевоенного восстановления, ни особенно позже: в 1960-х, 1970-х и все последующие годы. В то время в мире происходили глубокие, масштабные процессы, имевшие самое прямое отношение к нашей политической эволюции.

Приступая к обязанностям секретаря ЦК и члена Политбюро, я при первой же встрече с главным редактором журнала «Коммунист» Наилем Биккениным сказал, что социал-демократическая тема вызывает повышенный интерес, ее стоит постоянно вести и углублять в журнале. Биккенин и сам думал так же. В августе 1990 года в журнале появилось исследование историков М. Неймарка и С. Ястржембского (впоследствии он проявил себя еще и как дипломат и политик) «КПСС и социал-демократия: новые аспекты взаимоотношений». В статье говорилось о возросшем интересе в СССР к социал-демократическому опыту, традициям, ценностям. Отмечалось, что важно определить суть современного социал-демократизма, соотнести с ним «нашу собственную самобытность, увидеть различия и сходство, обозначить те практические наработки социал-демократии, которые можно использовать в интересах перестройки». Нельзя было не видеть углубляющийся разрыв между идеалами и действительностью, феномен «разочарованного социалистического сознания».

Истоки его, думаю, находились не только в материальной сфере. Поясню свою мысль. Перестройка родилась в недрах советского общества. В СССР для нее созрели все объективные и субъективные предпосылки. Мобилизационная модель развития, пригодная для чрезвычайных ситуаций (ликвидация последствий войны, форсированное создание промышленной базы и пр.), себя исчерпала. Но не столько в смысле истощения производительных сил, научно-технического потенциала или в результате изматывающей гонки вооружений, как утверждали некоторые специалисты на Западе. Разочарование в социализме наступило потому, что разрыв между провозглашаемыми, как правило завышенными, целями и скудностью обыденной жизни стал восприниматься как закон повседневности.

В редакции третьей программы КПСС, принятой на XXVII съезде партии в 1986 году, выдвигались вполне реальные цели. Скажем, в экономической области: «подъем народного хозяйства

на принципиально новый научно-технический и организационно-экономический уровень, перевод его на рельсы интенсивного развития».

Между тем окостеневшие методы управления, удручающая невосприимчивость нашей экономики к новейшим техническим разработкам и научным открытиям ставили под вопрос вероятность достижения поставленных целей. Замалчивать это стало уже невозможно. Слишком многим стало очевидно, что основополагающие документы партии резко контрастируют с реалиями жизни. Выводы из этого понимания для большинства людей были неутешительными.

При работе над проектом новой программы приходилось анализировать не только исторические особенности развития нашей страны. Необходимо было сопоставить две общественно-политические системы. Так ли уж они не похожи друг на друга? Ответить на вопрос: почему наша страна, вышедшая первой в космос, давшая миру выдающихся ученых, не в состоянии полномасштабно поставить на службу своим гражданам крупные достижения научно-технической революции? Почему сотни научных открытий мирового уровня не находят у нас применения?

Разработчики проекта новой партийной программы в полной мере осознавали, что человечество уже вступило в эпоху постиндустриального общества, в эру информационной революции. Невиданные в прошлом экономические, политические, социальные, культурные перемены сопровождались коренными изменениями в характере трудовой деятельности, в образе жизни миллионов и даже миллиардов людей. Мировому сообществу на основе коллективных усилий приходилось решать неотложные проблемы экологии, продовольствия, занятости, устранения бедности. И в этом смысле мир превращался во взаимозависимую, взаимосвязанную целостность.

Эти новые явления ощущались уже в 70—80-х годах XX века. Разные социальные системы – условно обозначаемые как «социализм» и «капитализм», – действуя в условиях мировой биполярности, начинали все глубже влиять друг на друга. Намечалось их постепенное сближение: по способам действия, ценностным ориентирам, организационным структурам, элементам коммуникации. Позже возвестила о себе информационная революция. Взаимодействие между «социализмом» и «капитализмом» шло по экономическому, политическому, культурному, научному, многим другим направлениям.

Американские социологи, первыми обратившие внимание на этот процесс, называли его «конвергенцией». В биологии, откуда заимствован этот термин, он обозначает возникновение симбиозных признаков у далеких по происхождению, но обитающих в сходной среде организмов. Социальная теория конвергенции утверждает, что развитие всех индустриальных обществ подвержено общим фундаментальным закономерностям. Неудивительно, что основные социально-политические доктрины – либерализм, консерватизм, социализм – постоянно взаимодействуют и сближаются.

Составители проекта новой программы партии прекрасно понимали, что «классовый подход» уже почти ничего не объясняет в жизни современного общества и поэтому тормозит развитие теоретической мысли партии.

В процессе разработки новой стратегии КПСС постепенно шла к признанию этих истин, с тем чтобы существенно «осовременить» свой идейный арсенал, сделать его более адекватным процессам, происходящим в мире. Научный и духовный потенциал нашего общества для этого был вполне достаточен.

В Советском Союзе одним из теоретиков и сторонников идеи сближения, конвергенции соперничающих социальных систем был директор Института мировой экономики и международных отношений академик Николай Николаевич Иноземцев. Человек непростой судьбы, фронтовик, он сел за студенческую скамью лишь после окончания войны. К концу 1970-х годов Иноземцев уже был признанным авторитетом в академических кругах. Он создал уникальную научную школу, подготовил ряд серьезных трудов по проблемам внешней политики, мировой экономики и международных отношений. До перехода на научную работу некоторое время Иноземцев работал на руководящих постах в аппарате ЦК КПСС. Пользуясь своим авторитетом, в ряде публикаций осторожно развивал идею конвергенции. Речь шла о том, чтобы и в теории, и в нашей практической политике учитывать сдвиги, вызванные научно-технической и технологической революциями. В СССР были и другие ученые, понимавшие, что состязание разных социально-экономических систем существенно дополняется их взаимным сотрудничеством, проходит не столько в форме классовой борьбы, сколько по линии цивилизованного «партнерства-соперничества» в области экономики, социальной политики, научно-технического прогресса.

Однако в условиях холодной войны восприятия нашей страной новых форм организации общества и производства,

позитивно зарекомендовавших себя на Западе, почти не происходило. Тому были и объективные, и субъективные причины, которых я не буду здесь касаться. Немалый ущерб наносила необоснованная вера в то, что пройдет еще немного времени и социализм победит в планетарном масштабе. Поэтому не случайно в СССР понятие «конвергенция» и фундаментальный социальный процесс, стоящий за ним, долгое время не воспринимались должным образом.

Широко известно, что в XX веке поиск оптимальных форм организации общества и государства во многих странах проходил под значительным влиянием опыта СССР. Достижения Советского Союза в обеспечении социальной справедливости были заразительными, постоянно выплескивались за границы страны. Проигнорировать эту тенденцию даже высокоразвитым государствам было непросто.

Ахиллесовой пятой нашей экономики было то, что изобретения, внедряемые в оборонной промышленности, в сфере космоса, чаще всего оставались тайной за семью печатями для гражданских технологий. Между советской оборонкой и гражданкой в годы холодной войны была воздвигнута хотя и не сплошная, но все же довольно труднопреодолимая преграда – отчасти по соображениям секретности, но в немалой степени и по идеологическим мотивам. Десятилетиями Советский Союз производил новейшие вооружения на одних предприятиях, а товары народного потребления – на других и по совершенно иным технологиям. Американцам удалось избежать столь жесткого разделения производства, и это способствовало упрочению их лидерства на мировых рынках высоких технологий. Признание теории конвергенции могло бы побудить лидеров СССР более внимательно отнестись к зарубежному опыту. Однако, по моим наблюдениям, даже члены Политбюро имели довольно смутное представление о возможностях реформирования советской оборонной промышленности. При этом некоторые даже не помышляли о том, чтобы узнать истинное положение дел. Такова была сила неписаных традиций и стереотипов мышления того времени.

Непомерные расходы на оборонку в сугубо мирных условиях дорого обходились нашему обществу. Народ запредельной ценой оплачивал гонку вооружений. Товарный дефицит в значительной степени являлся следствием такой политики. Причем в это же время по другую сторону от «реального социализма» буквально на глазах менялись к лучшему условия жизни миллионов людей труда, быстрыми темпами рос средний класс. Как ни парадоксально, это происходило и в странах, потерпевших

поражение во Второй мировой войне (Германии, Японии, Италии и других).

Авторы и действующие лица

На уже упомянутом заседании программной комиссии 16 января было решено сформировать творческие коллективы по подготовке разделов проекта нового документа, привлечь к работе научные учреждения, средства массовой информации. Партийным организациям и комитетам было предложено активно включаться в новое начинание.

Была образована рабочая группа для рассмотрения предложений по проекту. Ее возглавили заместитель Генерального секретаря Владимир Ивашко и главный редактор «Правды» Иван Фролов. Мне была поручена подготовка третьего раздела программы, который назывался «Перестройка: смысл и предназначение, итоги и противоречия». В рабочую группу вошли директор Института общественных наук профессор Ю.А. Красин, секретарь ЦК КПСС, заведующий Отделом ЦК КПСС по связям с общественно-политическими организациями В.А. Купцов, директор Института государства и права Академии наук СССР Б.Н. Топорнин, секретарь ЦК КПСС, заведующий Международным отделом ЦК КПСС В.М. Фалин и другие – всего 35 человек.

К подготовке разделов программы подошли основательно. Рабочие группы были созданы по каждому разделу. Их возглавили секретари ЦК КПСС Г.В. Семенова («Оценка пройденного пути»), В.М. Фалин («Социализм в контексте мировой цивилизации»), Е.С. Строев и О.Д. Бакланов («Выход из кризиса – первостепенная задача»), А.Н. Гиренко («Создание предпосылок для продвижения к гуманному, демократическому социализму»), О.С. Шенин («К новой партии»), В.А. Купцов («Многообразие интересов общества»).

Надо сказать, что необходимого согласия и координации в работе комиссии не было. Внутри ее постоянно шла, внешне не очень заметная, но, по сути, весьма жесткая борьба за определение ключевых положений стратегического развития. В какой-то период вторым человеком в комиссии после Горбачева, который курировал работу формально, постоянно отвлекаясь на другие дела, был Ивашко. Как бывший научный работник, преподаватель высшей школы, он подошел к порученному основательно. Однако потом он отошел от работы, и его заменял Фролов. Однако и его председательство продолжалось недолго. На заключительном этапе работы обязанности руководителя рабочей группы Горбачев возложил на меня. Я провел несколько заседаний, на которых обстоятельно обсуждались разделы, связанные с отношением партии к науке, образованию, ролью в

обществе интеллигенции, вопросам парламентаризма, пониманию многопартийности в правовом государстве.

В аппарате ЦК работать над программой партии мне помогали заведующий идеологическим отделом, прекрасный историк и организатор А.Я. Дегтярев, руководитель группы консультантов Ю.И. Филиппов, известный ученый-историк В.Ф. Ли, мой помощник В.А. Червиченко, многие другие сотрудники.

На заседаниях комиссии давали о себе знать политическое противостояние, ожесточенная, хотя и сильно завуалированная полемика. Это было вполне естественно. Мы находились в самом начале неизведанного пути, когда любая неожиданная находка могла оказаться спасительным средством, возвращающим больного к жизни.

В многомиллионной партии, переходившей к широкой демократизации, и не могло быть полного совпадения взглядов. В те дни на Старую площадь поступали тысячи писем с мест. Люди стремились донести самое важное. Конечно, хотя бы прочесть все было невозможно. И все-таки наиболее интересные идеи в том или ином виде вошли в проект, обнародованный позднее для обсуждения.

Повторю, борьба не прекращалась ни на минуту. Так, обсуждение проекта программы партии вызвало острейшие дискуссии по вопросам о земельных отношениях и средствах массовой информации. На первом же совещании с главными редакторами партийных изданий я попросил их уделять особое внимание общепартийной дискуссии по проекту программы. И ни в коем случае не ставить при этом заслон для обсуждения альтернативных предложений. Дискуссия должна была стать своеобразным референдумом о том, какой быть партии, как ей действовать в новых условиях.

Результаты превзошли все ожидания. В итоге появилось по меньшей мере пять вариантов новой программы. Еще недавно такое «вольнодумство» было невозможным. Но теперь никому не возбранялось высказывать собственную точку зрения по любому вопросу партийной жизни.

Альтернативные проекты предложили Компартия России, группа ученых под руководством профессора Ричарда Косолапова, Движение коммунистической инициативы, группа научных работников АН СССР, клуб «Постперестройка».

Различия, причем немалые, между проектами программы, хорошо просматривались. В основном речь шла о различиях между демократами и консерваторами в КПСС. Особенно жесткой была позиция сторонников Российской компартии, которые утверждали, что руководство КПСС во главе с Горбачевым якобы

перешло на «оппортунистические позиции», отказалось от идеалов социализма. Это предвещало еще большее обострение борьбы в недалеком будущем.

В ходе работы над проектом, особенно над его экономическими формулировками, мне приходилось встречаться со многими известными экономистами. Любопытно, что рыночником в той или иной степени считал себя практически каждый. Однако все трактовали рынок по-своему. Поэтому было крайне трудно договориться о практических методах реформирования экономики. Все понимали назревшую необходимость децентрализации, либерализации хозяйственных взаимосвязей, но никто не ставил вопроса о приватизации.

Регулярные встречи с видными деятелями науки и культуры давали много полезного. В состав постоянных комиссий вошли известные представители творческой интеллигенции. Тогда в зданиях на Старой площади стали часто появляться историк Рой Медведев, недавно избранные в члены Центрального Комитета экономисты Лацис и Бунич, известные актеры Ульянов, Губенко и другие. Это были авторитетные в обществе люди, общение с которыми было очень полезно для получения дополнительной информации о состоянии умов в обществе.

Мы готовы были сотрудничать со всеми политическими силами, за исключением явных экстремистов и сепаратистов. Не отвергали возможность диалога с радикальной демократической оппозицией. Но, к величайшему сожалению, очень мешало резкое размежевание политических сил. Возникли партии и движения, идейным кредо которых стали национализм, сепаратизм, деструктивная позиция по отношению к КПСС, к государственной власти. С этими силами диалога у нас не получилось, да и не могло получиться.

Стремление к обновлению партии, демократизации общественных отношений не было для нас просто дежурной декларацией, как это пытались представить некоторые наши недобросовестные оппоненты. Не припомню ни одного заседания Политбюро, на котором подверглись бы сомнению принципы демократического переустройства общества, необходимость радикальной перестройки экономики, правомерность многообразия форм собственности. Новое понимание социальных и политических ценностей рождалось в острых дискуссиях и спорах на Старой площади. Двери были широко открыты для ученых, партийных руководителей и рядовых коммунистов, нередко вносивших дельные предложения.

Кратко остановлюсь на работе клуба «Постперестройка» под руководством Сергея Кургиняна. В разработке справедливо

отмечалось, что в истории нашей партии наступил момент, требующий переосмысления не отдельных положений марксистской теории, а обновления всей теоретической базы партии. Но аналогичный вывод содержался и в нашей концепции программы. Так что авторы альтернативного проекта двигались параллельным курсом.

Другая мысль членов клуба «Постперестройка» – о характере общественного прогресса была достаточно важной, но не оригинальной. Идея о том, что развитие человечества предполагает неожиданные зигзаги, откаты назад, неоднократно высказывалась в марксистской теории. При подготовке нашего проекта программы мы исходили из того, что общественный прогресс – это процесс, хотя и детерминированный наличными условиями и набранной инерцией движения, но никем и ничем до конца не предопределяемый. Он постоянно подвергается воздействию общественных сил и личностей. Воздействию, способному вызывать как энергию творчества, так и стихию социального разрушения.

Еще один проект программы партии, заслуживавший внимания, опубликовала весной 1991 года ленинградская газета «Воля». Его автором стала «Программная рабочая группа Движения коммунистической инициативы», возникшая в кулуарах съезда коммунистов России.

Не было сомнения в том, что сторонники движения искренне стремились отстоять гуманистические ценности, являлись в целом сторонниками социалистического развития страны. Инициаторы проекта ссылались на Декларацию независимости США, Декларацию прав человека и гражданина времен Французской революции, Всеобщую декларацию прав человека, Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе и ряд других авторитетных документов.

Но при всем внешнем сходстве некоторых общих положений между уже имевшимися проработанными предложениями программной комиссии КПСС и ее леворадикальными критиками сохранялись тем не менее принципиальные различия. Наши оппоненты исходили из постулатов, которые были пересмотрены еще до перестройки. В статье отмечалось: «Естественной реакцией на социал-демократический и социал-реформистский уклон в КПСС, выразившийся в линии ее горбачевского руководства, является резко критическое отношение ко многому из того, что в ходе „перестройки“ вошло в нашу жизнь». Также вызывало неприятие понимание социальной базы партии. За годы своего существования она стала общенародной, включала уже не только рабочий класс, но и крестьянство, интеллигенцию, другие

социальные группы. Призывы сторонников «коммунистической инициативы» сделать ставку исключительно на рабочих свидетельствовали о том, что они не понимают, в каком обществе живут.

Общей чертой всех проектов программы было то, что каждый из них, несмотря на заметные отличия, был связан с основами марксистской теории. Но теоретическое наследие само нуждалось в обновлении. Комиссия по подготовке новой программы партии высоко оценивала идейную базу марксизма и в то же время указывала на то, что ни одна теория не в состоянии объять все многообразие жизни.

В сентябре 1990 года, выступая на Всесоюзном совещании обществоведов в Москве в актовом зале МГУ, я отметил в этой связи: в современных условиях необходимо отказаться от раболепного отношения к «классическому наследию». Не рассматривать его как единственный источник развития теоретических взглядов на современное общество. Не отвергать с порога немарксистские взгляды, а критически осваивать богатство всей мировой общественной мысли, настойчиво и непредубежденно искать адекватные ответы на вызовы времени.

Мне не раз приходилось в те дни выступать в научных коллективах. И всякий раз я убеждался, что снятие идеологических запретов пошло только на пользу сообществу ученых. Научная мысль обретала наконец свою естественную среду обитания – духовную свободу. Появилась возможность творчества, конкуренции теоретических концепций.

Но основная полемика по проекту программы велась в программной комиссии. Дополнительный импульс общепартийной дискуссии дали статьи М.С. Горбачева, опубликованные в журнале «Коммунист» в 1989–1990 годах. Социалистическая идея (а не ее конкретные исторические, преходящие формы) определялась как «надежный ориентир» в познании и преобразовании социальной практики. Этот тезис являлся как бы теоретическим отголоском известного афоризма: «Движение – все, конечная цель – ничто». Такая трактовка была созвучна взглядам австрийских социал-демократов 20-х годов минувшего века. Тогда Отто Бауэр ввел в оборот понятие «эмпирический социализм», имея в виду различные воплощения социалистических идей в разных странах и особо указывая на необходимость соотнесения идеи социализма с фактами. Но эти далеко идущие взгляды еще предстояло осмыслить. Они, по существу, остались без внимания.

«Еврокоммунизм» и «демократический социализм»

Политические и социальные факторы, оказывавшие влияние на Западную Европу, отличались от действовавших приблизительно в то же время в нашей стране. И все-таки некоторые аналогии существовали.

В условиях относительной стабилизации мировой экономики социалистические, коммунистические и рабочие партии Западной Европы добились в 1970—1980-х годах внушительных успехов. В 1969 году федеральным канцлером ФРГ стал председатель Социал-демократической партии Германии (Западного Берлина) Вилли Брандт. Он был первым социал-демократом, пришедшим к власти в западноевропейской стране после Второй мировой войны. В 1981 году президентом Французской Республики был избран руководитель Французской социалистической партии Франсуа Миттеран. Он пробыл на высшем государственном посту четырнадцать лет. В Италии, с ее очень динамичной политической жизнью, левые в разные периоды входили и до сих пор входят и в коалиции парламентского большинства, и в правительство. На парламентских выборах 1979 года итальянские коммунисты, фактические предшественники Демократической партии левых сил Италии, набрали фантастическое число голосов избирателей – почти треть, 30,4 процента. В Испании их коллегам тоже сопутствовал успех. Первым председателем-социалистом испанского правительства в декабре 1982 года стал Фелипе Гонсалес. С 1974 года он был первым секретарем Испанской социалистической рабочей партии, когда она еще находилась на нелегальном положении из-за репрессий режима Франко. Традиционным было влияние левых в странах Северной Европы, где они почти всегда чувствовали себя хозяевами положения. А чего стоят впечатляющие победы партий левосоциалистической ориентации в ведущих странах Европейского союза в конце 1990-х годов! Кто бы мог предсказать такое развитие событий всего за десять лет до этого?

Словом, внушительные достижения левых сил в Европе нельзя было игнорировать. Поэтому вполне естественно в ходе работы над проектом программы перед нами возник вопрос: что мы, в СССР, можем почерпнуть для себя позитивного из опыта европейских левых, накопленного за десятилетия политической деятельности в условиях политической демократии? И каков мир западноевропейской политики вообще?

Большинство представителей западноевропейских социал-демократических и коммунистических партий приблизительно к середине 70-х годов XX века научилось весьма гибко и эффективно реагировать на происходящие в их странах в условиях научно-технической революции перемены – политические, социальные, духовные, технологические, интеллектуальные. Политики левого спектра в целом объективно оценивали сложную обстановку в СССР и странах социалистического содружества в послевоенные годы.

Выросшие, образно говоря, из одного социал-демократического корня, левые Западной и Восточной Европы заметно отличались друг от друга тем, что первые, как правило, быстрее и динамичнее отвечали на происходившие вокруг них бурные изменения. Это было связано как с более ощутимым, нежели на Востоке, давлением избирателей, так и с традицией более оперативного и эмоционального реагирования на политические события в своих странах. Любопытно, что бюрократический централизм (аналог командно-административной системы), не способный сделать рациональные выводы из научно-технической революции, Французская коммунистическая партия (ФКП) начала критиковать еще в конце 1960-х годов, то есть за десятилетия до того, как подобная критика развернулась в СССР.

На мой взгляд, именно эта идущая от реальной жизни политическая тенденция, включающая динамичное видение и трезвую оценку научно-технического прогресса и социальных изменений, перспектив эволюции демократии с точки зрения социалистических ценностей, и составила базис «еврокоммунизма». Интересно, что еще за несколько лет до того, как этот термин получил широкое хождение, левые силы – коммунисты и социалисты Французской Республики – подписали текст совместной правительственной программы, которая, по их замыслу, должна была открыть стране путь к демократическому социализму. Это произошло летом 1972 года, когда ни социалисты, ни коммунисты в силу ограниченности их политических возможностей не были способны самостоятельно реализовывать программы подобного масштаба. Иными словами, теория и пропаганда движения левых сил проявили тенденцию к опережению практики. И это помогало завоевывать симпатии избирателей.

По оценке члена руководства Итальянской компартии, главного редактора газеты «Унита» Массимо Д'Алемы, генетически понятие «еврокоммунизм» складывалось в 70-х годах XX века по мере все большего неприятия компартиями Италии,

Испании, Франции и других стран практики так называемого реального социализма. Еврокоммунистами называли себя члены компартий Японии, Австралии, Швеции. Все они видели, что реальный социализм советского образца, выполнив важные исторические задачи, ведет в новых условиях к застою, к произволу бюрократии, неоправданному, как они утверждали, насилию над правами личности. В конечном счете – к кризису общества в целом. Вместе с тем – это очень важно – еврокоммунисты никогда не отрицали весьма значимых достижений Советского Союза в годы социалистического строительства.

Действуя под неослабевающим прессом своих политических противников с их хорошо отлаженной пропагандистской машиной, еврокоммунисты буквально каждый день обозначали грани и барьеры, делающие уникальными их идейные ценности и культурные позиции в сравнении с тем, что предлагали партии, находящиеся у власти в государствах социалистического содружества. Такой гранью прежде всего стала для них тема нового гуманизма и политической демократии – ее универсальной значимости в социальном прогрессе, в эволюции общества и, разумеется, развитии социализма.

В контексте этих поисков еврокоммунисты поставили вопрос об этике новой политической культуры, которая идет не только на смену традиционному буржуазному этосу, но и авторитарным, тоталитарным методам господства и управления. Они полагали, что, базируясь на процессах разрядки и общеевропейского диалога по проблемам безопасности, необходимо начать или хотя бы обозначить переход к новой международной культуре взаимозависимости. Цель данного перехода – подняться на новую ступень сотрудничества между разными странами, государствами, общественными системами.

Прежде всего, теоретики еврокоммунизма поставили под сомнение известные пропагандистские спекуляции типа «одни проблемы порождены капитализмом, другие социализмом, и дело каждого – справляться с собственными». Такой подход они объявили непродуктивным и неконструктивным, ведущим к накоплению нерешенных задач. Они считали, что сложные социальные проблемы могут быть успешно решены лишь благодаря осознанию всеми политическими силами целостности человечества, их взаимно согласованным действиям и взаимной ответственности. Политическая этика такого рода предлагалась в качестве эталона поведения современных общественных сил, причем не только левого, но всего политического спектра.

Особенно громко еврокоммунизм заявил о себе в середине

1970-х годов. Это было по-своему переломное время. Именно тогда произошло крушение диктатур в Португалии и Греции. На грани распада балансировал франкистский режим в Испании. На Европейском континенте с участием США и Канады начался Хельсинкский процесс, означавший качественное расширение гуманитарных контактов между странами с разными социальными системами.

Реагируя на эти и другие политические события в Европе и мире, лидеры компартий Франции и Италии в ноябре 1975 года (чуть позже к ним присоединились компартии других стран) выступили с совместной декларацией, в которой был зафиксирован отказ от идеи «диктатуры пролетариата» и провозглашен сугубо мирный, демократический путь завоевания власти и строительства социализма. Для достижения этих задач все прогрессивные силы (имелись в виду прежде всего коммунистические, социалистические, католические и некоторые другие партии) призывались к объединению на основе признания политического плюрализма. При этом особо подчеркивалось, что для каждой страны реальная дорога к социализму может существенно отличаться от той, что указана ортодоксальной марксистско-ленинской доктриной. Была провозглашена необходимость союза с любыми «немонополистическими силами» для преодоления идеологической и политической гегемонии буржуазии. Некоторое время спустя, на XXII съезде ФКП в феврале 1976 года, лидер французских коммунистов Жорж Марше заявил: «Международное коммунистическое движение не является ни церковью, ни централизованной организацией, подчиняющей всех и каждого обязательным правилам и единому закону». Он отметил, что модель социализма, которую можно было бы переносить из одной страны в другую и копировать там, вообще не существует и существовать не может. Это означало, что так называемый «советский путь» не признавался в Западной Европе как «единственно верный».

Еврокоммунисты выступили за продвижение к «демократическому социализму» с учетом ярко выраженной национальной специфики в каждой стране. С учетом разоблачения «культа личности» в СССР сторонники «еврокоммунизма» пришли к выводу, что путь к социалистическому обществу по образцу СССР – через насильственную революцию, установление «диктатуры пролетариата» с гегемонией одной – коммунистической – партии, с ущемлением прав непролетарского населения – не соответствует ни условиям, ни политическим традициям, ни менталитету их собственных стран.

Сторонники «еврокоммунизма» стремились вырваться из-под опеки международных авторитетов. «Политика ФКП определяется в Париже, а не в Москве. Стратегия французских коммунистов заключается в том, чтобы прийти к социализму по пути свободы и демократии, сохраняя единство левых сил на основе подписанной ранее совместной правительственной программы» – так ответил Ж. Марше на вопрос одного из парижских правых журналистов, которые не упускали возможность уколоть лидера коммунистов намеками на политическую зависимость от Кремля.

Франция была лишь одной из стран, где новое левое течение разбило свой лагерь. Приблизительно в то же время, когда Ж. Марше дискутировал с парижской прессой, лидер Испанской компартии Сантьяго Каррильо, уже в своей стране, раскрывал неотъемлемые атрибуты «демократического социализма». Среди таковых он называл, в частности, «демократию, систему многопартийности, парламент и представительные институты». Суверенитет народа, осуществляемый путем регулярных всеобщих выборов, независимые от государства и партий профсоюзы, свобода оппозиции также были объявлены атрибутами политического идеала еврокоммунистов. Равно как и права человека, религиозные свободы, свобода культурного, научного, художественного творчества, развитие соучастия народа в самых широких формах на всех уровнях и во всех сферах общественной жизни.

На уровне международных форумов понятие «еврокоммунизм» впервые было озвучено в июне 1976 года на Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. Генеральный секретарь Итальянской компартии с энтузиазмом говорил о распространении нового левого течения. Приведенные данные, по его оценке, показывали, «…насколько широка и глубока надежда на то, что страны Западной Европы будут искать и находить решения нового типа с целью преобразования общества в социалистическом духе».

Избиратели западноевропейских стран отнеслись ко всем этим новациям весьма благожелательно. Выборы все чаще приносили левым партиям весомые результаты.

Однако в Москве к изыскам еврокоммунистов во второй половине 1970-х годов отнеслись сначала достаточно прохладно, а затем и вовсе с открытой неприязнью, что, безусловно, было стратегическим просчетом. Большинство членов высшего руководства КПСС в период пребывания на посту Генсека Брежнева не смогли осмыслить новое явление в европейском и мировом движении левых сил. Убежденность в бесспорных преимуществах реального социализма, подкрепленная потоком

нефтедолларов в нашу страну, не позволяла реалистически оценить перспективы борьбы за мировой социальный прогресс на платформе плюралистической парламентской демократии. Поэтому в Москве сторонникам нового течения могли лишь предложить «одуматься», отказаться от сомнительного «демократического социализма» и вернуться к классической коммунистической ортодоксии. В начале февраля 1976 года «Правда» выразила открытую озабоченность тем, что ради мнимого единства левых течений выдвигаются сомнительные аргументы, которые могут означать лишь опасную «социал-демократизацию» коммунистических партий.

В последующем разногласия КПСС со сторонниками еврокоммунизма зашли так далеко, что во время официального визита Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева во Францию в июне 1977 года его встреча с руководителем ФКП Жоржем Марше даже не была запланирована. Это была сенсация. Сотрудники протокольной службы объясняли этот казус так: если в ходе официального визита в ту или иную страну встречаться с каждым лидером местной компартии, то не останется времени на государственные дела и переговоры, ради которых и осуществляется такой визит. Но это была всего лишь хорошая мина при плохой игре.

Между тем сторонники еврокоммунизма с каждым годом все более настойчиво и систематично критиковали реальный социализм, называя его устаревшей моделью общественного развития. В качестве аргументов приводили цифры, свидетельствовавшие о нарастающем экономическом отставании Советского Союза от промышленно развитых стран Запада. Советскому партийно-государственному руководству ставилась в вину неспособность в должной мере использовать колоссальный потенциал страны и достижения научно-технической революции для радикальной модернизации производства, серьезного повышения уровня жизни населения.

КПСС, будучи наиболее крупной и влиятельной в мире правящей партией, стремилась сохранять лидерство в международном коммунистическом и рабочем движении. Но при этом главная ставка делалась на интернационализм, на сплочение перед лицом общей угрозы, исходящей в условиях холодной войны от Запада, но никак не на внутренние факторы: демократизацию внутрипартийной жизни и общества, широкое сотрудничество с независимыми профсоюзами, со всеми демократическими силами и общественными институтами. В этих принципиальных разногласиях состояла одна из основных причин глубокого раскола левого движения на континенте. Резко ослабло

влияние КПСС и советского руководства на мировое коммунистическое и социалистическое движение. Авторитет КПСС как лидера ставился под сомнение уже не только на Западе, но и в Восточной Европе и в других регионах мира.

Приход к власти Горбачева и провозглашение курса на перестройку несколько смягчило напряженность в отношениях между сторонниками еврокоммунизма и реального социализма. Советское партийно-государственное руководство, и в первую очередь сам Горбачев, вели оживленные дискуссии с представителями нового левого течения на Западе, пытаясь хотя бы частично инкорпорировать уникальный опыт социально-политической борьбы западноевропейских левых сил. Но потерянное время наверстать было невозможно.

Могу утверждать, что, если бы руководство КПСС нашло в себе силы и способности несколько раньше и более энергично вступить в конструктивный диалог с еврокоммунистами, западными социал-демократами, это могло бы стать началом совершенно новой эры в истории леводемократического движения на Западе. Да и новейшая история СССР, возможно, оказалась бы не саморазрушительной. Но для этого необходимо было не отвергать с порога то, что высказывали инакомыслящие, а критически воспринимать и творчески усваивать их созидательные идеи.

Тем не менее можно назвать как минимум три позитивных следствия из нашего, к сожалению, слишком поздно начатого диалога. Во-первых, учитывая опыт западноевропейских левых, КПСС получила возможность воспринять идеи политического плюрализма, что было важно для развития внутрипартийной демократии и создания межпартийных коалиций. Во-вторых, освоение успешного опыта парламентской борьбы на Западе могло пригодиться для налаживания более эффективного диалога с избирателями. Наконец, в-третьих, реальное освоение нового опыта, внедрение демократических принципов могли показать народу, что КПСС действительно становится на путь демократизации, учитывает духовные, информационные, технические и другие вызовы времени.

Кроме того, в-четвертых, мирное сосуществование на международной арене больше не замыкалось бы исключительно на переговорных процессах высшего уровня по разоружению, но и вбирало бы в себя гуманитарные, культурные, научные, общечеловеческие аспекты общественной жизни. Социализм как общественная система должен был в реальных делах подтвердить свою жизнеспособность. И здесь я вновь хотел бы отметить, что, к глубокому сожалению, наш диалог с «еврокоммунистами» не дал

тех результатов, на которые мы поначалу надеялись. Он начался слишком поздно и был отягощен давними взаимными претензиями, которые так и не были до конца изжиты.

Правда, в начале 1990-х годов идеи еврокоммунизма серьезно повлияли на программу демократической платформы в КПСС, хотя у этой группы были и другие идейные источники. Наиболее видными представителями демплатформы, с которыми мне приходилось немало дискутировать тогда, были кандидат философских наук Владимир Лысенко, профессор МГУ Александр Бузгалин, ректор Высшей партийной школы Шостаковский. В какое-то время к их среде принадлежал и молодой Борис Немцов.

Адекватная оценка демплатформы заключалась бы, думаю, не в том, чтобы назначить представителей ее на высокие должности в ЦК. Скорее, реальное признание состояло бы во включении их конструктивных идей в соответствующие партийные документы, в широкой партийной дискуссии по предложениям демплатформы.

Главная трудность состояла в том, что интеллектуальное движение в данном направлении признавалось необходимым далеко не всеми членами партии и ее руководством. Значительная часть кадровых партийных работников оставалась на консервативных, можно сказать, инертных позициях. Они не были психологически готовы и не стремились перенимать полезный, прогрессивный опыт европейских левых.

Оглядываясь на тот период, М.С. Горбачев затруднился дать однозначный ответ на вопрос о том, можно ли было реформировать партию (см.: История – это принятие решений // Независимая газета. 2000. 12 апреля). В отличие от этой позиции, опираясь на свой опыт, я утверждаю, что такая возможность, безусловно, была, однако по трагическому стечению обстоятельств ее не удалось осуществить. КПСС имела реальный шанс стать мощной политической силой в обновленном демократическом государстве и оставалась бы при этом правящей или ведущей партией еще в течение многих лет.

И все-таки по ходу перестройки воз, как говорится, стронулся с места. Летом 1989 года, развернув июньский номер журнала «Коммунист», я обнаружил там некоторые весьма поучительные извлечения из проекта программы германской Социал-демократической партии. Близость ряда стратегических установок германских социал-демократов и обновлявшейся КПСС бросалась в глаза. Германские социал-демократы говорили о движении к «социально справедливому, достойному человека обществу». Призывали «сохранить все, что представляет ценность» и одновременно «отвратить все опасности, угрожающие жизни на земле». Социально-экономические положения проекта

подкупали четкостью формулировок: «Мы хотим построить такое общество, в котором все мужчины и женщины будут иметь возможность заниматься гуманным трудом, в котором все формы труда будут пользоваться одинаковым уважением. Мы хотим солидарными усилиями всего общества добиться благосостояния для всех и справедливо его распределять. Мы хотим демократии во всем обществе, в том числе и в экономике, на предприятиях и на каждом рабочем месте, хотим ограничить экономическую власть и осуществлять над ней демократический контроль».

Заслуживала безусловного внимания позиция германских товарищей по вопросу об отношении социал-демократии к государству: «Мы хотим иметь современное демократическое государство, основанное на политической активности граждан, способное бороться за достижение общественных целей, изменяющееся в соответствии с новыми задачами и доказывающее свою способность решать их». Именно в подобной плоскости, как мне представлялось, должна была выстраивать свое отношение к заново формирующемуся в СССР государству и КПСС.

В программах и действиях входящих в Социнтерн партий имелось много позитивного, что необходимо было учесть в теории и практике КПСС. Это признание плюрализма и демократии как цели, основы и средства преобразования общества, идея и практика регулируемого рынка и общественного контроля, идея социального правового государства. Это и восприимчивость к быстро меняющимся общественным условиям, открытость к достижениям общественной мысли. Это, наконец, и опыт улучшения условий жизни бедных и малоимущих, борьбы с безработицей, действия в защиту мира, против гонки вооружений, проявлений имперской политики. С социал-демократами необходимо было сотрудничать по широкому кругу вопросов, в том числе в связи с процессом размывания военно-политических блоков по вопросу объединения Германии, по проблемам разработки современной концепции социализма, проблемам экологически и социально взвешенного роста. На этом пути открывался огромный потенциал для преодоления исторического размежевания и возрождения социализма как подлинно международного движения.

В те дни, да и позднее, когда за моей спиной был немалый опыт живой непосредственной работы в мировом общедемократическом движении, к которому все активнее подключались различные потоки левых сил Европы, я не раз думал: почему мы опоздали к этому историческому диалогу и взаимодействию? Ведь это было требование времени. Полагаю,

что причин было немало, но на первое место следовало бы поставить субъективный фактор – нашу неспособность вовремя увидеть новое и во имя этого совершить необходимый стратегический поворот. Думаю, именно это серьезно подвело партию и позже, когда, не теряя времени и темпов, надо было переходить к радикальным управляемым преобразованиям.

«Социализм будущего»

Деловые контакты и беседы со многими западноевропейскими деятелями всегда давали что-то новое, причем, как мне казалось, обеим сторонам. С таких встреч никто не уходил раздосадованным из-за того, что впустую потерял время.

Хорошо помню зимний день 18 января 1991 года, когда испанские друзья пригласили меня выступить на презентации нового международного политического журнала «Социализм будущего», который начинал издаваться и на русском языке.

Приблизительно за полгода до этого я был в Мадриде на съезде Социалистической рабочей партии Испании. Там-то испанские коллеги и рассказали о замысле создания солидного теоретико-политического международного журнала, посвященного проблемам мирового социализма, и заранее пригласили на презентацию его русскоязычной версии. Советским соиздателем должен был стать Институт международного рабочего движения АН СССР, чьи исследования в тот период охватывали основные регионы мира.

Правда, в происходящем была и грустная нота. Создание «Социализма будущего» должно было в какой-то мере возместить закрытие издаваемого в Праге с июня 1958 года на более чем ста языках мира авторитетного журнала «Проблемы мира и социализма». Многие мои друзья и коллеги работали в разное время в пражской редакции и сохранили об этом самые лучшие воспоминания. Издание отражало всю палитру воззрений, существовавших в международном левом движении. Ни о каких ограничениях или цензуре в журнале не могло быть речи. На его страницах периодически появлялись статьи о сложных вопросах перестройки в СССР, проблемах постколониального развития, противоречиях современного капитализма, достижениях научно-технической революции. Тематика каждого номера была настолько разносторонней, что даже идеи чучхе, имеющие крайне ограниченное хождение в мире, за исключением Северной Кореи, время от времени излагались и обсуждались в этом уникальном издании. О демократизме, толерантности редакторского коллектива говорил и такой факт: известный своей предвзятостью к СССР, а позже и к России американский политолог Збигнев Бжезинский тоже не был отлучен от трибуны издания (см., например, № 4 за 1990 г.). Он имел возможность высказать там свои критические суждения и одновременно получить квалифицированный ответ.

Словом, это был клуб политологов-международников, глубоких знатоков своего дела. Своеобразная мекка приверженцев социализма всех видов и направлений. Но жизнь не стояла на месте, социализм в мире сильно менялся. Многие страны отходили от социалистической модели советского типа, в том числе и Чехословакия, где располагалась штаб-квартира «Проблем мира и социализма». Это повлекло за собой серьезное изменение в судьбе журнала. Было принято коллективное решение прекратить его выпуск.

Сразу скажу, что «Социализм будущего» не снискал, да и не мог снискать славы и авторитета своего предшественника. Тому были и объективные, и субъективные причины. Однако в то время, в начале 1991 года, логика событий требовала появления именно такого издания, и первые наши надежды были оптимистичными.

Войдя в зал, заметил нескольких видных ученых-обществоведов, и в их числе члена-корреспондента АН СССР Георгия Шахназарова, сыгравшего, как я знал, важную роль в создании нового журнала. Было много иностранных гостей, в том числе и тех, кого еще недавно остро критиковали якобы за искажение облика реального социализма. Вот и наступил долгожданный день, когда все собрались вместе – в Москве: еврокоммунисты, социал-демократы, социалисты, советские коммунисты. Это выглядело глубоко символичным. Казалось, пришло время открытого, конструктивного диалога.

Мне предоставили слово. Прежде всего сказал о необходимости преемственности с предыдущим изданием. Добавил, что, хотя Институт международного рабочего движения до сих пор специализировался в основном на внешних проблемах, было бы неплохо, если бы его ученые стали обращать больше внимания на рабочее и профсоюзное движение в нашей стране. Как раз в то время рабочее движение в Советском Союзе, с одной стороны, приобретало качественно новый облик, а с другой – как бы рождалось заново. Возникали новые тенденции, формировалось непривычное политическое поведение: кругом бастовали, выдвигали требования к правительству, Президенту, настаивали на поддержке самых неожиданных политических и социальных инициатив. Не говоря уже о том, что рабочий класс в Советском Союзе в то время проявлял живейший интерес к политическим процессам, происходившим в нашей стране и в мире. Все это, как мне казалось, указывало на серьезные перемены, которые в недалеком будущем ждут нашу партию и страну.

В заключение я пожелал всем творческих успехов,

взаимообогащения идеями. Сказал, что встреча происходит в стране, где существует огромный демократический простор для общественной мысли, поскольку мы расположены к тому, чтобы выслушать, воспринять, подискутировать по всем тем идеям, соображениям, которые сопутствуют творческому поиску сторонников социального прогресса.

Хотелось верить, что новое начинание будет успешным. Это было крайне необходимо для нашей работы, в том числе и над проектом программы партии.

Первый номер журнала открывался статьей Михаила Горбачева «Будущий мир и социализм». Вслед за ней шел материал бывшего канцлера ФРГ, лидера СДПГ Вилли Брандта «Будущее демократического социализма». Другие авторы были менее именитыми, но все же достаточно известными среди европейских левых.

Основной тезис статьи Горбачева касался воздействия плюрализма и конвергенции на социализм. Автор отмечал, что социалистическая мысль питается из многих источников и развивается в разных формах, возникая на почве многообразных социально-экономических процессов и общественных движений. Все это позволяет говорить о социализме как о мировом процессе, не замыкающемся в границах социалистических государств. «Многие его проявления мы видим и в промышленно развитых капиталистических странах. Такие черты социализма, как общественная собственность, планирование, социальные гарантии – в той или иной мере и объеме, – стали привычной частью жизни передовых западных обществ. Современные демократические и правовые институты также в значительной степени есть продукт социалистической мысли и действия». Это был неординарный заход, вокруг которого потом разгорелись жаркие дискуссии.

Стоит пояснить, что новое издание задумывалось как трибуна для представительного состава авторов из Испании, Франции, Италии, ФРГ, Австрии. В дальнейшем к ним должны были подключиться представители ряда других европейских стран, где действовали левые партии, включая, разумеется, СССР. Для большей основательности решено было поначалу выпускать журнал не чаще двух раз в год, включая в каждый номер статьи наиболее авторитетных европейских левых.

В руководящий комитет нового журнала, на который возлагались координационные функции, вошли такие видные европейские политические деятели, как теоретик социализма Альфонсо Герра, известный польский академик-обществовед Адам Шафф, один из руководителей западногерманской социал-

демократии Оскар Лафонтен. Здесь же можно было встретить имена известного французского социалиста Мишеля Рокара, крупного деятеля австрийской соцпартии Гейниа Фишера, одного из лидеров и теоретиков ИКП Джорджо Наполитано. КПСС в руководящем комитете представлял Георгий Шахназаров. В журнале был образован и редакционный совет, куда также входили видные теоретики социализма. Здесь был французский историк Жан Элленстейн – заместитель директора Центра марксистских исследований ФКП, известный специалист по троцкизму Эрнест Мандель, идеолог «Пражской весны», экономист Ота Шик, французский социолог Ален Турэн и другие. Многие из них приехали в Москву, чтобы принять участие в презентации.

Любопытно, что всего несколько лет назад с трудами многих присутствующих иностранных авторов можно было ознакомиться только по особому разрешению в специальных отделениях библиотек, которые так и назывались – спецхраны. Именно там с начала 1980-х годов находилась, к примеру, книга польского исследователя и теоретика социализма Адама Шаффа «Коммунистическое движение на распутье». В этой работе автор связывал перспективы социализма с демократизацией в Советском Союзе и странах Восточной Европы. А в публикации на эту тему в журнале «Проблемы мира и социализма» (№ 12 за 1990 г.) он заявил, что «рождение нового дискуссионного журнала лишь частично отражает происходящие в Европе глубинные процессы. Возникает новое международное движение. Его, если прибегнуть к лексикону теологов, я бы назвал социал-экуменическим, то есть вбирающим в себя различные силы, обращенные к социализму грядущего».

На вопрос, каким станет будущий социализм, Шафф ответил: «Сегодня за демократический социализм ратуют не только социал-демократы. Но разве он должен быть другим? Одним словом, мы еще не знаем, что означает сегодня социализм. Наш дискуссионный журнал и создан для поиска ответа на вопрос, который после Октябрьской революции представлялся решенным.

Подытоживая свои впечатления, могу сказать, что новое понимание социалистических ценностей, ради разработки которого и затевалось новое дело, с точки зрения проходящих в Европе перемен имело важнейшее значение. В XX веке многие стороны социализма как идеи и движения были искажены и деформированы. В том числе и у нас. Тем не менее идея выжила. Годы и десятилетия народы не только мечтали о будущем, но и творили его своим трудом, волей, умом. Эта мировая тенденция как раз и есть то, что носит название социализма. В настоящее

время ей важно придать подлинно созидательный, политически организованный характер.

Мы просто обязаны были быть вместе, во всяком случае, по самым принципиальным вопросам. Два крыла европейской социал-демократии имели реальный шанс снова соединиться в едином полете. Международная ценность социалистической идеи не может быть умалена отдельными неудачами ее конкретного воплощения в странах Восточной Европы. Кроме того, право на жизнь имеют не только те элементы социализма, которые внедрились в западные общества.

Для работы над проектом программы КПСС подобного рода события имели большое значение. Концепция гуманного, демократического социализма, сформулированная XXVIII съездом перекликалась с еврокоммунистической концепцией «демократического социализма». В первом приближении она означала не что иное, как честное и последовательное признание собственных заблуждений, ошибок, отказ от догматического мышления, которое нередко наносило больше вреда, чем некоторые политические ошибки.

Термин «гуманный, демократический социализм» при своем появлении вызвал жаркие споры. Некоторым теоретикам, и не только им, он показался несколько тавтологичным. Социализм, мол, по определению не может быть негуманным и недемократическим. Но ведь определения «гуманный» и «демократический» были приданы социалистическому идеалу для того, чтобы подчеркнуть его антиавторитарный, антибюрократический характер.

Должен сказать, что концепцию «гуманного, демократического социализма», появившуюся в нашем политическом лексиконе в начале 1990-х годов, вряд ли можно считать изобретением М. Горбачева или его ближайших помощников. На Западе она возникла гораздо раньше, правда, под другим названием – «социализм с человеческим лицом». В Советском Союзе ее поначалу объявили оппортунистической и даже реакционной. Приверженность догмам мешала понять, что стремление людей к социальному равенству и справедливости проистекает из многих источников и выводится не только из классовых антагонизмов. Эти причины могут быть другими, причем не менее сильными. Сострадание, человеческая солидарность, приверженность гуманистической культуре, величие и благородство духовного начала в человеке – не пустой плод фантазии.

Если бы не события августа 1991 года и внеочередной, XXIX съезд КПСС, намеченный на декабрь 1991 года, состоялся бы и

принял новый программный документ, то весь облик партии, начиная с ее идейной платформы и заканчивая организационными формами работы, мог претерпеть радикальные изменения.

Лично я надеялся на то, что по крайней мере большая часть членов КПСС, причем не самая худшая, составит современную, уверенно развивающуюся в демократическом СССР политическую организацию. Такая партия имела бы все шансы играть в условиях многопартийности роль правящей.

К концу нашей работы над проектом программы (это было летом 1991 года) стал вырисовываться документ, нацеливающий на цивилизованные политические действия в условиях политического плюрализма. В проекте было записано, что мы живем в эпоху затухания конфронтационного, биполярного мира, готовы к диалогу с другими политическими силами. Эти тезисы принципиально отличались от формулировок третьей программы КПСС 1986 года. Думаю, если бы готовившийся нами документ был впоследствии принят хотя бы за основу, то есть с последующей доработкой, он, безусловно, мог бы дать компартии как мощнейшей политической организации Советского Союза новый старт.

Время от времени на заседаниях комиссии, но чаще всего в перерывах возникали «закрытые» дискуссии по поводу названия партии. Некоторые считали, что изменение названия «коммунистическая» на «социал-демократическая» будет иметь важное значение. Прежде всего, ослабит позиции консерваторов, укрепит партию на пути самодемократизации, сделает ее привлекательнее как для граждан СССР, так и для внешнего мира. Эксперты, дорабатывавшие текст будущей программы в промежутках между заседаниями комиссии, сознательно пытались употреблять в проекте термин «социал-демократическая». Георгий Шахназаров однажды положил мне на стол объемный документ с характерным названием: «Программа Социал-демократической партии СССР». Вероятно, эксперты проверяли реакцию членов комиссии. Однако я так же, как и большинство моих коллег, склонялся к тому, что дело не в названии, а в программных принципах. Вопрос, как именоваться партии, должны были решить делегаты съезда. Было бы неправильно подталкивать их к тому или иному решению. Тем не менее проект программы начинался со слов «Социализм, Демократия, Прогресс». Это было его названием, которое утвердили в итоге и программная комиссия, и июльский Пленум ЦК КПСС.

Политическое любопытство из-за рубежа

Уже на начальном этапе работы над проектом программы обнаружил, что за членами рабочих групп ведется самая настоящая охота. Причем со стороны оппозиции, которой о многих нюансах нашей внутрипартийной жизни знать не полагалось.

Едва включившись в работу по подготовке проекта, я понял, что из рабочих групп постоянно и направленно утекает информация. И что стало для меня полной неожиданностью, ощутил небывалый всплеск интереса к собственной персоне. Встречи со мной стали добиваться работники дипломатических представительств, послы зарубежных государств, представители крупных политических партий. Всех интересовали формулировки проекта программы КПСС. При этом многие проявляли незаурядную осведомленность.

Вечером 14 июля 1991 года – день, когда отмечалось взятие Бастилии, – я прибыл во французское посольство в Москве. В огромном здании на улице Георгия Димитрова (ныне Большая Якиманка) шумел праздничный прием. Пройдя в зал, увидел среди собравшихся министра обороны СССР маршала Язова, членов правительства, других государственных деятелей. Однако поверенный в делах Французской Республики господин Пессик, казалось, не замечал их. Все его внимание было приковано ко мне. Пользуясь правом хозяина, он не мешкая вступил в беседу. К моему удивлению, его так же, как и других, больше всего интересовали партийные дела.

– Господин Дзасохов, – спросил господин Пессик с улыбкой, – какой проект из двух программ партии утвердят на съезде? Бьюсь об заклад, что ваш!

Я поблагодарил за интерес к нашим делам. Сказал, что проект программы перед вынесением на съезд будет как следует «обкатываться» на демократической основе на пленуме ЦК, который пройдет, вероятно, в конце июля.

Между тем из слов французского поверенного стало ясно, что на Западе о нашей внутрипартийной жизни знают гораздо больше, чем можно предположить. И разумеется, там хорошо осведомлены о напряженном противостоянии внутри КПСС.

Между прочим, позже тот же самый господин Пессик оказался на борту спецрейса вместе с Руцким, Бакатиным и другими, срочно вылетевшими в Форос, чтобы «вызволить» М. Горбачева.

Внимание зарубежных политиков к процессам, происходящим

в советской компартии, было неслучайным. Выработка новой программы КПСС могла дать толчок к изменению всей социально-политической обстановки в СССР. И очень многие хотели быть готовы к этому заранее.

Приблизительно с начала 1991 года, когда работа над проектом новой программы вступила в заключительную фазу, ряд влиятельных политических партий из разных стран, раньше не контактировавших с нами, захотел восполнить этот пробел и установить прямые связи с КПСС. В выстроившейся очереди из желающих поддерживать регулярные контакты стояли такие влиятельные политические величины, как Республиканская партия США, правящие партии западноевропейских стран. Диалог с нами усилили и другие европейские партии, прежде всего коммунистические и социал-демократические. Правые, центристы, голлисты, консерваторы и прочие старались не отстать от левых.

Все понимали, что происходит политическая переструктуризация советского общества. Большинство политической элиты мира было психологически готово к тому, что в СССР вот-вот появится реорганизованная правящая партия с современными взглядами на прогресс и формы общественного развития. Даже правящая более тридцати лет в Японии Либерально-демократическая партия, несмотря на отсутствие мирного договора с СССР, установила в это время прямые контакты с КПСС, начала с нами теоретические дискуссии. При этом лидеры либералов не опасались, что из-за общения с коммунистами они как-то неприлично «покраснеют», столкнутся с международным или внутренним бойкотом.

Мы старались никому не отказывать в межпартийном общении, демонстрировали желание сотрудничать. Это не вызывало негативной реакции у большинства европейских коммунистических и рабочих партий. Они считали данный процесс нормальным.

Таким образом, на пике глобальной демилитаризации и поисков путей конструктивного диалога между странами, принадлежавшими ранее к разным политико-экономическим «лагерям» и системам, обозначилось и стремление к сотрудничеству между политическими партиями этих стран, причем независимо от исповедуемых ими принципов. А когда принципы более или менее совпадали, то взаимопонимание только выигрывало. Это проявлялось, в частности, в наших отношениях с Социалистическим интернационалом – при решении вопросов войны и мира, прав человека. Летом 1991 года в Москве находился генеральный секретарь европейских социал-

демократических партий, лидер социалистической партии Бельгии господин Спитальс. Я принял его в своем кремлевском кабинете. Мы провели обстоятельную дискуссию о политической теории социализма. Господин Спитальс проявил особый интерес к проекту новой программы партии. Разговор был настолько увлекательным, что затянулся намного дольше запланированного.

С чем выходить на партийный форум?

До июльского Пленума КПСС, на котором должен был рассматриваться проект новой программы, оставалось чуть более десяти дней. Позади – почти полгода напряженных дискуссий, оттачивания формулировок, напряженных размышлений о роли политической партии в современном обществе.

К чему же мы пришли?

КПСС находилась у власти более семидесяти лет. Никогда не подвергала себя столь обстоятельному самоанализу, как в последний период. Но даже тогда, летом 1991 года, не все признавали, что направление критики было выбрано правильно.

Партия прямо связала собственную судьбу с историей страны. Хотя и здесь пришлось побороться за историческую правду. Некоторые аналитики попытались свести исторический опыт партии к традиционной периодизации, но уже с обратным знаком. Речь шла все о тех же годах коллективизации, индустриализации, Великой Отечественной войны, послевоенного восстановления, освоения целины, крупных индустриальных строек. Но теперь эти этапы оценивались уже не просто знаком «плюс». Разумеется, ничего принципиально нового в таком подходе не было. Обычный схематизм. Однако партия, общество и государство в СССР нуждались не в схемах, а в реалистическом видении истории.

Все семьдесят лет страна жила своей жизнью, решала насущные, подчас чрезвычайные исторические задачи. Миллионы людей всех национальностей отдали жизни ради победы над фашизмом. Миллионы работали над модернизацией страны, восстанавливали разрушенную экономику, создавали мощный научно-технический потенциал, благодаря которому СССР занял место великой державы в мировом сообществе. Были в нашей истории и другие важные события. Практически о каждом из них говорилось в соответствующих постановлениях партии. Можно было сказать о них и в преамбуле новой программы.

Вообще, как мне казалось, в историческую преамбулу, как и во все разделы новой программы, настойчиво просилось слово «задача» – ключевое для программы любой политической партии. Взять хотя бы первую программу РСДРП. Она была принята в 1903 году и носила революционный характер. В немалой степени способствовала становлению революционной пролетарской партии в России. Программа определяла задачи партии как на ближайший период – этап буржуазно-демократической революции (программа-минимум), так и на перспективу – этап

социалистической революции (программа-максимум). Первая программа РСДРП в значительной части была выполнена в ходе Февральской буржуазно-демократической революции и в ходе послеоктябрьских преобразований.

Вторая программа (март 1919 года) Российской коммунистической партии (большевиков) определяла задачи на период перехода от капитализма к социализму. Важнейшей экономической частью этого документа стал план ГОЭЛРО, принятый в конце 1920 года и рассчитанный на десять – пятнадцать лет. Особого упоминания он заслуживал потому, что именно государственная программа электрификации России положила начало не только плановой экономике, но и промышленному подъему страны. Почему бы не напомнить об этом и в новой программе, подчеркнув, что задача эта была успешно решена.

А вот многие задачи партии, поставленные в 1939 году на XVIII съезде Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) – прежде всего переход к коммунизму, – оказались невыполненными. Работу программной комиссии прервала Великая Отечественная война. После победы работа над проектом третьей программы партии возобновилась. Но даже в феврале 1956 года, когда Н.С. Хрущев выступил на XX съезде партии с разоблачением культа личности Сталина, никто не осмелился критически оценить сталинский тезис о построении в СССР коммунизма, то есть такого общества, в котором полностью удовлетворяются все духовные и материальные потребности свободной личности, а государство как орган насилия отмирает. Сила догмы не была поколеблена – работа над программой продолжалась в том же направлении, которое было задано в 1939 году.

Третья программа КПСС была принята в 1961 году на XXII съезде партии, когда первым секретарем ЦК КПСС был Н.С. Хрущев. Она получила неофициальное название «хрущевская». А официально называлась «программой построения коммунизма в СССР». На ее выполнение отводилось приблизительно двадцать лет. Многим современникам тогда врезались в память слова Никиты Сергеевича: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!», что оказалось утопией, нанесшей немалый ущерб нашему обществу.

С позиций третьего тысячелетия к утопической стратегии построения коммунизма можно относиться с иронией, указывать на свойственные ей несообразности. Но что лежало в основе оптимизма делегатов XXII съезда КПСС, голосовавших за принятие этого документа? Прежде всего, реальные достижения

страны и самой партии. Из гражданской войны вышли победителями, изгнали иностранных интервентов, за три пятилетки создали мощную индустрию, успешно осуществили культурную революцию, развили науку и промышленность, выдержали тяжелейшую в истории войну, разгромили фашизм, всего за несколько лет восстановили разрушенное народное хозяйство, прорвались в космос. Все это создавало эйфорию, любая цель казалась достижимой.

После смещения Хрущева третью программу партии пытались редактировать дважды, более реалистически определяя насущные проблемы и задачи советского общества. Требования повседневности отодвигали «светлое будущее» в неопределенную даль. На первый план выдвигались практические задачи освоения целинных земель в Казахстане, строительства Байкало-Амурской магистрали, возведения крупных химических объектов, других гигантов индустрии. Утопическое видение контуров грядущего общества уступало место реальности с ее земными проблемами.

В 1981 году на XXVI съезде партии Л.И. Брежнев изложил вывод о том, что движение к коммунизму совершается через закономерный и исторически длительный этап развитого социалистического общества. На данном этапе в развитии и совершенствовании нуждается социализм. Это было заметным шагом в сторону от «коммунистического нетерпения», заложенного в прежней редакции третьей программы.

Новый Генеральный секретарь Ю.В. Андропов сделал более радикальное заявление. В начале 1983 года он выступил с нашумевшей статьей «Учение Карла Маркса и некоторые вопросы социалистического строительства». Уже из названия было очевидно, что строительство коммунизма не считается непосредственной задачей партии. Более того, Андропов определил уровень, на котором находилась страна, как «начальный этап развитого социализма».

Хотя в первые годы своей деятельности на посту Генерального секретаря М.С. Горбачев крайне редко обращался к теории строительства коммунизма, коммунизм не был сдан в архив истории и упоминался в документах партии как конечная цель ее деятельности. В последней своей редакции, принятой в марте 1986 года XXVII съездом партии, третья программа характеризовалась как «программа планомерного и всестороннего совершенствования социализма». Однако сроки достижения конечной цели конкретизировать уже не пытались.

В конце концов коммунизм превратился в идеальный символ КПСС, весьма далекий от ее повседневных задач. Историческая планка была поднята слишком высоко. С течением времени вера в

коммунизм стала угасать даже среди самых непоколебимых оптимистов.

Таким образом, партия осталась без главной задачи, которая обосновывала ее деятельность. Стратегию партии надо было обязательно увязать с новыми целями. Причем достаточно быстро. Когда пришло отчетливое понимание того, что КПСС заметно отстает от хода истории, ускоренная работа над новым проектом программы превратилась в насущную потребность.

Предыдущие годы дискуссий, в том числе и с внепартийными оппонентами, позволили быстро выработать общий фундамент, на котором должны были выстраиваться программные принципы. Партия определила для себя стратегические приоритеты на экономическом, социальном направлениях, в области государственного строительства.

Особенно четко в проекте программы было сказано о верховенстве Конституции СССР, о роли государства, в частности о роли парламента и законов. Были выработаны критерии отношения к другим партиям, которые в соответствии с Конституцией могли существовать в стране наряду с КПСС, действуя в одном с нею политическом пространстве, и так же, как и она, претендовать на политическую власть. Отрицательные оценки давались лишь сепаратистам и экстремистам. Любые иные виды политической активности рассматривались как законные и допустимые.

В проекте отмечалось, что «становление нового сопровождается социально-экономической и межнациональной напряженностью, экономическим кризисом, крупными сдвигами в общественном сознании». Без всяких попыток приукрасить действительность говорилось, что перестройка, задуманная как коренное преобразование всей советской системы, не пошла по желаемому пути. «В обстановке, когда старые механизмы управления и планирования уже не срабатывали, а формирование новых недопустимо тормозилось, многие процессы приобрели стихийный характер. Произошел разрыв хозяйственно-производственных связей, набрали силу теневые структуры в экономике, нарастала инфляция, снизился жизненный уровень многих слоев населения».

В это время уже действовали новые политические партии и движения – оппозиционные и даже враждебные КПСС. Все они были очень неоднородны по своему составу. Налаживание связей и взаимодействия с этими организациями становилось нашей актуальнейшей задачей.

Ряд членов программной комиссии, и я в том числе, довольно резко критиковали тезис о том, что социалистическая идея якобы

недостижима в принципе, а любые попытки ее реализации на практике неизбежно ведут к насилию и репрессиям. Следуя ложной логике, даже христианство можно было бы представить «врагом человечества». Ибо христианский гуманизм в таком случае изначально повинен в жестокостях инквизиции, массовых расправах с иноверцами. Стремление к «свободе, равенству и братству» (лозунг Великой французской революции) – в якобинском терроре. Философия Фридриха Ницше – в преступлениях фашизма и т. п. Алогизм и нелепость подобных суждений граничили бы с умопомрачением, хотя именно этот прием позволяет подвергнуть экзекуции любую идею – либеральную, демократическую, консервативную. Кто будет отрицать, что в истории пролились реки крови во имя возвышенных идей? Разумеется, сущность социализма его основатели и последователи видели не в насильственном обращении людей в «социалистическую веру», а в создании условий для ликвидации эксплуатации человека человеком, свободного развития личности.

Наша комиссия старалась выстраивать программные положения проекта исходя из тех реальностей, которые сложились в ходе перестройки. Предусматривалось осуществление следующих общеполитических задач: развитие советского многонационального государства как подлинно демократической федерации суверенных республик; построение правового государства, развитие демократических институтов; обеспечение прав и свобод граждан на всей территории страны, приведение законодательства о правах человека в соответствие с международными нормами; отказ от вмешательства государственных органов в деятельность общественных формирований, действующих в соответствии с требованиями Конституции и законодательства.

Межнациональные отношения требовали особенно глубокого, взвешенного анализа. В проекте говорилось о равноправии всех людей независимо от национальности и места проживания, о равноправии и свободном развитии всех наций при безусловном приоритете прав человека, о праве народов на самоопределение, утверждение национального достоинства, развитие родного языка и культуры, народных обычаев и традиций. Приоритет отдавался последовательному интернационализму, укреплению многонационального сообщества народов и обновленной федерации суверенных государств, реальному наполнению суверенитета республик, всех видов национальной автономии.

К работе над положениями новой программы активно подключились ученые и деятели культуры. Встречаться надо было

со многими виднейшими учеными мирового уровня – с представителями гуманитарных и естественных наук. В большинстве своем это были яркие, незаурядные люди, настоящие подвижники науки. Разговаривали мы, конечно, не о физике плазмы и не о флуктуациях Вселенной. Мои собеседники говорили об острых проблемах организации и управления наукой, об огромном научно-техническом потенциале СССР и о неиспользуемых возможностях.

Среди видных ученых, активно сотрудничавших с нами при подготовке проекта программы, были академики В.К. Кудрявцев и В.А. Коптюг, ректор Института общественных наук Ю.А. Красин и другие.

Выделялся академик Валентин Афанасьевич Коптюг. Вице-президент Академии наук, председатель Сибирского отделения АН СССР, он умом и сердцем болел за отечественную науку. Остро переживал оскудение материальной базы научных исследований, падение престижа профессии ученого. Неодобрительно относился к тем, кто, увлекшись коммерциализацией науки, забывал, что фундаментальные знания создают особый продукт и такую «добавленную стоимость», которая рано или поздно становится достоянием всего человечества.

Еще до знакомства с ним слышал об этом выдающемся ученом много добрых слов. Люди отмечали его принципиальность. Такие, как он, шутили в кулуарах аппарата ЦК, даже из кабинета большого начальника выходят только с личным мнением.

Вспоминаю характерный эпизод. Дежурный секретарь докладывает:

– Александр Сергеевич, пришел Коптюг.

– Просите.

Едва начавшуюся беседу прервал телефонный звонок. М.С. Горбачев имел ко мне несколько рабочих вопросов. По заведенному на Старой площади в незапамятные времена порядку сотрудники аппарата, даже заведующие отделами, в таких случаях покидали кабинет и сами часто требовали от подчиненных того же, когда общались по телефону с руководством. Поняв, кто звонит, Коптюг хотел было выйти. Я остановил его. Возвращаясь к прерванной беседе, заметил: «Валентин Афанасьевич, у нас нет от ученых никаких тайн. Наверное, у вас, ученых, есть секреты от нас…»

Он говорил, что не знает, чем занять сотрудников. Не хватало приборов, реактивов, лабораторного оборудования. Если дело пойдет так и дальше, то храм науки опустеет. Я попросил его

выступить в печати с соображениями о реформировании научных учреждений.

После встреч с учеными с особым вниманием работал над той частью программы, где говорилось об инвестициях в человека, а также над той, которая была посвящена вопросам финансирования науки и образования. В стране до последнего времени немало делалось для развития образования: профессионального, специального, среднего, высшего. Конкурсы в вузы неизменно оставались высокими, высшее образование всегда было престижным.

Культ знания, выраженный в известном изречении «знание – сила», действительно овладел сознанием миллионов. «Учение – свет, неучение – тьма», – наставляли родители детей с колыбели.

В раздел об образовании вошел тезис о повышении образованности и культуры каждого человека, укреплении нравственности, чувства гражданского долга и ответственности, патриотизма. Был записан еще один пункт – о постоянном увеличении доли национального дохода, направляемой на образование, науку и культуру.

Проект программы предполагал сохранить систему бесплатного образования; предоставление молодежи равных стартовых условий для вступления в жизнь, профессионального и культурного роста, удовлетворения духовных запросов; государственную поддержку одаренной молодежи. Было сказано о поддержке КПСС свободы художественного творчества, сочетаемой с нравственной ответственностью художника перед обществом.

Новые моменты появились в разделе «Безопасность и оборона страны». Подчеркивалась необходимость реформирования Вооруженных Сил в соответствии с принципом оборонной достаточности, перехода к формированию армии и флота на основе сочетания профессиональной военной службы с воинской обязанностью. Мирные инициативы получали свое закрепление в формуле о паритетном с США и другими государствами сокращении вооружений, полной ликвидации ядерного, химического, биологического и других видов оружия массового уничтожения.

В международном разделе проекта акцент делался на формирование надежной системы всеобщей безопасности, инициативное участие в общеевропейском процессе, в развитии многостороннего сотрудничества в деятельности международных организаций, на взаимодействие в решении глобальных проблем. В то время понятие «глобализация» не использовалось в политическом лексиконе. Но проблемы и противоречия

взаимозависимого и взаимосвязанного мира были реальностью и в начале 90-х годов ушедшего века. И эти реалии были учтены в тексте проекта программы.

Международный раздел, в отличие от всех остальных, не вызвал больших дискуссий. Практически ни одно из его положений не оспаривалось. Это единодушие было вызвано простой причиной. Определение приоритетов международной политики считалось прерогативой Горбачева. Даже на XXVIII съезде КПСС, отмеченном небывало острой полемикой, никто из делегатов даже мимоходом не затронул эту тему. Вместе с тем Генеральный секретарь ЦК КПСС перестал посвящать товарищей по партии в подробности своих переговоров как Президента страны с первыми лицами других государств. Негативные последствия этой излишней закрытости мы в полной мере вскоре ощутили. Форсированный сценарий воссоединения Германии, во многом объективно назревший, осуществлялся без закрепления наших внешнеполитических позиций. Витавшая в дипломатических кругах идея возможной нейтрализации Германии в случае ее объединения даже не обсуждалась на межгосударственном уровне. Точно так же остались вне дипломатических обсуждений идеи экспертов об «обмене» нашего ухода из стран Центральной Европы на их обязательства не входить в военно-политические структуры НАТО. Честно признаю, что по сей день не вполне ясны мотивы, которые побуждали Горбачева действовать тогда в отрыве от партийно-государственного руководства страны.

Еще один раздел назывался «За партию политического действия». Уже в названии отражалась новая роль партии в обществе. Фактом стало разделение функций партии и государственной власти.

В заключительной части проекта отмечалось, что основными целями КПСС являются социализм, демократия, прогресс.

Таковы были наиболее существенные положения подготовленного нами проекта. Под председательством М.С. Горбачева 22 июня 1991 года состоялось заседание программной комиссии, которая рассмотрела уже третий по счету проект. Во вступительном слове Генсек предложил два подхода к составлению текста основного документа партии. Первый – составить полноформатную программу на 1990-е годы. Недостаток такого подхода он видел в том, что развернутый документ не позволит в полной мере учесть конкретные вопросы. Хотя, разумеется, долгосрочную программу партии в условиях стабильного развития следовало бы строить именно как полноформатный документ. Однако летом 1991 года страна и

партия уже находились в состоянии глубочайшего политического, социально-экономического, идейного кризиса. Существовала острейшая потребность в уточнении самих ориентиров дальнейшего развития. Для того чтобы сформулировать общественно значимые цели, задачи, надо было вычленить основы последующей общественной эволюции. В каком направлении двигаться, по какому пути развиваться? Начать ли крупномасштабную экономическую реформу, или же сделать упор на государственное регулирование? Единства по этим фундаментальным вопросам в партии не существовало. Не существовало его и в обществе.

Обычных людей, кстати, в гораздо большей степени беспокоила не долгосрочная программа общественного развития, а пути выхода из болезненного кризиса, преодоление массового обнищания. Выше я упоминал о «разочарованном социалистическом сознании» и пытался объяснить его истоки. Но к лету 1991 года эта метафора наполнялась уже новым деструктивным содержанием. Недовольство промежуточными результатами перестройки нарастало. Одни считали, что всему виной правящая партия и социалистический строй как таковой. Другие, напротив, исходили из того, что кризис можно преодолеть лишь за счет укрепления централизованного государственного начала в экономике, торможения темпов рыночных реформ, преодоления деградации культуры и образования, восстановления в обществе коллективистской морали.

Мысли, которые выразил в итоге заседания Горбачев, были тревожными. Отвергая всякого рода обвинения, что внутри партии действует некая «буржуазная фракция», он говорил, что такого рода утверждения несут в себе угрозу саморазрушения партии, которая может проиграть «все политические битвы и все выборы» ближайшего времени. Однако наэлектризованный зал воспринял эти слова не более как полемическую метафору…

Разрушительное противостояние

20 июля 1991 года, ровно через десять дней после инаугурации, Президент РСФСР Борис Ельцин опубликовал один из своих первых указов – «О прекращении деятельности организационных структур политических партий и массовых общественных движений в государственных органах и учреждениях РСФСР». Его сразу же окрестили указом о департизации. Согласно этому документу, прекращалась деятельность первичных и других оргструктур партий и движений по месту работы их членов. Деятельность профсоюзов допускалась только по соглашению между трудовым коллективом и администрацией.

Это был переломный момент в противостоянии президентов Горбачева и Ельцина, причем явно в пользу последнего. Своей акцией, противоречившей, в частности, Конституции СССР, сторонники Ельцина стремились добиться одновременно решения трех ключевых задач в борьбе за власть: изолировать КПСС от ее основной социальной базы, парализовать деятельность низовых парторганизаций и, наконец, превратить Горбачева в «генерала без армии». Политические сторонники Ельцина горячо аплодировали ему.

Хотя указ должен был вступить в силу через две недели (3 августа), было очевидно, что он внесет полную дезорганизацию в партию. Более 200 тысяч первичек насчитывалось в то время на предприятиях и в учреждениях России. Демарш Ельцина требовал немедленного ответа. Политбюро выступило с политическим заявлением, в котором акция Президента РСФСР была названа «антиконституционным, антидемократическим актом, незаконным вмешательством в деятельность общественных объединений и нарушением их прав». Аналогичное заявление сделало Политбюро ЦК Компартии РСФСР. Затем последовали выдержанные в похожем духе заявления ЦКК КПСС, бюро партийных комитетов Вооруженных Сил СССР, КГБ СССР и внутренних войск МВД СССР. С осуждением указа выступил Всесоюзный совет ветеранов войны, труда и Вооруженных Сил, ряд других общественных организаций. Была возможность просто не принимать указ Ельцина во внимание, поскольку он противоречил Конституции, законам СССР «Об общественных объединениях», «О профессиональных союзах и гарантиях их деятельности», Конституции РСФСР, а также ряду международных конвенций. Все это требовало немедленного разъяснения – иначе события могли бы стать неуправляемыми, перерасти в анархию.

Поэтому секретариат ЦК КПСС обратился в Верховный Совет СССР. Мы попросили парламентариев поручить Комитету Конституционного надзора СССР дать заключение о соответствии данного указа Конституции и законам страны.

Однако к тому времени в отдельных регионах парткомы уже были вытеснены с предприятий. Имели место случаи произвольного роспуска первичных, цеховых парторганизаций, вывода парткомов с территории предприятий. Так произошло, например, на некоторых предприятиях Донецкой, Кемеровской, Самарской, Свердловской областей России. В ряде республик дела обстояли хуже. В отдельных районах Армении, Грузии, Молдавии, Литве, Латвии, в западных областях Украины «демократически» настроенные органы власти, отдельные руководители силой захватывали здания и автотранспорт, принадлежавшие райкомам и горкомам КПСС. В Литве Народный фронт «Саюдис» предложил правительству Литвы считать организации КПСС «преступными» и принять меры к полной блокаде их жизнеобеспечения.

В это критическое время было очевидно, что над КПСС нависла угроза оттеснения на обочину политического процесса. Многое тогда зависело от четкой и последовательной позиции Генерального секретаря. Видимо, такие ощущения испытывали и другие участники пленума. На июльском Пленуме ЦК был рассмотрен доклад Горбачева «О проекте новой программы». В самом начале выступления он подчеркнул значение программы, которая принимается в неординарных, кризисных для партии и страны условиях.

«У партии нет былых командных высот, – заявил М.С. Горбачев. – Следовательно, можно и нужно действовать политическими методами – идти к людям, убеждать их, бороться за избрание своих представителей в органы власти. А там, где это не удастся, составлять конструктивную оппозицию, поддерживая разумные меры властей и оппонируя им, когда это необходимо для защиты интересов трудящихся».

Генсек выразил свою позицию, но упустил весьма существенный момент – новую линию провести в жизнь будет неимоверно трудно, внутрипартийный кризис углублялся.

Часть участников назвала проект прогрессивным и реформаторским. Суть критики выражалась в понимании и трактовке наиболее важных аспектов, зафиксированных в проекте. Это прежде всего отношение к рыночным реформам, методам и темпам их проведения. Так, например, директор ИМЭМО АН СССР академик В.А. Мартынов, одобрив документ в целом, высказал свои критические замечания. Он предложил

резче и определеннее поставить вопрос о насущной необходимости проведения экономических реформ в стране. Свою точку зрения он обосновывал острой внутриэкономической ситуацией и положением в мире. По его мнению, ошибка перестроечного периода в области экономики заключалась в том, что назревшие реформы проводились неуверенно, чрезвычайно медленно.

Другой оратор, директор Института экономики АН СССР академик Л.И. Абалкин, высказав ряд критических замечаний, подчеркнул сложность попытки определения нового общества в двух понятиях – капитализма и социализма. «Такая попытка, допустимая сто лет назад, сегодня непригодна, не отражает реальных перемен, происшедших в мире».

Председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов выразил в своем выступлении опасение, что под предлогом укрепления исполнительной власти в стране начинается кампания за устранение Советов. Тезис политиков «новой волны» о так называемой несостоятельности Советов он объяснил не просто их желанием создать парламентскую систему по западным образцам, а более прозаическими устремлениями. Их скрытую цель он видел в том, чтобы вывести из-под контроля представительных органов решение практических вопросов перехода к рыночной экономике, в первую очередь разгосударствление и приватизацию.

В проекте было записано: «Демократизация КПСС предусматривает гибкие формы ее организационных структур, постоянных и временных объединений коммунистов, позволяющих действовать эффективно, концентрировать силы всех звеньев партии во время подготовки к выборам в органы власти, проведения референдумов и других политических кампаний». Представитель Московской городской организации партии отметил, что «часть партийных организаций КПСС, включая московскую, выступает за многопартийность, за широкое народное представительство Советов».

Участники июльского Пленума были едины в том, что отныне, когда многопартийность становится для КПСС реальностью и испытанием на политическое долголетие, ей предстоит серьезная борьба за власть. С учетом этого важного момента большинство участников Пленума, несмотря на несовпадение взглядов по отдельным вопросам, высказалось за принятие проекта программы за основу.

Бессонная ночь

Заседание Пленума подходило к концу. Многие точки над «i» были расставлены. Но лично меня в ближайшие часы ждала напряженная и сложная работа. Поскольку я возглавлял редакционную комиссию, то именно мне предстояло собрать все замечания и дополнения к проекту и как бы склеить его заново.

Членам редакционной комиссии надо было засучивать рукава и браться за работу. Иногда совместить разные формулировки, которые были предложены в ходе обмена мнениями, было невозможно, поскольку одна прямо исключала другую. Редакционная комиссия в широком составе, заседавшая несколько часов, по целому ряду вопросов не смогла прийти к общему мнению.

Редактирование окончательного варианта проекта пришлось отрабатывать вначале в узком кругу. До сих пор ощущаю запах табачного дыма в моем насквозь прокуренном кабинете. Каждый хотел быть услышанным. Разумеется, сказывалось естественное несовпадение взглядов. Одни чисто психологически не могли отрешиться от старых постулатов, другие предлагали писать программу с чистого листа. Мешали двигаться вперед разногласия в понимании отдельных терминов.

В тот вечер я уяснил для себя одну истину: очень грамотные, образованные, умные люди порой приходят к пониманию друг друга с неимоверно большим трудом, нежели заурядные обыватели. Мешает при этом нередко именно обилие и специализация знаний. Отсюда столкновение и конфронтация взглядов и мнений. Каждый участник дискуссии приводит нетривиальные аргументы для защиты собственной точки зрения. Это делает работу чрезвычайно интересной, но часто заводит ее в тупик.

В итоге члены комиссии разошлись поздно ночью, не доведя дело до конца. А время неумолимо двигалось вперед. Мне ничего не оставалось, как продолжить работу вместе с моими помощниками по работе в ЦК. Работали до самого утра. Несколько раз прошлись по базовому тексту. Детально разобрали еще раз буквально каждый тезис. Затем я предложил вычленять принципиально новое из поступивших предложений и сопоставлять это с узловыми положениями проекта программы.

По-моему, та ночь стала для меня и моих советников бессонной не напрасно. Проект программы включил в себя основные наработки коллективной мысли партии. В представленном для публикации виде он составил рабочую

основу для внутрипартийного консенсуса, исключал угрозу раскола партии.

Провозгласив приоритет общественного консенсуса на основе базовых социальных ценностей, партия могла предложить обществу выход из кризиса, в котором оно оказалось в результате скоропалительных реформ и необдуманных, а часто и корыстных действий политиков всех уровней и рангов. В основе предлагаемого КПСС программного документа лежали вековые социалистические ценности, понятие социальной справедливости, этика гуманизма. Термин «коммунизм» употреблялся лишь в названии партии и в названиях некоторых разделов программы.

Партия становилась на путь эволюционного социального реформизма. Это заметно приближало ее к традициям европейского левого, коммунистического и социал-демократического движения, позволяло занять достойное место в международном сообществе демократических партий.

Оставалось провести съезд и окончательно одобрить новый стратегический курс. Однако этого, к большому историческому сожалению, не произошло.

Просматривая личные архивы, копии документов Государственного архива (1989–1991 гг.), воспроизводя в памяти многочисленные свободные и весьма острые дискуссии по проекту новой Программы КПСС, получаю неизменное подтверждение того, сколько подводных рифов и скал приходилось обходить, чтобы партия встала на путь обновления, обрела политическую волю соединиться с историческим массивом русской левой мысли начала XX века, а самое главное – обрела современную, обращенную в будущее стратегию действий.

Глава 5
Последний месяц лета

У бастующих шахтеров Донбасса

Несколько рабочих недель после июльского Пленума пролетели в поисках путей практической реализации его директив как один миг. Сказывались постоянные перегрузки, хотелось вырваться с семьей к морю в отпуск. Но было очевидно, что это нереально. Огромная страна бурлила. Массовые забастовки, нарастающий дефицит продуктов питания и промтоваров, деструктивные действия оппозиции, порождающие угрозу двоевластия, а также другие кризисные явления были налицо.

Засиживаться далее в Москве было невозможно. Мое решение встретиться с донецкими шахтерами родилось, конечно же, под влиянием этих тревог и опасений.

Итак, 15 августа я оказался в столице шахтерского Донбасса, в Донецке. К тому времени огромный угольный бассейн был охвачен забастовкой, которые шли тут уже не первый год. Один из согласительных протоколов между правительственной комиссией и стачечным комитетом, подписанный в Донецке в 1989 году, содержал и такие обязательства: «…поддержать в принципе предложение о систематической корректировке уровня заработной платы (или повышении тарифа) в соответствии с ростом общего индекса цен. Обеспечить корректировку в связи с этим размеров пенсий и пособий. Поручить Донецкому исполкому, научно-экономическим коллективам города Донецка подготовить предложения по методологии этих расчетов. Госкомтруду СССР и ВЦСПС учесть эти разработки при подготовке соответствующих предложений для их внесения в правительство. Срок – III квартал 1989 года». Два года спустя не выполнялась ни эта договоренность, ни соответствующее постановление правительства. Ситуация находилась на крайней грани напряжения.

Десятилетиями Донбасс был одним из наиболее промышленно развитых регионов страны. Здесь возводились крупнейшие предприятия черной и цветной металлургии, машиностроения. Производились горное, металлургическое оборудование, химические реактивы, пластмассы, продукция легкой и бумажной промышленности. Основной же отраслью являлась угледобыча. Она долгое время велась здесь более интенсивно, чем в Кузбассе, на Урале и в Воркуте – других крупных шахтерских регионах СССР. Тому были свои причины: относительно благоприятный климат, развитая инфраструктура, близость черноморских портов. Шахтоуправления Донбасса не

испытывали недостатка в квалифицированных кадрах. Заработки шахтеров всегда были высокими. Все это способствовало наращиванию объемов добычи. Но у медали была и обратная сторона. Со временем часть угольных разрезов истощилась. Рентабельность шахт снижалась. Дальнейшая их эксплуатация требовала значительных капиталовложений для реконструкции, но в условиях финансово-экономического кризиса изыскать достаточные средства было невозможно.

Определенные трудности Донбасс испытывал и до перестройки. Но общий экономический кризис, пришедшийся как раз на конец 1980-х – начало 1990-х годов, многократно усугубил сложное положение. Обширный регион оказался на грани социально-экономической катастрофы.

Положение горняков ухудшалось. Существенно понизилась покупательная способность заработной платы. Система социального обеспечения, к исправной работе которой привыкли за годы «застойного социализма», начала давать сбои. Возникли проблемы с продуктами питания. Доходило до того, что иногда приходилось экономить мыло в шахтерских душевых.

Шахтеры стали первыми, кто в период перестройки начал масштабные забастовки с целью улучшить свое социально-экономическое положение. Столь мощное выражение протеста еще совсем недавно трудно было бы себе представить.

Весной 1991 года в Донецкой области весной бастовали горняки 25 предприятий из 122 шахт и шахтоуправлений. Зима выдалась тогда относительно мягкой, и в январе – феврале шахтеры обеспечили потребность тепловых электростанций и коксохимических заводов в топливе и сырье. Тем не менее оснований для благодушия не было: почти весь уголь шел в дело с колес, склады остались пустыми. По сравнению с 1985 годом угледобыча упала почти на 20 миллионов тонн.

С 1 марта, когда началась забастовка, поток угля и вовсе обмелел. На всех металлургических комбинатах и заводах доменные печи были переведены на тихий ход. На остатках сырья поддерживались в рабочем режиме коксохимические батареи, которые, как известно, работают только по непрерывному циклу. Остывшая коксовая батарея или домна – это уже не грандиозное орудие производства, а никому не нужный утиль.

В конце марта 1991 года переговоры с бастующими вел заместитель министра угольной промышленности Е. Кроль. Тогда же шахтерский вопрос пытались решать и в Верховном Совете СССР. 25 марта депутаты начали рассматривать проект постановления, направленный на возобновление работы шахт. Уже на следующий день Верховный Совет дал поручение

Правительству СССР. Совместно с правительствами республик ему надлежало незамедлительно начать рассмотрение пакета экономических и социальных требований региональных рабочих комитетов угольных бассейнов; с участием представителей шахтерских коллективов, профсоюзов горняков выработать согласованные меры по улучшению условий труда и материального положения шахтеров, оздоровлению развития отрасли. Предлагались и административные меры: привлечь к ответственности должностных лиц, по вине которых не были выполнены предыдущие правительственные постановления, принятые для улучшения социально-бытовых условий и условий труда шахтеров.

Но что сказать рабочим? Было решено применить союзное законодательство. Согласно статье 9 закона о порядке разрешения трудовых споров, Верховный Совет СССР имел право приостановить на два месяца забастовки на предприятиях угольной промышленности. Он воспользовался им, вписав соответствующий пункт в постановление. Всем трудовым коллективам, профсоюзным и рабочим комитетам предприятий базовых отраслей народного хозяйства было рекомендовано воздержаться от проведения забастовок до конца 1991 года.

Общее настроение было таким: убедить правительство и трудовые коллективы сесть за стол переговоров. Но забастовки не прекратились. Причем их с максимальной выгодой использовала в своих интересах политическая оппозиция.

Продолжавшие бастовать шахтеры не ограничивались выдвижением только социально-экономических требований. Все чаще раздавались призывы к отставке правительства, Президента. Стачечные комитеты настаивали: руководство страны должно объективно оценить тяжелые условия труда горняков, убедиться в том, что уровень их оплаты не обеспечивает людям нормального существования.

Были ли требования шахтеров справедливыми? Ответить, что они были во всем правы, не могу. Но, разумеется, мириться с существующим положением было нельзя. Снижение добычи угля из-за забастовок сразу же вызвало острейший кризис в металлургии, привело к ощутимым убыткам на железнодорожном транспорте, вызвало недогрузку тепловых электростанций, негативно отразилось на других жизненно важных объектах народно-хозяйственного комплекса. Словом, развертывалась «цепная реакция» кризиса.

Ко всем экономическим трудностям Донбасса, в отличие, может быть, от других угледобывающих регионов, добавлялась еще одна острейшая проблема – экологическая. Пассажиры

нашего самолета ощутили ее при подлете к Донецку. Во время снижения салон лайнера, несмотря на герметику, наполнился специфическим запахом гари. Некоторые запаниковали – решили, что задымились двигатели. Но запах шел снизу, с земли. Посмотрев в иллюминатор, я увидел горные цепи гигантских терриконов. Это были тлеющие отвалы отработанного угля. Горы среди степей. Почти марсианский пейзаж.

В аэропорту меня встречал первый секретарь Донецкого обкома КПСС Евгений Васильевич Миронов. Он сообщил мне, что в последние годы сюда не приезжал ни один член Политбюро. По первой специальности я был геологом – горным инженером. В студенческие годы защитил дипломную работу именно по этой специальности. Эти почти забытые знания пригодились. В некоторых специфических проблемах Донбасса мог разобраться.

После кратких слов приветствия двинулись в путь. Сначала секретарь обкома не сказал, куда едем. Но когда остановились, увидел, что мы в знаменитом пригородном парке-заповеднике, о котором Миронов рассказывал еще в столице. По-южному пышная растительность, фруктовые и вечнозеленые деревья, цветочные клумбы, фонтаны и водоемы как бы компенсировали вторжение человека в земную твердь этого края.

В заповеднике легко дышалось – намного легче, чем при подлете к Донецку. Но впереди были дела, и мы, развернув машину, отправились в Донецк.

В городе было невероятно жарко и душно. От гари першило в горле. Евгений Васильевич вводил меня в курс дела в своем кабинете. Обстановка в области оказалась более серьезной, чем можно было предположить. Реагируя на рост цен, профсоюз горняков требует повышения тарифных ставок. Но как, за счет чего этого добиться? Забастовки ведут к падению угледобычи. Впору ставить вопрос об импорте угля. Из каких средств повышать зарплату?

Другая проблема – работа металлургических предприятий. Резко сократились поставки коксующегося угля из Воркуты. Там тоже бастуют шахтеры, а своего коксующегося угля в Донбассе практически нет.

– Понять людей можно, – продолжал Миронов. – Были всем, стали ничем. От высокой зарплаты – к полунищенскому существованию. У нас теперь как в Европе: митинги, забастовки. Очень переживают шахтеры падение достатка. Наверное, больше, чем другие. Начало перестройки поддержали с энтузиазмом, а теперь клянут Горбачева на чем свет стоит.

Миронов находился в сложнейшем положении. Трудовой путь он начинал в шахте. Изучил все тонкости горняцкого дела,

побывал, и не раз, на всех шахтах Донбасса. Но когда начались забастовки, стачком повернулся к нему спиной. К его мнению перестали прислушиваться. Даже разговора не получалось, не то что «консенсуса». Как партийный лидер, он был готов к любому диалогу, к самому острому разговору, к совместному поиску решений. Но его бывшие коллеги-шахтеры перестали доверять руководству.

– Я на шахтеров не в обиде, – пояснил Миронов. – В начале перестройки они своим примером вывели миллионы людей из спячки. Но увлеклись, поддались эйфории легких перемен. На этом, думаю, и сломались. Попробуй им теперь объясни, что реформы – дело долгое и трудное. Нельзя за пятьсот дней изменить общественный строй, который складывался десятилетиями. А про деньги, которые нужны на эти реформы, и говорить не буду.

Было заметно, что проблемы угледобывающей отрасли по-настоящему волнуют его. Он глубоко понимал корни зла. Я слушал не перебивая. «У нас, как и везде, требуют самостоятельности. Прямо помешались на ней. Но на что она им сдалась? Не раз пытался объяснить: станете самостоятельными, значит, за все будете платить из своего кармана: за крепежный лес, металлоконструкции, оборудование, вагонетки. А уж о льготных путевках в санатории забудьте и думать».

Среди потенциальных опасностей секретарь обкома назвал и грядущую безработицу «Нерентабельные шахты надо, конечно, закрывать. Но что предложить людям, потерявшим работу? Открывать новые предприятия? Такие замыслы были. Кое-что сделали. В местном бюджете нашли деньги на перепрофилирование, обучение новым профессиям. Но этого мало. Можно досрочно отправлять на пенсию. Но это тоже не выход».

Я спросил об отношении в области к экологическим проблемам. Миронов ответил, что положение тяжелое, но серьезных возмущений пока нет. Ко многому люди просто привыкли. Хотя болеют и взрослые, и дети. Разумеется, нужны радикальные оздоровительные меры. Но опять же, где деньги?

Вечером в гостинице отметил в блокноте основные темы завтрашнего выступления перед шахтерами. Заранее составленными текстами пользуюсь редко – в основном в официальных случаях. А здесь тем более был нужен доверительный разговор.

Наутро беседовал с партийными работниками, председателем областного Совета народных депутатов. Во второй половине дня поехал с помощником на встречу с активом области. Конференц-

зал был заполнен до отказа. Все окна открыты, но от духоты это не спасало – на улице плюс тридцать. Для Донецка с его экологией температура не самая лучшая.

Меня представили, дали слово. Вкратце рассказал о политическом положении в стране, о значении нового Союзного договора. По первой реакции зала было видно: мои доводы в пользу Союзного договора здесь принимают. Восточная Украина всегда была тесно связана с Россией. В Донбассе, в отличие от западных областей Украины, сепаратистских настроений не существовало.

Продолжая выступление, подчеркнул, что конфронтация усугубит и без того тяжелое положение в стране. Для преодоления опасных, разрушительных тенденций важно крепить связь Советов, партийных организаций с массами, рабочим движением, позитивными общественными силами и самодеятельными формированиями трудящихся. Наше общество устало от конфронтации, настало время единения и совместного движения вперед.

Сказал и о том, что снятие экономической напряженности невозможно без примирения интересов разных социальных групп.

– Наглядный пример – шахтеры, – подошел я к ключевому пункту. – Пусть на меня не обижаются. Когда они добиваются немедленного повышения своей отраслевой зарплаты, преимуществ в снабжении, то обирают своих же ближних. Хорошо, когда люди осознают собственные интересы, готовы их отстаивать. Но не надо делать это за счет других. В стране живут не только шахтеры. Что будет, если вслед за ними потянутся врачи, учителя, металлурги? Они ведь тоже имеют право на достойную жизнь.

Потом долго отвечал на непростые вопросы. Спрашивали об отношениях Ельцина и Горбачева, об экономических мерах правительства. Потом еще около получаса беседовал с теми, кто задержался в зале. Вечером правил стенограмму выступления для публикации в местной печати. Организацией освещения моего визита в СМИ занимался секретарь Донецкого обкома КПСС по идеологии Петр Симоненко. Делал это профессионально и оперативно. Позже, после распада Союза, он стал первым секретарем ЦК Компартии Украины, возглавил фракцию коммунистов в парламенте, занимал в этой высокой должности последовательные конструктивные позиции.

Утром следующего дня поехали к шахтерам Горловки. У шахтоуправления нас уже ждали. Надели спецовки, каски, спустились в шахту. Чуть отойдя от главного тоннеля, оказались в штреке. Невольно вспомнилось знакомое. Но здесь я еще раз

понял, какому риску подвергают себя каждую минуту горняки в забое. Это в роскошном московском метро, облицованном мраморными плитами, не видишь, что над тобой нависают тысячи тонн грунта. В шахте иначе. По узкому штреку приходится передвигаться в полусогнутом положении. Под ногами вода, сверху капает. Сыро, холодно. Глыбы породы удерживаются крепежным лесом и металлоконструкциями. И не все в идеальном состоянии.

Коварный враг шахтера – газ. Вот его сразу не распознаешь. А когда распознаешь, то уже поздно что-либо предпринять. Вот почему так высоко всегда ценился труд горняка. Впрочем, как и метростроевца. Раньше в пятьдесят пять лет они имели право на хорошую пенсию. А что теперь?

В забое состоялся разговор с шахтерами. Они не уходили от живого общения. Возможно, подействовал мой уверенный, вполне горняцкий вид – в каске, спецовке, с лицом, измазанным угольной пылью. А может быть, просто говорил искренне. Во всяком случае, слушали не перебивая. Хотя по выражениям лиц трудно было определить, что за этим стоит: внимание или недоверие.

Я пытался, как мог, убедить шахтеров, что их стремление к самостоятельности, с одной стороны, вполне нормально. Проводимые в стране реформы как раз и нацелены на то, чтобы помочь инициативе трудовых коллективов. Но не следует при этом считать разгосударствление самоцелью. Практически во всех странах, за исключением США, угольная отрасль убыточна, подпитывается государственными дотациями. Другое дело – решить вопрос, кто должен быть реальным хозяином на шахте: министерство или трудовой коллектив. Эти мысли, кажется, пришлись шахтерам по душе. Обстановка несколько разрядилась. Когда поднялись наверх, члены забастовочного комитета уже накрывали скромный обеденный стол. Пригласили и Миронова. Там же был и первый заместитель министра угольной промышленности Щадова – он прилетел в Донецк днем раньше.

На этом знакомство с шахтерами не закончилось. После обеда отправились в знаменитую Макеевку. В шахтерском клубе, где было запланировано выступление, меня встретили вначале настороженно. Сказал примерно то же самое, что и шахтерам Горловки. Отвечал на вопросы. Постепенно напряжение спало, так что расстались дружелюбно. В Донецк вернулись ближе к полуночи, подвели итоги встреч и бесед с шахтерами. Впереди было воскресенье. Миронов предложил остаться еще на один день – осмотреть местные достопримечательности, немного отдохнуть. Поблагодарив за приглашение, отказался. В Москве, судя по отрывочным сведениям, нарастало какое-то напряжение.

Бывший с нами замминистра угольной промышленности тоже не смог остаться в Донецке на воскресенье. Сказал, что из Москвы звонил Щадов и велел «срочно возвращаться». Правда, я не придал тогда этим словам особого значения – обычное дело, министр вызывает своего заместителя по каким-то неотложным делам. И только позже вспомнил, что произнесено это было каким-то странным тоном. Теперь понимаю, что Щадов, вероятно, был, что называется, в курсе назревавших событий и собирал своих людей, которые могли понадобиться в любой момент.

Глава 6
Роковой август

18 августа вместе с находившимися со мной в Донецке работниками ЦК вернулись в Москву в аэропорт Внуково обычным рейсом Аэрофлота. В это солнечное воскресенье ничто не предвещало, что следующий понедельник окажется поистине черным. Попросил помощника Владимира Алексеевича Червиченко выйти на следующий день на работу, хотя у него уже начинался отпуск.

После просмотрел накопившуюся за время моей поездки в Донбасс почту. Бумаг было много. Все важные, но ничего чрезвычайного. Около 4 часов дня вместе с супругой вышли погулять по территории дачного поселка Усово. Навстречу шел Аркадий Иванович Вольский. Мы давно знали друг друга, были в добрых, товарищеских, можно сказать, доверительных отношениях.

Вольский без всяких вводных рассуждений заявил, что ему в тот день звонил Михаил Сергеевич Горбачев и сказал, что у него острый радикулит и он не сможет быть в Москве 20 августа.

Ничего себе! На 20 августа в Кремле было назначено подписание нового Союзного договора с участием Президента СССР и руководителей республик.

Я Аркадия Ивановича не спрашивал, почему Михаил Сергеевич именно ему звонил и кому Генсек звонил еще. Вольский об этом тоже ничего не сказал. Сошлись на том, что все прояснится. Радикулит – болезнь излечимая. Но было ясно: 20 августа подписание Союзного договора не состоится. Это вызвало у меня огромную тревогу.

Добравшись до аппарата правительственной связи, я связался с Владимиром Антоновичем Ивашко, заместителем Генсека ЦК. Ивашко находился в санатории «Барвиха». Мы условились встретиться на следующий день.

В вечерних теленовостях передали репортаж об обострении ситуации в зоне карабахского конфликта. Я тут же позвонил В.А. Крючкову, председателю КГБ. Трубку взял дежурный офицер и сказал, что председатель только что вышел. На вопрос, не вернуть ли его, я ответил утвердительно.

Крючков объяснил, что в Карабахе происходит очередная эскалация, но ситуация находится под контролем.

А на следующий день, 19 августа, произошли события, полные драматизма, ставшие необратимым началом распада

нашей великой страны.

Раннее утро 19 августа застало меня в дачном поселке Ильинское на Рублевском шоссе, где в то время находились дачи некоторых секретарей и членов Политбюро. После многодневной поездки в Донбасс не смог, вопреки обыкновению, встать в шесть утра, чтобы начать теннисную разминку в спорткомплексе поселка. Меня разбудил помощник В.Ф. Ли, живший на соседней даче, и тут же сказал: «Александр Сергеевич! Включите телевизор, очень важное сообщение…» И здесь я впервые услышал новое слово: ГКЧП…

Об утреннем теннисе не могло быть и речи. Вскоре я уже был в своем рабочем кабинете на Старой площади. Туда же срочно приехали мои помощники и руководители отделов и секторов. Дорога в город была довольно спокойной. Но меня неотвязно мучила мысль: почему члены ГКЧП действуют втайне от ЦК, какова позиция Генсека и его заместителя и, может быть, не случайно в эти дни я оказался вдали от Москвы, в Донецке…

В начале одиннадцатого все секретари, находившиеся в это время в столице, собрались в зале заседаний секретариата ЦК. Оставшийся «на хозяйстве» секретарь ЦК Олег Шенин сделал сообщение: находящийся в Форосе Горбачев «недееспособен», поэтому ГКЧП во главе с Г. Янаевым берет верховную власть в свои руки. Тут же посыпались вопросы: что означает «недееспособен»? Шенин уклонился от точного ответа, хотя дал понять, что знает намного больше, чем мы. Наступила неловкая пауза, после которой он предложил информировать партию о новой ситуации. Проект телеграммы был лаконичным, всего несколько фраз, написанных Шениным. Констатируя введение чрезвычайного положения в стране, шифрограмма рекомендовала принять «…меры участия коммунистов в содействии Государственному комитету по чрезвычайному положению». Однако следующая фраза, предложенная Фалиным и вписанная в шифрограмму моей рукой, гласила: «В практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР». Уверен, что именно прямая апелляция к Конституции спасла партию от погрома, а наше общество от гражданской войны. Тем более, скажу об этом ниже, ГКЧП действовал за спиной партии.

Вернувшись в свой рабочий кабинет, немедленно связался с Янаевым, от которого узнал, что с Горбачевым по части здоровья «все в порядке». Вечером, предварительно созвонившись, поехал к заместителю Генерального секретаря Ивашко, который в то время находился на лечении в санатории «Барвиха». Мы вышли на балкон, где между нами состоялся доверительный разговор. Оказывается, днем 18 августа в Форос тайно вылетали Шенин,

Бакланов, Варенников, Болдин и Плеханов. Но Горбачев отказался вести с ними какие-либо переговоры о сдаче своих полномочий.

Закулисная подоплека событий 19 августа даже сегодня остается не вполне известной. Но общая ситуация для меня тогда все же прояснилась. В стране складывалось своего рода многовластие: Горбачев, Ельцин, ГКЧП и ЦК КПСС. Я обращаю внимание на это потому, что попытка ассоциировать секретариат и Политбюро ЦК КПСС с ГКЧП с самого начала была несостоятельной.

Не буду останавливаться подробно на событиях тех дней. О них уже достаточно сказано. Телефоны на Старой площади разрывались. Некоторые партийные руководители, как, например, первый секретарь ЦК Компартии Украины, прямо заявляли, что ничего не могут понять. Что на самом деле происходит в столице?

В наши дни нередко спрашивают: как могло случиться, что за спиной Политбюро ЦК предпринимались действия группы высокопоставленных государственных лиц, вылившиеся в ГКЧП? Вопрос непростой. Считалось, что наиболее товарищеские рабочие отношения сложились между мной и Олегом Семеновичем Шениным, курировавшим Организационный отдел. Мы часто встречались для координации наших направлений работы. Поэтому его вовлеченность в дела ГКЧП за нашей спиной во время августовских событий повергла меня и других секретарей ЦК в крайнее удивление. Чего больше было в его действиях – осознанного выбора или амбициозности, точно не знаю. Думаю, что второе.

В августовские дни 1991 года связи между руководством партии в Москве и партийными организациями союзных республик и регионов страны были парализованы. Для одних сложившееся положение в столице было причиной выжидания, другие встали на путь партийно-политического сепаратизма. 20–22 августа мне звонили первый секретарь ЦК КП Украины С. Гуренко, секретарь ЦК КП Азербайджана В. Поляничко, секретарь ЦК КП Эстонии и др. Разговоры ограничивались обменом информации о реакции на события в Центре и на местах.

Сразу же после провала путча в стране поднялась беспрецедентная волна не только антикоммунизма, но и антисоветизма. Вначале понять это явление было очень трудно.

Одним из самых злостных хулителей КПСС оказался Ярошенко – депутат Верховного Совета СССР, попавший туда по списку из ста человек, которые были рекомендованы от ЦК. Точнее говоря, этот список был составлен Горбачевым и людьми из его ближайшего окружения. Я сомневаюсь, что Ярошенко

сумел бы победить на нормальных выборах в честном, открытом соперничестве.

24 августа антипартийная истерия достигла пика. На пленарном заседании Верховного Совета в Кремле голословные обвинения превратились в море злословия на руководство партии. Я выступил и заявил, что секретариат и Политбюро не имеют никакого отношения к событиям 19–21 августа. Организаторы действовали в обход и за спиной ЦК. Вначале мне показалось, что многие депутаты ждут продолжения моего выступления, чтобы составить непредвзятую картину произошедшего.

Однако откуда-то сзади послышался визгливый голос одного из депутатов, имя которого не хочу называть. Он прокричал, что якобы есть некие документы, подтверждающие, будто именно ЦК организовал путч. После этих слов в зале произошло невообразимое: депутаты, которые никогда не могли видеть никаких документов, хотя бы косвенно подтверждающих связь партии с ГКЧП (таковых не существовало в природе), неожиданно, как по команде, перешли к голословным выкрикам. Эти несколько человек и создали общую атмосферу. Людей захватили эмоции.

Не знаю, с чем можно сравнить атмосферу тех дней. Скорее всего, с тем, что мы, в России, с горечью обозначаем словами «враги народа». Тогда всех оппонентов политического режима и даже колеблющихся клеймили как «врагов народа», «иностранных шпионов», «троцкистов».

Теперь времена изменились. Руководству партии пытались приклеить другое клеймо: «путчисты». Забегая несколько вперед, скажу, что тенденциозное, явно политизированное следствие по делу КПСС, имевшее цель показать прямую причастность руководящих органов партии к событиям 19 августа, со своей задачей не справилось, хотя приложило все силы, чтобы угодить новым властям. Но 24 августа об этом еще никто не знал. Расчет делался на силу инерции – связывать все, что происходит в политической жизни страны, с действиями ЦК.

Трудно сейчас представить, сколько сотен, а может быть, и тысяч людских судеб было покалечено в те горькие дни. Ломались жизни. Волны большого несчастья катились по стране.

Есть свидетельства, что из-за августовских событий многие покончили жизнь самоубийством. Об одних узнала вся страна, других оплакали только родные и близкие.

Одна из таких трагедий особенно запала в душу. Я жил в Москве в двухкомнатной квартире в доме на улице Щусева. Дом приобрел известность, когда в нем отделали многокомнатную

квартиру на целый этаж для Л.И. Брежнева. Правда, увидев излишества внутренней отделки, семья Леонида Ильича отказалась занять квартиру. Уверен, здесь сыграли роль прежде всего этические соображения, несмотря на все разговоры и пересуды о страсти Брежнева-старшего к иностранным автомобилям, а его дочери Галины – к драгоценностям.

Так вот, в этом доме имел квартиру и жил также начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, один из талантливых советских военачальников Михаил Алексеевич Моисеев. Однажды, через полтора-два месяца после августовских событий, я случайно встретил его у подъезда. Он заметно осунулся, было видно, что с ним что-то неладно. Я спросил, почему его давно не было видно, как складывается служба. Он ответил, что недавно вернулся из Приморья с похорон отца, Алексея Михайловича, фронтовика, прошедшего Великую Отечественную войну.

– Умер внезапно, – рассказывал генерал. – Стоял в очереди в магазине. Подошла соседка, посочувствовала, что жалко, мол, Мишу, рано ушел он из жизни. – Она, простая женщина, слышала о смерти маршала Ахромеева, покончившего с собой в августовские дни, но почему-то посчитала, что трагедия произошла со мной – я ведь тоже военачальник, и мы в чем-то похожи с ним даже внешне. После этих слов у отца не выдержало сердце. Он умер там же, в очереди.

Происходили и другие экстраординарные события. Если бы не августовские дни 1991 года, я, возможно, так никогда бы и не узнал, что произвол под флагом «демократии» практически не отличается от тоталитарного, каким его нередко описывают в книгах. Без соблюдения каких-либо правовых норм десятки сотрудников то и дело вызывали на изнурительные допросы. Думаю, и об этих допросах, и об их методах еще будет сказано.

В мое отсутствие (я в это время находился в Верховном Совете) к нам домой приехал прокурор в сопровождении нескольких человек. Ничего из того, что заинтересовало бы прокурора, не нашли. Зачем-то забрали листок со стихами моего друга академика Примакова. В пору каких-то душевных раздумий он тепло и искренне написал мне о том, какая нелегкая доля выпала на наше поколение. В стихах не было и намека на какую-либо политику, но поразительно точно передавалось основное жизненное кредо – никогда не терять своего лица, быть готовым «…испить до конца свою судьбу».

Приведу текст этого «крамольного» произведения.

Другу А.С. Дз.

Давай подольше проживем
Без шишек, синяков,
Грибов корзину соберем,
Подышим глубоко.

Пойдем к друзьям на огонек —
Там рады нам всегда.
Никто не спустит вслед курок,
Согреет тамада.

К сердцам протянет легкий мост
Из добрых, теплых слов,
Витиеватый скажет тост
За дружбу и любовь.

В сопровожденье Уастерджи
Поедем в Алагир —
Рассвет в горах, родник, хурджин,
В нем осетинский сыр.

Неужто и отсюда нам
Захочется назад,
В людскую толчею, бедлам,
В мир окриков, команд.

Но если так произойдет,
Грош ломаный цена
Мне и тебе, а может, рок
Нам все испить до дна?

1991 г.

Эти строки были написаны месяца за три-четыре до августовских событий и, конечно, никакого отношения к ним не имели. Но прокурор решил, что это могло быть сочинено и позже, со специальной целью и скрытыми намеками. Вскоре, правда, стихи мне вернули, хотя наверняка сняли ксерокопию и на всякий случай подшили к следственному делу.

Следователи, вызванные из разных регионов, разместились в двадцатом подъезде одного из зданий на Старой площади, там, где находился ЦК Компартии Российской Федерации. На допросах здесь побывали многие партийные и советские работники. Насколько мне известно, никто тогда не спасовал, не смалодушничал, не пытался как-то выгородить себя, переложить

ответственность на других. Меня как «свидетеля», должен отметить, допрашивали очень тактично, не осуществляя каких-то грубых провокаций.

Как-то в Москве объявился прокурор из Литвы. Позвонил мне в Кремль и сказал, что имеет поручение генерального прокурора Литовской Республики пригласить и допросить меня в качестве свидетеля. Я ответил, что если у него есть необходимость встретиться, то пусть приходит сам ко мне в кабинет. В конце концов этот прокурор пришел в мой кабинет в Кремле и начал задавать вопросы о моих связях с Бурокявичусом, первым секретарем ЦК партии Литвы. Его спесь, излишне формальный тон я сбил сразу. Вкратце рассказал ему о своих рабочих встречах, охарактеризовал Бурокявичуса как опытного политика, вдумчивого и интеллигентного человека.

– Было ли вам известно, – настаивал прокурор, – что они вели дело к государственному перевороту?

Я ответил, что никогда, нигде, ни на заседаниях, ни в разговорах со мной Бурокявичус ни о каких намерениях и планах не говорил. Более того, на всех заседаниях он выступал только как лидер компартии своей республики, никогда не подменял правительство, давая политические оценки событиям. Его позиция базировалась на том, что Советский Союз – одна страна, у нас есть нерешенные проблемы. Их надо решать открыто, в рамках закона. Это никак нельзя назвать «заговором».

Как известно, Бурокявичуса позднее все же арестовали, годы он провел в тюремной камере.

Между тем политические тучи в Москве сгущались с каждым днем. Я чувствовал, что необходимо предпринять какие-то срочные меры, чтобы овладеть ситуацией. В конце августа решил собрать заседание Комитета Верховного Совета СССР по международным делам, где со всей прямотой заявил, что в стране, судя по всему, начинается «охота на ведьм». Я чувствовал, что коллеги понимают мою тревогу. Правда, не все…

Академик Гольданский, композитор Игорь Лученок, писатель и журналист Генрих Боровик и некоторые другие депутаты открыто поддержали меня, сказав, что этого допустить нельзя ни в коем случае. А вот два других члена нашего комитета, с которыми меня связывали почти три десятилетия товарищества, словно онемели. Втянув головы в плечи, не проронили ни слова, как будто их и не было на заседании.

Тяжелые мысли одолевали меня. Что делать? И сегодня считаю, что выбрал правильный путь, не дав выхода эмоциям, обиде, хотя тогда легко было озлобиться, да и основания для этого были. Легко было броситься и в другую крайность: начать

громкие разоблачения. К счастью, я переборол эти обуревавшие меня тогда чувства.

Но вопросы себе задавал. Все ли было сделано для того, чтобы не допустить за спиной партии августовской авантюры гэкачепистов? Вновь и вновь обдумывая события тех лет, стараюсь быть максимально объективным.

С каждым днем становились известными новые сведения и факты о событиях, которые предшествовали случившемуся 19 августа. Как в реальности происходило экстренное расследование в те дни, лучше всего видно из документов, впервые опубликованных немецким журналом «Шпигель». Любопытно, что допросы членов ГКЧП прошли уже на следующий день после провала путча – 22 августа. Еще более интересно то, что до сих пор никто из ответственных лиц не ответил, каким образом видеокассеты с допросами членов ГКЧП оказались за рубежом.

ИЗ ДОПРОСА ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КГБ СССР ВЛАДИМИРА КРЮЧКОВА 22 АВГУСТА 1991 ГОДА

«**Следователь.** Расскажите, пожалуйста, в деталях, когда, при каких обстоятельствах и с кем было принято решение лететь в Крым?

Крючков. Мы хотели искренне сказать Горбачеву, что мы за время после его отъезда в отпуск дошли до точки. В стране ничего не получается. Например, зерно не убирается, свекла не убирается. Всеобщая безответственность, никаких поставок, и если сейчас не принять мер по стабилизации положения в государстве, то крах будет неизбежным. Мы хотели проинформировать и выслушать позицию Горбачева. Затем мы полагали, что необходимо принять меры, которые мы хотели предложить, но другого пути мы не видели. Мы хотели все сделать для того, чтобы у рабочих была работа, чтобы меньше предприятий было остановлено. Ситуация казалась нам настолько критической, что к сентябрю – октябрю время окончательно было бы упущено. И мы хотели предложить Горбачеву, чтобы он на некоторое время сложил свои полномочия, и когда он потом смог бы вернуться…

Следователь. Вы хотели ему предложить, чтобы он заявил об отставке?

Крючков. Чтобы он на время делегировал полномочия вице-президенту Янаеву. Но мы знали, что

Горбачев вскоре должен был бы вернуться. Он должен был присутствовать при подписании Союзного договора…

В соответствии со статьей 127, пункт 7, он мог передать свои полномочия добровольно кому-то другому.

Следователь. Значит, речь шла не о болезни? Горбачев отказался передать свои полномочия кому-то другому?

Крючков. Он сказал: вы можете попробовать, но это наверняка не получится. Он также сказал, что чувствует себя не очень хорошо. Но сегодня никто не может сказать, что чувствует себя хорошо.

Следователь. Слушая вас, создается впечатление какой-то наивности, как будто собралось несколько ребят и захотели поиграть. Вы сказали, что говорили с Горбачевым, обрисовали ситуацию и вначале дискуссия была очень острой?

Крючков. Затем мы его попросили ввести чрезвычайное положение, передать власть Янаеву, после чего вновь вернуться. Вначале он отреагировал очень бурно. Затем успокоился, но его позиция была непреклонной – он никогда на это не согласится. Речь шла не о том, чтобы полностью лишить власти Президента. Это очень важно, что ни в одном разговоре об этом не говорилось.

Следователь. Вы имеете в виду физическое устранение.

Крючков. Да что вы! То, что вы подразумеваете, мы вообще не имели в виду и не обговаривали. Об этом речи не было. Горбачев должен был остаться жить.

Когда речь шла о Янаеве, все мы, конечно, хорошо понимали, что ему отводится очень короткий промежуток времени. Мы также знали, что, если дело дойдет до конфронтации или чего-либо в этом роде, мы отступим или должны пойти другими путями.

Следователь. Были устные или письменные приказы штурмовать Белый дом? Велись ли с людьми Ельцина переговоры?

Крючков. Наш ГКЧП не предпринял ни одного шага, ни одной акции, которая была бы каким-то образом направлена против российского руководства, против России. Мы осознавали, что здесь не хватит никакой силы.

Следователь. Создавались ли препятствия на пути Ельцина с дачи из Архангельского в Москву?

Крючков. Никоим образом. Мы знали, что он выезжает, то есть мы за ним не наблюдали, но были в курсе.

Следователь. Были ли задействованы ваши вооруженные формирования?

Крючков. В Москве мы усилили охрану Кремля. Это мы сделали уже 19 августа и в ночь на 19-е. Но было уже слишком поздно. Мы были не готовы и утром еще не отдавали никаких приказов. Все сдвинулось. То, что мы хотели сделать 19-го в 4:00 – не получилось. Тогда мы это сделали позднее. Вы говорите, что народ был против и т. д. Были две ступени в народной реакции. Первая была с долей доверия, будила надежду, то есть призывы к забастовке поддержки не получили. Четыре шахты вроде бы забастовали в Коми, где-то под Свердловском и т. д. В стране отреагировали более спокойно, чем можно было бы думать… Но на следующий день ситуация обострилась. Но опять не в промышленности, где сошлись на том, чтобы не бастовать, провести митинги. Самый большой был в Ленинграде. Для этого есть причины. Несколько слабее в этом смысле показала себя Москва. В целом было около 160 тысяч демонстрантов.

Следователь. Давали ли вы тайный или устный приказ об аресте российского руководства?

Крючков. Нет, ничего подобного не было.

Следователь. Но вам ведь звонили лидеры России.

Крючков. И сейчас я могу вам сказать, что на это я ответил. Во-первых, мы знали, что в Белом доме имелось некоторое количество вооруженных людей. Я не могу назвать это число. Оно должно быть известно вам. Там были люди, которые пришли по доброй воле. Это был правильный образ действий. Но были и такие, кто хотел использовать ситуацию.

Следователь. Но российское правительство, парламент, просили ли они усилить охрану?

Крючков. Нет. Надо спросить милицию. Нас там не было. Но нам постоянно звонили: сейчас должен начаться штурм. Я на это отвечал: вы должны спать спокойно и дать спать другим…

Следователь. А может быть, вы увидели, что ваше предприятие полностью провалилось?

Крючков. Провалилось полностью – это не

соответствует действительности. Еще раз ясно было показано, что порядок есть порядок и что порядок можно создать: все предприятия работали. И чрезвычайное положение доказало нам, что не надо было его нигде вводить. Ни в Средней Азии, ни в других республиках. Из республик нам звонили и спрашивали, должны ли мы ввести чрезвычайное положение? На это я отвечал: если положение спокойное, вам это не нужно».

Августовские дни навсегда останутся в памяти тех, кто их пережил. По часам, а то и по минутам нарастала напряженность.

С самого утра 23 августа к зданиям ЦК КПСС на Старой площади и прилегающим улицам стягивалась явно организованная оппозицией толпа, перекрывая все входы и выходы. Пожалуй, никогда еще эта площадь не видела такого скопления людей. Прохожих здесь всегда было немного. Редкие посетители быстро скрывались за тяжелыми дверями подъездов. Правда, с началом эпохи гласности улицы, площадь у Политехнического музея время от времени заполняли шумные митинги. Но они быстро рассасывались, оставляя после себя бумажный хлам. Теперь же все подъезды были блокированы.

Многотысячная толпа осаждала корпуса зданий на Старой площади. Кто-то пошутил, что в 1917 году так же осаждали Зимний дворец. Но я был против такой аналогии. Ведь тогда, по крайней мере, просматривалась социальная грань, разделяющая тех, кто был внутри Зимнего дворца и кто шел на штурм. А что разделяло людей в августе 1991-го? В зданиях были, например, ветераны Великой Отечественной войны, правда немного. Были женщины – матери таких же молодых людей, которые стояли на улице. Они учились в одних и тех же школах, поступали в одни и те же вузы. Осажденные не могли понять: что происходит? Почему блокированы выходы?

На улице, скажу прямо, собрались не бездомные, не голодные, не безработные. Думаю, одни шли за демократическими лозунгами, надеясь на перемены. Других захлестнула волна популистской демагогии.

Мне вспоминается очень точное наблюдение Льва Николаевича Толстого из его неоконченного романа о времени Петра I. «Не правда была, а судьба. И рука судьбы видна была в том, что творилось. Руку судьбы… чтобы узнать, есть верный знак: руку судьбы обозначают толпы не думающих по-своему. Они сыплются на одну сторону весов тысячами, тьмами, а что их посылает? – они не знают. Никто не знает. Но сила эта та, которой видоизменяется правительство».

И вот та же сила создала толпу, которая стеклась на Старую площадь к зданиям ЦК, к подъездам, из которых уже было небезопасно выходить.

Мне приходилось два-три раза в день переезжать из ЦК в Кремль, где был мой другой рабочий кабинет – председателя Комитета Верховного Совета по международным делам. Помнится, именно в этот кабинет мне позвонила Галина Владимировна Семенова, секретарь ЦК, а до этого главный редактор журнала «Крестьянка». Галина Владимировна пользовалась большим авторитетом в своей новой должности, в журналистской среде, среди общественности страны. Она сказала с большой тревогой, что толпы осадили здания ЦК, рвутся внутрь, дальше выдерживать нельзя. Пробиваясь сквозь толпу на автомашине, я срочно вернулся. Действительно, все подъезды Центрального Комитета были блокированы. Слышались крики, угрозы.

Ситуация все больше накалялась. На Лубянской площади перед зданием КГБ уже был демонтирован памятник Дзержинскому.

Я срочно позвонил Вадиму Бакатину, председателю КГБ, чтобы он помог обеспечить соблюдение хотя бы минимального порядка, чтобы предотвратить возможные драматические события. Бакатин заявил, что в КГБ он никого не пропустит. Но, по существу, отказался что-либо предпринять для защиты зданий ЦК партии.

Судя по всему, Бакатин уже входил в новый политический образ, готовил себе имидж «демократа», не имеющего отношения ни к чему, связанному с партией, хотя еще не так давно он сам работал в аппарате ЦК инспектором Отдела партийных органов. Ориентировался в здании хорошо, знал, как говорится, все ходы и выходы. Но поискать выход в чрезвычайной ситуации не захотел… Заканчивая разговор, Бакатин сказал, что разблокированием зданий пусть занимается Олег Шенин – после того, что он натворил, войдя в ГКЧП.

К этому времени с охраной партийных зданий вообще сложилась странная ситуация. КГБ уже не занимался в обязательном порядке охраной партийных комитетов. Между Управлением делами ЦК и Комитетом государственной безопасности было заключено финансово-правовое соглашение. Согласно этому документу, офицеры и служащие КГБ нанимались для обслуживания здания ЦК партии. По существу, это уже была служба охраны, которую сейчас имеет каждая солидная организация. Наша охрана в те августовские дни не покидала своих постов. Но после 20 августа вокруг зданий ЦК появились

люди в форме – это были сотрудники Московского городского управления внутренних дел.

24 августа утром в моем кабинете, кажется в последний раз, собрались секретари ЦК, в том числе Егор Строев, Валентин Купцов, Петр Лучинский, Галина Семенова, Владимир Калашников, Иван Мельников, некоторые заведующие отделами, управляющий делами Николай Кручина, его первый заместитель Виктор Мишин. Здесь же были мои помощники. По внутренней радиосети передали сообщение: к 17 часам все должны покинуть здание ЦК. Это прозвучало как ультиматум: уйти, и всё!

Естественно, у нас возник вопрос: кто принял это решение? Кто объявляет ультиматум? Николай Ефимович Кручина со свойственным ему присутствием духа, как всегда, собранный, логичный, хотя, вероятно, волновался он ничуть не меньше нас, сказал, что есть некий документ. Я попросил, чтобы Кручина его представил.

Управделами отправился к себе в кабинет и вскоре вернулся с каким-то листком. Я взглянул на него, потом передал другим присутствующим. На одной странице был текст, от руки написанный госсекретарем РСФСР Геннадием Бурбулисом. В тексте говорилось, что надо немедленно полностью заблокировать здание ЦК КПСС, выселить оттуда немедленно, в считаные часы, весь аппарат, потому что каждый час лишнего его пребывания в здании дает шанс уничтожить очень важные «секретные документы». Резолюции Ельцина на письме не было. Зато в углу знакомый почерк: «Согласен» и подпись – М. Горбачев. Это было уже слишком. Хотел бы думать, что он сделал это спонтанно, не подумав или не зная характер происходящих событий.

После короткого размышления мы приняли решение не подвергать риску людей. Всем надо было уходить. И вот часов с двух дня начался исход. Помню, как выдержанно, подавая пример другим, вел себя секретарь ЦК Егор Строев, ставший потом Председателем Совета Федерации, губернатором Орловской области.

Надо было проследить, чтобы эвакуация проходила организованно. Люди выходили из разных подъездов без паники, но с чувством совершенного по отношению к ним предательства. С ощущением, что начинается новая, драматичная страница в истории страны. Что же делать? Настойчиво пытаюсь связаться с Горбачевым, но найти его не могу. Звоню коменданту Кремля генерал-лейтенанту Башнину. Николай Петрович – участник Великой Отечественной войны, запомнился всем депутатам как необычайно внимательный и обязательный человек. Он мне

сказал, что Горбачев принимает участие в заседании Верховного Совета Российской Федерации. И сам же, без моей просьбы, сказал, что он немедленно поедет к Горбачеву и попытается проинформировать его о моем беспокойстве, а затем передать мне его ответ.

Прошло около сорока минут. Башнин перезвонил и сказал, что он даст указание, чтобы всех пожилых сотрудников и женщин вывести через запасный выход в цокольном этаже. Но время шло, а результата договоренности не было. Выходили через 10-й подъезд. Здесь в многолюдной толпе меня окликнули какие-то молодые люди. Назвали даже по фамилии, мне показалось, что они настроены не агрессивно и даже приветливо. Но были и такие, кто вел себя по законам бунтующей толпы, а на моих спутников почему-то кричали: «Это его охрана!» Но это были просто сотрудники ЦК. Шли с нами и машинистки, технические секретари. А охранников, кстати очень надежных, было лишь двое. В их сопровождении я направился в Кремль, в свой рабочий кабинет, пешим ходом. Идти от Старой площади до Кремля минут десять – пятнадцать. Передо мной, как перед кинозвездой, бежал, щелкая затворами фотокамер, десяток журналистов. Потом я хотел бы получить на память хотя бы один снимок.

Из руководства Российской компартии в те дни публичную активность проявлял ее первый секретарь Валентин Купцов, других не помню. До переезда в Москву на работу в ЦК партии он был первым секретарем Вологодского обкома. И это, вероятно, сформировало его как принципиального человека. Купцов много встречался с людьми, выступал в прессе, отстаивал свою точку зрения, приводил факты, словом, сражался за то, чтобы партия осталась влиятельной силой. Другие же после августовских событий буквально исчезли куда-то, ушли в глубокое подполье. Не было ни их публикаций, ни выступлений, даже фамилии стали забываться.

Итак, я в Кремле, в своем рабочем кабинете. Непередаваемая тяжесть в душе, тревога за товарищей. Но надо было, несмотря на все потрясения, держать себя, что называется, в руках.

Между тем продолжались напряженные заседания Верховного Совета. Депутатский корпус представлял собой бушующее море. Споры, крики. Экстремисты не отдавали себе отчета в том, что подталкивают страну к гражданской войне.

В те дни ко мне обратилась группа журналистов из Би-би-си. Говорили, что задумали сделать фильм о недавних событиях, просят помочь разобраться в ситуации. Я встретился с ними в Кремле, подробно обо всем рассказал. Они внимательно слушали, все записали. Такое впечатление, будто напали на золотую жилу.

Потом и они внезапно исчезли из поля моего зрения. Фильм так и не появился…

Но многое даже сегодня не разгадано. Авторы фильма, возможно, видели вначале происходящее в черно-белом цвете. А все было перепутано. Кто действовал за вывеской демократии, отвергая привилегии, ратовал за народные интересы? Нет ни одного достоверного и объективного фильма – ни художественного, ни документального – о событиях тех дней. Я понимаю английских тележурналистов, которые отказались от своего замысла. Быть может, съемки, которые они сделали, еще где-нибудь появятся.

На исходе августа ко мне в кремлевский кабинет зашел первый секретарь ЦК Компартии Эстонии. В свое время в эстонской компартии произошел раскол, политическая обстановка в республике накалилась. И я пытался, как мог, помочь эстонским товарищам. Это, видимо, им хорошо запомнилось. Думаю, что в знак благодарности за мое участие первый секретарь многократно звонил мне из Таллина 19 и 20 августа, чтобы выразить свою поддержку.

Мне докладывали об этих звонках, но я не брал трубку. Возможно, был не прав, но я не представлял, о чем могу говорить с первым секретарем ЦК Компартии Эстонии в нынешней обстановке, когда руководители самых крупных республиканских компартий заявили об их выходе из КПСС.

Меня нередко спрашивают, встречался ли я после 21 августа с Генсеком? Нет, ни одной встречи больше не было. Был у меня с ним единственный разговор, когда он находился еще в Крыму. Это было 21 августа в 16 часов. Он сказал, что я третий, с кем он разговаривает. До меня разговаривал с Бушем и Назарбаевым. Поручил мне ориентироваться в Министерстве обороны на Моисеева, начальника Генерального штаба.

После августовских событий 1991 года Горбачев теряет вначале высшую партийную, а затем и государственную власть, которая оказывается в руках Ельцина. Непристойным не только в плане политической культуры, но и простой человеческой этики стало его демонстративное выселение из кремлевского кабинета после беловежского сговора.

Конечно, история не знает сослагательного наклонения, но если бы в те годы были услышаны те, кто настойчиво призывал его быть более осмотрительным в подборе кадров, не ослаблять рычаги государственного управления и опираться на партию, которая проходила этап больших реформ, то все могло бы сложиться по-другому.

Здесь невольно вспоминаются мудрые советы зарубежных

лидеров. Президент Франции Миттеран не раз подчеркивал, что Франция не заинтересована в ослаблении, а тем более в дезинтеграции СССР. Председатель Социнтерна Гонсалес открыто призывал Москву в ходе проведения назревших экономических и политических преобразований прочно удерживать рычаги управления страной. Число подобных призывов и предостережений можно продолжать и продолжать. К несчастью, они не были вовремя услышаны Президентом СССР.

Обошлось без гражданской войны

Накануне 74-й годовщины Октябрьской революции, когда граждане страны (конечно, не все) собирались отметить традиционный праздник, им был преподнесен неприятный сюрприз. 6 ноября был обнародован президентский Указ «О деятельности КПСС и КП РСФСР». Этот документ предписывал прекратить на территории РСФСР деятельность КПСС, КП РСФСР, а их организационные структуры распустить. Партийное имущество должно было быть передано в собственность государства. Органам исполнительной власти предлагалось принять необходимые меры по незамедлительному и исчерпывающему исполнению указа.

Те, кто стоял за этим указом, вряд ли отдавали себе отчет, в какую трясину конфронтации они пытаются загнать наше и без того расколотое общество. Российская Федерация могла оказаться в группе самых одиозных стран, где инакомыслие трактуется как тяжкое государственное преступление.

Приостановление деятельности партийных организаций после августовских событий преподносилось как временная мера, а окончательное решение судьбы партии оставалось за судом. А вот ноябрьская атака на компартию, развернутая по указу Б.Н. Ельцина, уже выглядела как серьезная угроза конституционному строю. Исходя из этого 27 декабря 1991 года группа членов Верховного Совета РСФСР обратилась в Конституционный суд с заявлением срочно рассмотреть вопрос о конституционности указа.

Большое значение, независимо от окончательного решения Конституционного суда, имел сам факт обращения в этот высший орган судебной власти по защите конституционного строя. Впервые его судьям предлагалось рассмотреть нормативный акт Президента России. Если для западной демократии подобное событие является хотя и не совсем ординарным, но все-таки не потрясающим общественное мнение случаем, то в российских условиях того времени оно стало сенсацией, которую бурно обсуждали. Некоторые поспешили выступить в печати и по телевидению с однозначными суждениями, суть которых сводилась к тому, что якобы «преступную организацию» (имелась в виду КПСС) непременно должен поразить меч правосудия и она должна быть устранена с политической сцены.

Судя по всему, обращение в Конституционный суд готовилось в невероятной спешке. Текст пестрил редакционными погрешностями, отличался небрежностью стиля, смешением

правовых понятий, не говоря уже о содержательной стороне его формулировок. Как известно, юридическое обоснование не допускает ценностных суждений. В нем должны содержаться только факты и доказательства. Вместо этого суду предлагалось рассмотреть идеологию КПСС, основанную, как утверждалось в ходатайстве, «…на совершенно неадекватной оценке социальных противоположностей и на умышленном, часто осознанно лживом и провокационном их раздувании в целях дестабилизации общества, а также оправдания собственного существования».

Я убедился, сколь педантичными и скрупулезными могут быть условия и требования всестороннего судебного разбирательства. Сколь велика ответственность судей, призванных следовать и духу, и букве Закона. Каждое слово должно быть взвешено здесь на точных весах Фемиды, подвергнуто юридической экспертизе и принято во внимание, хотя, разумеется, вовсе не обязательно в духе приведенного выше в качестве эпиграфа суждения Талейрана. Суду предстояло принять важные и в правовом, и в политическом отношении решения, от которых зависели его собственные честь и достоинство. В силу этих причин судебное разбирательство не могло быть скорым. И видимо, поэтому рассмотрение «дела КПСС» журналисты окрестили словом «процесс».

Вновь и вновь на суде поднимался вопрос об «исторической вине» партии, о сталинских репрессиях, жестокостях тоталитарного режима, которые решительно и бескомпромиссно были вскрыты и осуждены ранее самой партией. Цель антикоммунистов состояла в том, чтобы сформировать в широких кругах общественности мнение, что на протяжении десятилетий КПСС действовала во вред коренным интересам народа. Разумеется, при этом полностью игнорировались XX съезд КПСС и ее практические акции по реабилитации жертв политических репрессий.

За неимением аргументов, способных обосновать «преступную» деятельность партии, авторы ходатайства пытались припомнить партии ее негативное отношение к частной собственности после Октябрьской революции, а также приверженность социалистическому и коммунистическому идеалам. В таких условиях представителям компартии невольно приходилось принимать навязанную им дискуссию о давнем прошлом, не относящуюся к сути судебного разбирательства. К этому их вынуждала предвзятость оппонентов. Историческая тема муссировалась на протяжении всего процесса. Это могло бы иметь определенный смысл как «приложение» к делу, если бы речь шла об объективном анализе исторического прошлого страны. На

конкретных примерах можно было показать, что партия никогда не руководила «огромным аппаратом систематического террора», который осуществлялся с помощью органов госбезопасности. Огромное число коммунистов, в том числе из высшего звена, сами становились жертвами государственного произвола и террора. Спецслужбы систематически проводили так называемые «чистки», которые затрагивали и беспартийных, и коммунистов. Жертвами репрессий стали многие честные и преданные социалистическому идеалу граждане нашей страны.

Не менее остро противоборство сторон проявилось при рассмотрении и правовой оценке президентского Указа от 25 августа 1991 года «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР». Суду предстояло вынести свой вердикт по трем вопросам. Вправе ли был Президент принимать решение о партийной собственности? Была ли партия субъектом права собственности? Не было ли среди объектов партийной собственности государственного имущества? И при рассмотрении этого аспекта дела стороны заняли диаметрально противоположные позиции. Не совпадали и свидетельские показания. И в этом случае суду предстояло отделить политические пристрастия от юридического решения. Указ от 6 ноября предписывал передачу партийного имущества государству. Но распространение на партийное имущество модного в то время лозунга всеобщего разгосударствления было явно неправомерным.

Слов о собственности партии в то время произносилось много. И многое здесь было легендой. Умалчивалось только одно – на «бесхозную» после обнародования указов собственность партии мгновенно нашлись расторопные алчные претенденты. В частное владение были переведены дома отдыха, партийные типографии, издательства и даже бывшая дача Брежнева, на которой после его кончины проходили реабилитацию дети, пострадавшие от чернобыльской аварии. Экспроприация собственности проходила быстро. Вскоре партийное имущество было перераспределено. Зато на процессе много говорилось о «несметных сокровищах» партии, ее тайных заграничных счетах, которые, правда, так и не были найдены, потому что их не было.

Достойно упоминания, что никто из высшего руководства КПСС, не говоря уж о рядовых ее членах, не владел роскошными лимузинами, не имел счетов за границей, не отправлял туда на учебу детей и внуков.

Копии документов, предоставленные суду о бюджете и имуществе КПСС, не выявили каких-либо финансовых нарушений.

Свидетели, бывший Председатель Совета Министров Н.

Рыжков и управляющий делами ЦК КПСС Н. Кручина, подтвердили, что по всем счетам Управление делами ЦК КПСС расплачивалось без нарушения законодательства. Правда, в некоторых случаях провести грань между партийной и государственной собственностью было довольно трудно. Некоторые объекты собственности, например издательства, создавались и использовались совместными усилиями партии и государства. Связанные с этим расходы в иностранной валюте погашались в рублевом эквиваленте. В пояснение вопроса о финансовой базе партии бывший Председатель Совета Министров СССР и член Политбюро ЦК КПСС Н. Рыжков сказал: «Государство имело самостоятельный бюджет, который разрабатывался в Госплане СССР и в конечном счете утверждался на ежегодных сессиях Верховного Совета. Партия имела свой бюджет, который она самостоятельно рассматривала, разрабатывала и утверждала. Этот бюджет не имел никакого отношения к бюджету страны…» И далее: «Я, кстати, удивлен, что в ходатайстве, подписанном Румянцевым и его соратниками, утверждается, что бюджет партии составлял министр финансов. Он мог что угодно делать, только не это». Продолжая эту тему, Рыжков заметил, что «обычно ни государство не передавало деньги партии, ни партия государству».

По предложению секретаря Конституционного суда Ю.Д. Рудкина было принято решение вызвать в суд в качестве свидетелей бывших партийных и государственных деятелей: В.В. Бакатина, А.И. Вольского, М.С. Горбачева, В.И. Долгих, Е.Г. Лигачева, Ю.А. Манаенкова, В.М. Мишина, И.К. Полозкова, Н.И. Рыжкова, В.М. Фалина, А.Н. Яковлева. В этом списке значилась и моя фамилия. Я решил пойти на заседание суда. Поэтому вновь тщательно перебрал в памяти все существенное, что произошло в жизни партии после XXVIII съезда. Сопоставил свои выводы с высказываниями в КС представителей КПСС. Наши оценки по принципиальным вопросам совпадали. Партия последовательно действовала в соответствии с законами, Конституцией страны.

Повестку Конституционного суда РФ с предложением явиться в суд в качестве свидетеля по так называемому делу КПСС я получил 24 сентября 1992 года. У меня была неделя для того, чтобы продумать план выступления. В конце концов я ограничился подготовкой нескольких тезисов, поскольку из прессы уже хорошо представлял, о чем будет разговор.

Во-первых, надо было подчеркнуть, что партия сама инициировала демократические процессы в обществе. По инициативе самой партии утверждались политический плюрализм, не подавлялось инакомыслие, было положено начало

отходу от государственной идеологии, были даны новые, современные трактовки социализма и капитализма, процессов мирового развития.

Проект программы партии, опубликованный 8 августа 1991 года, не оставлял сомнений в том, что КПСС совершенствуется. Осмыслив критически уроки истории, партия выработала принципиально новые подходы к экономике, формам собственности, гражданским свободам, национально-государственному устройству.

На деле стала реализовываться свобода слова, собраний, демонстраций. Канули в Лету многие ограничения, связанные с выездом за рубеж. Партийная принадлежность не имела значения при приеме на работу. Состав политической элиты стал качественно обновляться. Назначения на высшие государственные должности проходили без утверждения в ЦК. Кадровые вопросы государственной службы были переданы в ведение Совета Министров.

В период становления аппарата Президента СССР его канцелярия переправляла в ЦК многие письма и обращения с резолюциями членов Президентского совета оказать помощь в их рассмотрении. Многим исполнителям, а иногда и заявителям это не нравилось. Но речь шла о переходном периоде, и едва ли другое государство могло бы действовать в подобной ситуации иначе.

При проведении первых съездов народных депутатов СССР руководство Верховного Совета официально обращалось в ЦК КПСС с просьбой о помощи в формировании и организации работы редакционного аппарата по выпуску стенографических бюллетеней. Несмотря на нехватку квалифицированных кадров, такие просьбы удовлетворялись. Вместе с тем на производственных совещаниях партийные работники не раз подвергали острой критике порочную практику министерств и ведомств, связанную с их стремлением непременно втянуть Старую площадь в решение многих хозяйственных вопросов.

На суде я сказал, что различия во взглядах высшего эшелона руководства партии касались главным образом способов и методов проведения реформ, поисков оптимальных путей развития страны. ЦК развернул широкую просветительскую работу. Членам партии рекомендовалось усваивать правовые знания, изучать современные формы организации производства.

Конечно, нередко методы и стиль работы партийных комитетов заметно отставали от обновленных программных задач. Сказывалась инерция стереотипов, складывавшихся годами. Особое внимание я уделил вопросам толерантности,

поискам путей примирения, которое должно было помочь нашему раздробленному обществу выйти из тяжелого кризиса. Любая дискриминация по партийному признаку вносила бы в общественную и политическую жизнь лишь семена опасного раздора.

Мой второй тезис касался несостоятельности и недоказанности показаний в Конституционном суде некоторых свидетелей, пытавшихся исказить факты, связанные с линией ЦК КПСС по разграничению государственных и партийных функций в сфере СМИ.

В ходе выполнения решений первых съездов народных депутатов СССР «О печати и других средствах массовой информации» кардинально реформировался механизм взаимоотношений Идеологического отдела с соответствующими государственными структурами, прежде всего с Министерством печати и информации СССР, Гостелерадиокомпанией, редакциями центральных газет и журналов. Последовательно проводился курс на утверждение гласности во всех сферах общественной жизни.

Центральные и местные партийные органы стремились строить свои отношения с журналистами на основе уважения Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации», оказывать влияние на общественные, профсоюзные, молодежные и иные издания путем убеждения, равноправного партнерства. В этот период был окончательно снят идеологический контроль над деятельностью независимой прессы. Никаких поручений Главному управлению по охране военных и государственных тайн в печати о зажиме оппозиционных движений и их участников ЦК не давал. Партия последовательно проводила курс на разграничение функций партийных и государственных органов, утверждение демократизма во всех сферах общественной жизни. Тем более исключались всякого рода партийные команды органам охраны государственных тайн в печати о том, чтобы они приостанавливали те или иные неугодные публикации. Более того, именно КПСС выступила инициатором расширения доступа общественности к ранее секретным архивным и библиотечным фондам. Не только по линии государственных, но и партийных издательств в течение 1988–1991 годов была выпущена массовым тиражом серия книг репрессированных или запрещавшихся к изданию авторов.

Следующий мой тезис касался одного из основных принципов новой культурной политики, борьбы за реальное повышение статуса культуры, закрепленного в законодательном порядке.

Я напомнил, что при участии партии разрабатывалась программа развития культуры в СССР, проводились мероприятия по укреплению материальной базы всей духовной сферы советского общества.

ЦК ходатайствовал перед Верховным Советом принять закон о предотвращении фактов вандализма в отношении памятников архитектуры. Вскоре по этому поводу был издан указ Президента СССР. Также по просьбе ЦК КПСС Верховный Совет СССР принял постановление о дисциплинарной ответственности за разрушение памятников истории и культуры.

В связи с переходом к рыночным отношениям ЦК КПСС направил обращение в Совет Министров СССР с просьбой принять меры по социальной защите художественной интеллигенции. По данному вопросу в январе 1991 года вышел Указ Президента СССР «О социальной защите творческих союзов».

Именно инициатива ЦК КПСС сыграла решающую роль в принятии постановления Верховного Совета СССР «Об усилении ответственности за пропаганду насилия».

Завершающая часть моего выступления была лаконичной. Я выразил надежду на объективность решения Конституционного суда. «Своим справедливым решением вы можете существенно повлиять на достижение исторического компромисса между различными политическими силами, способствовать нормализации обстановки в стране в интересах народа, нынешнего и будущих поколений».

В той крайне нервозной обстановке, когда кое-кто надеялся, что Конституционный суд вынесет вердикт о запрете Компартии и, по сути дела, тем самым необратимо расколет общество, судьям надо было быть очень дальновидными, в высшей степени честными, независимыми и порядочными людьми, чтобы не поддаться экстремистскому психозу.

Председателем Конституционного суда был Валерий Зорькин – высокообразованный, интеллигентный человек, видный специалист по истории правовых и политических учений. Он никогда не был номенклатурным партработником. И когда бывшие приверженцы социализма изо всех сил пытались опорочить партию, Зорькин вел себя совершенно независимо. С огромным достоинством. Он не скрывал, что существует формальная сторона дела: есть иск, и он должен быть рассмотрен. Но вместе с тем Зорькин склонялся к мысли о том, что «суд над КПСС» равносилен разрушению нашей государственности.

В том «процессе» участвовали люди, которые сильно отличались от Зорькина. Некоторые молодые политики,

выступавшие на суде, внешне были очень напористы, агрессивны. Но и они, видимо, чувствовали, что лед под ними хрупкий. Можно и провалиться.

С одним из них, С. Шахраем, мы активно и полезно сотрудничали, когда на Кавказе возникли сложные проблемы. Продолжали деловое общение и тогда, когда он был министром по делам национальностей. Но это был уже другой Шахрай, совсем не тот, каким он запомнился по своим выступлениям на Конституционном суде. Есть хорошее выражение: «Тяжела ты, шапка Мономаха». Действительно, не легка, когда становишься государственным человеком. Приходится управлять своими эмоциями.

Почувствовать специфику процесса по так называемому делу КПСС помогает, как ни странно, писатель Франц Кафка с его романом «Процесс». В полном соответствии с Кафкой роли участников процесса постоянно менялись. Мистика перевоплощений усугублялась тем, что в прошлом судьбы всех участников процесса – и обвинителей, и свидетелей, и даже судей (подозреваю, что и многих журналистов) – были связаны с одной политической организацией – КПСС. Ходили слухи, что даже здание суда охраняют бывшие коммунисты, едва ли не чекисты.

Когда свидетельские показания давало среднее звено партийных работников – секретари райкомов, обкомов и крайкомов, – один из представителей обвинения спросил радикально антикоммунистически настроенного юриста (имя не помню), как квалифицировать в русле выдвигаемых обвинений деятельность Свердловской и Московской партийных организаций, которые когда-то возглавлял Президент России Борис Николаевич Ельцин. Юрист мгновенно изменился в лице и поразил собравшихся аргументами в пользу конституционности и правомерности деятельности партии.

Трудно было понять, что это за суд: уголовный, политический? Фактически обвинялись не конкретные лица в связи с доказанными правонарушениями, обвинялась целая историческая эпоха.

Важный вопрос, заданный мне на заседании Конституционного суда, сводился к тому, являлась ли партия государственной структурой. Да простят мне стороны, но мне показалось, что полемика по этому вопросу велась и с той и с другой стороны схоластически. Одна сторона утверждала, что КПСС незаконно узурпировала роль государства. Оказывается, вместо государства в нашем обществе действовала политическая партия и, подобно известному мольеровскому герою, не подозревавшему, что он всю жизнь говорил прозой, наши люди не

ведали, что жили в партии, а не в государстве. Другая сторона, активно защищаясь, наоборот, представляла реальное положение государственных органов как более самостоятельное и независимое, чем это было на самом деле.

А между тем руководящая роль КПСС была зафиксирована в статье 6 Конституции СССР. Что касается самого Конституционного суда, то это государственный орган, который трактует нормативные акты исходя из конституционных норм. В данном случае – механизм осуществления власти и всю общественно-политическую систему СССР в целом. Известная 6-я статья Конституции СССР указывала на то, что КПСС – это ядро политической системы, государственных и общественных организаций. В силу этого Коммунистической партии по закону приходилось выполнять руководящую функцию в деятельности государства, Советов, профсоюзов, комсомола и других организаций.

Речь могла идти лишь о степени влияния компартии на государство и его органы. Но из факта этого влияния не делалось никакого секрета.

Далеко идущие планы объявления партии вне закона и организация политического судилища над ней были несостоятельными и провалились.

Обретение равновесия

Обращаясь к событиям многолетней давности, понимаю: хотя время сгладило остроту многих впечатлений, оно не изменило их сути. Распад, дезинтеграция Советского Союза до сих пор остаются для меня трагедией.

Я посвятил жизнь служению своей стране. За годы работы узнал немало достойных людей, думавших и поступавших так же, как я.

Ситуация воспринималась как поражение. Но не потому, что лишился каких-то чинов. Нет. Незнакомое прежде состояние морально-психологического вакуума. Десятилетия активной, увлекательной жизни сменились (временно) позицией стороннего наблюдателя. Видеть иногда трусость и растерянность тех, кому искренне доверял, было тяжело.

В годы работы в Комитете солидарности стран Азии и Африки и в дальнейшем я получал в праздничные и предпраздничные дни (особенно на Новый год, в годовщину Октябрьской революции) тысячи поздравлений из разных концов страны, из-за рубежа. В 1991 году таких поздравлений пришло намного меньше. На личном опыте убедился: когда удача поворачивается к тебе спиной, нормальные человеческие отношения могут не выдержать экзамен на прочность. В политике это не редкость.

Но корни по-настоящему глубоких человеческих связей имеют прочную, я бы сказал, непоколебимую нравственную основу. Поэтому в такой серо-облачной, пасмурной политической погоде общение среди друзей становится пространством свободы, солидарности и мечты. Душой нашего близкого круга всегда нужных друг другу и надежных во всем был Евгений Примаков, а рядом с ним Владимир Бураковский, Степа Ситорян, Давид Иоселиани, Игорь Макаров, Владимир Новицкий, Лева Оников и другие.

С большой теплотой вспоминаю слова давнего друга мудрого Чингиза Айтматова, уезжавшего на дипломатическую работу в Европу: «Саша! Мы как были друзьями, так ими и останемся, где бы ни находились».

С мужеством и пониманием смысла товарищеских отношений приехал ко мне на встречу академик Алексей Васильев, директор Института Африки. Он еще раз укрепил во мнении, что порядочность и мораль являются главными качествами любого человека. Помню давнего, близкого товарища и друга Пескова Николая Денисовича, фронтовика, генерала, человека чести и

верности. Таких примеров множество.

В то время среди многих, кто пришел к власти, господствовал лозунг: «Кто не с нами, тот против нас!» Эти люди, казалось, совсем забыли о существовании иных цветов, кроме белого и черного. Любому политику приклеивался ярлык: либо «свой, друг», либо «чужой». Что было делать на этом маскараде людям дела, а не фразы? Лично я оставался приверженцем реальных дел. Менять себя не собирался.

Только спустя годы слово «центрист» стало модным, в «центристы» начали записываться многие политики. Но тогда все было иначе. В странах с устоявшимися демократическими традициями «центристы», как правило, составляют большинство. К их голосу прислушиваются. При необходимости они способны разнять и утихомирить крайних на обоих флангах. Наши же «центристы» той поры не были объединены, не имели собственной организации, так что приструнить никого не могли. На протяжении столетий политику в России нередко делали люди, в принципе отвергавшие компромиссы. И демократическое реформаторство в конце XX века пошло по наезженной колее, ведущей к очередной «стенке на стенку».

Я не испытывал ни обиды, ни чувства враждебности. Слова «враг» в моем лексиконе никогда не было. Если человек активно пользуется им, то это не политик, а солдат, представитель иной профессии. Для меня же политика – это прежде всего сфера диалога, сотрудничества, в котором, правда, могут содержаться и элементы соперничества, но – цивилизованного, ненасильственного. Поэтому политику и политиков после августа 1991 года оценивал по конкретным делам. Когда что-то получалось, не скрывал удовлетворения. Но и при неудачах не «рубил сплеча», не раздавал уничижительные оценки.

Короткое по времени вынужденное отшельничество – непривычное для меня состояние. На личном опыте убедился, сколь велики внутренние ресурсы человека в экстремальной ситуации. Мое спокойствие было связано и с внутренним состоянием, которое бывает, наверное, у каждого, после того как вершины жизни уже пройдены. Я хотел дистанцироваться от происходящего, временно уйти в сторону, осмыслить события в стране и мире.

Мои оценки происходящего, разумеется, расходились с тем, что декларировалось новым, скороспелым чиновничьим классом. Можно было предположить, что, придя к власти, они имели продуманный реформаторский проект. Потребность в серьезном обновлении государства и общества признавалась всеми. И если новые силы сумели получить мандат на осуществление реформ,

оставалось наблюдать, как они справятся со своим делом.

Есть политики, которые сразу выносят категорические суждения, готовы немедленно дать негативную оценку тем, кто пришел им на смену. И порой они оказываются правы. Но вместе с тем исключают себя из конструктивного диалога с новичками, отказываются помогать им, предохранять от ошибок. А такой возможностью, сколь бы мала она ни была, пренебрегать не стоит. Правда, и сами пришедшие во власть должны быть открыты для взаимодействия. Неустойчиво положение государства, в котором политический диалог выливается лишь в поддакивание действиям властей. И совсем беда, когда власть считает себя непогрешимой, а любое замечание в свой адрес расценивает как признак враждебности.

По мере того как новая ситуация все более прояснялась, я начал задумываться: не следует ли вернуться в большую политику? Если бы после всего, что произошло в 1991 году, я почувствовал, что дела в стране идут в гору, есть общенациональная идея, понимание путей выхода из кризиса, тогда, наверное, мог бы сказать себе и друзьям: «Мы свое отслужили, отойдем в сторону». Однако едва ли не каждый день что-то подсказывало, что наше общество крайне слабо использует свой созидательный ресурс.

Так я оказался перед выбором: искать для себя «тихую гавань» или вернуться к активной политической жизни. Долгих раздумий не было. С самого начала избрал второй вариант.

Оставалось решить чисто практический вопрос: чем заняться? К тому времени многие друзья и сослуживцы уже оправились от первых потрясений. Люди начали понемногу распрямляться, принимались за дело. В марте 1992 года меня разыскали коллеги по Комитету солидарности стран Азии и Африки – ученые и журналисты, с которыми был связан многолетней совместной работой на восточном направлении. Это были члены моей бывшей команды, которую я сам в основном сформировал, – Каландаров, Завгородний, Зейналов, Выдрин, Тетекин, Ильин, Кампонеец и другие. Главный вопрос, который они поставили передо мной, звучал так: «Александр Сергеевич, что будем делать?» Как на него ответить, я уже знал. Таким образом, именно эта встреча побудила меня выйти из короткого затворничества.

Начались оживленные контакты с бывшими дипломатами, учеными-востоковедами. Вскоре я был избран сопредседателем Международной ассоциации «За диалог и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Другим сопредседателем стал Иван Васильевич Архипов. Тот самый Архипов, который в течение

долгих лет был первым заместителем Председателя Совета Министров СССР, еще при Косыгине. Он был старше меня лет на двадцать. Его хорошо знали в политических и деловых кругах государств Азиатско-Тихоокеанского региона, авторитет его там был безупречен. Третьим сопредседателем избрали известного поэта, общественного деятеля Олжаса Сулейменова. Сфера профессиональных интересов у нас не совпадала, но это было хорошо. Мы взаимно дополняли друг друга. Я – политик, Архипов – опытнейший специалист по внешнеэкономическим вопросам, Сулейменов – представитель культуры, творческой интеллигенции. Возвращение в большую политику началось.

В тот период ситуация у меня на родине, в Осетии, в ее северной и особенно в южной части, была крайне сложной. Только что с грузинской политической сцены сошел Гамсахурдиа – с его агрессивно-националистическими, изоляционистскими лозунгами и такой же политикой. В Тбилиси уже возвратился Эдуард Шеварднадзе. Незадолго до этого мы встречались в Москве. Он возглавлял внешнеполитическую негосударственную ассоциацию, наши организации взаимодействовали. Мы давно знакомы: он из Грузии, я из Осетии. Вспомнили совместную работу на Съезде народных депутатов СССР.

Но при той встрече в Москве мы не ограничивались только воспоминаниями. В разговоре звучал и привычный уже вопрос: что делать дальше? По ходу нашего разговора казалось, что я, пожалуй, вернусь домой раньше, чем он. Положение в Грузии оставалось непредсказуемым, взрывоопасным. Дальнейшее обострение ситуации заставило Шеварднадзе уехать в Тбилиси раньше, чем он предполагал. Более подробно об этом времени я расскажу во второй части моих воспоминаний.

8裏8裏8

В моем архиве 1991 года много писем и телеграмм от зарубежных государственных деятелей и политиков, с которыми был близко знаком в советское время. Приятной новостью стало приглашение от президента Хафеза Асада посетить Сирийскую Арабскую Республику. Понятно, что в Дамаске формально воспользовались для приглашения тем, что я был послом в Дамаске. На самом деле хотели оказать мне моральную поддержку.

С годами я стал понимать, что не имеет значения, где находится доброжелатель, посылающий тебе импульсы дружеского расположения, – близко или далеко. Не важно, каким

его представляют верующие и атеисты. Лично я верю в силы духовной привязанности, высоко ценю их. Считаю, что духовные отношения гораздо прочнее связывают людей, нежели политика, которая чаще разъединяет.

В Сирию меня пригласили вместе с супругой. Мы отправились в Дамаск в июне 1992 года, когда я еще и сам точно не знал, чем буду заниматься в дальнейшем. Месяц, проведенный там, дал ощутимый заряд бодрости.

Визит был неофициальным. Люди, с которыми мы встречались и беседовали, интересовались не столько политическими новостями из России, сколько здоровьем членов моей семьи, родственников и друзей. Сирийцы – древний, мудрый народ с богатой историей и большим жизненным опытом. Они мало говорили о политике, только о жизни. За все время не услышал ни одного критического слова в отношении вчерашних или нынешних правителей России, хотя взаимоотношения между Дамаском и Москвой развивались в тот период по нисходящей. Единственный сюжет из сферы политики относился к периоду моей работы в Сирии послом СССР, когда выстраивались новые этажи и конструкции советско-сирийских отношений.

Радушие хозяев казалось неисчерпаемым. Они стремились уделять нам максимум внимания. Душевный прием вызвал у нас с супругой ощущение торжества человеческих отношений. Ощущение того, что добрая память выше политической конъюнктуры. Она имеет более емкое измерение. Тогда меня мои зарубежные друзья и коллеги напрямую не призывали возвращаться в большую политику, но давали понять, что мой политический ресурс еще далеко не исчерпан. Ход их мысли шел в русле народной арабской мудрости о том, что зло не всесильно. Его можно победить. И большую роль здесь может сыграть политика. Политика как инструмент борьбы со злом, как средство решения самых сложных конфликтов. Политика может быть разной, она определяется нравственным обликом тех, кто ею занимается. Политический водораздел – чаще всего водораздел моральный, духовный. В конце моего пребывания в Дамаске состоялась долгая, интересная и доброжелательная беседа с президентом Сирии Хафезом Асадом. И говорили мы среди многого о будущем отношений между Москвой и Дамаском.

Воспроизведу почти дословно одну из мыслей Х. Асада. Он говорил: «Мы, конечно, сожалеем, что Советский Союз распался. В то же время верим в будущее России. Наступят времена, когда ваша великая страна вновь обретет былую роль. Сирийцы и раньше, и теперь не изменят свою дружескую позицию».

Вернувшись домой из Дамаска, узнал добрую новость.

Земляки выдвинули мою кандидатуру для избрания депутатом Съезда народных депутатов России. Это был для меня важный стимул к возвращению в большую политику.

Незадолго до этого два депутата от Северной Осетии сложили полномочия. Один – Кузнецов, видный этнограф, историк, вышел на пенсию и уехал в Кисловодск, чтобы сосредоточиться на научной работе. К тому времени работа в Верховном Совете становилась профессиональной, требовала уделять ей максимум внимания, поэтому желание Кузнецова полностью уйти в науку было объяснимым.

Вторым депутатом, сложившим полномочия, был Филипп Бобков, в свое время первый заместитель председателя КГБ СССР, участник Великой Отечественной войны. Он, как и его отец, воевал в Моздоке, на территории Северной Осетии, откуда затем был избран народным депутатом РСФСР. Бобкова в ту пору пытались дискредитировать. Ему приписывали гонения на творческую интеллигенцию. После того как Бобков сдал свой депутатский мандат, избиратели Моздокского округа выдвинули на освободившееся место меня.

При этом мы оба были вынуждены пройти «сквозь строй» новых наветов. Оппоненты из «демократического» лагеря обвиняли Бобкова в том, что он якобы из-за бывших своих «прегрешений», совершенных в КГБ, пытается уйти от ответственности. Мне ставилось в вину, что я хочу прийти на его место и таким образом укрыться от некой «ответственности», связанной с моей партийно-государственной работой в советское время.

Правда, мои избиратели отнеслись к этим измышлениям с недоверием. Они верно сориентировались в обстановке, правильно оценили мотивы, которыми руководствовались и складывающий свои полномочия депутат, и идущий ему на смену политик. Мои земляки с благодарностью отозвались о депутатской деятельности Бобкова и с пониманием отнеслись к его желанию досрочно сложить полномочия. Одновременно подавляющее большинство избирателей, отвергая измышления, протянули руку поддержки мне, что навсегда оставило след в моей душе.

В этой связи хотел бы отметить важное обстоятельство. Политик никогда, ни при каких условиях не должен порывать со своей малой родиной, со своим народом. Глобальные проблемы знать надо, иметь цельное представление о современном мироустройстве, разумеется, тоже необходимо. Но ни в коей мере нельзя забывать о народе, среди которого ты родился, вырос, получил образование, усвоил первые уроки нравственности и

добра. Это святое.

Тогда я решил для себя, что оставшуюся жизнь буду поступать так, как поступал все прежние годы, когда в силу обстоятельств находился за пределами своей республики. Никогда не порывать со своей первой родиной оставалось моим жизненным кредо.

Отечество для любого человека – источник незамутненной живительной силы. И это верно, разумеется, не только в отношении малой родины. Патриотизм – чувство объемное, его невозможно ограничить какими-то местными рамками: городом, селом, районом. Оно вмещает в себя ощущение и Родины большой, объединяющей миллионы сограждан осознанием общего счастья или общей беды, общностью исторической судьбы.

Мандат доверия

Избирательная кампания была необычайно трудной. Обстановка в стране резко ухудшилась, однако благодаря своему популизму радикальные «демократы» с повадками анархистов еще сохраняли влияние. В конце июля для помощи моим конкурентам в Северную Осетию из Москвы прибыла команда политической поддержки, состоявшая из дюжины делающих деньги молодых политтехнологов. Им предстояло «поработать» среди населения, чтобы не допустить в российский парламент человека из советского прошлого. Как будто было другое. Двусмысленность положения заключалась в том, что прибывший «политический десант» не был знаком со мной лично, а я не знал никого из его участников.

Но все попытки моих противников оказались бесплодными. Их «усердие» во многом было нейтрализовано гостеприимством жителей округа. Куда бы они ни пришли, их радушно встречали и внимательно выслушивали, а затем провожали несолоно хлебавши. Эти люди хотели активно влиять на избирательную кампанию. Но фактически они оказались простыми статистами.

Ситуацию запутывало большое количество кандидатов. Со мной состязались двенадцать человек: генерал, министр, воин-интернационалист, прокурор… Накал страстей все время нарастал.

Тем временем в начале сентября меня как человека, который много лет был связан с движением афро-азиатской солидарности, пригласили в Джакарту, столицу Индонезийской Республики. Там открывался уникальный форум, на который должны были съехаться главы государств и правительств неприсоединившихся стран, представлявших три четверти населения планеты. Я был бы среди них единственным представителем России.

Все складывалось как в известной сказке: в Джакарту поедешь – депутатом не станешь, пойдешь в депутаты – в Джакарту не попадешь. Разумеется, я решил, что в Индонезии обойдутся без меня. Важнее сразиться с двенадцатью соперниками.

В ходе избирательной кампании бывало всякое. Однако слова, наполненные болью за неудачи в прошлом и надеждой на будущее, неизменно встречали понимание в самых разных аудиториях. В итоге – победа уже в первом туре. Я не просто обошел дюжину конкурентов, но и набрал рекордное количество голосов – 72 процента. Почему мне удалось добиться успеха? Думаю, дело было не только в понимании политической ситуации в республике. Простое знание, я бы сказал, техническое знание

ничего не решает в политике. Сто крат важнее, чтобы оно было созвучно желаниям и надеждам людей.

Здесь надо сделать отступление. Национальное и государственное неразрывно переплетаются в душе любого политика. Национальные особенности, что бы ни изрекала на сей счет «чистая наука», играют далеко не последнюю роль в поведении государственных деятелей. Иногда это ведет к острым духовным коллизиям и переживаниям. Знаю об этом по собственному опыту.

Кто бы ни оказался на высоком государственном посту в нашей стране, у такого человека, во-первых, появляются возможности, которых нет у каждого, а во-вторых, к нему сразу начинают относиться с повышенным вниманием. Если же он представляет небольшой по численности, так сказать, «немногомиллионный» народ, то интерес, как правило, еще сильнее.

В Советском Союзе, а затем и в России сложилась стойкая традиция: выходец из Рязани, Саратова или какой-то другой, не менее достойной исторической русской земли, поднимаясь на высокий государственный пост, как бы автоматически становится чисто государственным человеком. Тем, что он «рязанец» или «саратовец», мало кто интересуется. Об этом вспоминают разве что к юбилею или на собрании землячества. Иное дело – выходец из национальной республики. О его происхождении помнят всегда. Поэтому соответствовать высокому стандарту государственного деятеля надо обязательно, но в то же время нельзя отрываться от своих корней.

Не думаю, что жители Северной Осетии осуждали меня за невнимание, за то, что, находясь на высоких должностях, я нечасто бывал на родине. Душа всегда болела, когда приходили тревожные известия с родной земли. В конце концов, я принадлежу к одному из народов Кавказа, горжусь тем, что являюсь осетином. Не мог прийти в себя, когда произошли трагические события в Южной Осетии. Многие были вынуждены покинуть родные места, уйти через Кавказский хребет в Северную Осетию, на Юг России и еще дальше. Чувство долга подсказывало: надо помочь этим людям. Старался делать все, что было в моих силах. После моих переговоров сотни студентов – выходцев из Южной Осетии и внутренних районов Грузии были приняты в университеты в центре России – в Липецкой, Белгородской, Воронежской областях. Следил за тем, чтобы своевременно оказывалась материальная помощь, чтобы народ испытывал меньше страданий.

Вспоминаю характерный случай. В последние годы

существования СССР министром внутренних дел был Борис Карлович Пуго – выходец из Латвии. Человек интересной биографии, трагической судьбы. До прихода в МВД он был первым секретарем ЦК Компартии Латвии.

Я помнил его еще по работе в комсомоле. Он и тогда отличался особенной прямотой и порядочностью. Когда узнал, что Пуго вывел внутренние войска СССР с территории Южной Осетии по требованию Гамсахурдиа, то я ворвался в его кабинет и очень эмоционально, резко сказал, что он совершил тяжелейшую ошибку.

– Народ не защищен, – убеждал я. – Идут карательные экспедиции. Много людей погибло.

Уже почти не мог сдерживаться, когда Пуго вдруг ответил:

– А ты думаешь, мне легко переносить то, что происходит в Латвии?

После этих слов понял, что он так же, как и я, глубоко переживает за судьбу своего народа. Разумеется, он не мог не реагировать на трагические события в Латвии. Однако публично проявлять свои эмоции нам, в силу нашего партийно-государственного положения, было довольно сложно. В таком же положении, как теперь ясно, находились и многие другие государственные и партийные деятели СССР. Скажем, Председатель Совета национальностей Верховного Совета СССР Рафик Нишанович Нишанов, когда разыгрывалась трагедия в Ферганской долине. Он, один из опытных политиков того времени, всю жизнь посвятил Узбекистану, возглавлял республиканскую партийную организацию КПСС.

Номенклатурная чехарда

Вспоминая о событиях начала 1990-х годов, не могу не сказать о той пагубной роли, которую сыграла чехарда назначений и отставок, начавшаяся после августа 1991 года. Почти сразу же началось перетряхивание всего и вся. Уже с первых дней бросались в глаза непродуманность происходивших назначений, отсутствие здравого смысла в подборе и расстановке руководящих кадров. Очередных начальников сменяли так же легко, как незадолго до этого ставили на новые посты. По правительственным коридорам, министерствам и ведомствам проносится вихрь внезапных назначений и столь же неожиданных отставок.

Вот, скажем, председателем правительства России назначен И.С. Силаев, бывший член союзного кабинета министров. Не успели оглянуться, а он уже покидает свой пост, становится дипломатом, представителем России при Европейском союзе. Столь же быстро исчезает с политической сцены его заместитель В. Ярошенко – шумный «демократ» и «либерал», сделавший карьеру на критике советского прошлого.

Министром промышленности России неожиданно назначается директор небольшого тульского завода Титкин. Почему именно ему доверили министерский пост, остается загадкой. Выходит, в стране не нашлось других кандидатов, уже достаточно проявивших себя. При желании их можно было бы найти в той же Туле.

Складывалось впечатление, что опытных производственников выдавливали из экономики.

Каков же оказался результат странной кадровой политики начала 1990-х годов? Чем закончился мощный взлет совершенно неподготовленных людей? Разумеется, неизбежным падением, как это случилось, в конце концов, с тем же Титкиным и с множеством других, менее известных выдвиженцев того времени. А вместе с этим началось неизбежное падение во всем народном хозяйстве. А что же вчерашние руководители крупной промышленности, зачисленные в «красные директора»? Почему, даже после серии провальных экспериментов с новыми «кадрами», к ним не обратились? Очевидно, критерий профессионализма не имел тогда определяющего значения.

Среди тех, кто оказался «лишним», были такие люди, как сравнительно молодой (ему не было и пятидесяти) доктор технических наук Догужиев, курировавший в правительстве СССР весь военно-промышленный комплекс; Гусев – заместитель

Председателя Совета Министров СССР; Маслюков – доктор технических наук, один из крупных хозяйственных руководителей, бывший председатель Госплана СССР; Щербаков, ему тогда тоже не было пятидесяти, – полный сил человек, доктор экономических наук, первый заместитель главы правительства СССР накануне августовских событий, и многие другие.

Все это подтверждает вывод об отсутствии разумной кадровой политики. Во всех развитых странах Запада и Востока интеллект, профессиональные знания считаются наиболее ценным фактором и условием общественного прогресса. Не случайно лучшие умы отбираются не только внутри страны, но и на мировом интеллектуальном рынке. Соответственно, на высших должностях в государстве могут оказаться только профессионалы.

Тем не менее уже приблизительно через год после августовской эйфории настроения в обществе стали меняться. И было от чего. Вместо ожидавшегося улучшения уровень жизни падал. Сократились объемы производства, в несколько раз выросли цены, появилась безработица. Все это приводило в состояние шока. Как раз в этот момент Съезд народных депутатов РСФСР пытался предпринять запоздалые меры по ограничению полномочий исполнительной власти. В итоге разразился сильнейший политический кризис. Те, кто еще вчера безоговорочно ратовал за запрет КПСС, начали уходить в оппозицию.

Самое примечательное: линия раскола проходила уже не между «вчерашними» и «сегодняшними», а внутри еще недавно единого политического альянса. Оппонентами «победителей» становились их недавние сторонники, переходившие на другие позиции. Например, академик Академии медицинских наук Сиденко – депутат от Ростова, доверенное лицо Ельцина во время президентской кампании, или Михаил Челышев, кандидат физико-математических наук, – доверенное лицо по Ульяновской области. Спустя год они, как и десятки и даже сотни других заметных людей, оказались в оппозиции к новой власти.

Линия раскола прошла и между первыми лицами государства, стоявшими рядом на одной трибуне в дни августа 1991-го: между Президентом Ельциным, с одной стороны, и Председателем Верховного Совета Хасбулатовым – с другой. Причем с течением времени это противостояние не ослабевало, а усиливалось. И это была не единственная трещина. То же самое происходило и внутри структур исполнительной власти, начиная с ее верхних этажей. Раскол по линии «Президент – вице-президент» был такой же чертой политического кризиса, как и по линии «Президент – парламент». И он шел еще глубже:

в администрацию Президента, во взаимоотношения Президента с руководителями и исполнительной, и особенно законодательной власти субъектов Российской Федерации.

Хотя Ельцин, Хасбулатов и их сторонники пришли к власти вместе, им потребовалось совсем короткое время, чтобы они вступили в конфронтацию друг с другом. Их противостояние приобрело огромные масштабы, стало одной из самых драматических политических страниц новейшей российской истории. Хасбулатов и примкнувший к нему Руцкой выдвигали лозунги, не пытались просчитать последствия своих поступков. Они не учитывали, что противоположная сторона, Ельцин с его упрямством и властной хваткой, может пойти на крайние меры. Результат хорошо известен: танки на улицах Москвы, расстрелянный танками парламент. Возможности переговорного процесса не были полностью использованы. Все это свидетельствовало об отсутствии государственной мудрости, выдержки, опыта. Тогда произошел раскол между различными политическими силами, который еще много лет крайне негативно сказывался на общественных настроениях.

Противостояние отразилось и на характере новой Конституции России, принятой в декабре 1993 года. Именно под его воздействием ключевые властные полномочия сконцентрировались в руках Президента, а роль парламента оказалась приниженной. Конечно, политический фон, на котором шла работа над текстом Конституции, требовал централизации властных полномочий, создания условий, которые исключали бы повторение войны между ветвями власти.

При анализе событий осени 1993 года уместна аналогия с 1991 годом. В августе 1991-го танки уже были введены в Москву. К счастью, у советского политического руководства нашелся достаточный политический опыт; его представители понимали, что армия и методы подавления не должны использоваться для решения политических проблем. Поэтому, хотя демонстрация силы все-таки состоялась, дальше этого дело не пошло.

Говоря о размывании лагеря «победителей» после августа 1991-го, стоит задать вопрос: а существовала ли когда-нибудь эта группа, не считая нескольких послеавгустовских недель или месяцев? Думаю, вряд ли. В этом меня убедили многие наблюдения и беседы, состоявшиеся осенью 1992 года.

Хорошо запомнилась встреча с Юрием Владимировичем Петровым, руководителем администрации Президента. Петров сменил Ельцина на посту первого секретаря Свердловского обкома КПСС, когда тот в середине 1980-х годов уехал в Москву и возглавил столичную партийную организацию. В конце 1980-х

Петров был отправлен послом на Кубу. Вероятно, за свое выступление, достаточно смелое и неординарное, на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Тогда существовала традиция: проштрафившихся руководителей посылать на длительное время на дипломатическую работу за границу. Так их отодвигали от активной деятельности в стране. По тому, куда направляли, можно было судить о тяжести прегрешений. «Краем земли» считалась Монголия. Но и Куба была ненамного ближе. Я уже тогда знал Юрия Владимировича, и мое мнение о нем было самым положительным. После возвращения с Кубы Петров вышел на работу и в первый же день – это было 19 августа 1991 года – попал, что называется, из огня да в полымя. Вскоре его назначили руководителем администрации Президента.

Наш разговор был содержательным и полезным. Я просил Петрова убедить Президента, что в условиях нарастающего экономического кризиса важно отказаться от идеологических предубеждений и привлечь в сферу управления народным хозяйством знающих, компетентных людей. «Министры союзного правительства или их заместители, оказавшиеся не у дел, – это опытные хозяйственники-практики, уникальные специалисты, прошедшие солидную школу. Они имеют неоценимый опыт и поэтому в создавшемся положении особенно нужны стране». Таковы были мои аргументы.

Юрий Владимирович согласился, пообещал подумать. Уверен, он сделал все, что от него зависело. Тем более что мое предложение совпадало с инициативами, исходившими от других политиков. Какие-то подвижки тогда произошли. А вот насколько глубоко и серьезно могли они повлиять на изменение ситуации, это зависело, думаю, не от Петрова. Кадровую политику определяли другие люди из ельцинского окружения.

В политике новой России

Первое, что я должен был сделать, оказавшись в Верховном Совете России, – определить приоритеты будущей работы. Близкими для меня в то время были вопросы федеративного договора и национально-государственного устройства страны. Ведь и избран я был депутатом Совета национальностей Верховного Совета. Другая значимая проблема – отношения с государствами СНГ.

Главной же точкой отсчета в системе политических координат была для меня ситуация на Северном Кавказе. В первую очередь интересовало то, что происходит в моем избирательном округе, в Северной Осетии, как складываются отношения с соседями.

Каким показался мне тогда, в конце 1992 года, Верховный Совет РСФСР? По сравнению со многими коллегами я был политиком со стажем, поэтому избегал поспешных, опрометчивых шагов. Не вступил ни в одну из так называемых радикальных или либеральных оппозиционных фракций. Будучи настроен несколько консервативно, я не стремился быть вовлеченным в политические вихри того времени.

Вспоминается поездка в Грецию делегации российского парламента. В то время в составе делегаций оказывалось довольно много любителей путешествий, весьма далеких от проблем, стоявших в повестке дня. В интервью тележурналистам они сравнивали «юный» российский парламентаризм, которому якобы всего несколько месяцев, с греческим, которому более двух тысяч лет. Слушая это, можно было подумать, что россияне лишь недавно сошли с дерева и начали осваивать азы демократии. Это интервью показательно в том отношении, что многие российские политики того времени разделяли оскорбительный по сути тезис о «нецивилизованности» своей страны и своих народов.

Приблизительно в те же дни, когда российские депутаты знакомились с Грецией, мне довелось выступить в Дипломатической академии МИДа с докладом «Россия: парламентаризм и демократия». В нем я подчеркивал, что различные формы демократии так или иначе проявлялись на протяжении столетий российской истории. Классический пример – Новгородская республика, управлявшаяся народным вече, иначе говоря – собранием жителей города. Князья со своими дружинами приглашались новгородцами лишь для обороны, для ведения военных действий. Большим влиянием в Московском государстве пользовалась Боярская дума, без согласия которой царь не мог

принимать важнейшие решения по вопросам мира и войны, бюджета, престолонаследия и т. п. В XVI веке в Московском государстве действовали Земские соборы. Они обеспечивали представительство сословий и местных интересов при обсуждении государственных дел. Земский собор как совещательный, консультативный орган не мог контролировать действия и решения монарха. Однако он способствовал достижению общественного согласия. Благодаря своему общественному влиянию и моральному авторитету собор мог служить противовесом царской власти. Государственные думы начала XX века при всей ограниченности их функций ознаменовали продвижение российского общества к освоению современных форм представительной демократии. После Октябрьской революции 1917 года на смену Думе пришли новые представительные органы власти – Советы.

Так что было совершенно неверно представлять российский парламентаризм неким неофитом, зеленым юнцом среди закаленных в острых схватках ветеранов парламентской борьбы. И то, что российские парламентарии могут постоять за себя, за свою страну, за своих союзников и друзей – и на трибуне, и в общей дискуссии, и в неформальной беседе, – нам впоследствии приходилось доказывать не раз.

Был ли Верховный Совет России «антиреформаторским»? Трудно сразу и однозначно ответить на этот вопрос. Для начала стоит определиться с тем, что тогда можно было считать реформами. А это непросто. Вспоминаю характерный эпизод. Дело было в конце лета – начале осени 1993 года. Делегация зарубежных парламентариев приехала в Москву в период острейшей конфронтации между парламентом и Президентом. И отечественная, и мировая пресса много писала о трудной судьбе российских «реформ», о том, какие «угрозы» возникают перед ними. Иностранных коллег принимал председатель Верховного Совета Хасбулатов. Я присутствовал на той встрече. В ходе беседы гости сочли необходимым высказать просьбу о защите российских «реформ» от пресловутых «угроз». В ответ председатель парламента попросил объяснить, в чем конкретно состоит предмет озабоченности, перечислить, что необходимо защитить под именем «реформ». Зарубежные парламентарии растерялись.

Аналогичные ситуации не раз возникали и в Верховном Совете, и на Съезде народных депутатов, и ни один «реформатор», даже самый талантливый и красноречивый, никогда не мог внятно объяснить, что же такое «реформы». Эти неуловимые «реформы» почему-то существовали исключительно во множественном числе, без индивидуальных признаков и имен,

без каких-либо «удостоверений личности». В силу этого называть Верховный Совет России «антиреформаторским» было бы некорректно.

Меня особенно интересовали вопросы сближения республик и народов фактически дезинтегрированного СССР. Сигналы в пользу интеграции из бывших союзных республик уже начали поступать в Москву. Они шли из Казахстана, Украины, Белоруссии, Армении, Азербайджана, других республик. Там активизировались общественные силы, выступающие за воссоздание экономических и культурных связей. Многим потребовалось совсем немного времени, чтобы понять драматические последствия распада страны.

Где же было обсуждать все эти проблемы, как не в Верховном Совете России? Трибуны партии больше не существовало. Не было и трибуны профсоюзов, общественных, молодежных организаций. Одна трибуна осталась на всю Россию – трибуна Верховного Совета и Съезда народных депутатов. К сожалению, в противостоянии между Президентом и Верховным Советом были оставлены без должного внимания проблемы, связанные с взаимодействием бывших союзных республик.

Реформаторы в КПСС и «демократы»: позднее прозрение и несостоявшийся диалог

Непримиримые противники КПСС, «демократы» как организованная политическая сила ненадолго пережили тех, кого стремились уничтожить. Они не создали ни устойчивой политической организации, ни продуманной идейной платформы, которые позволили бы им стабильно развиваться в качестве мощной политической партии.

Осуществляя курс на разрушение КПСС, «демократы» подорвали основы той политической системы, которая давала жизненную энергию им самим. Едва ли это было результатом злого умысла. Скорее, сказались неопытность и почти неизбежная безответственность дилетантов в политике. Овладеть наукой государственного и общественного строительства «демократы» не успели. И вероятно, не раз об этом пожалели.

Вряд ли можно считать случайностью, что многие видные представители «демократического фланга», герои митингов и парламентских баталий конца 1980-х – начала 1990-х годов, за прошедшие годы почти диаметрально изменили точку зрения на политическое развитие СССР. Едва ли не хрестоматийный пример – идейная эволюция Гавриила Попова, сопредседателя Межрегиональной депутатской группы, образованной на I Съезде народных депутатов СССР.

В конце 1980-х годов Попов, профессор экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, был известен как оригинальный экономист-теоретик, сторонник рыночной модели экономики. Наибольшую популярность снискал, будучи народным депутатом СССР, как критик КПСС и так называемой «командно-административной системы» (этот термин, ставший в то время популярным, впервые употребил в одной из своих статей именно Попов). Интеллектуальный авторитет Попова среди значительной части интеллигенции, людей, интересовавшихся политикой, был весьма высок, так что его вполне можно назвать одним из «отцов» новорожденного демократического движения конца 1980-х – начала 1990-х годов.

Уже на I Съезде народных депутатов СССР Межрегиональная депутатская группа, где Гавриил Попов, наряду с Борисом Ельциным, Андреем Сахаровым, Юрием Афанасьевым и другими, играл одну из ведущих ролей, выдвинула лозунг отстранения КПСС от власти, фактически потребовала ее самоликвидации.

Позднее об этом демарше бывший радикальный «демократ» Попов написал: «Это было ошибкой… В тех условиях лучшим выходом было бы демократизировать, преобразовать саму партию, очистить ее от балласта. Другого аппарата, кроме партийного, для руководства страной у нас не было». Еще одной ошибкой Попов считает провалившуюся попытку «демократов» сменить КПСС на месте правящей партии, когда они решили, будто в одиночку справятся с задачей управления страной, вступившей на путь сложнейшей трансформации. Профессор-экономист, который вскоре после победы «демократической революции» занял пост мэра Москвы, вынужден был признать: «Если бы мы этого не сделали, а ограничились поддержкой реформаторов в партии – Горбачева, Ельцина и других, – жестким давлением на них, контролем, мы сохранили бы уважение народа и до сих пор были бы нормальной, защищающей интересы народа оппозицией. И львиной доли безобразий в ходе реформ не произошло бы». Как говорится, какие-либо комментарии здесь излишни.

Очевидно, что позиция Попова спустя десятилетие радикально изменилась. Одно дело – разрушить, убрать с исторической сцены, совсем другое – реформировать. Свидетельства людей с такой политической биографией помогают объяснить и мою точку зрения.

Разумеется, в те годы существовали объективные причины для недовольства КПСС, критики в ее адрес. Одна из основных заключалась в том, что политические методы, которые использовала партия, во многом повторяли устаревшие управленческие технологии 1930-х – 1950-х годов. Партия перестала поспевать за переменами в обществе. Даже в ходе перестройки предлагавшиеся решения часто не соответствовали масштабу задач. Предпринимавшиеся внутри КПСС попытки модернизировать ее политический и идейный арсенал далеко не всегда были продуманными и эффективными. В результате КПСС, а вместе с нею и страна топтались на месте, растрачивая время и энергию. Однако было бы ошибкой считать, будто непродуктивность этого процесса видели только Попов и его коллеги по Межрегиональной депутатской группе. Более остро необходимость кардинальных изменений осознавалась в самой партии, причем не только внутри ее московского активного «ядра».

Оглядываясь из сегодняшнего дня на события тех лет, вспоминая о тогдашнем состоянии умов и настроениях, еще раз убеждаюсь: партия имела возможности и потенциал для самосовершенствования. Ликвидация, а тем более

самоликвидация, к чему призывали радикальные «демократы», была бы непростительной ошибкой – не только для партии, для всей страны. Партии предстояло развернуться лицом к современности, и она уже двигалась к этой цели. Кардинальный поворот был трагически прерван внешними обстоятельствами в августе 1991 года.

Конструктивный диалог КПСС с «демократами», совместная деятельность по созданию сбалансированной политической системы в СССР имели бы колоссальное значение. Если бы такая работа стала целенаправленно осуществляться, многие из имевшихся в Советском Союзе проблем были бы сняты. Однако этот шанс был упущен. Ни одна из сторон не смогла найти в себе силы остановить конфронтацию, сделать шаг навстречу друг другу.

Понимание этой упущенной возможности пришло не сразу. Причем, как показывает признание того же Гавриила Попова, переоценка произошла в обоих лагерях. Учитывая современные проблемы России, подобное переосмысление стиля политической жизни имеет не только историческое значение. Оно должно помочь созданию своеобразных амортизаторов для начинающих политиков. Когда обстоятельства выдвигают их на первый план, следует бережнее, осмотрительнее обращаться с достающимся «материалом» – так, чтобы созидать, а не разрушать.

Если бы признание, подобное поповскому – о возможности (и необходимости) для «демократов» цивилизованного «партнерства-соперничества» с КПСС, – делалось не задним числом, а лет на десять – двенадцать раньше, то история – не только СССР, но и всего мира – могла бы сложиться иначе.

Несколько лет назад Попов в одной из публикаций сообщил, что некоторые члены Межрегиональной группы проявляли интерес к встрече со мной в то время, когда я был членом Политбюро ЦК КПСС и секретарем ЦК по идеологии. Однако тогда столь нужный разговор не состоялся. Сегодня можно лишь сожалеть, что у «демократов» не хватило политической воли сделать хотя бы первый шаг: проявить инициативу, попытаться наладить общение, обсудить имеющиеся проблемы.

«Кто идет?»

Первые более или менее содержательные контакты с деятелями «демократической волны» начались у меня только с конца 1992 года, когда я был избран народным депутатом России от Моздокского района Северной Осетии. Это было время, когда к активной политической деятельности начали возвращаться мои коллеги по работе в секретариате и Политбюро ЦК КПСС: Петр Лучинский, ставший впоследствии президентом Молдавии, Егор Строев, избранный губернатором Орловской области и позже председателем Совета Федерации, и другие.

Когда я после многомесячного перерыва не без волнения вошел в Георгиевский зал Большого Кремлевского дворца, где через несколько минут должно было начаться заседание Съезда народных депутатов России, со стороны послышалось оживление. Посмотрев туда, увидел Бэллу Куркову, Олега Басилашвили, Галину Старовойтову – популярных, ярких депутатов от Ленинграда. Мое появление удивило их. «Кто идет?» – спрашивала Старовойтова, обращаясь к соседям. Она, видимо, помнила меня в лицо, но хотела еще раз перепроверить. Великий Басилашвили довольно громко подтвердил, что это Дзасохов, «тот самый, который был секретарем ЦК КПСС». Я тем временем занял свое место в зале. За моей спиной было доверие десятков тысяч избирателей.

Перед тем как на том же заседании мой депутатский мандат должны были подтвердить общим голосованием, Старовойтова подошла к микрофону и спросила, почему на место предыдущего депутата от Моздокского района, бывшего первого заместителя председателя Комитета государственной безопасности СССР Филиппа Бобкова избран именно Дзасохов. Она не стала разъяснять суть своего вопроса, однако понять ее можно было примерно так: вместо «чекиста» пришел «партократ». Однако на парламентариев эти рассуждения не произвели впечатления. Даже малейших оснований оспаривать мой депутатский мандат, добытый в честном соперничестве, не было, и мои депутатские полномочия без каких-либо дискуссий были подтверждены. В перерыве Старовойтова подошла ко мне и спросила что-то еще, уточняя свой первый вопрос от микрофона. Этим она как бы попыталась дать понять, что действовала без злого умысла. Ну и хорошо.

Уже в Государственной думе и со Старовойтовой, и с другими «демократами» у меня сложились вполне толерантные рабочие отношения. Сама Галина Васильевна оказалась неплохим

специалистом в этнополитических вопросах, мы очень профессионально обсуждали с ней многие проблемы.

В декабре 1993 года прошли выборы в первую Государственную думу – уже в новую эпоху, в условиях дезинтеграции союзного государства. Парламент новой России формировался по системе прямых выборов, в условиях открытого и острого соперничества большого количества кандидатов. Меня избрали депутатом избиратели Осетии, в частности Моздокского избирательного округа. Главной сферой моего внимания было положение в республике и на всем Северном Кавказе.

Благодаря существенным изменениям, происходившим в России, в деятельности Государственной думы на первый план вышли международные связи. Мне удалось реализовать свои возможности как международнику. Вначале в составе постоянной делегации РФ в Парламентской ассамблее Совета Европы, а с 1996 года в качестве руководителя этой делегации. Именно в 1996–1997 годах во Дворце Европы в Страсбурге, где проходили пленарные заседания ассамблеи, разворачивались острейшие дискуссии, связанные с положением на Северном Кавказе. Европейское парламентское сообщество, как правило, выступало с осуждением подходов правительства РФ, его вынужденных мер по пресечению сепаратизма. Доклады о положении в Чечне и на Северном Кавказе делали видные европейские политики и парламентарии Рудольф Биндинг из Германии, Элизабет Андерсен из Великобритании, Мигель Мартинес из Испании. Дворец Европы стал центральной европейской трибуной, на которой российские парламентарии отстаивали интересы территориальной целостности своей страны. В нашу делегацию входили известные в стране политики Геннадий Зюганов, Владимир Жириновский, Григорий Явлинский, Ирина Хакамада, Владимир Лукин, Сергей Глотов, Сергей Ковалев и другие. Различия в оценках внутриполитической жизни страны, особенно положения на Юге России, были очевидны и мешали солидарной работе. Однако согласие по принципиальным вопросам внешней политики обеспечили вступление нашей страны в Совет Европы. За всеми этапами вступления лично следил Президент страны Борис Ельцин.

В то же самое время я был избран заместителем председателя межпарламентской группы Российской Федерации. Межпарламентский союз (МПС), национальным подразделением которого является Российская межпарламентская группа, имеет столетнюю историю; присутствуя на его форумах, мы получили реальную возможность представлять Россию и одновременно проводить согласованную политику и отстаивать позиции

республик, входящих в СНГ, прежде всего Белоруссии. После того как ее президентом стал Александр Лукашенко, Белоруссию открыто и без причины бойкотировали. Единственную из европейских стран, ее долго не принимали в Межпарламентский союз. Но нашими усилиями этого удалось добиться. Помню, впоследствии делегация России получила благодарственное письмо от А.Г. Лукашенко.

Обозревая время моей работы в Государственной думе новой России, я понимал, что занят был полезными, интересными вопросами. Не без моего участия сложились эффективные формы взаимодействия между Государственной думой и Советом Федерации. Но все-таки, как говорится, «в горах мое сердце, а сам я в Москве».

С моей малой родины – Осетии приходили предложения в вежливой, но нередко в жесткой форме возвращаться домой. Настало время глубокого и ответственного решения. Впереди меня ждало, образно говоря, второе вхождение в Терек. Об этом пойдет речь в следующей главе – «Смена эпох – эхо на Кавказе».

Глава 7
Смена эпох – эхо на Кавказе

Распад СССР: конфликтов стало больше, чем горных вершин

Вулканические толчки истории. Образы старых обид. Недолгий, но печальный след первой постсоветской волны руководителей южнокавказских республик. Антиисторические голоса из России – оставим Северный Кавказ. Разрушительное стремление отречься от «старого мира»

Дезинтеграция СССР – сложная страница современной истории. В будущем историческая наука исследует эту эпоху как состоявшийся цивилизационный цикл XX века. Такой взгляд, конечно, не должен заслонять драматические события, произошедшие в новой самоопределившейся России в 1990-х годах. Цепная реакция распада СССР могла бы повториться уже в новой России, что стало бы точкой невозврата. Мы стояли на краю пропасти, особенно на южном направлении, на Кавказе.

Почему именно Кавказ оказался наиболее уязвимым звеном в геополитической конструкции страны? Какие факторы стоят за этой особенностью? И какие выводы должны быть сделаны из найденных ответов – причем выводы не только теоретические, но и связанные с практической политикой?

Прежде всего, надо иметь в виду исторический фактор. На протяжении нескольких последних столетий политическая динамика Кавказа была беспрецедентно активной. Кавказ являлся главной ареной чрезвычайно интенсивного, часто военного, столкновения трех империй – Российской, Османской, Персидской, – что десятилетие за десятилетием накладывало неизгладимый отпечаток на весь его облик, создавало «политические черты лица» Большого Кавказа. Отсюда очевидно, что избранная Кавказом «российская судьба» имеет свои особенности.

На этапе своего становления Советская Россия вошла в жесткое столкновение с недавно возникшими политическими партиями на Кавказе – мусаватистами, дашнаками, грузинскими меньшевиками. Несмотря на молодость, это были партии, вполне созвучные своему времени, готовые к политической борьбе. А человеческая реальность была такова, что хотя большое число кавказцев не принимало советский строй, не меньшая часть кавказцев готова была идти в бой за Советскую власть. И эта реальность закаляла. В этих очень непростых условиях, как в горных породах, образовывались пласты кавказской политики.

Эти пласты обнажились потом – после распада СССР. И тогда на поверхность снова вышли силы, которые, казалось бы, уже сошли с политической сцены. Началась острейшая политическая борьба за будущее кавказских народов.

В этих условиях союзное руководство не проявило должного единства действий, и там, где необходим был единый и вполне конкретный подход, демонстрировало амбивалентность. Еще в перестроечные годы члены Политбюро разделились, например, в оценках проблемы Нагорного Карабаха. Член Политбюро Лигачев в Баку выступал в поддержку азербайджанской позиции, а член Политбюро Яковлев в Ереване поддерживал противоположную сторону. Фактически они уже не были представителями партии, проводящей единую и последовательную политику.

Вся совокупность факторов привела к тому, что пути ряда кавказских народов оказались разнонаправленными.

Я пишу эти строки в условиях новой геополитической реальности на Кавказе. Но какие бы разные точки зрения ни существовали по поводу нашей истории, надо извлекать из нее уроки, которые определяли бы и гарантировали интересы всех государств на всем Большом Кавказе.

В сегодняшней России не существует единого подхода к анализу причин распада СССР. Профессиональные историки, политики, журналисты подчас рассматривают проблему с диаметрально противоположных позиций. Одни считают крушение СССР закономерным. Соответствующие аргументы сводятся к тому, что вовлеченность в изнурительную гонку вооружений, жесткая плановая экономика, закрытость от внешнего мира и нежелание анализировать и адекватно реагировать на происходящие в нем изменения сделали советскую модель нежизнеспособной. Политика конкурентов России, приведшая к обрушению цен на энергоносители – основной экспортный товар СССР, – стала катализатором якобы давно назревшей катастрофы.

Несогласные с этой точкой зрения считают, что распад одной из двух мировых сверхдержав не был предопределен и оказался возможен благодаря роковому стечению обстоятельств. Эта позиция ближе к истине. Известно, что политические лидеры ведущих зарубежных стран ориентировались на долгосрочное сотрудничество с Советским Союзом, и его распад стал для них полной неожиданностью. В этом неоднократно признавался, например, президент Франции Франсуа Миттеран; американский президент Джордж Буш-старший еще летом 1991 года заявлял Б. Ельцину, что его борьба против союзного руководства ошибочна. Таких примеров много.

В истории всегда действует то, что называется личностным фактором. Иногда он становится определяющим. И если политические лидеры оказываются не на высоте стоящих перед ними исторических задач, то распасться могут даже очень жизнеспособные государства.

В последний период существования СССР в результате ошибочных, непродуманных действий руководства страны была полностью расшатана система государственного и политического управления. Из Конституции СССР поспешно, без серьезной подготовки всей системы функционирования государства была исключена статья о руководящей роли КПСС, которая легитимировала позиции партии как главного политического интегратора советского общества. Никакой адекватной замены этому предложено не было. К формированию политического плюрализма надо было двигаться поэтапно и осмотрительно, а не распахивать шлюзы несистемной, не имеющей управленческого опыта оппозиции. Горбачев возглавлял четыре высших коллективных органа государственного и политического управления: Политбюро, Совет Республик, Президентский Совет, Совет Безопасности. Но эти структуры работали несогласованно и вместо того, чтобы объединять страну, стали часто помимо своей воли проводниками центробежных тенденций, с которыми должны были бы бороться.

В этой книге я не ставлю цель подробно анализировать процессы, приведшие к распаду страны. Этому посвящена значительная часть моей книги «Большое противостояние». Здесь же хочу подчеркнуть, что в дезинтеграции СССР особо разрушительной оказалась роль М. Горбачева и Б. Ельцина. Личные несовместимые качества не позволили этим политикам подняться до понимания масштабов ответственности перед историей и народом. Соглашусь с тем аргументом, что не в силах отдельных личностей развалить великую страну. Однако СССР оказался заложником волюнтаризма, отдавшего его судьбу в распоряжение ограниченного числа лиц. В то время как один вещал о бесконечных и безуспешных реформах и спешными темпами ослаблял и отдавливал КПСС от реальных политических дел, другой, подталкиваемый разрушительными, незрелыми, поверхностными политическими течениями, вытягивал Россию – душу и стержень – из массива великой многонациональной державы. Поэтому устойчивость государства подтачивали именно губительные процессы внутри его руководящего слоя. Считаю уместным пояснить, что в состав руководства партии я был избран на ее XXVIII съезде в июле 1990 года, когда немногим более года оставалось до драматического политического

землетрясения – распада СССР. К этому времени перестройка уже перелопатила шестую статью Конституции СССР о статусе КПСС; все мыслимые, без учета возможности их адаптации, реформы одобрила «историческая» XIX партконференция.

Любое крупное федеративное государство (и тем более такое уникальное и сложное, как Советский Союз) имеет шансы при некоторых обстоятельствах столкнуться с угрозой дезинтеграции. Руководители государства должны это понимать и быть всегда готовыми дать адекватный ответ на подобный вызов. В позднем СССР этого не произошло, хотя потребность в таких действиях назревала еще с 1970-х годов. По мере того, как рос образовательный уровень народов, входивших в состав многонациональной страны, поднимался уровень их национального самосознания – у них появлялись и все более весомые основания для новой исторической самоидентификации. С этим были связаны возникавшие попытки критического пересмотра перспектив СССР как общего государства многих народов, сомнения в эффективности и правильности сложившегося государственного устройства – причем не столько с точки зрения экономической, промышленной, социальной и т. п. политики, сколько с позиции самоощущения народов, сохранения их национальной идентичности. При этом критическое переосмысление перспектив СССР, ставшее результатом усложнения советского общества, не должно было привести к автоматическому, спешному запуску механизмов распада государства. Центробежные тенденции вызревали в течение длительного времени, и нейтрализовать их можно было на начальных стадиях – до того, как они приняли трудно-обратимый характер.

Судьбы народов в СССР – большая, неисчерпаемая тема. Очевидно, что ее раскрытие не должно сводиться к тиражированию полярных клише: с одной стороны, о якобы угнетении и подавлении воли народов в Советском Союзе, и с другой – об абсолютно беспроблемной жизни «дружной семьи советских народов». Здесь требуются глубокие, всесторонние, объективные научные исследования.

Невозможно отрицать, что в стране существовало жесткое администрирование и идеологические ограничения. Но правда заключается в том, что в советскую эпоху мощный импульс к развитию получили культуры народов СССР, а всеобщая доступность образования позволяла им подниматься на мировой уровень. Более того, именно культурная революция в СССР позволила многим народам состояться в качестве наций, с собственной национальной интеллигенцией и политической

элитой. И ни один народ в Советском Союзе, сколь бы он ни был мал по численности, не исчез с этнической карты мира. Возможно, здесь мы имеем первый случай в новейшей истории, когда государству удавалось оптимальным образом поддерживать и гармонизировать культурные различия. Это лишний раз доказывает, что разрушение страны не было результатом объективного процесса развития наций, не шло снизу вверх. Деструктивные импульсы в годы перестройки транслировались как раз сверху вниз, усиливаясь по мере обретения разными группами некогда единого советского политического класса автономных властных полномочий.

Понимание этого обстоятельства показывает, насколько важно для изучения последнего периода советской истории внимание к судьбам представителей политического сообщества – я бы сказал, начиная с верхних этажей государственной власти и до уровня районных администраций. Не стоит забывать, что распад СССР самым серьезным, иногда драматическим образом отразился на их личных судьбах.

В конце 1980-х годов стремление национальных элит уйти в «самостоятельное плавание» особенно отчетливо прослеживалось на балтийском направлении. Позже появилось немало «знатоков», которые стали задним числом утверждать, будто заранее предсказывали, что все случится именно так, как случилось. Однако в действительности эти люди либо неоправданно переоценивают свои прогностические способности, либо пытаются подстроиться под текущую конъюнктуру.

Конечно, у меня как у человека, десятилетиями работавшего преимущественно в международной сфере, как и у очень многих других, возникали различные, в том числе и критические, оценки положения дел и перспектив развития национально-государственного устройства страны. В середине 1970-х годов, когда в результате противостояния двух идеологий и изнурительной холодной войны утвердились принципы мирного сосуществования на основе ядерного сдерживания, государство могло бы решиться на неординарные шаги. СССР тогда находился в зените своего могущества, и было бы своевременно на основе единой политической воли подойти в государственном строительстве к новым рубежам, связанным с большей самостоятельностью союзных республик. Конструктивное и своевременное преодоление сверхцентрализации, трансформация партийно-идеологической надстройки, ослабление доктринальной жесткости советской системы могли постепенно создать запас институциональной прочности, своеобразный «иммунитет», который помог бы избежать кризиса, подобного

случившемуся в 1991 году.

И хотя история распорядилась по-своему и распад советской «империи» состоялся, тем не менее вполне можно прогнозировать рост тенденции к интеграции территорий исторической России, большого евразийского пространства. Эта перспектива является стратегической целью нашего времени. Не надо думать, что такая новая интеграция подразумевает повторение СССР и тем более вернет мировую политику к геополитическому антагонизму, в очередной раз расколет мир на враждующие лагеря. Как раз напротив: она может стать составной частью общемировой интеграции на новом качественном уровне – интеграции многополярного мира, связанного воедино общими интересами, ценностями, системами коммуникаций и безопасности.

Успешным направлением интеграционного курса ряда государств на постсоветском пространстве стало создание Российской Федерацией, Казахстаном и Республикой Беларусь Таможенного союза. Именно этот этап явился плацдармом для продвижения к формированию нового уровня интеграции – Евразийского экономического союза, начавшего работу в январе 2015 года.

Продолжу тему Кавказа в контексте обстоятельств, сложившихся после распада СССР. Существует соблазн объяснять особенности Кавказа тем, что народы региона якобы обладают фундаментальной «цивилизационной инаковостью» в отношении остальной России (читай – великого Евразийского континента) и что присутствие внутри российской страны-цивилизации такой «чуждой» периферии с неизбежностью воспроизводит конфликтность по всему спектру политических и социальных отношений. К сожалению, такой поверхностный подход чрезвычайно распространен в наши дни. Но широкое распространение не придает ему ни малейшей исторической обоснованности. Являясь пассивной реакцией на текущие процессы, он не способен объяснить ни их детерминацию, ни общую динамику. По сути, его сторонники предлагают далекое от действительности клише, сводящее актуальные проблемы и противоречия к неким якобы извечным, едва ли не «онтологическим» культурным различиям. Результатом следования такому клише становится абсолютный тупик – как в теории, так и в практической политике.

К сожалению, обострение кавказских проблем и особенно драматические события в Чечне едва не разрушили фундаментальные принципы российского политического мышления, формировавшегося десятилетиями и столетиями. Начиная с 1990-х годов в «почвенной» России все громче

раздавались голоса: хватит воевать, жертвовать человеческими жизнями, надо отделять Чечню. Авторитетнейший русский писатель, сам выходец с Северного Кавказа, из Ставрополья, назвал отсечение Чечни от России «оздоровляющим отъемом… и укреплением России».

Формально те, кто разделял эту точку зрения, относили себя к патриотическому лагерю и выступали за отделение Чечни во имя сохранения России. Но фактически они ставили крест на территориальной целостности страны. Разве не так?

На противоположной, либерально-демократической стороне политического спектра аналогичные идеи высказывали популярные в то время, но скороспелые политики, которые сошли или сходят на обочину истории.

Столетиями государственные деятели России, ее лучшие люди, труженики и воины, поэты и писатели, люди разных национальностей работали над созданием единого, целостного государства. Это был кропотливый, тяжелый труд, дело, которому посвящали и отдавали жизни. Его непростая хроника запечатлена в сокровищнице русской литературы, в произведениях Пушкина, Лермонтова, Толстого. Позже эстафету государственного строительства приняли новые поколения, союз России и Кавказа был скреплен кровью на полях Великой Отечественной войны, где люди разных национальностей выступили как большой единый народ и отстояли независимость общей Родины.

Но в 1990-х годах едва не возобладали те, кто готов был обесценить плоды трудов предшествующих поколений, отступить перед непростыми, но все же преодолимыми обстоятельствами.

Судьбу российского Кавказа в начале 1990-х годов выпало решать людям с взаимоисключающим опытом, с разным мировоззрением и разным пониманием исторической судьбы России. Но всех их объединяло на тот момент одно разрушительное стремление полностью отречься от «старого мира». Это вело к утрате ответственности за судьбы людей, полному отрицанию исторической преемственности в развитии государства и общества.

Между тем следует понимать, что ни культурные различия, на чрезвычайно сложный этнический ландшафт Кавказа, ни его насыщенная противоречивыми, а порой и трагическими событиями история не могли быть причинами фатального и якобы «непоправимого» кризиса на Кавказе. Ибо пресловутая этническая многосоставность, культурное разнообразие, «проблемная история» представляют собой только предпосылки реальной политики, ее условия, но никак не автоматически действующие детерминанты.

Исходя из этого становится понятно, что во второй половине 1980-х – начале 1990-х годов на Кавказе в наиболее динамичной форме проявился именно общесоветский кризис. Проблемная кавказская повестка дня требовала крайне аккуратной, продуманной политической стратегии, такой государственной линии, которая смогла бы объединить политические элиты региона в новом общегражданском проекте, помочь им сформулировать эффективный ответ на вызовы времени. Политическим лидерам эта задача оказалась не по силам. Более того, базовая причина кавказской геополитической уязвимости как раз и заключалась в несоответствии между нарастающими и усложняющимися проблемами региона и упрощенным типом их решений, к которому тяготело руководство страны в 1990-е годы. От него требовалось увидеть новые горизонты исторического сотворчества людей разных этносов и культур, выйти к новому пониманию солидарности и общегражданских ценностей. Ведь время горбачевской перестройки объективно совпало с развилкой истории, на которой находилась вся советская гражданская нация. Перед страной остро стоял вопрос: какой должна стать эта нация? Что будет объединять людей в ней, если прежние экономические (государственное хозяйство) и идеологические (социализм и перспективы построения коммунизма) основания оказываются проблематичными?

Ответы на эти вопросы даны не были, а сложная кавказская историческая реальность стала тем полем противоречий, на котором политические ошибки руководства страны проявились наиболее рельефно после дезинтеграции союзного государства и смены политических элит. На Кавказе развернулось соперничество за использование частью этих элит доктринальных «альтернатив социализму» в виде этнического национализма и религиозной идеологии. Из сундуков прошлого были вынуты все исторические обиды; резко обострились территориальные проблемы. Внезапно выяснилось, что на Кавказе фактически нет республик и краев, границы и состав которых не вызывали бы возражений и споров. В течение двух-трех лет здесь возникла целая цепь территориальных и статусных конфликтов и споров – от статуса Адыгеи на западе Кавказа до так называемой «талышской проблемы» на юго-востоке региона, в Азербайджане.

Образно говоря, после распада СССР на Большом Кавказе конфликтов возникло больше, чем существует горных вершин. Наиболее острыми стали карабахский, югоосетинский и абхазский на Южном Кавказе, чеченский военно-политический конфликт и конфликт вокруг Пригородного района Северной Осетии на российском Северном Кавказе.

Необходимо отметить еще одну группу факторов кавказского кризиса – внешнеполитическую. В 1990-х годах Кавказ в очередной раз превратился в площадку геополитического соперничества крупных держав. Уход России из Центрально-Азиатского и Прикаспийского регионов открывал для стран Запада неограниченный доступ к их углеводородным ресурсам. Южный Кавказ в этих условиях рассматривался как стратегический коридор для независимого от России и Ирана канала транспортировки сырья. Для установления контроля над ним Западу нужны были политические гарантии отдаления стран Южного Кавказа от России. В США и Западной Европе в этот период возникли десятки исследовательских центров, занимающихся исключительно Кавказом. Наращивались усилия внезапно объявившихся десятков и сотен советников, консультантов по развитию исследовательских и правозащитных программ. Стратегическая цель такого проникновения заключалась в том, чтобы прочнее привязать Южный Кавказ к Западу за счет дистанцирования от России. А последнее, в свою очередь, предполагало «широтный» взлом единого Кавказа по южной границе РФ – возведение непреодолимых барьеров между Южным и Северным Кавказом.

На самом Кавказе обозначились разные стратегии реагирования на новые геополитические реалии. Часть прежних политиков и тех, кто устремился в политику в годы перестройки, решили воспользоваться антироссийской волной, чтобы заработать политические дивиденды. Но были и те, кто стремился во что бы то ни стало сохранить связь с Россией – как стремительно сама Россия в начале 1990-х годов не стремилась «выбросить» Южный Кавказ из сферы геополитических интересов. Эти политики рассматривали вековые связи с Россией как важнейший исторический, экономический и культурный ресурс для будущих поколений.

Тем не менее на некоторое время в республиках Южного Кавказа возобладали силы, тотально отрицающие достижения советского периода и проводящие антироссийскую политику. События в Тбилиси в апреле 1989 года, когда в столкновении с внутренними войсками погибло гражданское население, стали спусковым крючком, вызвавшим на Кавказе атаку на все «советское». Республики Южного Кавказа начали демонстративно дистанцироваться от России. Советский Союз, Россию, руководство страны обвиняли в репрессиях, депортациях, подавлении инакомыслия – в том, что совершали другие люди и в другое время. Не обращалось внимания на то, что все это уже было неоднократно осуждено на государственном и партийном

уровне. Все более активно действовавшая оппозиция стремилась вырвать из сознания своих народов все светлые страницы советской истории. Политическое самосознание жителей Большого Кавказа прокручивали на десятилетия назад, возвращали в состояние начала XX века, когда победители в Первой мировой войне перекраивали политические границы бывших империй.

После распада СССР для оппозиции первой волны в республиках Южного Кавказа подлинными духовными ориентирами стали концептуальные и идеологические установки досоветского времени. Резко возрос интерес к политическим силам, пришедшим к власти в своих странах после крушения Российской империи и впоследствии подавленных Красной армией. Это было драматической страницей нашей общей истории. Казалось, что она была перевернута, и надо было двигаться дальше, искать новые модели совместной жизни на благо всех народов. Оппозиционеры же, заряженные идеями дистанцирования от недавнего времени совместной истории, рассматривали настоящее только сквозь призму прошлого. Они были непримиримы, трактуя весь советский период, причем совершенно ошибочно, как политику колониализма и подавления независимости народов Кавказа. Разумеется, ни о каком совместном проектировании будущего при таких оценках прошлого не могло быть и речи. Такие суждения бывают всегда после внезапных политических изменений. Это не кавказское явление, а универсальное. Поэтому драматизировать это не следует.

Важно отметить также, что продуманного, трезвого подхода к оценке исторического наследия народов Кавказа не было ни у одной из новых политических сил. Полное отрицание позитивных черт советского периода означало искажение объективного исторического контекста, вело к необоснованному мифотворчеству. Самое главное – оно разжигало вражду между народами.

До сих пор подобная позиция служит одним из препятствий для динамичного развития Большого Кавказа, восстановления и создания нужных для всего региона транспортных, морских и других коммуникаций, а одна из стран всячески стремится под зонтик НАТО.

Но и непонимание цивилизационной специфики кавказских народов иногда до сих пор мешает нашей стране опереться на потенциал сотрудничества в регионе. Неадекватная риторика парламентариев и экспертов России добавляла немало хлопот отечественной дипломатии. Так, например, Институт оборонных

исследований опубликовал документ, в котором ратовал за прекращение миротворческого процесса на Кавказе и возобновление широких военных операций… отказ от многосторонних переговоров по каспийскому нефтяному контракту…

Надо признать, что наши западные партнеры в 1990-х годах порой оказывались более гибкими в своей практической политике. Оправившись от шока, связанного с неожиданным распадом СССР, они быстро сориентировались и сосредоточили внимание на кавказском направлении. В 1994 году президент США Б. Клинтон значительную часть своего времени, посвященного международным делам, отдавал именно Кавказу, новым кавказским государствам.

То же самое делали его германские, французские, британские коллеги. Европейцы открыли исторические архивы и попытались воспроизвести свою политику в отношении Кавказа, проводившуюся еще в конце XIX – начале XX века, когда семья Нобелей владела бакинскими нефтяными разработками, а немецкие компании контролировали строительство железных дорог в Малой Азии.

В России же, как и в большинстве республик бывшего СССР, в начале 1990-х царила растерянность. Для абсолютного большинства советских людей распад СССР стал крайне негативным, драматическим событием.

Внезапность упразднения единого государства, произведенного вероломно, фактически за спиной у граждан страны, оказалась неожиданностью и для многих руководителей союзных и автономных республик. И это понятно: повышение уровня самостоятельности республик, к которому большинство из них активно стремилось, не должно было автоматически привести к упразднению единого государства, кровавым конфликтам и разрушению экономики.

В результате кризисных процессов в СССР к власти в государствах Южного Кавказа пришли, по сути, случайные люди, не имевшие мало-мальски серьезного политического и управленческого опыта. На некоторое время господствующим политическим трендом в Грузии, Армении, Азербайджане стал воинствующий национализм, острие которого было направлено прежде всего против большого северного соседа – России.

Очень точно передает атмосферу того времени бывший председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР Р. Нишанов: «Совет Национальностей неуклонно превращался в зону почти сейсмической активности. Его знобило вместе со страной: к концу перестройки национальные вопросы стали

такими же острыми, как и экономические, но только куда опасней. Ураганный ветер неведомой свободы сносил крыши».

Занявший президентское кресло в Баку Эльчибей, выходец из научной гуманитарной среды, переводчик и востоковед, советский диссидент с многолетним стажем, безуспешно пытался соединить ислам и идеологию пантюркизма с современными европейскими институтами. Он подписывал договоры с МВФ и Мировым банком, но одновременно призывал к возрождению средневековых тюркских традиций. Имея незавершенный и трагичный по своей сути военный конфликт с Арменией в Карабахе, Эльчибей провоцировал конфликт с Ираном, претендуя на Южный (иранский) Азербайджан. Он открыто занимал антироссийскую позицию.

При этом новые власти Азербайджана не имели ни малейшего управленческого опыта. Они попросту не знали, как управлять государством.

Первые же военные неудачи в Карабахе поставили Эльчибея перед лицом острого политического кризиса. Не помогло введение в стране военного положения. В Гянджи поднял мятеж полковник Гусейнов, и режим Эльчибея оказался перед угрозой полного краха. Всего одна цифра: на всенародном референдуме о доверии Эльчибею в 1993 году за его отставку высказалось 97,5 процента проголосовавших.

Л. Тер-Петросян, пришедший к власти в 1991 году на волне критики СССР и обострения проблемы Нагорного Карабаха, организатор многочисленных акций неповиновения и горячий оратор, точно так же, как и его азербайджанский коллега, не имел управленческого опыта. Тер-Петросян был профессиональным филологом, арабистом, причем знал арабский с детства – родился в сирийском Алеппо. Его отец был основателем коммунистической партии Сирии и Ливана.

Долгое время после распада СССР экономическое положение Армении оставалось очень тяжелым. Последствия разрыва хозяйственных связей с бывшими советскими республиками дополнялись блокадой республики со стороны Турции. Война в Нагорном Карабахе требовала все новых ресурсов, а их не было. Неудивительно, что Карабах надолго стал главной национальной проблемой, вокруг которой выстраивалась вся политика руководства Армении – как внешняя, так и внутренняя.

На волне общеармянской борьбы за Карабах Тер-Петросян вошел в политическую элиту Армении в самом начале 1990-х годов. Став президентом, он преследовал своих политических противников, поднимая на щит Карабах, отодвигал на второй план вопросы экономического, социального, культурного

развития, которые не получили за годы его президентства никакого удовлетворительного решения.

Но не смог Тер-Петросян решить и проблему Карабаха. В 1998 году очередной кризис вокруг карабахского урегулирования заставил его уйти в отставку.

Недолго продержался у власти в Тбилиси Звиад Гамсахурдиа. Но своей непродолжительной деятельностью он внес в кавказскую политику гораздо больше хаоса, чем все остальные президенты-диссиденты.

Гамсахурдиа активно раздувал пламя тех конфликтов, которые тлеют на Кавказе до сих пор. Первый же указ, подписанный им после избрания, касался организации «национального неповиновения», «блокады СССР» и массовых забастовок с целью признания независимости Грузии союзным руководством. Долговременным результатом этих действий стало то, что он вверг республику в состояние разрухи.

Националистические взгляды Гамсахурдиа имели абсолютно деструктивный характер. Находясь на посту президента, он выдвинул лозунг «Грузия для грузин!» и стал проводить политику дискриминации по отношению к другим народам, проживавшим в Грузии. В результате кровавые конфликты в Южной Осетии и Абхазии не заставили себя ждать.

В 1993 году отстраненный от власти Гамсахурдиа попытался вернуть себе президентское кресло вооруженным путем. Попытка переворота провалилась, и через несколько месяцев Гамсахурдиа был убит (по другой версии покончил с собой).

Каким же был итог присутствия на высших постах в государствах Южного Кавказа этих, по сути, случайных людей? Вместо ожидаемого по результатам демократических преобразований прогресса произошел обвальный регресс. По обширному региону пронеслось политическое торнадо, разрушившее экономику, жизненный уклад, отбросившее общество на десятилетия назад.

История не имеет, как известно, сослагательного наклонения. Но учитывать уроки прошлого полезно. На рубеже смены эпох судьбы многих ярких, талантливых личностей прошли драматическими, жертвенными путями. Наступит время, когда исследователи скажут о таких достойных людях и их архисложном времени.

Например, годы руководства К.С. Демирчяна характеризуются в Армении как период бурного развития современной промышленности, передовой науки, высшего образования, культуры и искусства.

Целый ряд предприятий электронной промышленности

оборонного значения, космических отраслей промышленности был создан и активно развивался в то время. Были построены знаковые и для сегодняшней Армении объекты: мемориальный комплекс жертвам Геноцида армян, ереванский спортивно-концертный комплекс.

Первого секретаря ЦК народ знал в лицо: вопреки общесоюзной тенденции того времени Карен Серобович часто бывал на предприятиях, стройках, в студенческих аудиториях, активно и без посредников общался с простыми людьми.

В 1988 году по воле высшего руководства СССР Демирчян был вынужден покинуть свой пост. Но простой заменой фигур, без плана действий нельзя решить межнациональные и территориальные проблемы, имевшие многовековую историю и глубинные причины…

Вышло – хуже! Конфликт по поводу Нагорного Карабаха, разгоревшийся уже после отставки К.С. Демирчяна, привел к войне между Арменией и Азербайджаном, принес разруху и горе в Закавказье.

В независимом армянском государстве поначалу господствовали радужные настроения, однако непрофессиональные действия пришедших к власти в 1991 году политических сил очень быстро привели экономику и социальную жизнь к тяжелой и опасной для выживания нации и страны ситуации. И Карен Демирчян снова поставил свой опыт и безусловный талант инженера и управленца на службу своему народу. К моменту, когда в Армении разгорелся острый внутриполитический кризис, приведший к отставке первого президента Левона Тер-Петросяна и необходимости досрочных президентских выборов, опыт и знания Демирчяна оказались востребованными. «Сильный, умный, решительный – для таких жизнь в политике не кончается даже при смене целой формации, он и при самых крутых исторических разворотах оставался нужным своей стране, своему народу – и судьба предначертала ему вновь стать его лидером» – такими словами оценивал Демирчяна, в том числе и при наших совместных встречах, наш выдающийся современник академик Евгений Примаков.

После отставки Тер-Петросяна в стране были объявлены досрочные выборы президента. Не участвовавший в политической жизни 10 лет Демирчян набрал в первом туре 30 процентов голосов избирателей и вышел во второй тур, где с 40 процентами проиграл Роберту Кочаряну.

Затем Карен Серобович встал во главе созданной с нуля Народной партии, которая за несколько месяцев стала одной из наиболее популярных и влиятельных политических сил Армении.

На парламентских выборах 1999 года в союзе с партией бывшего министра обороны Вазгена Саркисяна партия Демирчяна одержала убедительную победу, а Карен Серобович возглавил Национальное собрание – парламент Армении. На этом посту Демирчян особое внимание уделял приоритетному развитию связей с Российской Федерацией. Однако на созидательную деятельность судьба отвела ему слишком мало времени… 27 октября 1999 года на заседание парламента ворвались шестеро вооруженных автоматическим оружием террористов во главе с неким Наири Унаняном. Были убиты Карен Демирчян и его соратник по блоку «Единство» Вазген Саркисян. Политическое поле Армении обеднело. Страна и народ лишились самого популярного и опытного политика.

Мы, ветераны советской и российской партийно-государственной деятельности, всегда будем помнить энергичного и неизменно позитивно настроенного друга.

Характеризуя время после распада нашей большой страны, следует говорить не только о кавказских, но и о собственно российских политиках – тех, кто выступал от имени Российской Федерации. Без этого мы не поймем, почему эхо распада СССР на Кавказе оказалось таким громким и разрушительным.

Россия существует более тысячи лет и будет существовать всегда, какие бы невзгоды нам ни предстояло пережить. Это правда.

Как правда и то, что само историческое бытие России основано на существовании в ней мощного ядра и государственного стержня, соединяющего ее воедино.

Но вот летом 1990 года Россия ельцинского времени объявляет о своем суверенитете и даже учреждает специальный государственный праздник – День независимости. Как это было воспринято на Кавказе и во всей стране? Прежде всего, было непонятно: независимость – от кого? Ведь Россия – государствообразующая часть СССР. И вдруг заявляет о своей независимости едва ли не раньше других республик! Это развязывало руки силам, выступавшим за дезинтеграцию СССР, подогревало сепаратистские настроения, давало возможность сказать: «Сама Россия заявляет о независимости, поэтому национальным республикам тем более надо ее иметь».

Следует извлечь уроки из этого поспешного поступка. Необходимое уточнение позже на рубеже веков состоялось. 12 июня мы отмечаем уже не День независимости, а День России. Но не будем забывать, что национальной исторической вехой России XXI века стало время, когда была защищена территориальная целостность нашего государства, отодвинута опасность распада

Российской Федерации.

В историческом плане этот кардинальный перелом связан с именем президента Путина.

Считаю, что в летописи современной России время сложных, но стратегически необходимых шагов в целях реинтеграции регионов, сохранения территориальной целостности государства важно зафиксировать как важнейшую историческую веху. Не только для исторической науки и архивов, но как выученный урок. Напомним, что вытеснение сепаратистской идеологии и практики на периферию политической реальности происходило в начале 2000-х годов в трудных общественно-политических условиях.

В политически многообразном сообществе не было единства по национальному вопросу. Политические партии – те, что пришли из поздней советской эпохи, и новые, возникшие на почве отрицания всего прошлого, дистанцировались от вызовов и не сумели сформулировать программные документы и заявления по этнополитическим вопросам в контексте многонациональной природы исторической России, новых вызовов, с которыми столкнулась наша страна в эти годы.

Возвращение членов Политбюро на историческую родину

Постсоветский политический цикл. Другие реальности; разбуженные вулканы этнических конфликтов. Время соединить опыт и политическую волю. Захват власти в Грузии

Итак, страны и народы Кавказа стояли на распутье: куда идти дальше, на что и на кого опереться? Вот здесь-то и проявился в очередной раз уже упомянутый мною «личностный фактор». На Кавказе нашлись политики, которые, обладая политической волей, авторитетом, уникальным организационным опытом, смогли помочь своим народам достойно пройти через критический этап истории. Конечно, им надо было иметь огромное мужество, политическую волю и, в хорошем смысле, понимание собственной исторической миссии, чтобы решительно войти в ту политически напряженную, клокочущую среду, каковой являлся Кавказ в 1990-х годах.

Далее остановлюсь на самых известных кавказских руководителях позднего советского периода, возглавивших свои государства в самый острый постсоветский период. Отечественная история дает нам немало свидетельств того, что политическая элита и военное сословие Российской империи были всегда открыты для ярких личностей – выходцев с Кавказа. В Советском Союзе они также были представлены в высших политических и военных кругах. И Российская империя, и СССР придавали Кавказу огромное значение – не только как геополитическому плацдарму и резервуару природных ресурсов, но и как источнику укрепления управленческих, военных, в широком смысле – человеческих возможностей страны, ее интеграции в единую политическую и гражданскую общность. Читатель может обратиться к истории, и сомнений не останется. Хорошо бы этого дальновидного подхода придерживаться всегда.

В 1970-х годах одной из крупных политических фигур в СССР был лидер Азербайджана Гейдар Алиев. В 1976 году его избрали кандидатом, а в ноябре 1982 года членом Политбюро ЦК КПСС – высшего партийно-государственного органа Советского Союза. Пять лет Алиев проработал в Москве на посту первого заместителя председателя правительства СССР. В Грузии на смену В.П. Мжаванадзе пришел Эдуард Шеварднадзе, вошедший в Политбюро в 1985 году. Тогда невозможно было предположить, что именно политика Горбачева отразится на судьбах Алиева и

Шеварднадзе (хотя произойдет это в разное время и в разных формах).

В 1987 году Алиев сначала был выведен из Политбюро, а затем под предлогом обновления и омоложения партийно-политического руководства вместе с большой группой широко известных в стране государственных деятелей – из состава ЦК КПСС. Человек, имевший огромный опыт государственной работы, находящийся на пике профессиональной зрелости, был лишен возможности политической деятельности.

В течение многих лет я хорошо знал Алиева лично. Расскажу об этом незаурядном человеке подробнее. Прежде всего, он имел серьезнейшую жизненную закалку. Попав в органы госбезопасности, начал службу в звании лейтенанта и органично вписался в систему госбезопасности, работая в основном на разведывательном направлении. Огромную роль в его будущих успехах сыграло умение быстро воспринимать новое – будь то в политике, экономике или методах управления. У него была потрясающая способность: практически все, что он знал, Алиев умел использовать в практической работе.

Алиев имел надежный семейный тыл. Он был женат на дочери крупного медицинского работника Азербайджана и известного на Кавказе политика. В 1940-х годах его тесть Азиз Алиев работал первым секретарем Дагестанского обкома партии. Зарифа-ханым, супруга Гейдара Алиевича, была высокообразованной и очень доброжелательной женщиной, настоящим другом и соратником своего мужа.

С Алиевым я познакомился вскоре после того, как он возглавил республику в 1969 году. К этому времени я работал в Комитете солидарности с народами Азии и Африки, и некоторые наши мероприятия мы проводили в Баку. То, что руководителем Азербайджана стал человек, занимавший до того должность председателя республиканского КГБ, тогда, в доандроповское время, расценили как необычное выдвижение.

Перед самим же Алиевым встали масштабные государственные задачи. В своем новом качестве он успешно вошел в курс дел и быстро завоевал политический авторитет, хотя сделать это было непросто. Азербайджан воспринимался в СССР как «страна бакинских комиссаров», а его столица – как интернациональный город с сильными традициями технической интеллигенции и рабочего класса. Одновременно в Азербайджане расцветала общественная мысль, там постоянно проводились крупные общественные мероприятия – от кинофестивалей до политических форумов. Алиев должен был активно во все это включаться, показать себя динамичным политическим

руководителя республики. Он сделал это – к его чести, весьма успешно.

Алиеву не грозило превратиться в надменного партийного чиновника, хотя такое нередко случалось в партийной среде. Некоторые деятели, получая повышение, скоро замыкались в своей должностной скорлупе. Но Алиев, напротив, открылся, развернулся лицом к народу и черпал из контактов с людьми жизненную энергию и мудрость.

В 1970 году, накануне проведения крупной международной конференции, делегация из Москвы приехала в Баку, с тем чтобы обратиться к Гейдару Алиевичу с просьбой выступить с основным докладом – об опыте советского Востока для развивающихся стран. Он не только согласился, но, по сути, стал лично курировать подготовку к форуму, привлек известных ученых Москвы и Баку.

Вокруг Алиева быстро сформировалось творческое содружество историков. Среди них был, например, Ахмед Ахмедович Искандеров, выходец из Баку. Многие годы он проработал в аппарате ЦК КПСС, позже входил в когорту марксистов-реформаторов в журнале «Проблемы мира и социализма», издававшемся в Праге, потом руководил исследованиями в Институте всемирной истории АН СССР. Так, благодаря случаю, Искандеров приехал в родной город и, продолжив затем научную деятельность в Москве, уже не порывал тесных связей с Баку.

После успешного завершения конференции мое знакомство с Алиевым переросло в добрые личные отношения. Мне доводилось бывать в его гостеприимном доме, я был знаком с членами его дружной семьи, где всегда царило радушие, чувствовалась особая душевная атмосфера. Всякий раз было, конечно, застолье, но в первую очередь – интересный, увлекательный, содержательный разговор. Хозяин дома неизменно располагал к таким беседам.

Когда Алиев начал работать в Москве, мы познакомились еще ближе. Эта возможность состоялась еще и потому, что председателем советского Комитета солидарности народов Азии и Африки (на общественных началах) был в эти годы выдающийся прозаик и общественный деятель, автор широко известного романа «Наступит день» Мирза А. Ибрагимов. Несколько раз мы были у Алиева в Кремле; обсуждали вопросы политической и организационной поддержки Комитета солидарности с народами Азии и Африки. Алиев как первый заместитель председателя правительства СССР курировал многие отрасли: железнодорожный транспорт, здравоохранение, легкую промышленность, спорт и др. Как-то я пришел к нему на прием и

ждал, когда завершится очередное совещание. В алиевском кабинете находился Конарев, многоопытный министр железнодорожного транспорта, другие представители этого ведомства. Вскоре Конарев с коллегами вышел. Было видно, что у него хорошее настроение. И он при всех не удержался и воскликнул: «Да-а, глубоко разбирается!» В устах члена правительства, считавшегося непререкаемым авторитетом в своей области, эти слова прозвучали как высочайшая похвала. Это только один пример. Казалось бы, он, с богатым опытом и сильной политической волей, мог бы принести большую пользу нашей огромной стране. Но спешные действия имели другую траекторию.

После того как Алиева вывели из Политбюро, он, оставаясь членом ЦК, участвовал в партийных пленумах и всегда держался с достоинством, очень солидно. Он был и на том пленуме, который вывел его из состава ЦК. Более того – выступил там. Не промолчал. Вот часть этого выступления:

«Пользуясь… возможностью, хотел бы остановиться на одном наболевшем для меня вопросе. В последнее время в печати появились статьи с критической оценкой моей работы в бытность первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Если бы они носили объективный характер, имели под собой здоровое начало, воспринимал бы их как должное. Но поскольку нет ни того ни другого, они у меня вызывают чувство протеста, морально травмируют. Не хотел бы занимать ваше время разборами этих статей, считаю нужным сказать, что я их отвергаю как тенденциозные, необъективные, бездоказательные.

Хочу подчеркнуть, что все эти статьи пишутся со слов отдельных лиц, освобожденных от руководящих постов и привлеченных к партийной ответственности за злоупотребления и различные нарушения в период моей работы в Азербайджане. Исходя из своих субъективных эгоистических чувств они мстят, дезинформируют работников печати. При этом, к сожалению, авторы статей допускают однобокость, не считают нужным выяснить мнение другой стороны. Вряд ли такое положение можно считать нормальным.

Не могу согласиться и с упреками в мой адрес в связи с событиями в Нагорном Карабахе. Они необоснованны и несостоятельны. Обстановка в автономной области и вокруг нее сложилась сложная и требует глубокого, взвешенного и, главное, объективного анализа. Эмоциональный подход здесь неприемлем».

Далее он продолжал:

«Я уехал из Азербайджана в 1982 году, а события в Нагорном

Карабахе начались в 1988 году. В период моей работы в Азербайджане обстановка в Нагорном Карабахе была нормальной, стабильной. На почве межнациональных отношений не было никаких негативных явлений. Часто бывая в Нагорном Карабахе, встречал доброжелательное отношение, и передо мной никаких вопросов подобного характера никто не ставил. За весь период моей работы первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана ни одного письма, просьбы о выходе Нагорного Карабаха из состава Азербайджана не поступало. Кстати, по уровню социально-экономического развития показатели Нагорно-Карабахской автономной области превышают среднереспубликанские показатели по Азербайджану и Армении. Я этим не хочу сказать, что в прошлом руководстве Нагорным Карабахом, его партийной организацией не было недостатков и ошибок и что там нет проблем. Проблемы социально-экономического и духовного плана в области имеются, их надо решать, но не надо умалять, отрицать сделанное.

Все сказанное мною может показаться вопросом частным, но думается, что это имеет общий характер, ибо речь идет о справедливости, объективности.

В заключение хочу сказать, что, работая в Баку и в Москве, я трудился честно и добросовестно, работал, не считаясь со временем, всего себя отдавал делу, никого не преследовал, никаких кланов не имел, активно боролся со злоупотреблениями, негативными явлениями и в результате заимел много врагов и заработал обширный инфаркт сердца».

Описываемые события происходили в то время, когда напряженность в Нагорном Карабахе достигла высочайшего уровня. Мне известно, что Алиев был готов незамедлительно выехать в республику, неоднократно просил об этом Горбачева, говорил, что не может спокойно наблюдать за происходящим, за тем, как Азербайджан теряет свой промышленный потенциал, науку, культуру. Алиев встречался по этому вопросу с Лигачевым, другими руководителями партии и государства. Но всюду ответ был отрицательным. Председатель КГБ В. Крючков даже давал понять, с неким намеком, что приезд Алиева в Азербайджан был бы рискован с точки зрения его личной безопасности. Очевидно, что его сознательно держали на расстоянии от республики, не подпускали к ней. У руководителей страны не было и мысли о том, чтобы опереться на огромный опыт Г. Алиева для стабилизации ситуации. Многие признавали авторитет Гейдара Алиевича, но высказывали такие оценки неофициально, непублично, политически же он находился в изоляции. Как раз в это время в прессе появились тенденциозные антиалиевские

публикации, причем особенно много их было в самом Азербайджане. Все эти события очень подробно и достоверно описаны в фундаментальной книге биографа Алиева Эльмиры Ахундовой «Алиев. Личность и эпоха», изданной несколько лет назад в Баку.

Когда у Гейдара Алиева случилась большая личная трагедия – его жена, любимый друг и соратник дорогая Зарифа ушла из жизни, он с огромным трудом вынес этот удар судьбы. Гражданская панихида проходила на Кропоткинской улице, в Доме ученых. Я приехал туда вместе с супругой. И мы увидели, как этот могучий человек с титанической волей не может скрыть беспредельной скорби. Должно было произойти что-то невероятное, чтобы Алиев не мог сдержать слез. И в то же время я чувствовал, какая в нем неодолимая способность держаться достойно, быть сильным.

В июле 1991 года Алиев вышел из КПСС. У него были основания для такого шага. По сути, новое руководство само вытолкнуло его из рядов партии, которой он еще мог бы принести большую пользу. В Азербайджане происходили драматические события, вылившиеся в кровавую трагедию в Баку. Некогда высокоразвитая индустриальная экономика республики находилась в состоянии коллапса, уровень жизни катастрофически упал. Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы не возвращение в республику Гейдара Алиева. Он взял бразды правления в свои руки и в итоге вывел Азербайджан из глубочайшего системного кризиса.

Но не надо думать, что возвращение Алиева к руководству республикой было простым и беспроблемным. Из Москвы он приехал не в Баку, а на свою родину, в Нахичевань, край, в котором вырос, сформировался как личность и профессионал, получил первые навыки политической работы. В Нахичевани Алиева избрали председателем местного Верховного Совета. С этого и началось его возвращение в большую политику. Как Антей, прильнувший к земле и набравшийся от нее сил, Гейдар Алиев, оказавшись на родине, обрел второе дыхание и силы для мощного политического рывка. Очевидно, что, как крупный политик, он остро ощущал ответственность за судьбу Азербайджана на крутом вираже истории. Это была его личная, персональная ответственность – прежде всего перед самим собой, перед своей совестью.

Теперь, после всех прошедших лет я абсолютно уверен, что Алиев войдет в историю своего народа как масштабный политик, сначала спасший молодое азербайджанское государство, а потом утвердивший его позиции на международной арене. Безусловно,

это самый выдающийся национальный лидер Азербайджана в XX веке.

После дезинтеграции СССР вчера еще близкие республики, входившие в состав Союза, очень сложно привыкали к каноническим формам дипломатических отношений, как независимые и молодые государства. В Москве Ельцин и его соратники исповедовали в отношении бывших республик принцип: «Нечего беспокоиться за них. Сами вынуждены будут прийти с протянутой рукой». В такой обстановке классические формы работы дипломатических миссий бывших республик в Москве должны были действовать сообразно обстановке, идти к правильной цели нестандартными тропами.

В этой связи надо сказать, что Гейдар Алиев как опытный политик направил первым послом Азербайджана в Россию академика Рзаева Рамиза Гасановича, который как высокообразованный и в то же время свободный незашоренный человек внес весомый вклад в становление близких дружеских отношений между Баку и Москвой. Азербайджанское посольство было местом встречи многих высокопоставленных политиков и государственных деятелей России.

В подтверждение приведу пример. В 1995 году отмечали 500-летие со дня рождения Физули, великого сына азербайджанского народа. Интерес к литературному и философскому наследию Физули был огромен.

Было намечено проведение собрания литературной и научной общественности России в Москве в Колонном зале Дома союзов. Посол в Москве Рамиз Гасанович задавал сам себе вопрос: «Мероприятие огромное. А кто там будет из российского руководства? А кто приедет из Баку?»

К этому моменту личные отношения между Ельциным и Алиевым были неопределенными, скорее прохладными. До торжества оставалось два дня.

Рамиз Гасанович звонит помощнику Б.Н. Ельцина по международным вопросам Дмитрию Рюрикову и говорит: «Надо бы пригласить на юбилейное мероприятие Ельцина». А Рюриков отвечает: «Как это можно сделать, если у него нет приглашения?» Неординарный посол Азербайджана отвечает: «Я позабочусь. Будет приглашение».

И он действительно организовал приглашение. Рюриков был доволен. Свободный и творческий дипломат Рзаев пошел дальше. Он сказал Рюрикову: «А теперь осталось пригласить Алиева в Москву на торжественное мероприятие».

Из Москвы в тот же день ушло приглашение Алиеву быть гостем в Колонном зале на юбилее Физули.

На других подробностях останавливаться не буду, но Алиев прибыл в Москву, состоялась его встреча в Кремле с Ельциным, и отношения между лидерами двух стран приобрели новую траекторию.

За тысячелетия истории народы Большого Кавказа переживали и времена триумфа, и национальные катастрофы. Справляться с последствиями войн, голода, природных бедствий всегда было легче, когда у народов находились мудрые, авторитетные лидеры. Гейдар Алиев был одним из них. Таковым он и воспринимался в сознании народа. Вот иллюстрация этому. Известно, что главный вопрос для любого политика – это доверие людей. В результате ожесточенной политической борьбы и агитационных кампаний в позднем СССР доверие к руководству КПСС и особенно к сотрудникам КГБ было катастрофически подорвано. Не всегда критика компартии и советских спецслужб была справедливой и обоснованной. Но общественные настроения были таковы, что доверие к ним стало предельно низким. Данный факт невозможно отрицать. Но отразилось ли это на Гейдаре Алиеве? Ведь он был генералом КГБ, членом Политбюро ЦК КПСС. И да и нет. Ясно, что многое надо было пропустить через сердце, но при этом сохранить политическую волю. Авторитет Алиева в глазах азербайджанского народа не был поколеблен, и он с подавляющим перевесом был избран президентом страны.

За короткое время до возвращения Алиева на родину в Азербайджане сменилось четыре высших руководителя, среди них были высокообразованные люди с достойной биографией. Но только Алиеву удалось стабилизировать политическую ситуацию, вывести страну из кризиса и направить на путь созидания. Я бы выделил две главные причины, по которым эта миссия удалась именно ему, а не кому-то другому. Во-первых, за плечами Алиева было двенадцать лет успешной работы на посту первого секретаря Компартии Азербайджана. Такой опыт не растеряешь. Во-вторых, думаю, сказались профессиональные качества офицера специальной службы, каковым являлся Комитет государственной безопасности. Алиев был генералом КГБ, а это звание в советское время получить было непросто, требовались реальные заслуги. Уникальное сочетание огромного политического опыта и профессионализма в разных сферах деятельности позволило ему успешно работать в экстремальных условиях.

Много лет спустя мы встретились с Гейдаром Алиевичем в Баку. Я прибыл в азербайджанскую столицу 18 октября 1998 года как президент Республики Северная Осетия – Алания на торжества по случаю повторного избрания Алиева президентом Азербайджана. Как раз 18 октября у меня на родине, в Осетии

отмечался День Республики. Выступив на многотысячном митинге на площади Свободы во Владикавказе, я сразу же выехал в аэропорт. Вместе со мной находился первый заместитель председателя правительства Казбек Каргинов, генералы – министр внутренних дел Казбек Дзантиев, секретарь Совета безопасности Юрий Бзаев. В Баку нас тепло встретили, и мы направились во дворец, где проходила инаугурация. Меня посадили на почетное место рядом с семьей президента. Здесь же были гости из закавказских государств и республик Северного Кавказа. И вот перед нами на сцене хорошо знакомый человек – Гейдар Алиев. Стоял без трибуны и без текста в руках – как скала, и выступал более полутора часов.

После торжественной части состоялся государственный прием, на котором предоставили слово и мне. Я высказал то, что было на душе: лидер Азербайджана прошел со своим народом через сложные этапы становления новой государственности. При этом, в отличие от многих бывших партийных работников, не бросал упреки Москве, обвиняя во всех бедах Россию. Более того, продолжал я, Гейдар Алиевич вносит неоценимый вклад в сохранение добрососедских, дружеских отношений между Азербайджаном и Россией.

Большинство гостей на следующий день уехали. Алиев попросил меня остаться. Нашей делегации составили специальную программу. Состоялась и официальная встреча с президентом Азербайджана, на которой присутствовали почти все члены правительства республики. Азербайджанское телевидение передало об этом подробный отчет.

Мы говорили не только о желании и возможностях расширять деловое сотрудничество, но и об исторических связях осетинского и азербайджанского народов. Вспоминали крупного азербайджанского нефтепромышленника XIX века Мухтарова, женатого на осетинке Тугановой и построившего в ее честь во Владикавказе знаменитую мечеть; говорили о выдающемся дирижере Веронике Дударовой, родившейся в Баку, и еще об одном бакинском осетине – известном всему СССР футболисте Казбеке Туаеве…

Кстати, с Дударовой связан показательный эпизод, о нем вспоминает известный азербайджанский пианист Фархад Бадалбейли в фильме В. Мустафаева «Москва. Кремль». Процитирую его по упомянутой мною книге Э. Ахундовой: «… концерт в Москве, с Московским филармоническим оркестром под управлением Вероники Дударовой. На репетиции в зале вдруг появились люди в штатском и начали обыскивать все кресла, проверять двери. Я никак не мог понять, в чем дело. Выяснилось,

что вечером на концерт придет член Политбюро Гейдар Алиевич Алиев. Ну, Дударова в обмороке, все музыканты взволнованы, я – тем более.

Члены Политбюро редко ходили тогда на концерты, и каждое их появление на публике становилось событием огромной политической важности. Ну, я думаю, Гейдар Алиевич мог в Москве послушать пианистов на порядок сильнее и интереснее, чем я, потому что в столице тогда выступали гениальные Рихтер, Гилельс. Я понимаю, что в этом жесте была, конечно, моральная поддержка своего юного земляка».

В сообществе деятелей культуры не только Азербайджана, но и России с благодарностью помнят сделанное в его эпоху.

Он уделял большое внимание общекавказской повестке дня, поиску приемлемых компромиссов с соседями, вывел на новый уровень хозяйственные и гуманитарные связи с десятками регионов России.

Руководитель Грузии в советские годы, а позже министр иностранных дел СССР Эдуард Шеварднадзе оставался в Политбюро до лета 1990 года, когда состоялся XXVIII съезд партии. Стихийно возникшее, неустоявшееся сообщество первого поколения политиков новой России некоторое время воспринимало его как своего – он занимал определенное место среди политиков демократической и либеральной волны. Гавриил Попов, Анатолий Собчак и другие пытались глубже вовлечь Шеварднадзе в свою среду. Но сила притяжения к исторической родине, к Грузии стала для него определяющей. Шеварднадзе принял решение вернуться в Грузию.

В то время российские и зарубежные издания, политологи много писали о том, куда подадутся люди, находившиеся на высших постах в позднем СССР и оказавшиеся как бы не у дел. После августа 1991 года таких избиравшихся в разные годы в Политбюро выходцев с Кавказа было трое – Алиев, Шеварднадзе и я. Партийные руководители республик Средней Азии, Казахстана быстро пересели в президентские кресла. А вот мы, кавказцы, поскольку работали в Москве на постоянной основе, продолжали находиться там, становясь свидетелями сложных событий в столице и сопереживая тому, что происходило на Кавказе.

После отставки с должности министра иностранных дел в 1991 году Эдуард Шеварднадзе непродолжительное время работал председателем Внешнеполитической ассоциации. Эта неправительственная организация – по сути, клуб отставных дипломатов – занималась экспертными оценками и анализом вопросов международной политики. Офис ассоциации размещался в небольшом московском особняке. Там, как я помню,

в начале 1992 года состоялась наша многочасовая встреча с Шеварднадзе. Мы обсуждали кавказские дела, говорили о том, что надо сделать, чтобы прекратить кровопролитие в Южной Осетии. В Тбилиси уже не было Гамсахурдиа. В Грузии правил триумвират – Сигуа, Китовани, Иоселиани. Обсуждая возможное развитие событий, мы пришли к выводу, что положение на Кавказе обязывает нас практически полностью сосредоточиться на этом направлении.

Вскоре после нашей встречи к Эдуарду Амвросиевичу обратилась вышеназванная тройка временных руководителей Грузии. И он принял решение вернуться на родину. Одной из главных задач для Шеварднадзе, когда он стал председателем Госсовета Грузии, был слом инерции гамсахурдиевского национализма. Именно тогда Шеварднадзе назвал взгляды Гамсахурдиа «провинциальным фашизмом»…

После беспрецедентных потрясений, связанных с распадом СССР, непонятной ролью ГКЧП, вкусив в полной мере плоды огульного отрицания прошлого, люди начали искать пути к преодолению возникшего хаоса. В этом отношении Северная Осетия не была исключением. Ко мне поступали многочисленные просьбы от представителей старшего поколения, творческой интеллигенции, рабочих коллективов, жителей сельских районов активно заняться политической деятельностью. Такая солидарная поддержка насторожила тогдашнего руководителя республики. Но доверие не обремененных номенклатурными должностями людей было для меня намного важнее. И даже если бы потом мне не суждено было вернуться в республику, я понимал великое значение народной поддержки. Почему? Ответ прост. Если бы за сорок лет своей работы в Москве и за границей я хотя бы на год-другой потерял живую связь с родным краем, то этот порыв людей, готовых встать рядом, не проявился бы. Это и было для меня самым главным.

Избрание народным депутатом России в сентябре 1992 года вместо сложившего полномочия Филиппа Денисовича Бобкова, фронтовика и бывшего первого заместителя председателя КГБ СССР, по сути, стало моим возвращением в большую политику. Хотя и раньше в тот сложный период, находясь в Москве, я не оставался в стороне от политической жизни, нужнее всего мое присутствие было на югоосетинском направлении, где продолжалось кровопролитие, гибли люди, каждый день приносил огромные жертвы и разрушения.

Анализ причин, по которым нарастала военно-политическая напряженность, подталкивал меня к практическим действиям. В мае 1992 года состоялся срочный телефонный разговор с Э.

Шеварднадзе. Он согласился с моим предложением безотлагательно выехать на место конфликта, посетить Южную Осетию. Я вылетел на вертолете из Владикавказа в Тбилиси, чтобы оттуда направиться в Цхинвал уже вместе с Шеварднадзе. Вместе со мной были первый заместитель председателя Верховного Совета Северной Осетии Юрий Бирагов, которого хорошо знал как опытного политика и переговорщика; заместитель председателя правительства Эльбрус Каргиев, ставший позже профессиональным успешным дипломатом и первым послом России в независимой Южной Осетии; директор Северо-Осетинского научно-исследовательского института Сергей Таболов – яркий и творческий человек. Он пользовался большим авторитетом в народе, особенно среди молодежи.

К нашему прибытию Шеварднадзе уже находился в тбилисском аэропорту. У нас тут же, на летном поле, состоялся доверительный разговор. Отведя меня в сторону, грузинский лидер откровенно сказал, что нынешняя система власти в Грузии не предоставляет ему реальных рычагов для принятия принципиальных решений. Я понял, что не он контролировал силовые структуры, что они управлялись другими людьми в Тбилиси.

Время шло, а наш вылет все задерживался. Эдуард Амвросиевич сообщил, что договорился с командующим Закавказским военным округом Патрикеевым насчет еще одного вертолета в дополнение к нашему, осетинскому. Но похоже, договоренности не сработали. Возможно, сказалось раздражение со стороны генералитета России в отношении Шеварднадзе в связи с негативной оценкой его действий в бытность министром иностранных дел СССР. В конце концов, мы были вынуждены довольствоваться одним маленьким вертолетом, который пилотировал Инал Остаев, опытный летчик, имевший большие заслуги в авиации еще в советское время и вернувшийся на родину, после того как в Южной Осетии началась война.

Мы полетели в Гори, где находился Джаба Иоселиани, человек широко известный в Грузии в самых разных кругах. Для одних он был кумиром, для других – вовсе нет. Из сторонников Гамсахурдиа Иоселиани превратился в его открытого противника, в результате чего оказался в тбилисских застенках. В соседней камере находился лидер Южной Осетии Торез Кулумбегов, брошенный в тюрьму по сфабрикованному обвинению. Оба были освобождены только после свержения режима Гамсахурдиа в январе 1992 года.

Наш вертолет приземлился в Гори прямо на футбольное поле. Выяснилось, что на другом конце стадиона идет многолюдный,

шумный митинг. Шеварднадзе в сопровождении Иоселиани пошел к митингующим. Нам пришлось подождать, пока завершится трудный разговор, в ходе которого выдвигались жесткие, эмоциональные требования, звучали призывы к новому руководству Грузии решить проблемы людей, лишившихся крыши над головой. После мы из Гори уже на автомобилях выехали в направлении Цхинвала и прибыли в расположение вертолетного полка российских вооруженных сил, которым командовал полковник Вострикoв.

Цхинвал находился в военной блокаде. В результате непрекращающихся хаотических обстрелов города с прилегающих высот гибли мирные люди. Еще до нашего приезда Шеварднадзе и Кулумбегов договорились, что мы встретимся с жителями. Но Торез Георгиевич во время переговоров, проходивших на территории вертолетного полка, сказал, что не может гарантировать безопасность грузинскому руководителю. Кулумбегова беспокоило настроение жителей Цхинвала и всей республики, протестующих против обстрелов города с грузинской стороны. Вместе с тем он понимал важность цели и предпринял какие-то дополнительные шаги; наша встреча с людьми и откровенные суждения о происходящем все-таки состоялись.

Пока мы ехали в Цхинвал, я снова и снова вспоминал обстоятельства, с которых начались бесчинства грузинских экстремистов, после того как в ночь с 6 на 7 января 1991 года из города внезапно были выведены подразделения внутренних войск МВД СССР. Это произошло в результате близорукого и безответственного решения Горбачева, принятого без консультаций с Верховным Советом СССР и тем более с Политбюро. Как только я узнал об этом, то тут же связался с министром внутренних дел СССР Б.К. Пуго и заявил, что данный шаг – предательство народа Южной Осетии, поскольку развязывает руки грузинским экстремистам для нападения на Цхинвал.

Пуго сослался на политическое решение президента СССР и попытался смягчить мою реакцию, сказав, что похожие события произошли раньше и на его исторической родине, в Латвии. Бориса Карловича Пуго я давно – не одно десятилетие – знал как очень порядочного и высокопрофессионального политика и офицера. Вот в таких сложных политических обстоятельствах мы теряем друзей… Пишу так потому, что после вывода частей МВД из Южной Осетии и состоявшегося в связи с этим разговора на повышенных тонах мы прервали наши добрые товарищеские отношения. А в августе 1991 года он, как известно, трагически ушел из жизни…

Когда наша миссия достигла Цхинвала, мы в школе № 5 почтили память жителей Южной Осетии, погибших в результате нападений и обстрелов грузинской стороной. К тому времени они продолжались уже более года, и на небольшой пришкольной территории возникло кладбище жертв вооруженной агрессии.

Похоронить их на городском кладбище не было возможности – все предместья Цхинвала интенсивно обстреливались.

Потом мы направились на центральную площадь города, где нас уже ждали цхинвальцы. Чувствовалось, что нервы у людей на пределе. Но было видно, что у всех есть твердое единство во взглядах – и на происходящее в Южной Осетии, и на собственное будущее.

Об особенно острой именно в тот момент обстановке мне рассказал много позже, уже в мирное время, Валерий Хубулов, один из активных организаторов обороны Цхинвала, впоследствии заместитель председателя правительства Южной Осетии. Тогда, в мае 1992 года, сказал он, «среди части наших ребят были крайние настроения. Можно было ждать поступков с тяжелыми последствиями…» Но этого не произошло, возобладали кавказские представления о неприкосновенности гостя.

Мы благополучно вернулись на место дислокации вертолетного полка и продолжили обсуждение. В это время начался массированный артиллерийский и пулеметный обстрел. Пули и снаряды летели в расположение полка, свистели совсем близко от здания, а некоторые попадали и в само здание, где велись переговоры. Кулумбегов подтвердил: такие обстрелы ведутся круглосуточно с небольшими перерывами. Удрученный Шеварднадзе что-то сказал по-грузински Иоселиани. Тот с помощью российских военных по рации хотя и не сразу, но вышел на связь с командирами бронетехники, дислоцированной в районе Гори, и через них командами и криками призвал принять меры к прекращению обстрела. Вскоре огонь прекратился. Остается догадываться, почему именно в те часы и минуты, когда Шеварднадзе находился на территории Южной Осетии, интенсивность обстрелов возросла.

Перед тем как покинуть Цхинвал, Эдуард Амвросиевич заявил о намерении остановить войну. Наша делегация осталась в столице Южной Осетии. Я остановился у Людвига Чибирова, тогда ректора Юго-Осетинского педагогического института. Мог предположить, что Шеварднадзе занял взвешенную позицию и будет добиваться прекращения военной эскалации и вылазок на территорию Южной Осетии. Но удавалось ему это с трудом.

В Цхинвале мы договорились о прекращении огня с 14 мая 1992 года с 12 часов дня. Как я уже сказал, переговоры шли на

территории российского вертолетного полка. Все в регионе знали, где мы находились и о чем говорили друг с другом. Мы согласились прекратить стрельбу, восстановить почтовое и транспортное сообщение города с другими районами…

Наша беседа была прервана ракетным обстрелом. Мои партнеры по переговорам обменялись скептическими взглядами. «Ваши люди стараются», – сказал командир полка. Так оно и было. В самом деле, стреляли с грузинской стороны. «Кто-то из моих земляков решил таким образом выразить свое несогласие с моей политикой», – ответил Шеварднадзе. Этот эпизод он описывает в своей книге «Когда рухнул железный занавес» (Издательство «Европа», 2009 г.).

Предпринятая мной совместно с Шеварднадзе и Кулумбеговым инициатива широко комментировалась в российской печати. Нашлось место для ее освещения и в зарубежной прессе. Об этом писала, например, парижская «Ле Монд». Подтекст публикаций был такой: бывшие члены Политбюро взялись за урегулирование южнокавказских конфликтов. В общественно-политических кругах Грузии этому были даны свои оценки. По прошествии многих лет считаю, что этот поступок был абсолютно правильным. В известном смысле он проложил дорогу Сочинским соглашениям 1992 года о прекращении огня, введении миротворческих сил и их постоянного присутствия в зоне конфликта. Первым и успешным командующим миротворческих сил был С.К. Шойгу. Он же вводил миротворцев в зону дислокации.

Предстояла напряженная политическая и дипломатическая работа, для того чтобы не допустить возобновления военного конфликта и обеспечить переговорный процесс между властями Грузии и Южной Осетии. На этом направлении многое было успешно продвинуто первым президентом Республики Южная Осетия Людвигом Чибировым. Он, как крупный ученый и зрелый политик, высоко ценил в решении сложных вопросов мнение профессионалов, экспертов и, что особенно важно, наладил деловые, доверительные отношения со всеми участниками переговорного процесса. Особо отмечу значение плодотворного взаимодействия руководства Южной Осетии с российскими дипломатами, посредническую деятельность которых очень умело, с большим тактом в отношении сторон конфликта координировал Борис Николаевич Пастухов.

Как руководитель Грузии Шеварднадзе в первый период располагал возможностями для политического взаимодействия с руководством России. У него были связи с президентом Б.Н. Ельциным, особенно после августа 1991 года. Оба они

позиционировали себя на одной стороне политического поля, сложившегося после распада СССР. Подписанные в июне 1992 года в Сочи соглашения стали конкретным результатом этих отношений. Тогда же была достигнута договоренность о постоянном присутствии миротворческих сил в зоне конфликта. И хотя реального прогресса в поисках окончательного политико-правового выхода из сложившейся ситуации не произошло, сам факт многолетнего перемирия, жизни без выстрелов можно расценивать как значительное достижение. Более 15 лет в зоне конфликта сохранялась политическая напряженность, но не было войны, не было жертв, не было разрушений.

На фоне соглашений о прекращении вооруженного насилия в Южной Осетии остаются необъяснимыми причины, подтолкнувшие Шеварднадзе к попытке военного решения абхазского вопроса в августе 1992 года. Чем это закончилось, хорошо известно. Организаторы похода были вынуждены спешно покинуть Абхазию, оставляя этот край разоренным войной; многие тысячи грузинских семей оказались в положении беженцев. Перспективы мира между проживающими там народами были перечеркнуты, погибло огромное количество людей, возникли острейшие гуманитарные миграционные проблемы.

Кто-то скажет: не все было сделано, чтобы остановить конфликт! На самом деле предпринимались серьезные шаги, выдвигались перспективные инициативы. Грузино-абхазский переговорный процесс существенно продвинулся с приходом на должность министра иностранных дел России академика Е.М. Примакова. (Более подробно об этом можно прочитать в книге Е.М. Примакова «Встречи на перекрестках».) В этой сложной дипломатической работе принимали активное участие глава МИДа И. Иванов, дипломаты Б. Пастухов и В. Лощинин.

Известно, что серьезное воздействие на политические процессы на всем Кавказе оказывали события в Чечне. По этому вопросу позицию Грузии тоже трудно было назвать удовлетворительной. Во всяком случае, расхождения между Тбилиси и Москвой были налицо. Особенно явно они обозначились после того как в 1998 году рабочую поездку в Грузию не смог совершить министр обороны РФ маршал Игорь Сергеев. По поручению Ельцина он должен был обсудить с Шеварднадзе ряд срочных вопросов, связанных с подавлением все шире расползавшихся террористических групп и их инфраструктуры. Маршал решил лететь в Тбилиси не из Москвы, а из Владикавказа. Ему важно было показать, что российский министр обороны прибывает в государство Южного Кавказа с

российского же Кавказа.

В ожидании вылета Сергеев в течение двух дней был моим гостем. Я имел возможность долго общаться с этим интересным человеком. Мы много говорили о политике, но обстановка ожидания позволила коснуться вопросов культуры, литературы, поэзии. Тем более что сам Сергеев писал стихи. Он подарил мне свой поэтический сборник. Но в конце концов маршал так и не полетел в Тбилиси, а вынужден был вернуться в Москву.

Почему так произошло, я узнал только в 2002 году, от грузинского президента, когда находился с визитом в Тбилиси. В интерпретации Шеварднадзе дело обстояло так. Ему позвонил Ельцин и сказал, что просит согласия на размещение в секторе южных границ, сопредельных с Чечней, пограничных войск России. Шеварднадзе вначале не возражал. Позже, как я понял из его рассказа, в руководстве Грузии посчитали, что ввод российских войск может спровоцировать вооруженные акции чеченских боевиков против Грузии. Под влиянием этих соображений Шеварднадзе позвонил не президенту России, а непосредственно Сергееву и попросил его отложить поездку.

Шанс для согласованных действий был упущен, а между тем в Панкисском ущелье разрастались базы террористов. Началось криминальное давление на местное население. Это коснулось и веками живших там панкисских осетин, многие из которых вынуждены были переехать в Южную Осетию или на Юг России.

Притяжение родины. Второе вхождение в буйный Терек

Возвращение в Осетию. Проблема беженцев. Глубокий экономический спад. Борьба за президентство

Алиев, Шеварднадзе, Дзасохов… Три выходца с Кавказа, оказавшиеся на верхних ступенях партийной иерархии – в Политбюро ЦК КПСС, правда в разные периоды. И в дальнейшем наши судьбы были в чем-то похожи. Все мы – каждый своим путем – вернулись в родные места. Только теперь были не в одном, а в трех разных государствах. Они возглавили свои республики, но уже в статусе независимых, суверенных государств, а я – Северную Осетию на Северном Кавказе в современной многонациональной России.

Мною в стремлении сменить столицу еще недавно общей для всех нас великой страны на столь же близкую моему сердцу Осетию двигала не только тяга к истокам – так бывает всегда, когда особенно трудно, – но и обуревавшие меня чувства. Я стремился вырваться из той обстановки, в которой я оказался в Москве в 1991–1992 годах. Молодые российские политики совершали поступки, которые я не мог воспринимать как ответственные и направленные на защиту интересов страны. Можно пережить кривотолки в отношении себя, можно не обращать внимания на косые взгляды невежественных ниспровергателей, хотя это очень неприятно. Но нетерпимое отношение ко всему советскому – без разбору, как говорится, чохом, с глумливым растаптыванием прошлого, в том числе и его достойных славных страниц, – было глупым и губительным, отбрасывало нашу страну далеко назад. Для меня это было невыносимо.

Самое печальное, что Россию из ядра и собирательницы великой евразийской державы – в имперском или в советском ее облике – превращали в движущую силу ее распада. В погоне за властью, желая этого или нет, Ельцин и его соратники принесли перспективы сохранения страны в жертву успеху в соперничестве с союзным центром.

Очень многих в Осетии, как и меня, беспокоило будущее России, будущее Кавказа. Распад СССР был для меня не просто крушением великого государства, но воспринимался и через трагедии моего народа. Раны войны в Южной Осетии и конфликта в Пригородном районе Северной Осетии были свежи.

Тогда, в первой половине 1993-го, я понимал, что обязан вернуться домой, чтобы быть рядом с народом у себя на родине.

Причины, побудившие меня вернуться в Осетию, были вполне очевидными. Назову главные.

Первая заключалась в том, что после событий октября – ноября 1992 года в Пригородном районе республики в общероссийских СМИ группа завербованных за «рубль» утвердила абсолютно неверное толкование произошедшего. В газетах, которые формировали тогда общественное мнение России, преобладали упреки и чуть ли не обвинения в адрес осетинской стороны. В тень уходили очевидные факты. Никто не замечал инерцию вседозволенности в стенах Верховного Совета РФ, руководство которого искусно поощряло деструктивное поведение ряда депутатов, которое еще в 1991 году проявилось в принятии закона «О реабилитации репрессированных народов» с целым рядом непродуманных положений. Не имея перспективы конституционного осуществления в части «территориальной реабилитации», этот закон спровоцировал острое межэтническое противостояние.

Ту же нацеленность на обоснование претензий на власть можно было обнаружить и в стремлении упразднить автономии. В Грузии такие идеи дошли до практической реализации.

Уже тогда, в 1990–1991 годах, меня серьезно тревожило отношение к беженцам из внутренних районов Грузии и самой Южной Осетии. Эта проблема фактически не воспринималась на союзном и федеральном уровне как выходящая за рамки Грузии. Получалось, что Северная Осетия оказалась к 1992 году под угрозой двойного удара. С одной стороны – беженцы из Грузии, с другой – давление по вопросу о Пригородном районе.

Но высказываемая озабоченность не воспринималась на федеральном уровне как стоящая внимания. Иногда она вообще трактовалась как «противодействие демократическим преобразованиям». В Северную Осетию из Грузии хлынули десятки тысяч людей, уходящих от развязанного там морального, а в ряде мест и физического террора. А этот исход не считался «проблемой»! Надо полагать, осетинские беженцы рассматривались в качестве естественных издержек «демократических преобразований» в Грузии.

В 1992–1993 годах всякий раз, приезжая во Владикавказ, я испытывал крайнюю тревогу – не только из-за внешнего давления на республику, но и из-за того, как общество сможет справиться с этим давлением. Понятно, что республика была не готова к массовому наплыву беженцев. По разным оценкам, от 80 до 100 тысяч человек прибыли в Северную Осетию с территории Грузии

и Южной Осетии, а также из Таджикистана в период 1990–1992 годов. Резкое ухудшение экономического положения, которым сопровождалось масштабное вынужденное переселение, порождало новые риски: беженцы – те же осетины – могли стать из групп-раздражителей уже внутриосетинского конфликта. Североосетинский обыватель все громче ворчал, что от беженцев, изгнанных из родных мест и пребывающих в трудных жизненных условиях, исходят одни неприятности. К стыду некоторых «северян», на улице, на рынке, в магазинах Владикавказа осетин-южанин мог услышать оскорбительное: «Уезжай туда, откуда приехал!» Об этом не писали в газетах, не говорили в официальных учреждениях, но на бытовом уровне это было очень заметно. Существовал риск эскалации бытового раздражения между двумя частями нашего народа. Игнорировать подобную угрозу было невозможно. Северная Осетия, все здоровые силы общества не могли позволить отгородиться от этой проблемы. В результате возобладал разумный подход. Подавляющее большинство населения Северной Осетии воспринимало беженцев как часть единого осетинского народа, как родственников, друзей, близких, оказавшихся в беде. Такое отношение, разумеется, было определяющим и для властей Северной Осети.

Между тем в республике усугублялся экономический кризис. 1990-е годы вплоть до 1998-го были неблагополучны для России в целом, но экономической спад в Северной Осетии был более глубоким, чем во многих других регионах.

Факторы, определявшие политическую и социально-экономическую повестку дня в республике, вызревали не один день. Надо было менять ситуацию. Первые президентские выборы в Северной Осетии были назначены на январь 1994 года, и я обдумывал вопрос о своем участии в них и о своих действиях на посту президента. Будучи тогда депутатом Государственной думы, я считал, что в тех обстоятельствах мой опыт на посту главы республики принесет много пользы.

Поэтому я дал согласие на выдвижение и был зарегистрирован в качестве кандидата в президенты республиканской избирательной комиссией. В числе других кандидатов были председатель Верховного Совета Северной Осетии А. Галазов, председатель Совета министров С. Хетагуров, ректор аграрного университета Г. Козаев, заместитель министра внутренних дел Т. Батагов (два последних – в недавнем прошлом народные депутаты России). Как видно, компания претендентов собралась внушительная, у каждого было немало сторонников. Однако социологические исследования отдавали предпочтение мне, причем с большим преимуществом.

Тем не менее в своевременности намеченного шага были сомнения. Сомнения были и раньше, но по мере приближения дня выборов они все больше одолевали меня.

Как и следовало ожидать, каждый день, иногда несколько раз, просили о встрече «ходоки» от тогдашнего руководителя республики с просьбой не участвовать в выборах. Серьезной аргументации у них не было…

Вскоре и сам Галазов, еще недавно мой выдвиженец на пост партийного руководителя республики, проявил инициативу о встрече. Она состоялась во Владикавказе. Он прямо сказал: «Александр Сергеевич, через два года в любом случае я уйду с этой должности. Мне этого срока будет достаточно. Хочу завершить некоторые программные задачи, которые еще не реализованы».

Такая откровенность подкупала. Правда, какие именно «программные задачи» не успели завершить, он не сказал. Наш разговор состоялся, когда уже полным ходом набирало силу предвыборное противостояние сторонников Галазова, занимавшего пост председателя Верховного Совета республики, и сторонников председателя правительства Сергея Хетагурова. Обстановка все более накалялась, и мне казалось, что мое участие в выборах может создать дополнительный раскол в политическом сообществе Северной Осетии и во всем осетинском народе, что было крайне нежелательно.

При принятии решения я действительно руководствовался полученным мною с глазу на глаз заверением о том, что через два года в Северной Осетии пройдут досрочные выборы. В них я и собирался участвовать уже без всяких но. Однако действующий руководитель впоследствии пересмотрел свои намерения о скорой отставке и решил не только остаться во главе республики до конца первого президентского срока, но и выдвинуться на второй срок. Стало очевидно, что окружившая его команда, люди, занимавшие ключевые посты, намеревались «рулить» бесконечно долго.

Время, особенно в политике, летит быстро. Не успел я оглянуться, как приблизился 1998 год, а с ним и новые президентские выборы в Северной Осетии. И тут я уже без колебаний принял совершенно определенное решение. Надо сказать, к тому моменту я не знал, да и сейчас не знаю, какую позицию занимал тогда Кремль – Президент Ельцин, его администрация. Осетия всегда воспринималась Москвой как республика Северного Кавказа, с одной только ей присущими геополитическими особенностями. Поэтому в Кремле общие требования к претендентам на пост президента Северной Осетии

были неизменными: это должен быть человек, свободный от националистических, изоляционистских взглядов, крепкий государственник в хорошем смысле слова. Таким образом, предполагаю, что Ельцин находился на позиции «позитивного нейтралитета».

Но и «позитивный нейтралитет» Ельцина мог измениться в любое время. Борис Николаевич – человек непредсказуемый. Мы с ним были знакомы еще с горбачевского периода, тогда он был первым секретарем Московского горкома партии. Когда Ельцин покинул этот пост и ушел в оппозицию, хотя оставался еще в составе ЦК, мне по нашим редким встречам казалось, что у нас есть взаимный интерес и корректное, уважительное отношение друг к другу. На одном из пленумов ЦК, осенью 1989 года (заседание тогда вел Лигачев), будучи еще первым секретарем Северо-Осетинского обкома партии, я снял свое запланированное выступление, поскольку обсуждение вопросов повестки дня переросло в обсуждение «персонального дела» Ельцина. Во время перерыва я сказал моему коллеге Л.М. Замятину, что не хочу участвовать в спонтанной, более громкой, нежели содержательной, дискуссии о Ельцине. Леонид Митрофанович Замятин, с которым нас много лет связывали общие профессиональные интересы (он долгое время работал на ответственных должностях в МИДе, был заведующим отделом международной информации ЦК КПСС), демонстративно поддерживал отношения с опальным Ельциным. Он то ли курировал необузданного «уральского самородка» на пленумах, то ли просто подобрал к нему ключик, пользуясь тем, что они сидели на партийных мероприятиях рядом. Замятин, видимо, передал Ельцину содержание нашего разговора.

После того как Борис Николаевич стал Президентом России, у него, скорее всего, осталась обида на тех, кто входил в прежнюю, отвергнувшую его партийную элиту. И хотя я стал членом Политбюро уже когда никак не мог повлиять на отношение к нему и его собственное поведение, особенно после событий августа 1991-го, холодок между нами продолжал ощущаться.

Однако через несколько лет появился повод восстановить политическое сотрудничество. В середине 1990-х я возглавлял постоянную делегацию Федерального Собрания России в Парламентской ассамблее Совета Европы. Центральной задачей было добиться принятия нашей страны в эту авторитетную организацию. Учитывая особую важность вопроса, у меня с коротким интервалом состоялись две обстоятельные встречи с Ельциным. По их итогам мне показалось, что он был доволен

работой российской делегации. Возможно, эти встречи восстановили наши деловые отношения. А в предвыборный период в 1998 году, по крайней мере публично, Ельцин предпочел оставаться «над схваткой» и не вмешивался в ход избирательной кампании в Северной Осетии.

Борьба за президентство велась очень активно, по всему фронту. Реальный рейтинг действующего президента республики был очень низким, не превышал нескольких процентов. Зная мнение народа, многие его приближенные не рекомендовали ему вступать в предвыборную борьбу. Например, советник президента С.Я. Плахтий и известный в Осетии и России ученый-кавказовед М. Блиев. На самом деле все пошло по другому сценарию. Во Владикавказе высадилась прибывшая из Москвы группа самых дорогих наемных имиджмейкеров, специалистов по выборным технологиям. Их штат разместили на госдаче, в барских условиях. Одновременно запускались слухи, что в республике якобы находятся трое-четверо очень дорогостоящих киллеров, выходцев из Прибалтики. Был задействован на полную мощь административный ресурс. Только не было учтено, что чиновники в большинстве своем прекрасно чувствуют перемену политического ветра и чутко улавливают предпочтения людей. Для меня же главным было не дать втянуть себя в какую-либо провокацию или лишенную смысла борьбу с «ветряными мельницами» и в таком ключе довести предвыборную кампанию до завершения. Так и получилось. Я набрал 76 процентов голосов – притом что кандидатов было пять.

Казалось, что все позади, выборы прошли, время успокоиться. Но, видимо, отчаяние, злость и непонимание реальности не давали закулисным криминальным и безмерно честолюбивым экземплярам остановиться. Это тема интересная. Мне известны десятки нереализованных проектов создания трудностей для тех, кто пришел к руководству в республике. Приведу в кратком изложении пример (а таких много). В день моего вступления в должность президента (инаугурации) в Осетию приехали десятки делегаций из Москвы, южнокавказских государств, республик и регионов Северного Кавказа. На 12:00 намечена торжественная церемония. Царит атмосфера доброжелательности и ожидания. Внимание! За пять минут до моего выхода на трибуну для принесения клятвы ко мне подходит человек (имя называть не буду) и заявляет, что только что был похищен и взят в заложники господин Коштель, представитель Верховного комиссара по делам беженцев на Северном Кавказе. Понятно, почему это произошло именно здесь и сейчас! Позже его судьбой занимались не только мы в Осетии и на Кавказе. Дело об освобождении французского

дипломата было на контроле у Ельцина Б.Н., председателя правительства РФ Е.М. Примакова, президента Франции Жака Ширака.

Время и события нельзя развернуть вспять. Но знать достоверно о событиях и политиках того времени полезно.

Распад Советского Союза оказался таким тектоническим разломом, который породил глубокие трещины и в личных взаимоотношениях людей, занимающихся политической деятельностью. Время перехода от СССР к новой России поставило многих находившихся у власти перед серьезными испытаниями и даже искушениями. Некоторые запуталась в своих политических воззрениях, проживая за одну свою физическую (биологическую) жизнь пять-шесть политических образов. Это же абсурд – за семь-восемь лет некоторые вроде бы зрелые политики побывали в четырех-пяти партиях. «Единство», «Отечество», «Наш дом – Россия»… И это не считая КПСС. Уточню, что я был членом только одной партии и никогда не вступал ни в какие другие.

Мимикрия, попытки приспособиться к изменчивой политической конъюнктуре, создать себе новый образ вносили разброд и шатания в политическую жизнь, не давали сосредоточиться на главном. Тут же выяснялось, что отец этого политика был репрессирован, дед раскулачен, а в годы советской власти ему самому не разрешали посещать церковь. Когда у руководящего работника дребезжит внутренний стержень, это очень вредит делу.

Принуждение к миру и крах «революции роз»

Э. Шеварднадзе переоценил роль США и Запада; предательство молодой командой своего президента; время ложных амбиций и больших ошибок. Август 2008 года – вероломная агрессия. Москва: направление главного внимания – Южная Осетия

Тем временем внутриполитическая ситуация в Грузии развивалась по сложной траектории. По ключевым геополитическим вопросам – сохранению внеблокового внешнеполитического курса, пониманию безальтернативной роли России как ключевого соседа и крупнейшего кавказского государства – дистанция между Тбилиси и Москвой увеличивалась. Новое поколение грузинских политиков, пришедших во власть в качестве опоры Эдуарда Шеварднадзе, воспринимало своего лидера как тормоз при движении на Запад и в сторону от России, а сам он, пожалуй, чересчур понадеялся на своих партнеров в США и западных странах. Летом 2004 года действующий президент Грузии был нелегитимно отстранен от власти. На первый план вышел Михаил Саакашвили. В грузинской политике началась эпоха военных авантюр и непредсказуемых внешнеполитических шагов.

Некоторые эксперты и в самой Грузии, и в России расценили события грузинской «революции роз» как результат закулисной договоренности между отстраненным от власти руководителем республики и его молодым, но давним соратником. Как показали последующие события, эта версия не бесспорна.

В отношении же Южной Осетии политика нового руководителя Грузии с самого начала была направлена на демонтаж всех обязывающих обязательств, касающихся неприменения силы. С весны 2004 года Саакашвили предпринимает шаги, нацеленные на конфронтацию с Южной Осетией. Он провозглашает своей целью «скорейшее восстановление суверенитета» Грузии над Южной Осетией (а заодно и над Абхазией), причем механизмом такого «восстановления суверенитета» избирается курс на нейтрализацию и разрушение государственных институтов Южной Осетии.

Для маскировки этой политики тбилисские политтехнологи затеяли кампанию «гуманитарной интервенции» в Южной Осетии, сводившуюся к отправке туда сельскохозяйственных грузов.

Одновременно была блокирована единственная дорога, по которой такие грузы могли поступать из России. Это произошло уже в апреле 2004 года в рамках так называемой антиконтрабандной кампании. А уже в июне Грузия ввела формирования внутренних войск в зону конфликта и выставила новые несогласованные посты военной полиции. Вскоре там были оборудованы огневые позиции.

Одновременно Саакашвили стремился нейтрализовать роль России как гаранта мира в зоне конфликта, пытаясь разрушить механизмы Сочинских соглашений и выдавить миротворческие силы из зоны конфликта.

В это время Россия оперативно предприняла ряд мер дипломатического и иного характера, чтобы пресечь иллюзии Саакашвили о возможности военного решения осетинского вопроса. В августе 2004 года Министерство иностранных дел РФ впервые заявило, что Россия вмешается в ситуацию в случае возникновения угрозы безопасности населению Абхазии и Южной Осетии.

Эскалация напряженности, нагнетаемой с грузинской стороны, поставила руководство Северной Осетии перед необходимостью срочных действий. Но сначала надо было проанализировать ситуацию, выработать прогнозы развития событий. 5 июня 2004 года под моим председательством состоялось закрытое совещание правительства, парламента, глав районов, наиболее авторитетных общественных организаций и, конечно, руководителей правоохранительных ведомств. Разговор был долгим и откровенным. Было понятно, что грузинская «революция роз» пахнет вовсе не розами. По имевшейся информации, инструкции в Тбилиси поступали из тех же центров, которые в свое время расшатывали ситуацию на Балканах. В материалах зарубежных аналитических центров и спецслужб, попавших в наше распоряжение, неоднократно упоминалась Северная Осетия. Подчеркивалась ее важная роль для стабильного геополитического положения России на Кавказе. Планируемое обострение осетинских проблем означало ослабление позиций России на южном направлении.

На том совещании мы пришли к выводу, что необходимо срочно создать качественно новую систему наблюдения за Рокским перевалом со стороны подразделений МВД, пограничников, военных. Вскоре я встретился с командованием российских миротворцев в зоне конфликта. Командованию российских миротворцев были направлены предложения о дополнительном миротворческом подразделении в зоне конфликта. При координирующей роли министра внутренних дел

республики был разработан мобилизационный план на случай диверсионных действий со стороны режима Саакашвили, а на Рокском перевале увеличена плотность круглосуточного боевого дежурства.

Надо было незамедлительно активизировать осетинскую часть Смешанной контрольной комиссии (СКК) по урегулированию конфликта с Грузией – многие годы ее возглавлял опытный и способный член правительства нашей республики Таймураз Кусов. Через этот канал грузинской стороне был послан сигнал о том, что мы трезво оцениваем происходящее и предпринимаем адекватные меры. Состоялось несколько совместных консультаций. По настоянию нашей делегации одна из них прошла в Цхинвале.

Приведу запись устного доклада сопредседателя Смешанной контрольной комиссии (СКК) от Северной Осетии Таймураза Кусова.

«14 мая было проведено заседание СКК в Тбилиси. Но состоялось оно в здании посольства РФ.

По графику заседание должно было состояться 1–3 июня. Но в связи с обострением обстановки в зоне конфликта заседание провели раньше запланированного срока – 14 мая. На нем было принято заявление сопредседателей СКК, подтверждающее намерения сторон строго придерживаться политических методов разрешения конфликта (предложение осетинской стороны).

Тем не менее ситуация продолжала обостряться, и мы настояли на том, чтобы перенести заседание, планировавшееся на 1–3 июня, из Тбилиси в Цхинвал. Это было не просто заседание СКК, а чрезвычайная встреча сопредседателей – 2 июня, куда были приглашены эксперты от силовых структур сторон. Туда же поехали Сергей Таболов и Мурат Тхостов.

Чем это было вызвано? Рассматривался вопрос о ситуации, сложившейся в зоне конфликта.

Грузинская сторона ввела дополнительные силы правоохранительных органов в зону конфликта без согласования с СКК. В том числе были выставлены не предусмотренные СКК посты на дорогах. Наблюдались полеты над зоной конфликта летательных аппаратов без опознавательных знаков.

Грузинский батальон стал непосредственно управляться Минобороны Грузии в нарушение установленного порядка о совместном командовании миротворческими подразделениями в зоне конфликта.

Грузинский батальон стал формироваться (с конца 2003 г.) из военнослужащих, проходивших обучение под руководством американских инструкторов. Начали нарушаться сроки ротации

грузинского батальона.

Грузинские посты стали препятствовать провозу гуманитарных грузов.

Все это свидетельствовало об эскалации напряженности и об усилении силового давления со стороны Грузии.

На встрече 2 июня было принято решение о незамедлительном выводе подразделений силовых структур, дополнительно введенных в зоны ответственности смешанных сил, что и было отражено в принятом на встрече документе».

Руководство республики было на постоянной рабочей связи с министром иностранных дел С.В. Лавровым и его заместителями. Очень благодарен им за поддержку. Российские дипломаты в штаб-квартире ОБСЕ в Вене получали уточненные рекомендации, в которых предписывалось уведомить ОБСЕ о необходимости строгого исполнения миротворческой миссии и недопустимости «сползания» к политике двойных стандартов.

А 1 июня меня принял в Кремле президент России В.В. Путин. Это было важно в связи с ростом военно-политической напряженности. Потом не было ни одной встречи с В.В. Путиным, а их было немало, чтобы не обсуждался югоосетинский вопрос. В основе сложившейся ситуации были, конечно, проблемы обеспечения безопасности народа. В то же время было ясно, что давление на югоосетинском направлении было стратегической и геополитической сутью проекта с участием Запада, направленного на вытеснение России с Южного Кавказа. Поэтому подтвердим, что Южная Осетия всегда и сегодня находится на переднем крае противостояния тем, кто пытается возвести стену между Россией и Кавказом.

На той встрече с президентом В.В. Путиным большое внимание было уделено вопросам восстановления разрушенного хозяйства Южной Осетии, ее транспортной инфраструктуры. Президент дал соответствующие поручения. Губернатор Кемеровской области А. Тулеев направил специалистов для разработки плана восстановительных работ горнорудной промышленности в Квайсе. С Игорем Слюняевым, руководителем «Росавтодора», на месте решались вопросы дорожного строительства. Представители российских ведомств имели в Цхинвале рабочие встречи с Э. Кокойты и другими руководителями республики.

Однако в августе того же года обстановка серьезно ухудшается. В зоне конфликта начинаются первые после заключения Сочинских соглашений вооруженные столкновения между осетинскими и грузинскими формированиями. Грузия направляет в Южную Осетию уже не только силы своего МВД, но

и регулярные армейские формирования. Активное сопротивление сил самообороны Южной Осетии, взятие в плен грузинских военных, присутствие миротворцев на ряде стратегических высот и направлений вынуждает Тбилиси отвести войска.

После этих событий вопрос международно-правового обеспечения гарантий безопасности становится для Южной Осетии главным на переговорах в рамках СКК. Она, как и Абхазия, стремится дополнить фактические гарантии безопасности со стороны России юридически обязывающими соглашениями с Грузией о неприменении силы. О безотлагательности принятия таких мер неоднократно и публично заявляли руководители Южной Осетии (Э. Кокойты) и Абхазии (С. Багапш). Но Тбилиси выступил против, что было мотивировано нежеланием якобы повышать переговорный статус Южной Осетии и Абхазии.

Вместо этого Грузия планомерно усиливает военно-политическое давление на бывшие автономии и готовит новые военные сценарии. В 2005-м и последующем годах ситуация в зонах обоих конфликтов неуклонно ухудшается. В 2006 году Тбилиси проводит военную операцию в верхней части Кодорского ущелья в зоне грузино-абхазского конфликта, куда вопреки положениям Московского соглашения 1994 года о прекращении огня вводится тяжелая техника и военная полиция Грузии. Там создается оперативный плацдарм для быстрого захвата Центральной Абхазии.

В марте 2007 года начинается возведение новой военной базы в Гори, фактически рядом с границами Южной Осетии. В зоне грузино-осетинского конфликта осложняется деятельность смешанных сил по поддержанию мира (ССПМ): грузинский батальон окончательно выходит из-под контроля объединенного командования. Ротация грузинских военнослужащих используется для их ознакомления с театром будущих военных действий.

Нарастание силовой составляющей в противостоянии сопровождалось сомнительными политическими инициативами со стороны Тбилиси. В 2006–2007 годах Грузия создает так называемые альтернативные правительства в Абхазии и Южной Осетии. Однако эта попытка изначально была обречена на провал.

В феврале 2008 года режим Саакашвили сорвал выполнение Донорской программы Евросоюза по экономической реабилитации зоны грузино-осетинского конфликта. А уже в марте военная полиция Грузии переходит от тактики блокирования коммуникаций к медленному сужению зоны контроля осетинской стороны. Интенсифицируются полеты

грузинских разведывательных беспилотников – сначала над территорией Абхазии, а с июня – над территорией Южной Осетии. Тогда в Москве принимают решение о предоставлении социальной и гуманитарной помощи Абхазии и Южной Осетии в рамках прямых контактов с властями этих республик.

Всеми средствами Россия показывала свою вовлеченность в ситуацию. В Москве официально заявили о том, что в случае попытки Грузии силовым путем восстановить контроль над Абхазией и Южной Осетией Россия не останется в стороне. Но Саакашвили уже закусил удила и не принял эти предупреждения всерьез. Очевидно, он надеялся, что установленные отношения с НАТО уберегут его от российского силового вмешательства даже в случае проведения не согласованной с «союзниками» военной операции против так называемых сепаратистов.

Резкая эскалация напряженности в Южной Осетии началась в июне – июле 2008 года. 3 июля грузинские военные захватили несколько стратегических высот в Южной Осетии и оборудовали там огневые позиции, с которых вели регулярный обстрел территории Южной Осетии.

Стремясь предотвратить наихудший сценарий, Россия 8 июля внесла в Нью-Йорке проект резолюции Совета Безопасности ООН, а в Вене – проект решения Постоянного совета ОБСЕ. Там содержалось требование о «незамедлительном подписании документов о неприменении силы в грузино-абхазском и грузино-осетинском конфликтах». К сожалению, эта инициатива не встретила поддержки. Тогда 15 июля Россия начала военные учения на Северном Кавказе. Их заявленной целью была отработка способов оказания помощи миротворцам в Южной Осетии. Это был предельно ясный сигнал грузинской стороне о готовности нашей страны применить силу в случае попытки Тбилиси решить югоосетинский вопрос военными средствами.

Однако на Саакашвили ничего не действовало. К 7 августа у границ Южной Осетии, в зоне ответственности миротворческих сил и бывшей демилитаризованной зоне, была сосредоточена ударная группировка спецподразделений МВД и Минобороны Грузии, в том числе три армейские бригады с 75 танками, ракетно-артиллерийские батальоны, оснащенные установками «Град». В ночь с 7 на 8 августа начался массированный ракетно-артиллерийский обстрел Цхинвала и близлежащих сел. Военная агрессия Грузии против Южной Осетии, готовившаяся долго и тщательно, вошла в активную фазу. К утру грузинские войска атаковали и частично заняли осетинские позиции и населенные пункты по всему периметру границы Южной Осетии и Грузии.

Также были атакованы российский и осетинский батальоны

миротворцев.

В семь утра по московскому времени на экстренном заседании Совбеза ООН в Нью-Йорке представитель России призвал принять резолюцию о незамедлительном прекращении насилия в Южной Осетии. Однако консолидированную международную позицию, осуждающую эскалацию насилия, выработать не удалось. Формулировка о том, что конфликтующие стороны должны «отказаться от применения силы», не устроила Грузию и поддерживающие ее страны. В результате в Тбилиси получили сигнал, который был понят как возможность развивать военную операцию. России же стало ясно, что необходимо действовать самостоятельно, причем как можно быстрее.

Уже днем 8 августа через Рокский тоннель в Южную Осетию вошли российские войска. В ответ на это Грузия молниеносно изменила информационную версию начатой ею накануне операции, которую теперь попытались выдать за «противодействие российской агрессии». Одновременно по Транскавказской магистрали, ранее открытой тбилисскими «стратегами» для «свободного» и окончательного исхода осетин в Россию, был нанесен удар грузинской авиации и артиллерии. В ответ на это российские ВВС провели бомбардировку военных аэродромов и объектов военной инфраструктуры Грузии. Вводом в действие авиации и соединений Черноморского флота России началась полномасштабная операция по принуждению агрессора к прекращению огня и миру.

В течение двух суток вооруженные силы РФ деблокировали Цхинвал и вошли на территорию собственно Грузии. Грузинская армия, готовившаяся к операции против сил самообороны Южной Осетии, но вместо этого столкнувшаяся с качественно иным противником, без боя отходит к Тбилиси. 12 августа вооруженные силы РФ прекращают продвижение по территории Грузии. При активном посредничестве Франции принимается соглашение о прекращении огня.

После этого Россия призвала Грузию подписать соглашения с Южной Осетией и Абхазией о неприменении силы. Но вновь столкнулась с отказом – в качестве предварительного условия Саакашвили требовал от них признания грузинского суверенитета. И тогда (в конце августа 2008 г.) Россия признала независимость этих республик и таким образом вывела вопрос об их безопасности из «блокирующей» связки с вопросом о территориальной целостности Грузии.

С 2003 по 2008 год грузино-осетинский и грузино-абхазский конфликты были особо сложными и вылились в открытую военную агрессию режима Саакашвили против Южной Осетии.

Очень сложную фазу прошли в эти годы и российско-грузинские отношения. Российская дипломатия делала все возможное с целью политического урегулирования и блокирования военной авантюры. Это так, и события тех лет всегда будут в народной памяти. С благодарным чувством следует назвать имена Г.Б. Карасина, В.И. Чуркина, Ю.А. Зубакова, В.А. Соболева, К.И. Косачева, М.В. Маргелова, А.К. Пушкова.

В 2008 году на политической карте мира появляется два новых, пока частично признанных государства – Республика Южная Осетия и Республика Абхазия. Складывается новая политическая реальность, удостоверяющая несостоятельность политического авантюризма, прибегающего к военно-силовым методам решения этнополитических проблем. С все большей очевидностью становится необходимо создание новых механизмов коллективной безопасности, которые бы позволили с годами восстановить здесь ресурсы межгосударственного и межнационального доверия, создать прочные гарантии мира, застрахованного от прорывов к власти различного рода радикалов и авантюристов, считающих себя вправе развязывать локальные войны.

Весной 2013 года грузинский премьер-министр Бидзина Иванишвили в очередной раз публично признал, что военные действия против Южной Осетии в августе 2008 года начала Грузия. «Саакашвили не стоит удивляться повестке в суд», – заявил он. Эти слова отражают позицию грузинского парламентского большинства и значительной части грузинского общества.

В заключении европейской комиссии по расследованию причин конфликта под руководством Хайди Тальявини сказано, что войну против Южной Осетии начала Грузия.

Будем надеяться, что справедливость в конце концов восторжествует и военные преступники понесут заслуженное наказание.

Вместе с тем нынешнему поколению двух народов предстоит осмыслить – как получилось, что грузины и осетины – столь исторически близкие друг другу, легко ладившие друг с другом – оказались разделены кровью? Как оказалось, что сотканный из десятков тысяч, если не сотнями тысяч, семейных и дружеских уз осетино-грузинский мир, оказался взломан, разрушен? Почему оказалась возможна фальсификация исторических фактов в отношениях близких друг другу народов?

Глубокий и спокойный анализ кризисных этапов в грузино-осетинских отношениях не оставляет сомнений, что их причиной всегда были различия во взглядах на политические события:

в годы советизации и гражданской войны на Кавказе, в оценках дезинтеграции СССР – официальный Тбилиси резко разворачивается на Запад, Цхинвал последовательно остается на позициях сохранения исторических связей с Россией. В вопросе отношения к евроатлантическому военному блоку НАТО также несовместимые позиции сторон. Между тем пласты согласия на личностном и народном уровне были и будут всегда. Их незыблемое и яркое проявление в близости духовно-религиозных канонов, взаимоотношении культур, в совместно покоренных вершинах в научной, творческой, спортивной сферах.

Поставлю в этой главе точку. Но тема не исчерпана.

Рыхлое государство 1990-х: вызов сепаратизма и экстремизма

Лозунг «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить». Сепаратизм и так называемая территориальная реабилитация. Разгул захвата заложников как бизнес для террористов. Роль северокавказских руководителей в пресечении сепаратизма и экстремизма

Мое время в кавказской политике пришлось на сложные годы больших потрясений, когда решалось, способны ли народ и избранное им руководство выстоять под непомерным грузом проблем и ответственности. Ответственности не только за настоящее, но и за будущее, за судьбы следующих поколений.

Опасность остаться без Кавказа в 1990-х годах – не плод мифологического воображения. Такая опасность реально существовала. Это так!

Лозунг, выдвинутый Ельциным ради укрепления личной власти: «Берите суверенитета столько, сколько сможете проглотить», едва не привел к разрушению тысячелетнего российского государства, съеживанию великой евразийской России. Слова Ельцина многими были приняты всерьез: суверенитет брали, его проглатывали и им давились, за него проливали «свою и чужую кровь»…

Но представим, что северокавказские сепаратисты, сторонники выхода из состава России достигли своей цели. Что стало бы тогда с народами Северного, да и Южного Кавказа? Для исчерпывающего ответа потребуется серьезное исследование. Но наиболее вероятные последствия такого шага очевидны. Рост напряженности, чреватый немедленным столкновением между представителями разных религий и народов, гигантские потоки беженцев – это лишь ближайшие результаты выхода Северного Кавказа из состава РФ. В среднесрочной перспективе для каждого северокавказского народа многократно возрастал риск утратить достигнутый в историческом союзе с Россией уровень образования, культуры, экономического развития. Под вопрос было бы поставлено сохранение национальных традиций и языков. Россия была и остается уникальным государством, где представители малых по численности народов могут жить в соответствии со своими национальными традициями и культивировать их. Ничего подобного нет ни в Турции, ни в Иордании, ни в Саудовской Аравии, ни в Египте, ни в других

странах, на которые в 1990-х годах ориентировались северокавказские сепаратисты. Там государство отрицает национально-культурное многообразие и уж тем более не создает условия для развития национальных культур и языков малых народов.

Для самой России, победи на Кавказе сепаратизм, дело не ограничилось бы потерей только северокавказских земель. Цепная реакция неминуемо привела бы к эскалации сепаратистских установок в республиках Поволжья, а далее – к самому худшему, уничтожению российского государства в существующих границах.

Важным направлением государственной политики на рубеже 1980—1990-х годов стала политическая реабилитация репрессированных в сталинское время народов.

К сожалению, курс на восстановление прав репрессированных народов и соответствующая нормативно-правовая деятельность проводились в условиях острого противостояния между руководством Советского Союза и все более агрессивно оспаривающими его прерогативы властями молодой России. Реабилитация в этих условиях превратилась в орудие политической борьбы.

Первые шаги по восстановлению прав репрессированных народов предпринял Верховный Совет СССР. В ноябре 1989 года после серьезной подготовки он принял декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

В марте 1991 года было принято постановление Верховного Совета СССР с таким же названием. Это были продуманные, выверенные документы, открывавшие возможность для последовательного восстановления законности и равноправия граждан страны.

Союзные законодатели понимали, что реабилитация не должна провоцировать конфликты между людьми разных национальностей, между теми, кто принадлежал к репрессированным народам и не относился к таковым. В мартовском постановлении 1991 года Верховным Советам республик было рекомендовано исходя из их компетенции «рассмотреть указанные вопросы и принять по ним необходимые решения, не допуская ущемления прав и законных интересов граждан, проживающих в настоящее время на соответствующих территориях».

Однако последнее было полностью проигнорировано в реабилитационном нормотворчестве Верховного Совета РСФСР. Его депутаты в обстановке неоправданной эйфории поспешно

приняли законы, расшатавшие стабильность на Северном Кавказе. Закон «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года включал норму о так называемой территориальной реабилитации. Между тем термин «территориальная реабилитация» не имеет юридического определения, в том числе и в мировой практике. Фактически территориальная реабилитация ставила в неравное положение разные категории населения, проживавшие на одной территории. Благой замысел, стоявший за идеей реабилитации, вскоре обернулся манипуляциями с категориями населения, противопоставлению одних другим. В результате были заложены мины замедленного действия, которые взорвались в октябре – ноябре 1992 года, когда произошло вторжение на территорию Северной Осетии больших групп вооруженных, крайне радикальных людей из соседней Ингушетии. Так поспешно принятый закон спровоцировал вспышку насилия и обвалил правопорядок на значительной территории Северного Кавказа.

Не может быть сомнений в том, что депортированные в 1944 году люди должны были быть реабилитированы. С этим согласны все народы России. И именно поэтому концепция реабилитации, конкретные меры по ее осуществлению не должны были стать орудиями этнополитической борьбы, конфронтации в российском обществе.

Хорошо помню те события и тогдашние позиции тех, кто принимал ключевые решения. В сентябре 1992 года меня избрали депутатом Верховного Совета России, и в конце октября в этом качестве я отправился в Южную Осетию, в Цхинвал. Необходимо было обстоятельно познакомиться с положением дел в республике и проинформировать парламент России о развитии ситуации после введения миротворческих сил в зону конфликта, внести предложения по поддержке жителей и продвижению миротворческого процесса, в котором Россия играла основополагающую роль.

Когда мне стало известно, что произошло в Пригородном районе, я принял решение немедленно возвращаться во Владикавказ и выехал из Цхинвала.

Во Владикавказ прибыл ранним утром 2 ноября и сразу же направился в Дом правительства. Там проходило заседание республиканского актива с участием депутатов, министров, директоров предприятий, руководителей общественных организаций. В президиуме находились Георгий Хижа, заместитель председателя правительства России, и Ахсарбек Галазов, председатель Верховного Совета Северной Осетии. Георгий Степанович Хижа был известен в стране не как политик,

а как опытный хозяйственник, руководивший крупнейшим ленинградским предприятием электронного приборостроения «Светлана». В новой роли он чувствовал себя неловко и уклонялся от ответов на острые вопросы.

Было ясно, что разговор будет долгим, и через какое-то время я вышел из зала, чтобы сделать несколько звонков в Москву. В это время по телевидению передали срочное сообщение о том, что Президент РФ Б. Ельцин подписал указ «О введении чрезвычайного положения на части территорий Северной Осетии и Ингушетии». Выслушав изложение документа, я испытал чувство тревоги. Из сообщения следовало, что в зоне чрезвычайного положения органы республиканской и районных властей не смогут осуществлять свои полномочия, а вся система республиканской власти – и исполнительной, и законодательной – будет передана в подчинение создаваемой Временной администрации. Получалось, что республиканские органы власти утратят возможность влиять на ход событий. При этом нарушались конституционные нормы, лишались полномочий избранные народом депутаты, включая и высшее должностное лицо республики, каковым в тот период был председатель Верховного Совета Северной Осетии.

Я немедленно вернулся в зал и попросил срочно предоставить мне слово. Хижа не стал возражать и дал возможность выступить вне очереди. В зале находилось более пятисот человек, и я сообщил им о своем восприятии только что услышанного указа Президента. По рядам пошел шум недовольства. Было ясно, что предпринимается попытка ввести прямое президентское правление, которое камуфлирует признание захвата части района состоявшимся. После моего выступления Хижа заявил, что не готов давать исчерпывающие ответы, и объявил перерыв.

Тут же стало известно, что Галазову позвонил Ельцин и с раздражением спросил, почему Дзасохов мутит воду и пытается оспорить уже принятое решение. Тот не только не возразил Президенту, но усердно поддакивал. Тем не менее уже через день, 4 ноября, появился новый текст указа, в котором Ельцин внес изменения в предыдущий документ. Теперь вызвавший всеобщее недоумение пункт формулировался так:

«На территории Северо-Осетинской ССР на период чрезвычайного положения органы исполнительной власти Северо-Осетинской ССР подчиняются Временной администрации.

Верховным Советом Северо-Осетинской ССР осуществляется законодательная власть».

Это была победа здравого смысла. И не важно, что в Кремле

мое выступление на республиканском совещании о неприемлемости первого текста Указа вызвало раздражение. Более того, как иногда водится, были и доносы в Центр, далеко не от рядовых людей в нашей республике.

Можно лишь догадываться, как могли развиваться события, если бы Ельцин не подтвердил легитимные полномочия республиканского парламента. Ведь режим чрезвычайного положения мог затянуться на очень продолжительное время, что при полном вакууме республиканской и местной власти имело бы крайне негативные последствия.

УКАЗ
ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
О ВВЕДЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОЙ ССР
И ИНГУШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В связи с резко обострившейся ситуацией на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики, массовыми беспорядками, межнациональными конфликтами, сопровождающимися насилием с применением оружия и боевой техники и приведшими к человеческим жертвам среди населения, а также в связи с угрозой безопасности и территориальной целостности Российской Федерации, в соответствии с Законом РСФСР «О чрезвычайном положении», Законом Российской Федерации «О безопасности» и на основании решения Совета безопасности Российской Федерации **постановляю:**

1. Руководствуясь Законом РСФСР «О чрезвычайном положении» (статьи 4, 9) и в соответствии с обращением руководства Северо-Осетинской ССР, ввести с 14 часов 00 минут 2 ноября 1992 года до 14 часов 00 минут 2 декабря 1992 года чрезвычайное положение на территории Северо-Осетинской ССР, а также в соответствии со статьей 4 указанного Закона на территории Ингушской Республики.

2. В соответствии со статьями 15, 16, 17 Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» ввести на период чрезвычайного положения в качестве особой формы управления Временную администрацию. Назначить Заместителя председателя Правительства Российской Федерации Хижу Г.С. главой Временной администрации, заместителем главы Временной администрации – Председателя Государственного комитета Российской

Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий Шойгу С.К.

3. В соответствии со статьей 16 Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» органы исполнительной власти Северо-Осетинской ССР переходят в прямое подчинение Временной администрации.

В связи с отсутствием конституционных органов власти и управления на территории Ингушской Республики управление в условиях чрезвычайного положения осуществляется Временной администрацией.

Приказы и распоряжения Временной администрации, изданные в соответствии с Законом РСФСР «О чрезвычайном положении» и настоящим Указом, обязательны для исполнения всеми государственными и общественными органами, организациями, учреждениями, предприятиями и гражданами.

4. На период чрезвычайного положения:

а) запретить проведение митингов, уличных шествий и демонстраций, а также иных массовых мероприятий;

б) запретить проведение забастовок;

в) провести временно изъятие у граждан, предприятий и организаций огнестрельного и холодного оружия, боеприпасов, ядовитых и взрывчатых веществ, а также у предприятий и организаций – радиоактивных веществ и военной техники.

Временной администрации на период чрезвычайного положения установить:

а) особый режим въезда и выезда, а также особый порядок передвижения в зоне чрезвычайного положения, включающий досмотр транспортных средств;

б) усиленную охрану общественного порядка и объектов, обеспечивающих жизнедеятельность населения;

в) приостановление после предварительного предупреждения деятельности общественных организаций и массовых движений, препятствующих нормализации обстановки;

г) проверку документов, а в исключительных случаях, при имеющихся данных о наличии у граждан оружия, – личный досмотр вещей, жилищ и транспортных средств;

д) выдворение нарушителей общественного порядка,

не являющихся жителями данной местности, к месту их постоянного проживания или за пределы территории, на которой введено чрезвычайное положение, за их счет;

е) установить особый режим вещания по радио и телевидению, а также выпуска печатных изданий.

6. Министерству внутренних дел Российской Федерации, Министерству безопасности Российской Федерации и приданным силам Министерства обороны Российской Федерации принять меры по разъединению противоборствующих сторон, защите безопасности граждан и обеспечению неукоснительного соблюдения режима чрезвычайного положения.

7. Правительству Российской Федерации обеспечить:

а) необходимые мероприятия, связанные с введением режима чрезвычайного положения, включая их финансирование, а также оказание срочной гуманитарной помощи населению;

б) по согласованию с президиумом Верховного Совета Российской Федерации проведение переговоров по урегулированию конфликта.

8. В соответствии со статьями 5 и 11 Закона РСФСР «О чрезвычайном положении» направить настоящий Указ в Верховный Совет Российской Федерации на утверждение.

9. Указ вступает в действие с момента подписания.

Президент Российской Федерации

Б. Ельцин

Москва, Кремль

2 ноября 1992 года

№ 1327

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В связи с просьбой Верховного Совета Северо-Осетинской ССР во изменение первого абзаца пункта 3 Указа Президента Российской Федерации от 2 ноября 1992 г. «О введении чрезвычайного положения на территории Северо-Осетинской ССР и Ингушской Республики» постановляю изложить его в следующей редакции:

3. «На территории Северо-Осетинской ССР на период чрезвычайного положения органы исполнительной власти Северо-Осетинской ССР подчиняются Временной администрации.

Верховным Советом Северо-Осетинской ССР осуществляется законодательная власть».

Президент Российской Федерации
Б. Ельцин
Москва, Кремль
4 ноября 1992 года
№ 1330

В предшествующие дни произошла огромная трагедия, перечеркнувшая возможность осетино-ингушского добрососедства на долгие годы. События того времени стали серьезным испытанием для федеральных властей, для всей правоохранительной системы. Сегодня на южной окраине Владикавказа покоятся в могилах сыны многонациональной Осетии, погибшие в те черные дни. Трагедия не обошла стороной и многие ингушские семьи. Они оказались заложниками горлопанов, представлявших радикальные круги, которые полагали, что вооруженный налет и есть лучшее средство для решения межнациональных проблем.

Борьба на политическом и информационном «фронтах» вокруг Пригородного района оставалась острой и тенденциозной и после завершения вооруженных столкновений.

И здесь я должен сказать о Г.В. Старовойтовой, советнике Президента РФ по межнациональным отношениям. Галина Васильевна была высококвалифицированным научным работником. Такой она всегда останется в памяти. Но, к сожалению, у нее не было никакого опыта практической деятельности, тем более сообразной обстановке на Кавказе. Ее теоретические суждения совершенно не стыковались с реальностью, и поэтому она допускала ошибки. Это было причиной ее отставки в ноябре 1992 года.

Или, например, Егор Гайдар – безусловно, человек хорошо образованный, выросший в семье, где были все условия для приобретения многогранных знаний, экономист с мировой известностью. Но он никогда за всю свою предшествующую жизнь (то есть до того, как возглавил правительство реформаторов-либералов) не занимал никакой государственной управленческой должности! И вдруг он берет в руки бразды правления страной. Гайдар прибыл в зону конфликта, встретился с людьми, осуждавшими подстрекательский характер положений закона о реабилитации в части «территориальной реабилитации», который на самом деле в значительной степени и подтолкнул к кровопролитию. И он поверил им. Вероятно, Гайдар был искренен в своем стремлении помочь разрядить обстановку. Но думаю, он

так и не увидел подлинных корней происходящих событий, как не понял и того, по какой причине ему надо передвигаться по району конфликта на БТРе.

Что касается Ельцина, то он, хотя и летел на волнах «революционной демократии», все же имел большой практический опыт, а поэтому обладал политической интуицией. Ему удалось переступить через себя и пересмотреть формулировку своего же указа. Борис Николаевич, как потом выяснилось, к территориальным переделам относился с большим сомнением, понимая их опасность. Но, расчищая дорогу к власти, он, к сожалению, пренебрег своей политической осмотрительностью.

Уже позже, в 1999 году, на встречах со мной и Русланом Аушевым Ельцин в присутствии прессы и телевидения предложил «подумать над тем, чтобы наложить вето на любые территориальные переделы в России».

Думаю, к этому его подвигли и уже произошедшие потрясения, и обозначившиеся кризисные нарывы в других регионах Кавказа. Только на Юге России при запуске процесса так называемой «территориальной реабилитации» обозначилось несколько межнациональных конфликтов. Сказался и поворот в общественном мнении: политическая элита и общество стали более трезво и критически оценивать манеру проводить реформы и менять границы походя – фактически резать по живому, по судьбам и жизням людей. Забили тревогу крупные юристы, правозащитники, в том числе и «демократической» волны. Один из наиболее известных юристов того времени, председатель Российского комитета адвокатов в защиту прав человека Юрий Шмидт в 1998 году заявил: «В принятом еще Верховным Советом законе о реабилитации репрессированных народов вместе с общей реабилитацией, с покаянием, с извинениями в ст. 6 содержалось положение о территориальной реабилитации этих народов. У меня, конечно, нет, да и не может быть никаких возражений против реабилитации репрессированных народов. В конечном итоге, действие этого закона в части территориальной реабилитации пришлось приостановить: ведь на землях, с которых преступно были выселены целые народы, сегодня живут не оккупанты, не захватчики, не латифундисты, которых можно просто потеснить, урезав занимаемую ими площадь до жилищно-санитарной нормы; теперь тут живут люди в третьем поколении, у них нет другого дома и другой территории. Сколько конфликтов, подчас кровавых, возникло на почве этой самой “территориальной реабилитации”. Мы, как всегда, машем кулаками после драки».

Огромное влияние на общую ситуацию на Кавказе оказывало происходящее в Чеченской республике. По характеру возможных последствий оно было главным не только для российского Кавказа, но для всей многонациональной страны.

К 1998 году руководители северокавказских субъектов России, может быть, за исключением Ингушетии, не имели никаких даже формальных контактов с властями Чеченской республики. Такая изоляция формировала нежелательное представление о якобы существующей непреодолимой стене между чеченским народом и его соседями. Так никогда не было и не должно быть впредь.

В своем качестве руководителя республики я обратился к Б.Н. Ельцину с предложением о необходимой поездке северокавказских руководителей в Грозный для общей встречи с участием главы Чечни А. Масхадова. Я обратился с этим предложением к президенту еще и потому, что считал: общегосударственных усилий по сохранению территориальной целостности России недостаточно. Свою роль должны сыграть согласованные инициативы северокавказских республик, краев и областей. Получив согласие Москвы, начал практическую подготовку поездки вместе с главами Ингушетии Р.С. Аушевым, Кабардино-Балкарии В.М. Коковым, которые внесли весомый вклад в реализацию задуманной инициативы.

И вот 3 апреля 1998 года М. Магомедов (Дагестан), В. Коков (Кабардино-Балкария), Р. Аушев (Ингушетия), В. Хубиев (Карачаево-Черкесия), А. Джаримов (Адыгея), В. Чуб (Ростовская область), А. Черногоров (Ставропольский край), А. Гужвин (Астраханская область), К. Илюмжинов (Калмыкия) и я в сопровождении усиленной охраны направились в Грозный. Не было только краснодарского губернатора Н. Кондратенко.

Встреча с чеченским руководством во главе с Масхадовым проходила в Ханкале. Чеченцы понимали, что для нас абсолютно ни в какой форме неприемлемо обсуждение вопроса о выходе Чечни из состава России. Поэтому обсуждали самое наболевшее: как избежать гибели людей – и жителей Чечни, и российских военнослужащих. Меньше человеческих жертв! Масхадов сказал, что примет все предложения, особенно акцентируя внимание на теме северокавказского соседства. Здесь к разговору подключился Удугов, министр информации и печати Чечни, известный идеолог сепаратизма. Проводя параллель между системой ОБСЕ и возможными механизмами безопасности на Северном Кавказе, он ставил абсолютно нереальную задачу – обеспечить безопасность на юге России силами северокавказских субъектов Федерации, то есть без участия Москвы. Его предложения напоминали

некоторые идеи Конфедерации народов Кавказа. Речь шла о создании наднациональных политических структур, парламента, общих вооруженных сил на Северном Кавказе. Может показаться странным, но в те годы чеченские сепаратисты не теряли связей с европейскими организациями. С одной стороны, они принимали «помощь» международных террористов – по данным тогдашнего министра иностранных дел России И.С. Иванова, только в 1999–2001 годах в Чечне находилось свыше 400 иностранных наемников. В сводках кавказской военной хроники в то время мелькали экзотические для России имена полевых командиров арабского происхождения: Хаттаб, Абу Джафар, Абу Умар, Абу аль-Валид. А с другой стороны, в Грозном несколько лет работала миссия ОБСЕ под руководством швейцарского дипломата Тима Гульдемана, которая отслеживала ситуацию и, полагаю, была в курсе всего происходящего, не исключая и связей чеченских сепаратистов с боевиками из «Аль-Каиды». Но это, вероятно, не помешало Гульдеману «подбросить» Удугову идею «кавказского ОБСЕ».

На встрече в Ханкале нам пришлось объяснять, что без ключевой, незаменимой роли органов государственной власти Российской Федерации никакие предложения не могут быть реализованы. По-моему, сам Масхадов не рассчитывал, что кто-то из гостей воспримет всерьез проект «северокавказского ОБСЕ». Со своей стороны мы пообещали помощь в решении гуманитарных вопросов, включая медицину, образование, экономическую поддержку.

Двусторонние встречи с руководством Чеченской республики состоялись у губернаторов Черногорова, Чуба и Гужвина. Их итогом стали договоренности об оказании помощи в продовольственной сфере, в решении хозяйственных вопросов.

Для лучшего понимания ситуации в регионе, на фоне которой проходила наша встреча в Грозном, приведу несколько фактов.

В условиях постоянной нестабильности в Чечне и вокруг нее преступный мир развернул масштабный «проект» по похищению людей с последующим выкупом. «Концерн» этого дикого ремесла был интернациональным. Преступники перемещали заложников на территорию Чечни или Ингушетии. В отчаянном положении оказались сотни жителей Ставропольского края, Дагестана, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Мы должны были ежедневно заниматься решением этих вопросов и каждый случай, когда удавалось спасти человека, воспринимали как событие огромной важности.

Во время нашего пребывания в Ханкале Басаев в переговорах

не участвовал, но в какой-то момент появился и держался особняком. Потом неожиданно подошел ко мне и так же неожиданно сказал: «У нас находится ваш земляк, осетин. Он занимался спиртовым и нефтяным бизнесом, не выполнил обязательств, задолжал большие деньги, за что и оказался у нас». Далее Басаев сказал, что готов вернуть его. Это меня обрадовало: спасти человека – что может быть важнее! Заняться практической стороной вопроса поручил находившемуся со мной секретарю Совета безопасности республики генералу Юрию Бзаеву. И парня, его фамилия была Кантемиров, действительно освободили. Потом его передали в Назрани нашим представителям. Позже посыпались новые угрозы в адрес Кантемирова – он якобы не выполнил обязательств перед теми, кто держал его в заложниках.

На встрече с Масхадовым я поднял еще один вопрос. В первый период моей работы на посту президента республики мне попало в руки ротапринтное издание с речами и высказываниями Джохара Дудаева. Он совершенно надуманно, не имея никаких фактов, приписывал нашей республике и ее народу масштабное участие в военных мероприятиях на территории Чечни. Эти ложные, фальсифицированные сведения определенно были навязаны Дудаеву его советниками, которые пытались разыграть карту межэтнических распрей, ослабить единство народов Северного Кавказа. Осетия была для таких «советчиков» объектом особых «забот». Я подчеркнул в разговоре с Масхадовым, что никаких специальных «осетинских подразделений» для военных действий против сепаратистов в Чечне никогда не существовало. И на других встречах с представителями чеченского руководства вновь и вновь обращал внимание на лживость и опасность подобных утверждений. Это надо знать, чтобы не оставить неправду в наследство последующим поколениям.

Многонациональная Осетия – неотъемлемая часть Российской Федерации. Мы всегда были и будем вместе с теми, кто выступает против сепаратизма, против терроризма, против насильственного решения спорных вопросов. Если военнослужащие любой национальности выполняют свой конституционный и гражданский долг – это их святая гражданская обязанность. Но Осетия никогда, в том числе в новейшей истории, не противопоставляла себя какому-то народу. Хронология осетино-чеченских отношений полна достойных страниц. Эта традиция находится в надежных руках нынешнего поколения руководителей и молодежи двух народов.

Приведу один факт. Осенью 1999 года во время новой эскалации военной напряженности на территории Чечни поступила директива: перераспределить находившиеся на

подходе в Чеченскую Республику 200 тысяч тонн пшеницы, передав ее соседям, в том числе Северной Осетии.

Руководство нашей республики не приняло это предложение. Пшеница предназначена жителям Чечни, и лучше, если она пойдет по назначению. Так и произошло. Позже многие чеченские политики говорили, что этот поступок тоже останется в истории наших народов.

Хочу отдельно сказать о Дудаеве. Кажется, что сегодня, когда чеченская война завершилась, наступает время попытаться понять внутренний мир и мотивы тех, кто выступал в 1990-х годах под знаменами сепаратизма. Одна из наиболее противоречивых фигур здесь – это именно Дудаев. Советский военный летчик, дослужившийся до генеральского звания, волей судеб вернулся на свою историческую родину в переломный момент истории.

Личный авторитет быстро привел Дудаева в президентское кресло. А здесь перед ним открылись два пути. Первый, несомненно достойный, был обусловлен верностью присяге и Отечеству, которому Дудаев служил долгие годы. Но прежней страны уже не было. СССР распался, Закавказские республики стали независимыми государствами, причем во главе их оказались не генералы, а диссиденты, литераторы, научные сотрудники и т. д. Дудаев мог спросить себя: почему его народ не может идти по тому же пути, по которому пошли народы по ту сторону Кавказского хребта? И он пошел по ложному, неверному пути, грозившему трагически развести судьбы Северного Кавказа и России. Фанатичный путь сепаратизма, упрямство Дудаева стали причиной большого кровопролития.

Не думаю, что советский генерал Дудаев имел врожденную ненависть к России и русским. Роковую роль сыграли исторические обстоятельства. Многие из тех, кто пишет сегодня о том периоде в истории страны, не без основания, утверждают, что тогда не были исчерпаны все имевшиеся возможности, чтобы удержать Дудаева в рамках своего влияния и политического диалога.

Между тем время шло. На смену Дудаеву пришел Аслан Масхадов. Военно-политическая обстановка несколько улучшилась, но до положительного перелома было еще далеко. Северный Кавказ оставался «закрытым» для экономических и социальных проектов, а тем более для инвестиций.

Приход на должность председателя правительства России Е.М. Примакова после августовского дефолта 1998 года был воспринят на Юге России как хорошая новость. Евгений Максимович пользовался на Северном Кавказе, как и теперь, большим авторитетом и доверием.

Уже в октябре 1998 года Е. Примаков провел во Владикавказе совещание по вопросам социально-экономического и инфраструктурного развития Юга России. В итоге его обстоятельной работы с участием всех региональных руководителей мы располагали конкретной хозяйственной, экономической и социальной программой. Но не только этим запомнилось пребывание на Юге России Е. Примакова. В Северной Осетии Евгений Максимович встретился с Асланом Масхадовым. Встреча проходила в моем рабочем кабинете. Примаков и Масхадов беседовали один на один. Они договорились предпринять меры для преодоления последствий военного конфликта. Речь шла и о том, как не допустить создания нескольких центров власти в чеченском руководстве. По окончании встречи Евгений Примаков сообщил прессе, что правительство России выделит Чечне средства на погашение образовавшейся задолженности учителям, врачам, пенсионерам.

Вместе с Масхадовым во Владикавказ приехал президент Ингушетии Р. Аушев. Евгения Максимовича сопровождали министр по делам национальностей Р. Абдулатипов и министр внутренних дел С. Степашин.

После переговоров А. Масхадов уехал в Чечню. Е. Примаков в неформальной обстановке коротко рассказал, что достигнута договоренность о сотрудничестве правоохранительных органов в борьбе с похищением людей и преступностью, о восстановлении ряда предприятий в Чечне.

Со своей стороны правительство РФ начало активно реализовывать эти договоренности. По указанию премьер-министра включились в работу соответствующие федеральные министерства и администрации сопредельных с Чечней регионов Юга России.

…История знает много примеров, когда во время войны совершались поступки в духе гуманизма, когда это касалось не только политики. Нам в республике было известно, что Масхадов очень беспокоился о безопасности своей семьи и хотел бы, чтобы его близкие в столь непредсказуемое время находились в Осетии. Подчеркиваю – не на какой-то другой, даже более близкой территории, а именно в Осетии. Перед тем как принять такое решение, он направил ко мне доверенного человека в ранге заместителя председателя правительства.

Так Кусама, супруга Масхадова, и ее дочь приехали через Моздок во Владикавказ. Они находились в Осетии несколько месяцев, что не было большим секретом. Об этом знали федеральные власти и спецслужбы.

Наши гостьи часто выходили в город, гуляли по улицам,

заглядывали в магазины. Супруга Масхадова была рада общению с жителями Осетии. Сама она произвела впечатление образцовой жены советского офицера. Образцовыми были ее высказывания о людях, о детях, о муже, о семье. В советское время она проехала с супругом полстраны по военным городкам. И хотя политические взгляды Кусамы не отличались от официальной позиции чеченского руководства, было видно, что в душе она человек неполитический и является прежде всего женой и матерью.

Когда прошло время, семья Масхадова покинула Владикавказ с благодарным чувством и через Грузию выехала в Турцию. Уверен, мы поступили абсолютно правильно, последовав кавказскому обычаю гостеприимства. Правильно поступили и власти России, не препятствуя пребыванию Масхадовых во Владикавказе и не ограничивая их в дальнейших передвижениях.

Трагична судьба самого Аслана Масхадова. В августе 1996 года он подписал известные Хасавюртовские соглашения. В те годы по-разному оценивали роль этих соглашений. Но понятно, что они не принесли мира ни чеченскому народу, ни России. После Хасавюрта Чечня была обречена дрейфовать к дальнейшему разрушению правопорядка, к симбиозу власти криминальных группировок и религиозного экстремизма. Масхадов был вынужден шаг за шагом уступать позиции и рычаги управления. Это закончилось нападением банд Хаттаба – Басаева на Дагестан в августе – сентябре 1999 года, новым масштабным вооруженным конфликтом с федеральными силами, разгромом террористического подполья. Масхадов был убит в 2005 году в ходе проведения контртеррористической операции. Его судьба стала олицетворением драматического тупика чеченского национально-сепаратистского движения. Этот тупик, к сожалению, был напрямую связан с выбором конфронтационного характера отношений с Россией. Выход из исторической западни, в которую завел Чечню сепаратизм и экстремизм, смог найти другой политический лидер – Ахмат Кадыров.

До того как стать президентом Чеченской республики, Кадыров в течение многих лет был муфтием Чечни. Это говорит о многом. Лидером духовенства он был в условиях, когда идеология разрыва с Россией господствовала среди чеченского руководства, а военное противостояние вело к человеческим жертвам и огромным разрушениям. Кадыров находился по одну сторону баррикад со своим народом. Но его незаурядный ум, подстегиваемый, вероятно, чувством огромной любви к чеченскому народу, искал выход из сложнейшего положения. Его взгляды за короткое время претерпели огромную эволюцию. Кадырову удалось переосмыслить происходящее. Сквозь кровь и

разрушения он увидел путь обретения свободы, понял, как можно сохранить добрососедские отношения со всеми кавказскими народами.

Ахмату Кадырову выпала высокая историческая миссия. Религиозный лидер вырос в масштабного государственного и политического деятеля, соединив в себе высокую духовность и государственную мудрость. В последующей российской истории, да и раньше, было не так много примеров, когда политик такого масштаба выходил из среды духовенства.

Первая моя встреча с Ахмат-хаджи состоялась в то время, когда он был муфтием Чечни. Это было в Осетии, куда он приезжал по приглашению Д. Хекилаева, муфтия нашей республики, участника Великой Отечественной войны, достойного представителя старшего поколения. Позже, когда Кадыров-старший возглавил республику, нас объединяла и общность забот о России и Кавказе, и добрые дружеские отношения. Помню его теплый рассказ о своем отце, о том, как он подростком вместе с отцом работал на Згидском месторождении Садонского свинцово-цинкового комбината в Осетии. Это серьезная шахтерская, закаливающая характер мужская работа.

Ахмат Кадыров навсегда останется исторической личностью. Его друзья и коллеги по Кавказу в сложные годы хорошо помнят, что Ахмат-хаджи на всех встречах, будь то на Кавказе, в Сочи, в Ростове или в Санкт-Петербурге, всегда был со своим сыном Рамзаном. Теперь мы можем сказать, что Кадыров-младший перенял, сберег качества отца, его любовь к Родине и глубокое понимание ценности единства народов России.

Возвращаясь сегодня к осмыслению событий того времени, напомню, что Аслан Масхадов, публично осудивший Басаева, когда тот во главе вооруженных банд вторгся в Дагестан, тем не менее не смог полностью от него отмежеваться. Можно представить, что если бы Масхадов в этой обстановке избрал другой, по сути единственно верный путь и заявил бы о возвращении чеченцев в многонациональную семью народов России, то он мог бы сказать, что идет вослед за духовным лидером своего народа Ахматом Кадыровым. К сожалению, этого не случилось.

Что касается России и роли Хасавюртовских соглашений в общероссийской истории, то они не столько прекратили военные действия, сколько отложили их развязку. Существо Хасавюрта заключалось в том, что политическая элита страны смирялась с разрушением государства. Влиятельная часть окружения Ельцина начинала воспринимать не только Чечню, но весь Северный Кавказ как досадную обузу, по недоразумению оказавшуюся в

составе России. 250 лет усилий нескольких поколений российских государственных деятелей, включая и самих кавказцев, по интеграции и объединению Кавказа, его встраиванию в Россию как европейское государство и евразийскую цивилизацию, – все это для части элиты 1990-х представлялось «недоразумением»!

Хасавюрт фактически создавал из Чечни буферное государство – как якобы решение проблемы безопасности. А на деле – опасный прецедент для всего мусульманского Северного Кавказа, а за ним и для татаро-башкирского Поволжья и Приуралья. Но отгородиться от реальных проблем не удалось. Уйти с Кавказа – означало приступить к разрушению России. Российскому государству пришлось вернуться на Кавказ всем объемом своего политического влияния. Ответственность и, самое главное, политическую волю и компетентность в кардинальном изменении вектора развития страны продемонстрировали лидеры нового поколения, которые проявили себя не только достойными сынами своих народов, но частью российского патриотического класса.

Один из таких людей – Валерий Коков, возглавивший Кабардино-Балкарию в штормовых 1990-х годах. В советское время Коков прошел большую школу партийно-хозяйственной работы и в годы перестройки был избран председателем Верховного Совета Кабардино-Балкарии. После августовских событий 1991 года он подал в отставку с этого поста, но уже в следующем году был избран президентом республики. Высочайший личный авторитет и опыт государственной работы позволили Кокову успешно провести Кабардино-Балкарию через серьезнейшие испытания, сохраняя политическую стабильность в самых сложных ситуациях. Так было в 1992 году, когда в ответ на действия экстремистов в Нальчике пришлось ненадолго ввести режим чрезвычайного положения; и четырьмя годами позже, когда на волне популистских заявлений в республике едва не возобладал национал-сепаратизм. Валерий Коков каждый раз предотвращал угрозу разрастания политического кризиса, добивался разумных компромиссов, действовал методами убеждения, за что заслужил репутацию одного из самых солидных кавказских лидеров. При подавляющей поддержке избирателей он избирался на пост президента Кабардино-Балкарии еще дважды – в 1997 и в 2002 годах.

Я очень ценил по-настоящему товарищескую дружбу с Валерием Мухамедовичем Коковым, главой Кабардино-Балкарии. У нас были общие взгляды на завтрашний день России. Мы часто обсуждали, порой достаточно эмоционально, судьбы наших

народов в том случае, если, не дай бог, сепаратизм на Кавказе возобладает. В какое положение попадут наши республики? Перспективы вырисовывались довольно мрачные, а ситуация на Кавказе была в высшей степени критической – недавно были заключены Хасавюртовские соглашения, масштабы террористических преступлений росли, а борьба с ними не была эффективной.

Мы считали, что если события пойдут по наихудшему сценарию, то народы двух республик должны объединиться и вместе противостоять планам по отторжению российского Кавказа. Мы безоговорочно осуждали тех, кто считал, что государственная граница России может пройти по югу Ставропольского края.

Валерий Коков очень любил свой народ, много сделал для своей республики. Помню нашу поездку в осетинское село Озрек в Кабардино-Балкарии. Оттуда вышло много известных людей. Оба тогда почувствовали, как близки наши народы и как важно, чтобы наши республики всегда оставались в братских отношениях.

Талантливые писатели, живописцы, люди искусства многонационального Дагестана еще создадут произведения о трудных, но героических страницах защиты этой республики, как мощного массива исторической многонациональной России, от вторжения многотысячной армии боевиков-сепаратистов Басаева и Хаттаба в 1999 году.

В обстановке реальной опасности, когда боевики захватывали одно за другим дагестанские села, глава республики Магомедали Магомедов проявил истинные качества лидера дагестанского народа. Вместе со своим соратником М.Г. Алиевым он сумел объединить людей, выразить консолидированную позицию народа Дагестана. И народ сплотился, самоорганизовался – и дал достойный отпор непрошеным гостям.

Вскоре после этих событий в Дагестан прибыл В.В. Путин. Состоялись важные и нужные встречи с жителями республики. Большая группа дагестанцев была тогда награждена правительственными наградами.

Судьба наших республик и народов в те годы оказалась не только сложной, но и похожей. Дагестан, Махачкала – на востоке, на побережье Каспия. Осетия, Владикавказ – на западе, у Главного Кавказского хребта. Мы были как бы двумя крыльями Кавказа – с трудными испытаниями, выпавшими на наше время. Мы и теперь поддерживаем с Магомедали Магомедовым близкие дружеские отношения.

Дорога к стабильности на Северном Кавказе пока не

пройдена. У нашего государства и народа нет другого выбора, кроме как сосредоточиться на этом направлении и продолжать борьбу за стратегическую стабильность в интересах согласия и созидания. Сейчас же хочу напомнить слова великого француза Александра Дюма, назвавшего Кавказ «исполинской твердыней» и «величественной крепостью». Он писал, что «Кавказ не похож ни на Альпы, ни на Пиренеи, это было вовсе не то, что мы когда-то видели… Кавказ – театр, героем которого был Титан, а с вершин сходили боги». Наступит день и час, когда восторжествуют идеалы дружбы и братства.

Время не властно над масштабами трагедии

Накануне событий. Преступления без срока давности. Слова и дела в поддержку осетинского народа

Трагические события, произошедшие в сентябре 2004 года в городе Беслане Северной Осетии, от которых содрогнулся весь мир, занимают в моей памяти самое скорбное место. Если бы можно было положить на одну чашу весов все, что было сделано за долгие годы международной и государственной деятельности, а на другую – возможность избежать трагедии в Беслане, то, не задумываясь, выбрал бы другую судьбу и отдал бы все ради того, чтобы не пережить вместе со своим народом эту трагедию.

Утром 1 сентября я открывал во Владикавказе новую среднюю школу с математической специализацией. Здесь и получил первую информацию о том, что террористы захватили школу № 1 в Беслане. Немедленно выехал на место событий и после этого не покидал Беслан долгие, как вечность, три дня.

Все время после 2004 года я постоянно возвращаюсь к анализу и осмыслению произошедшего. И если скажу, что мне все известно и доподлинно ясна вся картина случившегося, то это вовсе не так. Действительно, многое из того, что предшествовало событиям в Беслане, как и сами драматические дни, все еще требует глубокого расследования. И все это не может быть вырвано из общего контекста происходивших тогда на Северном Кавказе и в России событий.

Например, что происходило накануне Беслана? В ночь с 21 на 22 июня 2004 года, то есть за два с небольшим месяца до событий в Беслане, в городе Назрани республики Ингушетия крупный отряд боевиков предпринял попытку уничтожить или существенно ослабить силы республиканского МВД. Цель – расширить плацдарм для террористических преступлений на Юге России. В результате погибло 79 человек, из которых сорок были сотрудниками правоохранительных органов (в том числе министр внутренних дел Ингушетии, его заместитель, прокуроры Назрани и Назрановского района), остальные – гражданские лица. Более 100 человек получили ранения. Бандиты похитили 1056 единиц огнестрельного оружия, сожгли здание Назранского РОВД, ряд других государственных учреждений.

В нашей республике все это было воспринято как опасный прецедент. Настораживали обстоятельства, которые привели к

этим событиям. Было непонятно, как могло случиться, что такая крупная и дерзкая вооруженная вылазка стала неожиданностью для сил безопасности. Было захвачено районное отделение милиции, другие стратегические объекты, устроено побоище в городе, захвачено большое количество оружия. Где оно будет потом использовано? Не оставалось сомнений, что территория соседней республики после произошедшего должна безотлагательно и жестко контролироваться, а интенсивность контртеррористической операции подняться на качественно иной уровень, то есть должно было быть проведено преследование вооруженных бандформирований и тотальное прочесывание местности по всей республике.

На срочных заседаниях Совета безопасности Северной Осетии министр внутренних дел генерал К. Дзантиев, руководители правоохранительных органов информировали о предпринимаемых мерах в связи с событиями в соседней республике. Руководство Северной Осетии срочно обратилось в МВД, ФСБ и другие силовые структуры страны с требованием безотлагательно предпринять дополнительные срочные меры, чтобы не допустить расползания террористической опасности.

Спустя несколько дней после событий в соседней Ингушетии я встретился в Москве с министром внутренних дел Р. Нургалиевым. Анализ сложившейся сложной обстановки продолжался более двух часов. Требования руководства нашей республики сводились к срочной необходимости осуществить тотальную контртеррористическую операцию на всей территории соседней республики. По моему поручению министр МВД Северной Осетии генерал Дзантиев направил в Москву все имеющиеся разведсведения, которые были кропотливо, но в срочном порядке добыты разными способами. Зафиксированные сведения о лежбищах, замаскированных тропах, подозрительных строениях и т. п. (всего около сорока) были нанесены на географическую карту и переданы в МВД России. На этот напряженный период выпали также выборы президента Чеченской республики, что требовало многократно повысить бдительность перед лицом возможных террористических преступлений.

23 августа 2004 года, то есть за неделю до событий, во Владикавказе состоялось заседание республиканской антитеррористической комиссии, в котором приняли участие полномочный представитель президента РФ в Южном федеральном округе В. Яковлев, главнокомандующий внутренними войсками МВД России Н. Рогожкин, заместитель министра внутренних дел РФ генерал-полковник М. Паньков, заместитель генерального прокурора России С. Фридинский,

полномочный представитель президента РФ по урегулированию осетино-ингушского конфликта А. Кулаковский и многие другие представители федеральных органов власти.

О чем договорились на заседании антитеррористической комиссии? Было выражено общее мнение об обострении террористической активности в регионе. Главком внутренних войск Н. Рогожкин сообщил, что на Юге России создается «новая специальная силовая структура», призванная объединить силы и ресурсы для противодействия терроризму. Для всех участников заседания эта информация стала полной новостью. Возникала масса вопросов. Участникам заседания антитеррористической комиссии был представлен руководитель новой структуры. Заявление главкома внутренних войск означало, что с этого момента руководство антитеррористическими операциями передается этой новой структуре! Все разошлись, а ясности о том, как и с какими возможностями будет действовать новая система, не было.

В связи с предстоящими выборами президента Чеченской республики всем силовым структурам сопредельных территорий, включая Северную Осетию, было предписано до конца августа нести службу в усиленном режиме с максимальной концентрацией внимания и сил на вопросах безопасности.

Таким образом, недостатка в совещаниях и принимаемых решениях не было. Существовал, как об этом говорят документы, и огромный поток донесений различных спецслужб, ведомств, занимающихся обеспечением безопасности на Северном Кавказе. Иногда, как бывает на войне, донесения были с взаимоисключающим содержанием, противоречивой информацией. Но случилось так, что садистская, кровавая преступная группа, почти открыто, под носом властей разных уровней готовившая свое преступление на базе у селения Пседах Республики Ингушетия, осталась вне поля зрения правоохранительных и специальных служб! Как впоследствии выяснилось, четырнадцать участников террористического рейда в Ингушетию оказались затем в числе террористов, захвативших школу в Беслане. Были среди них и те, кто ранее задерживался правоохранительными органами или привлекался к уголовной ответственности. Решения судебных инстанций, неадекватные тяжести преступления, а также служебная некомпетентность многих сотрудников правоохранительных органов привели к тому, что эти лица ушли от наказания и тем самым получили возможность подготовить новое преступление.

Преступление в Беслане не имеет срока давности. Руководство республики последовательно выступало за глубокое

и всеохватывающее расследование причин и обстоятельств происшедшего. Были разные этапы в расследовании этой трагедии, но без знания точных фактов того, в какой обстановке формировалась преступная группа, в какой моральной среде это происходило, в каких школах и семьях росли преступники, потерявшие человеческий образ, достоверность событий будет неполной.

Мировой опыт расследования преступлений такого характера свидетельствует о том, что исходя из политических и криминальных интересов заказчиками могут быть одни, «сценаристами» – другие, исполнителями – третьи. В случае с Бесланом исполнение попало на «благодатную» почву – в руки отъявленных негодяев, лишенных понимания ценности человеческой жизни и заряженных на убийства. В первые же минуты после захвата школы № 1 они расстреляли двадцать шесть человек – мужчин, способных оказать сопротивление, – и показали тем самым свою низость и трусость, свои истинные намерения. Моральные мучения заложников сопровождались физической пыткой – более тысячи человек, включая малолетних детей, были загнаны в жаркое, душное помещение и были лишены воды в течение долгих двух с половиной суток. Пусть помнят об этих многочасовых пытках, о взрывчатке, развешанной среди детей, о стрельбе по заложникам те, кто вознамерился прямо или косвенно оправдывать террористов – они якобы «пришли с политическими целями, а не убивать».

У всех, кто в эти три сентябрьских дня находился под прицелом террористов, каждое мгновение в памяти. Ни на минуту нельзя было ослаблять борьбу за спасение людей. И все время оставалась надежда на благоприятный исход. Могу подтвердить, что настойчивые попытки перевести развитие событий в плоскость переговоров, включая возможное участие в них Масхадова, были направлены на бескровное освобождение заложников. Катастрофическое развитие событий днем 3 сентября оборвало эти надежды.

Время неумолимо отсчитывает дни, недели, месяцы и вот уже многие годы после страшной трагедии. Но желание доподлинно узнать все факты, предшествовавшие Беслану, и в мельчайших деталях то, что происходило 1–3 сентября, – это дело обязательное. Именно поэтому я посчитал обязательным дать показания на судебном процессе во Владикавказе, выступал по этому вопросу на заседании Совета Безопасности в Москве, а также перед специальной парламентской комиссией, опубликовал десятки статей. Расцениваю это как свой моральный и гражданский долг.

Считаю неправильным то, что более двадцати высокопоставленных чиновников, в том числе те, кто находился в трудные дни в Беслане, вызванные на судебное заседание во Владикавказ, уклонились от явки.

10 сентября 2004 года, то есть спустя одну неделю после бесланской трагедии, на заседании парламента нашей республики руководитель управления ФСБ по Северной Осетии генерал В. Андреев заявил буквально следующее: «…Первого сентября распоряжением правительства России был создан штаб по освобождению заложников. Возглавить штаб было поручено мне (то есть В. Андрееву). Штаб сразу же начал свою работу. … Чтобы знали все, что один из элементов переговорного процесса, – продолжал он, – ни в коем случае не идти на уступки, реализацию тех требований, которые они (террористы) выдвигают. И второе. Все государственные и должностные лица не имеют права участвовать в этих переговорах по существующим правилам, – продолжал В. Андреев, – потому что условия, которые перед нами поставят в этих переговорах, заведомо неисполнимы и дальше весь переговорный процесс будет сорван. Я могу сейчас вам сказать, что у меня было прямое указание от руководства ФСБ России о том, чтобы президента Республики Северная Осетия – Алания ни к переговорам, ни к прямому общению с бандитами не допускать. И это правильно. Должностные лица государственного уровня в переговорах с бандитами не участвуют. Это мировая практика». Так заявлял начальник оперативного штаба В. Андреев.

На этом же заседании парламента РСО – Алания, где находились не только депутаты, но и прибывшие в республику представители многочисленных СМИ, выступил Николай Паньков – замминистра МВД России. Он заявил, что у него был приказ арестовать меня, если я попытаюсь пойти в здание школы для вступления в контакт с террористами.

Хочу, чтобы все знали – у меня не было никаких колебаний в том, чтобы отправиться в здание школы, где находились заложники. Об этом в считаные минуты стало известно в Центре. Последовало незамедлительное указание из Москвы не допустить этого. Более того, я получил прямое категорическое указание не пытаться пойти в здание школы. Понятно, что в такой обстановке действовать по взаимоисключающим направлениям недопустимо. Это должно быть ясно не только профессионалу, но и простому здравомыслящему человеку. Контакты и переговоры с террористами проходили через специально назначенного переговорщика.

Жизнь каждого человека, тем более ребенка, бесценна и

неповторима. Понесенные утраты – невосполнимы. Тем значимее, что в минуты горя и скорби мы ощущали поддержку больших и малых государств, общественных и религиозных организаций, миллионов обычных людей со всего мира. Солидарность такого масштаба помогла выстоять и осознать, что апологеты терроризма, в какие бы одежды они ни рядились, не имеют шансов победить. Но это не значит, что экстремистская волна, разбушевавшаяся на Ближнем Востоке, в Европе, повсеместно в мире, исчезнет, сгинет без борьбы. Вооруженный националистический сепаратизм обрядился в одежды «религиозной войны», главной мишенью которой становятся простые граждане, мирные люди.

Тягчайшие террористические преступления с массовыми жертвами были совершены в Москве. Это взрывы многоэтажных жилых зданий на Каширском шоссе и улице Гурьянова в 1999 году, взрывы в московском метро в феврале и августе 2004 года, еще один взрыв в марте 2010 года. Это и захват заложников в концертном комплексе на Дубровке в октябре 2002 года, когда погибли более ста человек. В ряду этих страшных событий террористической войны против России стоят и взрывы зданий в Каспийске и Волгодонске. А начало кровавой вакханалии было положено в Буденновске в 1995 году. Именно там впервые в нашей стране была опробована террористическая тактика массового захвата заложников из числа гражданского населения и шантажа государства. Впоследствии череда террористических атак продолжилась.

Фактически всегда жертвами террористов оказываются простые люди, не имеющие никакого отношения к противостоянию на Северном Кавказе. Очевидно, что эти теракты в конечном счете есть не только война с государством, но и война с людьми, с их жизненным миром, духовными ценностями.

Бесланские события, даже в ряду других террористических деяний, – исключительный по своей подлости акт. Беслан – это своего рода трагическая веха на пути обесчеловечения современного радикализма. Следует крайне осторожно относиться к тому, что сегодня некоторые, в том числе и весьма популярные в мире источники информации пытаются трактовать бесланское преступление как факт «межконфессионального противостояния». Да, это страшное преступление, от которого пострадал весь многонациональный народ Осетии. Но это и террористическое преступление против народов Кавказа и всей России.

Басаев и его подручные из банды Хучбарова как олицетворение крайней степени человеконенавистничества,

которое не может быть связано ни с религиозными убеждениями, ни с подлинными национальными интересами какого-либо из народов, ни с политическими убеждениями, имеющими хоть сколько-нибудь человеческий смысл. Мы слышали слова соболезнования всех кавказских и соседних народов, всего многонационального народа России. Беслан есть рубеж в борьбе между человеческим и бесчеловечным, между интересами всех народов и конфессий и амбициями нелюдей с их патологическими властными комплексами.

Бесланский теракт не оставил сомнений, что эффективность выявления очагов бандитского подполья оказалась низкой, а взаимодействие силовых ведомств требовало другого качественного профессионального состояния и серьезного нового правового (законодательного) оснащения. В этом контексте уместно напомнить, что президент после посещения Беслана в ночь с 3 на 4 сентября 2004 года в своем обращении к гражданам страны сказал: «…необходимо создать эффективную антикризисную систему управления, включая принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов».

После Беслана был разработан и вступил в действие новый федеральный закон «О борьбе с терроризмом», подверглись критическому переосмыслению методы борьбы с этим самым опасным видом преступлений. Все это было позже, после Беслана!..

Нападение на школу в Беслане – организованная акция нелюдей, за спиной которых те, кто обещал гражданам России и самой российской государственности десятилетия террора. Они пытались претендовать на какое-то моральное лидерство, но являли собой лишь образцы предательства и ненависти.

Кавказ символизируют другие люди, обладающие мудростью, взаимоуважением, проявляющие заботу о младших, почтение к старшим, мужество в защите слабых. Бесланские Ангелы будут теперь символом скорби и памяти. Мы помним об их погибших учителях и родителях, об их мужественных спасателях.

Еще раз поклонимся погибшим, склоним головы перед их светлой памятью. Воздадим должное мужественным бойцам и офицерам спецслужб, погибшим в бою за спасение заложников. В сентябре 2005 года, в первую годовщину трагедии, по моей инициативе вышло издание «Беслан. Белая книга». В нем собраны газетные и журнальные публикации, свидетельства очевидцев и участников событий, письма, стихи и фотографии.

Вновь скажу, что ничто не может утешить горе семей, потерявших родных. Это правда. Поэтому не уместно рассказывать подробно, что было сделано для поддержки

пострадавших. Сами жители Беслана вели себя достойно, мужественно, не раз заявляя, что вся Россия, все регионы и народы страны были рядом с ними.

О событиях в Беслане опубликованы многие сотни, а может быть, и тысячи статей, вышло столько же теле- и радиопередач. В них – слова, мысли, описания тех трагических дней, в них – суровое и гневное осуждение терроризма. Но даже великое потрясение не смогло удержать отдельных «террористов слова» от фальсификаций и злобных домыслов.

Многие решения, возникавшие в невероятно сложной обстановке, стали уроками сопереживания и стойкости перед народным горем. Спустя время и перепроверяя свои суждения, скажу, что сохранение общественного единства, неприятие политической конъюнктуры позволило бы добиться достоверных ответов на многие вопросы.

Стремился быть всегда там, где требовали события. 5 сентября после посещения республиканской больницы, где находились раненые из числа заложников, я заявил журналистам: «Все время я был и буду вместе с теми семьями, которые потеряли родных. Не припомню в своей жизни более горестных дней и часов. Перед лицом этой трагедии я еще раз хочу выразить свое глубокое соболезнование всем семьям, родителям в связи с тем, что они потеряли родных людей. Скорблю и сострадаю вместе с вами.

Я тоже, как и другие, состою из нервов, из переживаний и гнева, которые бывают у человека».

В те часы в больницах Беслана оставались сотни раненых – детей, родителей, учителей. Вся медицина Осетии показала себя тогда с самой лучшей стороны. Позже в республику для помощи пострадавшим прибыли лучшие представители отечественной и зарубежной медицины. На импровизированной пресс-конференции я сказал: «Наша скорбь безмерна, но нельзя в такой час быть разобщенными. Обращаюсь ко всем, чтобы мы, сохраняя право быть требовательными, сохраняя право говорить правду, что надо покончить со злом терроризма, одновременно понимали, что мы должны быть в столь горестный час вместе – не только у могил, но в мыслях и действиях. Я говорю это для того, чтобы противники согласия и те, кто хотел бы видеть нашу страну, народы Кавказа терзаемыми противоречиями, не получили бы такой желанный для них подарок».

Мы помним слова и мысли людей из далеких городов и стран, которые в те трагические дни выразили солидарность с осетинским народом. Никакие даже самые большие программы оказания помощи не могут вернуть жизни людей. И в этом самая

большая трагедия. Но в такой час и в такие дни мы особенно чувствительны к тому, кто переживает вместе с нами, кто делает это так, как будто это его собственное горе, горе в собственном доме. Могу сказать, что не было ни одной области, ни одной республики, ни одного народа в нашем государстве и во всем мире, откуда бы мы не получили слова сочувствия, заверения в том, что понимают нас и хотят нам помочь. Мы за это благодарны. Наш народ очень хорошо знает цену доброму отношению в такие трудные минуты.

И еще. Всегда помню и хочу сказать слова благодарности Ходову Владимиру Хаджимурзаевичу, настоящему офицеру, человеку чести и долга. Его внук погиб в захваченной школе. В. Ходов согласился возглавить район в этих обстоятельствах и проявил себя лучшим образом. Высоко ценю добросовестность и профессионализм министров Александра Соплевенко, Ларисы Тугановой и Алины Левитской-Цомартовой, всех, а их очень много, кто показал пример надежности и высокой морали.

В памяти народа всегда будет добрый, всемирно известный детский врач Леонид Рошаль, человек с большой сострадающей душой.

С особым чувством глубокого уважения и благодарности хочу сказать о пастырской и духовной роли архиепископа Владикавказского и Ставропольского Феофана. Наделенный Богом глубокой верой и любовью к человеку, он был рядом все трудные часы и дни, видел великую трагедию, лечил и продолжает лечить теперь души пострадавших, очень достойных и мужественных людей.

С благодарностью отмечу роль Д.Н. Козака, который по поручению Президента РФ координировал выполнение всех программ и проектов по оказанию государственной и гуманитарной помощи жителям Беслана. Будем помнить, что мэр столицы нашей страны Ю.М. Лужков и его соратники в кратчайшие сроки построили в Беслане две новые современные школы.

ИЗ ОБРАЩЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

Москва, Кремль, 4 сентября 2004 г.

Уважаемые соотечественники!

Те, кто послал бандитов на это ужасное преступление, ставили своей целью стравить наши народы, запугать граждан России, развязать кровавую междоусобицу на Северном Кавказе.

Хотел бы в этой связи сказать о следующем.

Первое. В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны.

Второе. Считаю необходимым создать новую систему взаимодействия сил и средств, осуществляющих контроль за ситуацией на Северном Кавказе.

Третье. Необходимо создать эффективную антикризисную систему управления – включая принципиально новые подходы к деятельности правоохранительных органов.

Особо отмечу: все эти меры будут проводиться в полном соответствии с Конституцией страны.

Дорогие друзья!

Мы вместе переживаем очень тяжелые, скорбные часы. И я хотел бы сейчас поблагодарить всех, кто проявил выдержку и гражданскую ответственность.

Мы были и всегда будем сильнее их – и своей моралью, и мужеством, и нашей человеческой солидарностью. Я вновь увидел это сегодня ночью.

В Беслане, буквально пропитанном горем и болью, люди еще больше заботились и поддерживали друг друга. И не боялись рисковать собой во имя жизни и покоя других.

Даже в самых нечеловеческих условиях они оставались людьми. Невозможно примириться с болью потерь. Но испытания еще больше сблизили нас, заставили многое переоценить.

Сегодня мы должны быть вместе. Только так мы победим врага.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

«ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ ТРАУРА В СВЯЗИ С ГИБЕЛЬЮ ГРАЖДАН В РЕЗУЛЬТАТЕ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ АКЦИИ В Г. БЕСЛАНЕ

РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ»

В результате террористической акции в г. Беслане Республики Северная Осетия – Алания 1–3 сентября 2004 г. имеются многочисленные жертвы.

Выражая скорбь по погибшим и соболезнуя их родным и близким, постановляю:

1. Объявить 6–7 сентября 2004 г. днями траура в Российской Федерации.

2. В дни траура на всей территории страны

приспустить Государственные флаги Российской Федерации.

3. Предложить учреждениям культуры и телерадиокомпаниям отменить развлекательные мероприятия и передачи в дни траура.

4. Правительству Российской Федерации совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации принять необходимые меры по оказанию помощи семьям погибших.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Российской Федерации

В. ПУТИН

Москва, Кремль, 4 сентября 2004 г.

СЛОВО ПАТРИАРХА АЛЕКСИЯ II

3 сентября 2004 г.

Боль и скорбь переполняют наши сердца, ибо все мы стали свидетелями беспредельной жестокости террористов, захвативших взрослых и детей в школе города Беслана. Нет слов, чтобы выразить негодование и праведный гнев в связи со случившимся: от рук бандитов погибли мирные люди, и что самое страшное, – невинные дети.

В минувшие дни граждане нашей страны, все мировое сообщество с замиранием сердец и с надеждой следили за трагическими событиями в Северной Осетии. Всех нас постигло огромное горе – жертв трагедии избежать не удалось. Тяжело сегодня всем, особенно же родным и близким погибших и раненых. Да поможет им Господь перенести выпавшее на их долю испытание.

В эти дни скорби и траура Русская Православная Церковь возносит молитвы о упокоении их душ, выражает сочувствие и поддержку родным и близким погибших, всему народу Северной Осетии – Алании.

Верю и надеюсь, что вы и правительство Республики сделаете все возможное, чтобы облегчить страдания попавших в беду невинных людей. Мужайтесь, крепитесь и не отчаивайтесь: зло терроризма будет пресечено.

Патриарх Алексий II

P. S.

Время не властно над масштабами горя и потерь, сколько бы лет ни прошло. Согласен с теми, кто беспокойно заявляет о том, что внимание к вопросам расследования обстоятельств трагедии,

как и ответственное отношение к социальным, житейским вопросам всех, кто потерял близких и кто пострадал в дни террористического преступления, не должно ослабляться. Считаю своей моральной обязанностью помогать всем, кто обращается за помощью, особенно молодежи. С уважением и пониманием отношусь к деятельности возникших после сентябрьских событий в Беслане общественных организаций, выражавших интересы пострадавших.

Программные документы и распоряжения президента, как и постановления правительства РФ, а также решения органов республиканской власти по Беслану должны сохранять свою актуальность и для настоящего времени. Их рано убирать в архивы.

Северный Кавказ в результате последовательных мер по противодействию радикализму обретает более стабильные контуры. Однако время ослаблять внимание пока не наступило.

Будем помнить, что в России были осуществлены крупные террористические преступления: захват больницы в Буденновске, «Норд-Ост» в Москве, взрывы в Каспийске и Нальчике, теракты на вокзале в Волгограде и в московском аэропорту Домодедово и еще десятки других… Даже усиленная мобилизация на борьбу с этим злом не может гарантировать, что угроза терроризма осталась в прошлом. Терроризм бродит по миру.

Террористические преступления совершаются в столицах и городах спокойной некогда Европы, в Париже, Брюсселе, Лондоне. Акты террора захлестывают Ближний Восток и Северную Африку. Сирия и Дамаск стали великим символом мужественного противостояния терроризму и идеологии радикализма, разрушения современных представлений об обществе и государстве. Время требует укреплять единый антитеррористический фронт с участием всех государств. Россия и отечественная дипломатия в сложившихся обстоятельствах предпринимают серьезные инициативы в этом направлении. Собирательным примером стало последовательное и успешное вытеснение террористического интернационала из Сирии.

Отечество в опасности – поворот к укреплению государства

Август 1999 года. Поездка Путина в Грозный. Политическая воля нового президента. Россия отошла от края пропасти. Собирание государства в одно правовое пространство. Ни одной встречи в Кремле без внимания к вопросу Южной Осетии. Сложившиеся деловые и заинтересованные отношения с руководителями Северного Кавказа

О чем напишут историки, изучая события 90-х годов XX века, особенно о тех, что происходили на Юге России? Конечно, о том времени, когда существовала реальная опасность распада многонациональной исторической России, об эскалации старых и новых межнациональных конфликтов, в том числе, к сожалению, кровавых. О времени роста сепаратизма, опасности превращения многоэтнических обществ в мононациональные, а также внедрение в террористические сети иностранных наемников.

Ответственная оценка сложившегося положения на Северном Кавказе не оставляет сомнений: эта часть России была на краю геополитической пропасти. Мое поколение руководителей северокавказских республик помнит, что разворот к реальной борьбе за сохранение территориальной целостности страны начался с осени 1999 года. Глубокое понимание особой роли Юга России, Северного Кавказа для всей страны в сочетании с геополитическими реальностями на Большом Кавказе изменили положение дел к лучшему.

Поездка В. Путина в августе 1999 года в Чечню, тогда еще в качестве премьер-министра РФ, положила начало эпохе трудного, но очень нужного курса на государственное единство.

Параллельно с последовательной линией на сохранение территориальной целостности РФ, на вытеснение сепаратизма и пресечение террористических преступлений президент успешно провел масштабную реформу государственного управления. «Парад суверенитетов» начала 1990-х годов привел к тому, что отдельные региональные руководители получили такие права, аналогов которым не было ни в одном другом федеративном государстве. В ряде конституций национальные республики провозглашались суверенными государствами; республиканское законодательство рассматривалось как имеющее приоритет над федеральным. В этом наследии прежнего президента заключалась одна из главных причин рыхлости государственной власти в

России, ее неспособности действовать консолидированно, эффективно решать ключевые проблемы развития страны.

По сути, перед страной после турбулентных 1990-х годов стояла задача масштабного строительства новой российской государственности. Разумеется, оно начиналось не с чистого листа. Однако во многом, учитывая специфику исторического времени, было абсолютно новой задачей. Президент России безошибочно наметил приоритеты и организовал системную, последовательную работу, которая позволила через два-три года довести дело до конца.

Первые практические шаги реформы начались в мае 2000 года с создания в стране семи федеральных округов и назначения в них полномочных представителей Президента. Они входили в систему президентской администрации и отвечали за работу по восстановлению единого правового поля страны, приведению регионального законодательства в соответствие с федеральным. Эта работа обычно не сопровождалась громкими заявлениями, но была крайне важна с точки зрения сохранения государственного единства страны. Через некоторое время после создания федеральных округов была осуществлена реформа Совета Федерации и сформирован Госсовет, орган, в заседаниях которого под председательством президента страны принимают участие все руководители субъектов РФ.

Вспоминаю первые шаги Госсовета. Руководителям регионов периодически поручалось готовить основные доклады. Мне, учитывая мой опыт работы в международной сфере, было поручено подготовить доклад и аналитические материалы по вопросу развития интеграционных процессов в рамках Содружества Независимых Государств. Я это воспринял как большое государственное поручение и уникальную возможность для того, чтобы вложить в разработку темы не только свои знания, но и душу. До сих пор считаю, что нет более предпочтительной цели для Российской Федерации, чем развитие добрососедских отношений с государствами, которые образовались после дезинтеграции СССР. Ведь они не только соседи России, но и имеют с нею вековые хозяйственные, культурные, человеческие, гуманитарные связи.

На мой взгляд, именно уровень развития отношений с этими странами определяет возможности России играть ведущую роль на международной арене и в международном сообществе.

К подготовке доклада по проблемам СНГ подключились институты Российской академии наук, в частности Институт мировой экономики и международных отношений. В течение шести месяцев при участии разных поколений политиков шла

напряженная подготовка доклада на основе аналитических материалов. Рассматривались военно-политические вопросы, вопросы коллективной безопасности и использования ресурсов. В подготовке аналитических материалов большую работу провели известный политик и ученый А.А. Кокошин и начальник управления администрации президента П.П. Скороспелов.

Согласно порядку проведения заседаний, на Госсовете представляются два доклада: руководителя рабочей группы Госсовета и главы того федерального ведомства, к компетенции которого относится рассматриваемый вопрос. Таким образом, докладчиками были Игорь Сергеевич Иванов, министр иностранных дел России, и член Президиума Госсовета А.С. Дзасохов. Заседание проходило в Кремле, в Георгиевском зале. Сначала мы обсудили проблему в закрытом режиме в рамках Президиума Госсовета с участием председателя правительства, министра обороны и других руководителей, а потом был публичный доклад с обстоятельной дискуссией.

Уверен, что материалы, которые были подготовлены к заседанию Госсовета, не надо убирать под сукно. Они еще не раз пригодятся для нашей практической дипломатии.

Так получилось, что я оказался в Белом доме в самом начале премьерства Путина – где-то спустя неделю после его назначения. Встреча состоялась по инициативе Владимира Владимировича. Он неожиданно для меня сказал, что Б. Ельцин просил его переговорить о моем возможном назначении заместителем председателя правительства РФ. Владимир Владимирович пояснил, что я должен курировать вопросы, связанные со странами СНГ, поскольку было известно, что со многими из их руководителей я давно и хорошо знаком.

Предложение было неожиданным. Я сказал, что не смогу его принять. Прошло всего полтора года после моего избрания, пояснил я. Уехать из республики не смогу. Объяснил причины.

Путин внимательно выслушал мои аргументы. С его стороны не было попыток, типа: «Ну, вы еще подумайте…», как нередко говорят, когда решение не предопределено. Путин, видимо, понял, что мой ответ, хотя и был ясным, не был спонтанным. Он сказал, что проинформирует президента Ельцина. Итог разговора воспринял как понимание моей позиции.

Мы обсудили еще какие-то текущие проблемы – у меня были просьбы, связанные с социальным и экономическим развитием Осетии. Путин задал несколько уточняющих вопросов – чувствовалось, что он хорошо знает ситуацию в регионе. Это тоже важная характеристика человека в политике. Считается, что чем выше руководитель поднимается, тем меньше ему надо обращать

внимания на детали. Мое же мнение таково: чем выше должность, тем больше ответственность за решения, а значит, надо многое знать, чтобы быть компетентным. Ведь эти решения скажутся на судьбах сотен тысяч, а может быть, миллионов людей. Ну и, конечно, предпочтительно обязательное внимание к вопросам и темам, поднимаемым собеседником. Это показатель политической культуры.

В августе 1999 года без предварительного уведомления председатель правительства В.В. Путин вместе с министром РФ по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу и другими представителями федерального руководства находился в Чечне. В таких случаях, как правило, сначала добирались до Моздока в Северной Осетии, а потом уже, чаще всего на вертолетах, улетали в Ханкалу или к месту дислокации военных. Я, конечно, из неофициальных источников знал об этом и рассчитывал на встречу на обратном пути. Дело было не только в том, чтобы оказать гостеприимство, но и в возможности обсудить с премьером ряд актуальных вопросов. Однако делегация возвратилась на вертолете в Моздок, и, уже взлетев в направлении Москвы, Владимир Владимирович позвонил с борта самолета. Мы разговаривали минут двадцать. Председатель правительства говорил о своих впечатлениях, с тревогой отмечал сохраняющуюся на территории Чечни трудную обстановку. Завязалась беседа на актуальные общегосударственные темы. В ходе разговора я выразил мнение о совершенно ясной для меня политической перспективе, заявив, что «именно тот государственный человек, который сумеет пресечь сепаратизм и сохранить территориальную целостность страны, и будет лидером России».

Сохранение территориальной целостности многие ответственные политики считали первоочередной, судьбоносной задачей. Сегодня эта страница истории перевернута. Но убирать ее в архив не стоит. Рецидивы сепаратизма еще могут возникнуть. И речь идет даже не о противостоянии сепаратизму как движению за отделение каких-то территорий от России, но, скорее, о борьбе с цивилизационным вызовом. Бдительность надо сохранять.

Для осетинского и других кавказских народов распространение сепаратизма означало бы, по сути, необратимые негативные процессы вплоть до исчезновения идущей с древности исторической самобытности. Для самой же России утрата территориальной целостности означала бы крушение государственности. Во второй половине 1990-х и в начале 2000-х годов Россия смогла пройти по краю пропасти. Политическая воля нового Президента, опирающегося на поддержку широких

слоев общества, предотвратила дальнейшее геополитическое «сжатие» страны. Показательной оказалась роль северокавказцев в дагестанских событиях 1999 года и последовавшей за ними второй чеченской кампании. Ответственные представители народов Дагестана и Чечни, а вместе с ними и всего Юга России, увидели во главе России лидера, способного противостоять провокациям и шантажу экстремистов, лидера, на которого можно опереться и доверить руководство в этой борьбе.

Итак, в 2000 году у руля государства встала новая личность, с которой региональным руководителям надо было налаживать взаимодействие для решения политических, социально-экономических и других задач федеративной России. Я должен был достоверно и реалистически показать главе государства всю остроту вызовов, которые сопутствовали общественной жизни Осетии, обосновать меры по защите безопасности республики. Было очевидно: как ни мобилизуй ресурсы, какие задачи ни ставь, но если нет стабильности на Кавказе, то ни один вопрос не будет решен.

В то же время руководство республики понимало, что восстановление промышленности, сохранение инженерных кадров, технического образования – это не только хозяйственная, но и политическая задача. Ведь развитие промышленного производства, инженерно-технического образования – важнейшие предпосылки реального развития и формирования современного общества, свободного от навязчивой мифологизации рыночной экономики.

Коллапс советского ВПК с его межрегиональными связями больно ударил по промышленности Северной Осетии. Крупные предприятия во Владикавказе простаивали, производства закрывались. Трудовые коллективы с целыми рабочими династиями прекращали существование. В этих условиях необходимо было спасти хотя бы несколько базовых секторов экономики, позволяющих республике чувствовать себя интегральной частью общенациональной экономической жизни.

В вопросах сохранения производственного потенциала я находил понимание у руководства страны. Однако восстановление управленческой дисциплины только-только начиналось. К сожалению, нередко случалось и так, что выполнение ясных и конкретных поручений президента по вине федеральных чиновников пробуксовывало или вообще не сдвигалось с места.

Осетия славится своими богатейшими лечебно-курортными и туристическими возможностями. Путин отдельно интересовался возможностями развития горных курортов Осетии, положением в

альпинистском центре в Цее, том самом, о котором Юрий Визбор проникновенно писал:

Здесь на рассвет золотые взирают вершины,
И ледники, как замерзшее небо, лежат.

Говорили о Мамисоне, воспетом Ольгой Берггольц, о перспективах развития здесь летнего и зимнего туризма и спорта. Было приятно прочитать в газете «Коммерсантъ» в репортаже с саммита G-8, проходившего в 2002 году в Канаде: «…Лидеры утверждают, что чувствуют себя в Кананаскисе превосходно. Владимир Путин и вовсе заявил в конце первого рабочего дня, что все его собеседники – люди, приятные во всех отношениях. А уж о здешней природе говорить не приходится. У нас такая есть только в Северной Осетии».

На нашей встрече в канун 60-летия Победы президент с удовлетворением говорил о вкладе сынов Осетии в общую Победу над фашизмом. Знал имена полководцев и героев, отметил, что Мемориал Славы во Владикавказе – один из лучших памятников подвигу воинов Великой Отечественной.

Новый XXI век для нашей республики начался с надеждой на создание благоприятных условий для народно-хозяйственного и социально-экономического развития. Мы старались действовать последовательно и уверенно, стремясь отвоевать возможности для созидательных дел. На первом месте стояла политическая и практическая поддержка Южной Осетии, взаимодействие по этому вопросу с государственным руководством страны. Без стабильности и определенности ситуации в Южной Осетии было трудно говорить о общественно-политическом спокойствии и в Северной Осетии.

Я спрашиваю себя сегодня, была ли у меня хотя бы одна рабочая встреча в Кремле, на которой не затрагивалась тема Южной Осетии? И был ли случай, чтобы этот интерес был оставлен без внимания? Не было таких встреч. Напротив. Именно взвешенная, выверенная позиция явилась определяющей для политической элиты России и практической дипломатии. Проблема российско-грузинских отношений и внимание Российской Федерации к Южной Осетии и ее жителям – это процессы взаимосвязанные. Но они не всегда правильно оценивались отдельными должностными лицами. В Москве надо было объяснять, что Северная Осетия, как и Южная, не противник улучшения российско-грузинских отношений! Напротив, она стратегически заинтересована в их высоком качестве, поскольку это создает положительный фон для ее собственного развития как

одного из связующих звеньев этих отношений. Географически Осетия никогда не была горным тупиком. Она исторически являлась страной, по которой проходили важнейшие транскавказские коммуникации. Отсюда и открытость Осетии, ее заинтересованность в развитии политических, экономических, культурных отношений на Кавказе, в том числе и российско-грузинских. Но такое развитие не может проходить за счет жизней и судеб десятков тысяч людей, их прав и самой их безопасности. В этом неизменная базовая позиция.

Превращение осетинского вопроса в камень преткновения российско-грузинских отношений – не выбор России. И уж тем более не выбор Осетии. Военно-политическое давление Грузии на Южную Осетию и Абхазию – республики, кровно и этнически связанные с российским Северным Кавказом, не позволяло и не позволяет России оставаться сторонним наблюдателем. Это не в ее интересах, не способствует поддержанию авторитета Российского государства в глазах собственных граждан. Курс на поддержку Южной Осетии и Абхазии есть исторический экзамен для российской государственности и ее политики в общекавказском измерении. Это стратегия по защите общерегиональной, общекавказской стабильности от разного рода националистических авантюр. Поэтому руководство нашей республики выдвигало одно за другим предложения по правовому и политическому обеспечению прав народа Южной Осетии. Такая поддержка была сконцентрирована на социальных, гуманитарных, культурных, дипломатических аспектах. Именно позиция Президента РФ позволила принять 30 ноября 2000 года специальное распоряжение правительства РФ, согласно которому после введения визового режима между Россией и Грузией на абхазском и югоосетинском участках государственной границы сохранялся действовавший, упрощенный порядок пропуска.

Этот документ гарантировал в последующие годы возможность беспрепятственного человеческого общения, гуманитарных контактов. Было бы несправедливо, если бы единый народ впервые в своей истории общался не напрямую, а окольными путями, с помощью визовых служб. Принятое решение было важным и для российских пограничников, которые в условиях визового режима с Грузией не имели необходимого инструментария в отношении Южной Осетии.

Одной из крупных, значимых акций явилось решение российского руководства пойти навстречу чаяниям жителей Южной Осетии и Абхазии в получении гражданства России – правопреемницы СССР. Получая российское гражданство, они обретали не только гражданскую определенность, но и

возможность пользоваться равными с другими гражданами России льготами и пенсионным обеспечением, равным доступом к образованию, к информационному пространству. И такое решение не было нарушением суверенитета Грузии. Нужно помнить, что в 1991 году возникла реальная международно-правовая коллизия, связанная со статусом Южной Осетии и Абхазии. Население и избранные органы власти этих бывших автономий в составе Грузинской ССР не признали распространения суверенитета постсоветской Грузии на свою территорию. Потом произошли вооруженные конфликты, и Южная Осетия и Абхазия оказались фактически независимы от Грузии, но без соответствующего международного признания. В ходе исторических потрясений начала 1990-х годов население Южной Осетии и Абхазии не принимало грузинского гражданства. Люди отказывались принимать гражданство того государства, власти которого развязали против них войну. Предоставление им российского гражданства было не только проявлением исторической ответственности России, но и отражало неразрывную связь этих республик с республиками российского Северного Кавказа.

Россия никогда не отворачивалась от проблем, возникших в связи с последствиями конфликтов в Южной Осетии и Абхазии. Наше государство обеспечило своим политико-дипломатическим и военным участием устойчивый и продолжительный мир в этих постконфликтных зонах в 1993–2004 годах. Северная Осетия активно поддерживала с соседями самые тесные контакты. Важнейшим с этой точки зрения был вопрос поддержания в рабочем состоянии транспортных коммуникаций.

Мы взяли под контроль работы по реконструкции Рокского тоннеля и приведению в нормальное состояние «дороги жизни» – Транскавказской автомобильной магистрали, особенно на ее южной стороне. Большая финансовая и техническая помощь позволила выправить ситуацию, а ведь на рубеже 1990-х и 2000-х годов состояние дороги было близким к критическому! Сейчас и тоннель, и дорога выглядят совсем иначе.

Решать упомянутые проблемы можно было только при сохранении спокойствия в зоне конфликта. Аналитики по-разному оценивают период правления в Грузии Шеварднадзе. Одни полагают, что в грузино-осетинских отношениях происходил прогресс, другие с этим не согласны. Но в одном сходятся все: после подписания Сочинских соглашений в 1992 году не было войны. Много лет Южная Осетия жила в условиях хрупкого мира, хотя напряженность сохранялась. Когда же состоялся совсем небезупречный с правовой точки зрения приход

к власти Саакашвили, то он уже в июне 2004 года предпринял попытку решить проблему Южной Осетии военным путем, опираясь на свой «победный» опыт в Аджарии. Это, конечно, было его глубочайшей ошибкой и началом конца политической карьеры. Одновременно стало ясно, что народу Южной Осетии выпадают новые испытания.

В этих условиях необходимо было выдвигать на первый план постановку вопроса о неиспользовании силы. С учетом динамики событий вокруг Южной Осетии МИД России и Президент РФ неоднократно ставили этот вопрос. Он был нацелен на обеспечение необратимости постконфликтного развития. Предотвращение военной эскалации на основе подписания сторонами конфликта юридически обязывающего соглашения о неиспользовании силы и сегодня остается ключевым вопросом. Без такого соглашения нельзя говорить о мерах доверия и позитивной динамике переговорного процесса в целом.

Вспоминая годы своей работы во главе Северной Осетии, хочу подчеркнуть, что глава государства всегда уделял особенное внимание северокавказским руководителям. Его встречи с руководителями Северного Кавказа были регулярными: в Моздоке, в Кисловодске, в Нальчике, в Сочи. Глава государства проводил эти встречи с предметным знанием широкого спектра проблем региона – от стратегических вопросов, связанных с ролью Северного Кавказа в общегосударственных делах, до локальных проблем той или иной территории. Непредсказуемость и метания ельцинского периода уступили место целеустремленному, компетентному динамизму.

России удалось справиться с масштабной угрозой своей территориальной целостности, хотя сделать предстоит еще немало, а террористическая опасность сохраняется. Вертикаль власти укрепила страну, консолидировала ее политический класс. Но ей еще предстоит стать вертикалью государственности, в которой процедуры исполнения государственных функций находятся на прочном фундаменте гражданского волеизъявления и политической культуры. Если ельцинский период можно соотнести с временем проб и ошибок, то путинское время – с взрослением, когда формируется геополитический профиль страны, ее новый исторический типаж. И выбор у нас такой – прочный государственный суверенитет и открытость к мирному международному сотрудничеству.

Сегодня перед политическим лидерством в стране стоят новые задачи, объединенные главной целью – стремлением к укреплению России, благополучию ее народа. Противостояние внешнему давлению, налаживание эффективности

государственного управления, становление ответственных гражданских структур, формирование конструктивной политической культуры, прорыв наших производительных сил к новым технологиям – все это остается в актуальной повестке нашего времени.

Завершу эту главу с огромной надеждой на то, что народы постсоветского пространства сохранят, сберегут исторические, культурные, духовные и экономические связи.

Центр и республика: выстраивание отношений

За восемь лет в России сменилось восемь правительств. Август 1998-го – дефолтное торнадо. Обнадеживающие шаги правительства Примакова, прерванные интригами олигархическо-политических кланов. Уважение к власти – да, но непримиримость к чиновничьему чванству. Конституция – федеративная, финансовая политика и экономика скорее унитарные

Сразу после того как я был избран в 1998 году президентом Северной Осетии, многие на Кавказе, в Москве задавались вопросом: сумеет ли Дзасохов вписаться в систему новой российской власти, выстроить деловые отношения с главой государства? Борис Николаевич Ельцин, хотя и формировался как политик в течение десятилетий партийной работы в советское время, тем не менее был заряжен на популистское отрицание всего, что было в советском «вчера». Причем это отрицание было связано, вероятно, не столько с его сомнением в управленческой компетентности многих руководителей советской выправки, сколько с неуверенностью в их личной к нему лояльности.

Как повлияет на качество совместной работы известная идеологическая дистанция между главой государства и вновь избранным руководителем республики? Мнения разделились. Одни полагали, что все будет нормально и персональные деловые отношения будут способствовать эффективному взаимодействию двух уровней государственной власти. Другие говорили, что неуравновешенный характер Ельцина, его склонность к «реваншистским» поступкам дадут о себе знать. Но я с самого начала настраивался на активное и самостоятельное поведение. На первом плане стояли интересы республики и ее народа, а это выше симпатий или антипатий в личных отношениях.

Мы с Ельциным, видимо, неплохо знали биографии друг друга, но по работе ранее почти не пересекались. Где-то в середине своего оппозиционного пути к президентскому посту Борис Николаевич был народным депутатом СССР, возглавлял парламентский комитет по вопросам строительства и архитектуры. А я ровно в то же время был председателем комитета Верховного Совета СССР по международным делам. Свои парламентские обязанности Борис Николаевич выполнял добросовестно. Работа его комитета была успешной. Но было бы наивно полагать, что Ельцин успокоился и забыл о тех нападках,

которым подвергался в период вывода его из состава кандидатов в члены Политбюро. В своем новом качестве он формировался как непримиримо оппозиционный Горбачеву политик.

Попробуем разделить всех политиков на три категории, в зависимости от того, как они ведут себя на кризисных этапах своей политической карьеры.

Первые понимают, что в политике не существует только гладкой столбовой дороги. Это те, кто остается востребованным и возвращается во власть объяснимо и эволюционно. Случаев, когда крупные фигуры уходят с политической арены, но потом возвращаются, много в новейшей истории нашей страны. Они были и в сталинское время, и позже.

Другая категория – люди, которые, однажды сорвавшись с пьедестала, исчезают с общественного горизонта, покидая политическое поле.

И третья категория, к числу которых, как мне кажется, в силу своих личных качеств относился Ельцин, – это те, кто постоянно нацелен на реванш.

Задача выстроить конструктивные отношения с главой государства была не из легких. Правда, несмотря на опасения, с самого начала все складывалось вполне благополучно. Прежде всего удалось наладить с президентом деловую переписку по жизненно важным для республики вопросам. Таким, например, как финансовые отношения с федеральным центром (которые и тогда, да и теперь часто не соответствуют базовым принципам федерализма), поддержка промышленности, проблемы беженцев, обустройство таможенных переходов на государственной границе, воссоздание во Владикавказе Северо-Кавказского суворовского военного училища и по ряду других.

Реальная возможность осуществить крупные предложения по восстановлению промышленного потенциала Осетии, решению социальных проблем, изложенные в моих аналитических записках, была тем не менее невелика. Отсутствие исполнительской дисциплины у государственных чиновников было в то время болезнью государства. Даже после прямых указаний Президента России многие его поручения не выполнялись вообще или откладывались в долгий ящик. Довольно скоро я увидел, что, помимо бюрократического засилья, огромное влияние практически на все вопросы оказывает устойчиво кризисная ситуация вокруг Чечни. Как устранить или, по меньшей мере, снизить влияние этого фактора на стабильность и безопасность в республике, на решение экономических вопросов в Осетии?

19 марта 1999 года произошел террористический акт на

Центральном рынке Владикавказа. Были многочисленные жертвы. Я настоял на немедленной встрече с Президентом России, чтобы изложить крайнее недовольство жителей Осетии, которые справедливо считали, что власть не принимает исчерпывающих мер по обеспечению безопасности. Разговор был трудным, принципиальным и долгим.

Хозяин кабинета вышел мне навстречу, был предельно внимателен, дал возможность обстоятельно изложить все, с чем я к нему пришел. Это было очень важно: как мы предполагали, теракт во Владикавказе не был результатом криминальных разборок, но являлся политической акцией, нацеленной на дестабилизацию обстановки в республике. Позже, уже в 2002–2003 годах, эта оценка подтвердилась: расследование установило, что преступление было организовано и осуществлено экстремистским подпольем, имевшим базы в соседней республике. К сожалению, этот предельно тревожный сигнал не был должным образом услышан – ни спецслужбами нашей страны, ни, что самое главное, самим обществом, особенно на тех территориях Северного Кавказа, где обосновалось террористическое подполье.

Выслушав мою информацию о происшедшем, Ельцин дал указания правоохранительным органам, руководителям следствия, а после этого – необходимые поручения председателю правительства по оказанию помощи пострадавшим и их семьям. Мы подробно обсудили сложившуюся после теракта ситуацию в Северной Осетии, я уже собрался уходить. Ельцин тоже пошел к своему письменному столу. Вдруг он развернулся и сказал: «Александр Сергеевич, передайте мои соболезнования и чувства поддержки всему осетинскому народу». И это, наверное, было важнее всего, что Борис Николаевич сказал мне в ходе беседы. Многолетний опыт партийной и государственной работы все-таки оставляет глубокий след в душе человека. И Ельцин, видимо, интуитивно почувствовал, что, не произнеси он столь нужных слов, наша встреча не отразила бы его внутреннего состояния.

В начале мая того же года у меня состоялась еще одна встреча с Ельциным. Это был период, когда президент был не в лучшей физической форме, испытывал постоянные недомогания. Когда я вошел в приемную, его помощник Владимир Шевченко спросил: «Александр Сергеевич, может, не надо сегодня встречаться с президентом? Борис Николаевич неважно себя чувствует, а вам, наверное, нужен обстоятельный разговор?» Он пояснил, что некоторое время назад завершилось заседание комиссии, где обсуждались мероприятия, связанные со встречей третьего тысячелетия, оно продолжалось долго, и президент

устал. Но я возразил, сказав, что откладывать срочные вопросы нет возможности.

Я не знал, что Борис Николаевич был взвинчен и крайне раздражен после памятного совещания в Кремле, на котором он произнес свой очередной афоризм: «Не так сели». Ельцина, напомню, тогда возмутило, что рядом с председателем правительства сел Олег Сысуев и где-то с другой стороны оказалось место недавно назначенного первым заместителем премьера Сергея Степашина. Сысуев на этом завершил карьеру в качестве первого заместителя главы администрации Президента РФ, а Сергей Вадимович, пересевший по просьбе Ельцина на место рядом с Примаковым, потом, как известно, стал премьер-министром России.

«Ельцинский» период моей работы в республике вместил много событий. Работать в то время было непросто. Но главная сложность, вопреки предположениям скептиков, заключалась не в Ельцине, который, надо отдать ему должное, поддерживал многие вносимые мной и моими коллегами предложения. Главной проблемой оказалась самоуверенная молодая бюрократия вокруг Ельцина, не имевшая управленческого опыта и погубившая немало дельных проектов.

Например, мы настаивали на том, чтобы на протяжении 10–15 лет часть таможенных платежей инвестировать в развитие двух перевальных дорог, проходящих через Северную Осетию и соединяющих Россию с Закавказьем. Но, как гласит старая осетинская пословица: «Арба не перевернется – дорогу не расширят». Президент дал необходимое указание, республика многократно ставила этот вопрос перед федеральным правительством, однако проблема так и не была решена.

Зато в тот период удалось вернуть, хотя и не в полном объеме, финансирование строительства Зарамагской ГЭС, продвинуть реализацию ряда других существенных для экономического и социального развития республики предложений. Был решен вопрос по воссозданию Северо-Кавказского военного суворовского училища. Мы увязали его восстановление с историей кадетского корпуса, открытого во Владикавказе еще в 1906 году.

Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину
23 февраля 1998 г.

Уважаемый Борис Николаевич!

Обращаюсь с просьбой рассмотреть вопрос о восстановлении старейшего в России Владикавказского кадетского корпуса и дать соответствующие поручения

для проработки вопроса Государственному военному инспектору Российской Федерации А. Кокошину, министру обороны Российской Федерации И. Сергееву и директору Федеральной службы безопасности Российской Федерации Н. Ковалеву.

Владикавказский кадетский корпус был основан в 1906 году и сыграл выдающуюся роль в подготовке многих тысяч юношей к ратной службе, составив элитную и высокообразованную часть офицеров и генералов Вооруженных Сил страны.

Ваше одобрительное отношение к идее воссоздания кадетского корпуса имело бы стратегическое значение в деле подготовки офицеров для воинских частей, имеющих специализацию горно-приграничной службы. Обращение к Вам отражает настойчивые ожидания многих выпускников этого несправедливо закрытого учебного заведения, и Ваше положительное решение было бы с благодарностью воспринято в Вооруженных Силах и Пограничных войсках современной России.

Президент Республики Северная Осетия – Алания
А. Дзасохов

С 1998 по 2000 год в России сменилось пять правительств. Руководство нашей республики определило в этот период несколько базовых положений в своей деятельности, которые сформировали также и режим нашей совместной работы с федеральным правительством.

Первое – опора на собственные возможности, введение в действие внутриреспубликанских ресурсов: поддержка промышленного производства, малого бизнеса, повышение эффективности налоговых сборов. Результат на этом направлении сказался уже в 1998 году. Через несколько месяцев собираемость налогов увеличилась на 30–40 процентов, а в 1999 году почти удвоилась. Это позволило руководству республики больше не стоять перед правительством и федеральными министерствами с протянутой рукой.

Второй принцип – грамотно, только при хорошей профессиональной подготовке документов и предложений обращаться в федеральные органы власти. Здесь требования были такие: безупречность и глубокая аргументация наших предложений.

И третий принцип – руководителю республики выезжать в командировки только в исключительных случаях. Кому-то это может показаться мелочью, но, на мой взгляд, следование

данному правилу имеет большое мобилизующее значение для управленческого аппарата в республике, для местных органов власти. Кроме того, это влияет и на общественное мнение. Люди понимают, что главные акценты в деятельности руководителя связаны не с визитами в Москву, а с работой внутри республики. Они постоянно видят, что президент занят общереспубликанскими делами – находится на заводе, в трудовых коллективах, в каком-то селе, старается решить вместе с членами правительства возникшую проблему.

С благодарностью помню первый состав правительства республики, который возглавил Таймураз Мамсуров с его опытом работы не только на республиканском, но что было очень важно, на районном уровне. Все эти годы мы работали слаженно, стараясь решать вопросы, опираясь на волю народа республики. Подобралась сплоченная, ответственная и в большинстве своем профессиональная команда. Сразу к этому добавлю: последнее дело, если руководитель задним числом охаивает с ним работавших товарищей и коллег. Когда я перелистываю некоторые мемуары, в том числе лично знакомых мне авторов, то у меня создается впечатление, что он (начальник) всегда прав, а подчиненные…

В нашей среде не было лишней комплиментарности. Была требовательность в сочетании с пониманием того, в какое сложное и трудное время и в каких условиях работаем.

Взаимодействие федерального и республиканского уровней власти было и останется важным, пожалуй, ключевым фактором эффективности управления регионом. Стараясь задать нужный темп решения социальных и экономических вопросов, мы начали обеспечивать деловые визиты российских министров и руководителей федеральных ведомств в республику. В этом деле отмечу роль администрации президента республики во главе с М. Тебиевым, Постоянного представительства РСО – Алания в Москве и добросовестную, активную работу Э. Бугулова и сменивших его В. Гугкаева и В. Беликова.

29 октября 1998 г. во Владикавказе состоялось крупное совещание по вопросам состояния и использования транспортных возможностей автомобильных, железных дорог и морских портов на Юге России. По составу участников это было, можно сказать, выездное заседание правительства РФ во главе с премьер-министром Евгением Максимовичем Примаковым. На совещании присутствовали руководители всех северокавказских субъектов Федерации. Именно тогда возникло само понятие, а также обозначились контуры проекта «Южные ворота России».

Решение вопросов, связанных с южнороссийскими

транспортными коммуникациями, носило срочный характер – не только народно-хозяйственный, но и политический. К тому времени проект «Трасека», инициированный Евросоюзом, уже начал приобретать реальные формы: некоторые его части даже были профинансированы. А на каспийском направлении наша страна потеряла с 1993 года инициативу, отдав ее другим прикаспийским государствам. Экстерриториальность Каспийского моря была поставлена под сомнение. Позже противоречия по вопросу о статусе Каспия были отчасти преодолены в компромиссном решении, по которому море оставалось экстерриториальным, а его дно делилось на национальные сектора. Плюс ко всему железнодорожное сообщение между Россией и закавказскими странами было парализовано. Из-за ситуации в Чечне было прекращено даже регулярное железнодорожное сообщение с территорией Дагестана к югу от Терека, поскольку единственная железнодорожная ветка проходила через чеченский Гудермес. В последующем были построены обходные пути между Кизляром и Хасавюртом, и связь Дагестана с остальной страной была восстановлена. Но Северная Осетия оказалась лишена своих транзитных коммуникаций на восток, через Ингушетию, Чечню и Дагестан.

Нас в республике особенно интересовали в этой ситуации (означавшей фактическую блокаду широтных коммуникаций, идущих через Ингушетию и Чечню) возможности повышения роли двух автомобильных перевальных магистралей в Закавказье, проходящих по территории Осетии. По итогам совещания под председательством Примакова руководство республики направило премьер-министру официальное письмо следующего содержания:

> Уважаемый Евгений Максимович!
>
> Направляю предложения по обустройству федеральных дорог, проходящих через территорию республики и связывающих Российскую Федерацию с государствами Закавказья и далее Ближним Востоком.
>
> Обе дороги – Транскавказская автомагистраль и автодорога «Кавказ», которая южнее города Владикавказа переходит в Военно-Грузинскую дорогу, нуждаются в существенной реконструкции, обустройстве и надлежащем содержании.
>
> По нашей просьбе руководитель Федеральной дорожной службы В. Артюхов в октябре 1998 года направил в республику группу специалистов, которые обследовали техническое состояние дорог,

существующих мостов через реки Терек и Ардон, путепроводов и тоннелей по трассам, включая главный тоннель под Рокским перевалом, и составили проект программы их реконструкции.

В республике побывали также представители Федеральной пограничной службы и Таможенного комитета РФ, которые на месте изучили и рассмотрели вопросы обустройства пограничных и таможенных постов «Верхний Ларс» и «Нижний Зарамаг», в своем нынешнем виде не отвечающих самым элементарным требованиям.

В связи с этим обращаюсь к Вам с просьбой:

Поручить Федеральной дорожной службе (Артюхов) рассмотреть подготовленный проект соглашения между Федеральной дорожной службой России и правительством Республики Северная Осетия – Алания об обустройстве федеральных автомобильных дорог, связывающих Россию с Закавказьем и проходящих через территорию республики, и ускорить его принятие;

Поручить Таможенному комитету Российской Федерации и Федеральной пограничной службе РФ выполнить проектно-изыскательские работы и осуществить в 1999 году строительство современных таможенных и пограничных постов в Верхнем Ларсе и Нижнем Зарамаге».

Президент Республики Северная Осетия – Алания
А. Дзасохов

Многие из этих предложений были впоследствии реализованы. Из-за тяжелого положения в Южной Осетии крайне важно было добиться реконструкции Транскавказской автомагистрали и Рокского тоннеля, который в зимнее время из «дороги жизни» превращался в зону повышенного риска. То, что это в итоге удалось, имело большое народно-хозяйственное и общественно-политическое значение.

Иногда мои земляки говорят: а что было сделано? Вспомним, в каком состоянии были автомобильные дороги на Транскаме, на направлении приграничного пункта Ларс, на Фиагдонском и Дигорском направлениях… Хочу отметить вклад в эту сферу известных и заслуженных дорожников Хасана Албегонова и Гайоза Макиева. Были привлечены большие государственные инвестиции и заново обустроены и оснащены современным техническим оборудованием пограничные и таможенные пункты на Нижнем Зарамаге и Верхнем Ларсе.

Президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину
21 февраля 1998 г.

Уважаемый Борис Николаевич!

Обращаюсь с просьбой оказать содействие в обустройстве переходов через южную границу Российской Федерации в закавказские государства и далее государства Южной Европы и Ближнего Востока.

Дело в том, что по территории Республики Северная Осетия— Алания проходят обе главные перевальные автомобильные дороги через Главный кавказский хребет. Именно по ним осуществляется основной грузооборот.

С каждым годом поток автотранспорта многократно увеличивается и возникают не только так называемые «спиртовые проблемы», но также и автомобильные пробки, где надолго скапливаются рейсовые автобусы, легковой автотранспорт, создаются большие трудности даже для пешеходного движения через посты пограничного контроля.

Неприглядность ситуации состоит в том, что если на западных, северо-западных и восточных границах России пункты пропуска, как правило, соответствуют принятым нормам, то на южном направлении условия противоречат самым элементарным требованиям безопасности и технического оснащения.

Это создает угрозу для жизни людей, сохранности перевозимых грузов и транспортных средств. В результате – большие невостребованные возможности. Но даже в таких условиях в 1997 году внешнеторговый оборот составил 140 млн долларов США, а 40 млрд рублей таможенных пошлин поступило в федеральный бюджет.

В связи с вышеизложенным прошу Вас, уважаемый Борис Николаевич, дать прямые указания Правительству Российской Федерации и Государственному таможенному комитету Российской

Федерации принять все необходимые меры для скорейшего обустройства пунктов пропуска через границу на территории Республики Северная Осетия – Алания.

Это позволит Югу России стать выгодным, привлекательным и приемлемым направлением для экономического сотрудничества.

Президент Республики Северная Осетия – Алания

А. Дзасохов

Восстанавливать надо было не только дороги, но и владикавказский аэропорт, который в годы первой чеченской военной кампании (1994–1997 гг.) был превращен де-факто в военный аэродром. В результате его взлетно-посадочная полоса пришла в неудовлетворительное техническое состояние. Средства аэронавигации и радиолокации также отслужили свой нормативный срок, да и само здание аэропорта имело удручающий вид. За короткое время, как за счет бюджетных средств, так и благодаря поддержке предпринимательского сообщества республики, нам удалось привести его в порядок.

Вскоре началась вторая чеченская кампания. Опять посыпались требования переориентировать аэропорт под военные нужды, хотя абсолютной необходимости в этом не было. Здесь же, в аэропорту, без согласования с руководством республики, попытались расположить и армейскую вертолетную площадку. Хорошо, что мы проявили тогда настойчивость, нашли согласие с военным руководством в том, чтобы сохранить аэропорт как гражданский, причем нужный не только Владикавказу, но и всей республике и нашим соседям.

В ноябре 1999 года правительство РФ запретило всем аэропортам Северного Кавказа осуществлять международные рейсы. Потерял такую возможность и владикавказский аэропорт. Мы долго доказывали, что, например, поездки торгового люда – «челноков» в Объединенные Арабские Эмираты или в Турцию не имеют с терроризмом ничего общего. Это просто возможность для многих семей добыть средства к существованию. В итоге и здесь наше предложение было учтено. В августе 2000 года международные рейсы из Владикавказа и Минеральных Вод возобновились. Позже аналогичное решение было принято по аэропортам Нальчика и Махачкалы.

Вспоминаю, как по моему приглашению в республику приехал министр путей сообщения РФ Николай Емельянович Аксененко. Позже он стал первым заместителем председателя правительства России. У него была репутация сильного министра, говорили об Аксененко и как о возможном кандидате на пост Президента России.

Выходец из Сибири, он прошел все ступени карьеры железнодорожника – от рядового работника дистанции пути до руководителя крупнейшей отрасли. Интересно, что Николай Емельянович вырос в старообрядческой семье и полностью соблюдал соответствующие традиции. Он был, кстати, тринадцатым ребенком в семье.

Аксененко прибыл во Владикавказ вместе со своими заместителями для рассмотрения предложений руководства

республики по реконструкции старейшего на Северном Кавказе Владикавказского вагоноремонтного завода. Приехав на предприятие, прошли по ветхим цехам. Под впечатлением от увиденного настроение министра стало быстро меняться. От его заинтересованного взгляда не осталось и следа. Я понял, что Аксененко думает о том, не лучше ли вообще закрыть завод. Но этого нельзя было допустить. Я предложил Николаю Емельяновичу закончить осмотр предприятия и продолжить разговор уже в городе.

Мы уехали с ним вдвоем на государственную дачу, где без лишней дипломатии я ему сказал: «У нас с вами нет права предать дело предшествующих поколений государственных людей Российской империи и Советского Союза». Поначалу он не понял, о чем речь, и вопросительно посмотрел на меня. «Закрытие вагоноремонтного завода перечеркивает промышленную политику государства, которая проводилась в этой части России многие десятилетия», – пояснил я.

Надо отдать должное Аксененко. Он не стал полемизировать, но в то же время не поддакивал, видимо взяв время для принятия окончательного решения. Как показали его дальнейшие поступки, он пришел к единственно правильному выводу и добился решения федерального правительства о реконструкции завода. Теперь почти весь российский Юг восстанавливает парк своих пассажирских вагонов в стенах нашего предприятия.

Николай Емельянович ушел из жизни преждевременно. Он мог принести еще немало пользы стране. Аксененко многое сделал для развития железнодорожного транспорта. По его инициативе были построены прекрасные здравницы на Черноморском побережье России и в Кавказских Минеральных Водах.

У нас с Николаем Емельяновичем сложились теплые человеческие отношения. Ему очень нравилась Осетия, ее люди. На всю жизнь запомнил, как он однажды мне позвонил в восемь утра из автомобиля и сообщил: «Вчера мы долго заседали и приняли правильное решение». Я насторожился. Что за решение? О каком заседании идет речь? Неужели опять какой-то столичный сюрприз? А он с ликованием сообщил: «Собирались все родственники и решили назвать моего внука Аланом».

Однако вернусь к производственным вопросам. Что произошло с отечественной промышленностью в условиях быстрого и непродуманного, упрощенного перехода к рыночной экономике? Страна получила в 1990-х годах монетаристские модели. Хищническая «ваучеризация» на деле стала почвой для формирования воровского олигархического сообщества.

Промышленные предприятия остались стоять скорбными памятниками некогда индустриальной державы.

В Осетии и на Кавказе к числу крупных заводов цветной металлургии относится «Электроцинк», одно из ведущих предприятий отрасли. Завод был создан более 110 лет тому назад, в 1905 году. В критические для промышленности России годы руководство завода и правительство республики стремились сохранить трудовой коллектив. Однако на плаву предприятие оставаться уже не могло.

В отсутствие Госплана и Минцветмета, а значит, и централизованного внимания государства и в то же время без крупных инвестиций и горизонтального рыночного кооперирования «Электроцинк» не мог осуществить природоохранные меры, давно назревшее технологическое переоснащение, необходимое для современного функционирования предприятия.

Руководство завода, а позже республика провели переговоры с Уральской горно-металлургической компанией (УГМК), и в конце 2003 года «Электроцинк» вошел в ее состав. Завод начал модернизацию основных цехов с одновременным выделением крупных сумм на экологические нужды.

В результате существенно увеличился выпуск продукции, была в разы повышена зарплата рабочих, начали решаться социальные вопросы.

Отношусь с полным пониманием и поддерживаю призыв к эффективному обеспечению экологических требований к предприятию.

Главным условием для работы предприятия было строгое и полное соблюдение всех юридически обязывающих документов, как и программы социальной, бытовой и медицинской инфраструктуры. Необходимо поэтому придать этим важным документам полную открытость и держать под строгим общественным контролем. Напомню, что соглашение с УГМК было увязано с условиями обязательных масштабных экономических программ, с введением в действие крупной поликлиники завода, пансионата «Сосновая роща» на 200–250 мест, рабочих столовых, а также большая программа благотворительных акций.

Уместно вспомнить о выдающемся деятеле отечественной промышленности Ефиме Павловиче Славском – основателе отрасли, обеспечившей сырьевую базу для всей советской атомной энергетики, трижды Герое Социалистического Труда, кавалере десяти орденов Ленина, бессменном министре среднего машиностроения СССР, единственном человеке в стране, который

до весьма почтенного возраста возглавлял ключевое в стратегическом отношении ведомство. Этот легендарный министр в молодые годы проходил трудовую закалку как металлург, инженер, руководитель на заводе «Электроцинк» во Владикавказе.

Такие люди, как Ефим Славский, своими судьбами и свершениями связывают нашу Осетию с историей всей великой страны. Они оставляют нам пример не только профессиональной управленческой компетентности, но и государственной мудрости – видения того, как должны быть связаны интересы России с ресурсами и нуждами ее регионов.

Особо хочу сказать об историческом городе Моздок. В советское время он играл важную геополитическую роль на южном направлении страны и был местом дислокации серьезных воинских соединений. В сентябре 2001 года в республику прибыл с рабочим визитом министр обороны России Сергей Борисович Иванов. Мы посетили несколько воинских частей 58-й армии, побывали в Моздоке. Вспоминали, как в годы холодной войны в Моздоке был создан элитный полк стратегической авиации. Его летчики, обеспечивая геостратегическую безопасность нашего государства, бороздили небо на высоте 11 тысяч метров, летали и через Северный полюс. В трудных 1990-х годах полк был передислоцирован в Саратовскую область, в город Энгельс. Обсуждая будущее Северного Кавказа, я, в частности, выражал надежду, что наступит пора, когда на свою базу вернется стратегическая авиация. Дискуссия о будущем заняла много времени.

Программа была насыщенной. Завершили дела около 16 часов 11 сентября и решили, что наступило время «адмиральского часа», то есть обеда. Перелетели на вертолетах из Моздока во Владикавказ. Расположились на даче. И как водится, включили телевизор. Все, о чем говорили и думали весь день, отодвинулось назад. Идет прямая трансляция происходящего в Нью-Йорке. Террористы, захватившие самолеты, таранят здания Всемирного торгового центра, идут на штурм Пентагона! Все производило ужасное, трагическое впечатление. Министр обороны срочно через Ростов вылетел в Москву, чтобы быть рядом с Верховным главнокомандующим…

В живых человеческих связях Осетии со Ставропольским краем и осетинского народа с русским, а также в сохранении многонационального характера нашей республики Моздокский район занимает особое место. Именно в Моздоке в 1774 году было совершено юридическое оформление вхождения Осетии в состав России. Здесь происходило взаимопроникновение культур

и традиций кавказских народов с культурой и традициями России. Моздок – это хлеборобный край, житница республики. Справедливо в последние годы утвердился образ Моздока как «северной столицы» Осетии.

Затянувшееся напряженное военно-политическое положение в непосредственной близости от Моздокского района могло отразиться на его сложившемся этническом облике с преимущественно русским населением. Весь этот период на территорию района стихийно перетекали беженцы, сформировался мощный миграционный поток. Нужно было предпринимать специальные меры, чтобы сберечь традиционный уклад Моздокского района.

У руководства республики была информация о случаях давления на коренных жителей Моздока со стороны переселенцев из соседних республик. Имел место прямой шантаж, когда заявляли: «Если не продашь квартиру, дом, взорвем, подожжем – в покое не оставим». Тревожной была в то время ситуация в Моздокском районе.

Вопрос заключался в том, как защитить жителей республики, как поддержать моздокчан. В этой связи руководство Северной Осетии официально обратилось к Президенту с предложением на переходный период, до восстановления мира на Северном Кавказе, придать Моздокскому району статус закрытого административного территориального образования (ЗАТО).

Президент поддержал наше предложение и поручил правительству и федеральным ведомствам рассмотреть поставленные нами вопросы. Мы со своей стороны отслеживали выполнение этого поручения, а моздокчане получили надежду, что будут созданы надежные гарантии, ограждающие район от перспективы исхода коренного населения. Начальник Генерального штаба Анатолиий Квашнин с идеей ЗАТО был согласен. Министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу и Пограничная служба – тоже. Но опять, как часто бывало, на пути кардинального решения этого вопроса встали чиновники из Минфина России. Так и заволокитили все дело. Но мы не сидели сложа руки. Прежде всего, республика добилась, чтобы не было скачкообразного прироста населения без учета интересов коренных жителей Моздока с игнорированием жилищных, транспортных, иных городских норм.

В сентябре 2001 года правительство страны приняло постановление «О первоочередных мерах поддержки социально-экономического развития Моздока и Моздокского района». Это был единственный случай, когда проблемы отдельного района были рассмотрены и поддержаны на федеральном уровне. Были

выделены значительные средства на строительство объектов здравоохранения, образования, культуры, жилья для военнослужащих, на поддержание экологической безопасности. По признанию главы района Вячеслава Паринова, мэра города Моздок Георгия Адамова и многих моздокчан, этот документ принес определенность, вселил в жителей уверенность в завтрашнем дне.

Своевременным было и принятие в июле 2003 года парламентом республики постановления «О некоторых вопросах регулирования миграционных процессов на территории Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания».

Для того чтобы контролировать выполнение программ по Моздоку, несколько ключевых министров правительства республики были закреплены за районом.

Я очень верю в Осетию, в ее многонациональную силу. Хочу, чтобы рядом с осетинами, образующими республику, и в дальнейшем жили русские, представители других народов. Именно такую политику мы всегда проводили в отношении Моздока. Как человек, прошедший через опыт руководства кавказской республикой, считаю большой государственной задачей всячески способствовать тому, чтобы русские инженеры и учителя, водители и конструкторы, преподаватели и врачи, летчики и механики не сторонились российского Кавказа, а стремились сюда, чувствуя себя нужными Отечеству, многонациональной и сильной России. Любили бы Кавказ, как Пушкин, Лермонтов, Толстой, Шолохов… Осетия неизменно будет привержена этим идеям.

О состоятельности республиканской власти

Все субъекты Федерации равны, но у национальных республик есть свои отличия. Консолидирующая роль руководителя в многонациональной стране и республике. Трудный поиск общественной солидарности. Надо брать на себя ответственность, не перекладывать на других. Руководитель в экстремальных условиях. Курс на борьбу с преступностью и криминальным миром. О синдроме событий в Осетии 1981 года

Уже после моего ухода с поста президента Северной Осетии руководитель одной из северокавказских республик, принадлежащий к новому поколению политиков, в неофициальной обстановке спросил меня: что является самым важным для человека в этой должности? Ответил сразу, потому что уверен: это так. Я сказал, что сколько угодно можно заниматься экономикой, инвестициями и другими экономическими, материальными вопросами, но главным все равно остается общественное согласие, стабильность. Рассчитывать на успех без особенного внимания к вопросам духовной жизни, культуры руководитель национальной республики не вправе.

Почему я так считаю? Дело в том, что национальные республики России – это историческая форма политического самоопределения народов, позволяющая им сохранять свою самобытность и культуру и, являясь частью общей великой страны, ее гражданами, формировать духовный облик России, ее экономику и общество. Национальные республики – один из государственных институтов, скрепляющих многонациональное государство. Поэтому к общественному климату в национальных республиках должна предъявляться двойная требовательность – никогда не следует забывать, что они не только малая родина для титульной национальной группы, но родной дом для всех своих жителей.

Состоятельность власти, в том числе и в таких областях, как обеспечение общественного согласия и правопорядка, борьба с преступностью, имеет в республиках особенное значение. Оно состоит в том, что ненадежность правоохранительной сферы неизбежно отразится на состоянии межнациональных отношений. Если нет стабильности, если свирепствует криминал, то нередко первыми снимаются с родных мест в поисках лучшей доли

именно представители нетитульных национальных групп – русские и русскоязычные. А это, как правило, те, кто занят в промышленном производстве, состоит в техническом или инженерном сообществе, преподаватели вузов и школ, люди творческого цеха.

Межнациональный климат всегда играл важнейшую роль в том, как воспринимается республика ее жителями, не испытывают ли они чувства отчужденности. Этот климат не зависит от размеров республики, численности ее населения или, скажем, промышленного потенциала. Надо сказать, не все это понимают, даже среди государственных людей. В неформальной, а иногда и в официальной обстановке можно услышать такие «откровения»: мол, я, губернатор такой-то области с многомиллионным населением, и его у нас в пять раз больше, чем в вашей республике…

Столь поверхностный подход – примета не только нынешнего времени. Точно так же и в советский период некоторые партработники не без гордости заявляли, что на каком-то большом заводе членов партии чуть ли не в два раза больше, чем в парторганизации какой-нибудь небольшой республики. Это отражает непонимание самой сути исторической России и актуальных задач нашего времени. Уникальность российского федерализма заключается именно в том, что ему удалось совместить мощь и интересы единого государства, с одной стороны, и форму политического самоопределения многих, порой очень небольших по численности народов в виде национальных республик и автономий – с другой. Россия как историческая империя не «поглотила» народы, а сохранила их. И со своей стороны эти народы не просто сохранились как таковые. Их представители в решающей степени осознают и чувствуют себя россиянами, частью «большой России». А на уровне республик важен именно климат единой малой многонациональной родины – свободной, безопасной и надежной, позволяющей строить долгосрочные жизненные планы.

Не все здесь проходит гладко и последовательно, не все задачи решаются «автоматически» и без проблем. Поэтому вдвойне важна роль гуманитарной интеллигенции и ответственных политических сил – как на общенациональном, так и на региональном уровне. Отсюда же и особая задача руководителей республик и республиканских органов власти – быть не просто инструментами защиты местных интересов, но способствовать конструктивному соединению их с интересами страны в целом. Здесь при правильном государственном понимании своей роли можно в единой увязке решать

региональные и общегосударственные задачи, опираясь на поддержку народа республики. Эта формула являлась для меня своеобразной политической платформой, требовавшей тонкой и выверенной линии поведения.

Является ли руководитель республики носителем консолидирующих, объединяющих идей, или он непредсказуем, может уклониться в сторону сепаратизма, национального экстремизма, противопоставить свой народ другим народам – это и есть критерии, которые должны учитываться при оценке его работы в первую очередь. Руководитель должен быть способен оправдать ожидания государства и точно в такой же мере уметь защитить интересы народа, безопасность и права граждан.

Надежность работы институтов государственной власти – важнейший фактор, обеспечивающий атмосферу стабильности и безопасности в обществе. Уверен, что достичь этого можно, только если налажены эффективное деловое взаимодействие с представителями правоохранительной системы – и в республике, и на федеральном уровне. Не секрет, что значительный отток населения из Северо-Кавказского региона начался в 1990-х годах и продолжался позже не только из-за военно-политической нестабильности в Чеченской республике, но и по причине общего экономического неблагополучия и, самое существенное, в результате снижения уровня правопорядка. Поэтому борьба с криминалом стала в эти годы таким же важным направлением государственной деятельности, как и противостояние национальному экстремизму и сепаратизму.

На этом ключевом участке работы хороший старт в Северной Осетии был дан в феврале 1998 года, то есть вскоре после президентских выборов в республике. Мы провели во Владикавказе совещание по борьбе с преступностью, в котором приняли участие все первые руководители общероссийских министерств и ведомств – МВД, ФСБ, Генеральной прокуратуры, Верховного суда, МЧС и др. Принцип ежедневного взаимодействия сохранялся на протяжении всех лет моей работы. Это было сложное время. Порой события вынуждали к разговору на повышенных тонах. Но все – в интересах дела.

Февральское совещание и последующие мероприятия, направленные на пресечение не только насильственных, но и экономических преступлений, не сразу, но начали давать результаты. А широкое общественное мнение поддерживало настрой руководства республики и программные документы, в которых обобщались конкретные направления работы. Эти направления были определены в публикации «Десять вопросов, ответы на которые требует жизнь», обозначившей начало

активного противостояния криминалу. Принципиальной позицией стала борьба за очищение самих правоохранителей от коррупционных связей, практики так называемого крышевания. Мы занимались тем, что несколько лет спустя назовут борьбой с «оборотнями в погонах». Одновременно надо было срочно обуздать волну похищений людей. С этим злом республика столкнулась из-за совпадения общего социально-экономического кризиса в стране и республике и превращения территории соседней с нами Чечни в зону, фактически закрытую для правоохранительных органов.

За короткое время (шесть-семь месяцев) в результате настойчивой работы МВД, ФСБ, прокуратура вместе с республиканским правительством и органами местного самоуправления сумели разрушить крупные организованные преступные сообщества, которые на протяжении всех 1990-х годов терроризировали жителей республики. Столица Северной Осетии вздохнула с облегчением, горожане и гости Владикавказа вновь заполнили вечерние улицы и проспекты. Особенно это было заметно во время празднования Дня республики, Дня города, других всенародных праздников, сопровождавшихся массовыми гуляниями до глубокой ночи.

Для меня строгим правилом стали еженедельные рабочие встречи с каждым из руководителей правоохранительных структур республики. Каждый день, включая праздники и выходные, начинался с информации министра внутренних дел. Конечно, у руководителя региона есть соблазн возложить всю ответственность за положение дел в сфере правопорядка на силовые службы. Сделать вид, что повседневная борьба с криминалом и обеспечение общественной безопасности не имеет к нему прямого отношения, что это якобы исключительная прерогатива людей в погонах. Закон действительно предполагает и регулирует распределение полномочий. Это понятно. Но я всегда считал, что надежный заслон преступному миру может быть поставлен только при тесном взаимодействии всех органов государственной власти. Такое взаимодействие и совместное взыскательное обсуждение острых, нередко не для большой трибуны, деликатных вопросов обеспечивалась на заседаниях Совета Безопасности республики. Его текущую деятельность и подготовку материалов обеспечивали в разное время генералы Юрий Бзаев и Урузмаг Огоев. Каждому из них я очень благодарен за верность долгу и интересам Осетии и всей страны. У. Огоев приехал в республику с большой военной должности – командующего армией ПВО на Дальнем Востоке. Его опыт и тяга к родным местам в трудное для республики время вызывали

уважение и доверие.

Случается, что иногда без учета реальной ситуации и мнения местного руководства в регион явочным порядком направляют полковников и генералов, которые не настроены на подобный режим работы и не видят необходимости в тесном взаимодействии с местными органами власти. Прибывший на службу в регион начальник не стремится, да и не способен установить доверительные, ответственные отношения с руководителем субъекта федерации. В свою очередь, многие подчиненные высоких назначенцев, будучи сами из числа прикомандированных офицеров, попадают в зону отчуждения, не доверяют своим местным коллегам и наталкиваются на такое же отношение к себе со стороны последних.

Сказанное в первую очередь относится к министрам внутренних дел, которые должны быть не только высокими профессионалами, но и знать хотя бы в общих чертах историю, традиции, понимать духовную самобытность народа, среди которого они работают. У нас в Осетии, например, из всех направленных за несколько лет из Москвы министров внутренних дел только один – Геннадий Александрович Алексеев сумел органично вписаться в общественно-политическую жизнь республики. Он нашел с коллегами такой человеческий и профессиональный контакт, который самым позитивным образом сказался на итогах работы его ведомства и положении дел в сфере правопорядка. По окончании своей работы в Осетии Алексеев оставил в республике не только отлаженную систему МВД, но и многих друзей, коллег, вспоминающих его с большим уважением.

Взаимодействие с руководителями федеральных органов, призванных обеспечить общественный порядок, безопасность, борьбу с экономическими преступлениями – обязательное направление работы глав регионов. Необходимым является создание такого режима взаимодействия, когда руководитель республики и руководители этих структур выстраивают свою служебную деятельность в единой системе обеспечения общегосударственных интересов в федеративном многонациональном государстве. Это было важно всегда. Втройне это необходимо и незаменимо в условиях современной России в последние пятнадцать – двадцать лет. В эти годы в правоохранительных органах появилось немало новых случайных людей. Возник острый дефицит профессиональной, кадровой преемственности. Многие люди, пополнявшие ряды правоохранителей, пришли в систему не по призванию, а ради заработков. Полагаю, что приличная зарплата должна быть, но

никогда подобная служба не может быть лишена базовой профессиональной этики, в основе которой – миссия защиты человека и правопорядка. Между тем в 1990-х годах некоторые офицеры забыли о духе и букве присяги. К сожалению, годы военных операций на Северном Кавказе породили у части должностных лиц непонимание собственной роли как государственных людей.

В сложные годы противодействия сепаратизму на Северном Кавказе важно было мобилизовать возможности краткосрочной, но эффективной подготовки офицеров из числа жителей Юга России. Проживающие здесь народы прошли через этапы формирования российско-кавказской идентичности. Это не мысли задним числом. Нет. На примере Чеченской республики мы видим, какой эффективный результат демонстрируется, когда есть высокое доверие и понимание ответственности за судьбу своего народа и защиту интересов всего многонационального государства. Уроки сложной борьбы за сохранение территориальной целостности подсказывают, что на южном направлении следует не ликвидировать военные учебные заведения, а всемерно поддерживать исторические традиции любви к ратной службе.

Признаюсь, что я в годы работы в республике был убежденным сторонником нахождения на руководящих должностях в правоохранительных органах людей из числа местных офицеров. Это сложно, но оправданно. Появление в органах правопорядка руководителя из другого региона, вслед за которым прибывала его команда, повергает в недоумение тех, кто многие годы добросовестно и профессионально служил, а теперь…

Помню, как летом 2003 года во Владикавказ прибыл генерал-лейтенант Светличный Владимир Ильич, куратор учебных заведений внутренних войск. Состоялась наша с ним встреча. Он надежный и успешный начальник Северо-Кавказского высшего училища внутренних войск. Мы хорошо знали друг друга. Поэтому «без энтузиазма» он сообщил, что рассматривается вопрос о закрытии училища во Владикавказе и переводе его в Новосибирск. В своем качестве руководителя республики я заявил, что этого делать нельзя, изложил причины. Училище оставили. Это вызвало большой общественный резонанс, широкую поддержку многих поколений генералов и офицеров.

Реальность, в которой я застал дела в республике в 1998 году, требовала решительных мер. Без учета требований широкой общественности, регулярных и открытых встреч с населением, создания атмосферы доверия между властью и народом двигаться

вперед было сложно. Сотни семей Пригородного, Правобережного, Кировского, Моздокского районов Осетии жили тогда с чувством тревоги за судьбу родственников, которые были взяты в заложники (более 600 человек) и находились в заточении на сопредельных с Осетией территориях. Их освобождение, потребовавшее долгой и кропотливой работы, выдержанных действий и смелых поступков офицеров ФСБ и МВД, в основном перевернуло эту черную страницу на Северном Кавказе.

В то тревожное время существовали и другие вызовы. Надо было подступиться к вопросам борьбы с экономическими преступлениями. Сложилась масштабная теневая сеть предприятий по производству алкоголя, почти полностью закрытая от налоговых и контролирующих служб.

Положение было недопустимым, и мы начали действовать. Меня тогда спрашивали в Москве, не слишком ли круто взялись за водочников? Представителям органов республиканской власти поступали анонимные угрозы. Но для защиты финансовых и экономических интересов республики и ее народа, для пополнения республиканского бюджета и наведения элементарного порядка в финансово-экономической сфере необходимо было идти по пути выведения этого производства из тени. Мы руководствовались не только материальными соображениями. Попробуем представить, что криминальная тропа, а лучше сказать, столбовая дорога, по которой шел водочный бизнес, существовала бы и дальше. Огромные суммы денег поступали в карманы сословия водочников и спиртовиков. Это имело колоссальное отрицательное воздействие на общественную атмосферу, работало на подмену ценностных понятий. Люди спрашивали, куда уходят «водочные» деньги. Основания для общественного негодования были серьезные. Не была построена или отремонтирована ни одна школа, ни одна поликлиника, больница или санаторий. В бюджет отчислялись мизерные суммы. Без долгого повествования скажу так: в результате действий, предпринятых правоохранителями и органами государственной власти республики из более чем трехсот мелких, а иногда и карликовых предприятий, запрятанных по темным углам, осталось полтора десятка легально работающих высокотехнологичных производств. Репутация региона с криминальной продукцией изменилась, по признанию федеральных властей. К началу 2000-х годов более половины доходов республиканского бюджета формировалось за счет акцизных сборов с прозрачных форм производства.

Но даже борьба за перевод алкогольной отрасли в легальное русло не была главной головной болью для правоохранителей и

местных властей. Общая атмосфера нестабильности в регионе и в республике определялась не только экономическими факторами. В течение всего периода моей работы основной угрозой для общественной безопасности оставались терроризм и экстремизм.

Прокатившаяся по стране в конце 1990-х – начале 2000-х годов волна террористических преступлений имела в Северной Осетии и специфику, и предысторию. В результате эффективных, слаженных действий силовиков были выявлены все исполнители террористических актов в республике. Они понесли заслуженное наказание. Не ушли от законного возмездия и ответственные за террористический акт на Центральном рынке Владикавказа 19 марта 1999 года. В 2002 году были задержаны четыре жителя поселка Карца, среди которых, как впоследствии было доказано в суде, оказались организатор и исполнители этого злодейского преступления. Главаря банды А. Цурова суд приговорил к пожизненному заключению, трех других – М. Темирбиева, У. Ханиева и А. Хутиева – к срокам от 10 до 23 лет в колонии строгого режима.

Даже после таких кровавых преступлений отдельные чиновники, депутаты и «специалисты» по межнациональным отношениям, прибывающие на Северный Кавказ, продолжали повторять штампованные заявления о том, что преступление не имеет национальности, вместо того чтобы дать событиям нужную политическую оценку и действовать в интересах искоренения опасных для общества установок террористических групп и их главарей. Получалось так, что преступник не имеет национальности, но порой – имеет. Требования упредить возможные преступления путем усиления контроля на административной границе встречали многочисленные, часто демагогические возражения в связи с якобы нарушением Конституции и принципа свободы передвижения. Такой подход с юридической точки зрения никто не оспаривал. Мы указывали на сохраняющуюся террористическую и криминальную опасность и требовали адекватных мер контроля за передвижением транспорта и перевозимых грузов.

Трагедия заключалась в том, что теракты, с которыми столкнулись Северная Осетия и другие регионы Северного Кавказа, не были оценены вовремя как общероссийская угроза. Ни по масштабам, ни по характеру и продолжительности борьбы с ней.

Но уроки извлекать надо. Каждый политик стремится к тому, чтобы в минуты серьезных испытаний народ становился монолитным, единым, способным отвечать на вызовы времени. Понимание этой задачи имеет колоссальное – побеждающее и

защищающее народ – значение. Поэтому использование таких сложных периодов в политических интересах группы людей или отдельных личностей с карьеристскими или эгоистическими наклонностями следует расценивать как предательство.

В первые годы своего президентства я понимал, что следует особые усилия направлять на упреждение деструктивных тенденций и стихийного развития событий, которые могли бы ослабить внутреннюю сплоченность людей. Общественный разброд отвечал бы целям криминальных группировок и экстремистов, действующих на Северном Кавказе. Их особенно устраивало поощрение протестных настроений против республиканской власти. Делалось это для того, чтобы отвлечь власть и правоохранителей от борьбы против криминала.

В какие-то моменты складывалось впечатление, что частью моих земляков овладевает синдром 1981 года. Тогда удалось использовать чрезвычайные обстоятельства и стихийный протест людей для отстранения от руководства тогдашнего первого секретаря обкома партии. Массовые выступления дали повод ЦК КПСС подвести идеологическую базу для того чтобы приписать именно республиканскому руководству провалы в национальной политике, изобразить саму республиканскую власть в качестве причины неурядиц.

Иногда спрашивают, когда было руководителю легче работать? Тогда, в советскую эпоху, или в новое, штормовое девятибалльное время? Сложно бывает всегда. Но скорее всего, мои старшие товарищи по государственной и политической работе согласятся, что годы на рубеже веков для Кавказа были чрезвычайными.

Приведу один пример. Осенью 1998 года взрывоопасная обстановка возникла в одном из самых крупных населенных пунктов Пригородного района, в осетинском селе Сунжа, где ночью в результате очередной вылазки преступной террористической группы были убиты пять мирных граждан. Возмущенные жители села, взяв тела погибших, решили направиться в столицу республики и устроить митинг, который мог привести к непредсказуемым последствиям, возможно, даже повторить октябрьский 1981 года сценарий. В «походе» на Владикавказ готовились принять участие тысячи людей. У меня было два варианта действий: ждать развития событий или немедленно прибыть на место.

Был уже поздний вечер, десять или половина одиннадцатого. Незамедлительно вместе с министром внутренних дел Казбеком Дзантиевым, секретарем Совета безопасности Юрием Бзаевым, заместителем председателя правительства Георгием Джигкаевым

и мэром Владикавказа Михаилом Шаталовым мы выехали в Пригородный район. По пути к нам присоединился глава администрации Пригородного района Павел Тедеев.

На окраину Сунжи прибыли, когда там уже начало формироваться протестное шествие. Предложили собравшимся воздержаться от похода на Владикавказ и обсудить проблему безопасности приграничных сел непосредственно в районе. Пообещали, что разговор со стороны властей будет открытым и честным. Для меня была важна позиция Павла Тедеева, который обладал богатым жизненным опытом, хорошо знал обстановку в районе. Он тоже считал, что нельзя допускать стихийного развития событий и допустить перенос протестных выступлений в столицу республики. Тем более что среди огромного числа людей были провокаторы, призывавшие – трусливо, но очень рискованно для себя – «нанести удары» (разумеется, не кулаками, а чем-то посерьезней) стоявшим в группе митингующих руководителям республики. Меня это не испугало. Прошел за годы работы и пребывания в разных уголках мира и не такое. Происходящее скорее удивило. Как же так…

С трудом, но удалось договориться, что через пятнадцать-двадцать минут все подойдут к зданию районной администрации. Вскоре здесь собралось около пяти тысяч человек, и почти до трех часов ночи шел долгий, сложный, но необходимый разговор. Люди поставили перед правоохранительными органами ясные вопросы. В свою очередь, мы определили направления, по которым будут приниматься дополнительные меры по обеспечению правопорядка и безопасности на приграничных территориях. Так удалось избежать превращения произошедшей трагедии в фактор внутриполитической борьбы, предотвратить угрозу дестабилизации общества. Уверен, что если бы руководитель республики не поехал сам на место, то собравшиеся двинулись бы к зданию правительства и мог бы повториться октябрь 1981 года.

Думаю, все сказанное не оставляет сомнений, что для эффективного противодействия угрозам безопасности необходим тесный контакт между властью и обществом. Единство власти и народа – необходимое условие, не позволяющее страстям выливаться в саморазрушение.

Общественные страсти не должны превращаться в инструмент политического давления внутри республики. Когда появляется угроза целому народу, надо забыть об амбициях и личных обидах, осознать свою ответственность и отличать главные ценности от преходящих, чтобы не попасть в плен собственного самолюбия.

Важнейшая роль в борьбе с организованной преступностью, политическим экстремизмом и террористическими преступлениями принадлежит, безусловно, Федеральной службе безопасности. Я не могу с профессиональной точностью охарактеризовать образ людей, которые работали в годы моего руководства республикой в спецслужбах, но могу сказать, что наибольшей эффективности в выявлении преступников, причастных к похищениям людей, к совершению терактов мы достигли в период, когда республиканское управление ФСБ возглавлял генерал Н.Н. Бритвин. Под началом Бритвина шла систематическая скоординированная работа. Компанейщины не было, но была воля, был системный подход, и фактически все крупные преступления были раскрыты, лица, совершившие теракты и похищения, понесли заслуженное наказание, а число заложников свелось к минимуму. Деятельность Бритвина всегда была высокопрофессиональной, что проявлялось и в подборе кадров, и в организации работы различных подразделений, и в высоком уровне взаимодействия с местными органами власти. Бритвину я мог прямо высказать любую свою точку зрения, обоснованно рассчитывая на конструктивный диалог и понимание того, что мы оба государственные люди и интерес у нас один – обеспечение стабильности и безопасности в республике. Но довериться в полной мере его преемникам я не мог. У меня возникло серьезное сомнение в понимании этими людьми сути их миссии в республике.

В российской истории, в центре и на местах, персоналии всегда играли и теперь играют существенную роль. Переходный, экспериментальный характер многих новых государственных институтов всякий раз высвечивает вопрос о личностных качествах отдельных политиков и государственных деятелей, того, что называют человеческим фактором.

Поэтому покорное, а иногда слепое, подобострастное выполнение любых исходящих от иных федеральных чиновников предложений может отрицательно сказаться на делах.

На рубеже веков Кавказ стоял на распутье. Россия оставила исторические рубежи в Закавказье. К концу 1990-х годов страна находилась в «полуразобранном» состоянии. По законам драмы шансы были равными: либо на катастрофу, распад уже российского Кавказа, либо на обретение политической воли, мобилизацию и выход на траекторию собирания России. При этом надо помнить, что состояние вялотекущего полураспада длилось не год и не два, а значительно дольше!

По мере завершения сложного периода борьбы против сепаратизма, за сохранение территориальной целостности

России, а это конец 1999 – начало 2000 года, государственное руководство взялось за исправление грубых ошибок и рискованных шагов по избыточному наделению властными полномочиями регионов. Россия оказалась не федерацией, а соединением многих регионов, наделенных чаще конфедеративными полномочиями. Надо было создавать единое правовое пространство, устранять серьезные противоречия между нормами Конституции РФ и положениями конституций и уставов республик, областей и краев. В этой обстановке мы в руководстве республики решили усилить роль парламента. Я рекомендовал председателя правительства Таймураза Мамсурова на должность председателя парламента. Время показало, что это было правильное решение.

Но если бы в этот сложнейший период была избрана тактика отказа от восстановления промышленности, поддержки высших учебных заведений, строительства дорог, от того, чтобы заниматься театрами, музеями, библиотеками – в ожидании того времени, когда закончится война на Кавказе, это было бы недальновидное, неправильное решение. Поэтому, несмотря на то что положение на Северном Кавказе было сложнейшим, гибли люди, продолжалась острая политическая борьба, доходы были скудными, нужно было найти в республике внутренние ресурсы развития, чтобы не отстать от всей страны, от других регионов. Мы наперекор всему в самое трудное время сказали: да, мы будем восстанавливать нашу промышленность, будем заниматься образованием, здравоохранением, культурой, нашими творческими коллективами. Нельзя было допустить, чтобы возникла культурная «черная дыра» – эффект затянувшегося культурного безвременья, после чего мы могли растерять многое из достигнутого предыдущими поколениями.

И здесь напрашивается параллель, может быть, самая обязывающая и убедительная. В годы Великой Отечественной войны, в 1943 года, когда требовалось нечеловеческое напряжение сил, а страна лежала в разрухе, государственное руководство приняло решение о создании суворовских и нахимовских училищ. Были созданы особые условия для развития науки, приняты решения о создании Дальневосточного отделения Академии наук СССР, меры по сохранению творческих коллективов Большого театра, «Мосфильма». Руководство страны воспринимало лозунг «Все для фронта, все для Победы!» как стратегию не только снабжения фронта оружием из металла и свинца, но и как стратегию единения тыла и фронта оружием духовных ценностей, как стратегию начавшегося уже во время войны строительства духовного будущего нации.

Мы стремились следовать этому историческому примеру и в наших условиях, когда нам было трудно, а республика фактически находилась на передовой. Мы открыли фронт за сохранение культурных памятников и учреждений, учебных заведений и здравниц. В 1999 году был учрежден День республики, обозначивший единство нашей истории с историей России, веху стратегического выбора 1774 года, когда Осетия вошла в состав Российской империи. Этот новый республиканский праздник призван был знаменовать собой сохранение духовных рубежей народа.

Культура и традиции – источник духа и силы

Экономические невзгоды – не причина забывать о духовности. «Не хлебом единым». Народный (нартовский) эпос. Древняя культура Осетии и современность. Юбилей В. Гергиева. Дни Осетии в Париже. День славянской письменности и День осетинского языка. Научное наследие В.И. Абаева и увековечивание его памяти. Создание Владикавказского научного центра Российской академии наук

После дезинтеграции Советского Союза на Кавказе с особой силой и драматизмом проявились этнические конфликты. Образно говоря, их было больше, чем горных вершин. Напряженность настолько затянулась, что люди начали свыкаться с повседневными опасностями и неурядицами. Прежние идеалы дружбы и добрососедства были попраны.

Сейчас много пишут и говорят о 1990-х годах как о трудном периоде экономической и духовной жизни нашего государства и народа, о том, что с конца восьмидесятых многое делалось без надлежащей подготовки, методом проб и ошибок. Такой анализ, конечно, важен. Но как мне кажется, еще более важно всем государственным мужам, независимо от того, где и на каком уровне они работают, извлечь урок из того противоречивого времени. Мой собственный урок применительно к этому периоду заключается в том, что духовность, нравственные ценности, традиции, культура, соединение хорошего в прошлом с реалиями сегодняшнего дня, сохранение преемственности между поколениями – все это невозможно заменить ни хлебом, ни деньгами. Ничем. Наперекор обстоятельствам надо было в полной мере опереться на культуру, задействовать сферу образования в интересах стабилизации обстановки. Может быть, слова «культура спасет мир» звучали в те годы наивно. Но все-таки эта великая мысль была высказана до нас, давно…

С первых дней после моего вступления в должность руководителя республики я думал об этом. Но были и сомнения. Зарплаты и пенсии, на которые и без того нелегко было прожить, выплачивались не вовремя, правилом стали отключения электричества; квартплата, цены на продукты росли так быстро, что за ними было не угнаться. Многим учителям, врачам, инженерам с трудом удавалось содержать семьи. И в такой депрессивной экономической ситуации мне необходимо было

получить поддержку выбранной стратегии. В ее основе лежало убеждение в том, что культура и нравственность есть высшие ценности и что без надлежащей духовной атмосферы невозможно решать экономические вопросы. Если бы рядом со мной не оказалось представителей творческой, литературной, театральной, музыкальной общественности, я, конечно, не был бы последовательным в этом подходе.

Ведь как обстояли дела в этой сфере до 1998 года, то есть до начала работы нашей команды? Возьмем основные ориентиры, маяки культуры республики. Осетинский академический театр имени В.В. Тхапсаева – очаг культурной, творческой жизни, в нем – наша душа, история народа, характеры людей. Если нет этого театра, известного всей стране еще в советский период и получившего заслуженное признание в последующее время, значит, мы подходим к разрушению всей нашей культуры. А театр в течение первых постсоветских лет не имел необходимого внимания со стороны республиканской власти и представителей общественности. Он в буквальном смысле разваливался – и как творческий коллектив, и как творческая площадка: здание театра оказалось в критическом состоянии. То же самое происходило с Академическим русским театром, также имеющим славную традицию, связанную, в частности, с такими личностями, как Евгений Вахтангов и Михаил Булгаков.

Государственный ансамбль танца «Алан», лауреат международных фестивалей, все эти годы хранивший хореографические и музыкальные традиции наших предков, тоже переживал кризис, не имел постоянной сцены и места для репетиций. Если бы с нашими творческими коллективами произошли необратимые перемены, если бы они прошли точку невозврата в своем разрушении, то это, конечно, была бы потеря неизмеримо большая, чем любой экономический ущерб.

Ну как могло случиться, что в начале и середине 1990-х трибуны стадиона были полны, а музеи, театральные и музыкальные залы пустовали, задыхаясь от безразличия и разрушаясь физически?! Только срочные меры могли защитить традиции и творческие возможности национальной культуры. Поэтому среди приоритетов внутренней политики в республике была задача заняться нашими основными театрально-концертными учреждениями и нашими музеями – прежде всего музеем Коста Левановича Хетагурова, музеем дважды Героя Советского Союза, генерала армии И.А. Плиева, художественным музеем имени Махарбека Туганова.

Мою позицию поддерживали многие выдающиеся деятели культуры, имеющие всероссийскую известность. Среди них

народный артист России Георгий Доментьевич Хугаев, возглавлявший Осетинский театр; народный артист России Владимир Иванович Уваров, художественный руководитель Русского театра им. Вахтангова; Феликс Алборов, замечательный композитор и знаток музыкального наследия, автор книги «Музыкальная культура осетин» – единственной такого рода на Кавказе; Шамиль Джикаев, народный поэт Осетии, исследователь, благодаря которому издано собрание сочинений Коста Хетагурова – классика осетинской литературы. Активно, с хорошим настроем включились в эту работу члены правительства М. Шаталов, Л. Дзугаев, С. Такоев, С. Баскаев, И. Гуржибекова, К. Мецаев, А. Дзантиев…

Столь же важной были поддержка и понимание, которые я нашел в предпринимательском сообществе. Ни одного директивного постановления – мол, вы, работающие в республике представители бизнеса, обязаны столько-то потратить на такие-то объекты культуры – мы не принимали. Предпринимательское сообщество заняло достойную гражданскую позицию. Мы только процентов десять, может быть, двенадцать из сумм, направлявшихся на поддержку творческих коллективов, реконструкцию объектов культуры, брали из государственных средств. Все остальное привлекалось на меценатской добровольной основе.

В результате такого сотрудничества была осуществлена капитальная реконструкция Осетинского и Русского театров. Были созданы специальные фонды друзей этих театров, оказывавшие материальную поддержку актерам.

Ведущий хореографический коллектив республики – ансамбль «Алан» – получил практически полностью обновленное здание со всеми необходимыми помещениями. По мнению коллег, немногие столичные коллективы имели в тот момент такие условия для работы. И танцоры с удовольствием в нее погрузились. А потом уже были престижные премии «Золотой Аполлон», премия правительства РФ, которыми были отмечены достижения прославленного коллектива.

Мы приступили к обновлению наших музейных залов и фондов. Все это было чрезвычайно важно, но затрагивало только одну сторону большой проблемы. Надо было наперекор экономическим трудностям, трагическим конфликтам, в которые была втянута в 1990-х годах республика, вдохнуть новую жизнь в возрожденное культурное пространство, чтобы противопоставить злу созидательное начало, воодушевляющее народ, а Осетию и нашу столицу Владикавказ за короткое время вновь превратить в культурный центр кавказского региона.

Когда привлекли внимание общественности к Осетинскому театру, появились и новые значительные произведения. Блистательный писатель и публицист Георгий Тедеев создал прекрасный исторический роман «Черная жемчужина», переложив его затем на язык драматургии. Люди зачитывались книгой, а спектакли на сцене Осетинского театра проходили при неизменном аншлаге.

Следующим шагом явилась наша совместная с Георгием Хугаевым инициатива по организации фестиваля национальных театров Кавказа «Сцена без границ», который стал не только волнующим моментом для актеров и режиссеров, истосковавшихся по творческим контактам с коллегами, но и значительным событием в общественной жизни всего Кавказского региона. В дни фестиваля проявился небывалый интерес зрителей к сценическому искусству фактически новых театральных коллективов. Несмолкаемые аплодисменты звучали в адрес артистов драматических театров Дагестана, Чеченской Республики, Абхазии, Южной Осетии. Недавно там существовало море сложностей, и вдруг произошел прорыв колоссальной силы на культурном фронте. Первый фестиваль получил очень большой резонанс, и я рад, что «Сцена без границ» стала традиционным смотром театрального искусства, потому что для многих национальных театров такой фестиваль – единственное «окно в мир».

Мы стремились оказать поддержку нашей творческой молодежи. На базе талантливой команды КВН был создан государственный молодежный театр. Яркими событиями в культурной жизни республики стали постановки талантливой Виолы Ходовой «Арвайдан» и «Яблоко Нартов», а ее труппа получила статус государственного театра. Затем были гастроли по стране и за рубежом. И как важный итог совместной напряженной работы – специальная премия «Золотая маска» и Государственная премия РФ.

В сложном положении оказался республиканский симфонический оркестр после ухода из жизни главного дирижера П.А. Ядыха, многие годы возглавлявшего творческий коллектив. Мы поддержали музыкантов и пригласили возглавить оркестр народного артиста России В.В. Хлебникова. Помогли с приобретением новых инструментов, установили надбавки к зарплатам оркестрантов за счет спонсорской помощи.

Понимая, сколь большое значение для культурной жизни республики имеет телевидение, мы предприняли шаги по реконструкции и техническому переоснащению ГТРК «Алания». Наше телевидение на Юге России еще с момента своего рождения

считалось одним из лучших. Ахсар Агузаров, которого заслуженно считают отцом осетинского телевидения, вложил в дело его становления много сил и создал интересный творческий коллектив. Но естественные процессы смены поколений, новые технические возможности ставили новые задачи перед коллективом. В сложной экономической ситуации мы нашли ресурсы, чтобы поддержать ГТРК финансово и технически, активно привлекали молодые кадры. В условиях реорганизации ВГТРК, в состав которой вошла «Алания», потребовались немалые усилия, для того чтобы сохранить за собой частоты для вещания на госканале республиканских программ, прежде всего на осетинском языке. Самых добрых слов в этой связи заслуживают Б.Д. Фидаров, Э.А. Токаев и С.С. Таболов, возглавлявшие наше телевидение в эти непростые годы, а продолжительное время работавшие просто в экстремальной ситуации.

В это трудное время выяснилось, что за пятнадцать, а то и двадцать лет ни один представитель нашей литературной общественности не посетил могилу Елбыздыко Бритаева – основоположника осетинской драматургии, одного из самых глубоких прозаиков Осетии. Бритаев олицетворял собой плеяду выдающихся представителей литературы и искусства. В эти же годы было забыто имя Георгия Харитоновича Кайтукова, фронтовика, очень заслуженного человека, народного поэта Осетии, которого переводили Вероника Тушнова, Николай Заболоцкий, Юнна Мориц. Находясь в очень почтенном возрасте, Кайтуков не имел связи с коллегами, с творческими коллективами. Были забыты и другие деятели культуры. В их числе, например, Гюль Федоровна Федосеева, одержимая собирательница документальных и фотоматериалов об Осетии и Владикавказе, в недавнем прошлом первый заместитель министра культуры республики, женщина, послужившая скульптору Евгению Вучетичу прообразом при создании монумента на Мамаевом кургане. Вот такие люди были забыты. И мы сделали все, чтобы они были охвачены вниманием. Уверен, эти действия, направленные на возрождение культурной жизни в республике, способствовали еще более крепкому объединению многонационального народа Осетии.

Усилиями ректора СОГУ Ахурбека Магометова, поддержанными республиканскими властями, многое было сделано для обеспечения новых требований к высшей школе.

В конце 1990-х годов сохранялась во всей остроте проблема преподавания и изучения осетинского языка. Многие представители интеллигенции с тревогой говорили о том, что мы забываем осетинский язык и необходимы экстренные меры для

того, чтобы выправить ситуацию. Ведь народ сохраняется только благодаря живому языку. Язык – средоточие его культуры.

Проблема действительно серьезная, но одной критикой делу не поможешь, нужно определить конкретные направления работы и действовать. По инициативе ректора Северо-Осетинского государственного университета Ахурбека Магометова была подготовлена система мер по расширению образовательных программ и подготовке специалистов. В итоге был создан двухгодичный пединститут, который готовит дипломированных учителей осетинского языка, в том числе – для начальной школы. Но прежде всего профиль института – это подготовка преподавателей осетинского языка, разработка учебных и методических пособий для его изучения.

Важнейшая роль созданного пединститута и всей инфраструктуры преподавания осетинского языка – развитие школ в осетинских селах и поддержка сельской интеллигенции. Сельская интеллигенция Осетии всегда была средоточием народной мудрости, устойчивых моральных ориентиров, традиционной культуры. Кризис сельской школы был и остается до сих пор прямой угрозой нашей связи с основами нашей культуры и истории. Для его преодоления важны не только отдельные меры, типа создания института, но настойчивость и умение держать проблему в поле постоянного государственного внимания. В этой связи надо сказать, что крайне опасными могут оказаться прожекты ликвидации так называемых «малокомлектных» школ – особенно в горной местности.

Одновременно с созданием пединститута в самом СОГУ был образован факультет осетинской филологии и учреждены специальные стипендии лучшим студентам и аспирантам в области осетинского языка и литературы.

В эти же годы разрабатывалась Программа развития осетинского языка, авторами которой были Р.С. Бзаров, А.А. Левитская, Т.Т. Камболов. Идеи авторов программы воспринимались не бесспорно. Часть родительской общественности считала неоправданными новые требования к увеличению учебных часов по родному языку.

Развивая условия для преподавания осетинского языка на вузовском и общеобразовательном уровнях, мы стремились и к укреплению позиций русского языка. На качественно новом уровне стал проводиться в Северной Осетии праздник славянской письменности и культуры. Единство культур двух основных народов, проживающих в республике, отразилось в том, что мы, с одной стороны, подняли значение Дня Кирилла и Мефодия, а с другой стороны, учредили День осетинского языка, приурочив его

к выходу в свет «Ирон Фандыра» Коста Хетагурова. Рад, что этот праздник в обеих частях Осетии прижился.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

О ДНЕ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

Учителя школ, преподаватели высших учебных заведений, творческая интеллигенция республики справедливо отмечают актуальность на современном этапе появления дополнительных инициатив, направленных на повышение интереса к осетинскому литературному языку, сохранение его как основы исторического и культурного наследия народа.

За последние годы были предприняты важные шаги в этом направлении, что нашло отражение в школьных программах, учебных пособиях, в работе средств массовой информации, в деятельности творческих союзов.

Яркой гранью национального самосознания всегда была любовь к родному языку и одновременно стремление к глубокому знанию русского языка и культуры, уважение к духовному наследию других народов.

В целях повышения общественного внимания к сохранению и развитию осетинского языка как важнейшей составной части национальной культуры постановляю:

1. Учредить в республике праздник – День осетинского языка и литературы.

2. Приурочить проведение Дня осетинского языка и литературы ко времени выхода в свет жемчужины осетинской поэзии – «Ирон фандыр» («Осетинская лира») Коста Хетагурова (май 1899 года) и отмечать его, начиная с 2003 года, ежегодно 15 мая.

3. Комиссии по сохранению и развитию осетинского языка при Президенте Республики Северная Осетия – Алания (Мамсуров), Министерству общего и профессионального образования Республики Северная Осетия – Алания (Цомартова-Левитская), Министерству культуры и искусства Республики Северная Осетия – Алания (Мецаев), Союзу писателей республики (Ходов) предусмотреть в планах своей работы проведение ежегодного праздника – Дня осетинского языка и

литературы.

4. Правительству Республики Северная Осетия – Алания (Шаталов) рассмотреть предложения Комиссии по сохранению и развитию осетинского языка при Президенте Республики Северная Осетия – Алания и определить порядок и источники финансирования расходов для проведения Дня осетинского языка и литературы в 2003 году, предусматривая средства на эти цели в республиканском бюджете ежегодно.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Республики Северная Осетия – Алания

А. Дзасохов

г. Владикавказ

7 февраля 2003 г.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

О СОЗДАНИИ В РЕСПУБЛИКЕ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

ИНСТИТУТА МЕТОДИКИ И ИСТОРИИ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА В целях создания благоприятных условий для фундаментальных и прикладных исследований в области осетинского языка, совершенствования форм и методов учебно-воспитательной работы постановляю:

1. Принять предложение ректората Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова о создании Института методики и истории осетинского языка как структурного подразделения Северо-Осетинского государственного университета.

2. Установить, что финансирование деятельности Института методики и истории осетинского языка (далее – Институт) осуществляется за счет средств республиканского бюджета, а также из иных источников в соответствии с законодательством.

3. Структура и штатное расписание Института, а также объем финансовых средств, ежегодно предусматриваемых в республиканском бюджете для финансирования его работ, определяются в соответствии с соглашением между правительством Республики Северная Осетия – Алания и Северо-Осетинском государственным университетом.

4. Правительству Республики Северная Осетия – Алания представить в десятидневный срок согласованный с Северо-Осетинским государственным университетом предложения по вопросам организации и обеспечения деятельности Института.

5. Рекомендовать Северо-Осетинскому государственному университету осуществить необходимые организационные и юридические действия по созданию Института.

6. Контроль за выполнением настоящего Укааза возложить на заместителя Председателя Правительства Республики Северная Осетия – Алания Хацаева О.С.

7. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Республики Северная Осетия – Алания

А. Дзасохов

г. Владикавказ

11 апреля 2005 г.

Кроме «Сцены без границ» в республике возникла еще одна новая традиция – Владикавказский кинофестиваль. С инициативой его проведения выступил наш талантливый земляк Аким Салбиев. Многие сомневались: на Кавказе неспокойно, вряд ли многие приедут к нам показывать свои фильмы. Но опасения были развеяны: фестиваль превратился в настоящий праздник кино, даря жителям и гостям республики возможность воочию увидеть выдающихся представителей советского, российского, зарубежного киноискусства, познакомиться с их талантливыми работами.

В рамках проведения кинофестиваля в Осетии, например, побывал Георгий Жженов, любимец нескольких поколений, человек с трудной, но интересной судьбой. Он был на двух владикавказских кинофестивалях, что при его почтенном возрасте и постоянной творческой занятости можно считать признанием в любви к нашему краю. Наверное, свою роль сыграли и личные мотивы. Так радостно сложились обстоятельства, что его внук, которого в честь деда тоже назвали Георгием, родился в день, когда Жженов приземлился во Владикавказе на самолете авиакомпании «Алания» Ту-134, также носившем имя Георгий – в честь покровителя Осетии святого Георгия.

Георгий Степанович был, понятно, окрылен, и его вдохновенные выступления, конечно, надолго запомнятся. Жженов – человек, который всей своей жизнью, своей

искренностью, правдивым словом, даже внешним обликом покорял всех. В Осетии он в полной мере продемонстрировал, что является не только выдающимся киноактером, но мыслителем, рассуждения которого о настоящих жизненных ценностях не могут быть заменены ни профессорскими лекциями, ни книгами и докладами политиков любого ранга.

Во Владикавказе во время проведения кинофестивалей побывала целая плеяда выдающихся деятелей отечественного кино. Среди них, например, Василий Лановой, запомнившийся всей стране по исполнению главной роли в фильме «Офицеры». Для наших фронтовиков его приезд имел колоссальное значение.

Народные артисты СССР, РСФСР, России: Георгий Данелия и Геннадий Полока, Ирина Скобцева и Николай Петренко, Олег Стриженов и Лариса Лужина, Ирина Мирошниченко, Борис Хмельницкий и Александр Панкратов-Черный, Виктория Токарева, Гарри Бардин, Георгий Натансон, Дмитрий Харатьян и Дарья Мороз – вот далеко не полный перечень по-настоящему народных артистов и любимых кинорежиссеров, ставших участниками фестиваля. Гостями республики были Владимир Меньшов и Вера Алентова, Армен Джигарханян и Егор Бероев. Работу одного из кинофестивалей завершал показом своего очередного шедевра выдающийся польский режиссер Кшиштоф Занусси, приехавший во Владикавказ вместе с неповторимой Барбарой Брыльской.

Несколько раз по моему приглашению приезжала к нам народная артистка СССР Елена Васильевна Образцова. Она проводила в Осетии мастер-классы и в пору тревожных событий на Кавказе чувствовала себя особенно нужной людям. Другая знаменитая оперная певица – Любовь Казарновская также дважды выступила во Владикавказе, исполняя арии из опер великих европейских, австрийских композиторов. Причем делала это на совершенно бескорыстной основе: зрителям на ее концерты билеты не требовались.

Курьезный случай был связан с великим оперным певцом, народным артистом СССР Зурабом Соткилавой. Во время его концерта у рояля отвалилась педаль. Но Зураб повел себя так, как будто ничего не произошло. Пока чинили педаль, он исполнял известные арии. Его поддержали теноры нашего музыкального театра, что было восторженно воспринято благодарной публикой.

Педаль быстро вернули на место, и концерт продолжился, а зал долго не отпускал Зураба, горячими аплодисментами вновь и вновь вызывая его на сцену. После концерта я попросил коллег в кратчайшие сроки приобрести новый музыкальный инструмент. Тем более что вскоре предстояло проведение во Владикавказе

международного конкурса молодых вокалистов имени нашего земляка, выдающегося баритона, народного артиста СССР Павла Герасимовича Лисициана. Конкурс проводился по инициативе Ларисы Гергиевой, на его открытие приехали дочери Павла Герасимовича – Рузанна и Карина, известные и у нас в стране, и за рубежом как продолжательницы семейных вокальных традиций.

Значительным событием в культурной жизни Осетии стал 50-летний юбилей Валерия Абисаловича Гергиева, который мы отмечали во Владикавказе в мае 2002 года. Большое уважение у народа вызвало желание маэстро быть в юбилейные дни на исторической родине. К торжествам старательно готовились, сформировали интересную двухдневную программу. Не хотелось превратить юбилейную дату всемирно известного дирижера в обычное, хотя и это неплохо, многолюдное пиршество. Надо было подарить настоящий праздник и юбиляру, и многочисленным почитателям его безграничного таланта. В эти дни ярко проявились народная любовь к музыке, гордость за то, что у осетинского народа есть и маэстро Гергиев, и прославленная народная артистка СССР Вероника Дударова, и восходящий к вершинам Туган Сохиев, и совсем еще юный Тимур Зангиев.

Еще одним важным событием стало проведение Дней культуры Осетии в ЮНЕСКО. Осетия оказалась одним из немногих российских регионов, представленных на площадке одной из наиболее авторитетных международных организаций. Я предварительно договорился с А. Авдеевым, послом России во Франции, и В. Каламановым, возглавлявшим российское представительство при ЮНЕСКО. И в марте 2003 года Осетия достойно предстала в Париже.

Со своими коллегами я неоднократно обсуждал, как сформировать нашу делегацию, чтобы показать богатейшую культуру нашего народа. Мы остановили свой выбор на замечательном детском танцевальном коллективе «Маленький джигит», возглавляемом на протяжении более 30 лет Т. Кокаевым, и трио «Фандыр», которые своим творчеством покорили сердца парижан и гостей ЮНЕСКО.

Главный зал, в котором при полном аншлаге проходили основные культурные мероприятия, рукоплескал юным артистам. В фойе были развернуты фотовыставка и выставка декоративно-прикладного искусства Осетии, были представлены произведения нашей прославленной фирмы «Гуриати».

Очень интересно проходила научная часть программы, в которой приняли участие ученые А. Цуциев, Р. Бзаров, Т. Камболов, Т. Салбиев. Каждый из них – состоявшийся авторитет в

области осетиноведения. На коллег из ЮНЕСКО произвело впечатление то, что после моего обращения к участникам дискуссии на одном из древних индоевропейских языков – осетинском другие участники дискуссии представили свои презентации не только на русском, но и на английском и французском языках.

Думаю, что высокий уровень Дней Осетии предопределил визит делегации ЮНЕСКО во главе с Генеральным секретарем Коитиро Мацуурой в Осетию в мае 2003 года. Делегация с интересом ознакомилась с достопримечательностями республики. Мы наметили дальнейшие шаги по развитию нашего сотрудничества. Одним из его результатов стало создание на базе владикавказского педагогического института кафедры полилингвального образования ЮНЕСКО, которую возглавил доктор филологических наук Тамерлан Камболов.

Во время Дней Осетии состоялись наши встречи во французском парламенте, в Торгово-промышленной палате Парижа. Члены нашей делегации – руководители крупных предприятий, представители среднего и малого бизнеса получили возможность наладить контакты с французскими партнерами.

В один из дней пребывания в Париже я пригласил коллег посетить музей Орсе. Хотел, чтобы они соприкоснулись с выдающимися произведениями живописи и скульптуры, которыми богаты коллекции музея. Но не только этим был продиктован мой интерес. Дело в том, что музей Орсе знаменит еще и тем, что размещен в старом здании железнодорожного вокзала, специально реконструированном под музей. Я хотел, чтобы и мы, в Осетии, не имея в то время возможности построить новый музей, смогли бы найти и реконструировать одно из зданий старого Владикавказа для постоянно действующей экспозиции скифского и сарматского золота, богатейшая коллекция которого находилась в СОГУ. Опыт реконструкции бывшего парижского вокзала был интересным, но, к сожалению, не был потом реализован.

Зато удалось осуществить другую мечту – создать во Владикавказе величественный памятник подвигу народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов – Мемориал Славы. Для каждого осетина, для каждого жителя Владикавказа, под стенами которого были остановлены в 1942 году фашистские захватчики, этот мемориал стал символом глубокого уважения, восхищения и преданности делу отцов и дедов, одолевших врага в самой страшной войне, которую когда-либо знало человечество. Надо быть достойными наследниками поколения победителей – задача, которую на новом историческом отрезке развития решать

непросто.

Я думал об этом и в 2000 году, когда после долгого перерыва на главной площади Владикавказа 9 мая в день 55-й годовщины Победы вновь пронеслось раскатистое «Ура-а-а!». Вместе с седыми ветеранами прошли стройными колоннами подразделения возрождающейся армии. Через два года во Владикавказе прошла масштабная научно-практическая конференция, посвященная 60-летию битвы за Кавказ. А еще через три года, к 60-летию Победы, был открыт Мемориал Славы. Хочу отдельно поблагодарить руководителя г. Владикавказа К. Пагиева и его команду.

Еще одним крупным культурным событием в начале 2000-х годов стало участие нашей делегации в дискуссии «Осетия в меняющемся мире» в германском Баден-Бадене. В ее организации и проведении большую помощь оказал мой давний и надежный друг, чрезвычайный и полномочный посол России В. Ломейко. Событие вызвало живой интерес общественности. Баден-Баден известен на протяжении почти двух столетий не только как курорт мирового уровня, который охотно посещали представители русской интеллигенции еще в XIX веке, но и как место проведения крупных международных форумов.

Мы говорили об осетинском культурном наследии, уходящем корнями в скифо-сармато-аланский мир, об уникальном памятнике устного народного творчества – осетинском нартском эпосе. Говорили о ситуации на Юге России, сложившейся к началу нынешнего столетия, о том, как Осетия и осетины вместе с другими народами России ищут ответы на вызовы времени. Думаю, что для участников обсуждения приятной неожиданностью стала презентация произведения нашего талантливого писателя Алана Черчесова, изданного в Германии на немецком языке. Мы продемонстрировали германским коллегам свою приверженность лучшим традициям отечественной культуры, стремление в новую эпоху быть современными. Состоявшиеся встречи в мэрии города, с представителями бизнес-сообщества подтвердили правильность избранной тональности.

На обратном пути нас ждала Вена, где у меня был запланирован ряд встреч с руководством австрийской фирмы «Берч-Ласка» о реконструкции заводов по переработке молока во Владикавказе и в Моздоке и с представителями австрийской фирмы «Доппельмайер» по реконструкции канатной дороги в Цее.

Когда через год в Цее была открыта новая канатка, приятно было видеть на лицах молодых и уже не очень молодых людей, помнивших лучшие времена этого уникального курорта, надежду. Надежду на то, что и у курортов Осетии есть будущее.

Затем были мои переговоры с руководством канадской «Экозайн» (фирмы, спроектировавшей многие ведущие горнолыжные курорты, в том числе Роза Хутор к Олимпиаде в Сочи-2014) о разработке проекта развития горнолыжного курорта в Зака и Мамисоне. Был реконструирован, а точнее, фактически выстроен заново санаторий «Осетия», где сегодня вновь поддерживают свое здоровье наши ветераны. В Куртатинском ущелье был построен популярный у молодежи комплекс «Барс».

Мне очень хотелось, чтобы люди ощутили: после трудных 1990-х атмосфера меняется. Порой это проявлялось самым неожиданным образом.

Как я уже писал, 19 марта 1999 года на Центральном рынке Владикавказа произошло крупное террористическое преступление. Погибли люди. Много раненых. Обстановка в республике была напряженная. Но вскоре на республиканском стадионе «Спартак» должен был состояться футбольный матч с участием сборной России. Футбольные чиновники в РФС приняли решение перенести матч в другое место. Понимая опасения организаторов, руководство республики тем не менее считало очень важным после страшного теракта дать ответ тем, кто пытался посеять панику и взорвать обстановку в республике. Мы хотели показать, что наш дух не сломить. Я связался с президентом Грузии Э. Шеварднадзе, и мы условились, что во Владикавказ приедет команда ветеранов тбилисского «Динамо». Ровно в назначенный день и час на арене стадиона «Спартак» футбольный матч состоялся. Матч между ветеранами орджоникидзевского «Спартака», предшественника «Алании», и «Динамо» Тбилиси. И несмотря на опасения, трибуны стадиона заполнило много болельщиков.

Приведу еще примеры стойкости народного духа. В результате пожара был нанесен непоправимый ущерб одной из святынь осетинского народа – святилищу Реком. Но группа молодых людей во главе со Славиком (как его называют друзья) Джанаевым возродила святыню. Им помогали многие – кто чем мог: строительными материалами, продуктами, просто личным присутствием. При этом молодые люди дали обет: не выпивать, не курить, не сквернословить, работать с чистыми помыслами. И все это удалось, за что осетинский народ глубоко им признателен.

Другой пример связан с судьбой Алагирского Свято-Вознесенского православного собора, построенного в середине XIX века по проекту русского архитектора и художника Г.Г. Гагарина. Внутренняя роспись собора была осуществлена Коста Хетагуровым. В конце 1990-х годов собор обветшал – могли быть

утрачены росписи, срочно требовалось провести работы по водоотводу и укреплению фундамента, замене кровли. Вместе с руководителем «Стыр Ныхаса» профессором М.И. Гиоевым, очень неравнодушным человеком, искренне болевшим за историческое наследие Осетии, мы посетили собор и на месте провели детальный разбор того, что необходимо предпринять для его спасения. Поручения были даны многим организациям. Но главное – восстановить росписи вызвалась группа молодых художников-реставраторов, в которую вошли Виктор Цаллагов, Аслан Хетагуров и другие. Хотя некоторые предлагали пригласить более опытных реставраторов из других регионов, мы решили доверить дело нашим талантливым, хотя и молодым еще ребятам. И они с честью справились с трудной и ответственной работой. В конце 2000 года храм был освящен митрополитом Ставропольским и Владикавказским Гедеоном. Символично, что на пороге XXI века именно наследники великого Коста восстановили росписи своего духовного учителя.

Особые чувства переполняли людей, когда на колокольню Свято-Георгиевского кафедрального собора водружали колокола, отлитые в Волгодонске, когда я видел радость и надежду на лицах верующих, в огромном количестве собравшихся вокруг строящегося храма.

А какой победой было принятие на государственном уровне решения о создании Владикавказского научного центра Российской академии наук! В то время в других регионах некоторые ставили под сомнение существование действующих научных центров, а на Юге России, в столице Осетии такой центр открывался и приступал к работе. Для представителей нашего народа, несмотря на трагические страницы его истории в XX веке, успех всегда был связан с получением образования, с устремленностью в науку, в культуру. Поэтому мы обязаны были поддержать эту устремленность и в свое сложное время.

Нелегкие переговоры с руководством РАН завершились результативно; предстояло помочь насытить работу центра содержанием, в полной мере соответствующим академическому уровню. Эта непростая задача легла на плечи нашего замечательного земляка, известного ученого-математика А.Г. Кусраева, который бессменно возглавляет Научный центр.

Перед восстановленным в структуре центра Северо-Осетинским институтом гуманитарных и социальных исследований была поставлена задача осуществить новое академическое издание произведений Коста Хетагурова, которое вскоре вышло в свет. Другое важное исследовательское направление – подготовка и издание полного свода нартских

сказаний. Именно в институте сосредоточены материалы масштабной научной экспедиции под руководством выдающегося ученого-лингвиста В.И. Абаева, собравшей различные версии сказаний в разных уголках Осетии.

По моей инициативе было переиздано каноническое издание осетинских нартских сказаний 1947 года. Был подготовлен и издан великолепный фотоальбом «Осетия – Алания», авторами которого стали блестящие литовские фотохудожники Антанас Варанка и Римантас Дыхявичус. Все расходы, связанные с этим изданием, взял на себя руководитель компании «Исток» Таймураз Бокоев. Он сделал много полезных дел для жителей Беслана, поддержки культуры и спорта в республике.

Был сформирован целый портфель изданий, связанных с осетинским историко-культурным наследием. Назову лишь некоторые, уже увидевшие свет. Это книга Говарда Рида «Король Артур – король драконов». Книга Скотта Литтлтона и Линды Малкор «От Скифии до Камелота», «Осетинские нартские сказания» на английском языке в переводе Уолтера Мейя, ранее переводившего киргизский эпос манас. Презентация англоязычного варианта нартского эпоса прошла в московском Доме Пашкова с участием ведущих российских ученых. А экземпляры книги были направлены в ведущие мировые библиотеки.

Все эти великолепно изданные книги вышли в осетинском издательстве «Проект-пресс». Каждая была сделана не только профессионально, но и с большой любовью. Тем самым и руководитель издательства Жанна Козырева, и один из наших лучших художников Валерий Цагараев, и их коллеги подтвердили свой статус профессионалов, способных выполнять самые сложные полиграфические проекты на уровне высочайших стандартов.

Каждый народ богат талантами. Надо только создавать таким людям условия для реализации своих способностей. Дать простор таланту – вот задача государственного человека. Исключительно важно вовремя подставить плечо, помочь раскрыться одаренным молодым людям.

Здесь я хочу обратиться к тем своим землякам, кто не воспринимает ничего, кроме традиционной национальной культуры. Относясь с уважением и к такой точке зрения, я все же прошу строгих судей: не зажмуривайтесь перед лицом нового. Даже самая крепкая приверженность национальным традициям не нужна сама по себе, если народу не открыта дорога в современность, в век новых достижений и представлений о прекрасном. А современность – это и революция в

информационных возможностях, и новации в музыке, и новый уровень понимания глобального обмена культурными ценностями.

Поэтому утверждения, что осетинам якобы не нужна «чужая культура», новые формы танцевальных рисунков, современные песни, мол, у нас есть свой хор, есть песенные и танцевальные традиции и этого достаточно, – это крайность. Возвращаться к прошлому надо с высот, достигнутых в современности.

Духовный лидер осетинского народа Коста Хетагуров, как и многие поколения просветителей и общественных деятелей Осетии, говорил о таком вечном вопросе, как единство нации в трудных обстоятельствах. Применительно к нам сегодняшним – это сплоченность в противодействии современным вызовам. Но единство должно быть не просто географическим, должна быть духовная связь, когда каждый – надежный сосед, соратник, друг. Пусть это идеальное представление, но победы одерживаются тогда, когда действительность максимально приближена к идеалам.

Ко мне не раз приходили люди, размышлявшие об этих ценностях, – представители и молодежи, и старшего поколения. Предлагали, например, разработать кодекс поведения в республике. Возможно, эти предложения были слишком идеалистическими. Но все же в них проявлялась искренняя обеспокоенность в связи с духовным разладом в нашем обществе, отсутствием необходимого единства в самых важных жизненных ориентирах, «ценностной неустроенностью» во многих умах.

В апреле 2002 года в своем ежегодном послании я заявил: «Руководство республики готово к конструктивному диалогу и практическому взаимодействию со всеми здоровыми силами, которые во главу угла ставят не личные или групповые, а высшие интересы народа. Ради этого, ради еще большей сплоченности нашего общества и создан Совет Республики, а значит, созданы условия для глубокого осмысления актуальных проблем и выбора разумной позиции по общественно значимым вопросам».

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ДНЯ РЕСПУБЛИКИ

В наше время, когда в государстве утверждаются основы федерализма, закономерным является обращение к историческим истокам единства народов России, к датам, знаменующим нерушимую связь русского и осетинского народов, всех народов многонациональной

Северной Осетии.

Осмысление исторического пути осетинского народа убеждает в особой значимости событий, приведших Осетию в состав Российского государства, обеспечивших ей благоприятные условия для политического, экономического и культурного развития. В исторической памяти народа неразрывна связь времен от происшедшего в июле 1774 года присоединения Осетии к России, обретения Северной Осетией в июле 1924 года статуса административной автономии в составе Советской России, провозглашения в июле 1990 года Декларации о государственном суверенитете нашей республики и до утверждения положения Республики Северная Осетия – Алания как полноправного субъекта Российской Федерации.

Принимая во внимание мнение общественности республики, учитывая непреходящее значение вхождения Осетии в состав России, обретения политико-административной автономии в составе единого государства для успешного социально-экономического и культурного развития Северной Осетии, и в целях единения народа Республики Северная Осетия – Алания постановляю:

1. Считать первое воскресенье июля официальным праздником Республики Северная Осетия – Алания – Днем Республики и отмечать его ежегодно.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Республики Северная Осетия – Алания

А. Дзасохов

г. Владикавказ

15 мая 2001 г.

В сентябре того же года состоялось первое заседание Совета республики, в состав которого вошли представители общественно-политических, профсоюзных, женских, молодежных, ветеранских, религиозных организаций, творческих союзов. Среди основных задач этой общественной организации – выявление и анализ важнейших проблем развития республики, подготовка предложений по созданию механизмов их решения.

Сейчас можно сказать, что мы создали прообраз будущей Общественной палаты России. И действительно, в Совете республики собралось сообщество людей разных поколений, разной политической биографии, разных национальностей.

Регулярно проходили заседания по конкретным направлениям и общественно значимым проблемам, были острые дискуссии. Совет Республики стал трибуной для постановки и рассмотрения многих актуальных вопросов.

Хочу в этой связи упомянуть по крайней мере несколько человек, представленных в Совете. Александр Хаджумарович Чельдиев пережил все этапы новейшей истории нашего народа. Заслуженный геолог СССР, он работал в республике на партийных и государственных должностях. В период моего президентства был моим советником. И должен сказать, что, несмотря на возраст и пережитые после распада СССР трудности, по работоспособности, а тем более по чувству ответственности по отношению к порученному делу он мог дать фору любому молодому менеджеру. Александр Хаджумарович обладал удивительным качеством: у него было чувство нового. Он быстро воспринимал проекты, связанные с восстановлением индустрии, и в том, что удалось сделать масштабные шаги по возрождению флагманских предприятий на современной основе, есть и его бесспорная заслуга.

Или Агубе Георгиевич Кучиев. Он тоже прошел все этапы карьерного роста, застал и благодатные для созидания времена, и сложные периоды. Много лет Агубе Георгиевич возглавлял Северо-Осетинский научно-исследовательский институт гуманитарных исследований, поддерживал на должном уровне высокое реноме осетинской научной мысли. Колоссальный опыт Кучиева и Чельдиева, их нацеленность на поиск практических решений сложных проблем были очень полезны в Совете Республики.

Принуждение, понукание к успеху не ведут. Власть обязана создать условия для реализации управленческих и творческих способностей. Именно поэтому мы уделяли подчеркнутое внимание университета и предложениям ректора А. Магометова. Можно сказать, что на университете сходился нерв наших переживаний. Ведь это место, с которым многие семьи связывают надежды о профессиональном будущем своих детей. Безусловно, мы все сторонники высокого качества образования. Но конец 1990-х, особенно после дефолта, был трудным периодом для всей страны, а для вузов особенно. Финансирование было минимальным. Университет надо было поддержать. И руководство республики это делало. Но если бы в этих условиях во главе многотысячного коллектива СОГУ не стоял Ахурбек Магометов, хорошо знающий реальную жизнь людей не только в столице республики, но и в самых отдаленных селах, наши усилия не достигли бы своих целей.

Сегодня, конечно, можно сказать, что стране требуется меньше экономистов и юристов, чем их готовят в наших вузах. Кто станет с этим спорить? Но тогда, на переломе эпох, в трудный период после распада Советского Союза мы с ректором пришли к выводу, что надо открывать дорогу молодежи, расширять ее возможности, поддерживать стремление учиться.

В 2000 году СОГУ отмечал свое 80-летие. Во Владикавказ на юбилей приехала заместитель председателя правительства России Валентина Ивановна Матвиенко. Юбилей прозвучал на всю страну. Большая группа преподавателей была награждена правительственными наградами и удостоена почетных званий. На всю страну было заявлено, что именно во Владикавказе возник вуз общекавказского масштаба.

Читатель не должен мои рассуждения воспринять так, будто я забыл о родном Северо-Кавказском горно-металлургическом институте. Этот вуз тоже имеет высочайшую репутацию. Подготовил более 30 тысяч специалистов – геологов, горняков, электротехников, металлургов, обогатителей. Среди его выпускников – министры СССР, лауреаты Ленинских и Государственных премий. Многие технические вузы в 1990-х годах поспешили переориентироваться на подготовку специалистов не своего профиля. Так случилось с СКГМИ. Вместе с ректорами Хадоновым и Вагиным мы добились устранения пробела в подготовке кадров прежде всего для металлургической и горнорудной промышленности. Мы верили, что наступит время, когда инженерные профессии опять будут востребованы. И не ошиблись. Сегодня СКГМИ имеет прочные контакты с Норильским комбинатом и с предприятиями Уральской горно-металлургической компании.

Надо всегда помнить, что каждый человек – своего рода полпред, представляющий свой народ. В Москве и Хабаровске, за полярным кругом и на Южном Урале по осетинам судят о всей Осетии. Всем известный Юрий Сергеевич Кучиев – знаменитый капитан атомоходов «Ленин» и «Арктика», покоритель Северного полюса, один из легендарных полярников. Но все, кто с ним соприкасался или читал о нем, непременно знают и то, что он осетин.

Понимать, что ты являешься достойным гражданином великой страны – Российской империи, Советского Союза, современной России, и одновременно помнить о своей малой Родине, чтобы достойно нести звание представителя своего народа, – вот самая высокая миссия. Именно таким качеством в полной мере обладал Кучиев. Он гордился, что родился и вырос в Осетии. Юрий Сергеевич старался каждый год приезжать домой,

туда, где были его корни. Он любил Цей, не упускал возможности побывать в Южной Осетии, где его всегда радушно принимали.

Такой же была и народная артистка СССР Вероника Дударова, достигшая всемирного признания своего творчества. В свои звездные годы она превзошла всех своих коллег-мужчин в дирижерском искусстве. О ней говорили как о феерической женщине, способной зажечь и покорить тысячи и тысячи поклонников музыки.

Дударова – яркое явление в музыкальном искусстве. Но она и дочь своего народа, о чем никогда не забывала, всегда чувствовала, что за спиной – Осетия.

За годы работы на внешнеполитическом направлении часто приходилось встречаться с генералами и офицерами военной разведки. Наш разговор неизменно заходил о личности Хаджи-Умара Мамсурова – легендарном Ксанти, ставшем в 1960-х годах одним из создателей и руководителей частей специального назначения ГРУ СССР. Когда я был на Кубе в 1964 году, мне с особым чувством говорили, что в период Карибского кризиса группировку советских войск там возглавлял «генерал Павлов». За этим псевдонимом стоял не кто иной, как дважды Герой Советского Союза, генерал армии Исса Александрович Плиев. Дело увековечения памяти полководцев и героев Великой Отечественной войны – наш моральный долг.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

О 100-ЛЕТИИ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.А. ПЛИЕВА, Г.И. ХЕТАГУРОВА И Х.-У.Д. МАМСУРОВА

В 2003 году исполняется 100 лет со дня рождения дважды Героя Советского Союза, Героя Монгольской Народной Республики Иссы Александровича Плиева, Героя Советского Союза, генерала армии Георгия Ивановича Хетагурова и Героя Советского Союза, генерал-полковника Хаджи-Умара Джиоровича Мамсурова.

Имена прославленных военачальников золотыми буквами вписаны в историю Советской армии и Великой Отечественной войны. Они любимы и почитаемы в народе и являются героями многих документальных и художественных произведений. Ратные подвиги, совершенные советскими воинами под руководством наших знаменитых земляков, – яркая страница летописи Советских Вооруженных Сил.

И.А. Плиев относится к блестящей плеяде полководцев. Его высокий авторитет в войсках соединен с неукротимой волей и талантом командующего. После Великой Отечественной войны И.А. Плиев успешно командовал армией, войсками Северо-Кавказского военного округа, представлял Вооруженные Силы СССР на Кубе, многократно избирался депутатом Верховного Совета СССР.

В годы Великой Отечественной войны Г.И. Хетагуров занимал должность начальника штаба армии, командовал стрелковой дивизией и корпусом. Многие годы был командующим Северной группы войск и Прибалтийским военным округом. Неоднократно избирался депутатом Верховного Совета СССР.

Х.-У.Д. Мамсуров – активный участник гражданской войны на Северном Кавказе. Герой испанского народа, легендарный «полковник Ксанти» руководил партизанским движением Испании. К началу Великой Отечественной войны – начальник отдела Разведуправления Генерального штаба Советской армии. Командир дивизии, корпуса, армии, а с 1957 г. более 10 лет – заместитель начальника ГРУ Генерального штаба Советской армии. Таков славный боевой путь Хаджи-Умара Мамсурова.

В связи со 100-летием со дня рождения И.А. Плиева, Г.И. Хетагурова и Х.-У.Д. Мамсурова постановляю:

1. Торжественно отметить:

в апреле 2003 года – 100-летие со дня рождения Г.И. Хетагурова;

в сентябре 2003 года – столетие со дня рождения Х.-У.Д. Мамсурова:

в ноябре 2003 года – 100-летие со дня рождения И.А. Плиева. 2. Образовать организационный комитет по подготовке и проведению празднования 100-летия со дня рождения И.А. Плиева, Г.И. Хетагурова и Х.-У.Д. Мамсурова.

3. Правительству Республики Северная Осетия – Алания (Шаталов) рассмотреть предложения организационного комитета по финансированию и другим вопросам проведения мероприятий, посвященных 100-летию И.А. Плиева, Г.И. Хетагурова и Х.-У.Д. Мамсурова.

4. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Республики Северная Осетия – Алания
А. Дзасохов
г. Владикавказ
11 февраля 2003 г.

Всегда важно, чтобы духовными ориентирами – в созидании, творчестве, науке – для молодых поколений были выдающиеся люди, патриоты своей отчизны, чья жизнь и деятельность не остались в забвении, а сохраняются в народной памяти.

Формирование нового поколения происходит, с одной стороны, в эпоху научно-технических открытий, развития новых технологий. Но чем интенсивнее развиваются технологии, чем сложнее становится общество, тем острее ставится проблема человеческой духовности и тем важнее те пласты нашей истории, в которых эта духовность укоренена.

Такая опора иногда полна противоречий – как полна драматических страниц сама история. В 1990-х годах началось возвращение на родину творчества Гайто Газданова – выдающегося писателя русского зарубежья, настоящего гуманиста. Школьную и студенческую молодежь начали знакомить с его литературным наследием. Некоторым представителям старшего поколения он был известен в годы холодной войны, как человек, выступавший на радио «Свобода». Но его выступления базировались на популяризации литературы русского зарубежья, на открытии этой части русской культуры современному читателю и слушателю. И конечно же, изучение литературного наследия самого Газданова – отдельная, неисчерпаемая тема. Для нас, для осетин, важно, что Газданов именно в Осетии делал свои первые шаги, впитывая в себя мудрость и примеры рыцарского поведения старших. В годы моей работы в Северной Осетии мы провели международную научную конференцию, посвященную творчеству Г. Газданова. Приезжали Ласло Диенеш, крупнейший исследователь, американец венгерского происхождения, другие зарубежные гости.

Конечно, для нас важно, что Гайто был осетином. Но его место в современной культуре определено прежде всего тем, что Газданов все время своего пожизненного изгнания оставался патриотом, был участником движения Сопротивления в годы войны.

Еще один столп современного осетинского самовосприятия – Василий Иванович Абаев, крупнейший в России и в мире лингвист, автор методологии, воссоздающей через письменность и языки многовековую историю от древности и Средневековья до наших дней, создатель фундаментального историко-

этимологического словаря осетинского народа. Он был непревзойденным мастером раскрытия через историю слова истории народа. Его анализ этимологии осетинского языка представляет фундаментальный интерес для современной науки.

Наряду с умением глубоко проникать в исследуемую тему Абаева отличало умение рассказывать о сложных научных открытиях доступным языком. Подтверждение тому – его путевые заметки и научно-популярные работы.

Решение присвоить имя В.И. Абаева Северо-Осетинскому научно-исследовательскому институту гуманитарных и социальных исследований было с одобрением воспринято востоковедами России.

УКАЗ

ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ

О ПРИСВОЕНИИ СЕВЕРО-ОСЕТИНСКОМУ ИНСТИТУТУ

ГУМАНИТАРНЫХ И СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ВЛАДИКАВКАЗСКОГО НАУЧНОГО ЦЕНТРА РОССИЙСКОЙ

АКАДЕМИИ НАУК И ПРАВИТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ

СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ – АЛАНИЯ ПОЧЕТНОГО

НАИМЕНОВАНИЯ – ИМЕНИ В.И. АБАЕВА

Имя выдающегося ученого-ираниста, лауреата Государственной премии СССР, лауреата премии им. К.Л. Хетагурова, действительного члена Азиатского Королевского общества Великобритании и Северной Ирландии, члена-корреспондента Финно-угорского общества в Хельсинки В.И. Абаева золотыми буквами вписано в историю науки XX столетия.

Обладая энциклопедическими знаниями, В.И. Абаев был властителем дум в области осетинского языкознания, литературоведения, фольклористики, истории, этнографии. Его фундаментальные труды «Осетинский язык и фольклор», «Историко-этнографический словарь осетинского языка», «Нартовский эпос осетин» и другие стали настольными книгами осетиноведов. Они внесли неоценимый вклад в развитие лингвистической науки. Многие годы В.И. Абаев трудился в Северо-Осетинском институте гуманитарных и социальных исследований, а в последние годы жизни активно сотрудничал с ним.

Отмечая огромный вклад В.И. Абаева в развитие

осетиноведения и в целях увековечения его памяти, постановляю:

1. Присвоить Северо-Осетинскому институту гуманитарных и социальных исследований почетное наименование – имени В.И. Абаева.

2. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

Президент Республики Северная Осетия – Алания

А. Дзасохов

г. Владикавказ

20 июня 2001 г.

Для меня было очень важно на протяжении всей моей политической деятельности – от молодежного движения до самых высоких должностей в политическом руководстве страны – ощущать неразрывную связь с родной землей. Это особое, ничем не заменимое состояние.

И сейчас, когда я вновь работаю в Москве, могу привести множество случаев, когда мои собеседники всякий раз заговаривают со мной об Осетии. Кто-то расскажет о каком-то спортивном событии, кто-то упомянет о героическом участии нашего народа в Великой Отечественной войне или восхитится музыкальным дарованием Гергиева, а то и вовсе расскажет, как когда-то встречался где-нибудь в Тюмени с осетином.

Многое, о чем думал и хотел сделать в духовно-культурной сфере, не смог или не успел. Например, были планы на базе республиканского литературного музея создать Дом писателей. Представлял я себе это следующим образом. Во-первых, пополнить фонды музея за счет новых материалов из литературного наследия, обновить постоянную экспозицию, проводить здесь День осетинского языка – праздник для всех ценителей родного слова. И в том же здании разместить Союз писателей Северной Осетии.

Это оживило бы всю работу: здесь проводили бы литературные вечера, встречи с писателями, поэтами. Да и сами писатели разных поколений имели бы место для творческих встреч и дискуссий.

Второе – это создание музея скифского золота и кобанской бронзы – свидетельства древней истории нашего народа. Отдельные экспозиции из уникального собрания уже организовывались, неизменно вызывая восхищение посетителей, в том числе высоких гостей республики. Но надо было создать именно музей, а не временную выставку.

Эта нереализованная идея меня до сих пор постоянно

тревожит. Конечно, у нас было мало ресурсов, но все-таки можно было это сделать. Пусть даже для этого мне бы потребовалось стать прорабом на этой стройке.

Интересная идея, выдвинутая политиком, не всегда в силу стечения обстоятельств может быть воплощена в жизнь. Но это не означает, что она должна быть отброшена в сторону как ненужная.

Задуманный проект может быть реализован позже, в других условиях. Как это нередко бывает в мире науки: какое-то открытие ученого десятилетиями ждет своего часа, чтобы потом изменить человеческую жизнь.

Читатель, конечно, обратил внимание, что наперекор сложному положению на Кавказе нам удалось решать многие хозяйственные и экономические задачи. Строились дороги, заработали промышленные предприятия, наладилось энергообеспечение, наращивались связи с Южной Осетией и т. д. Особенно важно, что народ был сплочен, Осетия сосредоточилась на традиционно важных направлениях: образовании и культуре, а Владикавказ стал местом проведения крупных общественно значимых научных и культурных мероприятий.

Мысли вслух

Противостояние угрозе сепаратизма и его террористических проявлений. Развитие экономики региона. Политическая социализация новых поколений российских граждан. Новый, реалистический взгляд мировых держав на Кавказ

Основные идеи этого раздела возникли у меня не при подготовке к написанию книги, а главным образом в то время, когда я работал на Кавказе. Поэтому рассуждаю на основе собственного политического опыта.

Стратегия государственной национальной политики до 2025 года, принятая в 2012 году, является базовым государственным документом, над которым работала большая группа авторитетных экспертов, в основном люди, сформировавшиеся как специалисты по национальному вопросу и, в частности, по проблемам Северного Кавказа в конце 1980-х годов и сразу после дезинтеграции СССР.

Задача теперь заключается в том, чтобы обеспечить согласованные действия, которые позволят эффективно реализовать эту стратегию. Но для этого необходимо обеспечить одинаково ответственное понимание повестки дня современного Северного Кавказа всем политическим классом России.

Из большого разнообразия вопросов Северного Кавказа выделю первоочередные – те, которые формируют актуальную повестку дня для российского Кавказа.

Набор проблем, а на отдельных направлениях и рисков, с которыми сталкиваются наша страна и общество в Северокавказском регионе и на Кавказе в целом, достаточно очевиден.

Во-первых, это сохраняющаяся, хотя и в ослабленном виде, не в таком, как в 1990-х годах, угроза сепаратизма и его террористические проявления.

Во-вторых, экономическое отставание Северокавказского региона от общероссийских показателей и разительное углубление различий в уровне жизни.

В-третьих, и это относится не только к Югу России, актуальность общенационального проекта российской гражданской нации – стратегической базовой задачи, – который подвергается нападкам разного рода националистов.

И наконец, в-четвертых, попытки развернуть «альтернативное» российскому геополитическое доминирование в регионе.

Особо отметим очевидную военную и общественно-политическую стабилизацию в Чеченской республике. От времени «трагического камнепада» до настоящего времени республика прошла большой созидательный путь. В последние годы Россия и ее Северокавказский регион столкнулись с отдельными террористическими актами, которые свидетельствуют о новом качестве угрозы, уже не этнической по своей базе, а квазирелигиозной, претендующей на объединение сепаратистов всех мастей против Российской Федерации.

Военное и социально-политическое вытеснение сепаратистских и экстремистских сил на периферию общественной жизни пока не привело к их полному искоренению. Сохраняется угроза террористических атак.

Преобладание силовых мер все более очевидно демонстрирует, что для долговременного успеха необходимо обратиться в первую очередь к проблемам политическим, идеологическим и социально-экономическим.

Успехи «режима быстрого реагирования» и даже примеры удачных превентивных силовых мер важны, но не могут заменить основательной социальной и хозяйственной стратегии, как не могут они заменить и выверенной идеологической доктрины, отвечающей в полном объеме и всегда на вопрос о месте Северного Кавказа для Российского государства в контексте его геополитических и иных интересов.

Такой подход, конечно, должен объединять все федеральные ведомства, политические партии и общественные организации. Кавказский вопрос – задача каждого политика и государственного служащего современной России.

Возникает вопрос, а в чем еще состоит единая федеральная политика в отношении общерегиональных северокавказских проблем, равно как и «национальных» проблем в целом? В чем системность этой политики? Каковы ее акценты и соответствуют ли они долгосрочным интересам страны?

Понятно, что существуют глобальные причины терроризма. Но вновь и вновь следует обратить внимание на местные факторы и особенности воспроизводства террористической угрозы.

К сожалению, происходит поколенческое обновление групп, проявляющих интерес к террористической активности. Здесь сказываются серьезные проблемы, в том числе духовно-идеологического и культурного плана. Согласимся, что социально-экономические причины тоже существуют, но точка зрения, что надо всех «занять работой», ошибочна. Это только часть проблемы.

Большинство людей, участвовавших в противоправных

действиях, террористических вылазках, молоды. Причем далеко не все они безработные или представители нуждающихся семей. Среди них были студенты местных и московских вузов, дети небедных родителей.

Условия, в которых происходит формирование экстремистского вызова, явно не исчерпываются проблемой безработицы. Они скорее связаны с рефлексией по поводу положения региона в целом и перспектив его развития. Недовольство зарождается сначала в устойчивых сомнениях по поводу этих перспектив, потом переходит в утверждения, что нет надежного будущего.

Прослеживается историческое соперничество за молодежь. Соперничество между силами, утверждающими за Россией историческую миссию сохранительницы народов и многонационального евразийского мира, и силами, в том числе внешними, враждебными России.

Уверен, главным полем, где это соперничество будет осуществляться, будет не военное, а идеологическое, мировоззренческое поприще. Поэтому важно достоверно объяснить, где находятся реальные позитивные перспективы, связанные с правопорядком, с культурной и экономической мощью великой страны, а где – западня, различного рода квазирелигиозные эксперименты и разрушение современности.

Существует большое количество государственных целевых программ по Северному Кавказу. Между тем этот важный, особенно в геополитическом смысле, регион продолжает оставаться экономической периферией страны. Именно с этой точки зрения надо рассматривать экономические программы развития Северного Кавказа, которые обязательно должны включать развитие здесь современного промышленного производства. К настоящему же времени фокус общественного внимания избыточно сосредоточен на горно-спортивном кластере.

Современная Россия, будучи защищена на Северном Кавказе активностью силовых ведомств, в значительно меньшей степени оказалась защищена стратегической активностью хозяйственного сектора общефедеральных ведомств. Поэтому качественно изменить ситуацию и преодолеть инерционный сценарий для Северного Кавказа остается актуальной целью. Нужно помнить, что деиндустриализация – это регрессивный процесс. Вытеснение промышленного труда меняет социальную структуру населения, горизонты человеческих судеб, доминирующий тип мышления. Меняет, если угодно, структуру солидарностей. Исчезает связывающее, сквозное, трансграничное хозяйствование, и на

первый план начинают выходить мифологии, которые разделяют людей и «надувают шары» особенностей.

На фоне этих процессов нужно ответственно относиться к различного рода «общерегиональным» выводам. Хочу сказать, что нужно менять «конфигурацию оценок». Когда постоянно твердят о клановости и коррупции в регионе, о бедности, то люди начинают задумываться: а принадлежит ли российский Кавказ к единой политико-правовой реальности страны?

На Северном Кавказе нужны масштабные экономические проекты со значительным государственным участием – от прямого бюджетного финансирования до принятия государством на себя части инвестиционных рисков. Стратегическая цель – занять людей достойными видами деятельности. Кроме того, эти проекты должны связывать хозяйственными узами Северный Кавказ с другими регионами России. Эти связи можно использовать в том числе и как перспективные каналы для возвращения в регион уехавших отсюда в последние десятилетия квалифицированных кадров, равно как и для «экспорта» из региона рабочей силы в те части страны, где в ней существует потребность.

Российское бизнес-сообщество могло бы обсудить возможность создания Фонда содействия развитию Кавказского региона. Одной из целей этого фонда могло бы стать конкурсное предоставление грантовой поддержки экономическим, культурным и исследовательским проектам не только общеокружного (СКФО), но и трансграничного характера, прежде всего тем, реализация которых способствует адаптированию российских экономических и культурных проектов в государствах Южного Кавказа. Функционирование негосударственного фонда могло бы распространить российское влияние не только на хозяйствующий средний класс южнокавказских обществ, но, что крайне важно, на их гуманитарный, академический корпус, на тысячи ученых, которые в своих работах формулируют культурный контекст, в котором осуществляется политика их государств.

Нельзя допустить, чтобы приграничный статус превратился в фактор экономической стагнации севрокавказских территорий России. Здесь видятся два перспективных направления – развитие в приморской и в горной зонах рекреационной сферы и развитие транскавказских транспортных коммуникаций. Оба направления требуют притока инвестиций, разработки и осуществления соответствующих проектов. Оба направления могут стать настоящими локомотивами в развитии экономики приграничных территорий и существенно изменить к лучшему закрепление,

сохранение добрососедства во всем многообразии.

Отдельно необходимо сказать о неустойчивости общенационального проекта российской гражданской нации. Основанием целостности российского государства является единство гражданской российской нации. Это аксиома.

Поэтому особое внимание надо сосредоточить на том, каким образом происходит политическая социализация новых поколений российских граждан. Не получается ли, что узкорегиональная, локальная этническая идентичность укрепляется за счет общероссийской? Что из себя представляют, насколько сбалансированы и достоверны учебные курсы по истории в школах и вузах? Авторы единого учебника по отечественной истории и преподавательское сообщество должны понимать актуальность этих вопросов.

В принятой в августе 2013 года федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России до 2020 года» было обращено внимание на этот блок задач и указывалось, что «необходима разработка учебных программ по истории народов России и культуре межэтнического общения, по изучению многовекового опыта взаимодействия народов России, совершенствование учебной литературы и программ обучения в целях более эффективного формирования общероссийского гражданского самосознания, воспитания культуры межнационального общения». Однако в реализации этих верных целей, как представляется, мы пока существенно не продвинулись. Создание Федерального агентства по делам национальностей (отчасти – возвращение к жизни федерального Миннаца), действующего на основе обновленных стратегических документов, прежде всего – программы по реализации государственной национальной политики, можно считать правильным шагом должного внимания к этой группе вопросов. Конечно, особая координирующая роль отводится учрежденному Министерству по Северному Кавказу, в котором сосредоточены работники, имеющие опыт работы на Юге России.

Потому настало время не допускать случаев подмены сути проблем утоплением ключевых задач в формальных, «галочных» мероприятиях фестивального типа, имеющих самый незначительный или эпизодический эффект в деле строительства российской гражданской нации. Можно ли свести государственную национальную политику в регионе к молодежным форумам и фестивалям? Не только молодежь и творческую интеллигенцию нужно шире вовлекать в интеграционные процессы. Научно-академическое и вузовское

сообщество Юга России, как и всей страны, по-прежнему нуждается в более высокой степени интеграции своих усилий, в большем научно-организационном и творческом обмене. Обмен студентами, организация межвузовских преподавательских курсов должны ослабить тенденцию к созданию замкнутых, самодостаточных «школ», формирующих у студентов конфликтные историко-политические установки.

Все более острой проблемой для устойчивого внутрироссийского развития Северокавказского региона становится кавказофобия, ведущая к психологическому взаимному отчуждению российских граждан. Нередко характер освещения в некоторых СМИ, в том числе в интернет-сетях, соответствующих проблем приводит к истерическому индуцированию фобий. В этой связи надо еще раз осмыслить, каким образом внутрироссийская кавказская политика должна противостоять ксенофобским настроениям в разных регионах страны. Когда-то учеба и жизнь в Москве для выходцев с Северного Кавказа были серьезной школой надэтнической, общегосударственной духовной интеграции. Сегодня они таковыми не оказываются.

Что касается ксенофобии, то проблема не в дефиците законов, призванных стоять на страже прав человека и охранять его от дискриминации. Дело в их неприменении, в неэффективности законов, в издержках правоприменительной и судебной практики. Преступления, имеющие очевидный общественный резонанс как связанные с ксенофобией, получают судебную оценку. Но резонансные преступления направлены не только против конкретных жертв. Они касаются значительно более широких групп людей. Такие дела не заканчиваются судебным приговором, но, к сожалению, тянут за собой целый шлейф общественных настроений.

В кавказской повестке дня остается проблемный вопрос об «альтернативном» российскому геополитическому присутствию на Кавказе. Общеизвестно, что значительные периоды своей истории Кавказ был ареной соперничества мировых и региональных держав. Обострение соперничества всегда сопровождалось здесь серьезным ухудшением ситуации. Есть признаки такого соперничества и сегодня, в частности, на Южном Кавказе, где некоторые местные политики стремятся «усилить» свои позиции с помощью не новой, но наивной установки: «Нужно больше Европы и Америки, чтобы было меньше России».

Политика устойчивого продвижения к стабильному и мирному Кавказу по обе стороны Главного Кавказского хребта может основываться сегодня только на сотрудничестве всех

государств. Попытки исключения России из общекавказских дел, даже если они предпринимаются под камуфляжем укрепления демократии и либеральных ценностей, движения стран Южного Кавказа «в Европу и НАТО» и т. д., не должны создавать геополитических иллюзий. Россия была и останется ключевым, важным фактором на кавказской политической и экономической арене. Проблема состоит в том, каков должен быть, если угодно, новый, реалистический взгляд мировых держав на Кавказ.

Глава 8
Большой Кавказ сегодня и завтра

Стратегия выстраивания добрососедских отношений. Республика Южная Осетия и Республика Абхазия. Действия России в общекавказском формате

В 2002 году Президент РФ принял решение провести обстоятельную подготовку и рассмотреть на пленарном заседании Государственного Совета Российской Федерации ключевые вопросы внешней политики. Замысел был направлен на активное участие в обсуждении такого масштабного вопроса, как внешняя политика, не только официальными дипломатами, но и руководителями субъектов, образующих нашу Федерацию. С двумя докладами было поручено выступать на Госсовете министру иностранных дел И.С. Иванову и мне, видимо, потому, что имел опыт внешнеполитической и дипломатической работы. Цель была двуединой, а именно сформулировать приоритетную повестку дня, придать обсуждению дискуссионный характер, обсудить экспертные точки зрения. Не легкая задача. Охотно и ответственно взялся за дело. В течение шести-семи месяцев были организованы многочисленные дискуссии представителей академической науки, политиков и дипломатов разных поколений и разного политического опыта. Все мысли и предложения задокументированы и находятся в текущем архиве Госсовета. Подготовка была завершена к концу 2000 года, а само заседание состоялось 23 января 2003 года. Событие ответственное даже для профессиональных политиков. В Кремлевском зале Президент, правительство, руководители республик и губернаторы, члены Совета Безопасности и т. д. После наших с И.С. Ивановым докладов содержательные выступления и, конечно, расставленные акценты на главных направлениях внешнеполитических задач. На передний план вышли вопросы углубления, как очевидного приоритета, связей со странами постсоветского пространства. Наступил период политической реальности в отношении СНГ, необходимость сосредоточиться на укреплении ядра государств СНГ, понимающих важность интеграционных проектов.

Спустя 15 лет стратегия выстраивания добрососедских отношений по всему периметру границ современной России остается актуальной. В перспективном направлении идут дела, не без сложностей и спотыканий, в Евразийском экономическом

союзе, будущее которого следует воспринимать в контексте формирования многополярного мира. Особое место для государств-союзников отводится ОДКБ, как форме коллективной безопасности.

Формула успешных двусторонних отношений была и остается звеном успеха. Однако решение острых региональных задач лежит в плоскости коллективных, солидарных траекторий. Именно поэтому автор книги счел нужным сказать подробнее о Большом Кавказе.

Динамичное развитие Кавказа как единого геополитического региона невозможно без сотрудничества на многостороннем межгосударственном уровне. Провоцируемый кризис в межгосударственных отношениях, когда одна из стран региона всячески стремится под зонтик НАТО, при этом спекулируя на «российской угрозе», показывает, что даже трудно добытые успехи в урегулировании острых конфликтов, каким явился мирный процесс в Южной Осетии в 1993–2003 годах, не гарантируют устойчивого мира без общекавказской системы коллективной безопасности.

В 2008 году на политической карте мира появились два новых, пока частично признанных государства – Республика Южная Осетия и Республика Абхазия. Появилась новая политическая реальность, удостоверяющая не столько кризис международного права, сколько несостоятельность политического курса, эксплуатирующего военно-силовые методы решения этнополитических проблем. Все более очевидной становится необходимость создания новых механизмов коллективной безопасности, которые бы позволили с годами восстановить здесь ресурсы межгосударственного и межнационального доверия, создать прочные гарантии мира, застрахованного от прорывов к власти различного рода радикалов.

На южнокавказском направлении два серьезных фактора. Во-первых, патовая ситуация в армяно-азербайджанском конфликте по Нагорному Карабаху препятствует какому-либо кардинальному прорыву к построению устойчивой, целостной системы отношений в формате «кавказской четверки». Но здесь активность России как определенного гаранта в балансе сил и интересов сторон еще приемлется обеими сторонами конфликта, что очень важно. Другая ситуация с официальным Тбилиси. Элита Грузии отчетливо ориентирована на получение некоего неформального статуса «привилегированного члена НАТО в регионе», отсюда и характер ее отношения к России, стремление ослабить ее геополитическую роль.

Само подобное поведение тбилисского руководства

политиков во многом сформировалось по причине ослабления роли России в 1990-х годах. Между тем глубокое, стратегическое осмысление будущего говорит о важности программы, соответствующей интересам и чаяниям народов Кавказа и России, долговременной стратегической линии в регионе. Позиция действующего государственного руководства РФ основана на признании геополитического единства Кавказа, и отсюда объективное наличие интересов России в регионе.

Уверен, что исторической альтернативы новым формам интеграции Кавказа как единой геополитической и человеческой реальности нет. Сохранение позиций нашей страны и обеспечение добрососедских отношений на Кавказе объективно соответствует геополитическим и экономическим интересами самих южнокавказских государств.

Развитие сотрудничества со странами Южного Кавказа предполагает опору на соответствующие организационные механизмы, выстраиваемые на различных уровнях общественно-политического и экономического взаимодействия. Речь идет не только о возможностях двусторонних межгосударственных соглашений или о функционировании надгосударственных структур. Важную роль в наращивании комплекса сотрудничества между государствами региона играет подключение возможностей региональных и местных властей, а также всего негосударственного (неправительственного) сектора, который на Кавказе традиционно сохранял значимое место в развитии трансграничных, интеграционных связей. Существенно, что подключение к выстраиванию комплекса межгосударственных отношений приграничных регионов будет способствовать созданию организационно-правовых ниш для налаживания отношений в зонах военно-политических конфликтов. В этом случае откроются возможности для значительно большей вариативности самих политико-правовых моделей урегулирования, когда Абхазия и Южная Осетия перестанут восприниматься как «точки противостояния», станут территориями межгосударственного сотрудничества и устойчивого мира.

Многоуровневое интеграционное строительство на Кавказе предполагает использование исторически сложившихся хозяйственных и культурных связей и создание новых институтов и форм деятельности, соответствующих перспективам развития экономик и гражданского общества наших стран. Важно, что многоуровневое интеграционное строительство позволит создать более надежный «страховочный ресурс» на случай возможных эпизодических кризисов в межгосударственных отношениях и

необходимое основание для исторической прочности таких отношений на Кавказе.

Действия России в общекавказском формате по-прежнему основываются на весомом культурно-историческом наследии и высокой степени трудового вовлечения граждан южнокавказских государств в российскую экономику, а в последнее время и в сферу активности российского бизнес-сообщества на территории этих государств.

Организационной площадкой для использования новых возможностей интеграции могло бы стать проведение Общекавказского форума по стабилизации и перспективам устойчивого развития Кавказского региона. Центральная идея форума, объединяющего усилия представителей наиболее авторитетных общественных объединений России и государств Южного Кавказа, – определение путей к созданию качественно иной общественно-политической атмосферы в регионе. Сейчас в Южнокавказском регионе сохраняется «ситуация развилки»: или перехода к устойчивому функционированию национально-государственных институтов, или возвращения к воспроизводству политических кризисов. И именно сейчас важно сформулировать солидарные и влиятельные определения уроков трудных 1990-х годов и самых последних драматических событий 2000-х. Именно сейчас важно определить контуры консенсуса влиятельных общественных сил. Этот консенсус должен касаться общих перспектив региона и упредить вероятность нового дрейфа от политических кризисов к межнациональным потрясениям.

Необходимым условием внутрироссийского плана остается качественное выстраивание собственного российского национального законодательства по приграничному сотрудничеству и соответствующей ведомственной практики на местах. Один из критериев качества здесь – это наращивание, а не сокращение массива легальных трансграничных хозяйственно-экономических отношений и культурных связей (совместные фирмы и торговые центры, образовательные и научно-исследовательские проекты и т. д.). Концепция развития приграничного сотрудничества в РФ, равно как и соответствующий федеральный закон в будущем, должны выступать своего рода подготовленным и удобным российским терминалом для создания более широких возможностей Южного Кавказа, его человеческого и политического капитала на российском экономическом и гуманитарном направлении. Эта функция должна быть характерна не только для специального законодательства по приграничному сотрудничеству, но и для всего правового комплекса, регулирующего отношения на

приграничных территориях и трансграничные связи на Кавказе. Такой подход – путь к эффективному сотрудничеству и стабильным отношениям.

Важно продолжение необходимой работы (дипломатической, экспертной) по подготовке и заключению модельных двусторонних соглашений по жизнеобеспечению на сопредельных/приграничных территориях (Россия – Грузия, Россия – Азербайджан). Реализация таких соглашений могла бы способствовать смягчению и нейтрализации определенных негативных эффектов, связанных с функционированием государственной границы в зонах проживания «разделенных народов».

Институциональное строительство – важный аспект интеграционных усилий России на Кавказе. Продуктивно может работать Ассоциация парламентариев законодательных органов южнокавказских государств и субъектов РФ Южного и Северо-Кавказского федеральных округов; работу этой ассоциации можно с пользой развернуть в качестве своего рода площадки для компетентного обсуждения актуальных проблем общерегионального и локально-приграничного характера (где могли бы присутствовать власти и проблемы не только общерегионального, но и местного уровня).

Важное направление внутренней перспективной работы в пределах приграничных субъектов ЮФО и СКФО – повышение информированности и подготовленности республиканских ведомств и местных администраций приграничных территорий РФ по всему кругу вопросов, связанных с приграничным сотрудничеством. В частности, по нормативно-правовым актам, касающимся приграничного сотрудничества: от известной Концепции приграничного сотрудничества и национального российского законодательства, регламентирующего такую возможность для приграничных территорий РФ, до международных соглашений (конвенций) и стандартов делопроизводства.

Определяющим препятствием, которое блокирует интеграционные процессы в Кавказском регионе, является сохранение негативного наследия этнополитических конфликтов начала – середины 1990-х годов и их новейшая эскалация в 2008 году. Насыщенный внутренними конфликтами Кавказ – весьма удобная площадка для разворачивания здесь различных импортных стратегий урегулирования, разработчики которых в целом преследуют интересы, далекие от общекавказских. Некоторые из этих стратегий носят целостный характер и достойны тщательного изучения. Другие – пример опасного

экспериментирования на грани провокации (таким, в частности, были известные «модели урегулирования», подтолкнувшие Грузию к созданию так называемых альтернативных правительств в Верхней Абхазии и в грузинском анклаве в Южной Осетии).

Еще в 1999 году Гейдар Алиев на Стамбульском саммите ОБСЕ выдвинул идею подготовки договора для Кавказского региона, аналогичного «Пакту о стабильности в Восточной Европе», назвав его «Пактом безопасности и сотрудничества на Южном Кавказе». К участию в нем приглашались закавказские государства, Турция, а также Россия, США и ЕС. В 2000 году появился турецкий «Пакт стабильности для Кавказа», выдвинутый президентом Турции Демирелем. Известно армянское предложение по региональной безопасности 2001 года (по формуле «3 + 3 + 2»: Азербайджан, Армения и Грузия плюс Россия, Иран и Турция при участии ЕС и США в роли наблюдателей). Наконец, в 2004 году Германия вышла с инициативой «Пакт стабильности для Кавказа», который предусматривал – при сохранении ведущей роли России – фактически тот же круг участников. Представляется, что именно такое расширение пакта сделало его невозможным. Перспектива прямого диалога между кавказскими государствами – это путь к успеху. Обрести преференциальную поддержку третьих стран, находящихся вне региона, – это как минимум иллюзия.

Интересам России и других кавказских государств отвечает проведение инициативной стратегии по выработке или обновлению концептуальных основ урегулирования конфликтов и созданию перспективных организационных форм для такой работы. В этой связи необходимо продумать возможности по созданию кавказского «Совета по урегулированию»: ключевым концептуальным моментом в содержательной работе Совета мог бы стать поиск моделей урегулирования в рамках общекавказского интеграционного процесса и соответствующих гарантий.

Совершенно ясно, что интеграционной стратегии на кавказском направлении необходимо придать более качественную экспертную оснащенность. Эта задача может быть сформулирована иначе: необходимо более тесное взаимодействие официальных государственных структур различного властного уровня и ведомственного профиля с отечественными научно-исследовательскими учреждениями. Нужно вспомнить о таком эффективном механизме «обкатки» скоординированной и одновременно оперативной политической активности по конкретным вопросам, как Совет по Кавказу. Здесь на регулярной основе можно было бы проводить ситуационный анализ,

обеспечивать должное информационное взаимодействие и в итоге способствовать выработке единой линии поведения различных ведомств и структур в отношении конкретных вопросов по кавказскому направлению.

Развитию приграничного сотрудничества, преодолению последствий конфликтов и качественному экспертному оснащению российской кавказской политики в целом послужит налаживание мониторинговой системы, прослеживающей динамику ситуации как на локальном, оперативном, так и на общерегиональном, стратегическом уровнях. Важность налаживания мониторинга региональных конфликтов и постконфликтного развития связана также с необходимостью преодоления явного дефицита исследований, касающихся анализа общественного мнения, политико-правовых моделей урегулирования и миротворческой роли России в реальной стабилизации в конфликтных зонах. Существующий опыт урегулирования в целом не получает достаточной аналитической проработки и пока, к сожалению, не имеет публичного резонанса в общественном мнении государств Южного Кавказа. А усилия России в августовской войне (по принуждению зарвавшихся политиканов к должной мере адекватности) благодаря экспертной активности внекавказских государств пытались использовать для дискредитации исторической роли России в регионе. Поэтому назревшей потребностью является укрепление организационной основы для проведения исследований по истории и современным проблемам региона. Давно надо было согласиться, что вопросы истории Кавказа есть не только «музейно-этнографическое» или военно-патриотическое прошлое, но не что иное, как устойчиво актуальная и всегда современная проблематика, связанная с самими основами духовно-идеологического и политического присутствия России на Кавказе. Учитывая сказанное, необходимо еще раз вернуться к рассмотрению вопроса об учреждении непосредственно в пределах Северного Кавказа Института по истории и современным проблемам Кавказа, входящего в структуру Российской Академии наук. Наконец, усилия на южнокавказском направлении, да и в целом на Кавказе, предполагают необходимость вернуться к рассмотрению вопроса об организационной составляющей собственно информационной политики на российском Кавказе и по кавказской проблематике в общенациональных российских СМИ. Здесь обнаруживается двуединая задача: (а) обеспечение значительно более существенного информационного присутствия России, российских интересов и оценок на южнокавказском

информационном (а значит, и духовно-идеологическом) поле; (б) изменение в доминирующих образах Кавказа и кавказских проблем в общероссийском общественном мнении. В рамках данной задачи важно повышение как технической оснащенности вещательных центров на Северном Кавказе, так и создание концептуально продуманных авторских программ на ведущих отечественных медиаканалах.

Трудно переоценить возможности творческой, гуманитарной интеллигенции, творческих коллективов страны в интеграционных процессах на кавказском направлении. Федеральные программы, подобные известной программе «Культура России», могут включать конкретные проекты, которые бы обеспечивали широкое и регулярное «экспортное» присутствие российской и русской культуры в государствах Южного Кавказа. В частности, желательно расширение формата ежегодного российского фестиваля «Мир Кавказу» за счет приглашения к участию в нем творческих коллективов из государств Южного Кавказа.

В качестве перспективных механизмов можно упомянуть и различные программы вузовского обмена, а также восстановление в определенном виде практики, позволившей десяткам тысяч студентов из Закавказья получить высшее образование в вузах России (в том числе – северокавказских). Среди особо важных проектов, уже востребованных сегодня, – поддержание позиций русского языка в качестве языка межнационального общения в кавказском регионе в целом и на Южном Кавказе в частности. Русская языковая среда – фундаментальный фактор интеграционных процессов на Кавказе. Необходима поддержка и поощрение представителей кавказских народов, активно содействующих укреплению русского языка в кавказском регионе, в том числе в рамках межвузовского диалога, совместных научно-исследовательских программ, культурного сотрудничества.

Назревшей задачей для внешней политики РФ является усиление российского участия в активности общеевропейских организаций на кавказском направлении. Кооперация с Западом в экономических и гуманитарных вопросах есть альтернатива соблазну западных партнеров придать своей стратегии на Кавказе военно-политическую направленность с подтекстом: «меньше России, больше Европы».

Для координации усилий бизнес-сообщества кавказских государств имеет смысл рассмотреть возможность учреждения общекавказской Торгово-промышленной палаты (при участии торгово-промышленных палат субъектов Северо-Кавказского региона и сопредельных территорий Южного Кавказа) или

проведения серии общекавказских экономических форумов, ярмарок, выставок. Российское бизнес-сообщество могло бы также обсудить возможность создания – автономно или с участием субъектов РФ – Фонда содействия развитию Кавказского региона. Одной из целей фонда могло бы стать объединение на местном уровне усилий неправительственных организаций и органов власти в сфере новых инициатив приграничного сотрудничества. Особое место в задачах фонда могла бы занять поддержка экономических и исследовательских проектов, имеющих ясную интеграционную составляющую, реализуемых как в государствах Южного Кавказа, так и в субъектах РФ Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Следует отметить также, что продуктивным каналом в налаживании общерегиональных хозяйственно-экономических связей может стать Ассоциация городов Юга России с расширением представительства в ней городов сопредельных стран.

Роль и интересы Северной Осетии в этих интеграционных перспективах – совершенно определенные. Само географическое положение республики обусловливает ее исключительную заинтересованность в развитии многосторонних связей, объединяющих разные территории и государства Кавказского региона. Через территорию республики проходят две действующие перевальные автодороги – Транскам и Военно-Грузинская. В свое время были завершены изыскательские работы и даже начато строительство Кавказской перевальной железной дороги (по линии Беслан – Октябрьское – Тарская долина – Таргимская долина в горной Ингушетии – Грузия). Строительство, только начавшись, было прекращено в 1988 году, когда в Грузии стала подниматься волна сепаратизма и национализма, тогда еще под видом «экологического движения».

В 1998 году руководство Северной Осетии вышло на федеральный уровень с инициативой создания на территории республики ряда необходимых инфраструктурных объектов в рамках проекта «Южные ворота». Эта инициатива была поддержана председателем правительства РФ академиком Е.М. Примаковым, другими государственно мыслящими руководителями. Мы понимали, что, несмотря на сложности и противоречия в российско-грузинских отношениях, несмотря на трудности в поиске согласованных путей полномасштабного урегулирования грузино-югоосетинского конфликта, уже сегодня нужно создавать задел для позитивного будущего. Важно строить современные дороги, таможенные терминалы, развивать всю инфраструктуру дорожного обслуживания, создавать новые возможности для примыкающих к осевым магистралям зон

туристического развития. Уверен, что такие перспективы, безусловно, должны отражать интересы всех вовлеченных сторон, в том числе и Южной Осетии, которая непременно превратится в важнейшую транспортную и туристическую зону на Центральном Кавказе. Наши представления о стабильном, устойчиво развивающемся Кавказском регионе опираются на убеждение в том, что объединяющим стратегическим интересом всех государств и территорий нашего края является создание атмосферы сотрудничества и доверия. Одной из целей такого сотрудничества является отказ от блоковой политики на Кавказе, от политики, которая разрывает геополитически и исторически единый край на отдельные фрагменты-«плацдармы» соперничающих центров влияния. Южный Кавказ невозможно оторвать от Южной России без ущерба народам, проживающим по обе стороны Большого Кавказского хребта.

Эпилог
(или P. S.)

Завершаю работу над книгой. Правильно поступил, хотя дается это занятие нелегко. Замысел написать – источник вдохновения, а сам процесс – подневольный труд. Вспоминать события, снова пропускать их через сердце и чувства – все равно что проживать «на бегу» свою жизнь, с ее яркими временами и сложными порогами.

Книга, конечно, из серии мемуарных. Все или почти все, о чем рассказываю, происходило с моим участием. Многому я был очевидцем.

Уже дописывая последние строки, почувствовал, как стремительно отдаляется от нас время исторических событий, время большого противостояния. Чрезвычайно насыщенное и, несмотря на вызовы судьбы, полное динамики, борьбы, риска, побед, зримых добрых дел и, увы, неудач и несбывшихся мечтаний. Если бы можно было все начать сначала, я постарался бы проявить большее прилежание в ведении дневниковых записей. И все-таки возможность следовать принципу достоверности была соблюдена. В моем архиве сотни, а может быть, и больше рукописей, текстов моих выступлений в стране и за рубежом, книги и другие материалы, авторами которых являются политики и государственные деятели, упоминаемые в этой книге. Благодарю руководство МИД нашей страны за предоставленную возможность спустя десятилетия прочитать заново записи бесед, дискуссий с лидерами национально-освободительной антиколониальной борьбы, пожелтевшие от времени шифротелеграммы, направленные мною из Каира, Дамаска, Бейрута, Нью-Дели, Дар-эс-Салама, Аддис-Абебы, Ханоя, других столиц и городов. Новое погружение в эти тексты воспроизвело в памяти колорит эмоций, деталей, образов собеседников, напомнило о сути событий.

Читатель, наверное, обратил внимание, что я подробно рассказал о времени работы в советском Комитете солидарности стран Азии и Африки. Мы располагались в московском особняке по адресу ул. Кропоткинская, 10 (ныне Пречистенка). Символы, как и образы, память о прошлом, имеют значение не только в культуре, но и в политике. Порог особняка на Кропоткинской переступали личности с мировой известностью. Не только представители Востока, но и интеллектуалы Запада, стоявшие на правильной стороне истории, выступавшие против колониализма

и апартеида. Если на этом доме установить памятные доски в память о посетивших его выдающихся людях, занятым окажется весь фасад.

Глубокие потрясения и изменения, произошедшие в нашей стране на рубеже XX–XXI веков, отвлекли внимание от Большого Востока. Новое поколение российского чиновничества поспешно развернулось на Запад и отвернулось от Востока. Появилась даже прослойка «политического мещанства», считавшего, что «мы – Европа, а все остальное нам не интересно». К счастью, это продолжалось недолго. Для современной России одинаково важны оба вектора сотрудничества. Долг политиков и дипломатов старшего поколения – стимулировать интерес к странам Азии и Африки, к постколониальному миру, искать новые возможности для широкого сотрудничества с быстро развивающимися Китаем и Индией. Восточное направление внешней политики заслуживает того, чтобы политики, ученые и, конечно, литераторы, деятели культуры и кинематографа обращали на него самое серьезное внимание.

Я старался ответственно и достоверно излагать события, предшествовавшие распаду СССР, делать выводы, которые базируются на твердом убеждении, а не на конъюнктуре момента. Признаюсь, что иногда десятки раз возвращался к написанному, чтобы проверить собственную объективность, оценить уместность сосредоточенности на отдельных персонах. Не признаю и не оправдываю в мемуарной литературе оскорбительную лексику и тем более вымысел.

В ходе работы над разделами о советском времени главной базой был материал моего личного опыта работы в партийно-политических верхах. Всего 13 (!) месяцев, но они вместили события столь высокой плотности, что их хватило бы на десятилетия. На Старой площади – дела партийные. В Кремле другая сфера деятельности как члена Президиума Верховного Совета и председателя Комитета по международным делам.

При работе над книгой я пользовался копиями документов, оставшихся в ЦК КПСС, а ныне находящихся в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ), в том числе тезисами моих выступлений в разных аудиториях – от партийных до университетских, во время встреч с шахтерами, коллективом ЗИЛа, командным составом Вооруженных сил СССР и т. д. Перелопатить все материалы, конечно, невозможно. Знаю, что такие архивы сегодня заполучить сложно. Тем более благодарен моему бывшему советнику, профессору В.Ф. Ли, который в 1993 году, как настоящий ученый, понимая ценность архивов, в отличие от меня сделал все вовремя.

Прошло более четверти века со времени дезинтеграции СССР. Интерес к тому, что и как было в СССР, очень большой. Этот интерес растет. Мотивы неспадающего внимания к советской эпохе разные. Здесь поле для политически острых, даже эпатирующих точек зрения. Для одних цель – остановить шквал вымыслов и фальсификаций, сберечь образ великой страны с ее бесспорными победами, но не скрывая упущения и даже трагедии. Цель других – очернение прошлого и желание видеть только перегибы.

Советский Союз был большим цивилизационным массивом. В будущее надо взять все хорошее, не скрывая ошибок, рассматривая их как горькие уроки. Уверен, что наступит время, когда сложится новое поколение ученых-историков, изучающих СССР, появятся глубокие, а не поверхностные суждения.

В основе решения проблем общества, народа лежат все те же идеалы, убеждения, ценности. Именно они создают у людей чувство общности, основу достижения успеха, в том числе в материальной жизни.

Судьбы людей, находившихся на общесоюзных политических и государственных должностях к моменту распада нашей большой страны, сложились по-разному. Это отдельная история. Мне кажется, что в обстановке политического хаоса было очень важно сохранить достоинство. Даже в случаях предсказуемых изменений политической реальности не приковывать себя к «флюгеру», который поворачивается, куда ветер дует. Понимать, что за одну биологическую жизнь нельзя прожить несколько политических жизней.

В судьбоносное время политик стоит перед необходимостью сделать свой выбор. Я решил вернуться на родину, в Осетию, к корням, к народу, к которому имею честь принадлежать.

Годы работы на Кавказе занимают особое место в моей памяти. На это время выпали испытания на прочность вековых связей народов России. Испытывалась российская судьба кавказских народов. В этой книге с любовью к родным местам я старался показать, как государственное руководство и мы, работавшие на Юге России, солидарно взаимодействовали для искоренения сепаратизма и экстремизма, создания условий для созидания и благополучия.

Внимание Президента РФ В.В. Путина к программным задачам на Северном Кавказе открывало возможности для широкого, публичного обсуждения кавказской повестки дня. Приведу примеры. 22 ноября 2000 года на заседании только что учрежденного Государственного Совета я выступил в Кремле по вопросам стратегической роли Северного Кавказа для России,

позже – на заседании Президиума Госсовета о состоянии учебно-образовательных школьных и вузовских программ в контексте толкования исторических событий. В «Российской газете» 19 января 2005 года была опубликована моя статья «Российский национальный проект. Ответ на угрозы ксенофобии и терроризма». Тогда обстановка на Юге России была намного сложнее, чем сегодня. Мы должны были говорить об этом в принципиальном ключе. Это, как показало время, пошло на пользу делу.

Работа над текстом – процесс бесконечный. Назову центральную мысль. После эпохи биполярного мира и произошедших крупных изменений наступило время нового геополитического мироустройства. Россия сосредоточена на укреплении основ многонационального суверенного федеративного государства и сохранении своей важной исторической роли в системе международных отношений.

Активный жизненный путь и в почтенном возрасте не освобождает человека от размышлений о будущем. Давно уже нет длинных путешествий по миру, как и прямых должностных обязанностей, требующих принятия решений. Общественная деятельность реализуется в активном участии в работе в Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО, где я являюсь заместителем председателя, в делах Российского совета по международным делам в качестве вице-президента, а также председателя Общества российско-сирийской дружбы. Если бы меня спросили, намерен ли браться за новую книгу, не сказал бы нет. Мечтаю рассказать о знаменитых личностях, талант и мудрость которых ярко проявились, к их счастью, не в политике, а в культуре, поэзии, живописи, музыке, в пространстве счастливого человека.

Встречи и знакомства в разных странах и на разных континентах с мастерами творчества оставили в памяти масштабы собеседников, глубину их мыслей, пророческие взгляды на будущее. Человек, даже если он велик, тем не менее имеет свои особенности, привычки, характер и даже странности. Все это раскрывает его образ как личности, о чем я и хотел бы написать.